

РОССИЙСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

9(4)

4

Б 90 Буркгардт Я.

Культура Италии.
В эпоху Возрождения

1904 Т. 1

~~162735~~

Яковъ Буркгардтъ

КУЛЬТУРА ИТАЛІИ

ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ

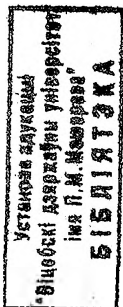
ПЕРЕВОДЪ

С. Бриліанта

съ 8-го изданія, переработаннаго

Людвигомъ Гейгеромъ

523986

Томъ I

С. - ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія „Герольдъ“, Вознесенскій пр., № 3

1904

КУЛЬТУРА ИТАЛІИ

ВЪ ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНІЯ

ТОМЪ I

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Государство какъ предметъ искусства.

	стр.
Глава I. Введеніе	1— 6
Политическое состояніе Италіи въ XIII вѣкѣ. — Норманское государство Фридриха II. — Эццелино. — Вліяніе Фридриха II и Эццелино. — Тираны XIV вѣка.	
Глава II. Тиранія XIV вѣка	7—16
Тираны XIV вѣка. — Финансы. — Дворъ. — Идеаль правителя. — Опасность тираніи. — Необезпеченность наслѣдственныхъ правъ. — Ненависть флорентійцевъ къ тираніи. — Пышность. — Возвышеніе и паденіе дома Висконти. — Джіангалеаццо. — Джіованни-Марія.	
Глава III. Тиранія XV вѣка	17—31
Тиранія XV вѣка. — Контрасты. — Незаконная власть. — Вмѣшательство императоровъ. Карль V. — Сигизмундъ въ Италіи. — Фридрихъ III въ Италіи. — Внѣшняя политика. — Незаконное престолонаслѣдіе. — Кондотьеры-узурпаторы. — Кондотьеры и наемники. — Домъ Сфорца. — Джакопо и Франческо. — Пиччинино. — Гибель Пиччинино. — Послѣднія попытки кондотьеровъ.	
Глава IV. Малыя тираніи XV вѣка.	32—39
Своеволие мелкихъ тирановъ. — Бальони. — Изгнаніе Одди. — Кровавое вѣнчаніе въ Перуджии. — Проклятiе надъ домомъ Бальони. — Римини.	
Глава V. Главнѣйшія династіи въ XV вѣкѣ.	40—63
Арагонская династія. — Альфонсъ Неаполитанскій. — Ферранте. — Альфонсъ Калабрійскій. — Послѣдній Висконти. — Франческо Сфорца. — Галеацо Марія. — Людовикъ	

Мавръ. — Внутреннее управление. — Сыновья Л. Мавра. — Гонзаго и Монтефельтро. — Изабелла Гонзаго. — Федерико Урбинский. — Гвидобальдо. — Эсте въ Феррарѣ. — Городское благоустройство. — Налоги. — Симонія. — Личность государя. — Полицейскій контроль. — Злоупотребленія чиновниковъ. — Участиѣ народа въ огорченіяхъ государя. — Пышность.

Глава VI. Противники тираніи 64—71

Противники тираніи. — Остатки старыхъ партій. — Источники заговоровъ. — Убіиства въ церквахъ. — Вліяніе древности. — Катилинаріи.

Глава VII. Двѣ республики: Венеція и Флоренція 72—102

Венеція. — Венеція въ XV вѣкѣ. — Населеніе. — Государство и пауперизмъ. — Внутреннее спокойствіе. — Совѣтъ Десяти. — Венеціанскіе кондотьеры. — Внѣшняя политика. — Статистика. — Статистика населенія. Дебетъ и кредитъ. — Отсталость Венеціи. — Внѣшнее благочестіе республики. — Флоренція, начиная съ XIV вѣка. — Данте. — Статистика. — Статистика и культура. — Историки и бытописатели Флоренціи. — Причины будущаго паденія. — Политическія перевѣны. — Макиавелли и его discorsi. — Discorsi. — Сіена. — Генуя.

Глава VIII. Внѣшняя политика итальянскихъ государствъ . . 103—115

Венеція, какъ объектъ обвиненій. — Вмѣшательство чужеземцевъ и симпатіи къ Франціи. — Система равновѣсія. — Приобрѣтенія иностранцевъ въ Италиі. — Турки. — Папы. — Объективизмъ въ политикѣ. — Политическіе переговоры.

Глава IX. Война, какъ предметъ искусства 116—122

Знатоки и диллетанты въ военномъ искусствѣ. — Единоборство и дуэль. — Ужасы войны.

Глава X. Папство и угрожающая ему опасность 123—151

Внутренняя опасность. — Римъ при Николаѣ V. — Пій II. — Павелъ II. — Непотизмъ и его послѣдствія. — Инокентій VIII. — Инокентій VIII и симонія. — Александръ VI. — Чезаре Борджіа. — Намѣренія Чезаре. — Виды Чезаре на папскій престолъ. — Секуляризація. — Нераціональность средствъ Чезаре. — Ежедневныя убійства въ Римѣ. — Ядъ. — Смерть Чезаре. — Юлій II. — Личность Юлія II. — Вліяніе личности Юлія II на современниковъ. — Левъ X. — Политическіе планы Льва X. — Внѣшняя опасность. — Адриандъ VI. — Климентъ VII. —

Газграбленіе Рима. — Новыя симпатіи къ папству. — Реформація спасаетъ папство.

Завлюченіе	152—153
Патріотическая Италия.	

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Развитіе индивидуализма.

Глава I. Личность въ итальянскомъ государствѣ.	157—163
Средніе вѣка. — Деспоты. — Простые граждане. — Республика. — Изгнаніе. — Космополитизмъ. — Космополитизмъ, какъ симптомъ эпохи.	
Глава II. Завершеніе развитія личности.	164—170
Данте. — Личность въ XV вѣкѣ. — Л. Б. Альберти.	
Глава III. Извѣстность и слава въ эпоху Возрожденія	171—184
Данте. — Извѣстность гуманистовъ. — Петрарка. — Почитаніе знаменитыхъ мѣсторожденій. — Гробницы. — Знаменитые мужи древности. — Историческое преданіе. — Пантеонъ. — Слава на Сѣверѣ. — Демоническое честолюбіе.	
Глава IV. Юморъ и сатира въ эпоху Возрожденія	185—203
Новелла. — Сатира во Флоренціи. — Остряки и шуты. — Арлотто и Гонелла. — Шуты Льва X. — Пародія въ поэзіи. — Теорія юмора. — Злословіе. — Адрианъ VI — жертва юмора. — Пьетро Аретино. — Дѣятельность Аретино и ея оцѣнка. — Аретино и его покровители. — Аретино и Медичи.	

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Возрожденіе древности.

Глава I. Предварительныя замѣчанія.	207—212
Классическая древность. — Степень вліянія гуманизма. — Средніе вѣка. — Ваганты. — Возрожденіе въ XIV вѣкѣ.	

	СТР.
Глава II. Развалины древняго Рима	213—229
<p>Диттамондо. — Развалины Рима при папахъ Николаѣ V, Евгеніѣ IV и Піѣ II. — Происхождение отъ римлянъ. — Группъ римлянъ. — Римъ при Левѣ X. — Савтиментализмъ.</p>	
Глава III. Древніе писатели	227—242
<p>Древніе авторы въ XIV и XV вѣкѣ. — Любители книгъ. — Библиотеки. — Поджіо. — Урбинская библиотека. — Переписчики и scrittori. — Рукопись и печать. — Греческая ученость. — Изученіе восточныхъ языковъ. — Пико Мирандола.</p>	
Глава IV. Гуманизмъ въ XIV вѣкѣ	243—251
<p>Классическое образованіе. — Недостатки гуманизма. — Внутренняя необходимость возрожденія. — Данте. — Петрарка. — Боккаччіо. — Гуманизмъ и церковь. — Увѣнчаніе поэтовъ.</p>	
Глава V. Университеты и школы	252—261
<p>Итальянскіе университеты. — Профессора-гуманисты. — Свободное преподаваніе. — Школы гуманистовъ. — Витторино. — Гуарино (1374—1460).</p>	
Глава VI. Покровители гуманизма	262—279
<p>Никола Никколи. — Джіаночцо Манетти. — Веспасіано Бистиччи. — Медичи. — Классицизмъ, какъ основа образованія. — Гуманисты при дворахъ государей и папъ. — Левъ X и гуманизмъ. — Альфонсъ Великій. — Федерико, герцогъ Урбинскій. — Сфорца. — Людовикъ Мавръ. — Борзо и другіе тираны. — Сигизмундъ Малатеста.</p>	
Глава VII. Реставрація древности: эпистолографія и латинская рѣчь	280—295
<p>Высокій стиль канцелярій. — Стиль писемъ. — Краснорѣчіе. — Различныя поводы для произнесенія рѣчей. — Военное краснорѣчіе. — Латинская проповѣдь. — Новая риторика. — Упадокъ ораторскаго искусства.</p>	
Глава VIII. Латинскій трактатъ и историческое сочиненіе	296—303
<p>Историческій рассказъ на латинскомъ языкѣ. — Исторія среднихъ вѣковъ. — Начала критики. — Новая исторія.</p>	
Глава IX. Латинскій характеръ общаго образованія	304—312
<p>Подражаніе именамъ древнихъ. — Классическіе термины. — Латинскій языкъ и его господство. — Цицеронъ. — Латинская рѣчь.</p>	

	СТР.
Глава X. Ново-латинская поэзія	313—330

Латинскій епосъ.—Историческій жанръ.—Мифологія и буколика.—Новая исторія въ поэтической формѣ.—Эпическое стихотвореніе.—Эпиграмма.—Макароническая поэзія.

Глава XI. Паденіе гуманистовъ въ XVI вѣкѣ	331—342
---	---------

Взаимная вражда гуманистовъ.—Причины несчастій гуманистовъ.—Сравненіе съ софистами.—Помпній Лаэцій.—Академія.

Приложенія къ первому тому	343—427
--------------------------------------	---------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Карль IV	345
II. Вѣроломство Галеаццо Маріа	346
III. Траурныя одежды и обычаи	347
IV. Джиральди и Банделло о государяхъ	348
V. Убіеніе тирановъ	350
VI. Флоренція и Венеція	352
VII. Возрожденіе въ Венеціи	352
VIII. Дино Компаньи	353
IX. Статистика Рима	354
X. Сравненіе цѣвъ; богатства	356
XI. Политика Козимо и Лоренцо	361
XII. Лоренцо и Франція	—
XIII. Война и военное искусство	362
XIV. Убіеніе герцога Гандіа	363
XV. Патріотическіе голоса	365

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XVI. Мода у флорентійцевъ	366
XVII. Пандольфини и Альберти	—
XVIII. Изгнаніе	367
XIX. Позднѣйшіе писатели о Данте и Петраркѣ	368
XX. Воспоминанія о Кассіѣ и Овидіѣ	370
XXI. Статуя Виргилія въ Мантуѣ	371
XXII. Гробница Виргилія	372
XXIII. Біографіи знаменитыхъ личностей	373
XXIV. Бартоломео Фаціо и Паоло Кортезе	374
XXV. Шутка, насмѣшка, пародія	379
XXVI. О шутахъ	380

	СТР.
XXVII. Близорукость Льва X	381
XXVIII. Пасквино	382
XXIX. Римъ при Адрианѣ VI	384

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXX. Humanitas	386
XXXI. Carmina burana	387
XXXII. Трупъ римлянки	388
XXXIII. Группа Лаокоона и данныя о древности	389
XXXIV. Медицеская библиотека	390
XXXV. Урбинская библиотека	391
XXXVI. Замятка о библиотекахъ, собрательяхъ книгъ, цѣнахъ на манускрипты и книги	393
XXXVII. Наставленіе любителямъ книгъ Николая V	396
XXXVIII. Манускрипты; переписчики	396
XXXIX. Книгопечатаніе	397
XL. Отношеніе къ грекамъ	399
XLI. Свѣденія о грекахъ	400
XLII. Еврейскій языкъ	401
XLIII. Литературная дѣятельность евреевъ въ Италіи	404
XLIV. Наслѣдственность средневѣковыхъ воззрѣній	408
XLV. Вознагражденіе профессоровъ и др.	409
XLVI. Сочиненія о воспитаніи	411
XLVII. Бембо и Садолето	412
XLVIII. Ораторы, рѣчи и проповѣди	413
XLIX. Писатели-историки (Санудо, Серкамби, Новакула) L. Гомеръ. Взглядъ на него, какъ на энциклопедиста знаній	416 417
LI. Заимствованіе именъ древнихъ	418
LII. Значеніе латинскаго языка	419
LIII. Увлеченіе Цицерономъ	420
LIV. Освобожденіе отъ подражанія древнимъ	421
LV. Представленіе классическихъ комедій	422
LVI. Охоты Льва X	422
LVII. „Кориціана“	423
LVIII. Замячательные дѣти	424
LIX. Самоубійство	425
LX. Помпоній Лето	426

Списокъ новыхъ сочиненій, цитируемыхъ въ сокращенномъ видѣ въ настоящемъ изданіи.

- Alèa Selbstb. = Journal autobiographique du cardinal Jérôme Aleandre 1480—1530. Notices des manuscrits de Paris et Udine publiées par M. H. Omont: Notices et extraits des manuscrits de la bibl. nationale. t. 53 Paris 1896; 1—116.
- Altieri. = Li nuptiali di Marco Antonio Altieri publicati da Enrico Narducci, Rom 1873 г. gr. 4°.
- D'Ancona Origini = Alessandro d'Ancona, Origini del teatro italiano libri tre con due appendici sulle rappresentazione drammatiche del contado toscano e sul teatro mantovano nel sec. XVI. Sec. ediz. rivista ed accresciuta. 2 т. Turin 1891.
- Arienti=Gynevera de le clare donne di Joanne Sabadino de li Arienti a cura di Conrado Ricci e A. Bacci della Lega. Bologna 1888 (Scelta di curiosità letterarie. n. 223.
- Calmo Lettere=La lettere di messer Andrea Calmo riprodotte sulle stampe migliori con introduzione ed illustrazioni di Vitt. Rossi, Turin 1888 (Bibl. di testi inediti o rari III). Также введение Rossi 160 стр.
- Cian, Cavassico=Le rime di Bartolomeo Cavassico notajo bellunese della prima metà del secolo XVI con introduzione e note di Vittorio Cian e con illustrazione linguistiche e lessico a cura di Carlo Salvioni. 2 т. Bologna 1893—94 (Scelta di Curiosità letterarie vol. 246—247; первый томъ 282 стр. римск. содержитъ только введение.
- Cobelli = Cronache forlivesi di Leone Corbelli della fondazione della città sino all'anno 1498 publicate ora per la prima volta di sui manoscritti a cura del prof. Giosué Carducci e del dott. Enrico Frati con notizie e note del conte Filippo Guarini. Bologna 1874 (Mon. stor. Prov. della Romagna serie III, vol. I).
- Conti = Sigismondo dei Conti da Foligno, Le storie de'suoi tempi dal 1475 al 1510 ora per la prima volta publicate nel testo latino con ver-

sione italiana a fronte. 2 т., Rom 1883 (напечатано во Флоренции, ред. и издатель не названы. Напечатано по поручению министерства торговли и земледѣлія).

Creighton = A. History of the Papacy during the period of the Reformation by M. Creighton (1378—1557) 5 т. Лондонъ 1882—1894.

Delicado Lozana = La Lozana Andaluza (La gentille Andalouse) par Francesco Delicado (XVI вѣкъ). Traduit pour la première fois, texte espagnol en regard par Alcide Bonneau, 2 т. Paris 1888 (напечатано только 225 экземпля.).

Fulgosius = Baptistae Fulgosii factorum dictorumque memorabilium libri IX aucti et restituti. Antverpiae 1565.

Giorn. stor. = Giornale storico della letteratura italiana, diretto, e redatto da Arturo Graf, Francesco Novati, Rodoifo Renier, Turin, Loescher. Первый томъ вышелъ въ 1883 г. (Нѣсколько лѣтъ тому назадъ А. Г. выступилъ изъ редакціи). Это изданіе, въ особенности ея отдѣлы критическій и библиографическій, были мнѣ чрезвычайно полезны.

Gnoli = D. Gnoli, Le cacce di Leon X, Nuova Antologia, 3 serie vol. 43 стр. 433—458. 617—648.

Gothein = Zur Culturentwicklung Süditaliens in Einzeldarstellungen von Eberhard Gothein, Breslau 1886.

Lamansky = Secrets d'Etat de Venise; Documents, extraits, notices et études servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les Grecs, les Slaves et la porte ottomane à la fin du XV et au XVI siècle par Vladimir Lamansky. St. Pétersbourg 1884.

Landucci = Diario Fiorentino dal 1459 al 1516 di Luca Landucci continuato da un anonimo fino al 1452 pubblicato sui codici della comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Jodoco del Badia. Flrn. 1883.

Lapo Mazzei, также короче Mazzei = Ser Lapo Mazzei, Lettere di un notaro a un Mercante (Francesco Datini) del secolo XIV con altre lettere e documenti (всего б. 500) par cura di Cesare Guasti 2 т. Firenze 1880.

Legrand = Cent-dix lettres grecques de François Filelfe publiées intégralement pour la première fois d'après le codex Trivulzianus 873 avec traduction, notes et commentaires par Emile Legrand. Paris 1892 (Publications de l'école des langues orientales III serie XII vol.

A. Luzio — R. Renier = Mantova e Urbino. Isabella d'Este ed Elisabette Gonzaga nelle relazioni famigliari e nelle vicende politiche, Turin/Rom 1893.

Luzio—Renier=1893. 63. 64. 65. 97. 100. 101. 104. 105=A. Luzio e Rodolfo Renier, Il lusso di Isabella d'Este marchesa di Mantova I. Il guardaroba di Isabella d'Este II, III. Giolli e gemme IV—VI. L'arredo

- degli appartamenti VII—VIII. Accessori e segreti della toilette. Nuova antologia IV serie, vol. 63, 441—469, 64, 294—324, 65, 261—286, 666—688. 97—105 — La cultura e le relazioni letterarie di Isabella d'Este Gonzaga Giorn: stor. H. 97 (vol. 33) ср. 1—62; H. 100—101 (т. 34) ср. 1—97. H. 104—5 т. 35 ср. 193—257.
- Molmenti = P. Molmenti, La storia di Venezia nella vita privata dalle origini alla caduta della republica. Venedig 1880. Позднѣйшаго изданія я не могъ видѣть. На нѣмецк. изд. Bernardi Hamb. 1886.
- Morelli = *Chroniche di Giovanni di Jacopo e di Lionardo di Lorenzo Morelli* pubblicate et di annotazione e di antichi monumenti accresciute ed illustrate da Fr. Pdefonso di S. Luigi. Firenze 1785 (Delizio degli eruditi Toscani XIX).
- Muntz, *Antiquités = Les antiquités de la ville de Rome aux 14, 15 et 16 siècle*, Topographie, monuments, collections d'après des documents nouveaux par Eugène Muntz. Paris 1886.
- Pastor = Ludvig Pastor, *Исторія папствъ, съ конца среднихъ вѣковъ. На основаніи папскихъ секретныхъ архивовъ и многихъ другихъ. 1-й т. до избранія Пія II, 2 Авг. Freib. 1891. 2-й т. отъ Пія II до Сикста IV 2-е изд. Freib. бр. Herder 1894. 3-й т. отъ Иннокентія VIII до Юлія II 1 и 2 изд. Freib. 1895.*
- Pontano = *Lettere inedite di Giovanni Pontano in nome de'reali di Napoli* pubblicate da Ferdinando Gabotto, Bologna 1893 г. (Scelta di curiosità letterarie vol. CCXLIV).
- Renier, Fazio = *Liriche edite ed inedite di Fazio degli Uberti*; Testo critico preceduto da una introduzione sulla famiglia e sulla vita dell' autore per cura di Rodolfo Renier, Florenz 1883 (Raccolta di opere inedite o rare di ogni secolo della letti ital. т. 5). Введ. 32 ср.
- Rep. = *Repertorium für Kunstwissenschaft*. Redigirt von H. Janitschek und A. Voltmann.—Stuttgart seit 1878, von 1881 (т. IV) Janitschek, von XVII (1894) H. Thode und H. Tschudi.
- Rudiger, Dactius = *Studien zur humanistischen Litteratur Italiens. II. Andreas Dactius aus Florenz. Ein biografischer Versuch* von Wilh. Rüdiger. Halle 1897.
- Salutati письма = *Epistolario di Colluccio Salutati a cura di Francesco Novati*. Volume primo Rom 1891 (Istituto storico italiano, Fonti per la storia d'Italia т. 15) 2-й т. 1893; 3-й т. 1896; 4-й т. послѣдній.
- Santi = *Federigo di Montefeltro duca di Urbino cronaca di Giovanni Santi*. По Cod. Vat. Ottob. 1305, въ перв. разъ изд. Holtzinger Stuttg. 1893.
- Saviotti = Dott. Alfredo Saviotti, Pandolfo Collenuccio, umanista pesaresse del sec. XV. Studi e ricerche. Pisa 1888.
- Schmarsov = Aug. Schmarsow, *Melozzo da Farli*. Дополн. къ Исторіи искусствъ и культуры Италіи въ XV в. Берлинъ и Штутгартъ, V. Speemann 1886.

- Sercambi = Le croniche di Giovanni Sercambi Lucchese pubblicate sui memoscritti originali o cura di Salvatore Bonghi (Iust. stor. ital. Fonti) 3 т. Римъ 1892 м. 19--21.
- Venturi = A. Venturi L'Arte a Ferrara nel periodo di Borso d'Este (Riv. stor. ital. Anno II fasc. 4, 1885, 689--750, тираже orig. изд. Turin 1886.
- Vogelstein = Rieger = Geschichte der Juden in Rom von Hermann Vogelstein und Paul Rieger 2 т. Berlin 1895 Voigt.
- Zannoni = I precursori di Merlin Coccaj. Studi e ricerche di Giovanni Zannoni Cittadi Castello 1886.
-

Предисловіе къ седьмому изданію.

Предлагаемое сочиненіе явилось въ первый разъ въ 1860 году. Неизвѣстный почти совсѣмъ до того и еще молодой авторъ сразу завоевалъ себѣ громкое имя; книга разошлась и въ 1869 году послѣдовало второе изданіе въ одномъ томѣ и почти безъ всякихъ перемѣнъ. Въ то же время самъ Буркгардтъ, сохраняя живой интересъ къ тому-же предмету, почти всѣ свои силы посвятилъ историческимъ лекціямъ и занятіямъ исторіею искусствъ. Не имѣя времени для кропотливой подготовки новаго переработаннаго изданія, онъ поручилъ этотъ трудъ своему молодому другу Бернгарду Куглеру. Послѣдній съ радостью взялся за предпріятіе, но вскорѣ нашелъ себя вынужденнымъ отступить, считая недостаточной свою подготовку въ изслѣдованіи эпохи гуманизма и возрожденія. Мои работы о Рейхлинѣ и Петраркѣ, появившіяся въ 1871 и 1874 гг., обратили на себя вниманіе и были причиной того, что трудъ обработки былъ порученъ мнѣ; съ согласія автора, такъ какъ я считалъ это необходимымъ условіемъ принятія на себя такой задачи.

Такимъ образомъ явилось въ свѣтъ первое переработанное мною изданіе, третье по счету, въ двухъ томахъ, въ 1877—1878 г. и затѣмъ четвертое, также въ 2-хъ томахъ въ 1885 г. Пятое изданіе представляло перепечатку четвертаго (1896 г.) и, наконецъ, 6-е также безъ всякихъ перемѣнъ появилось тотчасъ послѣ смерти Буркгардта, 8 августа 1897 г.; оба изданія вышли безъ перемѣнъ, такъ какъ я не успѣлъ въ это время закончить предпринятыхъ съ этою

цѣлью работъ. Всѣ изданія, кромѣ упомянутаго 6-го, были въ рукахъ у автора и удостоились его одобренія. Последнее письмо его ко мнѣ отъ 4 марта 1896 г. гласило слѣдующее:

„Я вполне согласенъ со всѣми вашими перемѣнами въ пятомъ изданіи, а также намѣреніями вашими и г. Зееманна относительно предстоящаго 6-го изданія. Мнѣ ничего больше не остается желать и чувствуя съ годами, какъ уменьшается работоспособность, могу только радоваться столь неожиданному успѣху. Было время, когда я сомнѣвался въ томъ, что первое изданіе найдетъ читателей и все разойдется.

Приношу Вамъ искреннюю благодарность за приложенный Вами и еще предстоящій трудъ и прошу принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи.

Преданный Вамъ *Як. Бурггардтъ.*

Prof. emer.

Эти немногія строки были единственнымъ знакомъ личнаго участія Б. въ изданіи. Бесѣдовать съ нимъ объ этомъ предметѣ во время работы надъ этими изданіями мнѣ также почти не приходилось, такъ какъ я не оставался по долгу въ Базелѣ. Лишь въ 1874 г. я провелъ нѣсколько недѣль въ этомъ древнемъ городѣ и въ это время имѣлъ возможность нѣсколько разъ бесѣдовать съ замѣчательнымъ ученымъ. Въ письмахъ онъ былъ также мало расточителенъ. Онъ рѣшительно отклонилъ просмотръ рукописи и чтеніе корректуръ. Только при третьемъ изданіи я получилъ отъ него экземпляръ втораго съ нѣкоторыми замѣтками, не имѣвшими, впрочемъ, серьезнаго значенія. При четвертомъ изданіи онъ просилъ только объ одной поправкѣ. Въ моей переработкѣ этого труда я не обязанъ былъ держаться какого-нибудь указаннаго направленія и мнѣ предоставлена была полная свобода въ сокращеніяхъ, дополненіяхъ и перемѣнахъ. Тѣмъ не менѣе я считалъ долгомъ придерживаться какъ можно больше текста и авторскихъ положеній. Въ подтвержденіе моихъ намѣреній я позволю себѣ повторить сказанное мною еще въ предисловіи къ 3-му изданію: „Я

считалъ необходимымъ сохранить своеобразную печать, лежащую на этомъ произведеніи, получившемъ широкое распространеніе и высокую оцѣнку, благодаря главнымъ образомъ авторской индивидуальности. Поэтому текстъ въ общемъ и въ цѣломъ не потерпѣлъ измѣненій, хотя мнѣ и пришлось кое-что вычеркнуть и сдѣлать много краткихъ дополненій и вставокъ. Существенное обогащеніе текста произошло оттого, что въ него вошло много замѣчаній, занимавшихъ прежде безъ всякой надобности мѣсто въ „примѣчаніяхъ“. Примѣчанія находившіяся въ 3-мъ изданіи позади текста, въ четвертомъ и послѣдующихъ сдѣланы подстрочными, чтобы облегчить читателямъ пользованіе ими. Болѣе обстоятельныя толкованія и сопоставленія, на основаніи новыхъ источниковъ, помѣщены въ концѣ книги въ качествѣ „Приложеній“. Эти „приложенія“, также какъ и самыя примѣчанія, значительно дополнены и исправлены на основаніи найденныхъ въ послѣднее время новыхъ источниковъ и богатой литературы, посвященной изслѣдованію этихъ матеріаловъ. Мнѣ кажется лишнее особенно подчеркивать такого рода дополненія въ этомъ изданіи, такъ какъ свѣдущій читатель легко замѣтитъ ихъ самъ.

Буркгардтъ оставался доволенъ моимъ трудомъ, какъ это видно изъ его отвѣта отъ 15 декабря 1884 г., на извѣщеніе о приготовленіи къ выходу въ свѣтъ четвертаго изданія. Я привожу здѣсь этотъ отвѣтъ, чтобы опровергнуть неосновательное обвиненіе одного изъ его біографовъ.

Буркгардтъ пишетъ слѣдующее:

„Съ пріятнымъ удивленіемъ узнаю, что оказалась надобность въ четвертомъ изданіи и что оно даже уже готовится къ печати. Съ такимъ же довѣріемъ полагаюсь на Васъ въ этомъ случаѣ, какъ и при третьемъ изданіи. Вашъ талантъ и солидное знакомство съ предметомъ вполнѣ гарантируютъ успѣхъ обработки и не оставляютъ ничего больше желать. Нѣтъ надобности присылать мнѣ корректурныя листы, и я прошу Васъ объ одномъ: не стѣсняйте себя ни въ чемъ, что найдете нужнымъ въ вашей работѣ“.

Прошло почти десять лѣтъ, пока изданіе разошлось. Причина этого лежала, однако, не въ ослабленіи интереса къ этому сочиненію или въ пониженіи ея оцѣнки, а въ

томъ, что въ это время появились итальянскій, англійскій и французскій (послѣднихъ даже два) переводы этой книги и многіе предпочли переводъ оригиналу. (Всѣ переводы сдѣланы исключительно по редактированному мной изданію и на основаніи моей переработки).

Въ 1894 г. выяснилась необходимость немедленно выпустить новое изданіе, но новый матеріалъ до такой степени возросъ за это время, что я не могъ съ нимъ справиться, какъ этого желалъ-бы издатель. Въ виду этого мы рѣшили выпустить въ свѣтъ пока повтореніе 4-го изданія, безъ перемѣнъ.

Съ 1894 года я, хотя съ значительными перерывами, работалъ надъ измѣненіями и дополненіями. Весна и лѣто 1898 г. были посвящены исключительно обработкѣ. Трудъ принялъ очень широкіе размѣры, такъ какъ въ Итали, какъ разъ въ это время, начиная съ 1884 года, интересъ къ изслѣдованіямъ касающимся эпохи возрожденія чрезвычайно возросъ. Я постарался исчерпать всѣ періодическія изданія, какъ общія такъ и провинціальныя, „Giornale storico della Letteratura italiana“ и 100 томовъ Nuova Antologia. Подъ сокращ. назв. Arch. stor. слѣдуетъ разумѣть Archivio storico italiano; провинціальныя журналы обозначены однимъ только сокр. титуломъ: lomb. venet., rom. napol. et ligust. и т. д. Изъ новѣйшихъ большихъ источниковъ я воспользовался Bibliotheca di testi inediti o rari и Biblioteca di autori italiani, издаваемыми подъ руководствомъ Rodolfo Renier. Очень многимъ я обязанъ сборнику Fonti per la storia d'Italia, издаваемому Istituto storico italiano въ Римѣ, съ 1888 г., всего 30 томовъ (Іюль, 1898 г.) изъ которыхъ значительная часть относятся къ 14—16 вѣкамъ и къ области исторіи культуры, еще болѣе Scelta di curiosità letteraria (Болонья) впрочемъ не вполне исчерпанными.

Кромѣ этихъ сборниковъ я заимствовалъ много цитатъ изъ многочисленныхъ брошюръ и монографій. Въ приложенномъ здѣсь перечнѣ мы помѣстимъ подробныя заглавія сочиненій, которыми пользовались больше другихъ и упоминаемыхъ въ сокращеніи въ текстѣ. Въ ряду этихъ сочиненій указаны, однако, только такія, которыми мы пользуемся въ первый разъ для настоящаго изданія; цитаты, находившіяся въ третьемъ и четвертомъ изданіи удержаны въ

томъ-же видѣ. Только изъ двухъ чаще другихъ упоминаемыхъ источниковъ цитаты взяты по новѣйшемъ изданіямъ, а именно *Vespasiano Ristici* и *Infessura*. Подъ титуломъ *pozze* разумѣются особаго рода литературныя произведенія по случаю бракосочетаній, къ сожалѣнію ихъ трудно доставать; нѣкоторыми изъ нихъ я обязанъ любезности издателей, другія находились въ бібліотекахъ частныхъ лицъ и въ моей собственной коллекціи. Національная бібліотека въ Парижѣ также дала мнѣ благодарный матеріалъ во время моихъ занятій послѣ въ 1886 г. Но больше всего я извлекъ изъ собраній королевской бібліотеки въ Берлинѣ, въ продолженіи тридцати лѣтъ служившей мнѣ незамѣнимой поддержкой во всѣхъ работахъ. Нѣкоторыя рѣдкія печатныя произведенія я нашелъ въ Майнцской городской бібліотекѣ и многими указаніями обязанъ гг. др. Гардеру въ Берлинѣ, проф. Кауфману въ Будапештѣ, др. Лейнердту въ Кенигсбергѣ, др. Ригеру въ Потсдамѣ.

Буквою Z. обозначены въ примѣчаніяхъ дополненія, заимствованныя изъ новаго римскаго изданія проф. *Zirpel*'я.

Я не старался нагромоздить побольше заглавій, скорѣе, напротивъ, я уничтожилъ нѣкоторыя цитаты, находившіяся въ прежнихъ изданіяхъ. Мною приведены здѣсь большею частью тѣ книги, изъ которыхъ мною сдѣланы заимствования или извлечено что-нибудь. Надѣюсь, меня не упрекнутъ въ томъ, что кромѣ такихъ источниковъ, какъ собранія писемъ, хроники, автобіографіи, стихотворенія и т. п. я привожу новыя произведенія и цитирую новыхъ авторовъ, такъ какъ именно новѣйшіе труды въ этомъ направленіи содержатъ много неоспоримо серьезныхъ и заслуживающихъ вниманія данныхъ.

Такимъ образомъ новый матеріалъ и его обработка значительно превысили содержаніе прежнихъ изданій и повели къ увеличенію объема книги. Увеличеніе объема 7-го изданія зависѣло главнымъ образомъ отъ приложений. Мнѣ кажется, что выводы и сопоставленія, вытекающія изъ этихъ приложений, съ одной стороны подкрѣпляя наблюденія Буркгардта, съ другой дополняя ихъ, могутъ принести нѣкоторую пользу наукѣ. Надѣюсь, меня не упрекнутъ въ томъ, что я не воспользовался еще тѣмъ или другимъ сочиненіемъ, такъ

какъ весь матеріалъ неисчерпаемъ. Въ особенности должны быть снисходительны итальянскіе писатели, такъ какъ они легко могутъ пользоваться печатнымъ и ненапечатаннымъ, тогда какъ мнѣ многое осталось недоступнымъ, несмотря на всѣ усилія.

Изъ сказаннаго ясно, что система обработки въ существенныхъ чертахъ осталась та же. Въ началѣ у меня было намѣреніе передѣлать книгу послѣ смерти автора, но въ концѣ концовъ я отказался отъ этой мысли. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые взгляды автора вызываютъ теперь сомнѣнія, напримѣръ относительно языческаго характера и индивидуализма эпохи возрожденія, также взглядъ на отношеніе новаго времени къ среднимъ вѣкамъ, затѣмъ его сужденіе о Медичи, въ особенности о Львѣ X и паралели между нимъ и Юліемъ II и многое другое. Я знаю также, что такой логическій мыслитель и, несмотря на все стремленіе къ исторической правдѣ, субъективный умъ легко могъ составлять общія сужденія на основаніи отдѣльныхъ свидѣтельствъ. Мы могли-бы во многихъ случаяхъ противопоставить его отдѣльнымъ положеніямъ другія и разрушить выводы, сдѣланные авторомъ. Но при такомъ обращеніи съ книгой, она потеряла-бы свой характеръ, свою индивидуальность. Мы получили-бы такимъ образомъ болѣе основательное историческое произведеніе, но оригинальность произведенія сильно пострадала-бы при этомъ, другими слотрудъ сталъ-бы полнѣе, но это уже не было-бы произведеніе Буркгардта.

Но мы этого не хотимъ. Буркгардтъ представилъ гуманизмъ, какъ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени и такимъ образомъ проложилъ новый путь; онъ далъ возможность убѣдиться, что гуманизмъ заключалъ въ себѣ не одно только возрожденіе древней литературы, но и преобразование культуры во всемъ ея объемѣ. Толчекъ данный первымъ его опытомъ имѣлъ огромное значеніе. Нѣкоторыя противорѣчія и ощибки въ подробностяхъ не умаляютъ въ общемъ значенія этого драгоценнаго труда. Мы считаемъ необходимою данью уваженія къ этому труду сохранить его по возможности нетронутымъ въ общемъ и цѣломъ и считаемъ это вполне достижимымъ, не вступая въ разладъ съ настоящимъ научнымъ знаніемъ.

Я буду радъ, если товарищи по специальности одобрятъ сдѣланныя мной перемѣны и поправки въ текстѣ. примѣчанія и приложения и признають, какъ самъ Буркгардтъ, что мой трудъ отвѣчаетъ общему характеру книги,

Людви́гъ Гейгеръ.

Берли́нъ, 3 сентября 1898 г.

Предисловіе къ восьмому изданію.

Новое изданіе потребовалось гораздо скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, и это тѣмъ пріятнѣе, что въ это время появился упомянутый итальянскій переводъ. Въ настоящемъ изданіи упомянуты нѣкоторыя новыя періодическія изданія и монографіи. Изъ писемъ выдающихся знатоковъ настоящаго предмета я убѣдился въ томъ, что трудъ мой встрѣтилъ одобреніе. Я послѣдовалъ совѣту сотрудника *Revue critique*, Hauvett'a и снабдилъ приложение въ началѣ указаніемъ на его содержаніе; эти указанія вошли въ оглавленіе и облегчатъ въ нужныхъ случаяхъ справки желающимъ. Мною получено также много дополнительныхъ справокъ отъ М. Lehnerdt'a, проф. въ Кенисбергѣ, оказавшаго любезное содѣйствіе уже при выходѣ прежнихъ изданій, и отъ V. Kreizpach'a въ Краковѣ. Я съ удовольствіемъ воспользовался этими присылками и прошу всѣхъ принять мою благодарность. Въ значительныхъ перемѣнахъ и поправкахъ сравнительно съ предстоящимъ изданіемъ не было надобности. Знатоки, впрочемъ, замѣтятъ поправки въ нѣкоторыхъ примѣчаніяхъ и въ текстѣ.

Поручаемъ настоящее изданіе благосклонному вниманію тѣхъ-же друзей Буркгардта и предмета его изслѣдованій.

Людви́гъ Гейгеръ.

Берли́нъ, апрѣль 1901 г.

Глава I

В в е д е н і е

Политическое состояніе Италіи въ XIII вѣкъ. Вслѣдствіе предшествовавшей борьбы между папами и Гогенштауфенами политическое состояніе Италіи въ эпоху Возрожденія представляетъ характерныя особенности, по сравненію съ политическимъ строемъ другихъ государствъ на Западѣ. Во Франціи, Испаніи и Англии феодальный строй сложился такъ, что, съ теченіемъ времени, долженъ былъ естественнымъ образомъ вести къ образованію единой монархіи; въ Германіи феодализмъ, съ внѣшней стороны по крайней мѣрѣ, поддерживалъ государственное единство, и только въ одной Италіи ленная система не нашла почвы и не пустила прочныхъ корней. Въ XIV вѣкѣ императоры и короли при благоприятныхъ обстоятельствахъ встрѣчали въ Италіи, правда, торжественный пріемъ, но только въ качествѣ покровителей и защитниковъ итальянскихъ деспотовъ, а не въ качествѣ феодальныхъ господъ. Съ другой стороны, папство, съ его креатурами, приверженцами и духовнымъ авторитетомъ, было въ достаточной мѣрѣ сильно, чтобы мѣшать объединенію, но въ то же время слишкомъ слабо, чтобы самому создать такого рода объединеніе ¹⁾. Такимъ образомъ между императорами и папой мы видимъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ политическихъ единицъ, то возникшихъ еще ранѣе, то вновь образующихся. Въ ряду такихъ политическихъ образований находятся и города, сохранившіе

¹⁾ Machiavelli, Discorsi L. I, c. 12. E la cagione, che l'Italia non sia in quel medesimo termine, ne habbia anch'ella ò una Republica ò un principato che la governi è solamente la Chiesa; perchè havendovi habitato e tenuto imperio temporale non ò stata sì potente nè dital virtù, che l'habbia potuto occupare il restante d'Italia a farsene principato.

свободное управление, и цѣлыя области, подпавшія подъ власть тирановъ¹⁾. Въ этихъ независимыхъ отъ внѣшнихъ вліяній государствахъ впервые начинаютъ развиваться безъ помѣхи тѣ внутреннія начала, на которыхъ зиждется весь новый строй европейскихъ государствъ. Мы стоимъ здѣсь лицомъ къ лицу съ ужасающими проявленіями безграничнаго эгоизма, презирающаго всякое право и убивающаго въ зародышѣ всякое свободное начинаніе, но тамъ, гдѣ этотъ эгоизмъ теряетъ мрачную окраску и уступаетъ почему либо мѣсто другимъ побужденіямъ, возникаетъ новая историческая жизнь, и государство приобрѣтаетъ характеръ творчески построеннаго зданія, другими словами, оно становится „произведеніемъ искусства“. Новая жизнь проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, какъ въ республиканскихъ городахъ, такъ равно и въ тираническихъ государствахъ, при чемъ новыми началами обусловливается не только внутренній строй, но и внѣшняя политика городовъ и тирановъ. Въ настоящемъ изслѣдованіи мы ограничимся изученіемъ новаго строя въ тираническихъ государствахъ Италіи, такъ какъ они представляютъ наиболѣе законченный и ясно выраженный типъ новаго образованія: государства, какъ произведенія искусства.

Норманское государство Фридриха II. Внутреннее состояніе итальянскихъ тираній въ XIV вѣкѣ уподоблялось знаменитому въ своемъ родѣ норманскому государству, основанному Фридрихомъ II въ Сициліи и Нижней Италіи²⁾. Выросшій среди измѣнъ и опасностей, въ близкомъ сосѣдствѣ съ сарацинами, онъ отличался хладнокровной обдуманностью и неразборчивостью средствъ, и мы впервые видимъ на тронѣ въ его лицѣ типъ человѣка новаго времени.

1) Властители вмѣстѣ съ приверженцами называются *lo stato*, и это названіе присвоивается также мѣстности и населенію въ совокупности.

2) Винкельманнъ, *De regni Siculi amministrazione qualis fuerit regnante Friderico II*, Berlin 1859. A. del Vecchio, *La legislazione die Federico II, imperatore*, Turin 1874. Въ общемъ о Фридрихѣ II подробно писали Винкельманнъ и Шпрмажеръ. Въ новѣйшей литературѣ есть также много трудовъ, но они мало прибавляютъ къ прежнимъ взглядамъ. Ср. напр. В. Mitrowitsch, *Federico II e l'opera sua in Italia*. Triest, 1890 г.

Къ тому же онъ зналъ во всѣхъ подробностяхъ внутренней бытъ сарацинъ и крайній произволъ, царившій въ Нижней Итали, а также всѣ тѣ изысканныя средства, къ которымъ прибѣгали сарацинскіе государи съ одной стороны, и папы — съ другой, въ упорной борьбѣ за существованіе. Всѣ дѣйствія и распоряженія Фридриха II, особенно съ 1231 года, клонятся къ упроченію сильной королевской власти, къ полному уничтоженію ленной системы и къ превращенію народа въ безоружную массу, платящую подати въ наивышемъ размѣрѣ и лишенную всякой собственной воли. Онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю судебную власть и всѣ отрасли управления неслыханнымъ до сихъ поръ на Западѣ образомъ. Не лишая ленныхъ владѣльцевъ права суда, онъ подчинилъ, однако, всѣ ленные суды общеимперскимъ. Наряду съ этимъ онъ уничтожилъ всякое выборное начало, при замѣщеніи какой либо должности, подъ угрозой опустошенія провинившейся мѣстности и обращенія гражданъ въ крѣпостныхъ.

Онъ ввелъ акцизную систему и взималъ подати на основаніи точнѣйшей оцѣнки земельныхъ угодій, примѣняя при этомъ самыя жестокія мѣры, истязанія и мучительства, какъ это принято на Востокѣ, гдѣ, правда, трудно заставить людей добровольно что-нибудь выпустить изъ рукъ. Мы видимъ здѣсь, въ концѣ-концовъ, уже не народъ, а сборище подданныхъ, находящихся подъ строгимъ контролемъ; такъ, между прочимъ, никто не имѣетъ права жениться за-границей безъ особаго на то разрѣшенія; ни въ какомъ случаѣ не дозволяется также учиться внѣ предѣловъ королевства, въ особенности въ гвельфской Болоньѣ. Король щедро поддерживалъ университетъ въ Неаполѣ, но въ то же время здѣсь впервые примѣняются къ аудиторіи стѣснительныя мѣры, тогда какъ на Востокѣ по крайней мѣрѣ чистая наука не подвергалась ограниченіямъ. Съ другой стороны Фридрихъ II оставался вѣренъ восточнымъ образцамъ въ томъ, что самъ велъ торговлю на всемъ пространствѣ Средиземнаго моря, удерживая за собой исключительное право торговли солью, металлами и многими другими предметами, и мѣшалъ такимъ образомъ коммерческимъ оборотамъ своихъ подданныхъ.

Калифы-фатимиды ¹⁾, съ ихъ тайнымъ невѣріемъ, отличались — по крайней мѣрѣ въ началѣ — терпимостью къ религіознымъ убѣжденіямъ подданныхъ, Фридрихъ II, напротивъ, увѣнчалъ свою систему преслѣдованіемъ еретиковъ, при чемъ къ вѣщему стыду его надо замѣтить, что еретиками въ его глазахъ являлись главнымъ образомъ граждане, отстаивавшіе свободу въ общественной жизни и городскомъ управленіи.

Онъ образовалъ свою внутреннюю полицію, а также главное ядро своей воинствующей арміи изъ сарацинъ. Эти люди, переселившіеся изъ Сициліи въ Ноцеру и Люцерію, были вполне пригодны для его цѣлей, такъ какъ церковныя отлученія не могли ихъ устрашать, а къ бѣдствіямъ народа и къ чужому горю вообще они, по натурѣ своей, оставались глухи. Народъ, разучившійся владѣть оружіемъ, въ послѣдствіи не могъ помочь Манфреду въ его паденіи и почти безъ сопротивленія призналъ владычество надъ собой Карла Анжуйскаго, при чемъ послѣдній, вмѣстѣ съ короной Гогенштауфеновъ, наслѣдовалъ также весь правительственный механизмъ Фридриха II и съумѣлъ этимъ воспользоваться.

Эмеллино. Намѣстникъ и зять самовластнаго и деспотическаго короля, Эмеллино-да-Романо, въ качествѣ узурпатора и тирана, занимаетъ исключительное мѣсто рядомъ съ тестемъ въ исторіи своего времени. Хотя съ его именемъ и не вяжется представленіе о какой бы то ни было системѣ управленія, такъ какъ вся его дѣятельность уходила на борьбу за власть въ Верхней Италіи, тѣмъ не менѣе онъ, подобно своему царственному защитнику, долгое время служилъ политическимъ образцомъ для потомства. Всѣ завоеванія и насильственные захваты власти въ средніе вѣка совершались обыкновенно на основаніи, если не безспорныхъ, то, по крайней мѣрѣ, хоть сомнительныхъ, наслѣдственныхъ и другихъ правъ, или же являлись результатомъ побѣды надъ невѣрующими и отлученными отъ церкви. Эмеллино первый показалъ примѣръ пріобрѣтенія трона при посредствѣ массовыхъ убійствъ и поражающей жесто-

¹⁾ Династія, основ. приверж. потомковъ Фатимы, дочери Магомета.

Прим. перев.

кости, не останавливаясь ни передъ чѣмъ въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли. Ни одинъ изъ послѣдующихъ тирановъ не могъ сравняться съ нимъ въ грандіозности преступленій, даже Чезаре Борджіа. За нимъ остается еще и то преимущество, что онъ далъ примѣръ другимъ, и его паденіе не было уже ни обезпеченіемъ справедливости для народовъ Италіи, ни спасительнымъ предостереженіемъ для будущихъ честолюбцевъ и хищниковъ.

Въ такое время нельзя было, разумѣется, ожидать добровольнаго ограниченія власти, и Тома Аквинскій, родившійся подданнымъ Фридриха II, напрасно предлагалъ теорію конституціи съ верхней палатой и народными представителями, какъ опорой королевской власти. Напрасно также этотъ проповѣдникъ, твердо вѣрившій въ преимущества королевской власти и связаннаго съ ней государственнаго устройства передъ республиканскимъ порядкомъ вещей, въ то же время признавалъ за народомъ право производить революціи¹⁾ и оправдывалъ даже покушеніе на жизнь тирановъ, въ случаѣ необходимости²⁾;—напрасно, говоримъ мы, потому что всѣ такого рода ученія и проповѣди не вели ни къ чему и не выходили за предѣлы аудиторій.

Вліяніе Фридриха II и Эццелино. Фридрихъ II и Эццелино были и остались для Италіи наиболѣе выдающимися явленіями XIII вѣка, какъ это ярко отразилось въ „Ста новеллахъ прошлаго времени“, рисующихъ образы трехъ героевъ почти въ сказочномъ видѣ, хотя начало происхожденія и редакціи этихъ повѣстей относится, если не къ тому же столѣтію, въ которомъ они жили³⁾, то къ началу слѣдующаго. Фридрихъ II является здѣсь съ отличающей его страстью распоряжаться достояніемъ подданныхъ по своему усмотрѣнію и своей личностью внушаетъ почтеніе даже преступникамъ. Въ изображеніи Эццелино все проникнуто тѣмъ трепетнымъ чувствомъ, какимъ сопровождается обыкновенно представленіе о подавляющемъ величіи.

1) Baumann, Staatslehre des Thomas von Aquino, Leipzig 1873, въ особен. стр. 136 ff.

2) Hist. Jahrb. XIV, München 1893, стр. 107 fg. 3.

3) Cento novelle antiche ed. 1525. О Фридрихѣ нов. 2. 21. 22. 23. 24. 30. 53. 59. 90. 100; Объ Эццелино нов. 31, въ особ. 84.

Съ личностью его связана цѣлая литература, начиная отъ хроники современниковъ и кончая полу-мифическими трагедіями ¹⁾).

Тираны XIV вѣка. Вслѣдъ за паденіемъ этихъ двухъ государей, тотчасъ же начинаютъ появляться то здѣсь, то тамъ, во множествѣ единичные деспотическіе правители, большею частью вожди гибеллиновъ, при чемъ непосредственнымъ поводомъ къ насиліямъ и захватамъ служили партійные раздоры между гвельфами и гибеллинами. Но разнообразіе условій и обстоятельствъ, при которыхъ возникали тираніи, явно свидѣтельствуетъ о неизбѣжности этого явленія на основаніи болѣе общихъ и глубже лежащихъ причинъ. Въ выборѣ средствъ для упроченія своей власти тиранамъ не представлялось затрудненій. Имъ оставалось только продолжать изгонять или казнить противниковъ и разрушать ихъ дома.

¹⁾ Scardeonius, De urbis Patav. antiq., см. „Thesaurus“ — Grāvius IV, III стр. 259. Трагедія „Ессеринис“ Альберта Муссато можетъ считаться одной изъ старѣйшихъ трагедій эпохи Возрожденія; часто цитируется въ новѣйшее время.

Глава II

Тиранія XIV вѣка

Тираны XIV вѣка. Большинство государствъ и областей въ Италіи XIV вѣка могутъ служить доказательствомъ, что новые правители сумѣли воспользоваться приведенными примѣрами.

Исторія передала намъ во всѣхъ подробностяхъ вопіющія злодѣянія, процвѣтавшія въ этихъ земляхъ, но въ то же время мы видимъ, какъ государства самостоятельно создавали свой внутренній строй, и въ этомъ отношеніи они представляютъ значительный интересъ.

Финансы. Прежде всего умѣнье пользоваться съ расчетомъ всѣми средствами — особенность итальянскихъ государей, неизвѣстная вовсе въ то время на Западѣ. Эта особенность, въ соединеніи съ почти абсолютнымъ могуществомъ власти въ предѣлахъ государства, вели къ созданію совершенно особаго рода человѣческихъ характеровъ и условій жизни ¹⁾. Главный секретъ прочности власти, усвоенный умнѣйшими изъ тирановъ, заключался въ томъ, что они не увеличивали произвольно податей, но, по возможности, сохраняли ихъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ застали при своемъ водвореніи на тронѣ или какъ сами впервые установили. Кромѣ земельной подати, основанной на кадастрѣ, взимался еще налогъ съ предметовъ общаго потребленія и пошлины съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Къ этому присоединялись доходы съ частныхъ владѣній государя. Единственнымъ источникомъ увеличенія податей должно было служить возрастаніе народнаго благосостоянія и торговыхъ оборотовъ. Государя не прибѣгали къ займамъ, какъ это дѣлали свободные города; взамѣнъ того они прибѣгали иногда къ другому средству, увольняя, на примѣръ, на сул-

¹⁾ Sismondi, Hist. des répub. italiennes, IV, стр. 420; VIII, стр. 1 sq.

танскій манеръ, главнѣйшаго изъ финансовыхъ администраторовъ и конфискуя его имущество. Впрочемъ, такого рода произволь носилъ, въ свою очередь, разсчитанный характеръ и допускался только въ томъ случаѣ, если не влекъ за собой политическихъ осложненій ¹⁾.

Исчисленныя статьи дохода должны были удовлетворять текущимъ потребностямъ.

Дворъ. Деньги шли на содержаніе двора, тѣлохранителей, постоянной арміи, на общественныя постройки, а также на жалованье шутамъ и ученымъ, составлявшимъ ближайшее общество государя. Власть, пріобрѣтенная незаконнымъ путемъ и окруженная постоянными опасностями, создаетъ одиночество, лучшимъ выходомъ изъ котораго является покровительство высокимъ дарованіямъ, безъ различія происхожденія. Щедрость сѣверныхъ государей распространялась главнымъ образомъ на рыцарей и служилыхъ дворянъ или застольныхъ друзей. Другое совсѣмъ дѣло въ Италіи, гдѣ тиранъ жаждалъ оставить послѣ себя непремѣнно громкое имя и грандіозный памятникъ, а потому нуждался въ услугахъ выдающихся людей. Къ тому же покровительство поэтамъ и ученымъ давало ему право чувствовать себя болѣе или менѣе узаконеннымъ въ своемъ новомъ положеніи.

Исторической извѣстностью въ этомъ отношеніи пользуется веронскій деспотъ Канъ Гранде делла Скала, собравшій при своемъ дворѣ выдающихся изгнанниковъ всей Италіи, хотя, правда, величайшему изъ нихъ, Данте, онъ оказывалъ менѣе радушное вниманіе, нежели различнымъ забавникамъ и шутамъ ²⁾.

Идеаль правителя. Но какъ бы то ни было, поэты и ученые не оставались неблагодарными. Петрарка, котораго многіе строго порицали за пребываніе при дворѣ того или другаго деспота, оставилъ намъ изображеніе идеальнаго государя XIV вѣка въ письмѣ къ властелину Падуи ³⁾. Тонъ, какимъ онъ высказываетъ предъявляемыя къ государю тре-

¹⁾ Franco Sacchetti, Novelle (61—62).

²⁾ Petrarca, De rerum memorandarum, lib. II, 3, 46.

³⁾ Petrarca, Epistolae seniles, lib. XVI, 1 къ Francesco di Carrara (28 Nov. 1373). Письмо это неоднократно печаталось особой брошюрой, под. т.: De republica optime administranda, напр. Бернъ 1602.

бованія, свидѣтельствуешь, повидимому, о томъ, что тотъ, кому онъ пишетъ, болѣе или менѣе отвѣчаетъ этимъ требованіямъ. — „Ты долженъ быть не господиномъ своихъ подданныхъ, — пишетъ Петрарка, — но отцемъ, и любить ихъ, какъ собственныхъ дѣтей ¹⁾, какъ самого себя; ты долженъ также стараться внушить имъ любовь къ себѣ, а не вселять въ нихъ страхъ, такъ какъ страхъ порождаетъ ненависть. Пользуйся вооруженными людьми, драбантами и наемниками противъ враговъ, но не противъ собственныхъ подданныхъ. Не тѣлохранители должны служить тебѣ защитой, а только одно благоволеніе къ гражданамъ. Я говорю, конечно, о благомыслящихъ гражданахъ, готовыхъ служить государю вѣрой и правдой, ибо стремящійся постоянно къ переворотамъ заслуживаетъ названія бунтовщика и врага отечества“. Далѣе идетъ подробное перечисленіе обязанностей правителя, соотвѣтственно духу того времени: государь долженъ управлять самостоятельно, не поддаваясь вліянію придворныхъ и сохраняя простоту и скромность. Онъ долженъ самъ во все входить, обо всемъ заботиться: строить церкви и общественныя зданія, поддерживать прежнія, содержать хорошую полицію для наблюденія за порядкомъ въ городѣ, запрещать пребываніе на улицахъ свиней (даже и это), такъ какъ видъ ихъ непріятенъ, вызываетъ омерзѣніе чужестранцевъ, и, наконецъ, въ виду опасности для лошадей. Далѣе онъ долженъ осушать болота и заботиться о процвѣтаніи полей и виноградниковъ. Онъ долженъ слѣдить за строгимъ исполненіемъ правосудія и распредѣлять подати такъ, чтобы народъ сознавалъ ихъ необходимость и убѣждался бы, что государь неохотно прибѣгаетъ къ чужимъ кошелькамъ. Наконецъ, онъ долженъ помогать больнымъ и беспомощнымъ людямъ, а также оказывать гостепріимство и покровительство ученымъ, въ увѣренности, что эти послѣдніе, въ свою очередь, воздадутъ ему должное и возвеличатъ его имя въ потомствѣ.

1) Сто лѣтъ спустя и супруга властителя зовется „матерью народа“; Ср. Hieron. Crivelli: Рѣчь надъ могилой герцогини Біанки Маріи Висконти у Муратори, *Scriptores regum Italicarum XXV*, Col. 429. Въ ироническомъ смыслѣ надо понимать это выраженіе, когда, напр., сестру папы Сикста IV Яс. Volateranus называетъ *Mater ecclesiae* (Murat. XXIII. Col. 109).

Опасность тираніи. Но каковы бы ни были свѣтлыя стороны такого рода управленія вообще и заслуги того или другого властителя въ частности, тѣмъ не менѣе уже современники могли предвидѣть или угадывать непродолжительность и непрочность большинства этихъ тираній. Политическая организація такого рода естественнымъ образомъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ обширнѣе территория, и потому болѣе могущественныя тираніи стремились при удобномъ случаѣ поглотить слабѣйшія. Однимъ Висконти, миланскимъ тиранамъ, было принесено въ жертву въ этомъ періодѣ значительное число маленькихъ самостоятельныхъ областей. Этой угрожающей извнѣ опасности неизмѣнно должно было отвѣчать постоянное броженіе внутри, и въ большинствѣ случаевъ такое положеніе вещей не могло не отзываться дурно на характерѣ государя. Призрачное могущество, стремленіе къ наслажденіямъ и ненасытный во всѣхъ отношеніяхъ эгоизмъ, съ одной стороны, враги и заговорщики — съ другой, — все это вмѣстѣ неизбѣжно должно было усиливать жестокость и превращать государя въ деспота въ худшемъ смыслѣ этого слова.

Необезпеченность наслѣдственныхъ правъ. Если бы при этомъ можно было довѣряться, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ родственникамъ по крови! Но тамъ, гдѣ царили произволь и беззаконіе, не могло быть также и наслѣдственныхъ правъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, въ отношеніи преемства власти и раздѣла имѣній. Къ тому же нерѣдко случалось, что, въ минуту опасности и смуты, какой-нибудь дядя или родственникъ отстранялъ несовершеннолѣтняго или неспособнаго сына и наслѣдника въ интересахъ всей семьи. Вѣчнымъ предметомъ споровъ служилъ также вопросъ о признаніи или устраненіи побочныхъ дѣтей. Въ большинствѣ случаевъ эти послѣднія таили въ себѣ до поры до времени недовольство и жажду мести, а при удобномъ случаѣ проявляли свои настоящія чувства, открыто переходя на сторону враговъ и безпощадно убивая соперниковъ. Иные обиженные и вынужденные къ бѣгству терпѣливо выжидали гдѣ-нибудь случая взять свое и отомстить ¹⁾. Маттео Висконти, находясь въ изгнаніи, занимался

¹⁾ Petrarca, Rerum memorandar., liber III, 2, 66.

рыболовствомъ на Гардскомъ озерѣ; когда посланный его противника, миланскаго государя, Гвидо делла Торре, спросилъ его, когда и какимъ путемъ онъ думаетъ вернуться въ Миланъ, Маттео отвѣтилъ: „Тѣмъ же путемъ, какимъ ушелъ оттуда, но не прежде, чѣмъ позорныя преступленія моего врага возьмутъ перевѣсъ надъ моими“. Иногда бываетъ и такъ, что ради спасенія семьи, родные предаютъ государя въ жертву чрезмѣрно оскорбленному народу ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ тираніяхъ прочность власти находится въ зависимости отъ общаго согласія всѣхъ членовъ семьи, и государь не дѣлаетъ ничего безъ совѣта и помощи другихъ, но дѣлежъ власти и споръ о преимуществѣ вызываетъ при случаѣ жестокою распрю.

Ненависть флорентійцевъ къ тираніи. Всѣ творенія флорентійцевъ того времени проникнуты глубокой ненавистью къ подобному порядку вещей ²⁾.

Пышность. Прежде всего предметомъ сатиры служатъ роскошь костюмовъ и пышныя процессіи, которыми итальянскіе деспоты, по всей вѣроятности, не столько удовлетворяли своему тщеславію, сколько рассчитывали гипнотизировать народное воображеніе. Уже Петрарка говоритъ, что тираны украшаютъ себя, какъ „алтари въ праздничные дни“. Царственные выскочки даютъ особенно богатый матеріалъ для сарказма, какъ, на примѣръ, вновь испеченный въ 1364 г. владѣтель Пизы Анджелло. Онъ появлялся на улицахъ города верхомъ, съ золотымъ скипетромъ въ рукахъ, или показывался народу у окна, лежа на парчевыхъ коврахъ и подушкахъ „какъ принято выставлять мощи“—говорять по этому поводу флорентійцы. Прислуживать ему должны были всѣ не иначе, какъ опустившись на колѣни, и говорить съ нимъ такъ, какъ принято говорить съ папой или императоромъ ³⁾.

¹⁾ Matteo Villani, V, 81.

²⁾ Въ особенности враждебной тираніи представляется Флоренція, qui et intestinam tyrannidem detestatur et exterarum. urbium libertatem suis operibus semper est prompta defendere (1374, Salutati, письма I, стр. 194).—Право на убійство тирановъ находитъ рѣшительную защиту у Салутати, письма II, 153 f.

³⁾ Filippo Villani, Istorie XI, 101. Подробное описаніе триумфальнаго шествія Castracane въ Луккѣ принадлежитъ перу Tegrimi у Muratori XI Col. 1340.

Но флорентійцы не ограничивались однѣми насмѣшками, когда писали о насильникахъ. Нерѣдко встрѣчается и болѣе серьезное негодованіе. Данте ¹⁾ въ яркихъ чертахъ изображаетъ всю пошлость и низменность стремленій тирановъ и узурпаторовъ къ грабежу и хищнической власти.— „Ихъ трубы и литавры, рога и флейты издаютъ одинъ лишь призывъ:— Сюда вы, палачи! Сюда вы, наши хищные коршуны!“ Живописцы XIV вѣка, какъ Амброджіо ди Лоренца, изображаютъ тиранію въ видѣ невѣроятнаго чудовища, отмѣченнаго геральдическими знаками и царящаго надъ укрѣпленнымъ замкомъ; это чудовище, окруженное пороками, попираетъ ногами справедливость, а далѣе видны опустошенные города и села ²⁾. Позднѣе встрѣчаемъ на картинахъ изображеніе жилищъ тирановъ, въ видѣ высокихъ изолированныхъ замковъ, съ темными подвалами и слуховыми окнами ³⁾, и мрачный видъ этихъ зданій краснорѣчиво говоритъ о томъ, что они служатъ мѣстопребываніемъ злобы и нищеты.

Нерѣдко также писатели предсказываютъ рядъ бѣдствій ожидающихъ того, кто рѣшается служить тиранамъ, ⁴⁾ и въ концѣ концовъ сожалеютъ о самомъ деспотѣ, такъ какъ онъ неизбежно долженъ видѣть врага въ каждомъ честномъ и полезномъ человѣкѣ, ни на кого ни въ чемъ не можетъ полагаться и на лицахъ своихъ подданныхъ всегда долженъ читать ожиданіе собственнаго паденія.— „По мѣрѣ того, какъ тираніи возникаютъ, растутъ и укрѣпляются,—говоритъ одинъ изъ бытописателей того времени,—въ самомъ сердцѣ ихъ растетъ также и начало будущаго разложенія и паденія“ ⁵⁾.

1) De vulgari eloquio I c. 12. . . . qui non heroico more, sed plebeo sequuntur superbiam etc.

2) A. Voltmann, Geschichte der Malerei, Leipz. 1879, I 457 f.

3) Впервые въ сочиненіяхъ 15 вѣка, но безъ сомнѣнія на основаніи прежнихъ описаній: L. B. Alberti, De re aedif., V, 3.—Franc. di Giorgio, Trattato, см. Della Valle, Lettere sanesi, III, 121.

4) Franco Sacchetti, Nov. 61. Въ началѣ XVI в. тиранія также характеризуется (Altieri стр. 141) erudel de sua natura et efferata. Въ то же время изображаются всѣ ея вредныя послѣдствія. Убийство тирана признается заслуживающимъ удивленія и покрывается вѣчной славой. Стр. 142.

5) Matteo Vilani VI, 1.

Но въ сочиненіяхъ того времени не достаточно выяснено одно важное обстоятельство. Въ то время, какъ Флоренція создавала яркую индивидуальность на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, итальянскіе деспоты, напротивъ, не допускали ни малѣйшей индивидуальности ни въ комъ и ни въ чемъ, исключая себя и своихъ приближенныхъ. Контроль надъ личностью во всѣхъ отношеніяхъ, вплоть до паспортной системы, царилъ въ совершенствѣ со временъ Фридриха II, который и въ этомъ отношеніи служилъ образцомъ всѣмъ послѣдующимъ, даже самымъ незначительнымъ деспотамъ ¹⁾.

Все, что было мрачнаго и отверженнаго въ образѣ тирана вообще, въ глазахъ современниковъ получало еще особую окраску, благодаря общеизвѣстному безбожію того или другого деспота или его занятіямъ астрологіей. Когда венеціанцы осадили Падую въ 1405 году, и послѣдній Каррара не могъ найти въ опустошенномъ чумою городѣ достаточнаго количества людей для защиты стѣнъ и воротъ, его тѣлохранители слышали, какъ онъ призывалъ ночью чорта, приказывая ему взять свою душу.

* * *

Возвышеніе и паденіе дома Висконти. Наиболѣе яркую и поучительную картину образованія тираніи въ XIV вѣкѣ мы находимъ, безъ сомнѣнія, въ лицѣ Висконти въ Миланѣ, со смертью архіепископа Джіованнини въ 1354 году. Бернабо Висконти тотчасъ же обнаружилъ черты, сближающіе его съ ужаснѣйшими изъ римскихъ императоровъ ²⁾. Онъ объявилъ себя папой въ своихъ владѣніяхъ, конфисковалъ земли духовныхъ лицъ и заключалъ священниковъ въ темницу. Важнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ была его собственная охота на кабановъ. Всякій мѣшавшій ему въ этомъ, какимъ-нибудь образомъ, подвергался мучительной казни. Трепещущій народъ долженъ былъ выкармливать для него 5.000 охотничьихъ собакъ, подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности за ихъ благосостояніе. Подати взыскивались при помощи самыхъ беспощадныхъ принудительныхъ

¹⁾ О паспортномъ бюро въ Падуѣ въ серединѣ XIV в. говорятъ Franco Sacchetti (Nov. 117) какъ о quelli dalle bullette.

²⁾ Gorio, Storia di Milano, Fol. 247 f.

мѣрь. Такимъ образомъ онъ выдалъ замужъ семь дочерей, подаривъ каждой въ приданное 100,000 гульденовъ золотомъ, а для себя скопилъ богатѣйшую казну. Когда умерла его жена въ 1384 г., всѣ подданные должны были въ теченіе года носить трауръ, другими словами — „дѣлать съ нимъ горе, какъ дѣлили радость“ — такъ гласилъ его приказъ.

Джангалеаццо. Не менѣе самого Бернабо заслуживаетъ вниманія его племянникъ Джангалеаццо, низвергшій дядю и завладѣвшій трономъ въ 1385 г. Это былъ одинъ изъ тѣхъ удачно задуманныхъ и приведенныхъ въ исполненіе заговоровъ, при описаніи которыхъ, даже много времени спустя¹⁾, сердце невольно бьется сильнѣе. Презираемый родственниками за склонность къ наукамъ и религіозность, Джангалеаццо задумалъ отомстить. Онъ оставилъ городъ, подъ предлогомъ паломничества, и затѣмъ неожиданно совершилъ нападеніе, взялъ въ плѣнъ своего дядю и посадилъ его въ тюрьму. Затѣмъ, при помощи приверженцевъ и слугъ, опустошилъ городъ, узурпировалъ власть и позволилъ народу разграбить дворецъ Бернабо.

У Джангалеаццо страсть средневѣкового тирана къ огромнымъ сооруженіямъ проявляется въ самой высокой мѣрѣ. Онъ употребилъ 300,000 гульденовъ золотомъ на устройство плотинъ, чтобы имѣть возможность отводить Минціо отъ Мантуи и Brentu отъ Падуи, и такимъ образомъ господствовать надъ этими городами²⁾. Весьма возможно также, что онъ задумывалъ осушить венеціанскія лагуны. Онъ основалъ³⁾ монастырь Чертозу въ Павіи — „прекраснѣйшій изъ всѣхъ монастырей“ и Миланскій соборъ — „превосходящій всѣ другія христіанскія церкви размѣрами и великолѣпіемъ“. Дворецъ въ Павіи, начатый еще его отцемъ, Галеаццо,

1) Также, напр., у Джіовіо находимъ такую характеристику въ *Elogia Virorum bellica virtute illustrium*, Bâsel 1575, стр. 85: *vita Bernabo*; Джангалеаццо (*Vita*, стр. 86 sq.) на его взглядъ *post Theodorum omnium praestantissimus*. Ср. также Jovius, *Vitae XII vice comitum Mediolani principium*, Paris 1549, стр. 165 sq. Рѣзкое осужденіе Barnabo Visconti также у *Salutati*, письма II, 148 f. и похвалу Джангалеаццо за его побѣду надъ тираномъ (25 Окт. 1385 г.).

2) Corio, Fol. 272, 285.

3) Cagnola, *Archiv. stor.* III, стр. 23.

и законченный имъ, не безъ основанія, повидимому, считался превосходнѣйшей изъ всѣхъ резиденцій Европы того времени. Въ этомъ дворцѣ находилось его книгохранилище и рѣдкое собраніе святыхъ мощей, поклоненіе которымъ составляло у него особый культъ.

Было бы даже странно, если бы человекъ съ такимъ характеромъ не стремился и въ политикѣ къ новымъ приобрѣтеніямъ. Король Венцеславъ далъ ему герцогскій титулъ, по всей вѣроятности не дешево оплаченный, но его честолюбіе успокаивалось лишь на итальянской королевской коронѣ¹⁾, если не на императорскомъ вѣнцѣ. Этимъ замысламъ, однако, не суждено было осуществиться, такъ какъ въ 1402 г. онъ заболѣлъ и умеръ. Его владѣнія, однажды, сверхъ обычной подати въ 1.200,000 гульденовъ золотомъ, дали ему еще 800,000 на сверхсмѣтные расходы. При жизни онъ удерживалъ въ своихъ рукахъ различныя области, не останавливаясь для этого передъ самыми крайними насиліями, но какъ только онъ умеръ, государство распалось и раздробилось до такой степени, что сразу трудно было бы даже опредѣлить его прежнія составныя части. Мы не знаемъ, каковы были бы его сыновья Джіованни Маріа († 1412 г.) и Филиппо-Маріа († 1447), если бы они жили въ другой странѣ и росли въ другой семьѣ, но, какъ дѣти своего отца, они наслѣдовали весь накопившійся капиталъ жестокости и трусости, переходившихъ въ этой семьѣ отъ одного поколѣнія къ другому.

Джіованни-Маріа также знаменитъ своими собаками, но не охотничьими, а такими, назначеніе которыхъ было разрывать людей на части. Исторія сохранила имена этихъ

¹⁾ Corio, Fol. 286 и Poggio, Hist. florent. IV, у Murat. XX, Col. 290.— О планахъ на корону говоритъ Cagnola въ разн. мѣст. и сонетъ Trucchi, Poesie ital. inedite, II, стр. 118:

Stan le citta lombarde con le chiave
In man per darle a voi... etc.
Roma vi chiama: Caesar mio novella
Io sono ignuda, et l'anima pur vive:
Or mi caprite col vostro mantello etc.

Обвиненіе Джіангалеаццо въ намѣреніи отравить короля Рупрехта, во время его вѣзда, есть безъ сомнѣнія клевета. Ср. Archiv. stor. lomb. ser. III, vol. I стр. 309 sq. Тамъ же и нѣкот. сочин. о Джгл.

собакъ такъ же, какъ медвѣдей императора Валентиніана I¹⁾. Когда въ маѣ 1409 г., во время военныхъ дѣйствій, голодный народъ встрѣтилъ его на улицѣ криками: расе! расе!— онъ выпустилъ на улицу своихъ наемниковъ, усѣявшихъ городъ двумястами трупами. Вслѣдъ затѣмъ, подъ угрозой висѣлицы, запрещено было произносить слова „война“ и „миръ“, и даже священники должны были слово „миръ“ въ молитвахъ замѣнить „спокойствіемъ“. Нѣсколько заговорщиковъ воспользовались; наконецъ, моментомъ, когда главный кондотьеръ сумасшедшаго герцога, Фаччино Кане, лежалъ въ Павіи смертельно больной, и убили Джіованни въ церкви С.-Готгарда въ Миланѣ; умирающій Фаччино въ тотъ же день, однако, заставилъ своихъ офицеровъ принести клятву въ томъ, что они помогутъ законному наслѣднику Филиппо-Маріа и самъ предложилъ послѣднему жениться на его вдовѣ²⁾, что тотъ и сдѣлалъ послѣ его смерти. Она извѣстна подъ именемъ Беатриче ди Тенда. О самомъ Филиппо рѣчь еще будетъ впереди.

И въ такія-то времена Кола ди Ріенци рассчитывалъ создать въ Италіи новое государство, довѣряясь капризному энтузіазму выродившихся римлянъ. Мечтатель, запятнавшій свои благородныя стремленія жестокостями, недостойными высокой души, не могъ составить противовѣсъ самовластнымъ деспотамъ, стремившимся съ непоколебимой энергіей лишь къ практически осуществимому и не останавливавшимся въ выборѣ средствъ, для достиженія цѣли. Народный трибунъ ничего не достигъ и самымъ печальнымъ образомъ сошелъ со сцены, на которой онъ выступилъ въ началѣ съ такимъ триумфомъ.

1) Corio, Fol. 301. sqq. Cp. Ammian. Marcellin. XXIX, 3.

2) Paul. Jovius, Elogia, стр. 88—92. Io. Maria Philippus et Vitae XII vicocomitum, стр. 175—189.

Глава III

Тиранія XV вѣка

Тираны XV вѣка. Въ XV вѣкѣ въ характерѣ тираній происходятъ нѣкоторыя видоизмѣненія. Многіе изъ мелкихъ тирановъ, а также и нѣкоторые болѣе могущественные, въ родѣ Скала и Каррара, сходятъ со сцены. Въ общемъ болѣе сильныя организациі округлились, и внутренней ихъ строй опредѣлился рельефнѣе. Неаполь начинаетъ усиливаться, благодаря новой аррагонской династіи. Далѣе, болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ отношеніи, характеръ вѣка сказывается въ усиленномъ стремленіи каждаго изъ кондотьеровъ стать независимымъ, а затѣмъ при первомъ удобномъ случаѣ узурпировать власть, при чемъ корона разсматривается, какъ высшая премія не только за выдающіяся качества, но и за преступленіе или нечестіе. Мелкіе тираны, чтобы обезпечить себѣ на всякій случай помощь, охотно становятся кондотьерами болѣе сильныхъ государей; этимъ путемъ они поправляютъ свои денежные дѣла, увеличиваютъ подчасъ свои владѣнія, а также обезпечиваютъ себѣ безнаказанность за совершаемыя злодѣйства и преступленія. Въ общемъ и крупныя и мелкіе правители вынуждены стать благоразумнѣе, болѣе взвѣшивать свои поступки и воздерживаться отъ слишкомъ замѣтныхъ, по крайней мѣрѣ, массовыхъ злодѣйствъ. Они могутъ позволить себѣ безъ всякихъ опасеній все дурное въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для ихъ цѣлей — никто отъ нихъ не отвернется. Въ другихъ западныхъ странахъ законные государи окружены обаяніемъ, напоминающимъ религіозный культъ — въ Италіи нѣтъ и слѣда такого поклоненія; самое большее, на что можетъ разсчитывать властитель — это популярность въ самой резиденціи; единственная опора и залогъ прочности власти — это личныя качества и политическій расчетъ.

Контрасты. Для итальянцевъ того времени остается загадкой характеръ такого человѣка, какъ, напримеръ, Карль Смѣлый, стремящагося съ неукротимой страстью къ самымъ непрактическимъ цѣлямъ. Миланскіе послы судятъ такъ: — „Швейцарцы не болѣе, какъ простые крестьяне, и если даже ихъ всѣхъ перебить, ихъ гибель не вознаградитъ за смерть знатныхъ бургундцевъ, которые могутъ пасть въ бою. И если бы даже герцогъ овладѣлъ Швейцаріей безъ сопротивленія, его доходы возрастутъ не болѣе, какъ на пять тысячъ дукатовъ въ годъ“¹⁾. — Средневѣковой элементъ въ характерѣ Карла, его идеалы и рыцарскія увлеченія давно утратили въ Италіи прежнюю цѣну. Но когда онъ еще къ тому же раздастъ пощечины офицерамъ²⁾ и, всетаки, удерживаетъ ихъ на службѣ, или дурно обращается съ войскомъ, чтобы наказать его за пораженіе, и въ то же время распекаетъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ на глазахъ у солдатъ — тогда южные дипломаты считаютъ его совѣмъ погибшимъ. Съ другой стороны, Людовикъ XI — горячій поклонникъ Франческо Сфорца — хотя и превосходитъ итальянскихъ тирановъ въ томъ, что перенялъ у нихъ же, но не можетъ сравняться съ ними въ тонкой образованности и развитіи.

Дурное и хорошее сплетаются между собой самымъ удивительнымъ образомъ въ итальянскихъ государствахъ XV вѣка. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы встрѣчаемъ проявленіе характера высоко-развитаго, часто выдающагося вполне отвѣчающаго своему положенію и задачамъ, одареннаго талантомъ и энергіей, но въ то же время съ такимъ смѣшеніемъ понятій о божескомъ и человѣческомъ³⁾, о дозволенномъ и недозволенномъ, что какое-либо рѣшительное нравственное сужденіе о личности такого тирана становится невозможнымъ.

Незаконная власть. Власть остается по существу и въ основѣ незаконной, и надъ ней чувствуется вѣчное тяготѣніе ничѣмъ неустранимаго проклятія. Императорскія

1) De Gingins. Depêches des ambassadeurs milanais. Paris u Genf 1858 II, стр. 200 sq. (№ 213). Ср. II, 3 (№ 144) и II, 212 sq. (№ 218).

2) Paul Jovius, Elogia, стр. 156 sq; Caralus Burgundiae dux.

3) Machiavelli Discorsi I, 10; гдѣ ул. Sept. Severus.

одобрения и пожалования ничего не измѣняютъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ народъ не придаетъ никакого значенія куску пергамента, приобрѣтенному правителемъ „по случаю“ въ далекой странѣ или во время посѣщенія Италіи иноземнымъ государемъ. Одинъ изъ историковъ XVI вѣка ¹⁾ говоритъ между прочимъ, передавая въ то же время миѣніе предшественниковъ: „Никакія грамоты, жалованныя издалика нѣмецкимъ королемъ, пользующимся изъ одного тщеславія титуломъ римскаго императора, не въ состояніи сдѣлать злодѣя или нечестивца истиннымъ государемъ“. Народъ, съ своей стороны, разсуждая по простотѣ, думалъ, что будь императоры къ чему-нибудь годны, они не допустили бы тирановъ захватить въ свои руки власть. Въ дѣйствительности императоры со временъ Карла IV только санкціонировали установившійся помимо нихъ порядокъ вещей въ Италіи, ничѣмъ рѣшительно, кромѣ писанныхъ грамотъ, его не гарантируя. Все пребываніе Карла въ Италіи во время двукратнаго посѣщенія ея въ 1354 и 1368 г. представляетъ не что иное, какъ одну изъ позорнѣйшихъ политическихъ комедій. Мы можемъ прочесть у Маттео Виллани ²⁾ о томъ, какъ Висконти путешествуютъ съ нимъ по своимъ владѣніямъ, куда имъ вздумается, забавляя его, чѣмъ хотятъ, и въ концѣ концовъ выпроваживаютъ вовсе; какъ онъ спѣшитъ, точно торговецъ на базарѣ, возможно скорѣе получить деньги за свой товаръ — раздаваемая имъ „привилегія“; какую жалкую роль онъ играетъ въ Римѣ, и какъ, наконецъ, онъ, не вынувъ ни разу меча изъ ноженъ, переправляется назадъ черезъ Альпы съ полнымъ мѣшкомъ денегъ.

Вмѣшательство императоровъ. Карлъ V. Итальянскіе патріоты, мечтатели и поэты никакъ не могутъ забыть минувшее величіе и продолжаютъ многого ожидать отъ посѣщенія Италіи императоромъ, но, съ появленіемъ его, эти надежды разсѣиваются, какъ дымъ. Петрарка въ своихъ посланіяхъ неоднократно увѣщевалъ императора перейти Альпы и возстановить величіе Рима, создавъ новую всемірную импе-

1) Franc. Vettori: Arch. Stor. VI, стр. 293.

2) Villani M., IV, 38, 39, 44, 56, 74, 76, 92. V, 1, 2, 14—16, 21, 22, 36, 51, 54. Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе, что ненависть къ Visconti заставляетъ автора видѣть все въ худшемъ свѣтѣ и кладесть печать на повѣствованіе. Виллани хвалитъ однажды Карла IV (IV. 74).

рію. Онъ вѣрилъ въ осуществленіе этихъ мечтаній, когда императоръ въ самомъ дѣлѣ явился въ Италію, но послѣдній все не думалъ о такихъ громкихъ подвигахъ. Въ письмахъ и лично поэтъ старается убѣдить императора, пользуясь его присутствіемъ на мѣстѣ, но въ концѣ концовъ вынужденъ отвернуться, когда въ его глазахъ Карлъ унижаетъ свое достоинство признаніемъ верховенства папы. Въ то же время Петрарка и еще другой поэтъ старались подвинуть его на крестовый походъ противъ турокъ, но вскорѣ убѣдились въ тщетности своихъ попытокъ ¹⁾.

Сигизмундъ въ Италіи. Сигизмундъ, по крайней мѣрѣ, явился съ добрыми намѣреніями, когда въ первый разъ посѣтилъ Италію, въ 1414 году, съ тѣмъ, чтобы склонить Іоанна XXIII принять участіе въ его соборѣ; онъ не зналъ, какой опасности избѣжалъ въ Ломбардіи: въ то время, какъ онъ вмѣстѣ съ папой любовались прекрасной панорамой съ высокой башни въ Кремонѣ, принимавшій ихъ здѣсь у себя, тиранъ Габрино Фондоло питалъ въ душѣ тайное намѣреніе сбросить обоихъ внизъ.

Второй разъ Сигизмундъ появился въ Италіи уже въ качествѣ настоящаго искателя приключеній. Въ это посѣщеніе онъ, какъ императоръ, увѣнчалъ поэта Беккаделли, обходился съ поэтами и учеными, какъ съ равными, и принималъ подарки деньгами и цѣнными предметами, при чемъ деньги дѣлилъ между приближенными, а вещи оставлялъ себѣ; далѣе, онъ просидѣлъ больше полугода взаперти въ Сіеннѣ, какъ въ долговой тюрьмѣ, и съ трудомъ вслѣдъ затѣмъ добился коронаванія въ Римѣ.

Фридрихъ III въ Италіи. Что сказать въ концѣ концовъ о Фридрихѣ III? Его посѣщенія носили характеръ праздничныхъ прогулокъ или путешествій для поправки здоровья на счетъ тѣхъ, кто нуждался въ его грамотахъ и утвержденіи власти его подписью или же на счетъ тѣхъ, кому казалось лестнымъ принимать императора съ должной пышностью. Такъ было, на примѣръ, въ Неаполѣ, гдѣ посѣщеніе города Фридрихомъ III стоило Альфонсу 150.000 гульденовъ золотомъ ²⁾. При вторичномъ посѣщеніи Ита-

¹⁾ Ср. прилож. I.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ у Vespasiano Fiorent: по ed. Frati I, 88, 89; II, 153. Ср. Panormita, De dictis et factis Alphonsi lib. IV, Nro 4.

ли, въ 1469 году, на обратномъ пути, Фридрихъ провелъ въ Феррарѣ ¹⁾ цѣлый день, не выходя изъ комнаты, занятый тѣмъ только, что подписывалъ различные патенты, которыхъ роздалъ восемьдесятъ штукъ; кромѣ назначеній и титуловъ, какъ *cavalieri, dottori, conti, notare*, давались еще особыя права, напримѣръ *conti palatino, conti* съ правомъ, въ свою очередь, выдать патенты пяти *dottori* или *conti*, съ правомъ усыновленія побочныхъ дѣтей, назначенія нотаріусовъ или признанія нечестныхъ нотаріусовъ честными и т. д. Его канцлеръ, однако, потребовалъ за эти патенты такихъ денегъ, что феррарскіе граждане въ концѣ концовъ смутились ²⁾. Борзо, владѣлецъ Феррары, приобрѣлъ для себя титулъ герцога Модены и Реджіо и обязался платить за это ежегодно 4.000 гульденовъ золотомъ, но что онъ долженъ былъ думать, видя, какъ щедро раздаетъ патенты его царственный покровитель, и какъ весь его маленькій дворъ обзаводится титулами — этого мы не знаемъ.

Мнѣнія вліятельныхъ въ то время гуманистовъ раздѣлились. Тогда какъ одни ³⁾, въ качествѣ придворныхъ поэтовъ, съ сомнительнымъ энтузіазмомъ привѣтствуютъ римскаго императора, Поджіо ⁴⁾, подобно большинству коллегъ, до глубины души врагъ монархіи, подымаетъ вопросъ, что должно въ сущности означать коронованіе въ Римѣ, такъ какъ въ древности увѣнчивали лишь побѣдоносныхъ вождей и притомъ лаврами? Онъ же, а вслѣдъ за нимъ и другіе позднѣйшіе историки, энергично протестуютъ противъ присвоенія титула римскихъ императоровъ нѣмецкимъ государямъ и Л. Джустиніани въ горячемъ полемическомъ посланіи въ спорѣ съ Г. Бебелемъ называетъ это коронованіе проклятымъ, варварскимъ обычаемъ ⁵⁾.

1) *Diario Ferrarese*, у Murat. XXIV, Col. 217 ff.

2) *Naveria voluto scortigare la brigata Giov. Maria Filelfo*, находившійся тогда въ Бергамо, написалъ жестокою сатиру *in vulgari equitum auro notatorum*. Ср. біографію у F. Favre'a: *Mélanges d'histoire littéraire* 1856, I стр. 10.

3) *Annales Estenses*, у Murat. XX, Col. 41.

4) *Poggii Hist. flor. pop. L. VII* у Murat. XX Col. 381. Срв. Bezold *Die Lehre von der Volkssouveränität während des Mittelalters. Hist. Zeitschr.* т. 36 стр. 365.

5) Въ концѣ вѣка итальянскія хроникки охотно говорятъ о *barbarie oltramontana tedesca*. Ср. *Nuov. arch. Ven.* 1893. III, 28.

Внѣшняя политика. Со времени Максимилиана I, въ царствованіе котораго главнымъ образомъ происходилъ этотъ споръ въ литературѣ, императорская политика относительно Италіи принимаетъ новое направленіе, въ связи съ вмѣшательствомъ другихъ націй. Начало этой политики сказалось въ пожалованіи Людовику Мавру ¹⁾ миланской области, вмѣстѣ съ устраненіемъ его несчастнаго племянника, и это начало не могло вести въ дальнѣйшемъ ни къ чему хорошему. По новой теоріи вмѣшательства, если двѣ стороны спорятъ за земли, можетъ прийти третій и взять часть на свою долю. Но при этомъ лишнее было говорить о правѣ. Когда въ Генуѣ, во время приготовленій къ приему Людовика XII, въ 1502 г., сняли съ одного изъ фронтоновъ, украшавшихъ дворець, огромнаго имперскаго орла и замѣнили его лиліями, историкъ Сенарега ²⁾ спрашивалъ всѣхъ окружающихъ, что, собственно, символизируетъ этотъ пощаженный столь многими революціями орелъ, и какого рода притязанія можетъ имѣть имперія на Геную? Никто не могъ отвѣтить на это ничѣмъ, кромѣ стараго изреченія, называвшаго Геную *camera imperii*. Вообще никто въ Италіи не зналъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ подобнымъ вопросамъ. Только присоединивъ къ имперіи Испанію и пользуясь испанскими войсками, Карлъ V могъ отстаивать свои притязанія въ Италіи. Въ результатѣ, однако, все, что ему удалось сдѣлать, повело, какъ извѣстно, къ усиленію Испаніи, а не имперіи.

Незаконное престолонаслѣдіе. Съ беззаконностью династій въ XV вѣкѣ въ Италіи тѣсно связано равнодушіе вообще къ законности рожденія. Это явленіе кажется до того страннымъ другимъ народамъ, что Коминтъ, напримеръ, говоритъ, при случаѣ, на страницахъ своей исторіи, что въ Италіи не признаютъ вовсе различія между законными и незаконными дѣтьми ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, на сѣ-

¹⁾ Людовикъ Сфорца, прозванный — Мавромъ — Мого; въ нашей литературѣ его часто называютъ Людовикъ Моро.

²⁾ Senarega, De reb. Genuens. у Murat. XXIV, Col. 575.

³⁾ Gasp. Barzizza Opp. 1723, стр. 106 говоритъ о бастардѣ: *is filius est et non minorem partem habet natura in eo quamsi legitimus esset*. Эта формула получаетъ официальное признаніе. Ср. папскую буллу отъ 23 нояб. 1483, въ которой Джіованни, незаконный сынъ Constanza Sforza, является въ Форли какъ бы законнымъ наслѣдникомъ *quia decus virtutum naturae maculam abstergit in filiis*. Saviotti, стр. 32.

верѣ, въ Бургундскомъ домѣ, напримѣръ, бастарды занимаютъ только опредѣленные отведенныя имъ мѣста и епископства или получаютъ только извѣстное содержаніе; также и въ Португаліи побочная линія только съ большимъ трудомъ могла утвердиться на престолѣ, въ Италіи, между тѣмъ, въ то время не было ни одного владѣтельнаго дома, въ которомъ не было бы одного или нѣсколькихъ внѣбрачныхъ потомковъ по прямой линіи, и никто этимъ не возмущался. Въ Неаполѣ арагонская линія была вся незаконнаго происхожденія. Великій Федерико, герцогъ Урбинскій, по всей вѣроятности, не былъ вовсе Монтефельтро по праву. Когда Пій II отправлялся на конгрессъ въ Мантуѣ, его встрѣтили при вѣздѣ въ Феррару шесть бастардовъ изъ дома Эсте ¹⁾, въ томъ числѣ самъ правившій въ то время герцогъ Борзо и двое незаконныхъ сыновей, въ свою очередь, незаконно явившагося на свѣтъ его брата и предшественника, Леонелло. Послѣдній, сверхъ того, былъ законнымъ образомъ женатъ на внѣбрачной дочери Альфонса I Неаполитанскаго, прижитой имъ отъ одной африканки ²⁾.

Бастарды часто занимали первое мѣсто въ государствѣ въ минуту опасности, если законные дѣти еще не были совершеннолѣтними; тогда образовывалось нѣчто въ родѣ регентства (сеньоратъ) безъ всякаго вниманія къ законности рожденія. Въ общемъ, въ Италіи въ это время личность и талантъ, а также цѣлесообразность и разсчитанность дѣйствій играютъ большую роль, чѣмъ законъ и обычай на всемъ остальномъ западѣ. Недаромъ это было время, когда сыновья папъ основывали королевства.

Въ XVI вѣкѣ, подъ вліяніемъ иностранцевъ и враждебнаго реформациі теченія, начинаютъ строже относиться къ этому явленію. Такъ, Варки говоритъ, что наслѣдственное право законныхъ сыновей „предписывается здравымъ смысломъ и волею неба съ предвѣчныхъ временъ“ ³⁾. Кардиналь Ипполито Медичи основывалъ свое преимущественное право на власть во Флоренціи на томъ, что онъ „быть можетъ“

1) Перечисл. въ *Diario Ferrarese*, у Мурат. XXVI, Col. 203. Ср. Pii II, *Commentarie*, ed. Rom. 1854, II стр. 102.

2) Marin. Sanudo, *Vita de' duchi di Venezia*, у Мурат. XXII. Col. 1113.

3) Varchi, *Stor. Florent.* I стр. 8.

законнаго происхожденія и во всякомъ случаѣ сынъ благородной матери, а не простой служанки, какъ герцога Александра¹⁾. Въ это время возникаютъ и морганатическіе браки по любви, тогда какъ въ XV вѣкѣ такіе браки едва ли имѣли бы какой-нибудь смыслъ въ нравственномъ или въ политическомъ отношеніяхъ.

Кондотьеры-узурпаторы. Крайнюю степень произвола и узурпации власти въ XV вѣкѣ представляютъ кондотьеры—явленіе, на которомъ не разъ останавливались историки съ особымъ интересомъ. Они приобрѣтаютъ владѣнія и становятся самостоятельными сеньорами и деспотами или государями, вполнѣ независимо отъ своего происхожденія. Въ сущности такого же рода явленіе представляло уже занятіе нижней Италіи норманами въ XI вѣкѣ, но въ XV хищническіе замыслы держатъ весь полуостровъ въ состояніи вѣчнаго безпокойства и ожиданія исключительныхъ событій.

Кондотьеры и наемники. Кондотьеръ, могъ стать, однако, владѣтельнымъ сеньоромъ и не прибѣгая къ узурпации, когда государь, на службѣ котораго онъ находился, жаловалъ²⁾ его, за недостаткомъ денегъ, какими-нибудь землями; иногда это оказывалось даже необходимымъ, такъ какъ кондотьеръ, если даже онъ могъ отпустить своихъ солдатъ на нѣкоторое время, все таки, нуждался въ зимней квартирѣ, гдѣ могъ бы спокойно дѣлать заготовки и хранить все нужное на случай войны. Первый примѣръ такого пожалованія владѣніями мы видимъ въ лицѣ Джона Гаукуда (John Hawkwood), которому папа подарилъ Боньякавалло и Котиніоллу³⁾.

¹⁾ Soriano, Relaz. di Roma 1533, у Tommaso Gar, Relazioni della corte di Rome (Alberti, Relazioni degli ambasciatori veneti II. Ser. III Bd. стр. 281).

²⁾ Въ отношеніи къ послѣдующему, ср. Canestrini, въ введ. къ т. XV, Archiv. Stor.

³⁾ О немъ Shepherd-Torelli: Vita di Poggio, app. p. VIII—XVI. О Н. (Haucud) весьма интересное сообщеніе флорентійскаго государственнаго канцлера Coluccio de Salutati въ его Epistolae изд. Rigacci (Flor. 1742 vol. I и II). Къ этому же предмету относится новое изданіе F. Novati (Здѣсь упоминаются уже нѣмецкіе наемники, не очень любимые). Новый матеріалъ Temple Leader u Marcotti, Giovanni Acuto (sir John Hawkwood, Storia d'un condottiere, lor. 1889. Перевед. также на англ.). Cantare на его погребеніе см. Arch. Stor. it. ser. IV dol. XVII стр. 172 ff. Стихотв. на смерть Hawkwood'a см. Mazzeo I. CXXIV.

Съ появленіемъ на сценѣ вмѣстѣ съ Альбериго да Барбіано италіянскихъ войскъ и предводителей кондотьерамъ представляется уже гораздо больше случаевъ приобрѣсти новыя владѣнія или увеличить наслѣдственные. Впервые такого рода вакханалія хищничества разыгралась въ миланскомъ герцогствѣ въ 1402 году, когда умеръ Джіангалеаццо. Царствованіе обоихъ его сыновей (см. стр. 15) проходило въ борьбѣ съ этими воинственными хищниками, при чемъ главнѣйшій изъ кондотьеровъ, Фачино Кане, а затѣмъ его вдова съ цѣлымъ рядомъ городовъ и 400.000 гульденовъ золотомъ вошли въ составъ герцогской династіи; Беатриче ди Тенда (стр. 16) привлекла на свою сторону также и воиновъ покойнаго мужа ¹⁾. Съ этого времени возникаютъ характерныя для XV вѣка невообразимо безнравственныя отношенія между правителями и находящимися у нихъ на службѣ, кондотьерами. Это положеніе вещей ярко обрисовывается въ слѣдующемъ анекдотическомъ разказѣ ²⁾, примѣнимомъ, впрочемъ, не только въ одномъ этомъ случаѣ: граждане одного города — гласить древній разказъ, при чемъ разумѣлась Сиена — не знали, чѣмъ и какъ отблагодарить вождя, который освободилъ городъ отъ иноземнаго гнета. Они долго обсуждали этотъ вопросъ и не могли ни къ чему прійти, такъ какъ, по общему мнѣнію, не было награды достойной оказанной услуги, и даже признаніе его сеньоромъ города казалось имъ недостаточнымъ. Наконецъ, одинъ изъ гражданъ предложилъ лишить его жизни и затѣмъ молиться ему, какъ святому, покровителю города. Итакъ съ нимъ было рѣшено поступить, какъ римскій сенатъ поступилъ съ Ромуломъ.

Нѣкоторые теоретики, въ родѣ, на примѣръ, Макиавелли ³⁾, разсматривая событія того времени, приходятъ къ заключенію, что кондотьерьъ долженъ былъ тотчасъ послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ передавать главенство надъ войскомъ своему повелителю и ожидать, пока тотъ вздумаетъ его наградить, или же расположить къ себѣ сол-

¹⁾ Cagnola, Arch. stor. III, стр. 28: et (Philippo Maria) da lei (Beatr.) ebbe molto texoro e dinari, e tutte le gente, d'arme del dicto Facino, che obedivano a lei. O Facino Cane см. Ett. Galli, Arch. stor. lomb. 1897.

²⁾ Infessura, изд. Tommasini 105.

³⁾ Discorsi, I, 30.

дать, занять крѣпости и наказать государя di quella ingratitude, che esso gli userebbe — за выказанную имъ неблагодарность.

И въ дѣйствительности кондотьеры болѣе всего имѣли основаній опасаться именно тѣхъ, кому служили въ качествѣ наемниковъ. Если они дѣйствовали успѣшно, то становились опасны, и отъ нихъ тотчасъ старались избавиться, какъ это было съ Роберто Малатеста, умерщвленнымъ немедленно послѣ побѣды, одержанной имъ для Сикста IV, въ 1482 г.¹⁾; въ случаѣ же неудачи они часто первые платились за нее, какъ это было съ Карманьолой, казненнымъ венеціанцами въ 1432 г.²⁾. Венеціанцы любили къ тому же, чтобы кондотьеры помѣщали у нихъ свои капиталы; они обезпечивали за собой наслѣдственные на нихъ права, а затѣмъ при первой возможности еще конфисковали, что могли; они отравляли своихъ предводителей и затѣмъ оправдывали это наказаніемъ за предполагаемую измѣну³⁾. Нравственное состояніе эпохи было вообще таково, что кондотьеры часто вынуждены были давать въ залогъ жену и дѣтей и, несмотря на то, не пользовались довѣріемъ, сами неувѣренные также ни въ чемъ. Они должны были быть самоотверженными героями, характерами, въ родѣ Велизарія, чтобы не питать глубочайшую ненависть къ неблагодарнымъ слишкомъ много нужно было кондотьерамъ добрыхъ чувствъ, чтобы не стать рѣшительными мятежниками и не мстить въ свою очередь. И мы видимъ ихъ въ дѣйствительности мятежниками, презирающими все святое, жестокими къ людямъ, всегда готовыми на

¹⁾ Предположеніе, что Р. М. былъ умерщвленъ, давно уже вызвало у многихъ сомнѣніе и окончательно опровергнуто свидѣтельствами и данными приводимыми Pastor'омъ II, 553 737. Онъ умеръ отъ una febre continua terzana dopia cum fluxu vehementissimo.

²⁾ Guarino и Рапогмита хвалили графа Carmagola Письмо о С. принадлежащее Р. С. Decembrio и адресованное къ Cambius Zambecarius'у (1427), обнаружено А. Battistella (N. Arch. Ven. 10, 97—135), написавшимъ также книгу о Carm. (Genua 1889 г.). Дальнѣйшее о рѣчи Guarino и связанной съ этимъ полемикѣ Sabbadini въ N. Arch. Ven. II, 327—361.

³⁾ Ср. Barth. Facius, De vir. ill. стр. 64. Colleonis, ego состояние Malipiero annali Venetti Arch. stor. VII. I, стр. 244. Займы ibid. стр. 351; Отравленіе Alviano: Prato. Arch. Stor. III. 348.

измѣну и не опасаящимися умереть отлученными отъ церкви, съ папскимъ проклятіемъ.

Но въ то же время они нерѣдко представляютъ сильную индивидуальность и выдающіяся черты характера, чѣмъ вызываютъ удивленіе и поклоненіе солдатъ. Въ первый разъ въ исторіи мы видимъ здѣсь войско, въ которомъ рѣшительную роль играетъ личность вождя помимо цѣли войны и всякихъ соображеній.

Домъ Сфорца. Въ этомъ отношеніи въ особенности поразительный примѣръ представляетъ жизнь Франческо Сфорца¹⁾: никакіе сословные предразсудки и взгляды на рожденіе не могли повредить его безграничной популярности въ глазахъ всѣхъ и каждаго, и онъ смѣло могъ этимъ пользоваться надлежащимъ образомъ въ трудную минуту. Случалось, что, при видѣ его, враги бросали оружіе и съ непокрытой головой встрѣчали его привѣтствіями, такъ какъ всѣ привыкли считать его „отцомъ солдатъ“.

Домъ Сфорца представляетъ вообще выдающійся интересъ въ томъ отношеніи, что здѣсь какъ бы заранее можно предсказать возвышеніе власти до крайнихъ предѣловъ²⁾. Въ основѣ этого лежало прежде всего большая плодовитость³⁾.

Джакомо и Франческо. Въ свое время уже прославившійся Джакомо, отецъ Франческо, имѣлъ двадцать братьевъ и сестеръ, и всѣ они получили суровое воспитаніе въ Котиньолѣ, близъ Фаэнцы, подъ внушеніемъ обычной вендетты, вслѣдствіе безконечной распри между домами Сфорца и Пазолини. Ихъ жилище представляло настоящій арсеналь съ караульней; мать и дочери были также воинственны, какъ и сыновья. Джакомо на тринадцатомъ году жизни бѣжалъ оттуда прежде всего въ Паникале, къ папскому кондотьеру Большерино; это былъ тотъ вождь, который, какъ говорили, оставался предводителемъ въ битвѣ даже послѣ смерти, такъ какъ приказанія шли до тѣхъ

¹⁾ Cagnola, Arch. stor. III, стр. 121 sq.

²⁾ Въ особенности у Паоло Джіовіо въ его Vita mapni Sfortiae (Римъ 1539, посвящ. кардиналу Ascanio, Sforza — одной изъ привлекательнѣйшихъ его біографій.

³⁾ Z. указываетъ на то, что фамильное имя было Attendolo, впоследствии преобразованное въ прозваніе Ясоро.

поръ изъ палатки, гдѣ лежалъ его уже набальзамированный трупъ, пока нашелся достойный преемникъ. Вслѣдъ затѣмъ Джакомо служилъ то здѣсь, то тамъ, пока возвысился и призвалъ къ себѣ всѣхъ родныхъ. Онъ воспользовался этимъ многочисленнымъ родствомъ, какъ однимъ изъ лучшихъ средствъ для упроченія династїи. Его родственники держали въ рукахъ армію въ то время, когда онъ находился взаперти въ Неаполѣ. Далѣе, его сестра собственноручно взяла въ плѣнъ королевскихъ пословъ и этимъ залогомъ спасла его отъ смерти.

Аккуратность Джакомо въ денежныхъ дѣлахъ сама по себѣ уже указываетъ на его дальновидность и во многомъ гарантируетъ успѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, даже послѣ поражений онъ пользуется кредитомъ банкировъ. Далѣе, съ тою же расчитанностью онъ защищаетъ крестьянъ отъ мародерства и стоить противъ разрушенія взятыхъ войскомъ городовъ. Наконецъ, въ жертву честолюбію онъ приноситъ свое личное чувство и выдаетъ замужъ любимую женщину Лучію ¹⁾ (мать Франческо Сфорца) для того, чтобы самому вступить потомъ въ бракъ, отвѣчающій его политическимъ видамъ. И браки другихъ членовъ его семьи также должны были подчиняться тѣмъ же видамъ и соображеніямъ въ интересахъ династїи. Онъ велъ жизнь не похожую на безпутство другихъ властителей и, отпуская своего Франческо въ свѣтъ, велитъ ему держаться трехъ правилъ: — „Не ищи -- говоритъ онъ ему — благосклонности чужой жены, не бей своихъ слугъ, а если тебѣ случится одного изъ нихъ ударить, то удали его отъ себя, не садись на тугоуздаго или теряющаго легко подковы коня“. Съ внѣшней стороны онъ представлялъ собой, если не типъ великаго полководца, то, во всякомъ случаѣ, прекраснаго воина, сильнаго сложенія, искусстваго въ всякаго рода физическихъ упражненіяхъ; онъ походилъ лицомъ на крестьянина, что само по себѣ увеличивало его популярность въ народѣ, и обладалъ удивительной памятью: онъ зналъ и помнилъ многіе годы всѣхъ своихъ солдатъ съ

¹⁾ Современный биографъ Ясоро — А. Minuti: Doc. di stor. ital. Turin 1869 г. VII, 139 говоритъ, что Lucia видѣла въ дѣтствѣ сонъ, оправдавшійся впоследствии рожденіемъ знаменитаго сына (Z).

ихъ лошадыми и получаемымъ содержаніемъ. Онъ не зналъ никакого языка, кромѣ итальянскаго, но всѣ его досуги были обращены на изученіе исторіи, и онъ приказывалъ переводить для себя греческихъ и латинскихъ авторовъ.

Его, сынъ Франческо, прославившійся еще болѣе отца, съ первыхъ же шаговъ на политическомъ поприщѣ стремился создать большое государство и овладѣлъ миланскою территоріей при помощи войскъ и предательства (1447—1450 гг.).

Его примѣръ вызвалъ подражанія¹⁾. Эней Сильвій говоритъ: „У насъ въ Италіи сильно развита страсть къ перемѣнамъ и не существуетъ никакой власти, освященной временемъ, а потому у насъ каждый холопъ можетъ стать королемъ“.

Пиччинино. Но одинъ человекъ въ особенности привлекалъ къ себѣ общее вниманіе всего полуострова; это былъ Джіакомо Пиччинино, — „Сынъ счастья“, какъ онъ самъ себя называлъ. Всѣхъ занималъ жгучій вопросъ, успѣетъ ли онъ въ своемъ властолюбивомъ стремленіи. Всѣ болѣе сильные властители, конечно, не прочь были помѣшать ему въ достиженіи цѣли, и Франческо Сфорца также думалъ, что будетъ лучше, если его примѣръ не повторится и онъ самъ останется послѣднимъ изъ кондотьеровъ завладѣвшихъ верховной властью. Но войска и предводители, которымъ поручено было дѣйствовать противъ Пиччинино, руководились другими мотивами²⁾. — „Если мы покончимъ съ нимъ, намъ придется взяться за соху“, — говорили они, а потому, продержавъ его долгое время запертымъ въ Орбетелло, они тайно снабжали его провіантомъ и дали ему возможность блестящимъ образомъ выпутаться изъ петли. Въ концѣ концовъ, однако, онъ не ушелъ отъ своей роковой судьбы. Во всей Италіи держались пари объ ожидающей его участи, когда онъ въ 1465 г., побывавъ у Франческо Сфорца въ Миланѣ, отправился къ королю Ферранте въ Неаполь

¹⁾ Aen. Sulvius: Commentar къ „De dictis et factis Alphonsi, Opera ed. 1538 стр. 251. Novitate gaudens Italia nihil habet stantius, nullum in ea vetus regnum, facile hic ex servis reges videmus.

²⁾ Pii II Coment. 1,49 стр. 69.

Гибель Пиччинино. Здѣсь, несмотря на всѣ ручательства и охранныя грамоты, король, по уговору съ Франческо, приказалъ умертвить его въ крѣпости Кагельнуово ¹⁾).

Но и кондотьеры, наслѣдственно уже владѣвшіе землями, не чувствовали себя въ безопасности. Когда Роберто Малатеста и Федерико Урбинскій умерли въ одинъ день, первый въ Римѣ, а второй — въ Болоньѣ, то оказалось, что каждый изъ нихъ, умирая, поручалъ другому заботу о своихъ владѣніяхъ ²⁾. Все считалось позволительнымъ въ отношеніи къ людямъ, въ свое время приобрѣтавшимъ все самыми непопозвопительными средствами. Франческо Сфорца еще въ ранней молодости женился на богатой калабрійской наслѣдницѣ Поликсентѣ Руффо, графинѣ Монтальто, и отъ нея имѣлъ дочь; его тетка отравила и мать и дочь и этимъ путемъ перехватило наслѣдство ³⁾. Таковъ былъ порядокъ вещей.

Послѣднія попытки кондотьеровъ. Со времени гибели Пиччинино захватъ власти кондотьерами вызываетъ общее негодование и становится нетерпимымъ явленіемъ. Четыре главнѣйшихъ государства: Неаполь, Миланъ, Церковная область и Венеція образуютъ нѣчто въ родѣ системы равновѣсія съ цѣлью воспрепятствовать всякимъ новымъ поползновеніямъ. Въ Церковной области, гдѣ было множество маленькихъ тирановъ, — прежнихъ кондотьеровъ, отчасти не совѣмъ еще оставившихъ эту роль, — со времени папы Сикста IV одни непыты сохраняютъ за собой право на хищническія предпріятія. Но при малѣйшемъ замѣшательствѣ въ политическихъ дѣлахъ кондотьеры снова

1) Sismondi X, стр. 253. — Corio Fol. 412. Здѣсь Сфорца разсматривается, какъ соучастникъ, потому что онъ видитъ опасность военной популярности П для своихъ сыновей. Въ противность новѣйшимъ опроверженіямъ такого соучастія, оно подтверждается D. Gianpietro въ Arch. stor. delle prov. napol anno 7. — Storia Bresciana у Murat. XXI, Cel. 902. По свидѣтельству Malipiero, Ann. Veneti archiv. stor. VII, I, стр. 210 флорентійскіе изгнанники подкупили главн. кондотьера Colleoni тѣмъ, что обѣщали отдать ему миланское герцогство, если онъ выгонитъ изъ Флоренціи врага республики Piero Medici. О смерти Piero см. A. Medin Serventesi barzulletta e capitolo in morte del conte J. P. Arch. stor. lomb. 14, 728--764, гдѣ упомянуты также извѣстные уже пѣсни.

2) Allegretti, Diarii Sanesi у Murat. XXIII стр 881.

3) Orationes Philelphi, изд. Venet. 1492 Fol.9, рѣчь надъ гробомъ Франческо.

появлялись. Такъ въ періодъ жалкаго правительства Иннокентія VIII нѣкій Бокколино — наемникъ бургундскаго происхожденій завладѣвшій для себя въ папской области Озимо и Іези,— едва не передался туркамъ вмѣстѣ съ этими городами¹⁾ и, только благодаря посредничеству Лоренцо Великолѣпнаго, онъ согласился на отступное и удалился. Въ 1495 г., во время общаго замѣшательства, вызваннаго войной Карла VIII, кондотьеръ Видоверо изъ Брешии²⁾ сдѣлалъ попытку возвыситься; онъ уже взялъ было однажды городъ Чезену цѣною смерти многихъ гражданъ и знатныхъ, но крѣпость не сдалась, и онъ долженъ былъ уйти. — Теперь, поддерживаемый войскомъ, которое уступилъ ему другой такой же разбойникъ, венеціанскій кондотьеръ Пандольфо Малатеста, владѣлецъ Римини, сынъ упомянутаго Роберто, онъ отнялъ у Равенскаго архіепископа городъ Кастельнуово. Венеціанцы занятые, въ это время болѣе серьезными дѣлами и сами тѣснимые папой, приказали Пандольфо при случаѣ все-таки арестовать, „непріятеля“, что онъ „съ грустью“ исполнилъ, а затѣмъ пришелъ приказъ повѣсить того же пріятеля. Изъ предосторожности Пандольфо велѣлъ его задушить въ темницѣ и потомъ уже показать народу.

Наконецъ, послѣдній значительный примѣръ такой узурпации мы видимъ въ лицѣ знаменитаго владѣльца замка Муссо, который во время миланскихъ смутъ, послѣ битвы при Павіи въ 1525 году, разыгралъ роль монарха на Комскомъ озерѣ, но затѣмъ заплатилъ за свою смѣлую попытку многолѣтнимъ заключеніемъ въ миланской крѣпости въ 1538 г.

1) Marin Sanudo, Vite de'Duchi di Ven. y Murat. XXII, Col. 1241.

2) Malipiero, Ann. Veneti, Archiv. stor. VII, I стр. 407.

Глава IV

Малыя тираніі XV вѣка

Своеволие мелкихъ тирановъ. Въ *общемъ о тираніяхъ XV вѣка можно сказать, что тяжелыя послѣдствія такого порядка вещей давали себя чувствовать тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше была территорія. Такъ должно было быть уже потому, что въ каждомъ владѣніи происходили вѣчныя ссоры за наслѣдство между многочисленными членами владѣтельной семьи, желавшими жить всѣ и каждый соответственно своему происхожденію и рангу. Бернардо Барано, владѣлецъ Камерино, умертвилъ двухъ своихъ братьевъ¹⁾, чтобы ихъ наслѣдство могло перейти къ его дѣтямъ. Съ другой стороны, мы встрѣчаемъ отъ времени до времени разумное управленіе, не сопряженное съ произволомъ и кровопролитіемъ, но только тамъ, гдѣ видимъ власть въ рукахъ могущественнаго государя, или гдѣ тиранъ былъ въ зависимости отъ такого сильнѣйшаго государя. Примѣръ такого разумнаго деспота представляетъ Александръ Сфорца²⁾, владѣлецъ Пизаро, братъ знаменитаго Франческо и тестъ Федерико Урбинскаго († 1473). Послѣ многихъ лѣтъ, проведенныхъ въ войнѣ, онъ жилъ спокойно въ своихъ владѣніяхъ, заслуживъ репутацію справедливаго и доступнаго правителя, собралъ превосходную бібліотеку и посвящалъ свободное время серьезной бесѣдѣ. Къ числу такихъ правителей принадлежитъ также Джіованни II Бентивольо, владѣвшій Болоньей (1462—1508 г.г.); такъ какъ политическій характеръ его дѣйствій обусловливался зависимостью отъ домовъ Сфорца и Эсте. И, напротивъ, мы видимъ рядъ кровавыхъ

1) Chron. Eugubinum, у Murat. XXI, Col. 972, Ср. Feliciangeli, Giorn. stor. 13, 1 ff.

2) Vespasiano Fiorent. I, 326 ff. Его дочь, позднѣе супруга послѣдв. за нимъ Giov. II. Bentiv. была Ginevra, которой Sabadino degli Arienti посвятилъ свой біографическій трудъ.

событій въ семейной исторіи домовъ Барани (Камерино), Малатеста (Римини), Манфреди (Фаэнца) и въ особенности у Бальони, въ Перуджіи.

Бальони. О томъ, что происходило въ послѣдней упомянутой семьѣ мы лучше всего освѣдомлены, благодаря хроникамъ Граціани и Матараццо, рисующимъ событія въ яркихъ картинахъ ¹⁾.

О членахъ семейства Бальони говорили, что они родились съ мечами у пояса; имъ не удалось стать полноправными властителями и господство этого дома имѣло характеръ лишь первенствующаго значенія въ городѣ, благодаря въ особенности огромнымъ богатствамъ и вліянію на замѣщеніе должностей. Въ средѣ членовъ семьи одинъ признавался обыкновенно главой и руководителемъ, но въ дѣйствительности между различными отпрысками царила взаимная скрытая и глубокая ненависть. Эта семья имѣла въ городской средѣ противниковъ, составлявшихъ одну партію, подъ главенствомъ членовъ дома Одди. Между этими сторонами возгорѣлась, около 1487 г., настоящая война и жилища знатнѣйшихъ гражданъ были наполнены во всякое время вооруженными людьми и наемниками (брави), ежеминутно готовыми совершать нападенія и убійства. Не проходило дня безъ столкновенія и насилій; такъ, при погребеніи убитаго нѣмецкаго студента двѣ коллегіи вступили въ вооруженную стычку; случалось, что брави различныхъ домовъ среди дня сражались между собой на улицѣ. Напрасны были всѣ жалобы купцовъ и ремесленниковъ, папскіе губернаторы и неопоты молчали, закрывая на все глаза или вовсе уѣзжая.

Изгнаніе Одди. Въ концѣ концовъ Одди вынуждены были оставить Перуджію, и городъ съ этого времени обратился въ осажденную крѣпость, находившуюся вполнѣ во власти Бальони, утилизовавшихъ подъ казармы даже соборъ. Нападенія и заговоры вызывали беспощадную месть. Въ 1491 г. повѣшено было передъ ратушей сто тридцать проникшихъ въ городъ противниковъ, а затѣмъ на площади воздвигнуто было тридцать пять алтарей и въ теченіе трехъ дней тамъ служились обѣдни и совершались

¹⁾ Archiv-Stor. XVI, Parte I u. II.

процессіи съ молитвами о снятіи проклятія съ города. Одинъ изъ nepoтoвъ папы Иннокентія VIII былъ умерщвленъ среди бѣлаго дня, на улицѣ.—Непотъ Александра VI, присланный имъ для умиротворенія гражданъ — встрѣченъ былъ публичнымъ осмѣяніемъ. Двое руководителей правящаго дома Гвидо и Ридольфо часто совѣщались съ творившей чудеса монахиней ордена доминиканцевъ, сестрой Коломбой Ратта, но всѣ ея совѣты установить миръ, подъ угрозой большихъ бѣдствій, разумѣется, ни къ чему не вели. Лѣтописецъ указываетъ, однако, по этому поводу на благочестіе лучшихъ гражданъ Перуджіи въ эти годы невообразимыхъ ужасовъ.

Во время похода Карла VIII Бальони вели до того ожесточенную борьбу съ изгнанниками, занимавшими Ассизи и его окрестности, что всѣ жилища въ долинѣ были сравнены съ землей, поля оставались безъ обработки, крестьяне становились разбойниками и грабителями, а волки свободно бродили всюду, пожирая „христіанское мясо“...

Когда Александръ VI скрывался въ 1495 г. въ Умбріи отъ возвращавшагося изъ Неаполя Карла VIII, онъ вздумалъ, посѣтивъ Перуджію, ксати сразу навсегда избавиться отъ беспокойныхъ Бальони. Съ этой цѣлью онъ предложилъ Гвидо устроить турниръ или другое праздничное состязаніе, надѣясь такимъ образомъ захватить ихъ всѣхъ врасплохъ на одномъ мѣстѣ, но Гвидо былъ того мнѣнія, что „прекраснѣйшее зрѣлище, какое онъ можетъ устроить, это собрать всѣхъ гражданъ Перуджіи, носящихъ оружіе“.— Выслушавъ этотъ отвѣтъ, папа отказался отъ задуманнаго плана.

Вскорѣ затѣмъ изгнанники снова напали на городъ, и Бальони остались побѣдителями только благодаря своему личному мужеству. Восемнадцатилѣтній Симонетто Бальоне съ немногими друзьями, сражаясь на площади противъ нѣсколькихъ сотъ враговъ, палъ, пораженный двадцатью ударами, но снова поднялся, когда на помощь прискакалъ Асторре Бальоне. Въ золоченыхъ доспѣхахъ, на огромномъ конѣ, съ орломъ на шлемѣ, Асторре, по словамъ современника, „ринулся въ битву, подобно Марсу“.

Двѣнадцатилѣтній Рафаэль находился въ то время въ ученіи у Пьетро Перуджино, и очень можетъ быть, что

впечатлѣнія этихъ дней послужили источникомъ вдохновенья для его раннихъ произведеній: Св. Георгія и Св. Михаила. Кое что изъ пережитаго имъ, по всей вѣроятности, увѣковѣчено въ Св. Михаилѣ и, если народъ представлялъ себѣ героя въ лицѣ Асторре Бальоне, то, конечно, въ томъ видѣ, какъ изображенъ Геліодоръ въ небесномъ всадникѣ¹⁾).

Послѣ этой битвы противники были частью вовсе уничтожены, частью бѣжали въ паническомъ страхѣ и уже не въ силахъ были далѣе бороться и мстить. Нѣкоторое время спустя, многіе изъ нихъ были прощены и получили позволеніе вернуться. Но въ Перуджіи не стало покойнѣе. Въ самой семьѣ Бальони возникли раздоры, сопровождавшіеся ужасными событіями. Противъ Гвидо, Ридольфо и ихъ сыновей: Джіанпаоло, Симонетто, Асторре, Джисмондо, Гентиле, Маркантонио и др. возмутились двое ихъ племянниковъ Грифоне и Карло Барчила,—послѣдній племянникъ въ тоже время и Барано, владѣтеля Камерино и шурина одного изъ прежнихъ изгнанниковъ, Джироламо делла Пенна. Напрасно Симонетто, догадывавшійся о тайномъ заговорѣ, на колѣняхъ просилъ дядю дозволить ему убить Пенну—Гвидо отказалъ ему въ этомъ. Въ срединѣ лѣта 1500 г., внезапно вспыхнулъ заговоръ во время вѣнчанья Асторре Бальоне съ Лавиніей Колонна.

Кровавое вѣнчанье въ Перуджіи. — Празднества начались и продолжались нѣсколько дней, несмотря на рядъ тревожныхъ предзнаменованій, превосходно описанныхъ Матараццо въ его хроникѣ. Находившійся здѣсь-же Барано искусно воспользовался обстоятельствами; заговорщики съ дьявольскою хитростью предложили Грифоне захватить единоличную власть и увѣрили его въ томъ, что между его женой Зеновіей и Джіанпаоло существуетъ преступная связь. Наконецъ, всѣ приготовленія были закончены, и каждый изъ заговорщиковъ намѣтилъ себѣ жертву, при чемъ было принято въ соображеніе, что дома членовъ семьи Бальони отдѣлялись значительными промежутками

¹⁾ Z. (Zippel) обращаетъ вниманіе на то, что юношескія произведенія Рафаэля нерѣдко вызываютъ сомнѣніе въ томъ, правильно-ли они приписываются ему; „Св. Михаилъ“ считался произведеніемъ Андреа Луидяси.

(почти всѣ они находились тамъ, гдѣ теперь крѣпость). Каждый получилъ въ свое распоряженіе по пятнадцати брави, остальные люди составили стражу. Въ ночь на 15 юля заговорщики ворвались въ дома и убили Гвидо, Асторре, Симонетто и Джисмондо. Остальные успѣли бѣжать.

Тѣ, кто видѣлъ лежавшіе на улицѣ трупы Асторре и Симонетто, „въ особенности иностранные студенты“, сравнивали перваго съ древнимъ римляниномъ—такъ много было въ немъ достоинства и величія; на лицѣ Симонетто сохранилось такое выраженіе, какъ будто и сама смерть не могла его укротить. Побѣдители посѣтили друзей убитыхъ, думая прійти съ ними къ соглашенію, но нашли всѣхъ въ слезахъ и въ сборахъ къ отъѣзду въ свои помѣстья.

Между тѣмъ, спасшіеся бѣгствомъ изъ города члены семьи Бальони собрали приверженцевъ въ ближайшихъ окрестностяхъ и съ Джіанпаоло во главѣ на слѣдующій день вторглись въ городъ, гдѣ къ нимъ тотчасъ присоединились друзья, которымъ Барчилиа въ это время уже угрожалъ смертію. Грифоне попался въ ихъ руки возлѣ церкви С. Эрколане, и Джіанпаоло предоставилъ своимъ людямъ раздѣляться съ нимъ; Барчилиа и Пенна бѣжали въ Камерино къ главному виновнику всѣхъ бѣдствій, Барано, а Джіанпаоло немедленно и безъ всякихъ потерь сталъ хозяиномъ въ городѣ.

Еще молодая, прекрасная собой мать Грифоне, накануне только бѣжавшая изъ города въ свой замокъ вмѣстѣ съ его женой Зеновіей и двумя дѣтьми Джіанпаоло и съ проклятіемъ отвергнувшая сына, вернулась теперь вмѣстѣ съ невѣсткой и стала искать его трупъ. Граждане разступались передъ обѣими женщинами. Никто не хотѣлъ дать ей заподозрить въ немъ убійцу сына и навлечь на себя ея проклятіе. Но всѣ ошибались въ ней; она сама убѣдила умирающаго Грифоне простить всѣмъ, наносившимъ ему смертельные удары, и онъ умеръ, прощенный ею. Съ глубокимъ почтеніемъ граждане провожали взорами обѣихъ женщинъ, когда онѣ проходили черезъ площадь въ окровавленныхъ платьяхъ. Впослѣдствіе эта мать внушила Рафаэлю мысль написать его знаменитое „Погребеніе Христа“, и такимъ образомъ ея горе легло на алтарь чистѣйшаго материнскаго горя.

Соборъ, у стѣнъ котораго разыгралась трагедія смерти, былъ омытъ виномъ и вновь освященъ, но въ то же время не успѣли еще убрать воздвигнутую къ свадьбѣ триумфальную арку, на которой были изображены подвиги Асторре и хвалебные стихи Матарацио, оставившаго намъ картинное изображеніе всѣхъ этихъ событій.

Всѣ эти ужасы нашли отраженіе также въ легендарныхъ почти разсказахъ о семьѣ Бальони. Говорили, что ни одинъ изъ членовъ этой семьи не умиралъ естественной смертью, и что двадцать семь изъ нихъ однажды умерли въ одно время насильственной смертью, и дома ихъ были сравнены съ землей, а кирпичами развалинъ вымощены улицы. Впослѣдствіи при Павлѣ III дома ихъ, дѣйствительно, были преданы разрушенію.

Въ данный моментъ, однако, они, повидимому, взяли за умъ, водворили порядокъ среди своихъ приверженцевъ и стали защитниками должностныхъ лицъ противъ своеволія знатныхъ. Тѣмъ не менѣе они не долго пользовались покоемъ. Въ 1506 г. Юлій II безъ большого труда завоевалъ Перуджію, и Джіанпаоло вынужденъ былъ принести ему присягу въ вѣрности. По мнѣнію Макиавелли ¹⁾, онъ могъ умертвить папу и этимъ обезпечить себѣ безсмертіе, но не сдѣлалъ этого.

Проклятіе надъ домомъ Бальони. Но проклятіе продолжало тяготѣть надъ этимъ домомъ и сказалось снова, какъ подавленное, но не потушенное пламя пожара. Въ 1520 г. папа Левъ X заманилъ Джіанпаоло въ Римъ и здѣсь онъ былъ обезглавленъ. Одинъ изъ его сыновей, Ораціо, владѣвшій короткое время Перуджіей, только благодаря смутамъ, какъ союзникъ тоже тѣснимаго папой урбинскаго герцога, успѣлъ еще разъ возобновить всѣ ужасы своихъ предшественниковъ. Послѣ того, какъ онъ умертвилъ дядю и трехъ двоюродныхъ братьевъ, герцогъ посовѣтовалъ ему остановиться ²⁾. Его братъ — Малатеста Бальоне, флорентійскій вождь, обезсмертившій себя измѣной въ 1530 г., а сынъ, Ридольфъ, послѣдній въ родѣ,

¹⁾ Discorsi I, c. 27.

²⁾ Varchi, Stor. fiorent. I, стр. 242 и слѣд.

ознаменовалъ въ 1534 г. свое краткое, но злодѣйское господство въ Перуджии убійствомъ легата и должностныхъ лицъ.

* * *

Римини. Мы еще встрѣтимся съ тиранами Римини, оставившими послѣ себя громкую память. Безъ сомнѣнія, рѣдко въ одномъ лицѣ соединялись такъ тѣсно презрѣніе ко всякимъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, талантъ полководца и высокое образованіе, какъ мы видимъ это, напримѣръ, у Сигизмондо Малатеста († 1467 г.)¹⁾. Но когда злодѣйства всякаго рода скопляются такъ, какъ это было въ родѣ Малатеста, они берутъ перевѣсъ надъ какимъ угодно талантомъ и влекутъ самихъ тирановъ къ гибели. Вышеупомянутый Пандольфо, внукъ Сигизмондо, еще держался, но только потому, что Венеція не хотѣла допустить паденія своего кондотьера; въ концѣ концовъ, однако, послѣ того, какъ онъ сталъ угрожать отцу и сжегъ монастырь²⁾, въ которомъ заключена была его невѣста, возмущенные его жестокостью, подданные осадили его въ крѣпости въ Римини; онъ успѣлъ бѣжать и вслѣдъ затѣмъ, запятанный братоубійствомъ и всевозможными ужасами, вернулся въ Римини подъ защитой Венеціи, въ сопровожденіи ея представителя. Тридцать лѣтъ спустя Малатеста стали нищими изгнанниками.

Время около 1527 г. было гибельнымъ для большей части этихъ мелкихъ династій, но и немногіе пережившіе эту эпоху не имѣли основаній этому особенно радоваться. Въ Мирондоли правителями были маленькіе государи изъ дома Пико; въ 1470 г. здѣсь произошла семейная катастрофа: Галеотто засадилъ своего брата, Антоніо, въ тюрьму³⁾. Но это была

¹⁾ Сравни. между проч. Jovianus Pontanus, de immanitate, cap. 17. О болѣе раннихъ казняхъ сочленовъ въ семействѣ Malatesta см. Dante, Inferno, пѣснь 5, и далѣе Pecorone VII, 2 (1378). Отн. Sig. Malatesta ср. Basinii Parmensis opera praestantiora, 2 тома, Rimini 1791. 2-й т. содержитъ біографію поэта и описаніе „писательскаго двора“, а также жизнеописаніе Malatesta, составленное Igeneo Affo.

²⁾ Malipiero, Ann. Veneti, Archiv. Stor. VII, I, стр. 598 и слѣд.

³⁾ Diario Ferrarese у Murat XXIV, col. 225.

только прелюдія. Въ 1533 г. здѣсь жилъ бѣдный ученый Лиліо Грегорио Джиральдусъ, бѣжавшій изъ разореннаго Рима и нашедшій здѣсь гостепріимный пріютъ у стараго Джіовано Франческо Пико—племянника знаменитаго Джіованни. Этотъ государь хотѣлъ приготовить для себя надгробный памятникъ и бесѣдовалъ о своемъ планѣ съ Джиральдусомъ. Разсужденіе ¹⁾ написанное послѣднимъ на эту тему и посвященіе государю помѣчены апрѣлемъ того же года. Но затѣмъ печальная приписка гласитъ: „Въ октябрѣ того же года несчастный государь умерщвленъ ночью племянникомъ, похитившимъ власть, и я едва спасъ жизнь оставшись въ нищетѣ“.

Полу-деспотическое, безхарактерное правленіе Пандольфо Петручи въ послѣдніе годы XV вѣка въ раздираемой партійной усобицей Сіенѣ едва ли заслуживаетъ вниманія. Этотъ назначительный и злобный челоѣкъ ²⁾ властвовалъ, пользуясь совѣтами нѣкоего ученаго законѣда и астролога, и отъ времени до времени распространялъ ужасъ какимъ-нибудь убійствомъ. Его любимымъ развлеченіемъ было сбрасываніе лѣтомъ каменныхъ глыбъ съ вершины Монте Аміата, не заботясь о томъ, на чью голову онѣ упадутъ. Въ видѣ счастливаго исключенія ему удалось то, что не удавалось болѣе мудрымъ—онъ избѣгъ козней Чезаре Борджіа, но въ концѣ концовъ умеръ одинокимъ и всѣми презираемымъ. Его сыновья долгое время еще оставались въ положеніи полу-властителей.

¹⁾ Lil. Greg. Giraldus, De Sepulcris ac vario sepeliendi ritu. Напечатано въ Opera ed. Bas. 1580, стр. 640 и слѣд.

²⁾ Противъ этого жестокаго осужденія протестуетъ С. Falletti Fossati въ Atti di Acc. dei Fisiocritici, vol. 10, 1883, 92. Отдѣльныя сообщенія о П. П. можно найти у Zdekauer'a, Lo Studio di Siena nel rinasimento, Миланъ, 1894, стр. 120 и слѣд.

Глава V

Главнѣйшія династіи въ XV вѣкѣ

Арагонская династія занимаетъ особое мѣсто въ числѣ важнѣйшихъ этого вѣка. Въ основѣ власти бароновъ со временъ нормановъ лежитъ ленная система, придавая политическому строю особый колоритъ, такъ какъ въ остальной Италіи, исключая юга Церковной области и еще немногихъ владѣній, существуетъ только простая земельная собственность безъ наслѣдственныхъ феодальныхъ правъ.

Альфонсъ Неаполитанскій. Знаменитый Альфонсъ († 1458), водворившійся въ Неаполѣ въ 1435 г., не походилъ ни на одного изъ своихъ истинныхъ или предполагаемыхъ потомковъ. Неутомимо трудясь и не прибѣгая къ чужой помощи, онъ, несмотря на незнакомство съ итальянскимъ языкомъ, усвоилъ себѣ характеръ итальянца того времени и оставался вѣренъ этому характеру во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, какъ правитель. Онъ былъ богато одаренъ отъ природы, довѣрчивъ къ окружающимъ, кротокъ и великодушень по отношенію къ врагамъ и скромень, несмотря на сознаніе своего истинно королевскаго происхожденія. Къ тому же онъ отличался пріятной любезностью въ обращеніи, и даже его поздняя страсть къ Лукреціи д'Аланьо вызывала не порицаніе, а только почтительное удивленіе. Единственнымъ его недостаткомъ была расточительность. Это качество, полезное иногда само по себѣ при высококомъ общественномъ положеніи¹⁾, влекло за собой, однако, рядъ не-

¹⁾ Jovian Pontan. Opp. ed Basileae 1538 T. I: de liberalitate, cap. 19, 29 u: de obedientia, l. 4. Сравн. Sismondi X, p. 78 и слѣд., Panormita, De dictis et factis Alphonsi lib. I n. 61, IV, pro. 42.—По поводу всего этого отдѣла см. Gothein, стр. 478 и слѣд. О Lucrezia d'Alagno: B. Croce 1885, Filangieri 1886 (Arch. stor. nap. XI).

избѣжныхъ послѣдствій. Финансовые администраторы становились заносчивы и всемогущи, пока король, обѣднѣвъ и ставъ совсѣмъ банкротомъ, принимался ихъ, въ свою очередь, грабить и отнимать у нихъ все. Затѣмъ, чтобы имѣть предлогъ взять налогъ съ духовенства, объявлялся крестовый походъ. Или король грозилъ евреямъ притѣсненіями и требовалъ отреченія отъ вѣры отцевъ, заставляя ихъ откупаться золотомъ, добровольными подарками и регулярнымъ налогомъ. Когда въ Абруццахъ сильное землетрясеніе поглотило много человѣческихъ жертвъ, оставшіеся въ живыхъ должны были платить подати за умершихъ. Въ то же время онъ, однако, уничтожилъ нѣкоторые непристойные налоги, напримѣръ, налогъ съ игральныхъ картъ и старался облегчить подати бѣднѣйшимъ классамъ. Въ отношеніи приѣма высокихъ гостей и посольствъ никто не могъ его превзойти въ пышности (стр. 20) и вообще онъ не прочь былъ воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы проявить неслыханную щедрость даже по отношенію къ врагамъ. Онъ вознаграждалъ также чѣмъ только могъ труды ученыхъ и поэтовъ.

Ферранте. Его наслѣдникъ Ферранте ¹⁾ (Фернандо, 1458—1494) считался побочнымъ сыномъ Альфонса отъ одной испанки, но возможно, что въ дѣйствительности происходилъ отъ одного изъ валенсіанскихъ маррановъ. Благодаря-ли происхожденію или вслѣдствіе угрожавшихъ его власти заговоровъ бароновъ, онъ отличался мрачнымъ и жестокимъ характеромъ и внушалъ современникамъ большой ужасъ,

¹⁾ Tristano Carracciolo, De Fernando qui postea rex Aragonum fuit ejusque posteris у Murat XXII. col. 113—120. Jovian Pontan: de prudentia l. IV; de magnanimitate l. 1; de liberalitate cap. 29. 36; de immanitate cap. 8.—Cam. Porzio, Congiura de Baroni del regno di Napoli contra il re Ferdinando I, Pisa 1818 (новое изд. Stanislao d'Alce, Неаполь 1859), passim.—Comines, Gharles VIII, chap. 17, съ общей характеристикой Арагонцевъ. Для знанія дѣятельности Ferrante на пользу народа важно изданное Scipione Vopicella Regis Ferdinandi primi instructionum liber 1486—87. Неаполь 1861. Далѣе: Trinchera, Codice Aragonese 2 т. Неаполь 1868 до 70. Къ нѣсколько болѣе раннему времени относится: Giov. Pontano, Lettere inedite in nome di Reali di Napoli, pubblicate da F. Gabotto, Bologna 1893. Кромѣ этого сборника письма Pontano неоднократно печатались въ послѣднее время, ср. списокъ у Pontano, стр. 8, примѣчаніе. Позже отдѣльныя данныя обнаружены Nunziante въ Arch. napolet. 21, 528—533.

чѣмъ кто-либо изъ деспотовъ того времени. Неутомимый работникъ, прекрасный политикъ и человѣкъ свободный отъ разрушающихъ страстей, но въ высшей степени злопаметный и тонкій лицемѣръ, онъ всѣ свои таланты и весь умъ обращалъ на истребленіе враговъ и соперниковъ. Его вниманіе было обращено главнымъ образомъ на сильныхъ бароновъ, въ особенности ненавистныхъ, потому, что, несмотря на родственныя связи съ нимъ, они тѣмъ не менѣе вели тайныя сношенія съ его внѣшними врагами. Въ изысканіи денежныхъ средствъ, необходимыхъ какъ для борьбы съ внутреннимъ врагомъ, такъ и для внѣшнихъ войнъ, онъ слѣдовалъ примѣру Фридриха II и прибѣгалъ къ приемамъ, свойственнымъ мусульманамъ. Торговля зерномъ и масломъ находилась исключительно въ рукахъ правительства. Но и всю торговлю вообще онъ сосредоточилъ въ рукахъ одного Франческо Коппола, который дѣлился съ нимъ всѣми выгодами и держалъ у себя на службѣ всѣхъ мореходцевъ и владѣльцевъ оснащенныхъ судовъ. Недостачи всякаго рода покрывались принудительными займами, казнями богачей, конфискаціей имущества, безграничной симоніей и контрибуціями духовенства и монастырей.

Ферранте посвящалъ время, преимущественно, охотѣ, но у него въ запасъ было еще двоякаго рода развлеченіе. Онъ держалъ живыхъ своихъ враговъ подъ крѣпкими затворами и издѣвался надъ ними, а убитыхъ и набальзамированныхъ приказывалъ хранить одѣтыми въ тѣхъ самыхъ дорогихъ нарядахъ, какіе они носили при жизни¹⁾. Онъ радостно посмѣивался, когда заходила рѣчь о сидящихъ въ тюрьмахъ и не считалъ нужнымъ скрывать, что у него во дворцѣ цѣлый музей упомянутыхъ мумій. Большинство его жертвъ состояло изъ людей предательски имъ же убитыхъ, нерѣдко за его же столомъ. Примѣромъ его дьявольскаго лицемѣрія и жестокости можетъ служить состарившійся и потерявшій на службѣ у него здоровье первый министръ Антонелло Петручи, отъ котораго онъ сперва долгое время

¹⁾ Paul, Javius, *Histor.* I, стр. 14, въ рѣчи миланскаго посланника *Diario Ferrarese* у Murat XXV, Col. 294.— Gothein, стр. 525, примѣч. 1, не считаетъ это за проявленіе особенной безчеловѣчности; „этотъ неэстетичный способъ погребенія сохранилъ и понынѣ много привлекательности для неополитанца“.

вымогаль деньги, пока, наконецъ, подъ предлогомъ его участія будто бы въ заговорѣ бароновъ и несмотря на всю бездоказательность такого подозрѣнія, онъ заключилъ его въ темницу и казнилъ въ одно время съ всемогущимъ Копполой. При ознакомленіи съ этими событіями по хроникамъ Каррачіоло и Порціо, дѣйствительно, волосы встаютъ дыбомъ.

Альфонсъ Калабрійскій. Изъ сыновей короля старшій, Альфонсъ († 1495), герцога Калабрійскій, въ послѣдніе годы жизни отца принималъ нѣкоторое участіе въ управленіи. Коминъ говоритъ о немъ, какъ о „самомъ скверномъ, жестокомъ, порочномъ и низкомъ человѣкѣ, какого видѣлъ свѣтъ“. Этотъ развратнѣйшій деспотъ превзошелъ отца своимъ открытымъ поведеніемъ. Онъ не стѣснялся выказывать презрѣніе къ религіи и церкви, а потому среди его приближенныхъ были также и евреи, какъ Исаакъ Авраманель¹⁾. Напрасно было бы искать у этихъ двухъ властителей какихъ-нибудь лучшихъ чертъ, свойственныхъ въ то время нѣкоторымъ тиранамъ. Даже въ искусствѣ и наукахъ они находили удовлетвореніе только своимъ прихотямъ и тщеславію²⁾. Съ перваго появленія своего въ Италіи испанцы уже приносятъ начало разложенія, а потому конецъ этой династіи маррановъ естественнымъ образомъ обнаруживаетъ полное расовое вырожденіе.

Ферранте умираетъ отъ душевныхъ мукъ и огорченій; Альфонсъ не довѣряетъ родному брату Федериги, единственному достойному въ семьѣ, и жестоко оскорбляетъ его подозрѣніемъ въ измѣнѣ. Въ концѣ концовъ, несмотря на репутацію одного изъ лучшихъ военачальниковъ въ Италіи, онъ безразсудно бѣжитъ въ Сицилію, оставивъ сына, малолѣтняго Ферранте († 1496), въ жертву французамъ и предателямъ. Династія, прославившаяся такимъ печальнымъ образомъ, должна была, по крайней мѣрѣ, дорого продать жизнь, чтобы дать основаніе потомству стремиться къ восстановленію своихъ правъ. Но „никогда не будетъ сильнымъ жестокій“,— говоритъ по этому поводу Коминъ, нѣсколько одно-сторонне, но, по существу, справедливо обобщая это явленіе.

1) Zunz, Zur Geschichte und Literatur (Berlin, 1845), стр. 529.

2) Müntz, Histoire de l'art pendant la renaissance I, 116, 119, приписываетъ, какъ замѣчаетъ Z., обимъ сыновьямъ искреннее восторженное увлеченіе искусствомъ.

Послѣдній Висконти. Вполнѣ типичный образъ правленія въ духѣ XV вѣка въ Италиі мы видимъ въ миланскомъ герцогствѣ, гдѣ со времени Джіангалеаццо (стр. 14) воцаряется почти абсолютный монархическій строй. Интереснѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи послѣдній изъ дома Висконти, Филиппо Маріа (1412—1447), о которомъ, къ счастью, мы имѣемъ очень обстоятельныя свѣдѣнія ¹⁾. Его примѣръ съ необыкновенною логической ясностью рисуется намъ, что можетъ сдѣлать страхъ съ человѣкомъ, занимающимъ высокое положеніе и къ тому же весьма одареннымъ. Всѣ силы и средства государства должны были служить одной цѣли — обезпеченію его личной безопасности, и счастье еще, что его суровый эгоизмъ не обратился въ жажду крови. Онъ жилъ въ Миланѣ, въ своемъ укрѣпленномъ замкѣ, окруженномъ великолѣпными садами, съ тѣнистыми аллеями и аренами для физическихъ упражненій, и не показывался по цѣлымъ годамъ въ городѣ. Для лѣтнихъ путешествій по окрестностямъ, гдѣ находились его замки, были вырыты при немъ особые каналы и содержалась цѣлая флотилія рѣчныхъ судовъ, обставленныхъ съ такою полнотою, чтобы ни въ чемъ не нарушался дворцовый этикетъ. Если кто посѣщалъ почему-либо его замокъ, за гостемъ наблюдали сотни глазъ, изъ опасенія сношеній съ внѣшнимъ міромъ; никто не смѣлъ подойти къ окну, не возбуждая подозрѣній въ измѣнѣ. Каждый изъ приближенныхъ къ государю подвергался сперва сложной системѣ испытаній, и лишь заслужившимъ полное довѣріе поручались какъ высшія дипломатическія, такъ и лакейскія должности, при чемъ тѣ и другія считались одинаково почетными. И несмотря на такую боязливость, этотъ человѣкъ вынужденъ былъ безпрестанно давать своимъ слугамъ обширныя полномочія, такъ какъ вель трудныя, продолжительныя войны и преслѣдовалъ сложныя политическія цѣли.

¹⁾ Petri Candidi Decembrii Vita Phil. Mariae Vicecomitis y Murat. XX, о которой, однако, Jovius (Vitae XII vicecomitum p. 186) не безъ основанія говоритъ: quum omissis laudibus quae in Philippo celebrandae fuerant, vitia notaret. Guarino отзывается о немъ съ большою похвалою. Rosmini, Guarino II, стр. 75, Jovius въ назв. трудѣ стр. 186 и Jov. Pontanus, De liberalitate II, стр. 28 и 31 особенно подчеркиваютъ великодушный образъ дѣйствій правителя по отн. къ плѣнному Альфонсу.

Его спокойствіе обезпечивалось главнымъ образомъ тѣмъ, что ни одинъ изъ его слугъ не довѣрялъ другому, и такимъ образомъ создавалась система всеобщаго недоувѣрія и наущничества; шпіоны и посредники слѣдили за кондотьерами; между высшими чинами искусственно сѣялись вражда и разногласіе во всемъ, такъ, чтобы двое никогда не могли между собою ладить и въ чемъ нибудь сойтись. И въ сферѣ религиозныхъ убѣжденій Филиппо Маріа на всякій случай застраховываетъ себя, такъ сказать, съ двухъ концовъ: онъ вѣритъ въ созвѣздія и фатальную судьбу и въ то же время молится всѣмъ святымъ угодникамъ... По всей вѣроятности, четырнадцать статуй святыхъ въ самомъ замкѣ въ Миланѣ ¹⁾—исполнены по его заказу. Онъ читаетъ также древнихъ авторовъ, восхищается Данте и поэзіей Петрарки и приказываетъ читать себѣ вслухъ рыцарскіе романы французскихъ авторовъ.

Въ концѣ концовъ этотъ человѣкъ, избѣгавшій всегда напominаній о смерти, трепетавшій передъ „небытіемъ“ и удалявшій изъ своего дворца умирающихъ любимцевъ, чтобы не омрачить ничѣмъ счастливые чертоги—ускорилъ самъ свой собственный конецъ, отказавшись отъ кровопусканія при закрытой ранѣ и умеръ съ достоинствомъ и соблюденіемъ приличій.

Франческо Сфорца. Его зять и преемникъ власти, счастливый кондотьеръ Франческо Сфорца (1450—1466 стр. 29), по всей вѣроятности, болѣе чѣмъ кто-либо другой въ его время заслуживалъ симпатіи современниковъ. Въ его лицѣ мы видимъ блестящій примѣръ успѣха, достигнутаго побѣдой индивидуальности и дарованій, но и не становясь на эту точку зрѣнія, во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ немъ баловня счастья. Миланскіе граждане доказали, что считаютъ честью признать его своимъ государемъ: при вѣздѣ Франческо въ городъ густая толпа внесла его вмѣстѣ съ конемъ въ соборъ ²⁾.

Папа Пій II, знатокъ въ житейскихъ дѣлахъ и оцѣнкѣ личности, такимъ образомъ подводитъ итогъ его жизни ³⁾:

¹⁾ См. Historia, der Frundsberge fol. 27.

²⁾ Corio, fol. 400; Cagnola въ Archiv. stor. III стр. 125.

³⁾ Pii II. Comment. III, стр. 130. Ср. II, 87, 106. Другую, еще болѣе мрачную оцѣнку счастья Сфорцы даетъ Sagacchiolo, De varietate

„Когда герцогъ явился въ 1459 г. на конгрессъ въ Мантуѣ, ему было шестьдесятъ лѣтъ; но у него былъ рыцарски-юношескій видъ; виднаго роста, съ серьезными чертами лица, онъ обладалъ спокойной, привѣтливою рѣчью, королевскимъ обращеніемъ съ людьми, и въ общемъ по своимъ, какъ физическимъ, такъ и душевнымъ качествамъ не имѣлъ себѣ равнаго въ наше время, къ тому же былъ непобѣдимъ на полѣ битвъ. Таковъ былъ этотъ человѣкъ, возвысившійся изъ простаго званія и достигнувшій высшей государственной власти. Его супруга отличалась красотой и добродѣтелью, а дѣти походили на ангеловъ. Онъ рѣдко бывалъ боленъ, и всѣ его главнѣйшія желанія исполнялись. Впрочемъ, случалось и ему иногда мириться съ неприятностью: такъ, жена изъ ревности отравила его возлюбленную; старые его друзья и товарищи по оружію, Троило и Бруноро, покинули его и перешли на службу къ королю Альфонсу, а другого соратника, Чарполлоне, онъ принужденъ былъ казнить за измѣну; родной братъ, Александръ, возстановлялъ противъ него французовъ, и одинъ изъ сыновей интриговалъ противъ него и былъ заключенъ въ тюрьму; наконецъ, онъ потерялъ завоеванную раньше Анкону. Но ни одинъ человѣкъ не можетъ наслаждаться невозмутимымъ счастьемъ, не испытавъ въ чемъ либо неудачъ. Счастливъ тотъ, кому выпало на долю не слишкомъ много превратностей“.—Этимъ отрицательнымъ опредѣленіемъ счастья ученый папа заканчиваетъ свое описаніе. Если бы онъ могъ заглянуть въ будущее или захотѣлъ бы глубже вникнуть въ неизбѣжныя послѣдствія неограниченной власти, онъ угадалъ бы непрочность этой династіи. Уже современные астрологи гадали такъ: „Звѣзда Франческо Сфорца предвѣщаетъ счастье ему и гибель его потомству“. На этотъ разъ случайное пророчество нашло фактическое подтвержденіе. Упомянутые выше ангелоподобные дѣти, несмотря на заботливое и раз-

fortunaе, у Murat. XXII, Col. 74. Въ противорѣчii съ этимъ находится прославленіе счастья Сфорцы у Filelfo: Oratio parentalis de divi Francisci Sphortiae foelicitate и у Decembrio in Vita Franc. Sfortiae см.: Murat. XX. Ср. далѣе Arluni, De bello Veneto libri VI у Гребиуса, Thes. antiqui et hist. Italicae, V, часть III. Ср. также Barth. Facii, De vir ill. стр. 67.

ностороннее воспитаніе въ свое время, возмужавъ, погибли, какъ бы въ расплату за безграничный эгоизмъ.

Галеаццо Маріа. Этотъ въ высшей степени тщеславный челоуѣкъ гордился красивыми руками, дороговизною своихъ наемниковъ, своимъ кредитомъ, накопленными двумя милліонами золота въ слиткахъ, знаменитостями при своемъ дворѣ, своимъ войскомъ и птичьей охотой. Онъ очень любилъ показать, какъ онъ умѣетъ красиво говорить, и ему доставляло особенное удовольствіе собственное краснорѣчіе, когда представлялся случай взбѣсить какого-нибудь венеціанскаго посланника ¹⁾. У него бывали всякіе капризы: такъ, однажды, онъ приказалъ въ одну ночь расписать стѣны комнаты различными изображеніями. Онъ способенъ былъ также на возмутительныя злодѣйства ²⁾ и не зналъ предѣла своей распущенности ³⁾. Нѣсколько горячихъ молодыхъ людей съ Джіов. Андреа ди Лампуньяно во главѣ, видя въ Галеаццо совершеннѣйшаго тирана, составили заговоръ и умертвили его, вслѣдствіе чего власть перешла къ его братьямъ. Одинъ изъ нихъ, Людовикъ Мавръ, захватилъ впослѣдствіи всю власть въ свои руки, обойдя заключеннаго въ тюрьму, племянника. Эта узурпація повела ко вмѣшательству французовъ и стала одной изъ причинъ бѣдствій всей Италіи.

Людовикъ Мавръ, въ свою очередь, — одно изъ характернѣйшихъ явленій того времени и настолько естественный продуктъ извѣстныхъ общихъ условій происхожденія власти, что его даже нельзя слишкомъ строго судить. Онъ съ изумительной наивностью прибѣгаетъ къ самымъ безнрав-

¹⁾ Malipiero, Ann. veneti, Archiv. stor. VII, I, p. 126, sq. 221—224, письма Galeazzo Maria опубликованы въ Archiv. Stor. lombardo V, 1878. Вѣроятно несчастный не былъ убитъ Люд. Мавромъ, ср. К. Магента: J. Visconti, Миланъ 1883, I, 553. Папская грамота соболѣзнованія, посланная ему, однако, не доказала бы еще его невиновности.

²⁾ Въ 1473 г. священникъ Lud. da Tossignano въ Имоля написавъ противъ него стихи. Gal. вслѣдствіе этого испросилъ у папы разрѣшеніе взять его въ плѣнъ, и приказалъ потащить его ночью связаннымъ въ Миланъ, гдѣ онъ былъ приговоренъ къ вѣчному тюремному заключенію. Письма и судебныя бумаги сообщены Adr. Carrelli, Arch. stor. lomb. ser. III, томъ 7, 141 и сл.

³⁾ Ср. Приложение II.

ственнымъ средствамъ ¹⁾, не отдавая себѣ, повидимому, отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. По всей вѣроятности, онъ былъ бы очень удивленъ, если бы кто-нибудь вздумалъ дать ему понять, что существуетъ нравственная отвѣтственность не только за цѣли, но и за ведущія къ нимъ средства. По всей вѣроятности также, онъ способенъ былъ поставить себѣ въ особую рѣдкую заслугу и добродѣтель уменьшеніе числа смертныхъ приговоровъ. Полумифическое преклоненіе итальянцевъ передъ его политическимъ вліяніемъ онъ принималъ, какъ должную дань ²⁾ и находилъ естественнымъ, что во Флоренціи пѣли: *Christo in cielo e il Moro in terra sollo sa il fine di questa guerra*, а въ стихотвореніяхъ его называли „настоящимъ властелиномъ Италіи“. Онъ утверждалъ, что держать въ одной рукѣ миръ, въ другой — войну; и на монетахъ и картинахъ, по его приказанію, изображались эмблематически его всемогущество и униженіе противниковъ. Послѣ 1496 г. онъ хвалился своимъ значеніемъ, говоря, что папа не болѣе какъ его духовникъ, императоръ Максимилианъ — его кондотьеръ, Венеція — его канцлеръ, а французскій король — его курьеръ, обязанный отправляться всюду по его волѣ ³⁾. Въ минуту крайней опасности (1499) Людовикъ Мавръ съ изумительнымъ хладнокровіемъ взвѣшиваетъ всѣ обстоятельства и, къ чести его, надо сказать, выказываетъ вѣру въ лучшія стороны чело-вѣческой души; когда братъ его, кардиналъ Асканьо, запрашиваетъ позволеніе охранять до конца крѣпость въ Миланѣ, онъ отказываетъ ему, такъ какъ они жестоко поссорились передъ тѣмъ, и говоритъ ему: „Не взыщите, монсиньоръ, но я не довѣряю вамъ, хотя вы и братъ мнѣ“; для защиты крѣпости, этого „залога его возвращенія“ — по

¹⁾ Къ нимъ также относится, что онъ вымышлялъ несуществовавшіе вовсе заговоры и посылалъ ко дворамъ донесенія о нихъ и возбуждалъ подозрѣнія противъ неприятныхъ ему лицъ, ср. характерный случай Mosconi 1481, Arch. lomb. ser. III, томъ 8, 543 и сл.

²⁾ Chron. Venetum, у Мурат. XXIV, Col. 65.

³⁾ Malipiero, Ann. Veneti, Archiv. stor. VII, I, стр. 492. Ср. 482, 562. Ср. большое сочиненіе Léon G. Pellissier, Louis XII et Ludovic Sforza (8аог. 1498—23 Juill. 1500), 2 тома, Парижъ 1896—97, гдѣ I, стр. VII, VIII прим. перечислены многочисленныя труды Пеллиссье по опубликованію документовъ и описанію строя итальянской жизни 1498—1500 гг.

его словамъ—онъ уже сдѣлалъ раньше выборъ въ лицѣ Бернардино да Корте, человѣка, которому онъ не только никогда не сдѣлалъ дурного, но, напротивъ, много хорошаго ¹⁾. Послѣдній вскорѣ затѣмъ передалъ крѣпость врагу.

Внутреннее управленіе. Внутри страны Л. Мавръ старался править съ пользой и въ концѣ концовъ рассчитывалъ на всеобщую любовь какъ въ Миланѣ, такъ и въ Кано. Тѣмъ не менѣе въ послѣдующіе годы своего господства онъ чрезмѣрно возвысилъ пошлины, возбудивъ даже подозрѣніе въ томъ, что хочетъ скопить для себя какъ можно больше; во всякомъ случаѣ его настойчивость въ этомъ отношеніи дошла до того, что онъ приказалъ тайно умертвить одного уважаемаго въ Кремонѣ гражданина за то, что тотъ высказывался противъ новыхъ налоговъ. Съ этой поры онъ не принималъ никого на аудіенціи иначе, какъ за рѣшеткой и на такомъ разстояніи ²⁾, что приходилось очень громко говорить, чтобы быть услышаннымъ. При его дворѣ, самомъ блестящемъ въ Европѣ, — бургундскій въ это время уже не существовалъ — царила крайняя распушенность: отецъ торговалъ дочерью, мужъ — женою, братъ — сестрой ³⁾. Въ то же время государь не оставался празднымъ и занимался съ такимъ же усердіемъ, какъ тѣ, для кого наука, поэзія, искусство и музыка служили источникомъ существованія. Онъ обладалъ обширными познаніями и близкимъ знакомствомъ съ классиками; сохранились въ рукописи двѣ его латинскія рѣчи, произнесенныя еще одиннадцати лѣтъ ⁴⁾. Онъ основалъ Академію ⁵⁾, но не столько для учениковъ, сколько для своего личнаго удовольствія, и дорожилъ не столько извѣстностью окружающихъ его ученыхъ, сколько ихъ обще-

¹⁾ Обращенная къ нему рѣчь Мавра ораторски разукрашенная, хотя, можетъ быть, и соотвѣтствовавшая тогдашнимъ мыслямъ Люд. у Senarega, Murat. XXIV, Col. 567. Ср. еще передачу у Conti II, 206. L. M. при разставаніи будто бы произнесъ стихъ: Nos patriam fugimus et dulcia linquimus arva.

²⁾ Diario Ferrarese, у Murat. XXIV, Col. 336, 337, 369.

³⁾ Corio, Fol. 448. Послѣдствія этого состоянія особенно сказываются въ касающихся Милана новеллахъ и интродукціяхъ Bandello.

⁴⁾ Dukas, Recherches, Парижъ 1876, стр. 82.

⁵⁾ Amoretti, Memorie storiche sulla vita ecc. di Lionardo da Vinci, стр. 35 посл., 83 и сл.

ствомъ и трудами. Правда, онъ былъ вначалѣ не особенно щедръ къ Браманте ¹⁾, но нельзя сказать того же по отношенію къ Да-Винчи до 1496 г., и замѣтимъ, кстати, ничто не могло бы удержать послѣдняго при дворѣ, если бы ему тамъ не нравилось. Весь міръ былъ открытъ для Леонардо, какъ ни для кого изъ смертныхъ въ то время, и, если что говоритъ въ пользу Людовика Мавра, то, безъ сомнѣнія, именно это долгое пребываніе при его дворѣ загадочнаго гениальнаго мастера. Впослѣдствіи пребываніе Да-Винчи на службѣ у Цезаре Борджіа и Франциска I также объясняется только тѣмъ, что онъ цѣнилъ достойное уваженіе въ этихъ людяхъ.

Сыновья Л. Мавра. По возвращеніи изъ бѣгства въ Германію Л. Мавръ былъ захваченъ въ плѣнъ французами (въ апрѣлѣ 1500). Сыновья его, плохо воспитанные чужими людьми, не были въ состояніи слѣдовать отцовскому завѣщанію и восстановить наслѣдственное право. Изъ нихъ старшій, Максимилианъ, не обнаруживалъ вовсе сходства съ отцомъ ²⁾; младшій же, Франческо, скорѣе способенъ былъ возвыситься. Но Миланъ въ этотъ періодъ усталъ мѣнять правителей и выносить связанные съ этимъ безконечныя бѣдствія, а потому искалъ возможности противостоять всякой реакціи; когда въ 1512 г. французы должны были уступить Священной Лигѣ Максимилиану I, они дали городу залогъ въ обезпеченіе того, что миланскіе граждане, не принимавшіе участія въ изгнаніи, покорятся безъ сопротивленія и смуть новымъ завоевателямъ ³⁾. Въ политическомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, что несчастный городъ въ моментъ перехода изъ однѣхъ рукъ въ другія всегда подвергался опустошенію и грабежу, подобно Неаполю во время бѣгства государей аррагонской династіи, при чемъ въ числѣ грабителей находились и люди знатнаго происхожденія.

Гонзаго и Монтефельтро. Наилучшій порядокъ и прекрасное управленіе мы находимъ въ X вѣкѣ во владѣніяхъ

¹⁾ См. его сонеты у Trucchi, Poesie inedite. Однако Е. Müntz не считаетъ ихъ заслуживающими довѣрія (Z).

²⁾ Massimiliano Sforza e la battaglia dell'Ariotta 1513, 6 Juni Documenti inediti A. Rusconi in Arch. stor. Lombardo серія II, томъ XII, выпускъ V, Мил. 1885, стр. 1—17.

³⁾ Prato, въ Archiv stor. III, 298, ср. 302.

Гонзаго и Монтефельтро. Весь родъ Гонзаго отличался прежде всего царившимъ въ немъ согласіемъ. Въ теченіе долгаго времени въ этой семьѣ не совершалось темныхъ злодѣйствъ, и они могли не скрывать своихъ мертвыхъ ¹⁾. Франческо Гонзаго (1466—1519) и его жена, Изабелла д'Эсте, вступившіе въ бракъ въ 1490 г. ²⁾, несмотря на трудныя иногда времена при дворѣ, жили между собой въ добромъ и честномъ согласіи и, несмотря на опасность, грозившую не разъ ихъ небольшому, но важному въ политическомъ отношеніи государству, воспитали двухъ замѣчательныхъ сыновей. Одинъ изъ нихъ былъ Федерико, другой — прославленный, какъ дипломатъ и вождь императорскихъ войскъ — Ферранте. Ни императоръ, ни французскіе короли, ни Венеція — никто не могъ не только требовать, но даже ожидать, чтобы Франческо, въ качествѣ государя или кондотьера, велъ совсѣмъ прямую и открытую политику. Но такъ или иначе, несмотря на личное сочувствіе къ опаснѣйшимъ врагамъ Италіи, со времени битвы при Таро (1495), когда онъ во главѣ венеціанскаго войска сражался съ Карломъ III и, по мнѣнію друзей, одержалъ побѣду, онъ во всемъ, касавшемся чести оружія, считалъ себя итальянскимъ патриотомъ, и жена его дѣлила съ нимъ это убѣжденіе; всякое мужественное проявленіе вѣрности, какъ, на примѣръ, защиту Фаенцы противъ Чезаре Борджіа, онъ считалъ достойной жертвой для спасенія Италіи.

Изабелла Гонзаго въ свою очередь была превосходной матерью и женой. Бракъ для нея былъ не предметомъ

¹⁾ Какія стѣсненныя обстоятельства иногда господствовали при дворѣ показываетъ письмо занимавшагося иллюстрированіемъ сочиненій Данте *miniature* Giacomo Bellanti 1464, который сѣтуетъ на низшаго чиновника, не дававшаго ему хлѣба и смиренно восклицаетъ: *Prima intenderia i secreti de l'Apocalissi che la natura sua (vostro fattore)*. W. Braghirolli, *Lettere inedite di artisti*, Mantua 1878 (nozze) стр. 12; вообще интересный сборникъ.

²⁾ Слѣдующее изъ переписки Изабеллы, съ приложениями. *Archiv. stor. ital. Append.* томъ II, стр. 266—326 сообщено d'Arko. Ср. его *Delle arti et degli artificii di Mantova*. Мант. 1857—58 2 тома. Ср. затѣмъ очень важное сочиненіе A. Luzio—R. Renier *Mantova e Urbino Isabella d'Este et Elisabetta Gonzaga nelle relazioni famigliari e nelle vicende politiche* Torino и Roma 1893 и остальные, названныя въ предпосланномъ этому сочиненію спискѣ, изданія.

разчета, но прежде всего дѣломъ чувства, сердечной потребностью, потому и празднованіе брака ея брата съ Лукреціей Борджіа, несмотря на всю его пышность, казалось ей холоднымъ. Даже короткая разлука съ мужемъ или дѣтьми казалась ей безконечной, такъ какъ она не могла ни въ чемъ находить удовольствіе, если возлѣ нея не было любимыхъ существъ. Чтобы составить представленіе о ней, намъ не нужны отзывы писателей и художниковъ, обязанныхъ всѣмъ ея покровительству; собственныя письма достаточно рисуютъ ее намъ во всемъ ея спокойномъ величіи, со всею ея лукавой наблюдательностью и обходительностью, готовую поддержать всякое художественное стремленіе, съ ея энтузіазмомъ ко всему высокому и прекрасному въ искусствѣ. Бембо, Бонделло и Бернардо Тассо присылали всѣ свои произведенія прежде всего маленькому двору, несмотря на то, что въ кассѣ здѣсь часто не было ни копейки. Альдо Мануччи ¹⁾, присылалъ ей, по заказу, все, что появлялось новаго и въ лучшемъ изданіи, въ томъ числѣ творенія, для пониманія которыхъ необходимо было обладать широкимъ и разностороннимъ знаніемъ. Аріосто развилъ передъ нею впервые планъ своей безсмертной поэмы. Болѣе избраннаго круга людей, чѣмъ въ Мантуѣ того времени, не существовало въ Италіи съ исчезновенія стараго урбинскаго двора, и даже Феррара уступала Мантуѣ во многомъ, въ особенности въ свободѣ и общительности при дворѣ. Изабелла была знатокомъ, по преимуществу, въ искусствѣ; доказательствомъ этому служатъ каталоги ея небольшой, но съ изысканнымъ вкусомъ составленной библіотеки и ея письма, въ которыхъ она увѣщеваетъ медлительныхъ художниковъ и выражаетъ живую радость, при полученіи каждой заслуживающей вниманія новинки.

Федерико Урбинскій. Въ лицѣ Федерико, независимо отъ того, былъ ли онъ настоящій Монтефельтро или нѣтъ, Урбинское герцогство имѣло одного изъ достойнѣйшихъ представителей самодержавія. Въ дѣтствѣ еще онъ много общался и никогда не забывалъ пророческихъ словъ своего наставника Витторино да Фельтре, однажды сказавшаго ему: „Tu quoque Caesar eris“. Задачей его жизни стало

¹⁾ Издатель.

осуществленіе этого предсказанія. Онъ оставался кондотьеромъ на службѣ у королей и папъ, владѣя уже своимъ герцогствомъ, въ теченіе тридцати лѣтъ, и въ качествѣ такового онъ подчинялся свойственной кондотьерамъ политической нравственности, за которую ихъ можно винить только на половину. Но въ качествѣ правителя своего небольшого государства онъ старался по возможности меньше облагать народъ податями, ограничиваясь въ личной жизни доходами, получаемыми на упомянутой службѣ. Лѣтопись говоритъ о немъ и обоихъ его преемникахъ — Гвидобальдо и Франческо Маріа: „Они строили общественныя зданія, поощряли земледѣліе, вели мирную жизнь и держали многихъ на жалованьи — народъ любилъ ихъ“¹⁾. Не только государство, но и дворъ въ такихъ рукахъ являются хорошо рассчитаннымъ и распланированнымъ во всѣхъ отношеніяхъ „предметомъ искусства“. Федерико содержалъ при себѣ пятьсотъ человѣкъ. Придворныя должности были распредѣлены тщательно, чѣмъ при дворахъ огромнѣйшихъ монархій, но при этомъ ничто не тратилось даромъ, и все до послѣдней мелочи имѣло свою цѣль и строго контролировалось. Здѣсь не водилось ни игры въ кости и т. п., ни порочныхъ развлеченій, ни праздно болтовни, такъ какъ герцогскій дворъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ военно-воспитательнымъ учрежденіемъ для сыновей другихъ государей и князей, и герцогъ считалъ результаты такого воспитанія дѣломъ чести. Построенный имъ для себя дворецъ отличался не внѣшней роскошью, но удобнымъ расположеніемъ помѣщеній; здѣсь онъ собралъ свою знаменитую бібліотеку — лучшее сокровище, какимъ

¹⁾ Franc. Vettori, въ Archiv. stor. Append. Tom VI стр. 321 о Federigo особенно: Vespasiano Fiorent., стр. 132 и сл. и Prendilacqua, Vita di Vittorino da Feltre, стр. 48 до 52. Santi, G. Federigo di Montefeltro, duca di Urbino Cronaca. По God. Vat. Ottob. 1305 впервые изданномъ Н. Holzinger'омъ Stuttgart 1894. Это стихотвореніе уже въ 1887 году было подробно разобрано А. Schmarsow'омъ, который съ 1881 года приготовлялъ изданіе къ печати. Другое триумфальное стихотвореніе въ честь Federigo (видѣніе, причемъ поэтъ сопровождаетъ тѣнь) посвященное Alexander de Florentia (не отождествлять съ А. Braccesi) Гвидобальду, издано въ большихъ выдержкахъ G. Zannoni Propugnatore, нов. сер. т. III, стр., 1 вып. 13/14 (1890).

могъ гордиться¹⁾. Онъ сознавалъ себя безопаснымъ среди своихъ подданныхъ, такъ какъ былъ каждому чѣмъ-нибудь полезенъ и никого не разорилъ, а потому ходилъ невооруженный и почти безъ провожатыхъ. Ни одинъ государь не могъ бы позволить себѣ въ то время такъ спокойно гулять въ садахъ, отдыхать и ѣсть за столомъ, въ присутствіи многихъ постороннихъ, слушая въ то же время чтеніе изъ Тита Ливія, смотря по тому, какой былъ день, или изъ божественныхъ книгъ. Послѣ обѣда онъ читалъ древнихъ авторовъ и посѣщалъ монастырь Клариссъ, гдѣ у рѣшетки велъ бесѣду съ игуменьей о религиозныхъ предметахъ. Вечеромъ онъ охотно руководилъ упражненіями молодыхъ людей на лугу Св. Франческо, откуда открывался великолѣпный видъ, и наблюдалъ за правильностью и ловкостью движеній. Особенно онъ старался быть всегда привѣтливымъ и доступнымъ, посѣщалъ мастерскія художниковъ, работавшихъ по его заказу, во всякое время принималъ желавшихъ его видѣть и старался удовлетворить просителей, по возможности въ тотъ же день. Неудивительно, такимъ образомъ, что многіе, когда онъ шёлъ по улицѣ, преклоняли колѣна и провожали его словами: „Dio ti mantegna, Signore!“ Мыслители того времени называли его „Свѣтомъ Италіи“²⁾.

Гвидобальдо. Его сынъ Гвидобальдо³⁾ одаренный высокими качествами, но преслѣдуемый несчастьемъ и болѣзнью, въ концѣ концовъ передалъ въ 1508 г. власть въ болѣе вѣрныя руки, а именно своему племяннику Франческо Маріа, nepоту въ то же время папы Юлія II, сохранившему, по крайней мѣрѣ, эти владѣнія отъ чужеземнаго захвата. Весьма характерно, что оба эти принца не затруднились отступить: одинъ передъ Цезаремъ Борджіа, другой передъ Львомъ X;

1) Ср. также ниже. Приложение XXXV.

2) Castiglione, Cortigiano, L. I.

3) Petr Bembus, De Guido Ubaldo Feretrio deque Elisabetha Gonzaga Urbini ducibus. Venetis 1530. Также въ сочиненіяхъ Bembo, на примѣръ, Базель, 1556, I, стр. 529—624 въ формѣ діалоговъ, содержитъ между прочимъ письмо Frid. Fregoso и рѣчь Lud. Odasio о жизни и смерти Guidobaldo. При Lud. Odasio см. A. Pinetti E. Odasio въ Arch. stor. lomb. ser. III, vol. V, 355 sqq. О уже раньше сказалъ надгробную рѣчь по Federigo, сохранившуюся только въ рукописи. Рѣчь на смерть Guid. длилась часъ и имѣла громадныя успѣхъ. Ср. также Luzio и Renier Mantooae Urbino 183.

оба они прекрасно знали, что чѣмъ меньше страна пострадаетъ отъ напраснаго сопротивленія, тѣмъ легче имъ будетъ вернуться. Если Людовикъ Мавръ основывалъ свой расчетъ на томъ же, онъ забылъ при этомъ, что оставлялъ за собой другіе поводы къ ненависти. Дворъ Гвидобальдо представлялъ собой высшую школу пріятнаго обхожденія, и Вальтассаръ Кастильоне обезсмертилъ его въ своихъ эпилогахъ (1506), съ которыми онъ обращался къ извѣстнымъ лицамъ, подобно тому, какъ позднѣе (1518) онъ вложилъ свои „разговоры“ (Картиджіано) въ уста лицъ, окружавшихъ высоко образованную герцогиню (Елизавету Гонзаго).

Эсте въ Феррарѣ. Домъ Эсте въ Феррарѣ, Моденѣ и Реджіо представляетъ своего рода средину между тираническимъ самовластіемъ и демократизмомъ ¹⁾. Въ самомъ дворцѣ происходятъ ужаснѣйшія вещи и царитъ семейная неурядица: герцогиню Паризину обезглавливаютъ за предполагаемую связь съ пасынкомъ Уго (1425) ²⁾; законные и незаконные принцы бѣгутъ отъ преслѣдованій двора, но подосланные убійцы настигаютъ ихъ въ чужихъ земляхъ (1471). Извнѣ возникаютъ заговоры одинъ за другимъ. Незаконнорожденный сынъ одного изъ бастардовъ пытается похитить власть у единственнаго законнаго наслѣдника, Эрколе I; позднѣе этотъ послѣдній, въ свою очередь, отправляетъ жену, провѣдавъ о томъ, что она замышляетъ отравить его самого, по наущенію своего брата Ферранте Неаполитанскаго ³⁾. Въ заключеніе всѣхъ этихъ трагедій двое бастардовъ составляютъ заговоръ противъ своихъ братьевъ, правящаго герцога Альфонса I и кардинала Ипполита (1506), но не успѣваютъ въ своемъ намѣреніи и оба подвергаются пожизненному заключенію въ тюрьмѣ. Въ этомъ государствѣ шпионство достигаетъ крайняго развитія, что объясняется интенсивною потребностью въ укрѣпленіяхъ и вооруженіи, въ виду серьезной опасности, угрожающей ему болѣе чѣмъ какой-либо другой итальянской территоріи. Въѣстѣ

¹⁾ Послѣдующее особенно по *Annales Estenses* у Muratori XX и по *Diario Ferrarese* у Murat. XXIV.

²⁾ Ср. Bandello I, nov. 32. A Solerti, Ugo e Parisina Nuova Antologia 1893 (7).

³⁾ Это оказывается ложнымъ по излѣдованіямъ Luzio-Renier Arch. stor. lomb. 1890, стр. 380 (Z).

съ тѣмъ правители стремятся не повышать податного обложения въ ущербъ народному благосостоянію вообще, и Никколо (1441), напримѣръ, выражаетъ твердое желаніе, чтобы его подданные стали богаче всѣхъ другихъ народовъ. Если быстрый ростъ населенія можетъ служить въ самомъ дѣлѣ доказательствомъ возрастанія благосостоянія вообще, то въ данномъ случаѣ мы имѣемъ именно такого рода примѣръ: въ 1497 г. въ резиденціи герцога не оказывалось свободныхъ квартиръ, несмотря на сильный ростъ города ¹⁾.

Городское благоустройство. Въ то же время Феррара представляетъ уже образецъ новѣйшаго городского благоустройства въ Европѣ; здѣсь по инициативѣ герцога возникаютъ правильно распланированные кварталы; образуется столичное населеніе, благодаря централизаціи административнаго управленія и покровительству крупной промышленности; находятъ гостепріимный пріемъ бѣглецы со всей Италіи, въ особенности изъ Флоренціи, при чемъ пріобрѣтаютъ права гражданства и обзаводятся дворцами.

Налоги. Только косвенные налоги не ограничиваются и достигаютъ высокихъ предѣловъ. Въ крайнихъ случаяхъ народной нужды государь принималъ на себя заботу объ ея удовлетвореніи, также какъ это дѣлали Галеаццо Марія, Сфорца и другіе итальянскіе государи; во время голода онъ выписывалъ хлѣбъ изъ чужихъ земель ²⁾ и надѣлялъ имъ нуждавшихся, повидимому, даромъ; но въ обычное время онъ пользовался исключительной монополіей, если не на зерно, то на такіе продукты, какъ солонина, рыба, фрукты и овощи, при чемъ послѣдніе заботливо культивировались на городскихъ вѣсахъ.

Симонія. Но самымъ значительнымъ источникомъ обогащенія государевой казны служила продажа ежегодно замѣщаемыхъ должностей, какъ это было принято во всей Италіи, съ тою только разницей, что о Феррарѣ мы больше знаемъ въ этомъ отношеніи. Такъ въ 1502 г. чиновники покупали всевозможныя должности „по соленой цѣнѣ“ (salati); такимъ образомъ пріобрѣтали свои должности сбор-

¹⁾ Diario Ferr. l c. Col. 347.

²⁾ Paul Iovius, Vita Alfonsi ducis, напр. ed. Flor. 1550 также и по-итальянски Giovanbattista Gelli Флор. 1553.

щики податей, управляющіе имѣніями (massari), нотаріусы, подесты, судьи и даже такъ называемые „капитаны“, другими словами, высшіе провинціальныя чины въ герцогствѣ. Въ качествѣ одного изъ такихъ „людоѣдовъ“, дорого оплачивавшихъ свои должности и ненавистныхъ народу „больше чорта“, упоминается знаменитый поэтъ, писавшій по-латыни по имени Тито Строцца ¹⁾. Въ это же время года герцогъ обыкновенно совершалъ прогулку по всей Феррарѣ; это называлось *Andar per ventura*, „поѣздка по случаю“, при чемъ принималъ вездѣ подарки, по крайней мѣрѣ отъ богатыхъ людей. Впрочемъ, подношенія дѣлались только натурой, а не деньгами.

Гордостью ²⁾ герцога была, какъ знала вся Италия, самая аккуратная уплата содержанія солдатамъ и профессорамъ университета, благодаря чему солдаты никогда не могли себѣ позволить своевольно отнять чтонибудь у горожанъ или земледѣльцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ должны были знать, что крѣпость неприступна, и что въ дворцовой казнѣ хранится всегда большая наличность золота и серебра. Не могло быть и рѣчи о дѣленіи казны на государственную и личную собственность, и министръ финансовъ былъ въ то же время министромъ двора. Постройки, предпринимаемыя Борзо (1430—1471), Эрколе I (до 1505) и Альфонсомъ I (до 1534), были многочисленны, но не чрезмѣрно велики, а потому не обременительны по затратамъ; общая черта всѣхъ членовъ этой династіи та, что при всей страсти къ пышности,—Борзо, напримѣръ, не появлялся нигдѣ иначе, какъ въ роскошномъ нарядѣ, украшенномъ драгоценными камнями—они не любили тратить деньги безъ разчета ³⁾. Альфонсъ какъ будто предчувствовалъ, что всѣ его пре-

¹⁾ Однако, чтобы отразить такого рода нападки Tito Strozza сказалъ о себѣ:

Nulla magistratus gestos mihi sordida labes
Foeda oit mundasque manus dum munera curo
Publica, servavi—

и Coel. Calcagninus пытался представить ненависть народа къ поэту неосновательной.

²⁾ Paul Iovius l. c.

³⁾ Это положеніе оспариваетъ Venturi стр. 14. Постройки Borso именно и доказывали безпечность въ затратахъ; масса одновременно начатого сдѣлала невозможнымъ возведеніе крупнаго памятника.

красные загородные дома, бельведеръ съ его тѣнистыми аллеями и Монтанья съ превосходными фресками и фонтанами не устоятъ противъ политическихъ смѣнъ.

Личность государя. Вѣчная внѣшняя опасность содѣйствовала образованію характера и личныхъ качествъ государей. При такомъ искусственномъ существованіи удержать власть въ рукахъ можно было только при помощи таланта и личныхъ заслугъ, внушающихъ высокое уваженіе. Въ общемъ эти характеры имѣли много темныхъ сторонъ, но каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ также нѣчто такое, что отвѣчало идеальнымъ требованіямъ современниковъ. Кто, на примѣръ, изъ государей въ тогдашней Европѣ такъ заботился о собственномъ образованіи, какъ Альфонсъ I? Левъ X, въ качествѣ кардинала, странствовалъ по свѣту для развлечения и удовлетворенія собственной любознательности. Сѣверяне являлись въ Италію только для того, чтобы учиться здѣсь латинскому языку или же лично ознакомиться съ сокровищами древняго міра, между тѣмъ, какъ путешествіе того же Альфонса во Францію, Англію и Нидерланды носило практическій характеръ и служило средствомъ пріобрѣтенія обстоятельныхъ свѣдѣній о торговлѣ и промышленности. Нелѣпо было бы осуждать его за то, что въ свободное время онъ занимался токарной работой, такъ какъ и это было въ тѣсной связи съ его познаніями въ пушечно-литейномъ дѣлѣ и съ похвальнымъ стремленіемъ привлечь къ себѣ всякаго рода полезныхъ людей, безъ различія классовъ. Итальянскіе государи этой эпохи не связываютъ себя, подобно сѣвернымъ, необходимостью имѣть дѣло только съ знатію, съ аристократами, считающими себя единственнымъ сословіемъ достойнымъ вниманія и старающимися внушить также и государямъ этотъ ограниченный взглядъ. Здѣсь государь хочетъ и долженъ знать людей вообще и пользоваться ими; дворянство остается замкнутымъ, по рожденію, сословіемъ, но общественное отличіе пріобрѣтается только личными заслугами. Мы будемъ имѣть еще случай вернуться къ этому.

Отношеніе гражданъ къ этой династии въ Феррарѣ представляетъ поразительную характерную смѣсь тайнаго страха, преклоненія передъ внѣшнимъ тираническимъ вліяніемъ въ духѣ того времени и вѣрноподданничествомъ въ

новѣйшемъ стилѣ. Поклоненіе сильной личности переходитъ въ новое чувство долга. Городъ Феррара въ 1451 г. ставитъ на площади мѣдную конную группу въ видѣ памятника герцогу Никколо, умершему въ 1441 г.,— Борзо безъ всякаго стѣсненія воздвигаетъ рядомъ съ этимъ въ 1454 г. свою собственную бронзовую сидящую статую. Въ самомъ началѣ его вступленія въ управленіе городъ уже постановляетъ воздвигнуть въ честь его мраморную триумфальную колонну, а когда его похоронили, народъ смотрѣлъ на это событіе такъ, какъ будто „самъ Господь вторично умеръ“¹⁾.

Въ то же время насколько народъ чтитъ государя, настолько ненавидитъ его продажныхъ чиновниковъ, и мы видѣли, на примѣръ, что придворный поэтъ, Людовико Карбо, призываетъ односельчанъ къ ихъ убійству. Феррарскій гражданинъ, позволившій себѣ публично отозваться неодобрительно о Борзо въ Венеціи, по возвращеніи домой, предается суду и приговаривается къ изгнанію и конфискаціи имущества; во время суда его едва не убиваетъ одинъ изъ вѣрныхъ подданныхъ герцога; затѣмъ онъ идетъ къ герцогу съ веревкой на шеѣ и вымаливаетъ себѣ прошеніе. Возможно, что этотъ именно случай повелъ къ строгому запрещенію разъ навсегда вообще отзываться неодобрительно о герцогской особѣ²⁾.

Полицейскій контроль. Кстати надо замѣтить, что въ герцогствѣ прекрасно организовано шпіонство, и государь самъ читаетъ ежедневно списокъ прибывшихъ въ городъ, о которыхъ хозяева своевременно обязаны доносить. Борзо³⁾ дѣлаетъ это отчасти еще и потому, что не хочетъ пропустить сколько нибудь интереснаго путешественника, не познакомившись съ нимъ и не пригласивъ его ко двору⁴⁾, но Эрколе I⁵⁾ пользуется этимъ уже исключительно, какъ по-

1) Diar. Ferr. у Murat XXIV, Col. 232 и 240. Эпиграмма на эту колонну есть у Strozzi poetae fol 146-b. Все-же кажется, что возведеніе памятника было закончено не самимъ Борзо, а Феррарой, Venturi 704 и слѣд. (Z).

2) Barotti, Memorie storiche di Lett. Ferr. 1792, I, 63, 174.

3) Jovian Pontan, De liberalitate, cap. 28.

4) Достопримѣчательныя свидѣтельства объ этомъ гостепрѣимствѣ заключаются въ Arch. stor. lomb. 21, I, 408 и слѣд.

5) Giraldi, Hecatommithi, VI, Nov. 1.

лицейскою мѣрой, въ видахъ охраны своей личности. Также и въ Болоньѣ, при Джіованни II Бентивольо, каждый проѣзжающій черезъ городъ долженъ былъ запастись при вѣздѣ пропускомъ, чтобы имѣть возможность выѣхать потомъ въ другія ворота ¹⁾).

Злоупотребленія чиновниковъ. Наибольшую популярность приобрѣталъ государь, если неожиданно низвергалъ нелюбимыхъ чиновниковъ. Когда это случалось, когда Борзо, напримѣръ, самолично арестуетъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ, или Эрколе I съ позоромъ отстраняетъ отъ должности сборщика податей, долгіе годы высасывающаго соки населенія, народъ устраиваетъ иллюминацію и звонитъ въ колокола. Въ одномъ случаѣ, однако, Эрколе заходитъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, а именно, въ покровительство своему директору полиціи (*capitano di giustizia*), Грегорио Цампанте (Ciamprante), родомъ изъ Лукки, такъ какъ для подобныхъ назначеній непригодны были мѣстные граждане. Передъ нимъ трепетали даже сыновья и братья герцога. Онъ назначалъ штрафы, доходившіе до сотенъ и тысячъ дукатовъ, и подвергалъ пыткамъ, даже не приступая къ допросу; съ настоящихъ преступниковъ онъ бралъ взятки и, обманывая герцога, выманивалъ для нихъ прощеніе. Граждане охотно дали бы герцогу 10,000 дукатовъ и больше, чтобы онъ убралъ отъ нихъ этого проклятаго Богомъ и людьми челоуѣка, но Эрколе, напротивъ, взялъ его въ кумовья и возвелъ въ кавалерскій чинъ. Цампанте откладывалъ ежегодно по двѣ тысячи дукатовъ, но зато не рѣшался ѣсть птицы, выкормленной внѣ своего дома и не показывался на улицѣ иначе, какъ въ сопровожденіи сборовъ и вооруженныхъ стрѣлковъ. Но, наконецъ, мѣра терпѣнія переполнилась, и 18 іюля 1490 г. онъ былъ убитъ въ своемъ домѣ, во время сіесты двумя студентами и однимъ крещенымъ евреемъ, которымъ нанесъ смертельную обиду. Покончивъ съ нимъ, они вскочили на приготовленныхъ и заранѣе осѣдланныхъ лошадей и пронеслись по городу, призывая народъ и восклицая съ торжествомъ: „Цампанте убитъ, сходитесь, добрые люди!“ Погоня за ними не достигла цѣли, такъ какъ они успѣли перейти

¹⁾ Vasari XII, 166, Vita di Michelangelo.

ближайшую границу и очутиться въ безопасности. Вслѣдъ затѣмъ незамедлили появиться пасквили ¹⁾, сонеты и канцоны, въ которыхъ убитаго осыпали насмѣшками и презрѣніемъ.

Въ то же время характерно для государя, что онъ внушаетъ гражданамъ и двору глубокое уваженіе къ истиннымъ заслугамъ. Когда въ 1469 г. (16 апрѣля) умеръ одинъ изъ ближайшихъ совѣтниковъ Борзо, его руководитель въ научныхъ занятіяхъ и „правый глазъ“, Людовико Казелла, въ день его погребенія приказано было закрыть всѣ учрежденія и лавки и прекратить чтеніе лекцій въ университетѣ. Герцогъ объявилъ, что будетъ самъ идти за гробомъ, и всѣ граждане должны были вмѣстѣ съ нимъ проводить тѣло до кладбища С.-Доминго. И въ самомъ дѣлѣ, „въ первый разъ государь изъ дома Эсте провожалъ тѣло своего подданнаго“. Въ траурной одеждѣ, со слезами шелъ онъ за гробомъ; за нимъ шелъ одинъ изъ придворныхъ, поддерживая родственника Казелла, между тѣмъ, какъ люди благороднаго происхожденія несли гробъ съ тѣломъ простого гражданина отъ церкви до склепа, гдѣ онъ долженъ былъ быть похороненъ; затѣмъ знаменитый Николо Леоничено воспѣлъ покойнаго въ стихотвореніи ²⁾.

Участіе народа въ огорченіяхъ государя. Должно сказать, что обычай официально проявлять общественное сочувствіе къ радостямъ или горестямъ повелителей беретъ начало именно въ этихъ итальянскихъ государствахъ ³⁾. Но если это явленіе и было основано на добромъ чувствѣ, то внѣшнее его выраженіе, въ особенности у поэтовъ, въ большинствѣ случаевъ не отличалось искренностью. Такъ, одно изъ юношескихъ стихотвореній Аріосто ⁴⁾, когда ему было девятнадцать лѣтъ, на смерть Леоноры Аррагонской, суп-

¹⁾ Напр. пасквиль Pistoja изд. Renier 1888, № 62—67, гдѣ описывается вслѣдъ чудовища въ преисподнюю.

²⁾ Сообщено D. Vitaliani, Nic. Leonicensi, Verona 1892, стр. 246. N. L. жилъ отъ 1428—1524, съ 1464, т. е. всего 60 лѣтъ, въ Феррарѣ.— Пара не напечатанныхъ до сихъ поръ стиховъ Codro Urceo о Casella сообщены Malagola, стр. 414. Другія стихотворенія у Strozzi poetae.

³⁾ Болѣе ранній примѣръ: Bernabo Visconti, стр. 12. Ср. приложеніе III.

⁴⁾ Иногда обозначается какъ Capitolo 19; въ opere minori, ed. Polidori, Firenze 1857, Vol, I, p. 245 sq. обозн. Elegia 17.

руги Эрколе I, — причины смерти которой онъ вовсе не знаетъ, — содержитъ рядомъ съ обычными и неизбѣжными во всѣ вѣка траурными цвѣтами краснорѣчія также и особыя черты, характерныя для того времени: „Эта смерть — говоритъ онъ — нанесла Феррарѣ ударъ, отъ котораго народъ не скоро оправится; его благодѣтельница стала теперь предстательницей за него на небесахъ, такъ какъ земля недостойна была ея присутствія. И сама смерть предстала передъ ней не съ окровавленной косой, какъ простымъ смертнымъ, но съ благоговѣйнымъ почтеніемъ (onesta) и съ такимъ привѣтливымъ видомъ, что всякій страхъ долженъ былъ исчезнуть“.

Въ то же время мы видимъ, что такого рода сочувствіе подданныхъ проявляется и въ другихъ совѣмъ не траурныхъ случаяхъ. Новеллисты, живущіе въ прямой зависимости отъ государей, на ихъ счетъ, и потому старающіеся приобрести всячески благосклонность къ себѣ, сплошь и рядомъ изображаютъ любовныя похождения государей, при жизни ихъ ¹⁾, въ такой формѣ, которая въ наше время показала бы безцеремонной и до крайности неприличной, между тѣмъ, какъ тогда это считалось лестнымъ и приятнымъ. Лирическіе поэты воспѣваютъ мимолетныя любовныя интриги и похождения женатыхъ государей; Анджепо Полициано воспѣваетъ въ этомъ духѣ Лоренцо Великолѣпнаго, а Джіовани Понтано еще съ бѣльшей выразительностью изображаетъ подвиги Альфонса, герцога Калабріи. Относящееся къ этому случаю стихотвореніе ²⁾, противъ желанія автора, обнаруживаетъ низкую сторону герцогской души: даже въ этой сферѣ походовъ онъ долженъ быть счастливѣе другихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ горе тому, кто окажется его счастливымъ соперникомъ! Всѣмъ извѣстно также, что величайшіе художники того времени, какъ Да-Винчи и другіе, должны были увѣковѣчивать кистью любовницъ своихъ государей.

¹⁾ Ср. приложение IV.

²⁾ *Vagatum lib. I in Pontani Opera IV, p. 3465 sp.: ad Alfonsum ducem Calabriae* (но къ этому стихотворенію, описывающему въ очень ясной формѣ радости любви, которыми Alfons наслаждается у *Drusula*, предыдущее замѣчаніе не относится; въ немъ, напротивъ, выражаются чувства счастливаго любовника, думающаго въ своемъ восхищеніи, что даже боги ему завидуютъ).

Пышность. Но государи дома Эсте не ждали, пока их прославят другіе, и спѣшили сами воздать себѣ почести. Такъ, Борзо (см. стр. 59) велитъ изобразить свои дѣянія въ цѣломъ рядѣ картинъ во дворцѣ Шифаноіа, Эрколе празднуетъ (впервые въ 1472 г.) годовщину своего вступленія во власть процессіей, ничѣмъ не отличающейся отъ процессіи въ праздникъ Тѣла Христова¹⁾; въ этотъ день вся торговля прекращается, какъ въ воскресенье; въ процессіи идутъ всѣ члены дома Эсте, въ томъ числѣ и побочные, въ парчевыхъ тканяхъ. Въ знакъ того, что сила и почести всякаго рода могутъ исходить только отъ государя и даруются только имъ, Никколо, посвятившій двѣнадцать челоуѣкъ въ рыцари въ честь двѣнадцати апостоловъ²⁾, учреждаетъ уже въ 1367 г. орденъ „золотыхъ шпоръ“, не имѣющій ничего общаго по духу съ среднеуѣковымъ рыцарствомъ. Эрколе I прибавилъ къ шпорамъ еще мечъ и золототканый плащъ, а также денежный доходъ, налагавшій безъ сомнѣнія также вѣрноподданническія обязанности.

Меценатство, которымъ этотъ дворъ приобрѣлъ всемирную извѣстность, дѣлилось между университетомъ, занимавшимъ первое мѣсто въ Италіи, и людьми полезными двору или государству, но и то и другое едва ли было связано съ большими жертвами. Баярдъ былъ самъ богатымъ помѣщикомъ и занималъ высокую должность. Когда Аріосто началъ приобретать извѣстность, въ сущности не было ни миланскаго двора, ни флорентинскаго, ни урбинскаго, какъ мы его понимаемъ, не говоря уже о Неаполѣ; онъ довольствовался мѣстомъ при дворѣ кардинала Ипполита на ряду съ музыкантами и скоморохами, пока его не взялъ къ себѣ Альфонсъ. Иначе было потомъ съ Торквато Тассо, пребываніе котораго при дворѣ составляло предметъ сореунованія государей.

¹⁾ Католическій праздникъ съ XIII в.

²⁾ Polistore, у Murat. XXIV, Col. 848 (но рѣчь здѣсь идетъ, какъ поясняетъ Z., не о новомъ орденѣ, а о простомъ посвященіи въ рыцари).

Глава VI

Противники тираніи

Противники тираніи. При такой концентраціи власти всѣ попытки бороться съ ней должны были оставаться безплодными. Въ политическомъ и общественномъ строѣ жизни не оставалось больше элементовъ для возстановленія республики—все управленіе было основано на принципѣ деспотической власти. Высшее сословіе оставалось политически неправымъ даже тамъ, гдѣ оно еще сохранило свои ленныя владѣнія. Знатные люди продолжали дѣлиться на гвельфовъ и гибелиновъ и наряжать своихъ бравы въ партійный костюмъ, съ перьями на бареттѣ и разными буффами¹⁾ на панталонахъ, но мыслящіе люди, какъ, на примѣръ, Макиавелли²⁾, уже не сомнѣвались въ томъ, что, при современной порчѣ нравовъ, нѣтъ мѣста для республиканскихъ идей, и что это одинаково примѣнимо къ Милану, Неаполю и другимъ городамъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляли собой тогда хотя бы тѣ же гвельфы и гибеллины?

Остатки старыхъ партій. Прикрываясь этими, давно утратившими смыслъ, названіями, враждующія семьи вели между собой нескончаемую войну. Обѣ партіи пользовались за деньги покровительствомъ государей. Когда Агриппа фонъ Неттесгеймъ³⁾ сталъ убѣждать одного изъ итальянскихъ государей прекратить борьбу партій, онъ отвѣтилъ: „ихъ распри приносятъ мнѣ около 12,000 дукатовъ въ годъ“. Когда Л. Мавръ вернулся въ 1500 г. на короткое время въ свои владѣнія, гвельфы города Тортоны призвали часть французскаго войска на помощь противъ гибеллиновъ. Но расчетъ

1) Burigozzo, въ Archiv. stor. III, p. 432.

2) Discorsi I, 17 по пов. Милана послѣ смерти Filippo Visconti.

3) De incert. et vanitate scientiarum, cap. 55.

оказался не совѣмъ вѣренъ. Французы, правда, исполнили то, о чемъ ихъ просили, но затѣмъ обратились противъ самихъ гвельфовъ, и въ результатѣ, такимъ образомъ, вся Гортонна была подвергнута полному опустошенію¹⁾. Точно также и въ Романьѣ, гдѣ наслѣдственная вражда отличалась всегда особенной продолжительностью, обѣ эти партіи утратили, однако, все свое политическое значеніе. Тѣ и другіе—гвельфы и гибеллины—вводили, между прочимъ, несчастный народъ въ заблужденіе,—гвельфы своими будто бы симпатіями къ Франціи, а гибеллины—къ Испаніи.

Источники заговоровъ. Многіе спокойные и покладистые люди и въ тѣ времена, безъ сомнѣнія, готовы были думать, что всякая власть отъ Бога, и что государи станутъ современемъ добрѣе, если граждане будутъ честно имъ повиноваться. Но люди, одаренные воображеніемъ и пылкимъ темпераментомъ, рассуждали иначе. Одни смѣшивали болѣзнь съ симптомомъ и думали, что свобода вступить въ свои права, какъ только тотъ или иной тиранъ будетъ убитъ; другіе не заглядывали такъ далеко и вступали въ заговоръ просто потому, что ихъ душила ненависть къ тираніи; третьи, наконецъ, являлись мстителями за какое-нибудь семейное несчастье или поруганную честь. Но всѣ эти заговорщики сходились въ одномъ: они не стѣснялись въ выборѣ средствъ, подобно тому, какъ сами государи не признавали никакихъ ограниченій въ своихъ деспотическихъ цѣляхъ. Боккаччіо,²⁾ касаясь этого предмета, прямо говоритъ:—„Развѣ мой долгъ называть деспота королемъ или государемъ и сохранять вѣрность ему, какъ повелителю? Нѣтъ, потому что онъ врагъ всякаго общественнаго блага. Я въ правѣ употреблять противъ него всякія средства: оружіе, заговоръ, шпіонство, хитрость,—все это будетъ только необходимымъ и священнымъ дѣломъ. Нѣтъ жертвы болѣе угодной Богу, чѣмъ кровь тирана“. И точно также, въ концѣ эпохи Возрожденія, Джиральди Чингіо говоритъ въ заключительныхъ строкахъ трагедіи (Орбекче): „нѣтъ лучшей жертвы Божеству, чѣмъ кровь тирана, проклятаго небомъ“. — Мы не будемъ останавливаться на частныхъ случаяхъ, такъ какъ Макіа-

¹⁾ Prato въ Archiv, stor. III, стр. 241.

²⁾ De casibus virorum illustrium, L. II, cap. 5: In superbos.

велли въ одной изъ знаменитѣйшихъ главъ¹⁾ своихъ Discorsi подробно разсматриваетъ всѣ заговоры, начиная со времени тирановъ древней Греціи, и хладнокровно обсуждаетъ шансы заговорщиковъ и тѣ способы, какими они приводили свои замыслы въ исполненіе. Мы позволимъ себѣ обратить здѣсь вниманіе читателей только на взгляды того времени по отношенію къ убійствамъ во время церковной службы и на вліяніе примѣровъ древняго міра, въ смыслѣ побужденія къ заговорамъ и покушеніямъ на жизнь тирановъ.

Убійства въ церквахъ. Праздничная церковная служба представляла наиболѣе выгодный моментъ для нападенія на государя, такъ какъ во всякое другое время особа его слишкомъ хорошо охранялась, и трудно было къ нему даже подступиться. Церковь была также единственнымъ мѣстомъ, гдѣ иногда представлялся случай захватить всю царственную семью. Граждане города Фабріано²⁾ уничтожили такимъ образомъ въ 1435 г. во время литургіи весь родъ Кіавелли; по предварительному соглашенію, нападеніе было совершено при возглашеніи словъ символа вѣры: „Et incarnatus est“...— Въ Миланѣ герцогъ Джіованни Маріа Висконти былъ убитъ въ 1412 г. при входѣ въ церковь С.-Готтардъ, герцогъ Галеаццо Маріа Сфорца въ церкви Св.-Стефана въ 1476 г. (стр. 47). Людовикъ Мавръ спасся отъ кинжаловъ приверженцевъ вдовствующей герцогини Бона³⁾ только потому, что вошелъ въ церковь не въ ту дверь. Такого рода убійство въ церкви, повидимому, не считалось вовсе святотатствомъ; убійцы Галеаццо молились въ церкви вмѣстѣ съ толпой, передъ тѣмъ, какъ нанести ударъ, и просили по-

¹⁾ Discorsi III, б. На это изложеніе онъ намекаетъ въ storie fior. LVIII cap. 1. Заговоры уже съ раннихъ временъ являются любимой темой у итальянскихъ хроникеровъ. Уже Liudgrand (изъ Кремоны, Mon. Germ., SS III, 264—363) даетъ такія описанія съ большими подробностями, чѣмъ кто-либо изъ современниковъ X столѣтія; изъ XI стол. можно привести (Baluz Miscell. I, стр. 184) освобожденіе Мессины отъ сарациновъ призваннымъ на помощь норманномъ Roger, какъ характерный примѣръ (1060), не говоря уже о драматическомъ разукрашеніи Сицилійской Вечери (1282).

²⁾ Corio, fol. 333. Слѣдующее тамъ же, fol. 305, 422 и слѣд., 440.

³⁾ И этотъ заговоръ (ср. выше стр. 48, прим. 1) всецѣло относится новыми историками къ области вымысла.

мощи у святыхъ покровителей церкви. Иногда бывали исключения. Такъ, заговоръ Пацци противъ Лоренцо и Джулиано Медичи въ 1478 г. отчасти неудался потому, что руководитель заговора Джіовани Баттиста да Монтесекко въ послѣднюю минуту отказался убить Лоренцо въ Флорентійскомъ соборѣ; его замѣнили двое служителей церкви, такъ какъ они „привыкли къ священному мѣсту и потому не испытывали страха“¹⁾.

Вліяніе древности. Преданія и литература древняго міра играли значительную роль во всѣхъ нравственныхъ и политическихъ взглядахъ разсматриваемой эпохи. Въ этомъ отношеніи первые подавали примѣръ сами государи, стремясь перенять политику и нравы римскихъ императоровъ. Враги тираніи, замышляя кровавый заговоръ, въ свою очередь, искали оправданія въ общеизвѣстныхъ примѣрахъ, завѣщанныхъ человѣчеству древнимъ міромъ. Никто не станетъ утверждать, что замыселъ противъ тирана созрѣвалъ въ томъ или другомъ случаѣ исключительно подъ вліяніемъ примѣра взятаго у древнихъ, но въ то же время обращеніе къ древности не было голой фразой или теоретическимъ разсужденіемъ.

Катиллинарій. Характерный случай въ этомъ родѣ представляетъ убійство тирана Галеаццо Сфорца, о низверженіи котораго мы имѣемъ подробныя свѣденія²⁾. Въ этомъ низверженіи принимали участіе трое гражданъ, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои личныя причины желать смерти деспота, но въ то же время въ основѣ заговора былъ, повидимому, одинъ общій мотивъ. Нѣкій гуманистъ и учитель краснорѣчія, по имени Кола Монтано³⁾, зажегъ въ сердцахъ нѣсколькихъ знатныхъ миланскихъ юношей жажду

1) A. Gallus у Muratori XXIII, col. 282. Точный отчетъ современника о заговорѣ Пацци см. Landucci, стр. 17 и слѣд. Скорбное стихотвореніе (lamento) на смерть Guiliamo de Medici въ 1478, сочиненное, б. м. Luigi Pulci, которое долгое время считалось утеряннымъ, найдено и опубликовано F. Flamini, Propognatore, N. S. I, 315—334.

2) Corio, fol. 422. Allegretto Diari Sanesi, у Murat. XXXIII, Col. 777. См. выше стр. 44.

3) Не тотъ ли, который въ 1481 году былъ казненъ во Флоренціи и чье confessione еще сохранилось въ рукописи Z Landucci стр. 39 и прим.

громкихъ дѣлъ и внушилъ двоимъ изъ этихъ юношей, Лампуньяни и Ольджиати, мысль убить миланскаго деспота и освободить народъ. Вскорѣ послѣ того онъ былъ заподозрѣнъ въ неблагонадежныхъ стремленіяхъ и подвергся изгнанію, но молодые люди продолжали съ пылкимъ энтузіазмомъ думать о славѣ и составили заговоръ. За десять дней передъ тѣмъ, какъ онъ былъ приведенъ въ исполненіе, заговорщики собрались въ церкви св. Амврозія и заключили между собой клятвенный союзъ. „Я отошелъ въ сторону — говорилъ впоследствии Ольджиати въ своемъ признаніи — и, глядя на ликъ св. Амврозія, молилъ его заступиться за насъ и за весь его народъ“. Итакъ, заговорщики, очевидно, не сомнѣвались въ томъ, что могутъ разсчитывать на помощь св. Амврозія, патрона города, и св. Стефана, въ церкви котораго Галеаццо и былъ ими затѣмъ дѣйствительно убитъ. Они привлекли къ этому дѣлу еще нѣсколькихъ человѣкъ и устроили свой главный штабъ въ домѣ Лампуньяни, гдѣ упражнялись въ искусствѣ владѣть кинжаломъ и наносить смертельный ударъ. Заговоръ удался, но Лампуньяни былъ убитъ на мѣстѣ герцогскими тѣлохранителями. На его могилу сочинена была эпитафія, гласившая отъ его имени: „Здѣсь лежу я, довольный совершеннымъ, и пусть моя гробница будетъ служить вѣчнымъ предостереженіемъ всѣмъ нынѣ живущимъ и будущимъ тиранамъ“. Ольджиатти, несмотря на всѣ истязанія, продолжалъ утверждать и во время пытки, что дѣло ихъ рукъ есть жертва угодная Богу, и даже, когда его вѣшали, въ послѣднюю минуту проговорилъ: „Мужайся Джироламо! О тебѣ будутъ долго помнить; смерть тяжка, но слава сильнѣе смерти“ ¹⁾.

Какъ бы ни были, однако, идеальны побужденія заговорщиковъ, ихъ поведеніе и средства для достиженія цѣли напоминаютъ Катилину, безбожнѣйшаго изъ всѣхъ конспираторовъ, меньше всего заботившагося о свободѣ. Въ лѣтописяхъ города Сіены категорически говорится, что заговорщики изучали Салюстія и находились подъ его вліяніемъ, что подтверждается и собственнымъ признаніемъ Ольд-

¹⁾ Ср. Прилож. V.

жіати ¹⁾. Не разъ еще мы встрѣтимъ въ эту эпоху грозное имя Катилины и оставляя въ сторонѣ цѣль, надо сознаться, что трудно указать болѣе соблазнительный примѣръ для заговорщиковъ всѣхъ временъ и націй.

Во Флоренціи открыто восхвалялось цареубійство, въ особенности въ такіе моменты, когда народъ жаждалъ избавленія отъ деспотической власти одного изъ тирановъ изъ дома Медичи. Такъ, Аламано Ринуччини ²⁾, въ одномъ изъ своихъ монологовъ „О свободѣ“, восхваляетъ заговоръ братьевъ Пацци, сравнивая ихъ съ Брутомъ и Кассіемъ, и оплакиваетъ ихъ неудачное покушеніе. Послѣ бѣгства Медичи въ 1494 г., народъ взялъ изъ дворца бронзовую группу ³⁾ Донателло, изображавшую „Юдифь и Олоферна“ и водворилъ ее на площади передъ дворцомъ съ надписью „*Exemplum salutis publicae cives posuerunt 1495 g.* (граждане воздвигли въ память общественнаго спасенія). Впослѣдствіи эта группа была замѣнена „Давидомъ“ Микель-Анджелло. Не такъ относились флорентійцы къ памяти младшаго Брута, измѣнившаго имперіи, и Данте ⁴⁾ въ свое время помѣстилъ его въ самомъ нижнемъ кругу ада вмѣстѣ съ Кассіемъ и Иудой Искаріотомъ. Піетро Паоло Босколи также мечталъ пріобрѣсти славу Брута, низвергшаго Цезаря; съ этою цѣлью онъ нашелъ пособника въ лицѣ Агустино Каппони, но задуманное ими покушеніе на жизнь Джуліано, Джуованни и Джуліо Медичи окончилось неудачей. Его признанія въ тюрьмѣ ⁵⁾ представляютъ одинъ изъ интереснѣйшихъ документовъ, въ смыслѣ характеристики религіозныхъ воззрѣній

¹⁾ Con studiare el Catelinario, говорить Alegretto. Ср. въ собственномъ разказѣ Olgiati, у Corio, слѣд. фразу: *Quisque nostrum magis socios potissime et infinitos alios sollicitare, infestare, alter alteri benevolos se facere coepit. Aliquid aliquibus parum donare; simul magis noctu edere, bibere, vigilare, nostra omnia bona polliceri, etc...*

²⁾ Впервые сообщено G. Mancini въ Arch. stor. ital. 4 Ser. Vol. 18 (1886), p. 85, 97. Но въ этомъ сочиненіи проявляется также оскорбленное самолюбіе и ненависть коренного флорентинца къ новымъ пришельцамъ.

³⁾ Vasari III, 251, примѣчаніе къ v. di Donatello.

⁴⁾ Inferno XXXIV, 64.

⁵⁾ Записаны непосредственно слышавшими ихъ Luca della Robbia, напечатаны въ Archiv. stor. I, p. 273. Ср. Paul Jovius, Vita Leonis X, L. III, въ Viri illustres.

того времени. Напутствовавший его исповѣдникъ убѣдилъ его, между прочимъ, что св. Тома Аквинскій предаеть проклятію всякій заговоръ, независимо отъ цѣли, но, спустя нѣкоторое время, въ тайной бесѣдѣ съ однимъ изъ друзей Паоло, служитель церкви „сознался“, что св. Тома не такъ ужъ безразлично относится ко всѣмъ заговорамъ и разрѣшаетъ низверженіе тирана - узурпатора, противъ воли народа захватившаго власть (стр. 5).

Когда Лоренцино Медичи умертвилъ въ 1537 г. герцога Алессандро и бѣжалъ, вслѣдъ за этимъ появилась апологія героическаго убійства, написанная, всего вѣроятно, имъ самимъ или по его порученію ¹⁾. Въ этой апологіи убійство тирана сперва превозносится какъ подвигъ вообще; въ то же время, предполагая, что Алессандро приходится ему хотя дальнимъ родственникомъ, если въ его жилахъ течетъ дѣйствительно кровь Медичи, онъ съ гордостью сравниваетъ себя съ Тимолеономъ, убившимъ изъ патріотизма родного брата. Нѣкоторые сравнивали и его также съ Брутомъ. Мы встрѣчаемъ тотъ же взглядъ на вещи и много позднѣе у Микель-Анджело, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по изваянію Брута, находящемуся въ галереѣ Уффицій. Бюстъ этотъ остался, правда, неоконченнымъ, какъ всѣ почти его произведенія, но, какъ это видно изъ двуступи къ бюсту, вовсе не потому, что художника огорчала смерть Цезаря подъ ударами заговорщиковъ.

Напрасно стали бы мы искать въ Италіи того времени признаковъ массоваго радикализма и недовольства существующимъ строемъ, какъ это видимъ въ современныхъ монархіяхъ. Каждый протестовалъ въ глубинѣ души противъ тираніи, но въ то же время каждый предпочиталъ скорѣе извлечь изъ нея для себя лично какую-нибудь пользу, чѣмъ бороться съ ней соединенными силами. Народъ рѣшался возстать и низвергнуть тирана только тогда, когда

¹⁾ Сперва въ 1723 г. въ качествѣ прибавленія къ исторіи Varchi, затѣмъ у Roscoe, *Vita di Lorenzo de' Medici*, vol. IV, приложение 12, и впоследствии неоднократно появлялось въ печати. Ср. изложеніе въ *Lettere de' Principi* (ed. Venez. 1577) III, fol. 162 и слѣд. Вѣроятно апологія, какъ объясняетъ Z., составлена самимъ Lorenzino. Ср. L. R. Ferrai, Lorenzino, Миланъ 1891 и *Giorn. stor.* XX, стр. 243 и слѣд.

гнетъ становился совершенно невыносимымъ, и злодѣянiя заходили слишкомъ далеко, какъ это было въ Камерино, Фабриано и Римини (стр. 38 и д.). Народъ зналъ, что въ большинствѣ случаевъ убить угнетателя значило только замѣнить его другимъ. Звѣзда республики, повидимому, навсегда закатилась.

Глава VII

Двѣ республики: Венеція и Флоренція

Въ извѣстный періодъ исторіи Италіи каждый изъ ея городовъ заключалъ въ себѣ всѣ элементы для образованія свободнаго государства. Мысль о созданіи обширной федераціи союзныхъ городовъ была тогда близка къ осуществленію, и мы знаемъ, что идея такого рода объединенія никогда не умирала въ Италіи, мѣняя лишь форму. Въ періодъ войнъ XII и XIII вѣковъ города, въ самомъ дѣлѣ, нерѣдко вступали между собой въ союзъ, съ цѣлью обороны и, по мнѣнію Сисмонди (II. 174), Ломбардскій союзъ въ борьбѣ съ Барбароссой въ 1168 г. вѣрнѣе всего могъ вести къ образованію всеобщей итальянской федераціи. Но болѣе могущественные города уже усвоили себѣ въ это время характерныя черты, которыя дѣлали такой союзъ невозможнымъ. Они прибѣгали къ непозволительнымъ средствамъ другъ противъ друга, въ цѣляхъ торговой конкуренціи, и уничтожали независимость сосѣднихъ слабѣйшихъ городовъ. Они думали, очевидно, что не нуждаются въ союзникахъ, и что ихъ собственное благополучіе ни мало не пострадаетъ, если они обезсилятъ сосѣдей и замкнутся въ своемъ величіи. Но своими дѣйствіями они безсознательно подготовляли почву для будущихъ тирановъ. Послѣдствія скоро обнаружились, и деспотическая власть вступила въ свои права, какъ только партійная борьба и несогласія знатныхъ домовъ между собой и съ простыми гражданами вызвали потребность твердой власти. Честолюбивыя стремленія тирановъ нашли, кстати, поддержку въ лицѣ вооруженныхъ наемниковъ, существовавшихъ уже въ то время и готовыхъ за деньги служить любому дѣлу,

тогда какъ гражданское ополченіе давно исчезло, благодаря упомянутой партійной борьбѣ¹⁾. Тиранія поглотила вскорѣ свободу большей части городовъ. Правда, отъ времени до времени, тотъ или другой городъ возвращалъ свою свободу, но такое свободное или полусвободное состояніе продолжалось, обыкновенно, не долго; вслѣдъ затѣмъ кто-нибудь снова узурпировалъ власть, такъ какъ этому благопріятствовали всѣ внутреннія условія, а элементы враждебные деспотизму ослабѣли и утратили живучесть.

Изъ числа городовъ, сохранившихъ независимость, два имѣютъ огромную важность для всей исторіи человѣчества: Флоренція и Венеція. Флоренція — источникъ жизни, движенія и кипучей общественной дѣятельности; она же сохранила намъ богатый запасъ свѣдѣній какъ о цѣломъ обществѣ, такъ и о мысляхъ и дѣйствіяхъ отдѣльныхъ личностей, принимавшихъ непосредственное участіе во всѣхъ сферахъ ея жизни на протяженіи трехъ столѣтій. Венеція — городъ обманчиваго спокойствія и политической тайны. Эти два города — величайшій контрастъ, какой только можно себѣ представить и оба — каждый въ своемъ родѣ — представляютъ оригинальнѣйшее явленіе въ мірѣ.

Венеція. Возникновеніе Венеціи окружено таинственностью, какъ будто она обязана своимъ существованіемъ не только людямъ, но еще и какой-то чародѣйственной силѣ. Преданіе о закладкѣ города носитъ торжественный, полумифическій характеръ. 25 марта 413 года, когда, по вычисленіямъ астрономовъ, или астрологовъ, того времени, звѣзды предвѣщали счастливѣйшее будущее всякому начинанію, — около полудня, переселенцы изъ Падуи заложили первый камень на лагунахъ, съ тѣмъ, чтобы основать здѣсь святое и неприступное убѣжище отъ варваровъ, терзавшихъ Италію. Впослѣдствіи ихъ потомки приписали имъ предчувствіе будущаго величія Венеціи. Маркъ Антоніо Сабеллико описываетъ торжество закладки города въ звучныхъ гекзаметрахъ и влагаетъ при этомъ въ уста священнослужителя слѣдующую молитву: „Пошли намъ, о небо, отвагу и счастье въ нашихъ начинаніяхъ. Мы молимся теперь предъ скром-

¹⁾ По поводу послѣдняго пункта см. Jac. Nardi, Vita di Ant. Giacomini (Lucca 1818), p. 18.

нымъ алтаремъ, но если исполнятся наши надежды, сотни храмовъ изъ мрамора и золота вознесутся когда-нибудь къ Тебѣ на этомъ мѣстѣ“ 1).

Венеція въ XV вѣкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, къ концу XV вѣка Венеція стала уже своего рода міровой сокровищницей. Тотъ же Сабеллико изображаетъ ее именно такимъ своеобразнымъ чудомъ 2), съ ея древними куполами церквей, ко-
сыми башнями, мраморными фасадами и пестрой инкруста-
щей, съ ея великолѣпіемъ, гнѣздящимся въ темныхъ углахъ,
золочеными крышами домовъ и тѣсотой пріютившихся подъ
этимъ крышами жилищъ. Онъ ведетъ насъ затѣмъ на пло-
щадь св. Джакометто близъ Ріальто, гдѣ движется людская
волна, гдѣ міровая торговля сопровождается не крикомъ и
не громкими рѣчами, но глухимъ гуломъ тысячъ голосовъ,
напоминающимъ жужжаніе пчелъ, гдѣ въ портикахъ 3) во-
кругъ площади и въ цѣломъ рядѣ прилегающихъ улицъ си-
дятъ мѣнялы и золотыхъ дѣлъ мастера, а надъ ихъ голо-
вами безъ конца тянутся лавки и магазины съ различными
товарами. Далѣе, перейдя мостъ, мы видимъ огромныя по-
стройки нѣмецкихъ купцовъ,—такъ называемый „фондако“,
складочное мѣсто товаровъ и помѣщеніе для находящихся
у нихъ на службѣ людей. Длинной вереницей стоятъ на
каналѣ суда иноземныхъ купцовъ, а выше, на взморьѣ, цѣ-
лый флотъ съ виномъ и масломъ, готовый выйти въ море,
между тѣмъ какъ на берегу спуютъ „фаччино“,—носиль-
щики съ грузомъ. Начиная отъ Ріальто и до площади св.

1) Genethliacum Venetae urbis въ carmina Ant. Sabellicus'a. Cp. Sansovino. Venezia citta nobilissima e singolare, descritta in 14 libri. Venetia 1581, fol. 203. По поводу нижеслѣдующаго можно еще спеціально сослаться на сочиненіе Johannis Baptistae Egnatii viri doctissimi de exemplis illustrium viro-
rum Venetae civitatis atque aliarum gentium, Парижъ, 1554.—Старѣйшая венеціанская хроника, Joh. Diaconi Chron. Venetum et Gradenie у Pertz Monum. SS. VII, p. 5, 6, относитъ основаніе островныхъ поселеній не раньше, чѣмъ къ лонгобардской эпохѣ, а основаніе Ріальто съ опредѣленностью къ еще позднѣйшему времени. Въ другихъ источникахъ, какъ передаетъ Z., указываются такіе года: 410, 21, 56.

2) De Venetae urbis apparatu panegiricum carmen quod oraculum inscribitur.

3) Вся мѣстность была въ послѣдствіи измѣнена, благодаря новымъ постройкамъ въ началѣ 16-го столѣтія.

Марка, непрерывная линия парфюмерных лавокъ и гостиницъ. Слѣдуя за авторомъ дальше, мы придемъ къ двумъ лазаретамъ—единственное въ своемъ родѣ учрежденіе, такъ какъ забота о нужныхъ людяхъ составляетъ вообще отличительную черту этой практичной республики. Венеціанцы, впрочемъ, славились, по преимуществу, своимъ врачевнымъ искусствомъ, и на войнѣ ихъ уходъ за своими плѣнными и ранеными вызывалъ всеобщее удивленіе. Къ ихъ политическимъ добродѣтелямъ одинъ изъ современниковъ относитъ также доброту, цѣломудріе, дѣятельную любовь и милосердіе¹⁾.

Всѣ учрежденія, имѣющія сколько-нибудь общественный характеръ, служили въ Венеціи предметомъ особенной заботливости и во всѣхъ отношеніяхъ заслуживали поощренія. Заслуги гражданъ вознаграждались пенсіями, и это обезпеченіе носило въ высшей степени практической и предусмотрительной характеръ въ отношеніи къ самимъ пансіонерамъ и къ ихъ наслѣдникамъ. Богатство республики, ея политическое значеніе и сношенія съ цѣлымъ свѣтомъ позволяли ей думать обо всемъ и умѣло заботиться объ общемъ благѣ.

Населеніе. Граждане Венеціи — стройные, бѣлокурые люди, большею частью съ коротко-остриженными волосами²⁾, съ осторожной поступью и обдуманной рѣчью, мало различаются между собой одеждою и обращеніемъ. Наряды и украшенія — преимущественно жемчугъ — они предоставляютъ женщинамъ. Несмотря на потери въ войнахъ съ турками, общее благосостояніе республики въ то время было блестящимъ въ полномъ смыслѣ слова; благодаря большому запасу энергіи и отчасти предразсудкамъ Европы, Венеція еще долгое время благоденствуетъ, несмотря даже на такіе удары, какъ открытіе морского пути въ Индію, паденіе мамелюковъ въ Египтѣ и война съ Камбрейской Лигой.

Государство и науверизмъ. Сабеллико, уроженецъ Тиволи, привыкшій къ откровенной манерѣ рѣчи, въ духѣ того времени³⁾ въ одной изъ своихъ эпистолъ замѣчаетъ съ уди-

1) Alexander Benedictus, De rebus Caroli VIII, у Eccard, Scriptores, II, Col. 1597. 1601, 1621. Cp. Chron. Venetum, Muratori XXIV, Col. 26.

2) Erasmi colloquia, miles et carthusianus.

3) Epistolae, lib. V, fol. 28.

влениемъ, что молодые дворяне, его ученики въ Венеци, неохотно вступають съ нимъ въ разговоръ о политикѣ. „Если я спрашиваю ихъ, что думаютъ и говорятъ въ городѣ о томъ или другомъ движеніи въ Итали, они въ одинъ голосъ отвѣчаютъ незнаніемъ“. Но среди знатныхъ венеціанцевъ было достаточно такихъ, отъ которыхъ за хорошую плату можно было узнать, что угодно. Въ послѣдней четверти XV вѣка находились измѣнники даже среди высшихъ должностныхъ лицъ¹⁾. Папы, итальянскіе государи и даже малозначительные сравнительно кондотьеры — всѣ имѣли среди гражданъ Венеци своихъ шпионовъ и доносителей, нерѣдко состоявшихъ прямо на жалованьи. Дѣло зашло такъ далеко, что Совѣтъ Десяти вынужденъ былъ скрывать отъ члена совѣта Прегади важнѣйшія политическія свѣденія; Людовикъ Мавръ, по слухамъ, располагалъ въ Совѣтѣ Прегади даже извѣстнымъ постояннымъ числомъ голосовъ. Заподозрѣнныхъ вѣшали ночью, въ тайнѣ отъ гражданъ, за обнаруженіе измѣны въ Совѣтѣ награждали извѣстной суммой или пожизненной пенсіей въ размѣрѣ не менѣе 60 дукатовъ въ годъ; но эти мѣры едва-ли могли ослабить зло, такъ какъ невозможно было устранить главную причину — бѣдность и обнищаніе многихъ дворянъ. Въ 1492 г. двое нобилей внесли въ Совѣтъ предложеніе, чтобы республика назначила ежегодную сумму въ 70,000 дукатовъ для распредѣленія между гражданами благороднаго происхожденія, не занимающими никакихъ должностей. Если бы это предложеніе разсматривалось въ Большомъ Совѣтѣ, большинство, вѣроятно, одобрило бы его, но Совѣтъ Десяти распорядился иначе, осудивъ обоихъ авторовъ проекта на изгнаніе въ Никозію, на о-вѣ Кипрѣ²⁾. Нищета нобилей влекла за собой и рядъ другихъ послѣдствій. Такъ, въ то же время нѣкій Соранцо былъ повѣшенъ за ограбленіе церкви, а одинъ изъ Контарини сидѣлъ въ тюрьмѣ за кражу со взломомъ; другой членъ той же семьи предсталъ передъ синьоріей въ 1499 съ такимъ заявленіемъ: онъ уже много лѣтъ безъ

1) Malipiero, Ann. Veneti, Archiv. stor. VII, I, p. 377. 431. 481. 493. 530. II, p. 661. 668. 679. — Chron. venetum, у Muratori XXIV, Col. 57. — Diario Ferrarese, ib. Col. 240. — Ср. также замѣтку: Dispacci di Antonio Giustiniani (Флоренція, 1876) I, стр. 392.

2) Malipiero въ Arch. stor. VII, II p. 691. Ср. 694, 713 и I, 535.

должности, имѣеть девять человѣкъ дѣтей и всѣ его средства къ жизни ограничиваются 16-ю дукатами ежегоднаго дохода, приче́мъ у него есть еще бо дукатовъ долгу; онъ ничему не обучался, и ему остается только вести бездомную жизнь.

Въ виду такихъ фактовъ становится понятнымъ, почему богатые нобили строили дома съ даровыми квартирами для обѣднѣвшихъ. Въ завѣщаніяхъ того времени также чаще всего повторяются пожертвованія на постройку такихъ богодѣленъ ¹⁾.

Внутреннее спокойствіе. Если враги Венеціи основывали иногда свои расчеты на такого рода непорядкахъ, они ошибались. Зло смягчалось прежде всего тѣмъ, что, благодаря расцвѣту торговли и промышленности, каждый могъ приобрѣтать и богатѣть по мѣрѣ силъ. Внутреннее спокойствіе обезпечивалось еще тѣмъ, что колоніи въ Средиземномъ морѣ служили поприщемъ для увлекающихся головъ, отвлекая такимъ образомъ безпокойный элементъ. Но въ то же время мы видимъ, что Генуя, несмотря на тѣ же преимущества, была, однако, всегда ареной бурныхъ политическихъ переворотовъ. Причина непоколебимости Венеціи въ этомъ отношеніи лежитъ скорѣе въ счастливомъ взаимодействіи нѣсколькихъ силъ. Непрístupная извиѣ, Венеція во внѣшней политикѣ руководствовалась только практическими соображеніями, игнорировала совершенно партійныя распри во всей остальной Италіи, ни къ кому не примыкая, и заключала союзы только по мѣрѣ необходимости на короткое время и съ возможно большими для себя выгодами. Въ связи съ этой политикой Венеція вела уединенное и независимое существованіе, заботясь только о внутренней солидарности республики и съ гордымъ презрѣніемъ относясь ко всей ненавидѣвшей ее Италіи. Въ самомъ городѣ всѣхъ гражданъ связывалъ общій интересъ по отношенію къ колоніямъ и сосѣднимъ городамъ, которые, включая Бергамо, не въ правѣ были вести торговыя сношенія съ кѣмъ-либо помимо Венеціи. Большинство гражданъ прекрасно понимало, насколько всѣ преимущества Венеціи зависятъ отъ внутренняго спокойствія и солидар-

¹⁾ Marin Sanudo, Vite de'Ducchi, Murat. XXII, Col. 1194.

ности въ управленіи и общественномъ строѣ. Такимъ образомъ здѣсь не было твердой почвы для заговорщиковъ, а если и были недовольные, то сближенію ихъ мѣшала вѣчная рознь между нобиліями и простыми гражданами. Къ тому-же всемірныя торговыя сношенія не оставляли времени для политическихъ замысловъ тѣмъ изъ болѣе значительныхъ гражданъ, которые могли быть почему либо опасными для республики. Частыя войны съ турками, въ свою очередь, отвлекали ничѣмъ незанятыхъ нобилей, очень мало къ тому же рисковавшихъ: начальство щадило ихъ, что дало поводъ одному изъ современныхъ Катоновъ предсказать гибель республики, если такая несправедливость будетъ продолжаться ¹⁾.

Совѣтъ Десяти. Если зависть и честолюбіе предъявляли требованія и возвышали голосъ, въ распоряженіи республики были средства для укрощенія строптивыхъ; нравственныя мученія, подобныя тѣмъ, какія переживалъ дожъ Венеціи Франческо Фоскари († 1457) въ теченіе многихъ лѣтъ на глазахъ всей республики, служатъ примѣромъ устрашающей мести, возможной только при господствѣ аристократіи. Совѣтъ Десяти бодрствовалъ надъ всѣмъ, пользовался неограниченною властью надъ жизнью и смертью, казною и войскомъ, имѣлъ въ своей средѣ инквизиторовъ и не разъ низвергалъ такихъ могущественныхъ людей, какъ Фоскари; — этотъ Совѣтъ былъ ежегодно избираемъ вновь всей правящей кастой, въ лицѣ Большого Совѣта, и являлся, такимъ образомъ, непосредственнымъ выразителемъ всѣхъ нобилей. Въ этихъ выборахъ едва-ли можно придавать особое значеніе интригамъ, такъ какъ кратковременность и отвѣтственность за все потомъ, по выходѣ изъ Совѣта, дѣлали это званіе не всегда привлекательнымъ. Какъ-бы ни было, но заслуживаетъ вниманія то, что настоящій венеціанецъ никогда не только не бѣжалъ отъ этой грозной и таинственной власти, но, напротивъ, по первому требованію являлся къ отвѣту отовсюду гдѣ-бы ни находился. И не потому только, что республика имѣла длинныя руки и могла его изловить, или-же могли за него поплатиться другіе, его близкіе, но и потому, что въ боль-

¹⁾ Chron. Venetum, Mur. XXIV, Col. 105.

шинствѣ случаевъ судьи руководствовались справедливостію, а не жаждой крови. Такъ, адмиралъ Антоніо Гримани, обвиняемый республикой въ томъ, что отказался передать другому командованіе,—по возвращеніи въ Венецію, прежде чѣмъ вступить въ городъ, велѣлъ наложить на себя оковы и въ этомъ видѣ предсталъ передъ сенатомъ ¹⁾. Никогда ни одно государство не могло похвалиться такою нравственною властью надъ своими гражданами, въ какомъ бы отдаленіи отъ Венеціи они ни находились. Если въ совѣтѣ Прегади и случались измѣнники, зато каждый венеціанецъ находившійся гдѣ нибудь въ чужой странѣ, являлся рожденнымъ лазутчикомъ республики. Извѣстно, что венеціанскіе кардиналы въ Римѣ сообщали своему правительству всѣ тайны папскихъ консисторій и всѣми мѣрами отстаивали передъ папой интересы республики. Кардиналъ Доменико Гримани перехватывалъ вблизи Рима (въ 1500 г.) депеши Асканіо Сфорца къ брату его Людовіку Мавру и отсылалъ ихъ въ Венецію; его отецъ, судимый въ то время, по обвиненію въ тяжкихъ преступленіяхъ, указалъ передъ Большимъ Совѣтомъ на эту заслугу сына и такимъ образомъ разоблачилъ его передъ цѣлымъ свѣтомъ ²⁾.

Венеціанскіе кондотьеры. Мы уже говорили выше (стр. 26) объ отношеніи Венеціи къ ея кондотьерамъ ³⁾. Измѣна со стороны послѣднихъ затруднялась уже тѣмъ, что ихъ было много и ее легко было обнаружить. При взглядѣ на венеціанское войско невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ былъ возможенъ сколько нибудь общій планъ военныхъ дѣйствій съ такимъ разнокалибернымъ сбродомъ. Въ дѣйствующей арміи во время войны 1495 года числилось 15.526 ⁴⁾ конныхъ воиновъ, при чемъ одинъ только

¹⁾ Chron. Venetum, Mur. XXIV, Col. 123 и слѣд. „Malipiero, loc cit. VII, I, p. 175, 187 и слѣд. Объ А. Gr. и его позднѣйшей судьбѣ ср. Egnatius fol. 183a и слѣд., 189b и слѣд.

²⁾ Chron. Ven. l. c. Col. 166.

³⁾ Венеціанскій сенатъ выдаетъ (1495) каждому изъ пяти дѣтей своего полководца Rodolfo Gonzago 1000 дукатовъ ежегодной пенсіи, столько-же вдовѣ (Conti II, 145 примѣчанія).

⁴⁾ Malipiero, l. c. VII, I, p. 349. Другія перечисленія подобнаго рода встрѣчаются у Marin Sanudo, Vite de'Duchi, Murat. XXII, Col. 990 (отъ 1426 г.), Col. 1088 (отъ 1440 г.), у Corio, fol. 435—438 (отъ 1483 г.), у Guazzo, Historie. fol. 151 и слѣд.

Гонзаго изъ Мантуи имѣлъ въ своемъ распоряженіи 1200 человекъ; всѣ остальные отряды были меньше; Джіоффридо Борджіа имѣлъ 740 воиновъ, за нимъ слѣдуютъ шесть кондотьеровъ имѣвшихъ отъ 700 до 600 каждый, десять — по 400, двѣнадцать—отъ 400 до 200, около четырнадцати— по 200—100, десять—по 80, шесть—по 60—50 и т. д. Часть этой арміи—старое венеціанское войско, подъ командой городскихъ и провинціальныхъ нобилей, но большинство — кондотьеры изъ числа владѣльцевъ незначительныхъ областей и городовъ Италіи или изъ ихъ родственниковъ. Къ нимъ надо присоединить 24000 пѣхотинцевъ, объ организаціи которыхъ въ хроникахъ ничего не говорится, и 3300 человекъ, повидимому, разнаго рода оружія.

Внѣшняя политика. Въ мирное время города оставались вовсе безъ гарнизона или съ самымъ маленькимъ. Венеція рассчитывала не столько на привязанность, сколько на здравый смыслъ и пониманіе собственныхъ выгодъ всѣхъ своихъ подданныхъ, и въ самомъ дѣлѣ, подчиненные ей города, уступившіе силѣ и предавшіеся врагу, безъ малѣйшаго неудовольствія вернулись въ прежнее подданство Венеціи послѣ битвы при Агьяделло 14 мая 1509 г. ¹⁾ Эта война Камбрейской Лиги съ Венеціей, кстати сказать, была результатомъ вѣкового возмущенія предполагаемыми намѣреніями Венеціи расширить свои владѣнія. Венеція въ этомъ случаѣ повторила обычную ошибку черезчуръ умныхъ людей, не допускающихъ, чтобы другіе сдѣлали явную и нерасчетливую, по ихъ мнѣнію, глупость ²⁾. Такого рода оптимизмъ особенно свойственный господствующей аристократіи, въ свое время повелъ къ тому, что Магометь II могъ спокойно вооружиться и занять Константинополь, а Карлъ VIII—появиться въ Италіи ³⁾. Такъ было и съ Камбрейской Лигой, если разсудить, въ какой мѣрѣ она отвѣ-

¹⁾ Разсказъ о томъ, что Венеція освободила покоренные города отъ присяги на подданство и уполномочила ихъ отдаться въ руки враговъ, является плодомъ вымысла. Ср. Manfren, Del preteso scioglimento di sudditanza dopo la battaglia di Agnadello въ Arch. veneto 1872,

²⁾ Guicciardini (Ricordi, № 150) замѣчаетъ, быть можетъ, впервые, что жажда политической мести въ состояніи заглушить даже ясный голосъ сознанія собственнаго интереса.

³⁾ Malipiero l. c. VII, I, p. 328.

чала прямымъ интересамъ главныхъ зачинщиковъ: Людовика XII и Юлія II. Въ лицѣ папы сказалась старинная вражда всей Италіи къ возвысившейся Венеціи, а что касается кардинала Амбуазо и короля, Венеція давно должна была бы знать ихъ злобу и слабоуміе и быть на сторожѣ. Большинство другихъ союзниковъ приняло участіе въ Лигѣ изъ жалкой и бесплодной зависти къ чужому благополучію. Венеція потерпѣла поражение и вынуждена была на нѣкоторое время смириться, но затѣмъ съ большимъ искусствомъ сумѣла снова подняться въ ущербъ врагамъ ¹⁾.

Статистика. Могущество, построенное на сложномъ основаніи и на всемірныхъ сношеніяхъ республики, въ связи съ политическими и торговыми интересами, — такое могущество немислимо безъ зрѣлой финансовой политики и безъ точнаго баланса, долженствующаго служить основаніемъ для общаго руководства и увѣренности въ себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, Венеція въ правѣ считать себя ранней колыбелью новѣйшей статистики, за нею слѣдуетъ Флоренція и затѣмъ уже другія болѣе развитыя государства Италіи. Средневѣковое ленное государство не шло дальше исчисленія постоянныхъ доходовъ и поступленій въ казну (урбаріи). Производительность предполагалась неизмѣнной, — какой она и была въ извѣстной мѣрѣ въ отношеніи земельныхъ угодій. Въ противность этому, города на западѣ съ давнихъ временъ, повидимому, смотрѣли на свою производительность, главнымъ образомъ торговую и промышленную, какъ на явленіе измѣнчивое, но даже въ періодъ наивысшаго расцвѣта ганзейскаго союза система финансовъ ограничивалась исключительно коммерческимъ балансомъ. Морскія силы, войско, политическое вліяніе — все заключалось въ одной прихода-расходной книгѣ. Въ итальянскихъ государствахъ впервые въ основаніе статистики легли: всестороннее политическое самосознаніе, примѣръ мусульманской администраціи и установившійся размѣръ производительности и торговли ²⁾. Нижне-итальянское деспотическое госу-

¹⁾ Что въ одной Венеціи *antiquae Italiae libertatis imago est*, заявляетъ Galateo въ книгѣ *De educatione* (d'Ancona, Studi p. 68). Этотъ хвалебный отзывъ является, правда, единичнымъ.

²⁾ Въ довольно еще ограниченныхъ рамкахъ составленъ, но всетаки уже очень важенъ, статистическій обзоръ Милана, въ Mani-

дарство Фридриха II (см. выше) преслѣдовало одну только цѣль — концентрацію, какъ опору въ борьбѣ за свое существованіе. Въ Венеціи, напротивъ, конечная цѣль — пользование жизнью и могуществомъ, умноженіе наслѣдственныхъ приобрѣтеній, возрастаніе производительности во всѣхъ выгоднѣйшихъ отрасляхъ и развитіе торговыхъ сношеній.

Статистика населенія. Дебетъ и кредитъ. Тѣмъ не менѣ писатели того времени не оставили намъ точныхъ свѣдѣній¹⁾. Въ 1422 году населеніе Венеціи исчисляють въ 190.000 душъ, при чемъ кстати замѣтимъ, что въ Италиіи во всякомъ случаѣ впервые стали вводить подушный счетъ, а не по очагамъ, людямъ носящимъ оружіе, „научившимся ходить“ (по возрасту) и т. д. Когда флорентійцы²⁾ предложили Венеціи заключить союзъ противъ Филиппо Марія Висконти, республика отказалась, исходя изъ соображеній, основанныхъ на цифрахъ и торговомъ балансѣ. Венеціанцы правильно разсудили, что для нихъ война съ миланскимъ герцогствомъ будетъ безразсудствомъ, какъ война между продавцемъ и покупателемъ. Прежде всего они говорили, что война и вооруженіе миланцевъ поведетъ къ усиленію податей и уменьшитъ потребленіе, а потому повредитъ имъ въ торговлѣ. „Пусть лучше — говорили они — флорентійцы потерпятъ пораженіе; тогда они, спасаясь отъ притѣсненій, перенесутъ къ намъ свое производство шелковыхъ и шерстяныхъ тканей, какъ это сдѣлали граждане покоренной Лукки. Интереснѣйшій въ своемъ родѣ статистическій

рulus Florum (у Mur. XI, 711 и слѣд.) отъ 1288 г. Въ немъ перечисляются: ворота домовъ, населеніе, способное носить оружіе, дома знатныхъ гражданъ, колодцы, печи, кабаки, мясныя лавки, рыбаки, потребленіе хлѣба, собаки, охотничьи птицы, цѣны на дерево, на сѣно, на вино и на соль, — далѣе еще судьи, нотаріусы, врачи, школьные учителя, писцы, оружейники, кузнецы, госпитали, монастыри и духовныя корпораціи.

Быть можетъ, еще старѣйшая статистика въ Liber de magnalibus Mediolani, у Heinp. de Hervordia, ed. Potthast, p. 165. Ср. также статистику Asti около 1250 г. у Ogerius Alpherius (Alfieri) de sestis Astensium, Histor. patr. monumenta, Scriptorum, tom. III, col. 648 и слѣд.

¹⁾ Преимущественно Marin Sanudo, въ Vite de' Duchi di Venezia, Muratori XXII, passim.

²⁾ Прилож. VI.

документъ представляетъ завѣщаніе умирающаго дожа Мочениго сенаторамъ, собравшимся у его одра ¹⁾ (1423), по его собственному желанію. Въ немъ содержатся важнѣйшія данныя статистики всѣхъ силъ и богатства Венеціи. Мы не знаемъ, существуетъ ли подробный разборъ этого замѣчательнаго акта, и возьмемъ изъ него только нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія. По уплатѣ 4.000.000 военнаго займа оставалось еще 6.000.000 дук. государственнаго долга. Общій торговый оборотъ достигалъ, повидимому, 10.000.000, за вычетомъ 4-хъ (такъ сказано въ подлинникѣ). На трехъ тысячахъ навигле (типъ торговаго судна), 300 нави (типъ военнаго судна) и 45 галерахъ находилось 17.000 человекъ; къ этому перечню надо присоединить 16.000 корабельныхъ мастеровъ. Дома въ Венеціи оцѣнивались въ 7.000.000 и приносили квартирнаго дохода 500.000 въ годъ ²⁾. Тысяча нобилей получали годовой доходъ отъ 70 до 4000 дукатовъ. Въ другомъ источникѣ государственный приходъ республики въ томъ же году исчисляется въ 1.100.000 дукатовъ; въ серединѣ столѣтія, вслѣдствіе войны и разстройства торговыхъ сношеній, онъ понизился до 800.000 ³⁾.

Отсталость Венеціи. Если Венеція въ совершенствѣ постигла значеніе цифръ и въ разсчитанной политикѣ опередила многихъ другихъ, то она, въ свою очередь, отстала отъ остальной Италіи въ гуманитарномъ движеніи. Мы не видимъ здѣсь не широкаго развитія литературы вообще, ни слѣдовъ возрожденія и увлеченія классической древностью, охватив-

¹⁾ У Sanudo I. c. Col. 958-960. Все имѣющее отношеніе къ торговлѣ извлечено отсюда и сообщено у Scherer, Allg. Gesch. des Welt-handels, I, 326 въ примѣчаніи.

²⁾ Здѣсь, вѣроятно, имѣется въ виду вся недвижимая собственность, а не одни лишь дома, принадлежавшіе государству. Послѣдніе, правда, иногда приносили огромные доходы; ср. Vasari XIII, 83. Vita di Jac. Sansovino. У Cecchetti, La Vita dei Veneziani nel 1300, Arch. Ven., т. 27, стр. 34 и сл., результаты оцѣнокъ въ 1367 и въ 1425 годахъ приведены въ иномъ видѣ. Въ 1367 г. цѣнность домовъ равнялась прибол. 2.900.000 дукатовъ; въ 1425 — 3.636.038 дук.; въ 1582 г. въ Венеціи было 187 нищихъ. Ср. прилож. VII.

³⁾ Это сообщается у Sanudo, Col. 963; по этому случаѣ дается также списокъ государственныхъ доходовъ остальныхъ итальянскихъ и европейскихъ державъ. Роспись государств. бюджета на 1490 г. см. Col. 1245 и сл.

шаго всю Италію. Папа Павелъ II — уроженецъ Венеціи — первый врагъ гуманизма. Находятся даже писатели, которые ¹⁾ въ пренебреженіи къ классической литературѣ видятъ залогъ преуспѣянія республики ¹⁾ и не стѣсняются высказывать этотъ односторонній взглядъ въ своихъ произведеніяхъ. По мнѣнію Сабеллико, венеціанцы не меньше другихъ ода-рены способностями и могли бы успѣвать въ философіи и краснорѣчии такъ же, какъ въ торговлѣ и политикѣ, но не хотятъ совершенствоваться въ этомъ направленіи. Филельфо, призванный въ Венецію, — впрочемъ, лишь нѣкото-рыми патриціями, а не республикой — остался недоволенъ своимъ пребываніемъ здѣсь. Въ 1459 году Георгій Трапезундскій поднесъ дожу свой переводъ Платона „О зако-нахъ“ и получилъ званіе профессора филологіи съ жало-ваньемъ 150 дукатовъ въ годъ, — онъ же посвятилъ Синьории свою риторику ²⁾, — но въ концѣ концовъ все-же разочаровался во всѣхъ ожиданіяхъ и покинулъ городъ. Недовольство гуманистовъ объясняется тѣмъ, что въ Вене-ции и литература носила, по преимуществу, практическій ха-рактеръ. Въ указаніяхъ на литературу того времени, въ извѣстномъ трудѣ Сансовино ³⁾, мы встрѣчаемъ въ XIV вѣкѣ почти одни только теологическія, юридическія и меди-цинскія сочиненія; въ XV вѣкѣ также гуманизмъ, несмотря на общій расцвѣтъ республики, не находитъ почти совсѣмъ выразителей, до появленія Эрмолао Барбаро и Альдо Мануччи. Въ то время, какъ во всей Италиіи являются страстные коллекціонеры книгъ и рукописей и возникаютъ богатые библіотеки, въ Венеціи мы видимъ очень мало такихъ любителей. Драгоценныя манускрипты изъ библіо-теки, оставшейся послѣ смерти Боккаччіо, затериваются въ Венеціи ⁴⁾; едва спаслась также отъ забвенія и библіотека, завѣщанная городу въ 1468 кардиналомъ Виссаріономъ.

1) Platina, Vita Pauli, p. 323 — Lit. Greg. Giraldus Opera II, p. 439.

2) Sanudo, l. c., Col. 1167.

3) Sansovina, Venezia, Lib. XIII содержитъ жизнеописанія дождей въ хронологическомъ порядкѣ и вслѣдъ за каждой отдѣльной биографіей — въ регулярной послѣдовательности съ 1312 г. — подъ загл. Scrittori veneti краткія сообщенія о современныхъ писателяхъ.

4) Ср., напротивъ, прибавленіе VII. Отн. оплачиванія труда въ Венеціи см. прибавленіе къ III части.

Болѣ любознательные венеціанцы предпочитаютъ учиться въ Падуѣ, первенствующей въ этомъ отношеніи. И для ученыхъ этотъ городъ представляетъ болѣе пріятное мѣсто-пробываніе, такъ какъ здѣсь выше оцѣнивается писательскій трудъ и въ особенности трудъ авторовъ юридическихъ и медицинскихъ сочиненій.

Участіе Венеціи въ итальянской поэзіи остается очень слабымъ до начала XVI столѣтія, когда она спѣшитъ наверстать свое упущеніе¹⁾. Возрожденіе искусствъ также медленно прививается въ Венеціи и долгое время носить подражательный характеръ; только въ концѣ XV вѣка искусство становится тамъ самостоятельнымъ и затѣмъ уже достигаетъ высокой степени индивидуальнаго развитія.

Но культура Венеціи въ эту эпоху представляетъ еще болѣе интересныя противорѣчія въ другихъ сферахъ индивидуальной и общественной жизни.

Внѣшнее благочестіе республики. Государство, умѣвшее держать все духовенство въ строгомъ подчиненіи, удерживало за собой также право замѣщать, по своему усмотрѣнію, всѣ важнѣйшія духовныя должности и систематически сопротивлялось требованіямъ и проискамъ римской куріи, пока не было вынуждено на нѣкоторое время склониться передъ всемогущимъ Юліемъ II, но въ то же время республика отличалась своеобразнымъ официальнымъ благочестіемъ. Такъ, однажды, венеціанцы стараются пріобрѣсти отъ гражданъ Форли тѣло скончавшагося тамъ нѣкоего святого человека, производящее различныя чудеса, и предлагаютъ щедро заплатить форлійцамъ и взять на себя всѣ расходы по ихъ ходатайствованію патента на эти чудеса, другими словами заплатить римской куріи²⁾ за причисленіе умершаго къ лику святыхъ. Мощи святыхъ и всякія другія реликвіи находятъ послѣ завоеванія Греціи турками въ рукахъ побѣдителей, и Венеція не останавливается ни передъ какими жертвами, когда представляется случай купить что-нибудь въ этомъ родѣ. Водвореніе пріобрѣтенныхъ реликвій сопровождается торжественной процессіей, съ

¹⁾ Между прочимъ Венеція тогда сдѣлалась однимъ изъ главныхъ центровъ подражанія Петраркѣ. Ср. G. Crespan, *Del Petrarachismo in Venezia* (1874), стр. 187—253.

²⁾ Henric. de Hervordia ad a. 1293 (p. 213, ed. Pothier).

участіемъ дожа Венеціи. Въ то время, какъ Падуа ведетъ переговоры и считаетъ уже себя счастливой обладательницей мошей св. Луки Боснійскаго, республика перебиваетъ у нея покупку, вступаетъ съ ней въ горячій споръ и заставляеть папу вмѣшаться въ ея пользу ¹⁾. Въ другой разъ Венеція соглашается заплатить 10,000 дукатовъ за чудесный хитонъ, но опаздываетъ съ этимъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, однако, не съ народнымъ энтузіазмомъ, а съ тайнымъ постановленіемъ властей, которое, при общемъ голосованіи, могло и не быть принятымъ, а во Флоренціи, при такихъ же условіяхъ, навѣрное, вызвало бы протестъ. Мы не станемъ касаться здѣсь вопроса о массовой религіозности и вѣрилъ ли народъ въ отпущеніе грѣховъ какимъ-нибудь, напримѣръ, Александромъ VI. Но само государство, безпримѣрнымъ образомъ поглотившее въ себѣ церковь, носило само въ нѣкоторомъ родѣ духовный характеръ, и дождь Венеціи въ двѣнадцати праздничныхъ процессіяхъ ²⁾ (andate — крест. ходъ) игралъ полу-священническую роль. Эти процессіи въ память важнѣйшихъ историческихъ событій имѣли исключительно почти политическое значеніе и тѣмъ не менѣ соперничали съ большими церковными праздниками. Наибольше блестящее изъ такихъ свѣтскихъ торжествъ — знаменитое обрученіе съ моремъ праздновалось въ день Вознесенія Господня.

Флоренція, начиная съ XIV вѣка. Политическое самосознаніе и развитіе всѣхъ формъ общественной жизни нигдѣ не находятся въ такой тѣсной связи и не достигаютъ такой высокой степени совершенства, какъ во Флоренціи. Въ этомъ отношеніи она, безспорно, занимаетъ въ свое время первое мѣсто въ мірѣ и сохранить на вѣки неувядающую память. Здѣсь весь народъ создаетъ то, что въ другихъ государствахъ составляетъ заслугу одной правящей власти. Изумительный флорентійскій геній въ одно и то же время и строго мыслящій и высоко-творческій безпрестанно вліяеть на преобразованія въ политическомъ и социальномъ строѣ

¹⁾ Sanudo, l. c. Col. 1158, 1171, 1177. Cp. Guicciardini, Ricordi, № 401.

²⁾ Sansovino, Venezia, Lib. XII, dell'andate pubbliche del principe. Egnatius fol. 40 a. Боязливый трепеть передъ папскимъ отлученіемъ удостовѣряется у Egnatius fol. 122 и слѣд.

и въ то же время безпрестанно обо всемъ судить и все описываетъ. Такимъ образомъ Флоренція становится родиной политическихъ доктринъ и теорій, экспериментовъ и скачковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она, вмѣстѣ съ Венеціей, родина статистики и, преимущественно передъ всѣми государствами въ мірѣ, она — родина историко-литературнаго описанія событій въ духѣ новаго времени. Зрѣлище древняго Рима и знакомство съ его историческими авторами давало толчокъ къ этому. Джіованни Виллани ¹⁾ признается, что юбилей 1300 года въ Римѣ, на которомъ онъ присутствовалъ, внушилъ ему побужденіе предпринять огромный трудъ исторіи родного города и, вернувшись во Флоренцію, онъ тотчасъ приступилъ къ работѣ. Въ числѣ 200.000 паломниковъ, посѣтившихъ тогда Римъ, безъ сомнѣнія, и кромѣ него были люди, обладавшіе способностями и желаніемъ написать исторію своего отечества, но никто изъ нихъ этого не сдѣлалъ, потому что не всякій могъ сказать себѣ: „Римъ склоняется къ паденію, мое же отечество стремится возвыситься и готовится къ высокимъ дѣламъ, поэтому я хочу изобразить все его прошедшее и затѣмъ продолжать до настоящаго времени или до тѣхъ событій, какія мнѣ еще придется пережить“. Но кромѣ свидѣтельства о событіяхъ того времени, историки Флоренціи въ своихъ твореніяхъ увѣковѣчили также ея выдающееся значеніе и первенство надъ всѣми другими городами Италіи въ эпоху возрожденія ²⁾.

Мы не станемъ входить въ подробности исторіи этого замѣчательнаго государства, такъ какъ наша задача указать здѣсь только на пробужденіе индивидуальности и свободы изслѣдованій, какъ результатъ этой исторіи ³⁾.

Такъ рано, какъ во Флоренціи, политическія партіи не возникаютъ ни въ одномъ изъ городовъ Италіи, нигдѣ также онѣ не различаются такъ рѣзко между собой и не ведутъ столь продолжительной и ожесточенной борьбы. Описаніе этой борьбы принадлежитъ, правда, позднѣйшему

¹⁾ G. Villani VIII, 36. Годъ 1300 и есть годъ, на которомъ оставилъ Данте въ *Divina Commedia*.

²⁾ Это заявляется уже около 1470 г. у *Vespasiano Fiorent.* II 258 и слѣд.

³⁾ Ср. прилож. VIII.

времени, но мы можемъ при этомъ лишь удивляться превосходству суждений флорентійскихъ писателей.

Данте. Можно ли себѣ представить, напримѣръ, болѣе остроумнаго политика, чѣмъ Данте, созрѣвшаго на родинѣ и въ изгнаніи. Онъ заклеилъ въ желѣзныхъ терцинахъ ¹⁾ непостоянство гражданъ и склонность къ переменамъ въ политическомъ строѣ ради одной новизны; многое изъ его поэтическихъ вдохновеній оправдалось и можетъ служить указаніемъ будущимъ поколѣніямъ, и своимъ страстнымъ краснорѣчіемъ онъ заставлялъ дрожать сердца флорентійцевъ. Но его мысль парила надъ всею Италіею, надъ цѣлымъ міромъ, и несмотря даже на явную иллюзію въ его представленіи Имперіи, нельзя не удивляться высокимъ порывамъ едва зарождающейся политической жизни въ его поэзіи. Онъ гордится тѣмъ, что первый вступилъ на этотъ путь ²⁾ и, хотя руководимый Аристотелемъ, тѣмъ не менѣе сохраняетъ вполнѣ самостоятельность и творческую независимость. Въ его воображеніи рисуется идеальный образъ императора справедливаго, исполненнаго любви къ людямъ, помазанника Божія, преемника всемірнаго римскаго могущества, освященнаго закономъ, природой и небеснымъ велѣніемъ. Главенство Рима надъ цѣлымъ міромъ, по его мнѣнію, вполнѣ законно, какъ результатъ божьяго суда между Римомъ и остальными народами; наконецъ, это всемірное господство освящено тѣмъ, что Господь избралъ римскую землю мѣстомъ своего воплощенія на землѣ и подчинился переписи императора Августа, когда родился, и суду Понтія Пилата, когда принялъ смерть, и т. д. Если намъ трудно признать убѣдительность этой аргументаціи Данте, нельзя не оцѣнить, однако, его увлекательную искренность и страст-

¹⁾ Purgatorio VI, конецъ.

²⁾ De Monarchia (новое критич. изд. Witte, Halle 1863 - 69; нѣмецкій переводъ O. Hubatsch, Berlin 1872) I, г. По Scheffer-Boichhorst'у Aus Dantes Verbannung (Strassburg 1882), стр. 103—139, это произведеніе слѣдуетъ отнести не къ 1302 и 1312 г., какъ раньше предполагали, а къ послѣднимъ годамъ жизни поэта. August Mass, Hamburg 1891 хотѣлъ приписать эту вещь другому Данте. Нѣкоторые новѣйшіе авторы (ср. Grauert's, Hist. Jahrb. d. Göttes-Ges. 12, 842, 13, 677) относятъ ее снова къ 1300 г. и говорятъ, что она направлена противъ стремленія Bonifaz'я VIII овладѣть Тосканой. Ср. Hist. Zeitschr. 73, 120 и слѣд.

ность. Въ своихъ письмахъ ¹⁾ онъ является первымъ публицистомъ въ то время и, быть можетъ, первымъ свѣтскимъ человѣкомъ, обнародовавшимъ тенденціозныя статьи въ видѣ писемъ и посланій, съ внѣшней стороны носившихъ характеръ простой корреспонденціи. Съ этого почти началась его дѣятельность. Вскорѣ послѣ смерти Беатриче, онъ выпустилъ памфлетъ о современномъ состояніи Флоренціи, въ видѣ посланія „Къ великимъ міра сего“; его позднѣйшія открытыя посланія, въ періодъ изгнанія изъ отечества, также обращены исключительно къ королямъ, государямъ и кардиналамъ. Въ этихъ письмахъ, такъ же, какъ и въ книгѣ „О народной рѣчи“, повторяется въ той или въ другой формѣ приобрѣтенное горькой цѣною убѣжденіе, что изгнанникъ можетъ найти второе отечество въ языкѣ и литературѣ, которыхъ у него никто не въ силахъ отнять. Но мы еще къ этому вернемся.

Обоимъ Виллани, Джіованни и Матео мы обязаны не столько глубокими политическими соображеніями, сколько здравыми и практическими сужденіями о положеніи вещей и матеріаломъ для статистики Флоренціи, а также нѣкоторыми сообщеніями, касающимися другихъ итальянскихъ государствъ.

Статистика. Развитие торговли и промышленности пробудило и здѣсь также рядомъ съ чисто политическимъ мышленіемъ интересъ къ политико-экономическимъ разсужденіямъ. Ни въ одной странѣ того времени мы не находимъ такихъ точныхъ свѣдѣній о финансовомъ положеніи и только изъ флорентійскихъ источниковъ мы узнаемъ правду ²⁾, на примѣръ, о папской куріи въ Авиньонѣ, въ обладаніи которой, послѣ смерти папы Іоанна XXII, оказывается крупный капиталъ въ 24.000.000 гульденовъ золотомъ и драгоценными камнями. Тотъ же Виллани сообщаетъ свѣдѣнія о громадныхъ займахъ, на примѣръ, англійскаго короля у фло-

¹⁾ Dantis Alligherii epistolae, cum notis C. Witte, Padua 1827. Съ тѣхъ поръ нѣсколько новыхъ изданій; многіе сомнѣвались также въ подлинности писемъ. Онъ непремѣнно требовалъ чтобы какъ императоръ, такъ и папа имѣли пребываніе въ Италіи, см. письмо стр. 35 во время конклава въ Garrentras 1314. По пов. перваго письма: Vita nuova cap. 31; epist. p. 9.

²⁾ Giov. Villani XI, 20. Cp. Matt, Villani IX, 93.

рентійскихъ домовъ Барди и Перуци, о несостоятельности послѣднихъ въ связи съ потерю 1.355.000 гульденовъ зол. своихъ и компанейскихъ денегъ (1338 г.), что не мѣшаетъ имъ снова поправить свои дѣла и разбогатѣть ¹⁾. Онъ знаетъ хорошо всѣ подробности, такъ какъ самъ теряетъ состояніе въ этомъ банкротствѣ и попадаетъ въ долговую тюрьму. Но важнѣе всего, что мы находимъ у него данныя, относящіяся уже прямо къ статистикѣ республики ²⁾; мы узнаемъ, что государственный приходъ въ то время превышаетъ 300.000 гульденовъ зол., а расходъ, по крайней мѣрѣ постоянный, составляетъ всего только 4000 гульд. зол.; населеніе города Флоренціи исчисляется въ 90.000, но статистика населенія здѣсь еще не совершенна и ведется на основаніи количества потребляемаго хлѣба или *in bosche* (см. стр. 83). т. е. „по числу ртовъ“. При ежегодномъ крещеніи новорожденныхъ въ Баттистеріи оказывается перевѣсъ рожденій мальчиковъ надъ дѣвочками въ 300 душъ изъ числа 6.000 всѣхъ приносимыхъ дѣтей. Весь контроль при этомъ заключается въ томъ, что при крещеніи мальчика откладывается въ сторону черный бобъ, а при крещеніи дѣвочки бѣлый. Изъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста отъ 8 до 10 тысячъ умѣютъ читать, отъ 1 до 200 учатся въ школѣ ариѳметикѣ, около 600 дѣтей обучаются въ школахъ латинской грамматикѣ и логикѣ. Далѣе слѣдуютъ цифры, относящіяся къ церквамъ и монастырямъ, къ госпиталямъ (въ общемъ не болѣе 1.000 кроватей), къ производству шерстяныхъ тканей; при этомъ находимъ много подробностей. Мы находимъ у него также свѣдѣнія о монетѣ, снабженіи города провизіей, городскихъ учрежденіяхъ, къ числу которыхъ относится постоянная пожарная дружина и т. д. ³⁾. Попутно узнаемъ, что при введеніи новой государственной ренты (*Monte*) въ 1353 г., мѣра эта обсуждалась съ амвоновъ церковью, при чемъ францисканцы гово-

¹⁾ Giov. Villani XI, 87. XII, 54. Ср. въ общемъ Kervyn de Lettenhove, *L'Europe au siècle de Philippe* въ Bel: въ *argentiers florentins* въ *Bulletin de l'académie de Bruxelles* (1861) vol. XII, p. 123 sq.

²⁾ Giov. Villani XI, 92, 93.—у Macchiavelli, *Stor fiorent. lib II, cap. 42* встрѣчается указаніе, что отъ чумы (1348) умерло 96.000 чел.— Ср., впрочемъ, выше стр. 75.

³⁾ Giov. Villani, XII, 35.

рили за нее, а доминиканцы и августинцы противъ 1). Наконецъ, никто въ Европѣ не далъ такого точнаго и обстоятельнаго изображенія и оцѣнки всѣхъ экономическихъ послѣдствій чумной эпидеміи, какъ Маттео Виллани 2). Только флорентинецъ могъ изобразить, какъ многіе надѣялись; что съ уменьшеніемъ населенія все станетъ дешевле, и какъ вмѣсто того все вздорожало и рабочія руки также стали вдвое дороже; какъ простой народъ совсѣмъ не хотѣлъ трудиться и каждый искалъ только случая хорошо пожить; какъ трудно было достать въ городѣ прислугу даже за высокую плату; какъ крестьяне воздѣлывали только отборные земельные участки, а все прочее оставляли въ запустѣніи и т. д. Мы узнаемъ, что огромныя завѣщанія въ пользу бѣдныхъ во время чумы оказались запоздавшими, такъ какъ бѣднѣйшіе жители умерли или успѣли обогатиться на чужой счетъ. Узнаемъ также и о томъ, какъ одинъ бездѣтный гражданинъ завѣщалъ раздачу своего огромнаго состоянія городскимъ нищимъ по 6 динаровъ каждому, при чемъ сдѣлана была, кстати, попытка статистики 3) нищихъ во Флоренціи 4).

Статистика и культура. Съ теченіемъ времени флорентійцы все болѣе расширяли область примѣненія статистическихъ данныхъ 5), обнаруживая притомъ постоянное стремленіе приводить въ связь настоящее съ прошлымъ, а также находить въ обыденныхъ явленіяхъ взаимодѣйствіе съ общей культурой и искусствомъ. Въ одной

1) Matteo Villani III, 106.

2) Matteo Villani, I, 2—7 сравн. 58. Для характеристики чумнаго времени на первомъ мѣстѣ стоитъ знаменитое описаніе Боккаччіо въ началѣ Декамерона. Цѣнный рассказъ о чумѣ (1348) Gabriele de Mussi (ум. послѣ 1356) изъ Piacenza, относится главнымъ образомъ къ родному городу автора, но касается и остальной Италіи. Напечатанъ А. G. Togni въ Giorn. ligust. II, 139—152. Въ немъ появленіе чумы приписывается дѣйствию небесныхъ свѣтилъ.

3) Giov. Villani X, 164.

4) Приложение IX.

5) И въ Миланѣ должны были существовать такія статистики. Ср. выше стр. 82, прим. 2. На какомъ основаніи Ippolita Sforza, Герцогиня Калабрійская, желала узнать отъ герцога Миланскаго 4 ноября 1475 г. el numero precisamente de le aneme Милана и предмѣстій? Pontano стр. 63.

~~изъ~~ изъ хроникъ, относящейся къ 1422. году ¹⁾, рядомъ съ перечисленіемъ семидесяти двухъ мѣняльныхъ лавокъ вокругъ площади Mercato puovo и общей цифрой денежнаго оборота (2. милліона гульденовъ зол.), находимъ данныя о новомъ тогда производствѣ мишуры и сусальнаго золота, и о шелковыхъ матеріяхъ; тутъ же сообщается о классическихкихъ раскопкахъ, производимыхъ Филиппо Брунелеско, ученыхъ трудахъ секретаря республики, Ліонардо Аретино, старавшагося вызвать вновь къ жизни литературу и краснорѣчіе древнихъ; затѣмъ въ хроникѣ говорится о современномъ политическомъ спокойствіи Флоренціи и благополучіи гражданъ по этой причинѣ, а также о томъ, какъ счастлива въ этотъ моментъ Италія, освободившаяся, наконецъ, отъ чужеземныхъ наемныхъ войскъ. Упомянутая выше статистика Венеціи (стр. 83) относится почти къ тому же времени и, безспорно, указываетъ на преимущества послѣдней въ отношеніи обширности владѣній, промышленныхъ пріобрѣтеній и всемірныхъ сношеній; Венеція уже давно царитъ на морѣ, и корабли ея плаваютъ всюду, тогда какъ Флоренція въ томъ же 1422 году посылаетъ еще только первую галеру въ Александрію. Но сравнивая хронику обѣихъ республикъ, нельзя не замѣтить культурнаго преимущества флорентійцевъ. Къ тому же такого рода документы и записи во Флоренціи появляются каждое десятилѣтіе и носятъ характеръ правильнаго обзора, тогда какъ въ другихъ городахъ въ лучшемъ случаѣ имѣемъ, все-таки, только sporadическія показанія и свѣдѣнія безъ общаго плана и заключеній. Изъ одного такого обзора мы узнаемъ, какимъ, приблизительно, имуществомъ располагали первые Медичи, и что они дѣлали для своихъ согражданъ. Въ періодъ времени отъ 1444 до 1471 года они тратятъ на помощь бѣднымъ, общественныя постройки и въ видѣ пошлинъ всего не менѣе 663.755 гульденовъ зол., при чемъ изъ этой суммы 400.000 ²⁾ падаютъ на долю одного Козьмы, и Лоренцо Веліколѣпный чрезвычайно радуется, что деньги эти истрачены

¹⁾ Ex annalibus Ceretani, у Fabroni, Magni Cosmi vita, Adnot 34, vol II, p. 63.

²⁾ Ricordi camoro Lorenzo, у Fabroni, Laur. Med. Magnifici vita, Adnot 2 и 25.—Paul. Jovius, Elogia, p. 131 sq. Cosmos.

съ пользой. Въ 1472 г. появляется новый обзор¹⁾ торговли и промышленности; этотъ цѣнный документъ, перечисляя ремесла, упоминаетъ и о такихъ, которыя носятъ скорѣе характеръ искусствъ. Мы находимъ здѣсь свѣдѣнія о производствѣ золотой и серебряной парчи и камчатныхъ тканей; далѣе идутъ рѣзьба по дереву и мозаика (*intarsia*), скульптурныя украшенія изъ мрамора и песчанника, восковыя фигуры, золотыхъ дѣлъ мастерство и ювелирныя украшенія²⁾. Врожденный талантъ флорентійцевъ вносить всюду расчетъ и подводить итоги своимъ дѣйствіямъ сказывается въ торговыхъ книгахъ того времени, сельско-хозяйственныхъ записяхъ и, наконецъ, въ тѣхъ счетахъ, которые они вели даже въ домашнемъ быту; во всемъ этомъ они значительно опередили прочихъ европейцевъ XV вѣка³⁾. Въ послѣднее время специалисты стали пользоваться извлеченіями изъ этихъ отчетовъ и печатать отдѣльныя монографіи, но обработка такихъ отрывочныхъ матеріаловъ, съ цѣлью достиженія общихъ результатовъ, потребуетъ еще много труда и усилій. Помимо, однако, детальныхъ соображеній, всѣ эти документы могутъ служить иллюстраціей республики, граждане которой, умирая, просили правительство въ своихъ завѣщаніяхъ⁴⁾ брать тысячу гульденовъ золотомъ штрафа съ сыновей, если они не будутъ заниматься какимъ-нибудь ремесломъ.

Ни одинъ городъ въ первой половинѣ XVI столѣтія не оставилъ намъ такихъ обстоятельныхъ о себѣ свѣдѣній,

¹⁾ Состав. Benedetto Dei, въ мѣстѣ приведенномъ въ Приложеніи VI, при чемъ, однако, нужно принять во вниманіе, что перечисленіе должно служить къ отраженію полемическихъ нападокъ. Финансовый проектъ нѣкоего Lodovico Ghetti, съ важными указаніями у Rovscoe, *Vita di Log. de Medici*, т. II, Приложение 1.

²⁾ Съ какой ревностью Флоренція охраняетъ всякую дѣятельность, происходящую въ ея стѣнахъ, явствуетъ изъ того, что *Ianajuolo*, желающій отправиться въ Неаполь, чтобы тамъ заняться своимъ ремесломъ, не можетъ добиться на то разрѣшенія, вслѣдствіе опасенія властей, какъ-бы ремесло тамъ не распространилось. Переселившись несмотря на запрещеніе, онъ подвергается изгнанію, Morelli 1473, p. 190.

³⁾ Очень замѣчательная публикація.—*Il libro segreto di Gregoria Dati* ed. Carlo Ghargiolli, Bologna 1869, относится къ періоду отъ 1384 до 1431; авторъ, видный коммерсантъ, жилъ отъ 1362 до 1435 г.

⁴⁾ *Libri, Histoire des sciences mathématiques* II, 163 sq.

какія находимъ въ превосходномъ описаніи Флоренціи, сдѣланномъ Варки ¹⁾. Этотъ документъ представляетъ одинъ изъ лучшихъ образцовъ историческаго и статистическаго описанія республики наканунѣ ея паденія ²⁾.

Историки и бытописатели Флоренціи. Рядомъ съ статистикой внѣшняго быта появляются одно за другимъ сочиненія и трактаты, касающіеся внутренней жизни республики и ея государственныхъ преобразованій. Флоренція не только переживаетъ сложныя политическія формы съ различными отбѣнками, но въ то же время, въ лицѣ своихъ писателей, даетъ такой непосредственный отчетъ во всемъ происходящемъ, какого не оставило по себѣ ни одно свободное государство не только въ Италиі, но и во всей Европѣ. Въ хроникахъ флорентійцевъ мы видимъ, точно въ зеркалѣ, взаимныя отношенія различныхъ классовъ и отдѣльныхъ лицъ между собой и къ общему измѣнчивому строю. Картины народныхъ движеній и большихъ демократій, которыя мы находимъ у Фруассара, или рассказы нѣмецкихъ хроникъ XIV вѣка представляютъ, безъ сомнѣнія, значительный интересъ, но флорентійцы, внѣ всякаго сравненія, превосходятъ и то и другое и совершенствомъ изображенія и многосторонней обоснованностью въ изложеніи хода вещей. Вліяніе знати, тиранія, борьба среднихъ классовъ съ пролетаріатомъ, демократія, то полная, то половинчатая, то мнимая, первенство того или другого дома, теократія (Савонарола) и т. д. вплоть до смѣшанныхъ формъ строя, которыя подготовили почву для деспотической власти Медичи,— все это описано въ сочиненіяхъ флорентійцевъ такъ, что становятся до очевидности ясны всѣ затаеннѣйшія побужденія дѣйствующихъ лицъ ³⁾.

Наконецъ, Макиавелли въ своихъ историческихъ очеркахъ (до 1492 г.) описываетъ свой родной городъ, Флоренцію, совершенно какъ живое существо и рисуетъ картину ея естественнаго развитія, какъ индивидуума; въ этомъ

¹⁾ Varchi, Stor fiorent. III, p. 56 sq., къ концу IX книги. Нѣкоторыя очевидно ошибочныя числа могутъ основываться на опискахъ и на опечаткахъ.

²⁾ Ср. Прилож. X.

³⁾ Ср. Прилож. XI.

отношеніи онъ первый даетъ, такимъ образомъ, примѣръ новаго историческаго метода. Въ нашу задачу не входитъ изслѣдованіе тѣхъ случаевъ, когда Макиавелли намѣренно отступаетъ отъ истины, какъ мы это видимъ, внѣ всякаго сомнѣнія, въ его своеобразномъ и совершенно произвольномъ изображеніи типа тирана того времени, въ лицѣ Кастручіо Кастракане. Если-бы даже на каждую строчку его „Storie fiorentine“ мы нашли какое-нибудь, болѣе или менѣе дѣйствительное, возраженіе, въ общемъ ничто, все-таки, не можетъ поколебать высокаго, исключительнаго въ своемъ родѣ достоинства этого сочиненія. Рядъ его современниковъ и продолжателей заключаетъ въ себѣ славныя имена: Джакомо Питти ¹⁾, Гвичіардини, Сеньи, Варки, Веттори. Эти замѣчательные люди передали потомству описаніе не менѣе удивительныхъ событій, вполне заслужившихъ такое изображеніе. Въ ихъ твореніяхъ мы находимъ яркія картины послѣднихъ десятилѣтій флорентійской республики — зрѣлище, оставившее по себѣ память на вѣки. Въ этомъ многообразномъ описаніи упадка республики, изумительный расцвѣтъ которой представлялъ въ то время одно изъ оригинальнѣйшихъ въ мірѣ явленій, одни могутъ видѣть не что иное, какъ только рядъ поражающихъ фактовъ, другіе извлекутъ наслажденіе, при видѣ несостоятельности и гибели знатныхъ и сильныхъ, третьи, быть можетъ, взглянутъ на всѣ событія описываемой эпохи, какъ на одинъ грандіозный судебный процессъ, — но такъ или иначе творенія упомянутыхъ авторовъ даютъ богатый матеріалъ для размышленій и останутся на вѣки предметомъ серьезнаго изученія.

Причины будущаго паденія. Главнѣйшимъ зломъ для Флоренціи, подготовлявшимъ ея будущее паденіе, была ея власть надъ прежними, нѣкогда сильными, врагами, въ родѣ пизанцевъ, такъ какъ эта власть и насиліе надъ сосѣдними городами вносили разложеніе во внутреннюю жизнь Флоренціи. Въ этомъ отношеніи она вполне уподоблялась Милану, и какъ послѣдній, не желая признавать права сосѣдей

¹⁾ Если только не слѣдуетъ называть за него выписаннаго имъ для сотрудничества Bartolommeo Cerretani. Ср. Alc. Giorgetti въ *Miocellanea Fiorentina*, vol I, 1886.

и заключить союзъ съ другими свободными городами, помѣшалъ освобожденію Верхней Италіи, такъ и Флоренція, угнетая ближайшихъ сосѣдей, приготовила путь для собственнаго паденія и уничтоженія свободы всей Средней Италіи. Оставалось одно только средство спасти республику — средство, правда, героическое, и которымъ могъ бы воспользоваться только такой человѣкъ, какъ Савонаролла и то при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ, а именно — своевременное распаденіе Тосканы и образованіе федерации свободныхъ городовъ. Идея такой федерации впоследствии, какъ лихорадочный сонъ, возникла вновь въ патріотическомъ сердцѣ гражданина города Лукки, Франческо Бурламакки¹⁾, и привела его въ 1548 г. на эшафотъ. Всѣ дальнѣйшія бѣдствія Флоренціи вытекаютъ главнымъ образомъ изъ этого факта; на ряду съ нимъ надо поставить также несчастныя гвельфскія симпатіи флорентійцевъ и проистекшее отсюда пагубное вмѣшательство чужеземцевъ. Тѣмъ не менѣе флорентійцы вызываютъ невольное удивленіе, когда они, на примѣръ, подъ влияніемъ своего знаменитаго духовнаго вождя, показываютъ міру образецъ продолжительнаго нравственнаго подъема и первый въ Италіи примѣръ снисхожденія къ побѣжденнымъ противникамъ, тогда какъ все прошедшее народа учитъ только мести и коварному насилію. Патріотизмъ и нравственно-религіозное чувство сливаются на этотъ разъ въ одно цѣлое; этотъ энтузіазмъ затѣмъ, на поверхностный взглядъ, какъ будто угасаетъ, но въ дѣйствительности пламя тaitся подъ пепломъ и вырывается наружу во время знаменитой осады 1529—1530 года. Пусть тѣхъ, кто вызвалъ эту грозу надъ Флоренціей, называютъ „глупцами“, какъ это дѣлаетъ Гвичіардини, но онъ самъ признаетъ, что они совершили казавшееся невозможнымъ; и если, по его мнѣнію, болѣе мудрые сумѣли бы избѣжать опасности, то не значить ли это, другими словами, что Флоренція должна была покорно и безславно отдаться въ руки враговъ? Безъ сомнѣнія, она сохранила бы тогда свои роскошныя предмѣстья и сады, а также жизнь и благосостоя-

¹⁾ Ср. Archiv. stor. ital. Ser. I, tom. X, p. 435 sq., documenti p. 146 sq.; далѣе Carlo Minutoli, Storia di Fr. B. Lucca 1844 и важныя добавленія Leone del Prete въ Giornale storico degli archivi Toscani IV (1860) p. 309 qs.

ніе многихъ гражданъ, но въ то же время она бы утратила одно изъ благороднѣйшихъ своихъ воспоминаній.

Политическія перемѣны. Если флорентійцы являются выразителями лучшихъ сторонъ культуры Италіи и всей Европы въ ту эпоху, то вмѣстѣ съ тѣмъ они могутъ также служить во многомъ показателями и темныхъ сторонъ ея. Въ свое время Данте сравнивалъ Флоренцію, жаждущую вѣчныхъ перемѣнъ въ государственномъ устройствѣ, съ мѣняющимся поминутно положеніе въ постели больнымъ, въ надеждѣ облегчить боль; этимъ сравненіемъ онъ обрисовалъ характерную черту республики во все время ея существованія. Во Флоренціи при каждой новой политической перемѣнѣ сказывается увѣренность, что государственное устройство можно „сочинить“ или искусственно создать, пользуясь всей наличностью силъ, партій и направленій, математическимъ расчетомъ. Савонарола въ своей проповѣди въ 3-е рождественское воскресенье (Филипповскій постъ) 1494 г. предлагаетъ слѣдующую мѣру для выработки государственной конституціи: 16 городскихъ ассамблей должны изготовить каждая свой проектъ, — гонфалоньеры выберутъ четыре лучшихъ изъ нихъ, а Синьорія выберетъ наилучшій изъ этихъ четырехъ. Подобно этому, онъ дѣлалъ въ разное время и другія предложенія, но ни одно изъ нихъ не могло осуществиться¹⁾. Но и самъ Макиавелли не свободенъ отъ такихъ увлеченій. Съ тѣхъ поръ исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ такого рода иллюзій. Во Флоренціи явились преобразователи, мечтавшіе установить прочный порядокъ и удовлетворить одинаково великихъ и малыхъ или обмануть тѣхъ и другихъ, при помощи новыхъ искусственныхъ формъ и перемѣнъ въ управленіи, новыхъ строгихъ выборовъ, новыхъ должностей и т. д. При этомъ они съ удивительной наивностью пользовались примѣрами древности и заимствовали оттуда такія названія партій, какъ *ottimati* (знатные), *aristocrazia*²⁾ и т. п. Съ тѣхъ поръ мы привыкли

¹⁾ Ср. P. Villari, Savonarola, нѣмецк. пер. I, стр. 193—200. Сав. написалъ кромѣ того еще замѣчательный *Trattato circa il regimento di Firenze* (перездано въ Пизѣ въ 1817 г.).

²⁾ Последнее впервые въ 1527 г. послѣ изгнанія Медиччи, см. Varchi, I, 121 etc.

къ этимъ названіямъ и стали придавать имъ условный, европейскій смыслъ, тогда какъ прежде всѣ партійныя названія принадлежали только извѣстной странѣ и отвѣчали непосредственно извѣстному положенію вещей или обязаны были происхожденіемъ простой случайности. До какой степени, однако, одно и то же названіе можетъ мѣнять колоритъ!

Макиавелли и его discorsi. Изъ всѣхъ писателей того времени, пытавшихся преобразовать государство¹⁾, Макиавелли, безъ сомнѣнія, величайшій. Онъ разсматриваетъ современные теченія, какъ активныя, жизненныя силы, смотритъ на вещи съ широкой точки зрѣнія и не старается обмануть ни себя, ни другихъ. Въ немъ нѣтъ ни слѣда тщеславія или страсти къ преувеличеніямъ, и къ тому же онъ пишетъ не для большого круга читателей, но только для власть имущихъ и государей или же для друзей. Если онъ въ чемъ-либо заблуждается, то не вслѣдствіе ослѣпленія или ложныхъ построеній, а только потому, что ему трудно справиться съ своимъ пылкимъ воображеніемъ и держать его въ извѣстныхъ границахъ. Нѣкоторые его взгляды въ вопросахъ нравственныхъ и политическихъ приводятъ насъ въ ужасъ своей откровенностью, но не надо забывать, что онъ писалъ въ эпоху крайней нужды и опасности, когда никто не вѣрилъ въ какое-либо право и когда трудно было полагаться на одну справедливость. Едва ли мы также въ правѣ отнестись къ нему за это слишкомъ строго, если принять во вниманіе многое, что мы видимъ въ политикѣ нашего времени. Во всякомъ случаѣ онъ умѣетъ отодвигать свое собственное „я“ на второй планъ, когда этого требуютъ общія политическія соображенія и, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ названіе патріота, въ лучшемъ смыслѣ слова, несмотря даже на то, что въ его твореніяхъ, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ вовсе порывистыхъ увлеченій и что сами флорентійцы въ концѣ концовъ ославили его измѣнникомъ²⁾. Его воззрѣнія на политику и нравственность отвѣчали моральному уровню того времени, но благо

¹⁾ Machiavelli, *Storie fior.* I. III, cap. I. „Un savio dator di leggi“ могъ бы спасти Флоренцію.

²⁾ Varchi, *Stor. fiorent* I, p. 210.

республики было тѣмъ не менѣе его первой и послѣдней мыслью.

Discorsi. Вполнѣ законченный планъ преобразованія флорентійскаго государства мы находимъ въ запискѣ Макіавелли обращенной къ Льву X ¹⁾ послѣ смерти младшаго Лоренцо Медичи, герцога Урбинскаго († 1519 г.), которому онъ посвятилъ свою книгу „о Государѣ“. Положеніе вещей въ это время уже настолько скверное, что поправить его трудно, и средства предлагаемыя Макіавелли далеко не отличаются нравственностью; въ высшей степени интересно, однако, видѣть, какъ подъ его перомъ наследственное государство Медичи принимаетъ все болѣе республиканскій и даже демократическій характеръ. Нельзя даже вообразить себѣ болѣе искусное смѣшеніе уступокъ папѣ и его приверженцамъ съ разносторонними интересами самихъ флорентійцевъ; читая это разсужденіе, испытываешь такое чувство, точно видишь передъ собой сложный часовой механизмъ. Въ его *Discorsi* находимъ множество также другихъ, не менѣе интересныхъ паралелей, частныхъ замѣчаній, основныхъ положеній, политическихъ перспективъ и драгоцѣннѣйшихъ свѣтлыхъ мыслей; такъ, между прочимъ, онъ утверждаетъ, что поступательное движеніе республики есть своего рода неизмѣнный законъ, и что такое развитіе политическаго строя требуетъ отъ времени до времени глубокихъ перемѣнъ, въ видѣ извѣстнаго рода толчковъ или переворотовъ, а потому не должно казнить реформаторовъ или преслѣдовать ихъ и наказывать изгнаніемъ. Далѣе, исходя изъ подобнаго же принципа и стремясь къ устраненію насилій надъ гражданами и вмѣшательства чужеземцевъ (послѣднее онъ называетъ „концомъ всякой свободы“), онъ предлагаетъ учредить обвинительную камеру (*accusa*) противъ лицъ, заслужившихъ общую ненависть, и такимъ образомъ замѣнить личную злобу и месть правосудіемъ. Онъ мастерски изображаетъ послѣдствія запоздалыхъ, вынужденныхъ рѣшеній, принимаемыхъ республиками въ критическія минуты своего существованія. Подъ влияніемъ отчасти собственной фантазій онъ хвалитъ, между прочимъ, народъ, умѣющийъ лучше чѣмъ

¹⁾ *Discorso sopra il riformar lo stato di Firenze*, въ *Opere minori* р. 207.

кто-либо изъ государей цѣнить полезныхъ гражданъ, и ставить въ заслугу народу то, что его можно спасти отъ ошибокъ „убѣжденіемъ“—взглядъ, который мы находимъ у Монтескье, безъ сомнѣнія повторившаго только въ этомъ случаѣ слова Макиавелли. Онъ ни минуты не сомнѣвается, что Флоренціи должно принадлежать владычество надъ Тосканой, въ особомъ *discorso* говоритъ о необходимости привести пизанцевъ къ повиновенію, какъ о вопросѣ жизни, и сожалеетъ о томъ, что Аррецо не уничтоженъ до основанія послѣ возмущенія въ 1502 г. Въ общемъ онъ совѣтуетъ республикѣ идти на встрѣчу сосѣдямъ и по возможности расширять сферу своего вліянія, съ цѣлью не дать усилиться другимъ на ея счетъ и въ то же время избѣгать внутреннихъ волненій; флорентійцы, напротивъ, дѣлали ошибку за ошибкой и съ давнихъ временъ возстановили противъ себя Пизу, Сиену и Лукку, тогда какъ Пистойя, благодаря „братскому“ обхожденію съ ней, добровольно подчинилась Флоренціи¹⁾.

Сиена. Было бы несправедливо даже пытаться провести лишь параллель между немногими прочими республиками, уцѣлѣвшими еще въ XV вѣкѣ, и единственною въ своемъ родѣ Флоренціей — этой мастерской, въ которой съ теченіемъ времени образовался весь новый строй не только итальянской, но и всей европейской жизни. Сиена страдала отъ глубокихъ внутреннихъ недостатковъ, и относительные успѣхи ея въ искусствахъ и ремеслахъ не могутъ ввести насъ въ заблужденіе. Эней Сильвій²⁾ съ завистью обращаетъ взоры изъ своего родного города къ „веселымъ“ имперскимъ городамъ Германіи, гдѣ дышется свободно и нѣтъ ни конфискацій имущества, ни деспотическихъ властей, ни враждующихъ партій. Нѣкоторое время она пребываетъ подъ властью арагонской династіи, вслѣдствіе чего нѣсколько знатныхъ гражданъ пытаются въ

¹⁾ Изъ нѣсколькихъ позднѣйшаго времени (1532?) ср. наводящее ужасъ искреннее сужденіе Guicciardini о положеніи и неизбѣжной организаціи медичейской партіи. *Lettere di principi* III, fol. 124 ed. Venez. 1577.

²⁾ Aen. Sylvii apologia ad Martinum Mayer, p. 701. — Аналогично еще Machiavelli, *Discorsi* I, 55 и loc. cit.

1481 г. произвести революцію¹⁾ и передать городъ Венеціи. Пятьдесятъ лѣтъ спустя она иллюстрируетъ, насколько полуобразование и отвлеченныя теоріи могутъ иногда вліять на политическій строй. Нѣсколько лавочниковъ, возбужденныхъ чтеніемъ Ливія и макиавелевскихъ *Discorsi*, серьезнѣйшимъ образомъ хотятъ возстановить римскихъ народныхъ трибуновъ и другія учрежденія древнихъ, какъ оплотъ противъ злоупотребленій знати и чиновниковъ²⁾.

Генуя насъ мало интересуеетъ, такъ какъ культура эпохи возрожденія завоевываетъ въ ней себѣ мѣсто только со времени Андреа Доріо, но надо замѣтить, что современники несправедливо видятъ въ ней противницу всякаго образованія³⁾. По крайней мѣрѣ, въ смыслѣ исторической литературы она, въ свою очередь, въ правѣ гордиться нѣсколькими блестящими сочиненіями⁴⁾. Къ сожалѣнію, партійныя распри въ ней отличались такимъ упорствомъ и влекли за собой настолько сильныя потрясенія во внутреннемъ строѣ, что трудно даже понять, какимъ образомъ генуэзцы сумѣли послѣ всѣхъ революцій и нашествій сохранить сколько нибудь сносное положеніе. Быть можетъ послѣднее потому только и было возможно, что всѣ граждане причастные къ управленію были почти безъ исключенія торговыми людьми⁵⁾. Тѣмъ не менѣе съ трудомъ вѣрится, что промышленность

1) Ориг. докум. у Brosch, Julius II, стр. 303, прим. 25.

2) Della Valle Lettere sanesi III, p. 317. — О гуманизмѣ въ Сиенѣ см. Lud. Zdekauer, Lo Studio di Siena nel rinascimento, Миланъ 1894.

3) Pierio Valeriano, De infelicitate literatorum, по поводу Bartolommeo della Rovere, стр. 384 работа P. V. цитируется въ дальнѣйшемъ по изданію Menken'a, Analecte de calamitate literatorum, Лейпцигъ 1707.

4) О гуманизмѣ въ Генуѣ ср. Braccio, Giac. Bracelli e l'umanesimo dei Liguri al suo tempo, Genua 1891.

5) Senarega, De reb. Genuens. у Мурат. XXIV, Col. 548. Относительно неуверенности ср. особ. Col. 519, 525, 528 и т. д. Очень откровенная рѣчь Battista Guano (предводителя 24-хъ генуэзскихъ пословъ при передачѣ государства Francesco Sforz'ѣ въ 1464 г.), въ которой посоль заявляетъ, что Генуя сдастся ему, надѣясь, что это дастъ ей возможность жить спокойнѣе и въ большей безопасности, см. у Cagnola, Archiv. stor. III, стр. 165 и слѣд. — Образъ архіепископа, дожа, корсара и т. д. (позже) кардинала Paolo Fregoso, значительно выступаетъ за предѣлы рамокъ обычныхъ итальянскихъ условій.

могла существовать при такой неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ вообще, и что Генуя могла удержать за собой свои колоніальныя владѣнія, несмотря на такую неустойчивость внутри ея самой.

Лукка имѣла очень мало значенія въ XV вѣкѣ¹⁾.

¹⁾ Интересно то, что Лукезы въ 1447 г. поручаютъ своимъ посланцамъ напомнить папѣ Николаю V che il suo padre elesse questa citta essere depositarii delle suoi (sic) ossa et corpo, Giorn. ligust. II, 391. — О князѣ Р. Guinigi ср. ниже прибавленія XLVII и XLIX.

Глава VIII

Внѣшняя политика итальянскихъ государствъ

Какъ по своему внутреннему строю каждое изъ итальянскихъ государствъ представляло своего рода творческое произведеніе, основанное на точныхъ данныхъ и правильной пропорціональности, такъ и внѣшнія сношенія этихъ государствъ между собой и съ другими народами носили хорошо рассчитанный политическій характеръ. Надо замѣтить, что новизна власти, находящейся бѣльшею частью въ рукахъ узурпаторовъ, придаетъ роковой характеръ всей этой внѣшней политикѣ, также какъ мы это видѣли во внутренней жизни. Никто не хочетъ безъ принужденія признать право другого, и каждый въ спорѣ съ противникомъ рассчитываетъ на игру счастья, послужившую основаніемъ его первоначальнаго успѣха въ достиженіи власти. Мы видимъ, что отъ деспотическаго государя далеко не всегда зависитъ сохранять миръ или нѣтъ, такъ какъ незаконные властители вынуждены бѣльшею частью постоянно расширять свои владѣнія и не могутъ сидѣть спокойно на мѣстѣ. Такимъ образомъ Италія становится отечествомъ искусственной „внѣшней политики“, распространившейся затѣмъ далеко за ея предѣлы и замѣнившей современемъ и въ другихъ странахъ прежнее болѣе спокойное положеніе вещей, освященное извѣстными, всѣми признаваемыми правами. Такого рода внѣшняя политика, свободная не только отъ предразсудковъ, но также и отъ руководства правилами нравственности, достигаетъ по временамъ выгодныхъ результатовъ и приводитъ къ блестящимъ внѣшнимъ успѣхамъ, но въ цѣломъ производитъ впечатлѣніе глубочайшей бездны.

Венеція, какъ объектъ обвиненій. Вся внѣшняя исторія Италіи того времени представляетъ одну подавляющую совокупность политическихъ интригъ, заговоровъ, вооруженій, подкуповъ и всякаго рода измѣнъ. Венеція въ особенности была предметомъ общихъ нареканій; ее обвиняли въ тайныхъ замыслахъ завоевать всю Италію или же довести мало по малу всѣ другіе города до такого жалкаго состоянія, чтобы они вынуждены были одинъ за другимъ отдаться ей во власть безъ всякаго сопротивленія¹⁾.

Приглядѣвшись ближе, мы убѣдимся, однако, что всѣ эти жалобы и предостереженія противъ Венеціи исходили не изъ народной среды, а изъ среды лицъ окружавшихъ деспотовъ и тирановъ, ненавидимыхъ народомъ; Венеція, благодаря ея сравнительно кроткому режиму, внушала къ себѣ скорѣе всеобщее довѣріе (см. гл. VII). Въ 1462 г. Галеаццо Маріа Сфорца увѣряетъ венеціанскаго посла, будто-бы города, подчиненные Венеціи, предлагаютъ ему заключить союзъ противъ нея; но эти слова Галеаццо не что иное, какъ праздный и забавный наборъ словъ²⁾. Въ дѣйствительности города и цѣлыя области охотно признаютъ главенство Венеціи, въ особенности тогда, если этимъ путемъ могутъ избавиться отъ узурпирующихъ власть тирановъ. Даже Флоренція, въ виду непріязни подчиненныхъ ей городовъ и сосѣднихъ республикъ, опасующихся за свою цѣлость, сознаетъ всю двусмысленность своего положенія въ сравненіи съ Венеціей, не говоря уже о зависти къ торговымъ преимуществамъ послѣдней и ея успѣхамъ въ Романьѣ. Въ концѣ концовъ, однако, Камбрейской лигѣ (см. гл. VII) посчастливилось, въ самомъ дѣлѣ, ослабить республику, которую вся Италія должна была бы, въ сущности, поддерживать всѣми силами.

Вмѣшательство чужеземцевъ и симпатіи къ Франціи. И всѣ прочіе города Италіи повторяютъ ошибку Флоренціи, питая взаимныя подозрѣнія и недоброжелательство другъ къ другу. Каждый думаетъ о другомъ то, что внушаетъ ему собственная нечистая совѣсть, и готовъ на всякую крайность. Людовикъ Мавръ, Арагонская династія въ Неа-

1) Такъ еще позднѣе Varchi, stor. fiorent. I, 57.

2) Ср. Malipiero, Annali veneti, Arch. stor. VII стр. 216.

полѣ и Сикстъ V держатъ всю Италію въ напряженномъ состояніи, не говоря уже о смутахъ и столкновенияхъ мелкихъ князей и государей. Но эта кровавая игра не ограничивается одной итальянской территоріей, и естественный ходъ событій вызываетъ вмѣшательство чужеземцевъ, такъ какъ итальянцы въ своихъ междоусобіяхъ прибѣгаютъ къ помощи, главнымъ образомъ, французовъ и турокъ.

Въ началѣ народъ по преимуществу относится всюду съ симпатіей къ Франціи. Съ поразительной наивностью Флоренція сама подтверждаетъ старинныя гвельфскія симпатіи къ ней. Инструкція флорентійскимъ посламъ, въ 1452 г., заключаетъ въ себѣ наиболѣе яркое и убѣдительно выраженіе этихъ пагубныхъ симпатій; руководствуясь ею, послы должны напомнить Карлу VII установившіяся въ теченіе столѣтій дружескія отношенія между Флоренціей съ одной стороны и Франціей съ другой, далѣе — напомнить ему освобожденіе Италіи отъ варварскаго нашествія Карломъ Великимъ и происхожденіе гвельфской партіи со временъ Карла I¹⁾. Когда затѣмъ Карлъ VIII въ самомъ дѣлѣ перешелъ Альпы, вся Италія встрѣтила его съ восторгомъ, казавшимся и ему самому и всѣмъ окружавшимъ его французамъ страннымъ и совершенно непонятнымъ²⁾. Въ воображеніи народа со временъ Савонаролы продолжалъ жить идеальный образъ мудраго, справедливаго и могущественнаго монарха, но не въ томъ видѣ, какимъ представлялъ себѣ императора Данте, а проще: въ лицѣ фран-

¹⁾ Il qual fundamento, говорится далѣе, fu cagione della ruena della contraria parte e introdusse lo stato della felicita, in che noi siamo. Fabroni Cosmus, adnot. 107, Vol II стр. 200 и слѣд. Когда молодой Lorenzo посѣтилъ пребывавшаго во Флоренціи герцога Анжуйскаго, то онъ одѣлся во французскую одежду, Fabroni, томъ II стр. 9.

²⁾ Comines, Charles VIII, chap. 10: французовъ считали comme saints, — Ср. Chap. 17. — Chron. Venetum у Murat. XXIV, Col. 5, 10, 14, 15. — Matarazzo, Chron. di Perugia, arch. stor. XVI, II стр. 23. Не упоминая о безчисленныхъ другихъ свидѣтельствахъ, ср. особенно произведенныя по первоисточникамъ розысканія Pilorgetie и Dejardins и ниже прибавленіе XII. Отдѣльныя противоположныя мнѣнія, особенно неаполитанцевъ, напр. Cariteo, который въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ называетъ французовъ simia, bruto animalotto. (Ср. также ниже II, стр. 52, примѣч. 2). Рѣзкіе отзывы современныхъ поэтовъ о Карлѣ VIII, собранные E. Ciavarelli, Propugnatore 19, 1, стр. 306 и слѣд.

цузскаго короля изъ династїи Капетинговъ. Съ уходомъ Карла изъ Италїи всѣ иллюзіи должны были сами собой разсѣяться, и тѣмъ не менѣе прошло еще не мало времени, пока всѣ итальянцы стали ясно понимать, какъ далеко были Карль VIII, Людовикъ XII и Францискъ I отъ возлагаемыхъ на нихъ надеждъ вообще, и какими побужденїями они въ дѣйствительности руководствовались. Но итальянскіе деспоты не были такъ наивны и прекрасно знали, зачѣмъ угождали французамъ. Когда окончились англо-французскія войны, и Людовикъ XI раскинулъ во всѣ стороны свои дипломатическія сѣти, а Карль Бургундскій погрузился въ политику разныхъ авантюръ, тогда итальянскіе государи стали обращаться къ нимъ со всѣхъ сторонъ съ различными предложенїями, и вмѣшательство французовъ въ итальянскія дѣла, раньше или позже, стало неизбѣжнымъ, помимо даже притязанїй на Миланъ и Неаполь, какъ мы это видимъ уже гораздо раньше на примѣрѣ Генуи и Пьемонта. Въ самомъ дѣлѣ, Венеція ожидаетъ появленїя французовъ уже въ 1462 г.¹⁾ Переписка Миланскаго герцога Галеаццо Марїа²⁾ свидѣтельствуемъ самымъ нагляднымъ образомъ о мучительномъ страхѣ, испытываемомъ имъ во время Бургундской войны, когда онъ, несмотря на союзъ и съ Людовикомъ XI и съ Карломъ, ежеминутно, однако, опасается нашествїя обоихъ.

Система равновѣсія. Система равновѣсія четырехъ главнѣйшихъ государствъ Италїи въ томъ видѣ, какъ ее понималъ Лоренцо Великолѣпный, могла существовать только въ представленїи самого Лоренцо, въ своемъ оптимизмѣ не желавшаго помнить о непостоянствѣ гвельфскихъ симпатїяхъ Флорентїйцевъ. Когда Людовикъ XI предложилъ ему свои войска въ помощь противъ неаполитанскаго короля Ферранте и Сикста V, Лоренцо сказалъ: „я не научился еще отдавать преимущество моей личной пользѣ, не считаясь съ опасностью для Италїи и желалъ бы, чтобы французскимъ королямъ не приходило вовсе на мысль пробовать здѣсь свою силу. Если это разъ только случится — Италїя

¹⁾ Pii II Commentarii, X, стр. 498.

²⁾ Gingins. Dépêches des ambassadeurs Milanais, etc. I, стр. 26, 153, 273, 283, 285, 327, 331, 345, 359, II, стр. 29, 37, 101, 217, 306, Карль уже однажды говорилъ о томъ, чтобы передать Миланъ молодому Людовику Орлеанскому.

погибнуть!“¹⁾). Другіе итальянскіе государи смотрятъ на французскаго короля то съ отчаяніемъ, какъ на предметъ ужаса, то, какъ на спасительное средство, и грозятъ союзомъ съ нимъ каждый разъ, когда не видятъ другого исхода изъ затруднительнаго положенія. Папы, въ свою очередь, думали, что могутъ пользоваться помощью французовъ, не опасаясь дурныхъ для себя послѣдствій такого вмѣшательства; Иннокентій VIII, напримѣръ, не сомнѣвался въ томъ, что смѣло можетъ отправиться на сѣверъ и, вернувшись оттуда съ французскимъ войскомъ, стать завоевателемъ Италіи²⁾).

Приобрѣтенія иностранцевъ въ Италіи. Мыслящіе люди въ Италіи предсказывали возможность чужеземнаго вліянія еще задолго до появленія въ странѣ Карла VIII³⁾). Когда же Карлъ во второй разъ перешелъ Альпы, для всѣхъ стало ясно, что наступила эра такого вліянія и настойчивыхъ дѣйствій чужеземцевъ. Съ этой поры одно несчастіе слѣдуетъ за другимъ, и слишкомъ поздно становится понятнымъ, что Франція и Испанія успѣли вырасти до той степени могущества, когда уже не довольствуются одними изъявленіями почтительности, но борются на смерть за политическое преобладаніе и фактическія приобретенія. Могущество обѣихъ державъ въ значительной мѣрѣ основано на централизации и другихъ особенностяхъ, заимствованныхъ въ той же Италіи, только въ огромнѣйшемъ масштабѣ. Въ виду конкуренціи между Испаніей и Франціей, приобретенія ихъ въ Италіи носятъ нѣкоторое время неопредѣленный и условный характеръ; въ концѣ концовъ, однако, какъ извѣстно, наступаетъ рѣшительный перевѣсъ Испаніи, такъ какъ въ

¹⁾ Ср. прилж. XII.

²⁾ Fabroni, Laurentius magnificus, Adnot. 205 и слѣд. Даже въ одномъ изъ его писаній одинъ разъ говорилось дословно: *flectere si nequeam superos, Acheronta morebo, надо надѣяться, что не по отношенію къ туркамъ* (Villari, Storia di Savonarola, II, стр. 48 Documenti).

³⁾ Напр. Jovian Pontanus въ своемъ Charon. Въ разговорѣ Эака Миноса и Меркурія. (Opp. ed. Bas. II стр. 1167) первый говоритъ: *Vel quod houd multis post saeculis futurum auguror, ut Italia, cujus intestina te odia male habent Minos in unius redacta ditionem resumat imperii majestatem.* И на предостереженіе Меркурія противъ турокъ Эакъ отвѣчаетъ: *Quamquam timenda haec sunt, tamen si vetera respicimus, non ab Asia aut Graecia, verum a Gallis Germanisque timendum Italiae semper fuit.*

ней папство находить оплотъ противъ грозящей ему реформации; ради этой цѣли папство и остается на долгое время въ зависимости отъ этого опаснаго врага Италіи. Итальянскимъ писателямъ оставалось только съ грустью напомнить народу о несчастномъ концѣ всѣхъ государствъ, призывавшихъ на помощь варваровъ.

Турки. Но также откровенно и не думая о послѣдствіяхъ заключались въ XV вѣкѣ союзы и съ турками; это приближише находили такимъ же полезнымъ и выгоднымъ въ политикѣ, какъ и всякое другое. Понятіе о солидарности всѣхъ западныхъ христіанъ значительно поколебалось еще во время крестовыхъ походовъ, и Фридрихъ II, повидимому, совершенно освободился уже отъ этой идеи ¹⁾. Вновь возникшее поступательное движеніе турокъ и паденіе Греціи вызвали въ общемъ прежнее настроеніе, хотя съ гораздо меньшимъ энтузіазмомъ. Но Италія и въ этомъ случаѣ представляетъ рѣшительное исключеніе; какъ ни великъ былъ ужасъ, внушаемый однимъ именемъ турокъ и дѣйствительной опасностью нашествія, не было ни одного сколько-нибудь значительнаго государства въ Италіи, которое бы не вступило въ союзъ съ Магометомъ II или его преемниками противъ своихъ единоплеменниковъ, какъ до завоеванія турками Греціи, такъ и непосредственно послѣ взятія ими Константинополя. Выдающаяся личность Магомета II играла значительную роль въ этомъ сближеніи; обаяніе этой личности было такъ велико, что въ Италіи похвалы ему расточались одновременно съ военными приготовлениями ²⁾. Нѣкоторые итальянскіе государи были

¹⁾ Сюда также относится пресловутый союз Венеціи 1202 г. съ египетскимъ султаномъ, ср. G. Hanotaux въ *Revue historique*, IV стр. 74—102. Позже случалось, что венеціанскіе послы подвергались надменному обращенію со стороны султана, Marin Sanudo XV, 18 (1512) или что Венеція отговаривала венгерскаго короля отъ заключенія союза съ турками, тамъ же II, 1376 и слѣд. (1490).

²⁾ Рѣчь Nicolaus Sagundinus по порученію Венеціи обращенная имъ къ Alfons'у въ 1454 г. у Macusev, I, 291 306. Сходно съ этимъ прославленіе Могаммеда II Filefo въ греческомъ письмѣ и стихотвореніи въ 1454 г. (Legrand стр. 63 и слѣд. 211 и слѣд.), которое только отчасти извиняется тѣмъ, что теща F. съ двумя дочерьми попала въ плѣнъ къ туркамъ. Онъ и извинялся по этому поводу въ письмѣ къ L. Crivelli, 1 Авг. 1465 г.

въ такой дружбѣ съ нимъ, что называли другъ друга „братомъ“.

Если кто и не думалъ о союзѣ съ турками, то все равно не могъ избѣжать подозрѣнія въ этомъ; и это еще не было худшимъ изъ подозрѣній, какія питали въ то время другъ къ другу государства Италіи. Венеціанцы обвиняли неаполитанскаго короля Альфонса въ томъ, что онъ подослалъ людей, съ цѣлью отравить колодцы въ Венеціи ¹⁾. Имѣлъ ли Галеаццо Маріа дѣйствительно намѣреніе соединиться съ турками противъ Венеціи, какъ онъ говорилъ венеціанскому послу, или это была только угроза, осталось невыясненнымъ ²⁾; но отъ такого злодѣя, какимъ былъ Сигизмондо Малатеста, безъ сомнѣнія, можно было легко ожидать подстрекательства турокъ ³⁾. Магометъ II отнялъ у неаполитанскихъ аррагонцевъ Отранто, по наущенію будто бы итальянцевъ и въ особенности венеціанцевъ ⁴⁾; затѣмъ, они, въ свою очередь, отнявъ назадъ у турокъ городъ, сумѣли возстановить султана Бая-

1) Comines, Charles VIII, chap. 7. О томъ, какъ Альфонсъ хотѣлъ поймать противника на войнѣ во время мирныхъ переговоровъ рассказываетъ Nantiporto, у Murat. III. II, Col. 1073. Онъ предшественникъ Чезаре Борджіа.

2) Ср. Malipiero, Ann. veneti, archiv. stor. VII, I, 222.

3) Pii II, Comment. X, 495. О Boccolino см. гл. III.

4) Porzio, Congiura de baroni, S. I, стр. 5. Предполагаемое Porzio участіе Лоренцо Великолѣпнаго въ этомъ подстрекательствѣ можно считать сомнительнымъ. Почти навѣрное Венеція побудила къ этому султана, ср. Romanin, Storia documentata di Venezia, lib. XI, cap. 3. Ср. также подробное и документальное изложеніе у M. Broch, Julius II, стр. 17—20. Когда затѣмъ Отранто былъ взятъ, Vespasiano Bisticci написалъ свое Lamento d'Italia. Arch. stor. ital. IV стр. 452 sq.; въ настоящее время также въ изд. Vitte Фрати III, 306—326. Исторію взятія и обратнаго возвращенія Отранто написалъ на латинскомъ языкѣ Antonio Galateo. Сужденіе современниковъ объ образѣ дѣйствій венеціанцевъ см. Gothein, стр. 397, прим. I. При нападеніи турокъ на Фріюль явилось въ свѣтъ также латинское стихотвореніе, ошаквивающее событіе, сочиненное отшельникомъ Антоніемъ Падуанскимъ, напечат. въ N. Arch. Ven. V, 453 sqq. Венеція и папа упоминаются здѣсь какъ пособники. — Иллюминація при извѣстїи о побѣдѣ надъ турками, Paris de Grassis (нов. изд.), стр. 7. — Vesp. Fior. I, 162 говоритъ, что венеціанцы не зажгли иллюминаціи, по случаю смерти султана, и не звонили въ колокола, но Богъ въ наказаніе за это послалъ имъ пожаръ и вслѣдствіе этого они вынуждены были цѣлую ночь звонить въ колокола.

зета II противъ Венеціи ¹⁾. Такое же обвиненіе тяготѣетъ надъ Людовикомъ Мавромъ, и одинъ изъ лѣтописцевъ того времени, говоря о немъ, восклицаетъ:— „Кровь падшихъ и стоны взятыхъ въ плѣнъ турками вопіють противъ него къ престолу Господа“ ²⁾. Въ Венеціи, гдѣ обыкновенно знали все, что дѣлается въ Италіи, знали также, что Джіованни Сфорца, владѣлецъ Пезаро и родственникъ Мавра, принималъ у себя турецкихъ пословъ на пути ихъ въ Миланъ, какъ желанныхъ гостей ³⁾.

Папы. Изъ папъ XV вѣка двое самыхъ почтенныхъ,— Николай V и Пій II—умерли отъ заботъ и огорченій, причиненныхъ имъ турками, при чемъ Пій II умеръ во время приготовленій къ крестовому походу, до послѣдней минуты думая стать во главѣ союзниковъ; но уже за цѣлыя столѣтія до него папы, въ родѣ Иннокентія IV и Григорія IX, добивались помощи турокъ противъ христіанскихъ государей, а ихъ преемники растрачиваютъ безбожнѣйшимъ образомъ денежныя суммы, собранныя во всемъ христіанскомъ мірѣ, на индульгенціи во время крестовыхъ походовъ, пользуясь „отпущеніемъ грѣховъ“, какъ выгодной спекуляціей ⁴⁾. Иннокентій VIII беретъ на себя роль тюремщика принца Джема, брата султана, и получаетъ за это ежегодно извѣстную сумму отъ Баязета II—роль, которую Венеція не разъ отклоняла отъ себя. Александръ VI поддерживаетъ Людовика Мавра въ его стараніяхъ въ Константинополѣ вызвать походъ турокъ противъ Венеціи (въ 1498 г.), вслѣдствіе чего послѣдняя входить въ соглашеніе съ французскимъ королемъ и грозитъ папѣ вселенскимъ соборомъ ⁵⁾. Мы видимъ, такимъ образомъ,

¹⁾ Chron. Venetum, у Murat. XXIV, Col. 14 и 76.

²⁾ Объ отношеніи Мого къ туркамъ ср. Pelissier I. 162: онъ сказалъ мантуанскому посланнику Brognola, что хотѣлъ бы быть пинцей, чтобъ скорѣе имѣть свѣдѣнія объ успѣхахъ турокъ.

³⁾ Malipiero, стр. 565, 568.

⁴⁾ Trithem., Annales Hirsang ad a. 1490, т. II, 535 sq.

⁵⁾ Malipiero стр. 161. ср. 152. — По поводу принца Джема къ Карлу VIII см. стр. 145. Отсюда ясно, что между Александромъ и Баязетомъ существовала позорная переписка. Эта корреспонденція не разъ обсуждалась въ новѣйшее время; Rancke и Brosch отвергаютъ, Gregorovius напротивъ признаетъ ее автентичной; подтверждается свидѣтельствомъ цанскаго историка, Burgardus, см. Heidenhainer: Die Cor-

что союзъ Франциска I съ Салиманомъ II, который Пьетро Аретино избираетъ предметомъ жестокихъ нападковъ, не представляетъ ничего новаго, что могло бы кого-нибудь очень удивить.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи населеніе не считаетъ даже переходъ къ туркамъ особенно возмутительнымъ. Отъ времени до времени народъ угрожаетъ такимъ переходомъ своимъ притѣснителямъ, но чѣмъ бы ни была вызвана эта угроза, мы видимъ, что съ мыслью о возможности обращенія къ туркамъ за помощью или покровительствомъ многіе въ извѣстной мѣрѣ свыклись. Уже въ 1480 г. Баттиста Монтавано даетъ ясно понять, что обитатели береговъ Адриатики втайнѣ питаютъ такого рода мысли, и что Анкона, напримѣръ, даже не скрываетъ своихъ намѣреній¹⁾. Когда Романья сильнѣе всего чувствовала угнетеніе при Львѣ X, посланникъ Равенны сказалъ однажды въ глаза легату, кардиналу Джуліо Медичи: „Монсиньоръ, свѣтлѣйшая венеціанская республика не хочетъ принять насъ подъ свою защиту, опасаясь поспориться съ святой церковью, но если турки придутъ въ Рагузу, мы передадимся имъ²⁾“.

Когда испанцы начали покорять Италію, послѣдней оставалось утѣшаться тѣмъ, что этимъ путемъ страна будетъ спасена, по крайней мѣрѣ, отъ гибели цивилизаціи подъ игомъ турокъ³⁾,— утѣшеніе печальное, но тѣмъ не менѣе

respondenz Sultan Bajazeth's II mit papst Alexander VI in der Zeitschrift für Kirchengeschichte V (1882), стр. 511—573. Подробнѣе соч. Z. Thuasne Paris 1892. Возраженіе Pastor'a нельзя считать доказательнымъ. Много писемъ и свѣденій Джемъ см. Lamansky 201—292.

1) Bart. Mantuanus, De calamitatibus temporum, въ концѣ второй книги, въ иѣснѣ Нерейды Дорисъ къ турецкому флоту.

2) Tommaso Gar, Relazioni della corte di Roma I, 55.

3) Это назначеніе Испаніи впервые быть можетъ указано въ торжественной рѣчи Fedra Inghirami въ 1510 г. передъ Юліемъ II, въ честь взятія Бужіи флотомъ Фердинанда Католика. Ср. Anecdota literaria II, 149.—Ненависть противъ испанцевъ является лишь слѣдствіемъ производимыхъ ими ужасовъ. Кремонскій историкъ Domenico Bordigallo (ср. Fr. Novati, D. V. Венеція 1880 г., стр. 34, прим. б) называетъ ихъ rapinae, deditos, infidos, scelestes, fures, latrones, frandulentos, luxuriosos, homicidas, sodomitas, malorum et omnium morborum plenos.

не лишённое вовсе серьёзнаго значенія. Взаимная вражда и распри во всей Италіи исключали всякую другую возможность спасенія отъ турокъ.

Объективизмъ въ политикѣ. Несмотря на всѣ эти печальныя явленія въ жизни Италіи того времени, мы найдемъ въ ней также и хорошее, заслуживающее вниманія тамъ, гдѣ положеніе вещей не омрачается страхомъ, злобой и страстями. Прежде всего преимущество ея передъ другими странами въ томъ, что здѣсь нѣтъ леннаго устройства, или феодализма, въ сѣверномъ смыслѣ слова, съ его искусственными правами; здѣсь каждый, кто представляетъ собою власть, — фактически пользуется ею, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ; затѣмъ, здѣсь нѣтъ царедворцевъ, навязывающихъ государю понятіе какой-то отвлеченной чести, и въ противность этому государи и совѣтники ихъ въ Италіи того мнѣнія, что надо считаться всегда съ положеніемъ вещей и стремиться къ достиженію только практически осуществимыхъ цѣлей. Далѣе, въ Италіи не играютъ роли сословныя различія и гордое высокомеріе, когда дѣло касается людей, которые могутъ быть нужны, какъ союзники, или полезны въ какомъ-нибудь отношеніи; доказательствомъ этому могутъ служить въ особенности кондотьеры, сила и значеніе которыхъ нисколько не обусловливаются происхожденіемъ. Наконецъ, итальянскіе деспоты отличаются образованіемъ и знаютъ свои владѣнія и владѣнія своихъ сосѣдей несравненно лучше, чѣмъ сѣверные государи; они до мельчайшихъ подробностей знаютъ силы своихъ друзей и враговъ, и въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніи, и руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ разсчитанными соображеніями, — несмотря на всѣ ошибки, они, можно сказать, рождаются статистиками.

Политическіе переговоры. Съ такими людьми можно вести переговоры, ихъ можно убѣдить наглядными доказательствами и фактическими данными. Когда король Альфонсъ въ 1434 г. сталъ плѣнникомъ Филиппо Маріа Висконти, онъ сумѣлъ убѣдить послѣдняго, что владычество дома Анжу вмѣсто него въ Неаполѣ поведетъ къ господству французовъ надъ Италіей, и Висконти не только отпустилъ его безъ всякаго выкупа, но еще заключилъ съ нимъ

союз¹⁾. Едва ли смогъ бы такъ поступить кто-либо изъ сѣверныхъ государей, въ особенности если предположить въ немъ нравственный уровень какого-нибудь Висконти. Другой примѣръ вѣры въ могущество фактовъ и убѣдительныхъ доводовъ представляетъ знаменитый визитъ Лоренцо Великолѣпнаго къ вѣроломному Ферранте въ 1478 г. Вся Италия удивлялась смѣлости этого предпріятія, такъ какъ трудно было ожидать, что король воздержится отъ искушенія удержатъ Лоренцо въ плѣну²⁾. Въ Италіи считалось бы смѣшнымъ поступить такъ, какъ, напримѣръ, Карль Смѣлый поступилъ съ Людовикомъ IX, т. е. помучить плѣнника, взявъ съ него какую-нибудь подписку и отпустить съ миромъ³⁾, поэтому всякій зналъ, что Лоренцо или вернется съ триумфомъ или не вернется вовсе⁴⁾. Искусство убѣждать играло въ то время, вообще, большую роль въ политикѣ Италіи, особенно же славились этимъ венеціанскіе послы; изъ Италіи это искусство перешло потомъ и на другую сторону Альпъ, но мы не можемъ составить себѣ о немъ надлежащее представленіе по источникамъ, такъ какъ официальные рѣчи принадлежали къ области школьной риторики. Въ дипломатическихъ сношеніяхъ того времени нѣтъ, впрочемъ, недостатка также въ грубыхъ и наивныхъ инци-

1) Между прочимъ *Corio fol. 333. Jov. Pontanus* въ своемъ трактатѣ *De liberalitate* (cap. 28) старается выставить освобожденіе Alfonso какъ знакъ щедрости Filippo Maria. Ср. поведение въ отношеніи Sforza fol. 329.

2) Nic. Valori, *Vita di Lorenzo*; (ср. н. прил. XII) Paul Jovius, *Vita Leonis X, L. I.*; послѣдняя, безъ сомнѣнія, по хорошимъ источникамъ, хотя не безъ реторики. — *Conti I, 89* характерно изображаетъ дѣйствительность: *Laurentius enim, sive prius fide a rege data, sive in re necessaria consilium periculosum secutus, quod plerumque fides habita fidem obligat.* Ср. также Landucci стр. 33 sq.

3) Если *Comines* при этомъ и во многихъ другихъ случаяхъ остается объективнымъ и судить какъ итальянецъ, то безъ сомнѣнія здѣсь играетъ роль общеніе его съ Angello Catto, напримѣръ, и другими.

4) Во всѣхъ этихъ переговорахъ рѣчь идетъ только о выгодѣ, но не о нравственныхъ мотивахъ; поэтому страннымъ кажется то, что говоритъ Santi р. 89, lib. XI, cap. 40, будто Federigo въ отвѣтъ на предложеніе венеціанцевъ перейти на ихъ сторону ссылается на нравственныя соображенія, хотя его договоръ съ флорентійцами еще не подписанъ (he non e honesto cio che licito).

дентахъ: случается, что папа осыпаетъ посла проклятіями, посолъ въ свою очередь ругаетъ папу или прибѣгаетъ къ какой-нибудь баснѣ ¹⁾, но въ общемъ въ сношеніяхъ соблюдается строгій этикетъ. Макиавелли въ своихъ „Legazioni“ производитъ, можно сказать, трогательное впечатлѣніе: несмотря на неполноту „инструкціи“ и подчиненное положеніе неуполномоченнаго агента, онъ слѣдитъ, однако, за всѣмъ острымъ взглядомъ и съ величайшимъ усердіемъ передаетъ все, что успѣлъ подмѣтить.

Такимъ образомъ Италія остается по преимуществу страной политическихъ „инструкцій“ и „реляцій“ и, хотя въ другихъ странахъ также нерѣдко ведутся дипломатическіе переговоры, одна она оставила намъ многочисленныя памятники политическихъ сношеній съ самыхъ раннихъ временъ. Такъ, посланіе, адресованное Понтано папѣ Александру VI въ послѣдній періодъ жизни Ферранте (17 января 1494), можетъ служить образцомъ такого рода документовъ, свидѣтельствующихъ о дипломатическомъ искусствѣ, а между тѣмъ мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ однимъ изъ многочисленныхъ его посланій ²⁾. Какъ много не менѣе цѣнныхъ документовъ такого рода, относящихся

¹⁾ Ср. напр. В. Malipiero, стр. 216, 221 (выше стр. 104 прим. 2 и стр. 109 прим. 2) 236, 237, 478 и др. Ср. также Egnatius fol. 321a и приводимую Burchardi diarium VI, 502 и дополненную Sanudo II. 385 сцену, когда папа грозитъ бросить испанскаго посла въ Тибръ, или королева говорить, что она не такъ дѣломудренна, какъ ее представляютъ.

²⁾ Villari, Storia di G. Savonarolla, vol. II, стр. XLIII Documenti, среди которыхъ находятся также другія еще болѣе замѣчательныя политическія письма. — Примѣры шифрованныхъ писемъ съ указаніемъ ключа приведены у Sercambi V стр. 408—410. Много депешъ Понтано у Volpicella, Liber instructionum, Neapel 1861. Многое отн. къ концу XV в., въ особенности Baluzius, Miscellanea ed. Mansi т. I. Ср. также Desjardins, Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane, vol. I, II Paris, 1859, 1861, собраніе депешъ флорентійскихъ и венеціанскихъ пословъ конца XV и начала XVI вѣковъ, объясненія Пелиссе и др. и многочисленныя сообщенія въ провинціальн. газетахъ и монографіяхъ. Въ противность вошедшему въ моду (со времени Ранке) исключительному пользованію сообщеніями пословъ и слѣпому довѣрію къ каждому ихъ слову слѣдуетъ обратить вниманіе на призывъ къ критикѣ, рекомендуемой въ отношеніи такихъ посольскихъ донесеній, какъ это совѣтуетъ Creighton, предисл. къ 3 т.

къ концу только XV и началу XVI вѣка остаются еще въ темныхъ архивахъ! Мы увидимъ далѣе, какъ итальянскіе писатели разсматривали явленія политическаго и общественнаго строя, въ связи съ индивидуальностью народа и личности вообще.

Глава IX

Война, какъ предметъ искусства

Выяснимъ въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ война, въ свою очередь, становится предметомъ искусства въ разсматриваемую эпоху ¹⁾. Въ средніе вѣка всѣ западныя государства имѣли уже законченную систему вооруженія и обученія солдатъ; не было недостатка ни въ талантливыхъ изобрѣтателяхъ различныхъ оборонительныхъ укрѣпленій, ни въ вождяхъ, умѣвшихъ вести правильную осаду, но въ то же время средневѣковыя войны обнаруживаютъ слабое развитіе тактики и стратегическихъ приѣмовъ. Причина этого недостатка лежитъ, главнымъ образомъ, въ предразсудкахъ, мѣшающихъ свободѣ дѣйствій въ серьезную минуту. На глазахъ враговъ знатные воины спорятъ о мѣстничествѣ и, поссорившись, проигрываютъ такія сраженія, какъ, напримѣръ, битвы у Кресси и Мопертьи. Итальянское войско, напротивъ, съ давнихъ временъ уже носитъ совсѣмъ другой характеръ. Прежде всего оно состоитъ изъ наемныхъ людей, преимущественно, нѣмцевъ, и хотя въ эпоху возрожденія въ составѣ войска появляется все больше хорошихъ воиновъ, вербуемыхъ въ самой Италиі, но нѣмцамъ, все-таки, отдается предпочтеніе, какъ болѣе стойкимъ въ сраженіи ²⁾. Итальянцы въ то же время первые начи-

¹⁾ Этотъ предметъ разработанъ подробнѣе въ послѣднее время, см. Max Jähns, *Die Kriegskunst als Kunst*. Leipzig 1874. Ср. также G. Hergsell, *Die Fechtkunst im 15 und 16 Jahrhundert*, Prag 1896, большое иллюстрированное сочиненіе, къ сожалѣнію мнѣ неизвѣстное. См. прилож. XIII.

²⁾ Barth. *Facii, De viris ill.* стр. 62 s. v.: Braccius Montonius; жалоба на трусость итальянскихъ наемниковъ въ письмѣ 1495 г. Brosch, *Julius II*, стр. 314, прим. 14.

нають охотно пользоваться нѣмецкимъ же изобрѣтеніемъ — огнестрѣльными орудіями, и это обстоятельство значительно содѣйствуетъ демократизаціи въ сферѣ военной организаціи, отчасти оттого, что сильнѣйшія крѣпости дрожатъ передъ бомбардами (орудія для метанія камней), главнымъ же образомъ потому, что съ изобрѣтеніемъ орудій возрастаетъ значеніе инженеровъ, литейщиковъ, артиллеристовъ, словомъ, простыхъ людей, въ противовѣсъ рыцарямъ и знатнымъ. Въ началѣ, впрочемъ, огнестрѣльное орудіе встрѣтило въ Италіи нѣкоторое противодѣйствіе изъ опасенія, что мужество воиновъ упадетъ, если они привыкнутъ къ тому, что можно дѣйствовать огнемъ на разстояніи. Нѣкоторые кондотьеры, охотно пользуясь пушками, въ то же время отказывались ввести въ употребленіе только что изобрѣтенное въ Германіи ружье ¹⁾; такъ, Паоло Вителли до такой степени ненавидитъ ружье, что велитъ выколоть глаза и отрубить руки взятому въ плѣнъ мушкетеру; ему кажется унижительнымъ, что „презрѣнный пѣхотинецъ можетъ убить или ранить ружейнымъ выстрѣломъ смѣлаго и благороднаго рыцаря“ ²⁾. Другіе, напротивъ, въ особенности въ литературныхъ произведеніяхъ ³⁾, говорятъ о новомъ изобрѣтеніи съ энтузіазмомъ и восхищеніемъ. Въ общемъ имъ не только начинаютъ пользоваться, но въ концѣ концовъ итальянцы становятся учителями всѣхъ прочихъ европейцевъ въ пушечномъ и литейномъ дѣлѣ, какъ раньше въ возведеніи крѣпостей ⁴⁾. Герцоги урбинскій (Федерико) и

1) Pii II Commentarii L. IV стр. 190 ad a 1459.

2) Такъ говоритъ Paul. Jovius, Elogia стр. 184 и прибавляетъ къ этому: *Nondum enim invecto externarum gentium cruento more, Itali milites sanguinarii et multae caedis avidi esse didicerant.*

3) Z. B. Flavius Blondus въ введеніи къ своей третьей декадѣ. Сатрапо хвалитъ Agostino da Piacenza, какъ изобрѣтателя особаго рода орудія (*bombarde*).

4) Въ особенности искусными считались Кремонцы. Ср. *Cronaca di Cremona* въ *Billiotheca historica italica*, т. I. Миланъ 1876, стр. 214 и прим. Венеціанцы также претендовали на первенство въ этомъ отношеніи. *Egnatius*, fol. 300 sq. Въ Мантуѣ орудійнымъ мастерствомъ занимались нѣмцы. Ср. письма *Calandra* къ *Franc. Gonzaga* у *d'Arco* (в. стр. 51 прим. 2) II стр. 47 ff 83. Ужасная иронія заключается напр. въ томъ, что одна большая пушка въ Венеціи (1517) получаетъ названіе: *non più parole*, *Sanuto* 25, 129.

Феррарскій (Альфонсо) приобрѣтають обширныя познанія въ пушечно-литейномъ мастерствѣ. Война становится всеобщей страстью. Даже духовныя лица не составляютъ исключенія: папа Юлій II приобрѣтаетъ славу военного вождя, и еще задолго до него будущій главный викарій ордена Камальдуловъ такъ отличился въ войнѣ флорентійцевъ съ Венеціей, что Макиавелли говоритъ о немъ: *Cujus fuit summa manus in bello* ¹⁾.

Знатки и диллетанты въ военномъ искусствѣ. Въ Италіи впервые военное искусство становится предметомъ научнаго изслѣдованія въ цѣломъ и въ подробностяхъ; здѣсь же мы впервые встрѣчаемъ нейтральное сужденіе о правилахъ войны и одобреніе корректности сторонъ во время военныхъ дѣйствій; такого рода безпристрастіе естественно, конечно, тамъ, гдѣ партіи постоянно смѣнялись одна другою, и гдѣ кондотьеры служили то тому, то другому, руководствуясь только личнымъ интересомъ и временнымъ положеніемъ вещей. Во время милано-венецанской войны 1451—1452 года между Франческо Сфорца и Джакомо Пиччинино, котораго и на медаляхъ и въ стихотвореніяхъ изображали „вторымъ Марсомъ“, — послѣдняго сопровождалъ нѣкій ученый, Джіантонио Порчелло де Пандони, имѣвшій порученіе составить описаніе войны для короля неаполитанскаго Альфонса ²⁾. Его реляція написана витіеватымъ стилемъ, совершенно въ духѣ того времени и по образцу Ю. Цезаря — любимаго писателя короля Альфонса — съ соответствующими риторическими украшениями; такъ какъ сотни лѣтъ уже спорили и не могли рѣшить, кто выше: Сципіонъ Африканскій или Ганнибалъ, то составитель реляціи, очевидно, по собственному побужденію, именуетъ Пиччинино Сципіономъ, а Сфорца — Ганнибаломъ, и эти историческіе псевдонимы сохраняются за дѣйствующими

¹⁾ Machiavelli, Opere (1813) II, 366.

²⁾ Porcellii commentaria Jac. Picinini, у Murat. XX. Продолженіе отн. къ войнѣ 1453 г. тамъ же. Матеріалъ для оправданія этого челоуѣка, неоднократно подвергавшагося порицанію, даетъ Zannobi, Atti della acc. d. Liber. V, 4. (1995) стр. 104 ff. 489 ff. Ср. Paul Cortesius, De hominibus doctis (Flor. 1734) стр. 33. Жизнь и смерть Piccinino послужили также предметомъ трагедіи въ XV в. (непечатана). Ср. Carlo Braggio въ Giornale ligustico, Genua 1884, vol. XI, fasc. 1, 2.

щими лицами во всей реляціи. Но на обязанности корреспондента лежало также описаніе и враждебной арміи; съ этою цѣлью онъ отправляется въ лагерь Сфорца и встрѣчаетъ привѣтливый пріемъ: его ведутъ по рядамъ войскъ, и онъ, въ свою очередь, любезно хвалитъ вражескій станъ и общается передать все видѣнное потомству ¹⁾. Но его реляція не единственное произведеніе въ этомъ родѣ; мы видимъ въ итальянской литературѣ того времени цѣлый рядъ описаній военныхъ дѣйствій и стратагемъ, и эти описанія охотно читаются не одними специалистами, но и многими образованными людьми вообще. Одно изъ главнѣйшихъ произведеній въ этомъ родѣ есть сочиненіе Р. Бальтуріо подъ названіемъ „De re militari“; авторъ самъ участвовалъ въ походѣ только одинъ разъ, но зато онъ находился въ числѣ ближайшихъ къ Сигизмондо Малатеста лицъ, и такимъ образомъ успѣлъ пріобрѣсти много познаній въ военномъ искусствѣ ²⁾. Авторы другихъ подобныхъ трудовъ большею частью высоко-образованные люди, какъ, напримѣръ, Джіовано Понтано ³⁾, люди служившіе государямъ и свѣдущіе въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ. Нѣкоторые бытописатели разсматриваютъ города и области въ отдѣльности, по степени ихъ готовности къ войнѣ, производству орудій и особенностямъ строя, отмѣчая все заслуживающее похвалы или порицанія ⁴⁾, тогда какъ свѣрныя военныя хроники, въ родѣ, напримѣръ, реляціи Дибольда Шиллинга о Бургундской войнѣ, носятъ почти исключительно протокольный характеръ. Первое мѣсто среди диллетантовъ, писавшихъ о войнѣ ⁵⁾, занимаетъ, безъ сомнѣнія, Макиавелли, съ его „arte della guerra“ („О военномъ искусствѣ“).

Единоборство и дуэль. Единоличная боевая готовность проявлялась въ праздничныхъ поединкахъ, или единобор-

¹⁾ Simonetta, Hist. Fr. Sfortiae у Murat. XXI. Col. 630.

²⁾ Какъ параллель къ участию Sig. Malatesta въ соч. Rob. Valturio, Ириарте приводитъ (II, 65 f) теорет. соч. о войнѣ Vitellozzo, Fra Luca, Cesare Borgia, Lionardo.

³⁾ De obedientia, Lib. V.

⁴⁾ Ortensio Landi (ср. н. т. II, гл. VI) Forcianaе quaestiones fol. 4 b. s. q.

⁵⁾ Потому что такимъ его, все-таки, считаютъ. Ср. Bandello, Parte I, Nov. 40.

ствахъ, при чемъ въ нихъ могли участвовать также нѣскольکو паръ. Такіе поединки вошли въ обычай еще задолго до знаменитаго Барлетскаго турнира въ 1503 г. ¹⁾ Въ этомъ послѣднемъ тринадцать итальянцевъ боролись съ такимъ же числомъ французовъ за то, что одинъ изъ послѣднихъ сказалъ въ разговорѣ съ испанцемъ: „Если бы васъ не было здѣсь, итальянцы не устояли бы передъ нами, какъ огонь не можетъ устоять передъ водой“. Но и до этого историческаго поединка подобныя единоборства не разъ возникали изъ чувства національной гордости и отчасти подъ вліяніемъ примѣровъ взятыхъ изъ древности. Триумфъ побѣдителей въ единоборствѣ служилъ предметомъ вдохновенія поэтовъ и гуманистовъ Италіи, тогда какъ сѣверныя страны лишены были этого преимущества. Даже Аріостъ ²⁾ воспѣваетъ такого рода поединокъ между двумя воинами: итальянскимъ и испанскимъ, какъ представителями своей національности, при чемъ самый поединокъ вызванъ упрекомъ испанцамъ въ измѣнѣ герцогу урбинскому. Никто не придаетъ уже этимъ поединкамъ значенія Божьяго суда; побѣда одного изъ противниковъ служить доказательствомъ только его личныхъ преимуществъ; народъ же интересуется битвой отчасти, какъ зрѣлищемъ и предметомъ азартныхъ споровъ, отчасти, какъ вопросомъ воинской и народной чести.

Другого рода поединокъ возникаетъ въ это время — дуэль, въ основѣ которой лежитъ уже не народное самосознаніе и не воинскій духъ вообще, а только личный интересъ борющихся; такъ, въ 1529 году въ Феррарѣ произошла дуэль между Николо Доріа, племянникомъ Андреа, и Кристофомъ Гуаско въ присутствіи герцога Альфонсо и принцевъ дома Эсте. Габріэль Аріосто воспѣлъ эту дуэль въ

¹⁾ Между прочимъ описаніе поединка De obsidione Tiphernatium, въ 2 т. ger. italicar. scriptores ex codd. florent. Col. 690 f. Весьма характерное событіе 1474 г., а именно единоборство, въ которомъ участвуютъ: съ одной стороны Негонумус изъ Имолы, съ другой Cognix изъ Апуліи; послѣдній остался побѣдителемъ. Поединокъ, въ которомъ участвовали маршалъ Boucicault и Galeazzo Gonzaga описанъ у Cagnola Arch. stor. III стр. 25.

²⁾ Ariosto, Opp. min. Flor: 1857 I, 307.

особомъ стихотвореніи ¹⁾. Но не всѣ государи покровительствуютъ дуэли, и не всегда она воспѣвается поэтами, — такъ, папы съ раннихъ поръ строго преслѣдуютъ ее ²⁾, и многіе свѣтскіе властители наказываютъ участниковъ въ поединкѣ. Въ то же время вопросъ о дуэли разсматривается многими въ литературѣ и обсуждается съ разныхъ точекъ зрѣнія.

Ужасы войны. Для кондотьеровъ война была по преимуществу предметомъ искусства; всѣ старанія были направлены главнымъ образомъ къ тому, чтобы поставить противника въ безвыходное положеніе и, по возможности, избѣгая значительныхъ кровопролитій, захватить какъ можно больше людей въ плѣнъ и взять за нихъ потомъ по возможности выкупъ. Такъ, мы знаемъ со словъ Макиавелли, что флорентійцы въ сраженіи 1440 г. потеряли только одного воина.

Но такого рода рациональный взглядъ на военныя дѣйствія въ извѣстныхъ случаяхъ уступаетъ мѣсто другому явленію, и вмѣсто пощадъ воцаряется баснословная жестокость; но мы видимъ, что и въ этихъ случаяхъ ужасы войны чаще всего обусловливаются не политической враждой, а только необходимостью сдержать обѣщаніе, данное войскамъ, и предоставить имъ свободу грабежа. Въ 1447 г. Сфорца вынужденъ разрѣшить своимъ солдатамъ хозяйничать въ Пиаченцѣ сорокъ дней; городъ послѣ этого долгое время оставался опустѣлымъ, пока не былъ заселенъ насильственными мѣрами ³⁾. Но даже и эти ужасы блѣднѣютъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидаетъ Италію потомъ, съ появленіемъ чужеземцевъ. Въ особенности дали себя знать испанцы, съ ихъ нечеловѣческой жестокостью, происходив-

¹⁾ Стихотвореніе частью напечатано Borsetti, Hist. Ferrar. Gynnas. I. 154—160. Въ 1540 г. въ Феррарѣ была запрещена дуэль. Тамъ же, стр. 161.

²⁾ Sept Decret. V Tit. 12.—Литература о дуэли, ср. Tiraboschi VII, 575. Противъ дуэли энергично выступилъ Hieronymus Mercurialis въ своемъ ars gymnastica, впервые въ 1569 г. Онъ сравнивалъ поединокъ съ боемъ гладиаторовъ, но считалъ послѣднее болѣе понятнымъ, такъ какъ гладиаторы сражались не по своей волѣ. Vembus говоритъ однажды: Duellum lege divina vetitum.

³⁾ Ближайшее Arch. stor. Append. Tom V.

шей, вѣроятно, отчасти, отъ примѣси азіатской крови, отчасти же благодаря привычкѣ къ зрѣлищамъ инквизиціи. Послѣ того, какъ мы узнаемъ о звѣрскомъ поведеніи испанцевъ въ Римѣ, Прато и другихъ городахъ Италіи, политическія идеи Фердинанда Католика и Карла V теряютъ всякій интересъ. Они знали своихъ воиновъ и тѣмъ не менѣе давали полный просторъ произволу арміи. Акты ихъ царствованій могутъ имѣть интересъ, какъ источникъ различныхъ свѣдѣній, относящихся къ тому времени, но напрасно было-бы искать у такихъ государей высокихъ политическихъ мыслей ¹⁾.

¹⁾ Миръ возвѣщается трубачемъ, несущимъ пальмовую вѣтвь 1479 Landucci, ст. 32 sq. Также въ 1509 *el cavallaro con l'ulivo*, тамъ-же, стр. 294.

Глава X

Папство и угрожающая ему опасность

Мы касались до сихъ поръ папства¹⁾ мимоходомъ, такъ какъ церковная область представляла въ то время исключительное явленіе въ ряду другихъ итальянскихъ государствъ. Мы не видимъ здѣсь ни твердыхъ мѣропріятій, ни сознательныхъ усилій ради достиженія одной цѣли — концентраціи власти. Духовная власть покрываетъ здѣсь всѣ недостатки и пробѣлы свѣтскаго управленія. И какихъ только испытаній не выдержала, однако, эта область въ XIV и началѣ XV вѣка. Въ то время, какъ папы находятся въ плѣну на югѣ Франціи, казалось, церковному государству грозитъ окончательное распаденіе, но Авиньонъ располагалъ деньгами и войскомъ, и этого было довольно для спасенія папства, въ рукахъ такого государственнаго человѣка и воина, какъ испанецъ Альборноцъ. Еще сильнѣе, повидимому, опасность грозила папству, когда утвердился расколъ, и ни римскій, ни авиньонскій папа не обладали средствами для веденія войны и укрѣпленія власти; несмотря на то, мы видимъ снова соединеніе церквей и побѣду Мартына V; за этимъ слѣдуетъ новая опасность и спасеніе въ лицѣ Евгенія IV. Тѣмъ не менѣе церковная область въ то время была совершенной аномаліей среди другихъ итальянскихъ земель. Въ самомъ Римѣ папамъ приходилось бороться съ знатными домами Колонна, Савелли, Орсини, Ангвиллара и т. д., въ Умбріи, Романѣ и другихъ провинціяхъ уже не было тѣхъ респу-

¹⁾ Разъ навсегда сошлемся на Ранке (Папы, т. I) и новѣйшія сочиненія: Gregorovius, Reumont, Brosch., въ особенности Pastor.

бликанскихъ городовъ, которымъ папы въ свое время дурно заплатили за ихъ неизмѣнную приверженность, а на повиновение и преданность захватившихъ власть правителей трудно было полагаться, несмотря на признаваемую ими будто-бы вассальную зависимость. Эти новыя тираническія династіи, признавая за право только силу, руководствовались своей особой политикой личныхъ интересовъ, какъ мы это отчасти уже видѣли выше (см. гл. V).

Внутренняя опасность. При всемъ томъ здѣсь необходимо остановиться на общемъ состояніи церковнаго государства во всемъ его объемѣ. Съ середины XV столѣтія папству угрожаютъ новыя опасности и перевороты. Волей-неволей оно должно считаться съ политическими движеніями всей Италіи и общимъ господствующимъ теченіемъ. Меньшую, сравнительно, изъ всѣхъ опасностей представляютъ внѣшніе враги и населеніе — кстати сказать состоящее не изъ однихъ римлянъ ¹⁾;—главнѣйшая опасность заключается въ самомъ папствѣ, въ индивидуальномъ характерѣ папъ.

Здѣсь мы можемъ смѣло оставить въ сторонѣ иностранныя государства. Папство не могло рассчитывать на помощь противъ своихъ смертельныхъ враговъ ни во Франціи, у Людовика XI, ни въ Англіи, занятой войной бѣлой и алой розъ, ни въ только что разоренной Испаніи, ни въ Германіи, обманутой Базельскимъ соборомъ. Никто изъ нихъ, даже если бы хотѣлъ, не могъ бы оказать помощи. Въ самой Италіи, напротивъ, папство имѣло еще на кого опереться. Одни образованные и тѣмъ болѣе необразованные люди видѣли предметъ національной гордости нѣ-которымъ образомъ въ томъ, что папство принадлежитъ Италіи; другіе были заинтересованы въ установившемся порядкѣ вещей; третьи, наконецъ, вѣрили еще въ силу папскихъ церемоній, индульгенцій и тому подобной благодати ²⁾. Къ

¹⁾ Marc. Alberini говоритъ въ *Discorso del sacco di Roma*: Chiara cosa è che la minor parte in questo popolo sono i Romani, perchè quivi hanno rifugio tutte le nazioni, come a comune domicilio del mondo. — Въ Trastevere жило въ особенности много корсиканцевъ.

²⁾ Впечатленіе производимое благословеніями Евгенія IV во Флоренціи см. *Vespasiano Fiorent. (da Bisticci) I, 30*. Онъ былъ флорентійскій книгопродавецъ и посредникъ по приобрѣтенію манускриптовъ и

числу такихъ вѣрующихъ нерѣдко принадлежали даже сами заговорщики, и Вителлецо Вителли, напримѣръ, вымаливаетъ отпущеніе грѣховъ у Александра VI въ то самое время, когда сынъ папы велитъ его задушить ¹⁾. Впрочемъ, народъ страннымъ образомъ чтитъ святость сына, несмотря на поведеніе служителя церкви, и, считая недостойнымъ самого папу, въ то же время вѣритъ въ магическую силу его манипуляцій: въ 1481 г., когда папа не можетъ выйти въ день Вознесенія Господня, народъ ворчитъ и проклинаетъ его! Испанцы и французы еще ревностнѣе самихъ итальянцевъ стараются получить папское благословеніе, и передъ сраженіемъ при Равеннѣ папскій легатъ *плачетъ* отъ радости, видя съ какимъ усердіемъ испанскіе воины тѣснятъ къ нему ²⁾. Однако, всѣ эти даже вмѣстѣ взятая симпатіи, не могли бы спасти папство отъ его враговъ, исполненныхъ твердой рѣшимости и умѣло пользующихся существующими противъ него завистью и ненавистью.

И при полной безнадежности въ смыслѣ защиты извнѣ, папство забываетъ остерегаться само себя, тогда какъ опасность растетъ. Съ одной стороны оно все глубже

копій въ серединѣ XV вѣка и большею частью знали лично описываемыхъ имъ людей. (Novati рекомендуетъ осторожность въ отношеніи къ нему, см. *Salutati* письма III, 123 прим.). Его біографіи изданы сперва Маїемъ, затѣмъ Bartoli и цитируются по нов. изд. Frati, Bologna, 1892—94, 3 т. Ср. пред. замѣч.—О торжественности обрядовъ Николая V см. *Infessura* (Eccard, II, Col. 1883 f.) и I. Manetti, *Vita Nicolai V.* (Murat. III, II, Col. 923).—Почитаніе Пія II см. *Diario Ferrarese* (Murat. XXIV. Col. 205) и Pii II, *Comment. passim.* въ особ. IV, 201—204. XI, 562, во Флоренціи: *Delizie degli eruditi*, Tom. XX, 368.—Въ отнош. Венеціи ср. *Egnatius*, *De ex il. Vir. Ven. Lib. I*, cap. I: de religione. И убійцы по профессіи не рѣшаются поднять руки на папу.—Торжественнымъ церемоніямъ придается огромное значеніе и совершаются съ большою пышностью Павломъ II (Platina I, с 321) и Сикстомъ IV, который несмотря на подагру служилъ пасхальную обѣдню, хотя сидя. (*Jac. Volaterran. diarium* Murat. XXIII, Col. 131. Ср. Col. 133).

¹⁾ Machiavelli, *scritti minori*, стр. 142 извѣстное описаніе катастрофы въ Синигальи.

²⁾ Paul Jov., *Vita Leonis X.* (L. II); (*ibid.*). Французы въ Миланѣ.— Въ то же время иногда церковные обряды осмѣиваются. Кремонскій историкъ Domenico Bordigallo насмѣхается надъ грознымъ оглученіемъ, постигшимъ воровъ, укравшихъ курицу (1517) ср. Novati. Д. В. Венеція 1580, стр., 40 прим.

проникается ненавистными особенностями тираніи свѣтскихъ государей и, очевидно, должно приготовиться къ тѣмъ же неприятнымъ послѣдствіямъ, съ другой, — оно отличается своеобразными, не менѣ темными чертами.

Римъ при Николаѣ V. Въ отношеніи къ самому Риму папы держались такой политики, какъ бы вовсе не имѣли причинъ опасаться волненій въ немъ; это спокойствіе основывалось прежде всего на томъ, что не разъ уже тотъ или другой папа, вынужденный бѣжать изъ города, возвращался опять; предполагалось, что римляне ради собственнаго интереса должны дорожить пребываніемъ въ городѣ папской куріи. Этотъ взглядъ, однако, былъ ошибоченъ. На еретиковъ Кампаны, вѣрившихъ, что истинный папа долженъ быть бѣденъ, какъ Христосъ, можно было смотрѣть, какъ на мирныхъ сектантовъ ¹⁾ (вальдензейцы), но Римъ представлялъ нѣчто иное и не только проявлялъ отъ времени до времени крайній анти-папскій радикализмъ, но обнаруживалъ также готовность къ заговорамъ при тайномъ постороннемъ участіи. Такой характеръ носитъ заговоръ Стефано Поркари противъ папы Николая V (1453 г.), который, несмотря на то, что во многомъ былъ полезенъ Риму, въ концѣ концовъ вызвалъ возмущеніе обогащеніемъ кардиналовъ, обратилъ Римъ въ папскую крѣпость и окончательно возстановилъ противъ себя гражданъ равнодушіемъ къ ихъ нуждамъ ²⁾. Поркари стремился совершенно уничтожить папскую власть и, несомнѣнно, имѣлъ сильныхъ покровителей; одинъ изъ современниковъ предполагаетъ, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ король неаполитанскій, Альфонсъ, и это отчасти подтверждается вновь найденными актами ³⁾.

¹⁾ О томъ, какъ ихъ преслѣдовали при Павлѣ II говорятъ Infesura (ed. O. Tommasini стр. 69 f.) Platina стр. 317 и др. Степень довѣрія заслуживаемаго Infessur'ой сильно поколеблена, въ особенности въ отношеніи обвиненій Сикста IV; Burkhardt самъ въ концѣ концовъ перестаетъ ему вѣрить, ср. Pastor II, 601.

²⁾ Для пониманія этого настроенія въ особенности заслуживаетъ вниманія обращенное къ папѣ стихотвореніе, авторъ котораго Joseph Bripias, см. Vachlen, Laur. Vallae opusc. tria, Vien 1869 г.

³⁾ Dialogus de conjuratione Stefani de Porcariis, современника Petrus de Godis, изд. M. Perlbach, Greifswald 1879. A. B. Alberti; De Porcaria Conjuratione у Murat. XXV. Col. 309 sq. въ настоящее время вновь отпечатанъ по рукописи, см. Alberti opera inedita ed. Mancini 1890,

Во всякомъ случаѣ сообщниковъ Поркари слѣдуетъ искать среди итальянскихъ государей. Нѣсколькими годами ранѣе Лоренцо Вала въ знаменитой филиппикѣ противъ папы Евгенія IV краснорѣчиво требовалъ немедленной секуляризаціи церковной области ¹⁾.

Пій II. И заговорщики, съ которыми пришлось бороться Пію II въ 1460 г. ²⁾, не скрывали, что они стремятся къ полному низверженію духовной власти; руководитель заговора, Тибурціо, ссылаясь на предсказателей, обѣщавшихъ успѣхъ заговору совершенному именно въ этомъ году. Многіе знатные римляне, а также герцогъ Тарентскій и кондотьеръ Джакомо Пиччининно участвовали въ этомъ заговорѣ, въ качествѣ сообщниковъ и подстрекателей. Впрочемъ, если принять во вниманіе, какую богатую добычу обѣщали роскошные дворцы прелатовъ (заговорщики имѣли въ виду въ особенности кардинала Аквилеа), и какъ плохо, въ сущности, охранялся городъ, то можно только удивляться что такого рода попытки не повторялись чаще и съ болѣшимъ успѣхомъ. Пій II не безъ основаній предпочиталъ всѣ прочія резиденціи Риму.

Павелъ II пережилъ, въ свою очередь, не мало страха во время заговора писцовъ и прочихъ служителей, уволенныхъ имъ отъ должностей и подъ предводительствомъ Платины осаждавшихъ Ватиканъ въ теченіе двадцати ночей ³⁾.

стр. 259 sq.; ср. G. Sanesi, St. P. Pistoja 1887. Rodocanachi, см. Revue du monde latin XIX, 1-2. Забытое съ XVII вѣка стихотв. Orazio Romano вновь найдено M. Lehnerdt'омъ, имѣющимъ намѣреніе его издать.— P. хотѣлъ omnem pontificiam turbam funditus extinguere. Автор. P. de G. заключаетъ: Video sane, quo stent loco res Italiae; intelligo, qui sint, quibus hic perturbata esse omnia eonducat... Онъ называетъ ихъ: extrinsecos, impulsores и думаетъ что Поркари найдетъ послѣдователей и подражателей. Замыслы P. напоминаютъ Колу Ріенци.

¹⁾ Ut papa tantum vicarius Christi sit et non etiam Caesaris... Tunc papa et dicetur et erit pater sanctus, omnium, pater ecclesiae etc. Ср. Vahlen, Log. Valla (Berlin 1870) стр. 25 f., въ особенности стр. 32. Nicolaus V, напротивъ, восхваляется Valla'ой: Gregorovius VII, 136.

²⁾ Pii II Commentarii IV, стр. 208 sq. G. Voigt Enea Silvio III, стр. 151 f.

³⁾ Platina, Vita Pauli II. Ср. также замѣчательную депешу Giov. Bianchi 1468 въ Arch. della soc. Rom. 13, 369 и въ новѣйшее время всѣ документы приведенные у Пастора II. О самомъ заговорѣ могутъ быть разнорѣчивыя сужденія. Въ Венеціи (мѣсторожденіе Павла II)

Папству оставалось одно изъ двухъ: или погибнуть въ концѣ концовъ при одномъ изъ такихъ нападений, или уничтожить тѣхъ знатныхъ и сильныхъ враговъ, подъ покровительствомъ которыхъ выростали заговоры и плодились разбойничьи шайки.

Этою цѣлью задался грозный Сикстъ IV. Онъ первый прочно утвердился въ Римѣ и его окрестностяхъ и съ успѣхомъ преслѣдовалъ личныхъ враговъ, въ особенности изъ дома Колонна. Развязавъ такимъ образомъ руки, онъ обезпечилъ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ свободу дѣйствій въ дѣлахъ понтификата и въ отношеніи всей итальянской политики вообще, не обращая вниманія ни на какія жалобы и угрозы съ запада соборомъ. Нужныя средства онъ черпалъ изъ симоніи, которая при немъ разрослась до крайности, охватывая все, отъ назначенія кардиналовъ до мельчайшихъ милостей и должностей. „Все продажно у насъ:—священство и церковная святыня, алтари и молитвы, даже небо и самъ Богъ“—такъ жаловался одинъ изъ благочестивыхъ поэтовъ того времени ¹⁾, самымъ убѣдительнымъ образомъ умоляя папу уничтожить это зло... Но папа самъ цѣною подкупа приобрѣлъ свой первосвященническій санъ.

Поголовная продажность грозила папскому престолу тяжелыми послѣдствіями, быть можетъ, только въ далекомъ будущемъ.

Непотизмъ и его послѣдствія. Ближайшую опасность представлялъ непотизмъ ²⁾, и онъ - то вскорѣ поставилъ папство въ почти безвыходное положеніе. Изъ всѣхъ непо-

его смерть встрѣчена была съ неопишуемой радостью. (Gerardo Colli къ Сфорца, 2 авг. 1471 г., сообщ. С. Motta въ Arch. della R. Scienza Rom. di Storia patria, 1888, vol XI fasc. 2 стр. 254). Миланскій посланникъ писалъ, что его смерть вызвала большую радость, чѣмъ его избраніе; люди не такъ радовались взятію негропонта, какъ смерти ихъ согражданина.

¹⁾ Battista Mantovano, De calamitatibus temporum, L. III. Арабъ продаетъ ароматич. куренье, тиріецъ — пурпуръ, индусъ — слоновую кость: Venalia nobis Templi, sacerdotes, altaria, sacra, coronae, Ignes, thura, preces, coelum est venale deusque. Opera ed. Paris 1507, fol. 302 v. Ср. также эпиграмму у Infessura изд. Toomasini стр. 158.

²⁾ Пасторъ допускаетъ чрезмѣрное пристрастіе къ непотамъ, II, 597, стараясь снять съ папы обвиненіе въ скупости, жадности, корыстолюбіи; онъ основываетъ защиту на показаніяхъ современниковъ.

товъ преимущественной, даже исключительной милостью Сикста IV пользовался кардиналъ Пьетро Риаріо, отчасти содѣйствовавшій ему въ занятіи папскаго престола. Это былъ человѣкъ, въ короткое время завладѣвшій вниманіемъ всей Италіи¹⁾, благодаря, частью чрезвычайной роскоши и расточительности, частью, слухамъ о крайнемъ безбожіи и политическихъ замыслахъ. Говорили, между прочимъ, что онъ (въ 1473 г.) заключилъ договоръ съ миланскимъ герцогомъ Галеаццо Маріа и обѣщаль помочь ему завладѣть ломбардскимъ королевствомъ съ тѣмъ, чтобы герцогъ, въ свою очередь, обязался войскомъ и деньгами помочь ему по возвращеніи въ Римъ отнять у Сикста папскій престолъ, если послѣдній не уступитъ его добровольно²⁾. Этотъ планъ могъ повести вмѣстѣ съ наслѣдственностью престола къ секуляризаціи церковнаго государства вообще, но самый планъ рушился со смертью Пьетро въ 1474 г., при чемъ въ неожиданной его смерти сильно подозрѣвали враждебныхъ кардиналу венеціанцевъ. Второй непотъ, Джироламо Риаріо, не принялъ духовнаго сана и не покушался на понтификатъ, но за то съ него папскіе непоты все чаще начинаютъ стремиться къ захватамъ земель и сѣютъ новыя волненія въ Италіи. И прежде случалось, что папы дѣлали попытки воспользоваться своими ленными правами надъ Неаполемъ въ пользу своихъ родственниковъ, но послѣ неудачныхъ стараній Каликста III³⁾ пришлось совершенно отказаться отъ подобныхъ надеждъ, не представлявшихъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Всѣ замыслы, касавшіеся Флоренціи (1429 г.), вскорѣ также рушились, и Джироламо Риаріо пришлось удовольствоваться пріобрѣтеніями въ самой церковной области. Они могли быть оправданы, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что Романья, съ ея владѣтельными князьями и городами, находившимися во власти тирановъ, грозила ускользнуть вовсе отъ верховной папской власти или стать вскорѣ добычей Сфорца и венеціанцевъ, если бы Римъ такъ или иначе не утвердился

1) См. напр., *Annales Placentini* у Murat. XX Col. 943.

) Corio, *Storia di Milano*, fol. 415—420. *Infessura* изд. Tomasini 72.—Machiav. *storia flor.* L. VII. Въ донесеніяхъ пословъ не находимъ ничего объ этихъ слухахъ. Pastor, II, 466.

3) Еще Гонорій II хотѣлъ занять Апулію послѣ смерти Вильгельма I.

здѣсь прочнѣе. Вопросъ былъ только въ томъ, чѣмъ гарантировалось въ будущемъ повиновеніе папамъ новыхъ сувереновъ и ихъ потомковъ, принимая во вниманіе то вѣроломное время? Съ другой стороны, хотя папа не всегда былъ увѣренъ въ своемъ родномъ сынѣ или племянникѣ, но тѣмъ не менѣе рѣдко могъ устоять противъ искушенія замѣнить племянника своего предшественника при первой возможности своимъ собственнымъ. Всѣ эти обстоятельства должны были быть приняты во вниманіе въ интересахъ будущаго церковной области. Всѣ свѣтскія и духовныя принудительныя мѣры были обращены къ достиженію одной сомнительной цѣли, поглотившей на время всѣ другія задачи престола въ Римѣ, и когда цѣль была достигнута цѣною жестокихъ потрясеній и всеобщей ненависти, тогда оказалось, что созданная такимъ образомъ свѣтская династія болѣе всего заинтересована въ паденіи папства.

Инокентій VIII. Послѣ смерти Сикста Джироламо съ трудомъ могъ удержать свои владѣнія (Форли и Имола), и то благодаря защитѣ Сфорца, на сестрѣ котораго, знаменитой Катаринѣ, онъ былъ женатъ. Въ 1488 г. онъ былъ убитъ. На ближайшемъ конклавѣ, избравшемъ папою Инокентія VIII, произошли событія, благодаря которымъ папство снова получило поддержку и нѣкоторую гарантію въ будущемъ. Двое кардиналовъ, принадлежавшихъ къ правящимъ династіямъ, продали свои голоса новому папѣ; одинъ изъ нихъ, Джіованни, сынъ неаполитанскаго короля Ферранте, другой— Асканіо Сфорца, братъ Л. Мавра ¹⁾). Такимъ образомъ два владѣтельныхъ дома, неаполитанскій и миланскій, оказались отнынѣ заинтересованными въ прочности папскаго престола, въ расчетѣ на дальнѣйшія выгоды. На слѣдующемъ конклавѣ опять оказались подкупленными всѣ кардиналы, за исключеніемъ пяти—одинъ изъ нихъ будущій папа Юлій II; Асканіо и на этотъ разъ взялъ большую сумму, не теряя въ то же время надежды на собственное избраніе въ будущемъ ²⁾). Лоренцо Великолѣпный, выразившій сперва сильное

¹⁾ Fabroni, Laurentius mag. Adnot. 130 стр. 256 sq. Vespucci говоритъ о нихъ: hanno in ogni elezione a mettere a sacco questa corte, e sono i maggior ribaldi del mondo. Giov. d'Aragona умеръ 17 окт. 1485 г. Предположеніе будто онъ былъ отравленъ не обосновано.

²⁾ Corio, fol. 450. Подробности объ этихъ подкупкахъ.

негодованіе противъ новаго папы, не хотѣлъ, однако, пропустить случая извлечь изъ этого избранія какую-нибудь выгоду и для дома Медичи. Онъ выдалъ дочь свою Малдлену за Франческетто Чибо ¹⁾, сына Инокентія VIII, перваго изъ папъ, кстати сказать, открыто признавашаго своихъ дѣтсей ²⁾. Лоренцо ожидалъ при этомъ не только разнаго рода милостей для своего собственнаго сына, кардинала Джіованни (будущій Левъ X), но и быстрого возвышенія зятя ³⁾. Последнее, однако, представлялось невозможнымъ. Франческетто также, какъ и папа, отецъ его, стремился только къ грубымъ наслажденіямъ и поглотенъ былъ одною страстью накопить всѣми средствами какъ можно больше денегъ ⁴⁾. И сынъ и отецъ преслѣдовали эту цѣль съ такой настойчивостью и такими средствами, что въ концѣ концовъ нельзя было не опасаться катастрофы и гибели престола.

Инокентій VIII и симонія. Предшественникъ ихъ, Сикстъ IV, какъ извѣстно, въ широкихъ размѣрахъ торговалъ различными милостями и назначеніями,— папа Инокентій съ сыномъ нашли новый предметъ купли и продажи, а именно, установили таксу за смертоубійство и вооруженное нападеніе. Изъ суммы, взимаемой при каждомъ такомъ случаѣ, 150 дукатовъ поступали въ папскую казну, а остальное доставалось сыну. Въ послѣдніе годы этого понтификата Римъ кишѣлъ протезируемыми и непротезируемыми убійцами; различныя партіи, одно время подавленные Сикс-

1) Cibo, а не Cibò или Cybo: Cian, Giorn. stor. 29, 417 A.

2) Egidio da iterbo подтверждаетъ это категорически въ своей Historia и прибавляетъ къ этому: Utinam et exemplo prius caruit, ita postea imitatore caruisset. На одномъ мраморномъ бюстѣ Theodoriga Cibo (нов. приобрѣтеніе Берлинскаго музея (1883 г.), изваянной при жизни папы, есть надпись: Th. C. Inno, VIII, P. M. f. singul. exempli matrona formaeque dignitate conspicua.

3) Въ высшей степени характерное письмо Lorenzo у Фаброни, Laurentius magn. Adnot. 217, II, стр. 390. Нѣкоторыя другія свѣдѣнія у Staffetti! Il cardinale Innocenzo Cibo (сынъ Франч.). Florenz. 1894: особенно стр. 3—14.

4) И еще доходы отъ Неаполя. Это причина, по которой Инокентій побуждаетъ Аяжу противъ Ферранте. Поведеніе папы при этомъ и его участіе во второмъ возмущеніи бароновъ не отличаются ни честностью ни политичностью. Въ отношеніи его грубаго обращенія съ иностранцами см. выше, гл. VIII.

томъ, теперь снова расцвѣли. Папа сидѣлъ въ хорошо охраняемомъ Ватиканѣ и выжидалъ, пока попадетъ злодѣй побогаче, съ котораго можно взять побольше за покаяніе. Но Франческетто былъ озабоченъ, кромѣ того, будущимъ и вопросомъ, какъ охранить себя и свои деньги, въ случаѣ смерти отца. Вслѣдствіе распространившагося однажды ложнаго слуха о смерти папы (въ 1490 г.), онъ собрался бѣжать и хотѣлъ захватить при этомъ всю папскую казну; когда ему отсовѣтовали послѣднее, онъ рѣшилъ захватить съ собой, по крайней мѣрѣ, турецкаго принца Джемъ—живой капиталъ, который можно было выгодно уступить неаполитанскому королю Ферранте ¹⁾. Печальная роль папы въ этомъ случаѣ лучше всего обрисовывается въ слѣдующей характеристикѣ одного изъ современниковъ: „Папа полонъ жадности, трусости и низости, какъ ничтожнѣйшій плутъ — говоритъ онъ; если бы возлѣ него не было людей, внушающихъ ему нѣкоторую смѣлость, онъ бы поджалъ хвостъ, какъ собака, и давно бы окончательно погибъ.“

Трудно рассчитать всѣ политическія возможности далекаго историческаго прошлаго, но тѣмъ не менѣе невольно напрашивается вопросъ, въ силахъ ли былъ Римъ выдержать еще два-три такихъ понтификата. Положеніе вещей принимало характеръ невыгодный для папства, по отношенію ко всей Европѣ; не только путешественники и пилигриммы не могли рассчитывать на безопасность въ Италіи, но даже посольство императора Максимилиана подверглось ограбленію у воротъ Рима до послѣдней рубашки, и послы иностранныхъ державъ возвращались домой, не вступивъ даже въ священный городъ ²⁾.

Александръ VI. Но такое положеніе вещей не вязалось со взглядомъ на власть высокодаровитаго папы Александра VI (1492—1503), и первымъ его дѣломъ было упроченіе общественной безопасности и своевременная выдача жалованья должностнымъ лицамъ и наемникамъ.

¹⁾ Ср. *Infessura*, изд. Tommasini, стр. 260.— Для характеристики понтификата Инокентія интересна фабрикація и торговля фальшивыми буллами, *Pastor*, III, 253.

²⁾ Ср. *Infessura*, *passim*, въ особенности стр. 190 fg.

Строго говоря, изучая формы итальянской культуры, мы были бы въ правѣ не касаться вовсе этого понтификата, такъ какъ Борджіа также мало итальянцы, какъ и королевскій домъ въ Неаполѣ. Александръ VI публично говорить съ Чезаре Борджіа по-испански, Лукреція носитъ испанскіе наряды и въ Феррарѣ ее развлекають пѣснями испанскихъ буффовъ¹⁾; довѣренная прислуга во дворцѣ состоитъ изъ испанцевъ, также какъ и ненавистныя полчища въ войнѣ 1500 г.; даже палачъ его испанецъ — Донъ-Микелетто (Микеле Корелла) и его составитель ядовъ Себастьянъ Пинзонъ, — повидимому, уроженецъ Кремоны²⁾. Чезаре Борджіа въ видѣ развлечения убиваетъ, однажды, въ своемъ замкѣ шесть быковъ, по всѣмъ правиламъ испанскаго искусства.

Борджіа проявили, вообще, крайнюю степень развращенности, но послѣдняя существовала въ Италіи въ значительной степени уже до нихъ среди природныхъ итальянцевъ.

Жизнь и дѣянія знаменитой семьи Борджіа служили не разъ уже предметомъ изслѣдованій и яркихъ характеристикъ³⁾. Ближайшей ихъ цѣлью было окончательное подчиненіе церковной области, и они достигли этой цѣли, изгнавъ или уничтоживъ всѣхъ болѣе или менѣе непокорныхъ васаловъ церкви, за исключеніемъ семей Бентивольи, владѣльцевъ Болоньи, и Эсте въ Феррарѣ, вынужденнаго, впрочемъ, ради своего спасенія, породниться съ Борджіа. Въ самомъ Римѣ Борджіа уничтожили обѣ такъ называемыя гвельфскую и гибеллинскую партіи — Орсини и Колонна.

¹⁾ Въ то же время домъ Borgia съ гордостью приписываетъ себѣ римское происхожденіе, Cesare слушаетъ лекціи въ итальянскихъ университетахъ, Александръ VI и Лукреція ревностно поощряють итальянскую литературу и культуру вообще.

²⁾ O Micheletto, ук. Villari; Machiavelli I, 390 A г. Pinzon: Disparci di Antonio Giustiniani I стр. 60 и II, стр. 309. Съ этого времени испанцы сохраняють могущество въ Римѣ. Изъ свѣдѣній сообщаемыхъ Marco Minio видно, какъ Левъ X ихъ ненавидѣлъ, см. Creighton V, 317 ff.

³⁾ Въ послѣднее время въ особенности Грегоровіусъ; Lucrezia Borgia 2 т. 3 изд. Штутгартъ, 1875 г. Ср. также Pastor III и Creighton, A history of the Papacy during the period of the Reformation, 5 т Лондонъ 1887—94; мы отсылаемъ здѣсь разъ навсегда къ этому сочиненію. Заслуживають упоминанія также оба соч. Char'я Yriarte. Autour des Borgia, Paris 1884; César Borgia 2 т. Paris 1889, 80; далѣ Alvisi C. Borgia, Imola 1878 г.

Но средства, при помощи которыхъ они завершили всѣ свои стремленія, носили такой ужасающій характеръ, что въ концѣ концовъ грозили гибелью самому папству, если бы случайное обстоятельство — одновременная болѣзнь отца и сына (см. стр. 140) — не измѣнило вдругъ всего положенія вещей. — Что касается Европы, то ея нравственное возмущеніе мало интересовало Александра Борджіа¹⁾. Всѣхъ близкихъ къ нему онъ покорялъ страхомъ или милостью; иностранныхъ государей умѣлъ подкупить такъ или иначе, и Людовикъ XI, напримѣръ, даже помогалъ ему всѣми силами²⁾, тогда какъ народы въ Европѣ не знали вовсе о томъ, что дѣлается въ средней Италиі. Единственно опасный моментъ былъ, когда во время итальянскаго похода Карлъ VIII посѣтилъ Римъ, но и этотъ моментъ не имѣлъ послѣдствій ни для Александра VI, ни для папства вообще³⁾. Несомнѣнная опасность, грозившая понтификату, лежала въ самомъ Александрѣ и въ особенности въ характерѣ его сына, Цезаре Борджіа.

¹⁾ Стоитъ замѣтить, какъ онъ узаконилъ дитя, родившееся въ 1492 г., Pastor III, 449—451. Буллы хранятся въ секретномъ папскомъ архивѣ.

²⁾ Ср. документы опубликованные Пелинсье Archiv. della soc. Romana, XVII, 303—373 и т. XVIII. Реформаторскіе опыты папы относящіеся къ 1497 г., Pastor, III, 370 ff. булла о реформѣ осталась только проектомъ; введеніе и отдѣльныя части у Pastor'a III, 833 f.

³⁾ По мнѣнію Согіо (Fol. 489) Карлъ хотѣлъ созвать соборъ, смѣстить папу и даже увести его во Францію; все это предполагалось по возвращеніи изъ Неаполя. По мнѣнію Benedictus'a: Carolus VIII (Eccard: Scriptores, II, Col. 1584) Карлъ, въ бытность въ Неаполѣ, когда папа и кардиналы отказывались признать его права на новую корону, задумывалъ de Italiae Imperio deque pontificis statu mutando, но затѣмъ рѣшилъ удовольствоваться личнымъ смиреніемъ Александра. Изъ документовъ опубликованныхъ у Pilorgetie, Campagne et bulletins de la grande armée d'Italie commandée par Charles VIII. 1494—1495 (Paris, 1866 in 8°) становится ясной степень опасности Александра въ отдѣльные моменты (III, 117 etc.). Въ напечатанномъ тамъ же письмѣ (135) архіепископа St. Malo къ королевѣ Аннѣ выразительно говорится: Si nostre roi eust voulu obtemperer à la plupart des Messigneurs les cardinaux, ils eussent fait fait uneg autre pape en intention de refformer l'église ainsi qu'ils disaient. Le roi désire bien la reformation mais ne veult point entreprendre de sa deposition. Подробности: Delaborde, L'expédition de Charles VIII en Italie. Paris 1890.

Въ характерѣ отца честолюбіе, корыстолюбіе и развращенность соединялись съ блестящими личными качествами. Съ первыхъ же дней своего владычества онъ сталъ пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ наслажденіями жизни и власти. Въ достиженіи этихъ цѣлей онъ избралъ лозунгомъ абсолютную неразборчивость въ средствахъ¹⁾. Онъ съ избыткомъ вознаградилъ себя за жертвы, которыя самъ принесъ симоніи, ради достиженія папскаго престола, собственной торговлей милостями и отпущеніями грѣховъ. Къ тому же, благодаря занимаемымъ ими прежде должностямъ, онъ лучше всѣхъ чиновниковъ зналъ всѣ источники доходовъ римской куріи и прекрасно умѣлъ вести свои денежные дѣла. Ни одинъ кардиналъ не былъ назначенъ при немъ, не заплативъ большую сумму, и уже въ 1496 г. кармелитъ Адамъ Генуезскій, проповѣдывавшій противъ симоніи, найденъ былъ въ своей постели, покрытый двѣнадцатью смертельными ранами.

Чезаре Борджіа. Но поведеніе папы приняло поистинѣ сатанинскій характеръ, когда онъ, съ теченіемъ времени, подчинился вліянію сына Чезаре. Насиліе приняло такіе размѣры, когда послѣдствія становятся опасными и для самихъ угнетателей. Средства, пущенныя въ ходъ противъ знатныхъ фамилій въ Римѣ и династій въ Романѣ, превзошли жестокостью и вѣроломствомъ знаменитые въ своемъ родѣ примѣры Арагонской династіи въ Неаполѣ; въ искусствѣ лгать и притворяться также никто не могъ сравниться съ Борджіа. Наконецъ, нельзя вообразить ничего ужаснѣе образа дѣйствій Чезаре, когда онъ съѣтъ смерть вокругъ, убивая брата, зятя, родственниковъ и царедворцевъ, едва только ему покажется, что кто-нибудь изъ нихъ приобрѣтаетъ милость папы или вообще почему либо можетъ стать ему помѣхой.

Папа вынужденъ въ концѣ концовъ дать, повидимому, свое согласіе даже на умерщвленіе любимаго сына, герцога

¹⁾ Corio fol. 450. — Malipiero, Ann. Veneti, Arch. Stor. VII, 1, стр. 318. — До какой степени хищничество владѣло всей этой семьей, видно изъ Malipiero (565). Одинъ изъ nepотовъ, встрѣтивъ прекрасный пріемъ въ Венеціи, вымогаетъ огромныя суммы; его прислуга похищаетъ при отъѣздѣ все, что возможно, даже кусокъ парчи съ главнаго алтара церкви въ Мурано.

Гандіа, или по крайней мѣрѣ молчать при этомъ, такъ какъ онъ самъ ежечасно трепещетъ передъ Чезаре за свое существованіе ¹⁾).

Намѣренія Чезаре. Каковы же были тайные замыслы Чезаре? Въ послѣдніе дни его господства, въ то время какъ онъ, уничтоживъ кондотьеровъ при Синигалии (1503 г.), фактически становится повелителемъ всей церковной области, его приверженцы смиренно утверждаютъ, что у герцога одна только цѣль — уничтожить партіи и ограничить тирановъ, при чемъ онъ думаетъ только о пользѣ церкви; для себя онъ готовъ довольствоваться одной Романьей, но будущіе папы оцѣнять, конечно, насколько они обязаны ему благодарностью за избавленіе отъ Колонна и Орсиньи ²⁾. Въ дѣйствительности желанія были иныя. Папа самъ, впрочемъ, гораздо откровеннѣе, когда говоритъ, поручая сына покровительству Венеціи: „Я позабочусь о томъ, чтобы папство перешло или къ сыну, или къ вашей республикѣ ³⁾“. Чезаре прибавлялъ къ этому: „Венеція можетъ легко всего достигнуть, если только венеціанскіе кардиналы будутъ солидарны съ нимъ.“

Виды Чезаре на папскій престолъ. Думалъ ли онъ при этомъ о собственномъ избраніи, — неизвѣстно, но слова отца достаточно свидѣтельствуютъ о его видахъ на папскій престолъ. Подтверженіемъ этому могутъ служить слова Лукреціи Борджіа, такъ какъ стихотвореніе Эрколе Строцца, по всей вѣроятности, передаетъ истинный смыслъ признаній герцогини въ Феррарѣ. И здѣсь идетъ рѣчь о

¹⁾ См. прилож. IV.

²⁾ Machiavelli, Opere, изд. Milan. Vol. V, стр. 387, 393, 395. — Legazione al duca Valentino.

³⁾ Tommaso Gar, Relazioni della corte di Roma, I, стр. 12, Rel. P. Capello (срв. также Ранке: Папы 3 т. доп. стр. 3 и Dispacci di Antonio Giustiniani I, стр. 72 sq. 132 sq.): „Папа чтитъ Венецію болѣе чѣмъ какого-либо властителя въ мірѣ, e però desidera, che ella (Signoria di Venezia) protegga il figliulo, e dice voler fare tale ordine, che il papato o sia suo, ovvero della Signoria nostra“. Здѣсь „suo“ можетъ относиться, повидимому, только къ Чезаре. То что ост. сомнительнымъ, выясняется въ пользу Altoviti изъ давняго спора о словахъ Вазари въ Vita di Raffaele: a Binco Altoviti fece il ritratto suo etc.

видахъ Чезаре на папскій престоль ¹⁾, хотя въ то же время между строкъ явно проскальзываетъ и надежда на господство надъ Италией вообще ²⁾; въ стихотвореніи заключается и намекъ на его отреченіе нѣкогда отъ кардинальской шапки, ради болѣе высокой цѣли ³⁾.

Секуляризація. Въ дѣйствительности не можетъ быть сомнѣнія, что, независимо отъ того, будетъ ли онъ избранъ папой или нѣтъ послѣ смерти отца, онъ рассчитывалъ владѣть церковною областью какою бы ни было цѣною; но сознавая, безъ сомнѣнія, что, послѣ цѣлаго ряда возмутительныхъ дѣйствій, онъ не могъ бы надолго удержать въ своихъ рукахъ и духовную и свѣтскую власть, онъ имѣлъ въ виду одинъ только выходъ — секуляризацію церковнаго государства. Мы видимъ, что нѣкоторыя обстоятельства, въ самомъ дѣлѣ, подтверждаютъ это намѣреніе. Несмотря на ожиданіе скорой смерти отца, онъ, все-таки, не хочетъ принять кардинальскій санъ. У него есть дочь отъ брака съ французской принцессой изъ дома д'Альбрэ, и это служить также побудительной причиной къ основанію свѣтскаго государства. Если мы не ошибаемся, именно это стремленіе Чезаре къ секуляризаціи церковной области и составляетъ настоящую причину симпатій къ нему Макиавелли, несмотря на его преступное поведеніе. Ни отъ кого другого не могъ ожидать Макиавелли съ такой увѣренностью уничтоженія папства, источника постороннихъ вмѣшательствъ и междоусобій въ Италиі; словомъ, Чезаре былъ именно тотъ, кто долженъ былъ, какъ говоритъ этотъ знаменитый гуманистъ, „вынуть желѣзо изъ раны Италиі“. Если Чезаре съ дѣланымъ негодованіемъ отвергъ предложеніе коварныхъ людей, предлагавшихъ ему Тосканское королевство ⁴⁾, то, разумѣется, не потому, что онъ былъ далекъ отъ этой мысли, но скорѣе потому, что не считалъ

¹⁾ Strozzi, poetae стр. 19 см. „Venatio“ Ercole Strozza: . . . cui triplicem fata invidere coronam. Далѣе въ стихотвореніи на смерть Чезаре, стр. 31 и слд.: speraretque olim solii decora alta paterni.

²⁾ Тамъ же: Юпитеръ однажды общалъ: Affore Alexandri sobolem, qae poneret olim Italiae leges, atque aurea saecula referret etc.

³⁾ Тамъ же: Sacrumque decus majora parantem deposuisse.

⁴⁾ Machiavelli, Opere V, стр. 334.

еще это дѣло созрѣвшимъ и возможнымъ безъ содѣйствія Франціи¹⁾.

Нераціональность средствъ Цезаре. Впрочемъ, дѣлая выводы изъ предполагаемыхъ посылокъ, мы можемъ ошибочно судить о намѣреніяхъ Цезаре. Въ сущности онъ представляетъ собой столь-же мало демоническій и гениальный характеръ, какъ и Валленштейнъ, да и средства, которыми онъ пользовался, не отвѣчали вовсе какой-бы ни было послѣдовательной и серьезной политикѣ. Вполнѣ допустимо даже, что избытокъ злобы въ немъ могъ принять иное направленіе, и папство такимъ образомъ могло быть спасено помимо случайности, положившей предѣлъ всѣмъ его страстямъ.

Если даже принять, что завоеваніе мелкихъ владѣній въ Церковномъ государствѣ могло вызвать только симпатіи къ Цезаре, и видѣть въ арміи, слѣдовавшей за нимъ въ 1503 г., включавшей лучшихъ воиновъ и офицеровъ Италіи, не говоря уже о Леонардо да Винчи, какъ совершеннѣйшемъ техникѣ²⁾, доказательство величія его политическихъ плановъ, то другіе его поступки въ то же время въ высшей степени неразумны и ставятъ въ тупикъ насъ также, какъ и современныхъ ему здравомыслящихъ людей. Такъ, трудно объяснить опустошеніе и угнетеніе только что завоеванныхъ земель, если онъ хотѣлъ сохранить власть надъ ними³⁾. Далѣе, состояніе Рима и куріи въ послѣдніе годы понтификата, въ свою очередь, внушаетъ сомнѣніе. Мы не знаемъ,

¹⁾ Въ общемъ теперь господствуетъ убѣжденіе, что Цезаре дѣйствительно думать объ итальянской коронѣ, см. заключ. Yriartes, II, стр. 176.

²⁾ О литературѣ и искусствахъ при дворѣ Yriarte I, 260 f; новое касающееся отношенія къ Ліонардо, стр. 274 f.

³⁾ Machiavelli 326, 351, 414. — Matarazzo, Cronaca di Perugia, Arch. Stor. XVI, II, стр. 157 и 221: „Онъ хотѣлъ, чтобы его войны размѣстились какъ можно удобнѣе и пользовались бы въ мирное время еще большими преимуществами, чѣмъ на войнахъ. Petrus Alcionius, De exilio (1522) изд. Menken стр. 19 говоритъ о способѣ веденія войны: ea scelera et flagitia a nostris militibus patrata sunt quae ne Scythae quidem aut Turcae, aut Poeni in Italia commisissent. Онъ же на стр. 65 порицаетъ Александра, какъ испанца: Hispanis Generis hominem, cujus proprium est, rationibus et commodis Hispanorum consultum velle, non Italorum. Ср. стр. 133. Въ то же время надо отмѣтить хорошее управленіе и скорое правосудіе во многихъ завоеванныхъ областяхъ.

заранѣ ли были составлены отцомъ и сыномъ списки всѣхъ обреченныхъ на смерть, или каждый разъ принималось новое рѣшеніе ¹⁾, но, очевидно, Борджіа поставили себѣ задачей тайное убійство всѣхъ, кто почему нибудь оказывался неудобнымъ для нихъ или чѣмъ имуществомъ имъ хотѣлось завладѣть. Денежныя суммы и движимое имущество занимали при этомъ не первое мѣсто; главнѣйшая выгода заключалась въ томъ, что со смертью духовныхъ лицъ прекращалась выдача пожизненныхъ пенсій, папа же могъ брать себѣ жалованье, пока должность оставалась незамѣщенной, а затѣмъ снова выгодно продать это назначеніе.

Ежедневныя убійства въ Римѣ. Венеціанскій посоль Паоло Капелло ²⁾ сообщаетъ республикѣ въ 1500 г. слѣдующее: „Въ городѣ находятъ ежедневно отъ четырехъ до пяти человекъ убитыхъ ночью, преимущественно прелатовъ, епископовъ и пр., такъ что весь Римъ въ страхѣ и каждый ждетъ очереди пасть отъ руки герцога (Чезаре)“. Онъ самъ выходитъ по ночамъ, со своими тѣлохранителями ³⁾, и есть основаніе думать, что дѣлаетъ это не только потому, что, подобно Тиверію, не рѣшается днемъ показывать людямъ свой ненавистный образъ, но что и самъ онъ находитъ наслажденіе въ нападеніи даже на неизвѣстныхъ ему людей. Въ 1499 году общее отчаяніе дошло, наконецъ, до того, что народъ перебилъ папскихъ тѣлохранителей ⁴⁾.

Ядъ. Кого не могъ настигнуть кинжалъ Борджіа, тотъ погибалъ отъ яда. Когда требовалась особая осторожность, прибѣгали къ порошку, совершенно бѣлому, съ пріятнымъ запахомъ ⁵⁾; его примѣшивали къ какому-нибудь блюду или питью, при чемъ онъ дѣйствовалъ не сразу, а

1) In arcano proscriptorum albo positus, такъ Pierio Valeriano de infelicitate literat. по поводу Giovanni Regio, ed, Menken стр. 282.

2) Tomaso Gar (стр. 136 прим. 3) стр. 11. Цѣнныя свѣдѣнія относящіяся къ періоду времени отъ 22 Мая 1502 г. представляютъ Dispassi di Antonio Giustiniani publ. da Pasquale Villari, Firenze 1876, 3 т.

3) Paulus Jovius, Elogia стр. 202: Caesar Borgia. — Commentariu urbani принадл. перу Raphael. Volaterranus кн. XII содержитъ біографію Александра, составленную при Юліѣ II и все-таки еще съ большою осторожностью. Здѣсь находимъ: Roma . . . nobilis jam carnificina facta erat.

4) Diario Ferrarese у Murat. Col. 362.

5) Paul Jovius, Histoір. II, fol. 47.

незамѣтно, спустя нѣкоторое время. По всей вѣроятности, принцъ Джемъ отвѣдалъ такой напитокъ передъ тѣмъ, какъ папа выдалъ его Карлу VIII (1495 г.)¹⁾. По общему мнѣнію, самъ отецъ и сынъ отравились конфетой, приготовленной для одного богатаго кардинала, по всей вѣроятности, Адриана Корнетто. Придворный эпитоматоръ, Онуфріо Парвиніо²⁾, упоминаетъ о трехъ кардиналахъ³⁾; отравленныхъ Александромъ VI (Орсини, Феррари и Микэль) и намекаетъ на четвертаго (Джіованни Борджіа), погибшаго, отъ руки Чезаре; вообще въ то время смерть богатаго прелата почти не могла не возбудить такого рода подозрѣніе. Ядъ не щадилъ и людей ученыхъ, селившихся гдѣ нибудь внѣ Рима въ тихомъ уединеніи и, повидимому, ни для кого не опасныхъ. Вокругъ папской резиденціи стали происходить странныя явленія. Молніи и бурные порывы вѣтра неожиданно потрясали стѣны и приводили папу въ ужасъ; въ 1500 году⁴⁾ эти явленія стали повторяться чаще, и на-

1) Предположеніе это высказано уже современными писателями: Comines, Matagazzo, также немного поздѣе Giovio, но осталось недоказаннымъ; ср. Heidenheiner (в. 4) стр. 568 и Thuasne, стр. 365—377), гдѣ сопоставлены всѣ свидѣтельства. Врачебныхъ свидѣтельствъ нѣтъ и тѣло не было вскрыто. Письмо посла F. Brognolo, приводимое Pastor'омъ III, 334, прим. 4 какъ рѣшительное доказательство не можетъ считаться неопровержимымъ, потому что въ немъ говорится: *poti credo di sua morte*; оно, впрочемъ, ничего бы не доказывало и тогда, если бы говорило прямо.

2) Въ *Dispacci Джустиніани*, т. II стр. 107 sq стр. 120 sq, стр. 458 sq. рисуется возникновеніе и ходъ болѣзни, противорѣчащія этому предположенію. Письмо Маркграфа Мантуанскаго къ его супругѣ Изабеллѣ, у Грегоріуса, *Lucrezia Borgia* т. I, 262 f, II, 122 f сообщаетъ господствующее убѣжденіе, что Александра унесъ дьяволъ, съ которымъ онъ заключилъ договоръ на 12 лѣтъ, передъ своимъ избраніемъ. Pastor приходитъ къ заключенію, что Александръ VI умеръ не отъ яда (III, 471 ff.). — О болѣе раннемъ покушеніи отравить папу въ *Naev. 1499, Burchardi, Diarium II, 578 sq.*

3) *Panvinius, Eritome pontificum*, стр. 359. Попытка отравить будущаго папу Юлія II стр. 363. — По словамъ Сисмонди XIII, 246, умеръ также многолѣтній повѣренный всѣхъ тайнъ, Lopez, кардиналъ Капуи; по свидѣтельству *Sanudi* (у Ранке „Папы“ I, стр. 52 прим. 1), также Веронскій кардиналъ. Послѣ смерти упомянутаго кардинала папа приказалъ коллегіи врачей удостовѣрить естественную смерть. *Dispacci di Antonio Giustiniani I, 411, sq.*

4) *Prato, Arch. Stor. III, стр. 254.*

родъ видить въ этомъ вмѣшательство адскихъ силъ, дьявольское навожденіе, *cosa diabolica*. Многочисленные пилигриммы, посѣтившіе, по обыкновению, Римъ въ юбилейный день 1500 года разнесли слухъ объ этихъ явленіяхъ по всей Европѣ, а вмѣстѣ съ этимъ и рассказы о наглomъ вымогательствѣ 1) папы, выжимавшаго все возможное у благочестивыхъ пиллигриммовъ, и его безсовѣстной продажѣ индульгенцій разбойникамъ и убійцамъ. Такимъ образомъ глаза всего міра обратились на Римъ 2). Кромѣ возвращавшихся съ богомолья пилигриммовъ, приходили на сѣверъ изъ Италіи „кающіеся“ въ бѣлыхъ одеждахъ, и подъ этой маской скрывались бѣглецы изъ церковной области, обнаружившіе настоящее положеніе вещей. Трудно сказать, какъ долго могъ бы Александръ VI продолжать свой терроръ, пока общее негодованіе въ Европѣ стало бы опаснымъ для него. Онъ умертвилъ-бы всѣхъ болѣе или менѣе богатыхъ и еще оставшихся въ живыхъ кардиналовъ и прелатовъ, для того, чтобы взять ихъ наслѣдство, если бы не умеръ среди дальнѣйшихъ замысловъ 3).

Смерть Чезаре. Что предпринялъ бы Чезаре, если бы онъ также не находился на смертномъ ложѣ въ тотъ моментъ, когда умеръ отецъ 4)? Что представлялъ бы конклавъ, если бы онъ успѣлъ принять всѣ свои мѣры, и съ помощью яда привелъ бы въ надлежащій видъ коллегію кардиналовъ, долженствующихъ избрать его папой? Никто въ Италіи не могъ ему помѣшать и французской арміи тоже не было вблизи. Воображеніе отказывается нарисовать картину послѣдствій, вытекающихъ изъ этихъ предположеній.

Но общественное сознаніе требовало перемѣны, и подъ влияніемъ этой реакціи послѣдовалъ конклавъ Пія III (1503), а послѣ его неожиданной смерти — конклавъ Юлія II.

1) Ср. Chron. Venetum у Murat. XXIV, Col. 133. Только какъ слухъ: E si giudicava, che il Pontefice godesse cavare assai danari di questo Giubileo, che gli tornera molto a proposito.

2) Anshelm, Berner Chronik, III, стр. 146—156. Trithem. Anales Hirsang., Tom. II, p. 579. 584. 586.

3) Panvin Contin. Platinae, стр. 341.

4) Lucca Gaurico въ 1503 сдѣлалъ слѣдующее добавленіе къ изслѣдованію впервые появившемуся въ 1501: Caesar Vel inglorius jacebit vel pestifera ac violenta morte peribit.

Юлій II. Каковъ-бы ни былъ личный нравъ Юлія II, нельзя не видѣть въ немъ смѣлаго реформатора и спасителя папства во многихъ отношеніяхъ. Наблюдая положеніе вещей въ понтификатѣ съ того времени, какъ дядя его Сикстъ¹⁾ занялъ папскій престолъ, онъ успѣлъ глубоко вдуматься въ характеръ папства и усвоилъ себѣ вполне пониманіе того, что нужно дѣлать, чтобы внушить къ себѣ уваженіе. И онъ отдался этому дѣлу со всѣмъ энтузіазмомъ и пылкостью души и съ желѣзной волей. Онъ взшелъ на ступени папскаго престола, правда, подобно другимъ, не безъ посредства постыдныхъ торговъ и даже переговоровъ съ Чезаре Борджіа, содѣйствовавшимъ его возвышенію, но тѣмъ не менѣе его избраніе было радостно привѣтствуемо всѣми. Прямая торговля саномъ и почетными мѣстами при немъ тотчасъ прекратилась. У Юлія II были свои любимцы и между ними часто недостойные, но, по крайней мѣрѣ, непотизмъ ему былъ чуждъ, и обстоятельства помогли, отчасти, этому безпристрастію: братъ его, Джіованни делла Ровере, женился на герцогинѣ Урбинской, сестрѣ послѣдняго Монтефельро, по имени Гвидобальдо; родившійся отъ этого брака въ 1491 г. сынъ и папскій непотъ Франческо Маріа делла Ровере былъ, такимъ образомъ, законнымъ наследникомъ Урбинскаго герцогства и не нуждался въ насильственномъ признаніи. Все, что Юлій II приобрѣталъ своей политикой или блестящими походами, онъ съ чувствомъ справедливой гордости считалъ приобретеніемъ церкви, а не собственностью личной или своей династіи, если не считать исключеній, какъ въ томъ случаѣ, когда, на примѣръ, онъ хотѣлъ утвердить Сіену за своимъ племянникомъ.

Въ общемъ, онъ, принявъ церковную область въ состояніи полнаго разложенія, оставилъ ее преемникамъ возстановленной и увеличилъ территорію, присоединивъ Парму и Пьяченцу. Въ томъ, что Феррара не вошла также въ составъ владѣній Церкви, во всякомъ случаѣ не онъ былъ виноватъ. Въ замкѣ Св. Ангела хранилось при немъ въ

¹⁾ Котораго онъ уважалъ и подражалъ ему. Paris de Grassis говоритъ (см. Steinmann, Allg. Zeitg. Veil 4 Juni 1897): cum fuerit et sit nepos ipsius Sixti et in multis quasi omnibus imitari studeat Sixtum patronum.

наличности 700.000 дукатовъ и Юлій II принялъ мѣры къ тому, чтобы казна эта могла перейти только въ руки будущаго папы.

Личность Юлія II. Жадный къ деньгамъ, онъ также присвоивалъ себѣ имущества умиравшихъ въ Римѣ кардиналовъ и другихъ служителей церкви, но не прибѣгалъ къ яду и кинжаламъ, и если у него бывали такіе порывы— онъ старался ихъ подавлять. И въ личной жизни и во всей своей дѣятельности Юлій II проявилъ больше свѣтскихъ качествъ, чѣмъ духовныхъ; онъ никому не довѣрялъ и не внушалъ довѣрія къ себѣ ни врагамъ, ни союзникамъ, но вся его политика неуклонно была направлена къ одной высокой цѣли и внушала поэтому почтительное удивленіе даже врагамъ. Его личное участіе въ походахъ, во главѣ войскъ, было вызвано необходимостью и нисколько не вредило ему въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ въ тѣ времена каждому приходилось выбирать между молотомъ и наковальней, и личный характеръ цѣнился выше всякихъ приобрѣтенныхъ законнѣйшимъ образомъ правъ.

Несмотря на провозглашенный имъ лозунгъ: „прочъ варваровъ!“¹⁾ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, содѣйствовалъ утверженію испанцевъ въ Италіи, какъ до того онъ же вызвалъ нашествіе французовъ, — но и то и другое могло имѣть скорѣе полезныя, чѣмъ вредныя для папства послѣдствія; по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что испанцы съ давнихъ поръ относились съ почтеніемъ къ главѣ церкви²⁾, тогда какъ итальянскіе властители чаще всего питали противъ папъ злостныя намѣренія.

Вліяніе личности Юлія II на современниковъ. Какъ бы ни было, наконецъ, Юлій II съ его оригинальнымъ и сильнымъ характеромъ, страшный въ гнѣвѣ и безгранично щедрый въ своемъ благоволеніи, въ общемъ производилъ на современниковъ впечатлѣніе, вполне отвѣчавшее его

¹⁾ Сіан оспариваетъ итальянскій патриотизмъ Юлія II.

²⁾ Несмотря на утверженіе Giovio (Vita Alfonsi Ducis), остается весьма сомнительнымъ, надѣялся-ли Юлій въ самомъ дѣлѣ, что Ferdinand Kath. послѣдуетъ его внушенію и посадитъ вновь на неаполитанскій престолъ арагонскую вѣтвь.

сану и заслужилъ титулъ „Pontifice terribile“ ¹⁾. Въ концѣ концовъ онъ имѣлъ основанія смѣло бросить вызовъ Европѣ и, въ отвѣтъ на угрозу Вселенскимъ соборомъ, самому, въ свою очередь, потребовать созванія такого собора въ Римѣ. Въ связи съ такимъ честолюбіемъ Юлій II нуждался и въ грандіозномъ внѣшнемъ символѣ своего могущества и духовныхъ стремленій. И папа нашель, повидимому, то, чего искалъ, задумавъ соорудить соборъ св. Петра. Въ томъ видѣ, въ какомъ представляется этотъ памятникъ искусства по замыслу Браманте, едва ли можно вообразить, въ самомъ дѣлѣ, болѣе законченное выраженіе единства и мощнаго величія. Память о Юліѣ II живетъ также и въ прочихъ произведеніяхъ искусства и творчества его времени, и даже латинская поэзія гуманистовъ говоритъ о немъ съ энтузіазмомъ, не въ примѣръ его предшественникамъ. Такъ, кардиналъ Адриано да Корнето въ своемъ „Iter Julii secundi“ въ торжественномъ тонѣ описываетъ вѣздъ папы въ Болонью, а Джіовани Антоніо Фламиніо въ одной изъ прекраснѣйшихъ своихъ элегій ²⁾ обращается къ патриотизму папы и призываетъ его на защиту Италіи.

Во время Латеранскаго собора Юлій II издалъ грозную прокламацію ³⁾, воспрещавшую симонію во время папскихъ выборовъ. Когда онъ умеръ (1513), корыстолюбивые кардиналы пытались обойти это запрещеніе, сговорившись подѣлать между собой впослѣдствіи всѣ доходныя мѣста и привилегіи; безъ сомнѣнія, если бы планъ удался, они из-

¹⁾ Выраженіе *terribile* (Pastor III, 525) надо понимать не въ смыслѣ „ужасный“ или „страшный“, но какъ превосходную степень отъ него или *magnanimo*.

²⁾ Оба стихотворенія у Roscoe, Leone X ed. Rossi VI, 257 и 297. Послѣ его смерти Sponaca di Cremona говоритъ: *quale fu grande danno per la Italia, perché era homo che non voleva tramontani in Italia et haveva cazato Francesi et l'animo erat di cazar le altri*, Bibl. hist. ital. (1876) I стр. 217. — Но когда Юлій въ Августѣ 1511 г. лежалъ нѣсколько часовъ въ обморокѣ и считался мертвымъ, безпокойныя головы изъ знатныхъ семействъ Pompeo Colonna Antimo Savelli и др. собирали народъ къ Капитолію и возбуждали къ низверженію папской власти: *a vendicarsi in liberta... a publica rebellione*, какъ Guicciardini сообщаетъ въ десятой книгѣ. (Ср. также Paul. Jovius, Vita Pompeji Columnae и нѣкот. подробн. Gregorovius VIII, стр. 71—75).

³⁾ Septimo decretal. Z. I, Tit. 3, Cap. 1—3.

брали бы богатѣйшаго изъ претендентовъ и наименѣе достойнаго кардинала Рафаэля Ріаріо ¹⁾. Но презрѣнный замысль рушился, благодаря единодушному протесту, главнымъ образомъ, младшихъ членовъ коллегіи, и въ концѣ концовъ выборъ остановился на Джіованни Медичи — знаменитомъ въ послѣдствіи Львѣ Х.

Левъ Х. Мы встрѣтимъ это имя вездѣ, гдѣ рѣчь коснется лучшихъ сторонъ культуры въ эпоху возрожденія, а пока замѣтимъ только, что въ его время папству снова пришлось пережить рядъ опасностей, грозившихъ ему и внутри и извнѣ. Заговоръ кардиналовъ Петруччи, Бандинелло де Саули, Ріаріо, Содерини и Корнетто (1517) не идетъ въ счетъ, такъ какъ онъ клонился исключительно къ партійнымъ цѣлямъ; къ тому же Левъ Х разстроилъ его и уничтожилъ поводъ къ нему, назначивъ сразу 39 новыхъ кардиналовъ ²⁾; количество само по себѣ было неслыханное до сихъ поръ, но въ томъ числѣ были люди награжденные по заслугамъ, а потому поступокъ папы не вызвалъ нареканий.

Политическіе планы Льва Х. Тѣмъ не менѣе въ первые два года своей дѣятельности папа шелъ путемъ не безопаснымъ въ политическомъ отношеніи. Онъ велъ настойчивыя дипломатическія сношенія и переговоры съ цѣлью доставить брату своему, Джуліано, королевство Неаполитанское, а племяннику, Лоренцо — цѣлую область въ верхней Италіи, включая Миланъ, Тоскану, Урбино и Феррару ³⁾.

¹⁾ Franc. Vettori, Arch. Stor. Append. VI, 297.

²⁾ Сверхъ того, по свидѣтельству Jacob Ziegler'a, Historia Clementis VII у Schelhorn'a, Amoenit. hist. eccl. II это обстоятельство принесло ему 302 : 500.000 гульд. зол.; одинъ францисканскій орденъ, котораго генераль Christoforo Numalio также произведенъ былъ въ кардиналы, заплатилъ 30.000; перечень утраченныхъ разными лицами суммамъ у M. Sanudo Vol. XXIV, fol. 227; въ отношеніи къ цѣлому ср. Gregorovius VIII, стр. 214 f. Важное у Par. de Grassis (ед. 1884) стр. 47 ff. 51 ff.

³⁾ Franc. Vettori — стр. 301. Arch. Stor. Append. I, стр. 293 sq. — Roscoe, Leone X, ed. Rossi VI стр. 232 sq. Tommaso Gar. стр. 42. Отношеніе Льва къ его родственникамъ по необнародованнымъ документамъ F. Nitti Nuova Antologia 3. serie-vol. 28 стр. 393—428. По этимъ даннымъ не обнаруживается стремленіе раздавать земли родственникамъ.

Если бы это намѣреніе осуществилось, церковное государство приняло бы, очевидно, характеръ удѣльной собственности дома Медичи, и, въ сущности, дальнѣйшая секуляризація теряла бы всякое значеніе ¹⁾.

Но замыселъ Льва X былъ невыполнимъ уже по однимъ чисто случайнымъ обстоятельствамъ. Джуліано умеръ въ 1516 г. Предпріятіе, касавшееся Лоренцо, папѣ также не удалось, такъ какъ война съ Франческо Маріа дела Ровере за обладаніе урбинскимъ герцогствомъ разорила Льва X ²⁾ и породила только ненависть къ нему; когда въ 1519 г. Лоренцо умеръ ³⁾, Левъ X передалъ церкви всѣ свои съ трудомъ добытыя пріобрѣтенія, не завоевавъ этимъ даже славы въ потомствѣ, такъ какъ приношеніе носило не добровольный, а скорѣе вынужденный характеръ. Его переговоры съ Карломъ V и Францискомъ I, козни противъ Альфонса, герцога Феррары, и побѣда надъ нѣсколькими незначительными тиранами и кондотьерами, — все вмѣстѣ взятое не могло придать новаго блеска его имени.

Внѣшняя опасность. И все это продѣлывалось въ такое время, когда западные государи все больше входили во вкусъ своего рода азартной политической игры, въ результатъ которой постоянно имѣлось въ виду пріобрѣтеніе того или другого клочка Италіи ⁴⁾. Кто же могъ поручиться, что эти государи, сознавая, насколько силы ихъ возросли въ послѣднія десятилѣтія, не захотятъ воспользоваться этимъ и не обратятъ свои взоры на церковное государство? И Левъ X получилъ своего рода предостереженіе въ концѣ 1520 года, когда нѣсколько отрядовъ испанской пѣхоты появились — впрочемъ, по собственному побужде-

¹⁾ Въ противность этимъ, въ новѣйшее время F. Nitti: Leone X et la sua politica, Floг. 1892 старается, хотя и не безспорно, доказать, что политика папы имѣла задачей усилить свѣтское могущество св. престола и защитить его нравственное значеніе.

²⁾ Настоящей побудительницей къ этому была Альфонсина Орсини, мать Лоренцо, Nitti 422 A.

³⁾ Ariosto, Sat. VI, vs. 105. Tutti morrete, ed è fatal che muoja Leone appresso. Ariosto осмѣивалъ въ 3-й и 4-й сатирахъ происки старыхъ и новыхъ искателей при дворѣ Льва X.

⁴⁾ Примѣромъ можетъ служить одна комбинація такого рода: Lettere de'principi (Венеція 1581) I, 65 въ Парижской депешѣ кардинала Bibiena отъ 21 Decв. 1518 г.

нію — на границѣ церковной области, съ намѣреніемъ взять контрибуцію ¹⁾; на этотъ разъ они были прогнаны папскими войсками. Но кромѣ внѣшней опасности, въ самой Италіи папству все болѣе и болѣе грозило общее возмущеніе противъ испорченности духовной іерархіи и болѣе прозорливые люди, какъ, напримѣръ, младшій Пико де Мирандола ²⁾ настоятельно требовали реформъ. Въ тотъ же періодъ времени появился на сценѣ Лютеръ.

Адрианъ VI. Когда Адрианъ VI занялъ папскій престолъ (1522—1523), предприятия имъ немногія и нерѣшительныя преобразованія уже запоздали и не могли служить противовѣсомъ великому движенію въ Германіи. Папа успѣлъ обнаружить отвращеніе къ такимъ вкоренившимся явленіямъ, какъ симонія, nepотизмъ, служебная недобросовѣстность, расточительность, разбой и развратъ, но смерть помѣшала ему издать рядъ строгихъ эдиктовъ. Не одни только лютеранскіе проповѣдники грозили папству. Талантливый венеціанецъ Джироламо Негро слѣдующимъ образомъ высказываетъ предвидѣніе бѣдъ, угрожающихъ Риму: „Церковное государство находится на краю гибели, и очень можетъ быть, что намъ придется бѣжать не только въ Авиньонъ, но и куда-нибудь подальше. Если не ошибаюсь, духовная монархія быстро приближается къ гибели, и если не поможетъ Богъ, ей скоро наступитъ конецъ“ ³⁾.

¹⁾ Franc. Vettori стр. 333.

²⁾ Во время Латеранскаго собора 1512 г. Пико написалъ рѣчи: I. F. P. oratio ad Leonem X et Concilium Lateranense de reformandis ecclesiae moribus (изд. Hagenau 1512; не разъ напечатано въ изд. соч. и въ др. ст.). Ср. Vir. doct. epist. ad Pirckh. изд. Фрейтагъ, Лейпц. 1838 стр. 8. Пико опасается, что еще при жизни папы зло рѣшительно торжествуетъ надъ добромъ и in te bellum a nostrae religionis hostibus ante audias geri quam parari.—Paris de Grassis напротивъ старается доказать благочестіе папы: характерный примѣръ (нов. изд.) стр. 10.

³⁾ Lettere de' principi I. Rom. 17 марта 1523 г. См. также Blas Ortiz, Itinerar. Hadriani (Baluz. Miscell. ed. Mansi I, стр. 386 sq.) изъ этой ист. нельзя сдѣлать рѣшительнаго заключенія, былъ ли Адрианъ отравленъ или нѣтъ; худшее—это всеобщее предположеніе. Ср. далѣе большое сочиненіе Höffler'a, а также источники для исторіи папы Адриана VI: Hist. Jahrb. Görres-Ges. 16 стр. 70—91 (1895). Врача Адриана, по имени Maserata, одни считали неискуснымъ, другіе же называли его pater patriae и украшали двери его дома цвѣтами. Свидѣтельство очевидца см. Creighton V, стр. 333.

Климентъ VII. При Климентъ VII весь римскій политическій горизонтъ заволакивается туманомъ, подобно тому, какъ въ періодъ сирокко, желтая мгла окружаетъ вѣчный городъ. Папу ненавидятъ вблизи также, какъ вдали; не одни только кабинетные писатели предвидятъ грядущее бѣдствіе ¹⁾, но и на улицахъ и площадяхъ появляются пустынножители, предсказывающіе близкій конецъ Италиі и даже міра вообще и называютъ папу антихристомъ ²⁾; знатные Колонна со своими приверженцами поднимаютъ голову съ удвоенною смѣлостью; гордый кардиналъ Помпео Колонна, одно существованіе котораго ³⁾ представляетъ уже давній предметъ безпокойства для папства, теперь (въ 1526) смѣло совершаетъ нападеніе, рассчитывая, при помощи Карла V, безъ труда занять престолъ, если папа будетъ убитъ или взятъ въ плѣнъ. Нельзя сказать, чтобы для Рима было счастьемъ, что Климентъ спасается въ крѣпости св. Ангела, но и судьба, для которой онъ себя такимъ образомъ сберегъ, въ свою очередь, была хуже смерти.

Цѣлымъ рядомъ ложныхъ дѣйствій, какія безнаказанно можетъ позволить себѣ только сильный, папа Климентъ вызвалъ появленіе въ Италиі въ 1527 г. испанскихъ и нѣмецкихъ войскъ, подъ предводительствомъ герцога Бурбона (Карла) и Георга Фр്യндсберга (вождь нѣмцевъ). Карль питаль, несомнѣнно, самыя жестокія намѣренія противъ папы ⁴⁾, но нельзя было предвидѣть, надолго ли хватить энергіи и рвенія неполучавшихъ жалованья войскъ. Надо замѣтить, что въ Германіи было бы довольно трудно вербовать солдатъ безъ денегъ, если бы дѣло не касалось Италиі.

Разграбленіе Рима. По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, союзныя войска вполнѣ вознаградили себя грабежемъ въ итальянскихъ земляхъ и городахъ; если бы папа и карди-

1) Negro, 24 окт., 6 сент. и 9 нояб. 1526, 11 апр. 1527. И онъ также имѣлъ своихъ льстецовъ и поклонниковъ. Діалогъ de exilio (Petrus Aleyonius) посвященъ его восхваленію незадолго до его вступленія на престолъ.

2) Varchi Stor. florent. I, 43, 46 sq.

3) Paul. Jovius, Vita Pomp. Columnae.

4) Ranke, Deutsche Geschichte (4 изд.) II, 262 f. Срв. также de-Leva: Storia documentata di Carlo V, vol. II, стр. 390 sq.

налы не уцѣлѣли въ общемъ погромѣ, никакіе софизмы не могли бы поколебать общей увѣренности въ томъ, что этого желалъ католическій король. Безчисленныя убійства, общее разореніе, пытки и торговля плѣнными достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что арміи данъ былъ въ Римѣ полный просторъ ¹⁾. Такого рода опустошеніе носило тогда даже специальное названіе *Sacco di Roma*.

Карль V взялъ огромную контрибуцію и тѣмъ не менѣе хотѣлъ схватить папу и перевезти его въ Неаполь, но Климентъ спрятался сперва въ замкѣ св. Ангела, а затѣмъ бѣжалъ въ Орвіетту, хотя Испанія, повидимому, не была причастна къ этому бѣгству и не входила въ соглашеніе съ папой. Весь свѣтъ думалъ, что Карль намѣренъ произвести секуляризацию церковнаго государства ²⁾, но мы, по всей вѣроятности, никогда не узнаемъ, питалъ ли онъ такую мысль, и правда ли, что англійскій король Генрихъ VIII убѣдилъ его отказаться отъ этого намѣренія ³⁾.

Если существовали въ то время вообще такого рода планы, имъ не суждено было долго продержаться и тѣмъ болѣе перейти въ дѣйствительность. Идея церковно-свѣтской реставраціи возродилась вновь въ опустошенномъ Римѣ. Мы видимъ у Садолетто ⁴⁾, какъ зарождалось тогда это стремленіе:—„Наше несчастіе еще не такъ безнадежно, если испытанныя нами бѣды послужатъ достаточнымъ наказаніемъ за прошлое и откроютъ намъ путь къ исправленію нравовъ и лучшимъ законамъ... Воздадимъ должное Господу, но впереди у насъ жизнь, о которой мы сами должны позаботиться; направимъ всѣ наши мысли и усердіе къ истинной чести и славѣ Церкви и тогда, съ Божьей

¹⁾ Varchi, *Stor. florent.* II, 43 sq.

²⁾ Тамъ же и Ranke. *Deutsche Geschichte* II, стр. 278, прим. I и III, стр. 6 f. Предполагалось, что Карль захочетъ основать свою резиденцію въ Римѣ.

³⁾ Смерть римскихъ гражданъ въ 1527 г. стараются изобразить какъ результатъ горести, вслѣдствіе торжества враговъ. На гробницѣ Mariano Castellano († май 1527) надпись гласитъ: *patriae amatiss, cujus desolatae servitutem cum diutius ferre non posset... in ipso occasu urbis fortissimo... animo occidit.*

⁴⁾ Его письмо къ папѣ d. d. Carpentras 1 сент. 1527 г. см. *Anecdotta litt.* IV, стр. 335.

помощью, мы обрѣтемъ снова могущество и величіе на землѣ“.

Такимъ образомъ кризисъ, пережитый въ 1527., принесъ все же таки пользу. Италія стала снова прислушиваться къ серьезнымъ голосамъ. Въ то же время Римъ даже при Павлѣ III не могъ вернуться къ прежней беззаботной испорченности и свободѣ нравовъ, послѣ всѣхъ перенесенныхъ страданій. Это былъ уже не прежній Римъ Льва X.

Новыя симпатіи къ папству. Горестное положеніе папства вызвало снова симпатіи къ нему, отчасти политическаго, отчасти духовнаго характера. Короли посовѣстились вынавшей на долю одного изъ нихъ роли тюремщика святѣйшаго отца и включили освобожденіе его въ Аміенскій договоръ (18 авг. 1527 г.). Этимъ актомъ великодушія они, повидимому, не прочь были искупить ужасы, запятнавшіе союзную армію во время военныхъ дѣйствій въ Италіи. Къ тому же въ Испаніи прелаты и гранды при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ осаждали императора представленіями въ защиту церкви. Наконецъ, Карлъ V былъ крайне озабоченъ, когда передъ нимъ предстала огромная депутація свѣтскихъ и духовныхъ лицъ въ траурныхъ одеждахъ съ такой же петиціей; это напомнило ему возмущеніе комунаровъ, подавленное имъ всего нѣсколько лѣтъ назадъ ¹⁾. Карлъ понималъ, что дальнѣйшее дурное обращеніе съ папой можетъ повлечь за собой новую опасность, и что пора, не взирая ни на какую внѣшнюю политику, не только прекратить гоненіе, но и вполне примириться съ папскимъ престоломъ. Въ Германіи отъ него ожидали, правда, другого, но онъ также мало обращалъ на это вниманіе, какъ и на прочія дѣла и требованія нѣмцевъ. Возможно ²⁾, что Карлъ, какъ это думаетъ венеціанецъ Томмазо, хотѣлъ снять съ своей совѣсти укоръ за разграбленіе Рима, и съ этою цѣлью послѣдшилъ принести искупительную жертву. Но какъ бы ни было, вскорѣ послѣдовало обрученіе побочной дочери короля съ утвердившимся во Флоренціи герцогомъ Алессандро Медичи, папскимъ nepотомъ. Такимъ

¹⁾ Lettere de' principi I, 72. Castiglione къ папѣ, Burgos 10 Дек. 1527 г.

²⁾ Tommaso Gar. Relaz. della corte di Roma I, 299.

образомъ упрочено было подчиненіе Флоренці папской гегемоніи.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ событій Карлъ сохранилъ за собой въ существенныхъ чертахъ право оставаться защитникомъ или грозой папства, опираясь на соборъ.

Реформація спасаетъ папство. Но главнѣйшая опасность, а именно возможность секуляризаціи, хотя бы черезъ самихъ папъ и непотовъ, отодвинулась на цѣлыя столѣтія, благодаря нѣмецкой реформаціи. Она одна только была въ состояніи вызвать войну съ папствомъ и обезпечить ей успѣхъ, но она же побудила папство вернуть прежнее свое значеніе символа единой духовной власти, освободиться отъ свѣтскихъ излишествъ и стать во главѣ всѣхъ противниковъ новаго ученія. Въ то время, какъ половина Европы вступаетъ на путь реформаціи, въ Италіи при Климентѣ VII, Павлѣ III и Павлѣ IV возникаетъ новая обновленная іерархія. Она спѣшитъ уничтожить всѣ прежнія внутреннія смуты, избавляется отъ nepотизма¹⁾ съ его стремленіемъ къ захватамъ и насиліямъ и, вступивъ въ союзъ съ католическими государями, движимая однимъ всепоглощающимъ духовнымъ порывомъ стремится вернуть прежнія прерогативы и возстановить свой авторитетъ въ дѣлахъ Церкви. Эта новая іерархія понятна только какъ противовѣсъ отступившимъ отъ нея. Въ этомъ смыслѣ смѣло можно сказать, что папство возстановленіемъ своего нравственнаго значенія обязано всецѣло своимъ смертельнымъ врагамъ. вмѣстѣ съ тѣмъ упрочилось и его политическое значеніе отчасти само собой, отчасти благодаря испанскому вліянію, и въ этомъ отношеніи Римъ становится почти неуязвимымъ. Вслѣдъ за вымираніемъ вассальныхъ домовъ, а именно законной линіи дома Эсте и династіи дела Ровере, герцогства Феррара и Урбино окончательно переходятъ къ папскому престолу. Если бы можно было представить себѣ реформацію совершенно несуществующей, церковное государство, по всей вѣроятности, перешло бы въ свѣтскія руки гораздо раньше, чѣмъ это случилось въ дѣйствительности.

¹⁾ Дому Фарнезе еще удалось достигнуть чего-нибудь, а Караффа должны были погибнуть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Патріотическая Италия. Въ заключеніе посмотримъ какое вліяніе имѣли въ общемъ всѣ эти политическія обстоятельства на самый духъ націи.

Мы видимъ прежде всего, что всеобщая неустойчивость и ненадежность въ политикѣ въ XIV и XV вѣкѣ естественнымъ образомъ вызывали неудовольствіе и протестъ лучшихъ патріотовъ. Такъ, уже Данте и Петрарка ¹⁾ громко требовали объединенія Италіи и увѣщевали другихъ обратить всѣ усилія къ одной этой цѣли. Намъ могутъ, правда, возразить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ патріотизмомъ высоко образованныхъ людей, тогда какъ нація въ общемъ не принимала въ этомъ участія. Но тоже самое можно сказать и о Германіи, и тѣмъ не менѣе она, съ внѣшней стороны по крайней мѣрѣ, уже была „единой“, при чемъ въ лицѣ императора воплощалась верховная власть. Первое литературное возвеличеніе Германіи, если не считать рѣдкихъ стиховъ въ этомъ родѣ у миннезингеровъ, принадлежитъ перу гуманистовъ эпохи Максимилиана I ²⁾ и

¹⁾ Petrarca, Epist. fam. I, 3 изд. Fracassetti (1859) vol. I стр. 40. — Онъ благодаритъ Бога за то, что родился итальянцемъ. Далѣе: *Aprologia contra cujusdam anonimi Galli calumnias*, 1371 г. Opp. изд. Bas. 1581 стр. 1068 sq. Въ общемъ: L. Geiger, Petrarca, стр. 129—145. *Salutati* (письма) часто говоритъ о любви къ родинѣ, имѣя въ виду въ особенности Флоренцію и (II, 85 ff.) упрекаетъ тѣхъ, кто покинулъ городъ во время чумы (тоже II, 125 ff. 224 f. и др.).

²⁾ Я имѣю въ виду въ особенности сочиненія такихъ авторовъ какъ Vimpheling, Bebel. и др. собранныя въ I т. Schardius: *Scriptores rerum Germanicarum* (Basel 1574) и въ 3 т. сборн. т-ж. н. Freher-Struve *Къ этому еще изъ прежн. врем. Felix Faber, Historia Suevorum libri pro* (Goldast, *Scriptores rer. suev. 1605*) и позднѣе Irenicus: *Exegesis Germaniae* (Hagenau 1518).

производитъ впечатлѣніе отголоска итальянскихъ депламаций, или же написано съ цѣлью отразить упреки со стороны итальянцевъ въ незрѣлости. А между тѣмъ фактически нѣмцы гораздо раньше стали „народомъ“ въ такой мѣрѣ, въ какой итальянцы не были со временъ римлянъ. Франція обязана сознаниемъ своего національнаго единства главнымъ образомъ войнамъ съ англичанами; Испанія напрасно употребляла усилія поглотить родственную ей португальскую народность. Но что касается Италіи, главнѣйшимъ препятствіемъ къ ея объединенію былъ самый фактъ существованія въ ней церковнаго государства, со всѣми его послѣдствіями; на устраненіе этого факта представлялось мало надеждъ и въ будущемъ. Если тѣмъ не менѣе въ политическихъ откровеніяхъ XV вѣка по временамъ говорится съ увлеченіемъ о единомъ итальянскомъ государствѣ, то едва ли не въ томъ только случаѣ, когда дѣло касалось взаимной конкуренціи городовъ и представлялся случай уколоть чье-либо самолюбіе ¹⁾.

Первыя десятилѣтія XVI вѣка не были благопріятны для патріотизма, такъ какъ это было время наибольшаго увлеченія классической древностью; стремленіе къ умственнымъ и нравственнымъ наслажденіямъ, жажда жизни, образованія, индивидуальнаго развитія,—все это уничтожало или по меньшей мѣрѣ отодвигало на второй планъ заботу о патріотизмѣ. Национальное самосознаніе проснулось тогда, когда было уже поздно, когда въ Италіи появились испанцы и французы ²⁾, и нѣмецкія войска взяли Римъ. До того существовалъ только мѣстный патріотизмъ, заступавшій мѣсто обще-народнаго, но этого было мало, чтобы спасти Италію отъ внѣшнихъ враговъ.

¹⁾ Одинъ примѣръ изъ многихъ: отвѣтъ венеціанскаго дожа флорентійскому агенту относительно Пизы, 1496 у Malipiero, Ann. Veneti, Arch. stor. VII, 1427.

²⁾ См. прил. XV.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЗВИТИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Глава I

Личность въ итальянскомъ государствѣ

Если не единственная, то во всякомъ случаѣ главнѣйшая причина ранняго развитія индивидуальности среди итальянцевъ лежитъ въ особенностяхъ политическаго строя, тираніи и республики того времени. Такъ или иначе, но отсюда вытекаетъ первородство Италіи въ отношеніи развитія личности въ европейской семьѣ.

Средніе вѣка. Въ средніе вѣка обѣ стороны самознания, по отношенію къ внѣшнему міру и своему внутреннему „я“, какъ бы дремали подъ однимъ общимъ покрываломъ. Послѣднее было соткано изъ безсознательныхъ вѣрованій, наивныхъ воззрѣній и предрасудковъ; весь міръ съ его исторіей представлялся сквозь это покрывало въ своеобразной окраскѣ, и человѣкъ познавалъ себя только по расовымъ особенностямъ или по признакамъ, различавшимъ народъ, партію, корпорацію, семью, — другими словами—понятіе личности связывалось всегда съ какой-нибудь общей формой. Въ Италіи впервые это покрывало отбрасывается прочь, впервые зарождается объективизмъ въ отношеніи къ государству и человѣческимъ дѣламъ вообще, а рядомъ съ этимъ возникаетъ и быстро растетъ также и субъективизмъ, какъ противовѣсъ, и человѣкъ, познавъ самого себя, пріобрѣтаетъ индивидуальность и создаетъ свой внутренній міръ ¹⁾. Такъ нѣкогда греки возвысились надъ варварами и арабы, благодаря ихъ болѣе яркой индивидуальности, — надъ другими азіатскими племенами. Нетрудно

¹⁾ Слѣдуетъ различать *huomo singolare*, посто *unico* для высокой сравнительно и высшей степени индивидуальнаго развитія.

убѣдиться, что политическія обстоятельства оказали здѣсь сильнѣйшее вліяніе.

Въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ развитіе личности въ Италіи уже принимаетъ своеобразный характеръ, далеко не сходный съ тѣмъ, какой мы видимъ на сѣверѣ. Такого рода самобытную протестующую индивидуальность представляютъ герои Ліутпранда въ X вѣкѣ, нѣкоторые современники Григорія VII и, наконецъ, противники первыхъ Гогенштауфеновъ. Въ концѣ XIII столѣтія проявленіе индивидуальнаго характера становится уже распространеннымъ явленіемъ; индивидуальность освобождается отъ тяготѣвшаго надъ ней отлученія, и личность специализируется, если можно такъ выразиться, во всѣхъ направленіяхъ, не стѣняясь никакими условными рамками. Высокая поэзія Данте немислима была въ то время нигдѣ, кромѣ Италіи, такъ какъ во всей Европѣ расовый элементъ преобладалъ надъ всѣми индивидуальными стремленіями и творчествомъ, тогда какъ въ Италіи, напротивъ, авторъ Божественной Комедіи, именно въ силу своей индивидуальности, сталъ глашатаемъ общенародныхъ стремленій и властителемъ думъ своего времени. Но изображеніе челоуѣка и многосторонняя характеристика личности въ искусствѣ и литературѣ эпохи Возрожденія составляютъ предметъ другихъ частей книги, здѣсь же мы обратимъ вниманіе на одну психологическую сторону фактовъ. Индивидуальность смѣло и рѣшительно вступаетъ въ свои права и занимаетъ свое мѣсто въ исторіи. Италія въ XIV вѣкѣ не знаетъ ни ложной скромности, ни лицемѣрія въ какой бы ни было формѣ; никто не опасается быть чѣмъ онъ есть ¹⁾ и не походить на другихъ ²⁾.

¹⁾ Въ эпоху 1390 г. во Флоренціи не было господствующей моды на мужскую одежду, такъ какъ каждый предпочиталъ свою манеру одѣваться. Ср. канцону Franco Saccetti; ср. также Contro alle nuove foggil: Rime publ. dal Poggiali, стр. 52 Ср. далѣе прил. XVI.

²⁾ Въ концѣ 16 в. находимъ слѣд. паралель (Montaigne, Essais L. III. chap. 5. Vol. III, стр. 367 париж. изд. 1816 г.): ils (les italiens) ont plus communement des belles femmes et moins de laides que nous; mais des rares et excellentes beautés j'estime que nous allons à pair. Et (je) en juge autant des esprits: de ceux de la commune façon, ils en ont beaucoup plus et evidement; la brutalité y est sans comparaison plus rare: d'ames singulières et du plus hault estage, nous ne leur en devons rien.

Деспоты. Тирания, какъ мы видѣли, первая обнаруживаетъ крайнюю степень индивидуализаціи въ самихъ тиранахъ и кондотьерахъ ¹⁾, а также въ людяхъ, истощавшихъ все усилія ума и таланта въ разностороннихъ роляхъ и служебныхъ обязанностяхъ, въ качествѣ личныхъ секретарей, исполнителей порученій, поэтовъ и собесѣдниковъ тирановъ. Эти люди вынуждены были использовать все средства своего ума и характера, какъ вражденные, такъ и приобрѣтенныя, ради возможнаго упроченія своего положенія при дворѣ; въ то же время опасеніе политическихъ перемѣнъ и сознаніе превратности счастья побуждало взять у жизни какъ можно больше, хотя бы съ напряженіемъ всехъ силъ.

Простые граждане. Но и простые смертные также обнаруживаютъ подобнаго рода стремленіе къ индивидуальному развитію. Мы оставимъ пока въ сторонѣ протестующій элементъ и обратимся къ гражданамъ, не питавшимъ никакихъ тайныхъ замысловъ и не стремившихся къ переворотамъ. Эти люди жили обычной городской жизнью, примѣняясь къ существующему строю, подобно тому, какъ мы это видимъ въ византійской имперіи и въ мусульманскихъ государствахъ. Безъ сомнѣнія, подъ гнетомъ какихъ-нибудь Висконти, не легко было поддерживать достоинство личное и родовое, и подчиненіе деспотической власти должно было налагать печать на личный характеръ. Но совсѣмъ иначе влиялъ деспотизмъ на людей одаренныхъ отъ природы индивидуальными качествами, такъ какъ различіе направленій и личныхъ стремленій въ общественной средѣ никогда такъ не обнаруживается, какъ во времена политическаго безсилія гражданъ. Индивидуальныя стремленія соперничали главнымъ образомъ въ сферѣ приобрѣтенія богатствъ и знаній; въ то же время муниципальное устройство составляетъ сво-

¹⁾ Также и жены, какъ это можно наблюдать въ семействахъ Сфорца и различныхъ верхнентальянскихъ семьяхъ государей. Ср. въ соч.: Jacobus Phil. Bergomensis: De plurimis claris electisque mulieribus, christianis ad Beatricem etc., Ferrara 1495; Giorgio Battista, Malatesta, Paolo Gonzaga, Bona Lombarda, Riccarda Este и значительнѣйшихъ женщинъ пль домовъ Форца, Beatrix и др.; здѣсь нѣтъ также недостатка въ примѣрахъ влияния высокой гуманистической культуры на индивидуальное развитіе.

бодный элементъ въ жизни гражданъ, и церковь, въ свою очередь, не идентична съ государствомъ, какъ въ Византіи и странѣ ислама, а потому оставляетъ извѣстный просторъ религіознымъ воззрѣніямъ. Все это вмѣстѣ взятое создаетъ атмосферу, пригодную для развитія индивидуальнаго мышленія, и, благодаря отсутствію партійной борьбы, досужая энергія устремляется въ эту сферу. Индифферентный къ политикѣ обыкновенный гражданинъ съ его частью серьезными, частью диллетантскими дѣлами и занятіями въ этихъ именно тираніяхъ XIV вѣка впервые, повидимому, достигаетъ полной законченности въ смыслѣ образованія характера и общаго развитія. Въ литературѣ того времени мы, правда, не видимъ такого рода ярко выраженныхъ типовъ; новеллисты, отъ которыхъ можно было бы ожидать такихъ характеристикъ, рисуютъ по временамъ тотъ или иной характерный типъ, но всегда въ одностороннемъ освѣщеніи и въ той мѣрѣ, насколько этого требуетъ повѣствуемый разсказъ; къ тому же въ этихъ новеллахъ арена дѣйствія помѣщается, по преимуществу, въ республиканскихъ городахъ.

Республика. Въ этихъ послѣднихъ обстоятельства инымъ путемъ способствовали развитію индивидуальности. Здѣсь власть часто переходила изъ рукъ одной партіи къ другой, а потому тѣмъ сильнѣе была потребность проявить всѣ индивидуальныя стремленія въ моментъ господства, въ смыслѣ пользованія властью со всѣми ея преимуществами и послѣдствіями. Вотъ почему государственные люди и народные вожди, какъ мы это видимъ въ особенности во Флоренціи, приобрѣтаютъ такое выдающееся значеніе ¹⁾, какого не достигаетъ почти никто въ исторіи другихъ странъ того времени, за весьма рѣдкими исключеніями, въ родѣ, на примѣръ, уроженца Фландріи въ XIV вѣкѣ, рыцаря Якова фонъ-Артевельда, который занималъ исключительное мѣсто въ своемъ отечествѣ и игралъ роль въ спорахъ сильнѣйшихъ властителей.

¹⁾ Franco Sacchetti въ своемъ *Capitolo* (Rime, publ. dal Poggiali, стр. 56) насчитываетъ около 1890 г. болѣе сотни именъ лицъ занимавшихъ видное мѣсто въ средѣ господствующихъ партій и умершихъ въ его время. Если даже среди этихъ людей встрѣчались и посредственные, все-таки въ общемъ мы видимъ въ этомъ свидѣтельство пробужденія индивидуализма.

Но гдѣ есть борьба партій, тамъ есть и побѣжденные, и эти послѣдніе въ республикѣ находились часто въ томъ же положеніи, въ какомъ были подданные въ тираническомъ государствѣ, съ тою разницею, что тотъ, кто вкусилъ свободу и побывалъ у власти, рѣдко могъ успокоиться и окрыленный надеждою на возвращеніе къ прошлому, тѣмъ настойчивѣе отдавался своимъ индивидуальнымъ стремленіямъ. Къ числу такихъ людей долженъ былъ принадлежать, безъ сомнѣнія, сочинитель руководства къ домашней и семейной жизни, заключавшаго въ себѣ впервые законченную программу личныхъ и общественныхъ отношеній. Въ этомъ произведеніи авторъ, будетъ ли это Аньоло Пандольфини или Баттисто Альберти ¹⁾, старается установить равновѣсіе между обязанностями индивидуума и по существу измѣнчивымъ и неблагоприятнымъ общественнымъ строемъ ²⁾. Трудъ этотъ представляетъ въ своемъ родѣ настоящій памятникъ культуры современной автору эпохи.

Изгнаніе. Наконецъ, изгнаніе изъ отечества должно было также служить немаловажнымъ факторомъ въ образованіи личнаго характера. Начать съ того, что изгнаніе вошло, если можно такъ выразиться, въ обиходъ гражданской жизни; въ городскомъ населеніи различались два класса людей *intrinseci* и *extrinseci*, т. е. временно-живущіе и временно-изгнанные. Но изгнаніе имѣетъ свойство вліять на характеръ, или уничтожая его вовсе, или же, напротивъ, содѣйствуя индивидуальному развитію. Петрарка ³⁾ смотритъ на изгнаніе, какъ на особую честь, такъ какъ оно служитъ доказательствомъ, что пострадавшій не угодилъ своевольному государю или многоголовому тирану, именуемому народомъ.—„Во всѣхъ нашихъ хорошо населенныхъ городахъ—говоритъ Джіованни Понтано ⁴⁾—мы встрѣтимъ множество людей, покинувшихъ добровольно свое отечество,

¹⁾ Trattato del governo della famiglia образуетъ часть соч. La cura della famiglia (Opere volgari di Leon. Batt. Alberti publ. da Anicio Bonucci, Flor. 1844, т. II. Ср. тамъ-же Vol. I, стр. XXX—XL, Vol. II стр. XXXV sq. и Vol. V, стр. 1—227. Относительно Alberti Pandolfini ср. прил. XVII. Эти соч. цит. по изд. Torino, Pomba 1828.

²⁾ Trattato стр. 65 sq.

³⁾ De rem. utr. fort. II, dial. 67 и 124.

⁴⁾ Jov. Pontanus, De fortitudine, L. II cap. 4 de tolerando exilio.

но ихъ добродѣтели послѣдовали за ними“. Спустя семьдесятъ лѣтъ, Кардано съ горечью говоритъ:— „Что же такое отечество, какъ не сообщество маленькихъ тирановъ, сговорившихся между собой и притѣсняющихъ невоинственныхъ, скромныхъ и большею частью неповинныхъ людей“¹⁾. Въ дѣйствительности, кромѣ того, среди этихъ эмигрантовъ находились не только форменные изгнанники, но также тысячи людей, покинувшихъ родину, вслѣдствіе невыносимыхъ политическихъ или экономическихъ причинъ. Такъ флорентійскіе переселенцы и выходцы изъ Лукки образовали цѣлыя колоніи въ Феррарѣ и Венеціи и т. д.

Космополитизмъ. Космополитизмъ, развившійся въ умахъ величайшихъ изгнанниковъ, представляетъ высшую степень индивидуализаціи. Данте, какъ мы уже упоминали выше (см. стр. 89), находитъ новое отечество въ родномъ языкѣ и образованности Италіи, не задумываясь называетъ весь міръ своимъ отечествомъ: „мое отечество — говоритъ онъ — вездѣ, въ цѣломъ мірѣ“²⁾. Когда ему предложили вернуться во Флоренцію, на унижительныхъ для него условіяхъ, онъ отвѣтилъ: „Развѣ я не могу такъ точно вездѣ любоваться солнцемъ и звѣздами и размышлять о высокихъ истинахъ, не жертвуя личнымъ достоинствомъ и не подвергаясь позору? Едва-ли также я буду гдѣ-нибудь испытывать недостатокъ въ хлѣбѣ“³⁾. И художники того времени также придаютъ огромное значеніе своей независимости прежде всего отъ пребыванія въ томъ или другомъ мѣстѣ. „Кто пріобрѣлъ познанія въ искусствахъ,—говоритъ Гиберти,⁴⁾—нигдѣ не будетъ незванымъ пришельцемъ; даже лишенный средствъ и друзей, онъ можетъ стать вездѣ гражданиномъ

¹⁾ Cardanus, De vita propria, cap. 32. Ortensio Landi... въ Paradossi говоритъ въ пользу изгнанія, въ своемъ изложеніи Confutazione возражаетъ противъ.

²⁾ De vulgari eloquio Lib. I cap. 6. — Объ идеальномъ итальянскомъ языкѣ. Cap. 17. Духовное сродство образованныхъ cap. 18.— Также тоска по родинѣ въ знаменитомъ мѣстѣ Purg. VIII, I sq. и Parad. XXV, I sq.

³⁾ Dantis Alligherii Epistolae, ed. K. Witte стр. 65 по мнѣнію Z. это письмо относится не къ упомянутому случаю, ср. Bollestinio della soc. Dant. Ital. N. S. II, 1894 стр. 17.

⁴⁾ Ghiberti, Secondo commentario, cap. XV Vasari, изд. Lemonnier I, стр. XXIX.

и безбоязненно считаться со всѣми превратностями счастья“. Въ томъ же духѣ говоритъ вынужденный покинуть родину гуманистъ: „Гдѣ поселится ученый человѣкъ, тамъ и будетъ его отечество“ ¹⁾.

Такимъ образомъ у итальянцевъ все болѣе и болѣе развивается стремленіе къ высокой творческой дѣятельности, независимой отъ привязанности къ мѣстности, и въ связи съ этимъ изгнаніе теряетъ острый характеръ.

Космополитизмъ, какъ симптомъ эпохи. Впрочемъ, космополитизмъ вообще является признакомъ такой образовательной эпохи, когда человѣчество открываетъ новые міры и прежнія рамки становятся тѣсными. Въ Греціи космополитизмъ завоевываетъ себѣ мѣсто послѣ пелопонесской войны; Платонъ, по опредѣленію Нибура, не былъ добрымъ гражданиномъ, Ксенофонтъ еще того хуже, Діогенъ находилъ высшее наслажденіе въ отсутствіи привязанности къ родинѣ и называлъ себя „бездомнымъ“ въ этомъ смыслѣ (apolis) ²⁾.

¹⁾ Codri Urcei vita,—Opera, впервые Bologna 1502. Граничить съ выраж. Ubi bene, ibi patria.—С. И. назыв. себя не по мѣсту рожденія, но по Форли, гдѣ онъ долго жилъ; ср. Malagola, Codro Urceo, Bologna 1877, сар. V и app. XI.

²⁾ Ср. прил. XVIII.

Глава II

Завершеніе развитія личности¹⁾

При внимательномъ наблюденіи явленій XV вѣка съ культурно-исторической точки зрѣнія можно прослѣдить непрерывное умноженіе числа людей съ высоко развитой индивидуальностью. Трудно сказать, насколько въ этомъ развитіи участвовало сознательное стремленіе къ гармонизаціи внѣшнихъ и внутреннихъ индивидуальныхъ особенностей, но многія личности такъ или иначе обнаруживали такого рода гармонизацію, насколько человѣкъ можетъ вообще этого достигнуть. Если личность Лоренцо Великолѣпнаго, напримеръ, представляетъ еще въ нѣкоторомъ родѣ конгломератъ счастья, таланта и характера, то уже такого рода индивидуальность, какъ Аріосто, безъ сомнѣнія, ярко отражается вся въ его сатирахъ. Здѣсь мы видимъ вполнѣ гармоничное сочетаніе гордости человѣка вообще и поэта въ частности, ироніи по отношенію къ самому себѣ и къ окружающему, и глубокихъ стремленій къ добру.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда стремленіе къ наивысшему образованію личности²⁾ соединилось въ человѣкѣ съ сильной

¹⁾ Ср. для всей главы интересное разсужденіе V. Dilthey, *Aufassung und Analyse des Menschen im 15 u. 16 Jahrh. Arch. f. Gesch. d. Philos.* IV 1891, стр. 604 f.

²⁾ Пробужденіе индивидуальности проявляется также въ превеличенномъ взглядѣ на самостоятельное развитіе, въ утвержденіи, что нравственное или умственное состояніе индивидуума складывается независимо отъ родителей и предковъ, въ отрицаніи наследственности. Воссассіо, *De cas. Vir. ill.* (Paris, s. a. fol. XXIX) в.) указываетъ на то, что Сократъ сынъ необразованныхъ людей, Эврипидъ и Демосфенъ происходятъ отъ неизвѣстныхъ родителей, и восклицаетъ *Quasi animos a gignentibus habeamus!*

и разносторонней натурой, усвоившей себѣ всѣ элементы тогдашней образованности, создавался типъ *l'huomo universale*, „всесторонняго человѣка“ — типъ исключительно принадлежащій Италіи.

Людей съ энциклопедическими знаніями мы встрѣчаемъ въ средніе вѣка въ различныхъ странахъ, и это неудивительно, такъ какъ наука тогда еще не специализировалась; также и въ сферѣ искусствъ художники еще въ XII вѣкѣ славились разносторонностью, такъ какъ архитектурныя проблемы не отличались сложностью, а въ живописи и скульптурѣ сюжетъ преобладалъ надъ формой. Въ эпоху Возрожденія въ Италіи мы видимъ другое, а именно, мы видимъ, какъ единичныя личности создаютъ новое одновременно въ различныхъ областяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ огромное вліяніе на окружающихъ своею индивидуальностью и личными качествами.

Другіе въ то же время разносторонни даже вовсе внѣ сферы своего искусства, въ огромномъ кругу интересовъ занимающихъ и волнующихъ вообще человѣческой умъ и душу.

Данте. Еще при жизни Данте современники называли его одни — поэтомъ, другіе — философомъ третьи — теологомъ¹⁾; въ то же время онъ, говорятъ, прекрасно рисовалъ и былъ знаткомъ въ музыкѣ. Во всѣхъ его произведеніяхъ мы находимъ проявленіе мощной индивидуальности, покоряющей читателя даже помимо содержанія и, наконецъ, лишнее говорить о томъ, какую непоколебимую энергію онъ проявилъ въ самой обработкѣ Божественной Комедіи. Съ точки зрѣнія содержанія, мы видимъ, что нѣтъ почти ни одного значительнаго явленія, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго міра, котораго бы онъ не изслѣдовалъ, причемъ онъ является выразителемъ всей эпохи, даже въ томъ случаѣ, когда только слегка касается предмета. Въ отношеніи образовательныхъ искусствъ того времени онъ компетентный критикъ и въ то же время источникъ вдохновенія и подражанія.

Личность въ XV вѣкѣ. Пятнадцатый вѣкъ по преимуществу богатъ разносторонними людьми. Изъ біографическихъ свѣдѣній о всѣхъ сколько нибудь выдающихся

¹⁾ Boccaccio, Vita di Dante, стр. 16.

людяхъ того времени мы видимъ, что каждый, помимо своей специальности, обнаруживалъ далеко не диллетантскія познания въ различныхъ предметахъ. Флорентійскій купецъ или государственный человѣкъ очень часто знатокъ въ обоихъ древнихъ языкахъ — латинскомъ и греческомъ; знаменитѣйшіе гуманисты читаютъ ему и его сыновьямъ лекціи и проходятъ съ ними „Политику“ или „Этику“ Аристотеля¹⁾; дочери также получаютъ высокое образованіе, на ряду съ тщательнымъ воспитаніемъ, культивируемымъ, по преимуществу, въ этихъ кругахъ. И отъ самихъ гуманистовъ требуютъ большой разносторонности; филологическія познанія цѣнятся въ то время не ради знакомства только съ древнимъ міромъ, но находятъ также ежедневное примѣненіе въ обыденной жизни. Такимъ образомъ филологъ, изучающій Плинія²⁾, въ то же время коллекціонеръ и хранитель музея; отъ изученія географіи древнихъ переходятъ къ современной космографіи; изучая древнихъ авторовъ, гуманистъ становится самъ бытописателемъ и хроникеромъ своего времени и не только на латинскомъ, какъ было принято, но и на итальянскомъ языкѣ, стараясь его, въ свою очередь, обогатить; переводчикъ комедій Плавта *eo ipso* становится режиссеромъ при постановкѣ этихъ комедій. Всѣ сколько нибудь замѣчательныя формы античной литературы вплоть до Лукіановскихъ діалоговъ гуманистъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ пересаживаетъ на итальянскую почву, и параллельно со всѣмъ этимъ онъ же и судья, и личный секретарь государя, и дипломатъ, хотя всѣ эти роли не всегда ведутъ къ его личному благополучію.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи и въ послѣд. ср. въ особенности *Vespasiano Fiorentino*, важнѣйшій источникъ для ознакомленія съ флорентійскою образованностью въ XV в. Ср. стр. 110, прим. 1, Также *Fratrī III*, 51. 75. — Сильная парафраза части упомянутой *Vite* есть *Vita Jannocii Manetti* (род. 1396) авт. *Naldus Naldius* у *Murat. XX*, стр. 529—608.

²⁾ Сказанное здѣсь подтверждается, напримѣръ, характеристикой *Pandolfo Collenuccio*, см. *Perticari* въ соч. *Roscoe, Leone X*, ed. *Bossi*, III стр. 197 sq. и *Opere del Conte Perticari*, *Mil.* 1823, Vol. III. Объ этомъ замѣчательномъ писателѣ *P. C.* ср. *Tautt London* 1868, *Cinelli, Pesaro* 1886. *G. S. Scipioni, Faenza* 1888, *Saviotti, Pisa* 1888, *Morici, Pistoia* 1896. Не смотря на покровительство герцога Мантуанскаго, онъ былъ убитъ Джіов. Сфорцой (*Pesaro*), въ Іюль 1504, Ср. *Giorn. stor. della lett. V.* 21, 233 sq.

Л. Б. Альберти. Еще болѣе удивленія вызываютъ люди поистинѣ заслуживающіе названія не просто разностороннихъ, а „всестороннихъ“. Мы познакоимся съ однимъ изъ такихъ необыкновенныхъ людей, на порогѣ XV вѣка, прежде чѣмъ перейти къ болѣе детальному ознакомленію съ общественными и образовательными интересами того времени.

Леонъ Баттиста Альберти родился въ Генуѣ 19 февр. 1404 года, ум. 1472¹⁾. Его біографія²⁾ — весьма отрывочная, впрочемъ, — мало говоритъ о немъ, какъ о художникѣ, и вовсе не упоминаетъ о его высокой роли въ архитектурѣ, и тѣмъ не менѣе нетрудно убѣдиться, какъ велико его значеніе помимо даже этихъ двухъ его талантовъ.

Съ самаго дѣтства Левъ Альберти оказывается первымъ во всемъ, чѣмъ только можетъ человѣкъ отличаться отъ другихъ. Его успѣхи въ гимнастическихъ и всякаго рода физическихъ упражненіяхъ вызываютъ вообще удивленіе; рассказываютъ, какъ онъ безъ разбѣга перепрыгиваетъ черезъ головы людей, бросаетъ монету въ соборѣ такъ, что она залетаетъ подъ верхній сводъ; какъ онъ укрощаетъ самыхъ дикихъ коней, потому что хочетъ превзойти всѣхъ въ трехъ отношеніяхъ: въ искусствѣ говорить, ходить и ѣздить верхомъ. Онъ обязанъ одному себѣ успѣхами въ музыкѣ и тѣмъ не менѣе знатоки удивляются его произведеніямъ. Онъ сталъ изучать право, думая этимъ путемъ обезпечить себѣ средства къ жизни, но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ за-

¹⁾ Ср. J. Burckhardt, *Geschichte des Renaissance in Italien*, Stuttg. 1868, въ особ. стр. 41 f. и A. Springer, *Abhandlungen zur neueren Kunstgeschichte*, Bonn 1867, стр. 69—102.

²⁾ Muratori XXV, Col. 295 sqq.; итал. перев. *Opere volgari di L. B. Alberti* vol. I, стр. LXXXIX—CIX, ср. прил. XVII. Какъ дополн. къ этому Vasari IV, 52 sq. Оцѣнка Al. со стороны Crist. Landino у Bandini, *Specimen lit Flor.* I, 164. Послѣдній говоритъ въ недавно впервые обнаруженномъ стихотвореніи:

Denique quidquid habet nostri nova temporis aetas
Quis neget? Hoc nobis omne Leonis erit.

Mariano Sozzini представляетъ примѣръ всесторонняго диллетантизма и въ то же время настоящаго мастера въ различныхъ сферахъ, по крайней мѣрѣ, если вѣрить характеристикѣ сдѣланной Энеемъ Сильвиемъ (*Opera*, стр. 622, *Epist.* 112). О немъ какъ о гуманистѣ F. Novati, *Bulletino Senese* II, 1895, стр. 89 ff.

нѣтъ заболѣлъ отъ переутомленія; на 24 году у него стала ослабѣвать память къ словамъ, хотя способность пониманія вообще не уменьшилась, — тогда онъ перешелъ къ изученію физики и математики, но въ то же время не переставалъ пріобрѣтать познанія въ теоріи и практикѣ наукъ и искусствъ, вступая въ бесѣду съ учеными, художниками и ремесленниками и перенимая у нихъ технику искусствъ и ремеслъ, вплоть до сапожнаго мастерства. Между прочимъ, онъ занимался живописью и лѣпкой, при чемъ воспроизводилъ на память копии съ произведеній знаменитыхъ мастеровъ. Высшую степень удивленія современниковъ возбуждалъ придуманный имъ механизмъ — камера-обскура, въ которой зритель могъ видѣть небо и звѣзды, восходъ луны въ горахъ, далекій пейзажъ съ горами, заливомъ, бухтами и входящими въ нихъ кораблями, при солнечномъ свѣтѣ и подъ тучами въ пасмурный день¹⁾. Въ то же время онъ съ радостью привѣтствовалъ всякое чужое изобрѣтеніе и въ творческомъ изображеніи красоты видѣлъ божественное явленіе¹⁾. Въ своей литературной дѣятельности онъ касался прежде всего искусства, и его мысли могутъ служить своего рода вѣхами въ эпоху Возрожденія, на пути развитія формъ, въ особенности въ архитектурѣ. Далѣе онъ писалъ поэтическія произведенія и повѣсти на латинскомъ языкѣ, и нѣкоторыя изъ нихъ считались классическими; ему же принадлежатъ различныя рѣчи, элегіи, экрологи, статьи моральнаго, философскаго и историческаго содержанія, стихотворенія, рѣчи — даже рѣчь на могилѣ его собаки. Насколько онъ былъ разностороненъ, видно, между прочимъ, изъ письма къ нему одного пріятели; послѣдній упоминаетъ трактатъ о ковкѣ мѣди, спрашиваетъ его о литейномъ искусствѣ, убѣждаетъ написать біографію скончавшагося Амброжіо Траверзари и старается удовлетворить его любознательность различными

1) Машину въ этомъ родѣ, а также другой летательный снарядъ строилъ въ 880 г. андалузецъ *Abbul Abbas Kasim Ibn Firnas*. Ср. *Gayangos, the history of the muchammedan dynasties in Spain I*, (London 1840) стр. 148 sq. и 425—427, см. *Hammer, Исторія арабск. литерат. I Введеніе*, стр. LI.

2) *Quicquid ingenio esset hominum cum quadam effectum elegantia, id prope divinum ducebat.*

сообщеніями изъ Франціи. Несмотря на почитаніе латинской рѣчи, Альберти пишетъ и на итальянскомъ языкѣ „Руководство въ домашнемъ быту“ — въ четырехъ книгахъ, — сочиненіе много разъ приписанное Пандольфини, и ободряетъ другихъ писать по-итальянски. Въ качествѣ приверженца греческой образованности, онъ твердо держится мнѣнія, что безъ христіанства весь міръ блуждалъ бы во тьмѣ. Его мысли и остроумныя изреченія заслуживали распространенія и отчасти собраны въ упомянутомъ выше „Руководствѣ“. Всѣмъ, что онъ зналъ и что имѣлъ, онъ дѣлился, какъ всѣ богатая природы, со всякимъ, кто хотѣлъ, не заботясь о собственныхъ интересахъ и отдавалъ всѣ свои изобрѣтенія въ общее пользованіе безъ всякихъ матеріальныхъ выгодъ. У него были друзья въ самыхъ различныхъ общественныхъ кругахъ, въ томъ числѣ такіе, какъ благочестивый монахъ Іеронимъ Алиотти и рядомъ съ нимъ Антоніо Панормитта, авторъ такого нецензурнаго сочиненія какъ „Гермафродитъ 1)“. Наконецъ, главнѣйшій нервъ его душевной жизни — это величайшая отзывчивость ко всѣмъ явленіямъ природы. При видѣ красивыхъ деревьевъ и цвѣтущихъ нивъ онъ готовъ плакать; сѣдыхъ старцевъ онъ зоветъ благоуханіемъ природы и любитъ съ ними; породистыя животныя вызываютъ въ немъ радость, какъ проявленіе щедрой природы; не разъ, когда онъ боленъ, его излѣчиваетъ видъ красивой мѣстности 2). Можно ли удивляться, что люди, видя его тѣсное общеніе съ природой, приписывали ему даръ предвидѣнія и пророчества. Такъ, говорятъ, онъ предсказалъ за многіе годы кровавый конецъ дома Эсте, судьбу Флоренціи и папства; въ то же время онъ славился, какъ физиономистъ, и опредѣлялъ характеръ по чертамъ лица. Естественно, конечно, что вся его индивидуальность была проникнута волевымъ напряженіемъ, и онъ смѣло могъ примѣнить къ себѣ то, что гово-

1) Hier. Aliotti Epistolae I, 33 sq. 44. 67. 406 sqq. Panormita, Hermaphrod. passim.

2) Въ его соч.: De re aedificatoria L. VIII. cap. 1 находимъ опредѣленіе красивой дороги: si modo mare, modo montes, modum lacum fluentem fontesve, modo aridam rupem ad planitiem, modo nemus vallemque exhibebit.

рили другіе гени эпохи Возрожденія: „Человѣкъ можетъ создать все — для этого достаточно хотѣть“.

Леонардо да Винчи — это типъ Альберти въ совершеннѣйшей степени. Къ тому же онъ законченный геній, тогда какъ Альберти — диллетантъ. Къ сожалѣнію, Вазари не даетъ такой же яркой характеристики да Винчи. Всестороннее величіе этого генія останется навсегда предметомъ удивленія; для того, чтобы постигнуть все его величіе, надо отойти на нѣкоторое разстояніе.

Глава III

Извѣтность и слава въ эпоху Возрожденія

Мы видѣли только что прогрессъ личности и торжество индивидуализма въ различныхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, но этимъ успѣхамъ отвѣчало также и новое внѣшнее выраженіе¹⁾. Въ Италіи твердо держатся еще средне-вѣковыя сословныя привилегіи, въ связи съ понятіемъ о сословной гордости и чести. Такъ, слава поэтовъ, трубадуровъ и миннезингеровъ отличаетъ только рыцарское сословіе. Въ Италіи, напротивъ, сословныя различія сглаживаются или подъ гнетомъ тираніи или передъ лицомъ демократіи; въ то же время здѣсь впервые развивается общественность въ широкомъ смыслѣ слова, при чемъ фундаментомъ общаго развитія и образованности служитъ литература самой Италіи и древнихъ. Ревностное изученіе римскихъ авторовъ, въ особенности Цицерона, пользовавшагося наибольшей популярностью, должно было вліять возбуждающимъ образомъ, такъ

¹⁾ Примѣръ одного изъ многихъ авторовъ: Blondus, *Roma triumphans* L. V, стр. 117 sq. Здѣсь собраны примѣры, какъ опредѣляли древніе славу (*gloria*) и приписывается Христу также так. р. стремленіе. Петрарка думалъ, что владѣеть сочиненіемъ Цицерона „о славѣ“, похищеннымъ у него его учителемъ *Convenvolle*. Его умалчиваніе о содержаніи этого соч. и признаніе въ 1345 въ томъ, что у него этого сочиненія нѣтъ, даютъ основаніе предполагать, что такого сочиненія вовсе не было въ числѣ сочиненій Цицерона, одолженныхъ Петраркой учителю. Письмо *Sen. XV, 1* (1374), въ которомъ онъ высказываетъ свое утвержденіе, можетъ служить доказательствомъ богатой фантазіи; срв. *Nolhas, Petr. et l'hum.* стр. 216—113. Упомянутый выше *Alberti* восхваляетъ любовь къ славѣ въ одномъ своемъ юношескомъ посланіи, сочиненномъ, когда ему было 10 лѣтъ. *Opere, vol. I, стр. CXXII—CLXVI.*

какъ эти авторы ставятъ славу выше всего на свѣтѣ, и это вліяніе было тѣмъ сильнѣе, что картины древне-римскаго могущества вызвали надежды на будущее и представленіе о господствѣ Италіи надъ цѣлымъ міромъ. Краснорѣчивыя тирады Цицерона и другихъ вызвали невольное подражаніе и страсть къ увѣнчанію лаврами. Съ этихъ поръ всѣ мысли итальянцевъ настойчиво устремляются къ высокимъ подвигамъ, достойнымъ похвалы современниковъ и вѣчной славы въ потомствѣ.

Данте. И здѣсь, какъ во всѣхъ серьезныхъ вопросахъ, мы должны обратиться прежде всего къ Данте. Онъ всѣми силами души стремился самъ къ достиженію поэтическихъ лавровъ¹⁾; но въ то же время и какъ публицистъ и литераторъ, онъ, по собственному сознанію, занимаетъ первое мѣсто въ Италіи, и требуетъ чтобы другіе также признали значеніе и оригинальность его трудовъ²⁾. Но затѣмъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ онъ указываетъ на непріятныя стороны слишкомъ громкой извѣстности, какъ та, наприимѣръ, что многіе при личномъ знакомствѣ съ знаменитостью испытываютъ неудовлетворенность, что, по его мнѣнію, объясняется отчасти наивностью людей, отчасти завистью и, наконецъ, несовершенствомъ даже знаменитыхъ людей³⁾. Впослѣдствіи, въ своей великой Комедіи онъ уже рѣшительно высказывается о ничтожествѣ славы вообще, но форма выраженій въ этомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ глубинѣ души онъ еще не вполне освободился отъ такого стремленія къ извѣстности и признанію заслугъ. Въ своемъ „Раю“ онъ помѣщаетъ въ сферѣ Меркурія души тѣхъ⁴⁾, кто при жизни стремился къ одной только славѣ, въ ущербъ „лучамъ истинной любви“. Весьма знаменательно также, что въ его „Аду“ души просятъ Данте возстановить

1) Paradiso XXV, начало: Se mai continga etc., стр. 162, прим. 2.—
Boccaccio, Vita di Dante, стр. 49. Vaghiissimo fu e d'onore e di pompa e per avventura più che alla sua inclita virtù non si sarebbe richiesto.

2) De vulgari eloquio L. I, cap. I. Совѣтъ особо de Monarchia L. I, cap. I, гдѣ онъ хочетъ дать представленіе о „монархіи“ не только для того, чтобы принести пользу, но: ut palmam tanti bravii primus in meam gloriam adipiscar.

3) Convito, ed. Venezia 1592, fol. 5 и 6.

4) Paradiso, VI, 112 sq.

на землѣ ихъ добрую славу и память о нихъ ¹⁾, тогда какъ въ „Чистилищѣ“ грѣшники мечтаютъ только о томъ, чтобы за нихъ заступились и помогли имъ спастись ²⁾. Въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ Комедіи стремление къ славѣ ³⁾— lo gran disio dell' eccellenza—отвергается уже потому, что слава сама по себѣ измѣнчива, и, смотря по обстоятельствамъ, теряется во времени или уступаетъ мѣсто въ памяти людей болѣе знаменитымъ преемникамъ ⁴⁾.

Новое поколѣніе поэтовъ-гуманистовъ, слѣдующихъ за Данте, овладѣваетъ поприщемъ славы въ двоякомъ отношеніи: они сами становятся признанными знаменитостями и въ то же время посвящаютъ свой талантъ прославленію другихъ въ поэтической или повѣствовательной формѣ. Одновременно создается новый символъ почитанія — увѣнчаніе поэта лаврами, но объ этомъ еще будетъ рѣчь впереди.

Извѣстность гуманистовъ. Мы видимъ, какъ въ это время почитаніе выдающихся людей приобрѣтаетъ новый, почти религіозный характеръ. Такъ, Альбертино Муссато, современникъ Данте, увѣнчивается лаврами въ Падуѣ, въ качествѣ поэта, епископомъ и ректоромъ, при чемъ ему воздается почти божеская почеть; ежегодно, въ Рождественскій праздникъ, доктора и слушатели обѣихъ университетскихъ коллегій приближаются въ торжественной процессіи къ его дому, съ музыкой и горящими факелами, и приносятъ ему поздравленія и подарки ⁵⁾. Но эти процессіи пре-

1) Напр.: Inferno VI, 89, XIII, 53, XVI, 85, XXI, 127.

2) Purgatorio V, 70, 87, 133. VI, 26, VIII, 71. XI, 31, XIII, 147.

3) Purgatorio XI, 85—117. Кромѣ Gloria здѣсь находятся Grido, fama, гуморе, помпанза, опоге только въ описаніи.—Воссасіо въ письмѣ къ Joh. Pizinga говоритъ о своей поэтической цѣли (Opere volgari, Vol. XVI, стр. 30 sqq.): regretuandi nominis desiderio.

4) Salutati также высказываетъ, что смерть ради славы есть вѣчто языческое, недостойное христіанина (Письма II, 402).

5) Scardeonius, De urb. Patav. antiq. (Graev. Thesaur. VI, III. Col. 260). Въ этомъ изв. слѣдуетъ читать а cereis muneribus, а не certis muneribus, такъ какъ Mussato говоритъ въ своемъ ер. I: Praepositus binae portans hastilia cerae. Ср. Wychgram, Alberto Mussato, Лейпцигъ, 1880 г. A. Zardo, Padua 1884. Minoja. Rom 1884. F. Novati въ Giorn. Stor. della lett. it. m. VI, VII. Остальная литература собрана у Cloetta, Beitr. z. Litg. d. M.-A. Ren. II (Halle 1892).

кратились въ 1318 г., когда наступили, повидимому, плохія времена для Муссато и всей Падуи ¹⁾.

Петрарка. Петрарка пользуется въ высшей мѣрѣ этимъ новымъ фиміамомъ, до тѣхъ поръ воскуриваемымъ только героямъ и святымъ; въ позднѣйшіе годы жизни онъ, однако, старается увѣрить самъ себя, что слава—дымъ, а извѣстность—обременительный спутникъ въ жизни. Въ своемъ посланіи „Къ потомству“ ²⁾ этотъ высокопрославленный современниками человекъ, предполагая, что его могутъ обвинить въ тщеславіи, признается, что хотѣлъ бы заслужить славу въ потомствѣ, но, что поклоненіе современниковъ его смущаетъ ³⁾. Въ своихъ діалогахъ „о счастья и несчастья“ ⁴⁾, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о славѣ, Петрарка вкладываетъ болѣе выразительную рѣчь въ уста опровергающаго преимущества славы и увѣнчанья лаврами. Кто рѣшится строго осуждать его за удовольствіе, испытываемое имъ при извѣстии, что византійскій императоръ ⁵⁾ также основательно знакомъ съ его сочиненіями, какъ и Карлъ IV ⁶⁾. Въ самомъ дѣлѣ, его

¹⁾ Такъ по Cloetta, Beitr. II, 18, 1.

²⁾ Franc. Petrarca posteritati или ad posteros, въ изданіяхъ соч. въ началѣ или въ видѣ особ. писем. Lib. XVIII *Err. seniles*; наконецъ у Fracassetti, Petr. epistola familiares I (1859) стр. 1—11. Многие изъ новѣйшихъ порицателей тщеславія Петра едва ли сохранили бы на его мѣстѣ столько доброты и искренности.

³⁾ Opera ed 1581 стр. 171: De celebritate nominis importuna восхваленіе толпы было ему неприятно: *Err. fam. vol. I*, стр. 337—340 и др. Какъ у Петрарки, такъ у многихъ гуманистовъ старой генерациі встрѣчается борьба между стремленіемъ къ громкой извѣстности и требованіемъ христіанскаго смиренія, предписывающаго оставаться скромнымъ и неизвѣстнымъ.

⁴⁾ De gemediis utriusque fortune. Совершенно особое мѣсто занимаетъ знаменитый діалогъ Петрарки *Secretum* или *de contemptu mundi* или *de conflictu caragum suarum*, въ которомъ одинъ изъ собесѣдниковъ Августинъ говоритъ о стремленіи къ славѣ какъ пороку заслуживающему проклятій.

⁵⁾ *Err. fam. lib. XVIII* (ed. Fracass.) 2. Мѣриломъ для оцѣнки славы Петрарки можетъ служить слѣдующее: Blondus сто лѣтъ спустя утверждаетъ, что никто даже среди ученыхъ ничего не зналъ бы о королѣ Робертѣ Добромъ, если бы Петрарка не упоминалъ о немъ часто въ сочувственныхъ выраженіяхъ (*Italia illustrata*, стр. 416).

⁶⁾ Заслуживаетъ вниманія фактъ, что и Карлъ IV также, быть можетъ подъ вліяніемъ Петрарки, въ письмѣ къ историку Marignola, говоритъ о славѣ, какъ о цѣли человѣческихъ стремленій. Н. Fried-

громкая слава еще при жизни распространяется далеко за предѣлами Италіи. По справедливости, конечно, онъ могъ быть тронутъ, когда въ 1370 г., во время посѣщенія Арещо, гдѣ онъ родился, друзья повели его къ дому, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ, и показали ему, какъ городъ заботится о томъ, чтобы все въ этомъ домѣ сохранялось въ неизмѣнномъ видѣ ¹⁾.

Почитаніе знаменитыхъ мѣсторожденій. Въ предшествующія этому вѣку времена люди сохраняли въ неприкосновенности только жилища популярнѣйшихъ святыхъ, какъ, напримѣръ, келью св. Ѡмы Аквинскаго въ доминиканскомъ монастырѣ въ Неаполѣ или часовню св. Франциска Ассизскаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ исключительнымъ полумистическимъ обаяніемъ пользовалось имя какого-нибудь ученаго юриста,— такъ, еще въ концѣ XIV вѣка, указывали на старое зданіе вблизи Флоренціи, какъ на студию Аккурзіуса (род. въ 1150 г.), но вскорѣ и оно было предано забвенію ²⁾. По всей вѣроятности, такое почтеніе къ ученымъ юристамъ объясняется ихъ огромными доходами и политическимъ значеніемъ, какъ совѣтниковъ государей и составителей рѣшеній.

Гробницы. На ряду съ культомъ мѣсторожденій находится также и почитаніе гробницъ знаменитыхъ людей ³⁾. Послѣ смерти Петрарки не только гробница его становится святыней, но еще особымъ почитаніемъ пользуется и мѣстность, гдѣ онъ жилъ и умеръ. Въ память его Арква становится любимымъ мѣстомъ отдохновенія падуанцевъ и украшается прелестными виллами ⁴⁾. Все это мы видимъ здѣсь

rich jung. Kaiser Karl IV und sein Antheil am geistigen Leben jener Zeit. Wien 1876 стр. 221.

1) Epist. seniles XIII, 3, къ Giovanni Aretino 9 сент. 1370.

2) Filip. Vilani, Vite, стр. 19.

3) То и другое въ стихотвореніи Boccacio на смерть Gherardo de Prato, привд. Z.; ср. Crescini in Contributo agli studi sul Bocc. Turin 1887, стр. 22 fg.: Nacqui in Firenze al Pozzo Toscanelli; Di fuor sepolto a Certaldo giaccio, etc.—Ср. Opere volgari di Bocc. vol. XVI, стр. 44.

4) Mich. Savanarola, De laudibus Patavii, у Murat. XXIV, Col. 1157. Арква оставалась съ тѣхъ поръ постоянно мѣстомъ особаго почитанія (срв. Ettore Conte Macolo, I codici di Arqua, Padua, 1874) и въ ней особенно торжественно праздновалось пятисотлѣтіе смерти Петрарки. Въ 1875 г. послѣдній владѣлецъ дома, въ которомъ жилъ Петрарка,

въ то время, когда на сѣверѣ еще и въ поминѣ нѣтъ подобныхъ „классическихъ мѣстъ“, и паломничество совершается только съ цѣлью поклониться какимъ-нибудь святымъ мѣстамъ или реликвіямъ. Въ Италіи въ это время города считаютъ величайшею честью обладать прахомъ кого-либо изъ знаменитыхъ людей, даже родившагося въ другомъ городѣ, и насъ невольно поражаетъ стремленіе флорентійцевъ, напримѣръ, еще въ XIV вѣкѣ, задолго до сооруженія Санто-Крочче—обратить соборъ въ пантеонъ великихъ людей. Здѣсь они хотѣли помѣстить великолѣпныя гробницы Аккорзо, Данте, Петрарки, Боккаччіо и юриста Цаноби-делла Страда ¹⁾. Позже, въ XV вѣкѣ, Лоренцо Великолѣпный обращался къ сполетинцамъ съ личной просьбой уступить Флорентійскому собору останки художника Фра-Филиппо-Липпи, но получилъ отвѣтъ, что они, жители Сполето, не богаты излишними украшениями въ своемъ городѣ, въ особенности такими, какъ прахъ знаменитыхъ людей, а потому не могутъ уступить его никому. Такимъ образомъ Флоренція въ этомъ случаѣ должна была удовольствоваться однимъ надгробнымъ памятникомъ ²⁾ (кенотафіумъ — пустой саркофагъ). И Данте, несмотря на всѣ старанія флорентійцевъ, подстрекаемыхъ упреками Боккаччіо ³⁾, и Лоренцо ⁴⁾—также остался лежать въ Равеннѣ, въ оградѣ С.-Франческо, — „между древними гробницами императоровъ и могилами святыхъ, въ обстановкѣ болѣе отвѣчающей чести, чѣмъ ты, его родина, могла бы ему предложить“. И въ то время возможенъ былъ уже такой фактъ, что человекъ, взявшій факелы съ алтаря и перенесшій ихъ на гробницу одного изъ знаменитыхъ людей, со словами:

кардиналь Сильвестри подарилъ его городу и въ то же время была сдѣлана соответствующая надпись. Срв. прилож. XIX.

¹⁾ Мотивированное рѣшеніе города 1369 г. у Gaye, Carteggio I, стр. 123 (3 года передъ тѣмъ предполагалось поставить памятникъ кондотьеру Гаквуду.—Z.).

²⁾ Reumont, Lorenzo Medici II, 80.

³⁾ Boccaccio; Vita di Dante, стр. 39.

⁴⁾ Isidoro del Lungo сообщаетъ въ Arch. stor. ital. serie 3, XIX (1874) стр. 1—8 письмо Antonio Manetti отъ 13 Апр. 1476 г. къ Лоренцо Медичи, изъ котораго слѣдуетъ, что планъ перенесенія костей Данте во Флоренцію возникъ по желанію Лоренцо и при особомъ участіи Bernardo Benuto.

„Ты болѣе достоинъ ихъ, чѣмъ распятый на крестѣ“—остался безнаказаннымъ ¹⁾).

Знаменитые мужи древности. На ряду съ почитаніемъ живыхъ итальянскіе города въ это время начинаютъ вспоминать своихъ гражданъ, жившихъ въ древности. Неаполь, повидимому, никогда не забывалъ могилу Вергилія уже потому, что съ нею было связано полу-мифическое преданіе, а затѣмъ Боккачіо и Петрарка съ новой силой возстановили эту память, во время своихъ посѣщеній и пребыванія въ городѣ. Въ Падуѣ даже въ XVI вѣкѣ еще оставалась увѣренность, что въ ней находятся кости не только троянскаго основателя города Антенора, но и Тита Ливія ²⁾. „Сульмона—говоритъ Боккачіо ³⁾—жалуется, что Овидій похороненъ въ изгнаніи въ чужой землѣ, а Парма радуется, что въ ея стѣнахъ покоится Кассій“.—Мантуанцы въ 1257 г. уже изображали на монетѣ бюстъ Вергилія и воздвигли ему статую; Карло Малатеста, опекунъ малолѣтняго Гонзаго, руководимый высокопѣріемъ ⁴⁾ и тщеславными побужденіями, приказалъ ее снять, но слава древняго поэта оказалась сильнѣе произвола, и онъ вынужденъ былъ ее снова воздвигнуть ⁵⁾. По всей вѣроятности, тогда уже показывали въ двухъ миляхъ отъ Неаполя гротъ, гдѣ размышлялъ однажды Вергилій ⁶⁾, такъ же, какъ вблизи Неаполя чтили его „школу“ ⁷⁾. Городъ Комо считалъ себя мѣсторожденіемъ обоихъ Плиніевъ и, несмотря на споръ съ Вероной, утверждавшей, что Плиній старшій принадлежитъ

1) Franco Sacchetti, Nov. 121.

2) Кости перваго въ извѣстномъ саркофагѣ въ ц. Сан-Лоренцо, втораго въ Palazzo della ragione надъ дверью. Подробности о томъ, какъ тѣ и другія были найдены въ 1413 см. Misson, Voyage en Italie, Vol. I и Mich. Savonarola (см. н. стр. 179 прим. 2). Col. 1157. Ср. въ особенности сообщеніе Sicco Polentone своему сыну Polidoro, изъ флорентійской рукописи, напечатанной у Hortis „Cenni“ di Giov. Boss. intorno a Tito Livio, Trieste 1877, стр. 91 sq., ср. стр. 35, въ новѣйшее время см. Legarizzi, Sicco Polentone, Bergamo 1899 стр. XXX ff.

3) Ср. прил. XX.

4) Nobilitatis fastu и еще obtentu religionis говоритъ Пій II (Comment. X, стр. 473). Новый родъ славы могъ казаться неудобнымъ многимъ привыкшимъ къ иному.

5) Ср. прил. XXI.

6) Ср. Keyssler's neueste Reisen, стр. 101б.

7) Ср. прилож. XXII.

ей ¹⁾, — воздвигъ имъ въ концѣ XV вѣка памятникъ передъ фасадомъ собора, въ видѣ двухъ статуй, сидящихъ подъ балдахиномъ.

Въ историческихъ хроникахъ, а также впервые тогда появившихся топографическихъ сочиненіяхъ, авторы не упускаютъ случая сказать все, что могутъ, о выдающихся людяхъ вообще, тогда какъ сѣверныя хроники того времени, распространяясь въ подробностяхъ о папахъ, императорахъ, землетрясеніяхъ, кометахъ и т. п., только иногда, между прочимъ, замѣчаютъ, что въ это время жилъ такой-то человекъ, прославившійся чѣмъ-нибудь. Мы еще вернемся къ тому, какъ, благодаря высокому уваженію къ славной дѣятельности, развилась превосходная біографическая литература, здѣсь же мы ограничимся указаніемъ на мѣстный патріотизмъ ученыхъ того времени, не упускавшихъ случая доказать права своего родного города на какую-нибудь древнюю знаменитость. Въ средніе вѣка города гордились по преимуществу своими святыми, ихъ тѣлами и различными реликвіями въ церквахъ ²⁾. Этимъ и начинается свое описаніе въ 1440 г. Микель Савонарола ³⁾, панегиристъ города Падуи. Но затѣмъ онъ переходитъ къ тѣмъ знаменитымъ людямъ, которые, по его словамъ: „хотя и не были святыми, но заслуживаютъ быть причисленными къ нимъ (adnecti)“; подобно тому какъ въ древности знаменитые люди часто причислялись къ „героямъ“ ⁴⁾ или полу-мифи-

¹⁾ Matthäus Rufus разсматриваетъ этотъ вопросъ въ полемической брошюрѣ, изданной Al. de Benedictis (Brescia 1495); на основаніи этого изслѣдованія издатели Aug. и Jac. Britannicus въ новомъ изданіи Естественной Исторіи (Brescia 1496) измѣнили принятое прежде наименованіе Plinius Novocomensis въ Pl. Veronensis. Ср. Giuliani стр. 208 и 213.

²⁾ Это обнаруживается существеннымъ образомъ еще въ замѣчательной брошюрѣ: De laudibus Pataviae (у Murat. X), принадлежащей XIV вѣку; много мѣстной гордости, но не слова въ настоящемъ смыслѣ.

³⁾ De laudibus Patavii, у Murat. XXIV, Col. 1138 sqq. По его мнѣнію только три города могутъ равняться съ Падуей: Флоренція, Венеція и Римъ.

⁴⁾ Nam et veteres nostri tales aut divos aut aeterna memoria dignos non immerito praedicabant, quum virtus summa sanctitatis sit consocia et pari emanatur pretio. Очень характерно (см. прилж. XXIII также при- бавленіе: Nos itaque meo facili iudicio aeternos facio.

ческимъ существамъ. Дальнѣйшее его перечисленіе въ высшей степени знаменательно для того времени.

Историческое преданіе. Такъ, онъ прежде всего упоминаетъ Антенора, брата Пріама, вмѣстѣ съ группой бѣжавшихъ троянцевъ, основавшихъ Падую; далѣе слѣдуютъ: король Дарданусъ, побѣдившій Аттилу въ Евганезскихъ горахъ, преслѣдовавшій его и убившій, наконецъ, въ Римини шахматной доской; императоръ Генрихъ IV, построившій соборъ; какой-то король Маркъ, котораго голова хранится въ Монселице (Monte Silicis arce); далѣе нѣсколько кардиналовъ и прелатовъ — основателей приходоу, коллегій и церквей; знаменитый теологъ, августинскій монахъ Фра Альберто; рядъ философовъ, начиная съ Паоло Венето и знаменитаго Пьетро изъ Абано, Ливій и поэты: Петрарка, Муссато и Ловато. Находя въ этомъ спискѣ, недостаточнымъ число военныхъ героевъ, авторъ утѣшается тѣмъ, что пробѣлъ заполняется съ успѣхомъ учеными, и замѣчаетъ при этомъ, что военная слава не отличается долговѣчностью, тогда какъ пріобрѣтенія въ сферѣ ума и таланта прочнѣе, и самые подвиги прославившихся въ битвахъ живутъ въ потомствѣ, благодаря тѣмъ же ученымъ и поэтамъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе Падуя можетъ гордиться тѣмъ, что знаменитые вожди избирали ее мѣстомъ успокоенія, хотя не были ея уроженцами, таковы Пьетро де Росси изъ Пармы, Филиппо Арчелли изъ Піаченцы, и въ особенности Гаттамелата изъ Нарни (1443) ²⁾, мѣдная статуя котораго „напоминаетъ триумфъ Цезаря“ ³⁾. Далѣе авторъ перечисляетъ многихъ юристовъ и медиковъ, между ними друзей Петрарки—Джіованни и Джакопо Донди дель-Ороложіо ⁴⁾, знатныхъ людей, „посвященныхъ въ рыцари не такъ, какъ многіе другіе,

¹⁾ Подобныя же мысли встрѣчаемъ у многихъ современныхъ писателей. Codrus Urceus Sermo XIII (Opp. 1506 fol. XXXVIII v.) соч. Galeazzo Bentivoglio, который былъ ученымъ и воинномъ: cognoscens artem militarem esse quidem excellentem, sed literas multo certe excellentiores.

²⁾ Слѣдующее за этимъ, какъ замѣчаетъ издатель, Murat. XXIV (Col. 1059 прим.) не примѣнимо къ Mich. Savonarola.

³⁾ Возможно, что имя его дочери Polisena отвѣчало рифмѣ, Pitrè, Giocchi fanciulleschi, XXVI.

⁴⁾ Такъ назывались они потому, что имъ принадлежитъ изобрѣтеніе знаменитыхъ orologi.

но по заслугамъ“, наконецъ, знаменитыхъ механиковъ, живописцевъ и скульпторовъ. Въ заключеніе онъ упоминаетъ знаменитѣйшаго въ своемъ родѣ фехтовальщика Михаила Россо и говоритъ, что его изображеніе можно видѣть во многихъ мѣстахъ ¹⁾).

Пантеонъ. Рядомъ съ такими галереями мѣстныхъ знаменитостей, изукрашенныхъ при помощи мифовъ, легендъ, литературныхъ преданій и популярныхъ анекдотовъ, поэты-гуманисты, въ свою очередь, создаютъ пантеонъ всемирныхъ знаменитостей; они пишутъ и составляютъ сборники свѣдѣній о знаменитыхъ мужахъ и женщинахъ, при чемъ подспорьемъ въ значительной мѣрѣ служатъ Корнелій Непотъ, Светонъ (мнимый), Валерій-Максимъ, Плутархъ (*Mulierum virtutes*), Иеронимъ (*de viris illustribus*) и т. д. Или же они сочиняютъ воображаемые триумфальные походы и фантастическія собранія на Олимпѣ, какъ Петрарка въ своемъ *Trionfo della fama*, Боккаччо въ *Amorosa visione*, съ сотнями именъ заимствованныхъ на три четверти изъ древности, а въ остальномъ принадлежащихъ среднимъ вѣкамъ ²⁾. Съ теченіемъ времени этотъ, сравнительно новый, средневѣковый элементъ повторяется все чаще и съ большей выразительностью; въ историческихъ описаніяхъ появляются характеристики общественныхъ и политическихъ дѣятелей, и такимъ образомъ возникаютъ сборники, заключающіе въ себѣ болѣе или менѣе цѣльныя біографіи знаменитыхъ современниковъ, въ родѣ упомянутыхъ уже трудовъ Филиппо Виллани, Веспасіана Фіорентини, женскія біографіи Филиппо Бергамскаго (стр. 159 пр. 1), сборники Бартоломео Фаччіо и Паоло Кортезе ³⁾, и, наконецъ, Паоло Джіовіо.

Насколько велика была въ то время извѣстность многихъ гуманистовъ, можно судить по тому, что появлялись

¹⁾ Города выказывали свою признательность за такую извѣстность; Флоренція подарила Lion. Vagni право гражданства въ 1416 г. и распространила эти права на всѣхъ его потомковъ. 6 февр. 1439. *Arch. stor. ital. Ser. IV, Vol. 15, 416 sqq.* При этомъ случаѣ упоминается нѣкій Lion. Aretino, который въ 1414 г. учился въ Падуѣ и смѣшивается иногда съ нашимъ Aretino. Ср. R. Sabbadini, *Rivista Etnea Z. I.* Третій въ Неаполѣ 1418, четвертый (?) са 1450 приоръ S. Martino degli Angeli: Ср. F. P. Luiso, *Giorn. stor. XXXII, 148 ff.*

²⁾ Ср. прилож. XXIII.

³⁾ Ср. прилож. XXIV.

самозванцы, извлекавшіе выгоду изъ присвоенія себѣ имени того или другого ученаго. Такъ, въ Веронѣ появился однажды человѣкъ, обращающій на себя вниманіе шутовскими манерами и одеждой, выдававшій себя за Панормиту. Когда его привели къ бургомистру, онъ сталъ цитировать латинскую прозу и стихи изъ „своихъ“ сочиненій, и на вопросъ, какъ его зовутъ, назвалъ себя Панормитой; онъ такъ искусно подражалъ тому во всемъ, что всѣ ему долго вѣрили и, принимая въ самомъ дѣлѣ за Панормиту, всѣчески чествовали его, пока люди, знавшіе послѣдняго въ лицо, не разоблачили обмана ¹⁾).

Въ то время достаточно было въ самомъ дѣлѣ извѣстной степени самолюбія, чтобы считать себя заслужившимъ извѣстность, и нѣкоторой смѣлости, чтобы заставить другихъ съ этимъ согласиться. Лишь немногіе возвышались по праву и по заслугамъ надъ множествомъ людей стремившихся къ извѣстности и умѣвшихъ говорить громко о славѣ. Кодро Урчео на вопросъ, что онъ думаетъ о томъ или другомъ человѣкѣ чѣмъ-нибудь прославившемся, обыкновенно отвѣчалъ: *Sibi scire videtur* ²⁾). Знаменитый юристъ, Антоній Бутріенскій, говорятъ, не рѣшался никому присудить ученую степень, такъ какъ не довѣрялъ серьезности слушателей и сомнѣвался въ томъ, что претендующій на ученое званіе будетъ носить его съ надлежащимъ достоинствомъ ³⁾).

Слава на Сѣверѣ. На Сѣверѣ впервые отразилось вліяніе Италіи на Тритеміусъ, первомъ нѣмецкомъ ученомъ, начавшемъ писать о великихъ людяхъ; до него мы встречаемъ въ литературѣ только легенды о святыхъ и рассказы о государяхъ и церковныхъ дѣятеляхъ, при чемъ рассказы, въ свою очередь, мало отличаются отъ легендъ и ничего не говорятъ о личномъ стремленіи къ славѣ или популярности.

¹⁾ Ср. Rosmini, *Vita di Guarino II*, стр. 44 и сл., 171 и сл. Ср. теперь *Giorn. ligust.* 28, 279.

²⁾ *Vita* въ концѣ *Opera* 1506, fol. LXX.

³⁾ Ср. Barth Facius, *de vir. ill.*, р. 31. Жажда славы проявляется не только у ученыхъ и поэтовъ, но также и у техникувъ. Флорентинцы, рекомендуя въ 1457 г. рагузанцамъ оружейнаго мастера, прибиваютъ, что онъ въ своей дѣятельности менѣе стремится къ *lucrum*, нежели *gloriam adipisa*. Macuscev I, 444.

Популярность на сѣверѣ обусловливается непременно принадлежностью къ извѣстному сословію, и мы узнаемъ имена популярныхъ поэтовъ только тогда, если они являются въ тоже время ремесленниками или цеховыми мастерами.

Въ Италіи, какъ мы видѣли, напротивъ, гуманистъ или поэтъ-филологъ питаетъ твердое убѣжденіе, что въ его власти награждать заслуги славой и даже безсмертіемъ или, напротивъ, оставить въ неизвѣстности ¹⁾. Это сознаніе выразилось въ слѣдующихъ строкахъ одного изъ такихъ поэтовъ ²⁾:

Si licet Aeneas dux, sit rex alter Achilles
Si caret historico vato, peribit uter ³⁾.

Уже Петрарка, не смотря на всю идеализацію любви къ Лаурѣ, высказываетъ увѣренность, что его пѣсни создадутъ безсмертіе не только ему, но и ей ⁴⁾. Боккачіо упрекаетъ любимую имъ женщину въ стараніи продлить его мученія съ цѣлью, чтобы онъ продолжалъ воспѣвать ее, и грозитъ ей перейти отъ похвалъ къ изображенію ея въ невыгодномъ свѣтѣ ⁵⁾. Саннацаро въ двухъ превосходныхъ сонетахъ грозитъ Карлу VIII вѣчнымъ безславіемъ за его бѣгство передъ Альфонсомъ Неаполитанскимъ ⁶⁾. Анжело Полициано убѣждаетъ короля Іоанна Португальскаго (въ 1491) ⁷⁾, въ виду открытій въ Африкѣ, во время подумать о славѣ въ потомствѣ и прислать ему во Флоренцію матеріалъ для „стилистической“ обработки (*operosius excolenda*); онъ напоминаетъ ему о многихъ громкихъ дѣлахъ, затерявшихся во мракѣ вѣковъ или „погребенныхъ въ сорной

¹⁾ Уже латинскій пѣвецъ XII столѣтія—странствующій схоляръ, выпрашивающій себѣ одежду взамѣнъ пѣсень, высказываетъ такую угрозу. См. *Carmina Burana*, p. 76.

²⁾ Ant. Panormitanus *Hermaphrod.* ed. Forberg (Coburg 1824) p. 185. Лат. текстъ съ франц. переводомъ и съ избранными примѣчаніями Р., Парижъ 1892. Что писатели кладутъ основы репутаціи и славы людей, объясняетъ *Vesp. Fior.* ed. Frati II, 206, въ замѣчательномъ разсужденіи.

³⁾ *Vesp. Fior.* говоритъ (ed. Frati III, 255): *Per questo siate voi as sai obbligati agli scrittori, cosi agli antichi come ai moderni, perche se non fussino loro gli uomini sarebbero in grandissima oscurita.*

⁴⁾ Сонетъ CLI: *Lasso ch'i ardo.*

⁵⁾ *Boccaccio, Opere volgari, Vol. XVI, въ 13 сонетѣ: Pallido, vinto etc.*

⁶⁾ Между проч. у *Roscoe, Leone X, ed. Bossi IV, p. 203.*

⁷⁾ *Angeli Politiani cp. Lib. X.*

кучѣ“, только оттого, что они не были обработаны учеными и писателями вообще. Король — или его канцлеръ, отличающійся гуманистическимъ образомъ мыслей — согласился съ этимъ и обѣщалъ переслать во Флоренцію извѣстія объ африканскихъ дѣлахъ въ итальянскомъ переводѣ, для перевода и обработки на латинскомъ языкѣ, хотя неизвѣстно, исполнилъ ли онъ это обѣщаніе. Какъ ни напыщенны кажутся на первый взглядъ эти претензіи, нельзя сказать, чтобы онѣ вовсе лишены были значенія. Даже важнѣйшія событія того времени оказывали разное вліяніе на современниковъ и на слѣдующія поколѣнія, смотря по тому, въ какой формѣ они передавались. Произведенія гуманистовъ на латинскомъ языкѣ долгое время владѣли западными умами, и творенія итальянскихъ поэтовъ того времени до прошлаго столѣтія широко распространялись и читались охотнѣе всѣхъ другихъ. Америка получила свое названіе въ честь флорентійскаго путешественника Америго Веспуччи, послѣ того какъ его описаніе этой земли явилось въ латинской переработкѣ, при чемъ самое крещеніе предложено было нѣмцемъ — Мартиномъ Вальдземюлеромъ (Nucacomylus) ¹⁾. Паоло Джіовіо, несмотря на всю его поверхностность и свѣтское легкомысліе, предрекалъ свое безсмертіе ²⁾, и не совсѣмъ ошибся въ этомъ.

Но среди такого рода литературныхъ триумфовъ и прославленія настоящихъ заслугъ мы видимъ по временамъ какъ бы отдернутую завѣсу, и передъ нами витають честолюбіе и жажда громкой извѣстности, независимо отъ цѣли и послѣдствій.

Демоническое честолюбіе. Такъ, Макиавелли въ предисловіи къ своимъ флорентійскимъ лѣтописямъ порицаетъ

¹⁾ Quatuor navigationes etc. Deodatum (St Dié) 1507.

²⁾ Paul. Jov. de romanis piscibus, Praefatio (1525): Первое десятилѣтіе его анная, по его заявленію, скоро выйдеть въ свѣтъ non sine aliqua spe immortalitatis. Интереснѣйшій примѣръ этого тщеславія являетъ собой циркульникъ Andrea Bernardi (Novacula 1450 до 1522), который уже въ 1505, работая надъ своей хроникой, претендуетъ на безсмертіе и, наконецъ, называетъ себя „eximius totius urbis scriptor“. Онъ добился большихъ почестей, напр. отъ Чезаре Борджіа, и похвалъ со стороны поэтовъ и составилъ пространныя указанія, какъ слѣдуетъ поступать при печатаніи его сочиненія. Онъ даже былъ увѣнчанъ лаврами.

своихъ предшественниковъ (Ліонардо Аретино и Поджіо) за ихъ намѣренное умалчиваніе о городскихъ партіяхъ. „Они — говоритъ онъ — доказали этимъ, что имъ не понятенъ смыслъ человѣческаго честолюбія и стремленія многихъ передать потомству свое имя. Въ дѣйствительности же многие, не имѣя возможности отличиться чѣмъ-нибудь похвальнымъ, стремятся къ той же цѣли постыднымъ путемъ. Такимъ образомъ они въ своихъ описаніяхъ упустили изъ виду, что громкія дѣла государей и республикъ, какого бы рода они не были и какой бы ни былъ ихъ исходъ, вызываютъ скорѣе удивленіе, чѣмъ порицаніе“ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ не разъ, когда рѣчь идетъ о громкомъ и ужасномъ предпріятіи, историкъ того времени находитъ побудительную причину въ пылкомъ стремленіи къ совершенію громкихъ и памятныхъ дѣлъ. Въ подобныхъ случаяхъ обнаруживается не какое-нибудь низменное тщеславіе, но нѣчто, по истинѣ, демоническое, овладѣвающее всецѣло личностью и побуждающее дѣйствовать, не останавливаясь передъ средствами и не задумываясь о послѣдствіяхъ. Такъ именно смотритъ самъ Макиавелли на Стефано Поркаро ²⁾ (гл. X); тоже вытекаетъ изъ документовъ, относящихся къ убійцамъ Галеаццо Маріа Сфорца (см. гл. IV); убійство герцога Александра, во Флоренціи, въ 1537 г., даже Вархи (въ V кн.) приписываетъ стремленію Лоренцино Медичи къ славі (см. гл. VI). Паоло Джовіо ³⁾ подчеркиваетъ этотъ мотивъ еще выразительнѣе: „Лоренцино, пригвожденный къ позорному столбу поэтомъ Ф. Л. Молца за изуродованіе античныхъ статуй въ Римѣ, задумываетъ такое дѣло, которое бы заставило забыть этотъ позорный поступокъ и убиваетъ государя, своего же родственника“. Мы видимъ здѣсь яркое выраженіе напряженныхъ силъ и страстей того времени, совершенно такъ же, какъ нѣкогда сожженіе храма въ Эфесѣ, въ эпоху Филиппа Македонскаго.

¹⁾ Ср. Discorsi I, 27. Tristizia, преступленіе, можетъ имѣть grandezza и быть in alcuna parte generosa; grandezza можетъ смѣть со злодѣянія всякую infamia; человѣкъ можетъ быть onorevolmente tristo, въ противоположность къ perfettamenteamente buono.

²⁾ Storie fiorentine, L. VI, c. 29.

³⁾ Paul. Jov. Elogia vir. lit. ill. p. 191 по поводу Marius Molza.

Глава IV

Юморъ и сатира въ эпоху Возрожденія .

Коррективомъ не только къ жадѣ извѣстности, но и къ крайностямъ индивидуализма вообще, служатъ въ эту эпоху сатира и юморъ въ разнообразной и побѣдоносной формѣ остротъ и шутокъ ¹⁾.

Въ средніе вѣка мы видимъ часто, какъ два враждующихъ лагеря, государи и знатные соперники, раздражаютъ и доводятъ другъ друга до изступленія всякаго рода символическимъ издѣвательствомъ ²⁾ и насмѣшкой, или какъ побѣжденная сторона покрывается такого рода символическимъ позоромъ. Въ то же время въ теологическихъ распряхъ, подъ вліяніемъ древней риторики и эпистолографіи, высмѣиваніе и остроуміе начинаютъ играть боевую роль и становятся оружіемъ спора; провансальская поэзія, въ свою очередь, издаетъ новый рядъ пѣсенъ съ сатирическимъ содержаніемъ, и даже пѣсни миннезингеровъ нерѣдко носятъ сатирической характеръ, когда касаются политическихъ дѣлъ и событій. Средніе вѣка, кромѣ того, богаты вообще „сатирическими пѣснями и стихами, но въ нихъ отсутствуетъ совершенно индивидуальный элементъ, и предметомъ осмѣянія является всегда, болѣе или менѣе, общее явленіе, какъ сословіе, каста или населеніе какой-нибудь мѣстности, причемъ чаще всего сатира имѣетъ опредѣленную цѣль и сплошь и рядомъ принимаетъ поучительный характеръ;

¹⁾ Простую ругань можно найти уже очень рано, у лживаго Benzo d'Alba въ II стол. (Mon. Germ. S.S. XI, 591—681).

²⁾ Ср. объ этомъ Rossi, Giorn. Stor. V, 504 и сл., Cirescini *ibid.* XVI, 434 и сл. Medin въ Assi di R. Accad. di Padova 1893 (Z.).

прототипомъ этой сатиры служить по преимуществу басня о „Рейнеке-Лисѣ“, въ различныхъ ея редакціяхъ, во всѣхъ европейскихъ странахъ ¹⁾). Но самостоятельную и органическую роль въ жизни сатирической или юмористической элементъ начинаетъ играть только съ появленіемъ на сценѣ настоящей его жертвы, т. е. личности, въ ея новомъ образованіи, съ ея индивидуальными притязаніями и характернымъ поведеніемъ. Съ этого времени и юмористика перестаетъ довольствоваться устнымъ и письменнымъ выраженіемъ, но принимаетъ жизнедѣятельный характеръ и становится предметомъ сценическихъ фарсовъ, водевилей и „шутковъ“, такъ называемыхъ *burle* и *beffe*, въ значительной мѣрѣ входящихъ въ составъ сборниковъ новеллъ того времени.

Новелла. Знаменитые „Сто древнихъ новеллъ“, возникновеніе которыхъ должно быть отнесено, повидимому, къ концу XIII вѣка, не обнаруживаютъ ни юмористическаго характера, основаннаго на извѣстномъ контрастѣ, ни признаковъ фарса вообще ²⁾; эти новеллы преслѣдуютъ пока одну только цѣль, а именно, онѣ стремятся воплотить мудрѣя рѣчи, глубокомысленныя исторіи и басни въ возможно простой и изящной формѣ. Но ничто не говоритъ такъ ясно о древности ихъ происхожденія, какъ отсутствіе всякой ироніи, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ въ XIV вѣкѣ мы видимъ Данте, превзошедшаго, быть можетъ, всѣхъ міровыхъ поэтовъ крайнимъ выраженіемъ сарказма и бичующей насмѣшки; достаточно вспомнить въ этомъ отношеніи одну гениальную жанровую картину изъ его „Ада“, гдѣ онъ изображаетъ кару, постигающую обманщиковъ и плутовъ ³⁾. Со времени Петрарки ⁴⁾ начинаютъ уже являться въ свѣтъ

¹⁾ По французской литературѣ изъ этой области существуетъ превосходная новѣйшая работа: Lenient, *La Satire en France au moyen-âge*. Paris 1860, и не менѣе превосходное продолженіе: *La Satire en France ou la littérature militante au XVI siècle*. Paris 1866.

²⁾ Ср. выше гл. I, прим. 1. Въ видѣ исключенія встрѣчается уже и дерзкая острота, Nov. 37.

³⁾ *Inferno* XXI, XXII. Единственно возможнымъ для сравненія можно бы считать Аристофана.

⁴⁾ Робкій почи въ *Opera* p. 421 и сл., in *Rerum memorandarum libri IV*. Другое напр.: въ *Err. senil.* X, 2. Ср. также *Err. fam* (ed. Fracass.) vol. I, p. 68 sq. 70, 140, 145. Словесныя остроты подчасъ

сборники сатирическихъ изреченій и мыслей, по образу плутарховскихъ *Aprophthegmata* и т. п.

Сатира во Флоренціи. Новеллы Франко Сакетти даютъ возможность составить полное представленіе о характерѣ ироніи и сатиры, преобладавшихъ во Флоренціи въ упомянутомъ вѣкѣ. Мы видимъ здѣсь въ большинствѣ случаевъ не рассказы, въ настоящемъ смыслѣ слова, но скорѣе „отвѣты“ на разные вопросы, въ различныхъ случаяхъ жизни, въ томъ числѣ сплошь и рядомъ наивную грубость, съ какой выражаются придворные шуты, юродивые, плуты и распутныя женщины. Комизмъ заключается здѣсь въ яркомъ противорѣчій этой дѣйствительной или кажущейся наивности общепринятымъ взглядамъ, людскимъ отношеніямъ и повседневной морали. Во всякомъ случаѣ здѣсь все перевернуто внизъ головой. Всѣ средства пущены въ ходъ съ цѣлью усилить комизмъ и жизненность изображенія, въ томъ числѣ даже подражаніе нѣкоторымъ верхне-итальянскимъ нарѣчіямъ. Мѣсто юмора часто заступаютъ просто дерзость, грубый обманъ, богохульство и распущенность. Нѣсколько остротъ, относящихся къ кондотьерамъ ¹⁾, превосходятъ наготой всѣ границы злой шутки. Нѣкоторыя изъ *burla* (фарсъ) въ высшей степени комичны, иные же не болѣе, какъ мнимое доказательство личнаго превосходства и преимущества передъ другимъ лицомъ. Насколько серьезный характеръ носилъ такой обмѣнъ любезностей между личностями, и довольствуется ли осмѣянный противникъ тѣмъ, что острымъ словомъ, въ свою очередь, вызоветъ смѣхъ и привлечетъ публику на свою сторону — мы не знаемъ, но несомнѣнно, что иронія носила часто злобный и низменный характеръ, и что постоянное обращеніе въ Флорентійскомъ обществѣ иногда было связано поэтому съ большимъ неудобствомъ ²⁾.

какъ бы отдаютъ монастыремъ, своимъ средневѣковымъ пристанищемъ. Обличительныя произведенія Петрарки: *contra Gallum*, *contra medicum objurgantem*, наконецъ памфлетъ *de sui ipsius et multorum ignorantia* (быть можетъ и его *epistolae sine titulo*) также могутъ быть приведены какъ ранніе примѣры сатирическихъ произведеній.

¹⁾ Nov. 40, 41: онѣ принадлежатъ *Ridolfo da Camerino*.

²⁾ Извѣстная шутка (16 стол.) про *Brunellesco* и про толстаго рѣзчика по дереву (*grasso legnaiulo*), *Manetto Ammanatini*, котораго

Остряки и шуты. А между тѣмъ изобрѣтательные шутники и рассказчики представляли въ это время уже неизбежное явленіе во всѣхъ общественныхъ ¹⁾ кругахъ, и между ними во Флоренціи были классическіе экземпляры, далеко превосходившіе специальныхъ придворныхъ шутовъ, такъ какъ послѣднимъ недоставало конкуренціи, постоянной смѣны публики и быстрой понятливости слушателей, что, вмѣстѣ взятое, составляло особое преимущество Флоренціи. Поэтому флорентійскіе остряки ѣздили на гастроли въ Ломбардію и Романью, къ дворамъ тирановъ ²⁾, гдѣ ихъ цѣнили по достоинству, тогда какъ во Флоренціи остроуміе было ужъ слишкомъ ходячей монетой, и поэтому плохо вознаграждалось.

Наиболѣе симпатичный типъ этого рода представляетъ человѣкъ занимательный въ обществѣ (*l'huomo piacevole*); худшій — напротивъ, буффонъ и блюдолизъ, присутствующій на всѣхъ свадьбахъ и пирахъ, незванный и непрощенный, съ его девизомъ: „не моя вина, если меня не звали“. Этого рода люди не только ловятъ и эксплуатируютъ отъ времени до времени какого-нибудь юнаго мота и расточителя ³⁾, но и вообще живутъ, какъ паразиты, въ сущности всѣми презираемые, тогда какъ остряки болѣе высокаго полета считаютъ себя равными вѣнценосцамъ и высоко держатъ знамя своей профессіи. Такъ, Дольчибене, котораго Карлъ IV называлъ „королемъ итальянскихъ шутниковъ“, сказалъ ему однажды въ Феррарѣ: „Вы побѣдите весь міръ, такъ какъ имѣете друзьями меня и папу; вы боретесь

посредствомъ „надувательства“ загнали въ Венгрію, хотя и остроумна, но всетаки изрядно жестока. Эта исторія въ настоящее время приписывается Ant. Manetti Milanese, Flor. 1887. Ср. С. v. Fabriczy, Brunellesco, 1892, p. 44. Michele Barbi (nozze 1893), напротивъ, отрицаетъ, что рассказъ относится къ Manetti.

¹⁾ „Araldo“ флорентійской знати. Одинъ примѣръ изъ многихъ: Commissioni di Rinaldo degli Albizzi T. III, стр. 65, 669г. Шутъ какъ необходимая принадлежность для увеселенія гостей послѣ обѣда: Alcyonius De exilio, ed. Mencken, p. 129.

²⁾ Sacchetti Nov. 48. А всетаки, судя по Nov. 67, чувствовалось, что тамъ и сямъ романьоль можетъ превзойти даже самаго настоящаго флорентійца...

³⁾ L. B. Alberti del governo della famiglia (Opere ed. Bonucci V. 171).

мечомъ, папа своей печатью, а я моимъ языкомъ“¹⁾. Въ этихъ словахъ была не только шутка, но и предчувствіе въ будущемъ роли какого-нибудь Пьетро Аретино.

Латинскія фацетіи Поджіо въ XV вѣкѣ находятся въ близкомъ родствѣ съ новеллами Саккетти; онѣ также заключаютъ въ себѣ главнымъ образомъ шутки (burle), смѣлыя выходки и курьезныя недоразумѣнія, на ряду съ рафинированнымъ цинизмомъ, а также частой игрой словъ, выдающей филолога по специальности.

Арлотто и Гонелла. Двое знаменитѣйшихъ шутниковъ середины XV вѣка были: одинъ — священникъ изъ окрестностей Флоренціи, по имени Арлотто²⁾, прославившійся тонкимъ остроуміемъ (facezie), другой же — придворный шутъ въ Феррарѣ, по имени Гоннелла, отличавшійся въ различныхъ буффонадахъ³⁾. Едва ли можно проводить параллель между этими итальянцами съ ихъ фарсами съ одной стороны и Каленбергскимъ священникомъ и Тиллемъ Эйленшпигелемъ — съ другой. Шутки и басни этихъ послѣднихъ имѣютъ другой характеръ и происхождение, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ народный элементъ и предметомъ исторіи служить болѣею частью явленіе всѣмъ понятное и имѣющее общій интересъ, тогда какъ Арлотто и Гоннелла въ своихъ острогахъ и фарсахъ являются историческими личностями и принадлежатъ своему времени и той мѣстности, гдѣ они жили и родились. Если, несмотря на это, мы захотимъ провести, все-таки, параллель вообще между итальянскими и другими европейскими фарсами, мы во всякомъ случаѣ должны будемъ признать, что остроуміе французскихъ „фабло“ и нѣмецкихъ фарсовъ разсчитано, главнымъ образомъ, на матеріальную выгоду, тогда какъ остроуміе Арлотто и потѣшныя представленія Гонелла не имѣютъ другой цѣли, кромѣ ихъ собственнаго внутренняго удовлетворенія и наслажденія успѣхомъ. (Тиль Эйленшпигель, хотя и представляетъ, въ свою очередь, своеобразное явленіе, но его посредственный въ сущности юморъ есть не что

1) Franco Sacchetti, Nov. 156; ср. Nov. 24 о Dolcibene и о евреяхъ. [О Карлѣ IV и о пугахъ: Friedjung, loc. cit, стр. 109].

2) Собрание съ жизнеописаніемъ автора издано Gius Vaccini, Firenze 1884.

3) Ср. прил. XXV,

иное, какъ олицетвореніе болѣе или менѣе распространеннаго издѣвательства надъ тѣмъ или другимъ ремесломъ или сословіемъ). Придворный шутъ дома Эсте не разъ уничтожалъ своихъ враговъ злой насмѣшкой и внушалъ всѣмъ осторожность. Типы Uomo piacevole¹⁾ и buffone, — пріятныхъ остряковъ и комиковъ или шутовъ, далеко пережили свободу Флоренціи. При дворѣ герцога Козимо процвѣталъ Барлаккіа; въ началѣ XVII столѣтія пользовались извѣстностью Франческо Русполи и Курціо Мариньолла. Знаменитый Лоренцо Медичи имѣлъ любимаго шута грека.

Шуты Льва X. Папа Левъ X также любилъ шутовъ, обнаруживая въ этомъ черту свойственную флорентійцамъ вообще и дому Медичи, въ частности. Изъ шутовъ его одинъ, Фра Маріано, называлъ себя учителемъ кардинала Бибиенны, получавшаго 800 дукатовъ жалованья, за то, что прикрѣплялъ печать къ папскимъ булламъ. Любитель утонченнѣйшихъ умственныхъ наслажденій, Левъ X тѣмъ не менѣе держитъ у себя за столомъ шутовъ и обжоръ, въ томъ числѣ двухъ монаховъ и одного урода²⁾; въ праздничные дни онъ забавляется тѣмъ, что велитъ подать имъ въ видѣ изысканнаго блюда зажаренную обезьяну или ворону. Въ общемъ онъ поддерживаетъ шутовской фарсъ для собственнаго развлеченія, и находитъ особаго рода удовольствіе въ томъ, что отъ времени до времени вмѣстѣ съ кардиналомъ Бибиенной пародируетъ любимыя искусства — поэзію и музыку, поощряя наградами каррикатуры въ этомъ смыслѣ³⁾. И кардиналъ и папа не считаютъ ниже своего достоинства водить за носъ стараго ученаго секретаря,

¹⁾ По Bandello IV, Nov 2 Gonnella умѣлъ изображать на своемъ лицѣ характерныя черты другихъ людей, а также подражать всѣмъ нарѣчіямъ Италіи; см. прил. XXVI.

²⁾ Paul Jovius, Vita Leonis X.

³⁾ Erat enim Bibiena mirus artifex hominibus aetate ad professione gravibus ad insaniam impellendis. Ср. также письмо феррарскаго посланника Paulucci объ ужасныхъ непріятностяхъ, коимъ подвергался одинъ frate, авторъ неудачной комедіи въ 1519 г. Nuova ant., 3 серия, т. 14, стр. 583. и слѣд. При этомъ вспоминается шутка, которой Христина Шведская забавлялась со своими филологами. Сюда же, вѣроятно, также относится замѣчательное мѣсто у Jov. Pontanus'a de sermones Lib II, cap. 9. Ferdinandus Alphonsi filius, Neapolitanorum rex magnus et ipse fuit artifex et vultus componendi et orationes in quem ipse usum

убѣждая его мало по малу въ томъ, что онъ необыкновенный композиторъ, и такимъ образомъ ради шутки доводятъ того почти до мономаніи. Въ другой разъ папа, при помощи тонкой лести, убѣдилъ импровизатора Барабалло въ томъ, что онъ заслуживаетъ быть увѣнчаннымъ въ Капитоліи; въ день празднованія св. Космы и Даміана, покровителей дома Медичи, поэтъ въ пурпурномъ облаченіи украшенный лаврами, импровизировалъ на папскомъ пиршествѣ, а затѣмъ его усадили на спину слона, подареннаго Риму португальскимъ королемъ Эмануиломъ Великимъ, между тѣмъ, какъ папа смотрѣлъ изъ окна въ лорнетъ на эту сцену ¹⁾ во дворѣ Ватикана. Но слонъ, испуганный громомъ трубъ и литавровъ и криками „браво“, не хотѣлъ перейти мость св. Ангела, и тѣмъ представленіе кончилось ²⁾.

Пародія въ поэзіи. Пародія на все возвышенное и трогательное въ описываемое время заняла уже значительное мѣсто въ поэзіи и въ образовательномъ искусствѣ. Такъ мы знаемъ пародію на знаменитую группу Лаокоона, въ видѣ трехъ обезьянъ, и другія въ этомъ родѣ, при чемъ такія шутки ограничиваются обыкновенно наброскомъ въ нѣсколькихъ штрихахъ. Многое въ этомъ родѣ, по всей вѣроятности, уничтожено и не дошло до насъ. Но рядомъ съ этимъ существенно выдѣляется карриатура, имѣющая серьезное художественное значеніе. Да-Винчи въ своихъ „тримассахъ“, хранящихся въ Амброзіанской бібліотекѣ (Миланъ), подчеркиваетъ комическій элементъ въ отгалкивающихъ явленіяхъ и возводитъ его на степень высоко художественную. Поэзія не слѣдуетъ, правда, примѣру Аристофана, у котораго героями комедіи являются великіе трагики, но тѣмъ не менѣе и здѣсь, какъ и въ древности, извѣстная степень зрѣлости вызываетъ появленіе на сценѣ пародіи. Уже въ концѣ XIV вѣка появляются комическія подражанія въ стихахъ жалобнымъ любовнымъ сонетамъ Петрарки и другимъ произведеніямъ въ этомъ родѣ; пародируется также и самая форма торжественнаго

vellet. Nam aetatis nostrae Pontifices maximi fingendis vultibus ac verbis vel histriones ipsos anteveniunt.

¹⁾ См. прилож. XXVII.

²⁾ Сатирическое завѣщаніе этого слона, быть можетъ, сочиненное самимъ Р. Ареіно, опубликовано V. Rossi въ *Intermezzo* (1890) I, 28—30.

стиха въ 14 строкахъ. Божественная Комедія даетъ богатѣйшій матеріалъ для пародіи, и Лоренцо Великолѣпный пишетъ превосходные комическіе стихи въ стилѣ *Inferno* (его *Simposio* или *i Veoni*) ¹⁾. Луиджи Пульчи явно пародируетъ импровизаторовъ, и сверхъ того поэзія его и Боярдо, несмотря на всю ея возвышенность, мѣстами заключаетъ въ себѣ полусознательную пародію на средневѣковую рыцарскую поэзію. Наконецъ, великій пародистъ Теофило Фоленго (1496—1544) вполне сознательно осмѣиваетъ ту же поэзію.

Подъ именемъ Лимерно Питокко онъ сочинилъ поэму „Орландино“ (1526), въ которой современныя мысли и явленія жизни окружены смѣшной рамкой рыцарскихъ иллюзій; впрочемъ, еще раньше онъ, прикрываясь именемъ Мерлина Коккаюса, изобразилъ фантастическія похождения бродягъ латинскимъ полу-гекзаметромъ, въ формѣ комическаго подражанія эпосу того времени (*Opus Massagonisogum*—макароническая поэзія). Съ того времени пародія получила какъ бы право гражданства на итальянскомъ парнасѣ и по временамъ имѣла своихъ блестящихъ представителей.

Теорія юмора. Въмѣстѣ съ развитіемъ гуманистическаго направленія вообще, наступила очередь переоцѣнки юмора съ точекъ зрѣнія теоретической, въ смыслѣ формы, и практической, въ смыслѣ значенія и роли его въ общественной жизни. Первымъ теоретикомъ явился Джіованни Понтано ²⁾ въ своемъ сочиненіи „о рѣчи“; въ особенности въ третьей и четвертой книгахъ онъ анализируетъ въ большемъ числѣ отдѣльныя остроты (*facetiae*) и стремится установить ихъ общій принципиальный характеръ. Въ то же время Бальтазаръ Кастильоне въ своемъ „кортеджіано“ ³⁾ учитъ, какъ должно примѣнять остроту и юморъ при обращеніи въ обществѣ. Главнѣйшее значеніе здѣсь, разумѣется,

¹⁾ Судя по мѣстамъ приведеннымъ у Z., эти стихотворенія больше пародируютъ петрарковскіе *Trionfi*.

²⁾ *Jovian Pontan., De sermone libri VI.* Онъ констатируетъ особыя дарованія къ остроумію, кромѣ флорентійцевъ, еще у Сиенцевъ и у Перуджійцевъ (отн. послѣднихъ также *Poggio fecetiae* ed. London 1798, p. 259); испанскій дворъ онъ еще изъ вѣжливости прибавляетъ къ своему перечисленію.

³⁾ *Il cortigiano, Lib. II, cap. L sq.* ed. Baude di Vesme, Floerence 1854, p. 124 sq. — Выводъ характера „остроты“ изъ контраста, хотя не вполне ясный, дается тамъ же сатира LXXIII, стр. 136.

приписывается искусству занимать людей въ обществѣ забавными и граціозными разсказами и шутками; авторъ совѣтуетъ при этомъ избѣгать „личностей“, такъ какъ прямой намекъ можетъ только огорчить несчастнаго, тогда какъ для дѣйствительно порочнаго слишкомъ много чести въ остроумной шуткѣ; къ тому же со стороны сильныхъ и высоко стоящихъ людей легко навлечь на себя непріятность ¹⁾; авторъ даетъ также указанія, какъ рассказчикъ долженъ держаться и въ какой мѣрѣ воздерживаться отъ излишествъ въ передразниваніи жестовъ и гримасъ. Далѣе слѣдуетъ рядъ превосходныхъ остротъ, методически распределенныхъ по категоріямъ, но не съ цѣлью дать рассказчикамъ матеріаль, а какъ парадигма для будущихъ сочинителей такого рода фацетій. Два десятилѣтія спустя мы находимъ у Джіованни делла Каза въ его наставленіи къ свѣтской жизни ²⁾, уже болѣе строгое отношеніе къ забавнымъ остротамъ и шуткамъ и совѣтъ не гнаться этими средствами за успѣхами въ обществѣ. Мы видимъ въ немъ, такимъ образомъ, глашатая долженствующей наступить вскорѣ реакціи.

Въ самомъ дѣлѣ Италія того времени становится школой пороковъ, подобной которой мы съ тѣхъ поръ нигдѣ не встрѣчаемъ, даже въ эпоху Вольтера во Франціи. И въ послѣдней, не было, конечно, недостатка въ ироніи и остротѣ выраженій, но гдѣ было взять въ это время такой матеріаль, такую полноту всякаго рода характерныхъ явленій, такое богатство различныхъ индивидуальностей, какое представляли въ Италіи своеобразныя личности государственныхъ мужей, духовныхъ особъ, всемірныхъ путешественниковъ, писателей, поэтовъ и художниковъ. Въ XV и XVI вѣкахъ мы видимъ въ Италіи такую именно плеяду, но рядомъ съ ней, какъ одно изъ послѣдствій высокаго уровня образованности въ обществѣ, — такую же плеяду злобствующихъ безсильныхъ умовъ, врожденныхъ хулителей и зоиловъ, зависть которыхъ искала непрестанныхъ

¹⁾ Pontanus, De sermone lib. IV, cap. 3 также рекомендуетъ не примѣнять *ridicula* ни къ несчастнымъ людямъ, ни къ власти имущимъ.

²⁾ Galateo del Casa, ed Venez. 1789, p. 26 sq. 48.

жертвъ. Не забудемъ при этомъ еще и зависть соревнующихъ другъ другу знаменитостей. Послѣднее мы видимъ прежде всего въ средѣ филологовъ-гуманистовъ, такъ какъ художники въ XV вѣкѣ еще живутъ въ мирѣ между собой, соперничая только кистью и рѣзцомъ, на что мы обращаемъ здѣсь вниманіе историковъ искусствъ.

Злословіе. Нѣкоторое время Флоренція, какъ упомянуто выше, была, по преимуществу, ареной славы въ этомъ, какъ и во всѣхъ прочихъ, отношеніяхъ. Девизомъ флорентійцевъ служила фраза „острый глазъ и злой языкъ“ ¹⁾. Вольная насмѣшка надъ всѣмъ и каждымъ составляла преобладающій тонъ въ повседневной жизни. Макиавелли, въ знаменитомъ прологѣ къ своей *Мандраголѣ*, справедливо или нѣтъ, указываетъ на современную страсть къ злословію, какъ на причину упадка нравственности вообще, но, впрочемъ, тутъ же, обращаясь къ своимъ недоброжелателямъ, напоминаетъ имъ, что и онъ за словомъ въ карманъ не полѣзетъ. Далѣе слѣдуетъ папскій дворъ—съ давнихъ поръ центральный рынокъ всѣхъ наиболѣе распущенныхъ и въ то же время остроумнѣйшихъ языковъ. Если принять въ расчетъ, сколько встрѣчалось здѣсь между собой обманутыхъ искателей мѣсты, всякаго рода соперниковъ, завистниковъ и интригановъ, то, безъ сомнѣнія, не трудно понять, почему Римъ сталъ настоящей родиной и необузданныхъ пасквилей, и созерцательныхъ сатирическихъ произведеній. Но мы вполне представимъ себѣ весь накопившійся такимъ образомъ матеріалъ и всю сумму позорныхъ разоблаченій ²⁾, если примемъ также во вниманіе всеобщее негодованіе противъ гнета духовной іерархіи и присущую простому народу потребность изображать властныхъ и сильныхъ въ мрачныхъ краскахъ. Вѣрнѣйшее средство самоохра-

¹⁾ *Lettere pittoriche* I, 71, въ письмѣ Vinc. Borghini 1577.—Machiavelli, *Stor. fior. L. VII*, cap. 28 говоритъ о молодыхъ людяхъ во Флоренціи во второй половинѣ 15 столѣтія: „gli studi loro erano apparire col vestire splendidi, e col parlare sagaci ed astudi, e quello che più desquamamente mordeva gli altri, era più savio e da più stimato.“

²⁾ Ср. Fedra Inghiramis, надгробную рѣчь на Lodovico Podocataro (ум. 25 авг. 1504) въ *Anecd. lit. I*, p. 319.—Скандальный хроникеръ Mas-saino упомянуть у Paul. Jov. *Dialogus de viris litt. illustris* (Tiraboschi, Tom. VII, parte IV, p. 1631).

ненія въ отношеніи къ такого рода нападкамъ и осмѣянію— это, конечно, полное пренебреженіе, какъ въ томъ случаѣ, когда они заслужены, такъ и въ обратномъ, и многіе пользовались этимъ средствомъ, не давая портить себѣ жизнь. Такъ поступалъ и Левъ X, и въ общемъ его расчетъ былъ правиленъ: жестокія сатирическія нападки на него при жизни и, въ особенности, послѣ смерти, въ общемъ не умалили его природныхъ качествъ и не затемнили его заслугъ. Но не всѣ могли такъ легко переносить осмѣяніе, и слабодушные нерѣдко впадали въ отчаяніе, отчасти, быть можетъ, сознавая, въ самомъ дѣлѣ, справедливость осмѣянія, отчасти опасаясь, что на нихъ будутъ указывать пальцами; такъ, кардиналъ Ардичино делла Порта въ 1491 г. сложилъ съ себя высокое званіе и искалъ убѣжища въ отдаленномъ монастырѣ ¹⁾. Мало-по-малу вошло въ обычай вообще отзываться дурно о человѣкѣ, и часто случалось, что лучшія качества вызывали только сильнѣйшую злобу и осмѣяніе. Такъ, проповѣдникъ Фра Егидіо изъ Витербо возведенъ былъ Львомъ X вполне по заслугамъ въ кардинальскій санъ и приобрѣлъ популярность во время бѣдствій 1527 г. ²⁾, но это не мѣшаетъ Джіовіо писать, что аскетическая блѣдность Егидіо вызвана искусственно, испареніями мокрой соломы и т. п. Джіовіо въ подобныхъ случаяхъ въ полномъ смыслѣ слова сынъ своего времени ³⁾ — онъ рассказываетъ какую-нибудь исторію, прибавляя, что самъ этому не вѣрить, и въ концѣ концовъ искусно даетъ понять, что въ разсказѣ есть кое-что, чему можно, все-таки, вѣрить.

Адрианъ VI — жертва юмора. Но никто не былъ жертвой юмора и сатиры въ Римѣ въ такой степени, какъ Адрианъ VI, несмотря на его благочестіе и строгую нрав-

1) Ср. Infessura, ed. Tommasini, p. 265. Онъ, дѣйствительно, спасся бѣгствомъ, но вскоре опять вернулся. Его извинительное посланіе къ папѣ приведено у Burgardus, ed. Thuasne I, 524.

2) См. его надгробную рѣчь въ Anecd. litt. IV, p. 315. Онъ собралъ въ южной области Анкона крестьянское войско, которое не могло проявить себя только вслѣдствіе измѣны Герцога Урбинскаго. Его прекрасные мадригалы безнадежной любви у Trucchi, Poesie ined. III, p. 123. Ср. Прибавл. XXVIII.

3) Какъ онъ дѣйствовалъ языкомъ за трапезой Климентія III. см. у Gilraldi, Hecatommithi, VII, Nov. 5.

ственность. Всѣ, точно, сговорились смотрѣть на него съ одной только комической стороны и такимъ его и изображать. Адрианъ называлъ группу Лаокоона презрительной кличкой *idola antiquorum*, закрылъ доступъ въ Бельведерь, оставилъ неоконченными работы Рафаэля и изгналъ изъ Ватикана поэтовъ и актеровъ. Многіе опасались, что онъ прикажетъ разбить статуи, предназначенныя для собора св. Петра. Впрочемъ, онъ съ самаго начала испортилъ дѣло тѣмъ, что грозилъ бросить въ Тибръ не статую Пасквино¹⁾, какъ говорили потомъ, но самихъ пасквильантовъ. Въ отвѣтъ на это послѣдовала месть, въ видѣ посланія „противъ папы Адриана“; продиктованное не столько злобой, сколько презрѣніемъ къ шутовскому²⁾ голландско-нѣмецкому варвару, оно содержало жестокіе упреки по адресу кардиналовъ, избравшихъ его на папскій престолъ. Его самого объявили между прочимъ причиной чумы, опустошавшей тогда Римъ³⁾. Берни⁴⁾ и другіе рисуютъ дворъ папы и нѣмцевъ⁵⁾, его ближайшихъ совѣтниковъ, искусно сплетая правду съ ложью. Біографія папы, написанная по

¹⁾ Эта версія не выдерживать критики. Совѣщаніе о погруженіи въ Тибръ Pasquino, см. у Paul. Jov., Vita Hadriani, подтверждается, напр. у Aretino, Ragionamento per le Corti, Ven 1539. Ср. Lettere de principi I, 114 sq., письмо Negro отъ 7 апрѣля 1523. Pasquino имѣлъ свое особое празднованіе въ день Св. Марка (25 апрѣля?), которое было запрещено папой.

²⁾ Gregorovius VIII, стр. 380 и сл., 393 и сл. Новыя подробности у Creighton, т. V. Вражда къ нѣмцамъ напр. въ стихахъ:

Est qui te Cimbris, est qui te Adriane, Batavis
Eductum silvis asserat et genitum.
Tu quia cuncta rapis, precibus nec flecteris ullis,
Cimber eris manibus, aure Batavus eris.

Насмѣшники передѣляли Adrianus въ Agianus. Отдѣльные особенно злые стих. P. Aretino противъ Адриана VI сообщены Luzio въ Nuova antologia, 3 серия, т. 28, стр. 691.

³⁾ Ср. Pier. Valer. de infel. lit. ed. Menken, p. 178: pestilentia quae cum Adriano VI invecta Romam invasit.

Ср. тамъ же, стр. 285.

⁴⁾ Напр., Firenzuola, Opere (Milano 1802), vol. I, p. 116, въ Discorsi degli animali.

⁵⁾ Ср. имена у Höfler, Sitzungsberichte der Wiener Academie (1876), Bd. 82, p. 435.

заказу кардинала Тортоза, видимо, конечно, имѣла цѣлью восхваленіе, но всякій, кто умѣетъ читать между строкъ, оцѣнить ее, какъ настоящее сатирическое произведеніе. Мы читаемъ здѣсь въ высшей степени комическое — для того времени и тѣмъ болѣе—описаніе, какъ Адріанъ ведетъ переговоры съ капитуломъ церкви въ Сарагоссѣ о приобретеніи для Рима челюсти св. Ламберта, какъ набожные испанцы рядятъ его въ мишурныя одежды, пока онъ принимаетъ видъ „совсѣмъ наряднаго папы“, какъ, затѣмъ, совершаетъ быстрый переѣздъ изъ Остіи и безвкусный вѣздъ въ Римъ, какъ онъ совѣтуется съ друзьями, слѣдуетъ ли сжечь или потопить статую Пасквино, какъ внезапно прерываетъ важнѣйшіе переговоры, когда докладываютъ о поданномъ обѣдѣ, и въ концѣ концовъ, послѣ своего несчастнаго владычества, умираетъ отъ излишняго употребленія пива, вслѣдъ за чѣмъ шутники украшаютъ жилище его врача вѣнкомъ съ надписью „Liberatori patriae S. P. Q. R.“ Во время сокращенія раздачи пожизненныхъ пенсій Джіовіо также лишился своей, но въ концѣ концовъ получилъ приходъ за то, что „не былъ поэтомъ“, т. е. „язычникомъ“ въ извѣстномъ смыслѣ¹⁾.

Но судьба рѣшила, повидимому, что Адріанъ будетъ послѣдней значительной жертвой сатиры въ этомъ родѣ. Вслѣдъ за бѣдствіемъ, поразившимъ Римъ въ 1527 г., уже не повторялась прежняя распущенность, а вмѣстѣ съ ней и ядовитое осмѣяніе утратило мало-по-малу свое значеніе.

Пьетро Аретино. Но въ то время, когда въ Римѣ еще процвѣтала распущенность въ нравахъ и литературѣ, здѣсь же, главнымъ образомъ, окрѣпъ талантъ одного изъ злорѣчивѣйшихъ писателей новыхъ вѣковъ, Пьетро Аретино. Познакомившись съ нимъ ближе, мы можемъ обойти молчаніемъ всѣхъ прочихъ, какъ неизмѣримо слабѣйшихъ.

Весь интересъ дѣятельности Аретино сосредоточивается на трехъ послѣднихъ десятилѣтіяхъ его жизни (1527—1557). Его безсмѣннымъ мѣстопробываніемъ въ это время была Венеція — единственный городъ, гдѣ онъ могъ жить въ безопасности. Но пребываніе здѣсь не мѣшало ему дер-

¹⁾ Ср. прил. XXIX.

жать всю Италію въ своего рода осадномъ положеніи. Иностранные государи присылали ему свою дань, опасаясь его пера или разсчитывая имъ воспользоваться. Карлъ V и Францискъ I, каждый, въ свою очередь, платили ему пенсіи, такъ какъ надѣялись привлечь его на свою сторону и досадить другому. Въ 1536 году, въ посланіи къ королю онъ упрекалъ его за союзъ съ турками, и, говоря, императоръ предложилъ Аретино ежегодную субсидію въ 200 скуди, если онъ будетъ продолжать писать противъ французскаго короля, но и послѣдній также обѣщалъ ему 400 скуди, если онъ не будетъ восхвалять императора¹⁾. Аретино льстилъ и тому и другому, но, конечно, больше старался угодить Карлу, такъ какъ послѣдній, все-таки, хозяйничалъ въ Италиі. Вслѣдъ за побѣдой Карла въ Тунисѣ въ 1535 г., Аретино до смѣшнаго превозноситъ его, втайнѣ лелѣя надежду при его содѣйствіи получить кардинальскую шапку. Въ то же время онъ пользуется, повидимому, покровительствомъ Испаніи, такъ какъ его перо въ одномъ случаѣ и молчаніе — въ другомъ служатъ орудіемъ вліянія на болѣе или менѣе значительныхъ властителей въ Италиі. Къ папству онъ относится съ крайнимъ презрѣніемъ, ссылаясь на то, что успѣлъ хорошо его узнать, но главнымъ образомъ оттого, что въ Римѣ ему не могутъ или не хотятъ ничего дать²⁾. Пріютившую его Венецію онъ благоразумно замалчиваетъ. Всѣ его прочія отношенія къ сильнымъ міра сего носятъ характеръ попрошайническій.

Дѣятельность Аретино и ея оцѣнка. Дѣятельность Аретино представляетъ такимъ образомъ первый примѣръ значительнаго злоупотребленія гласностью съ корыстными цѣлями. Посланія, которыми обмѣнивались сто лѣтъ передъ тѣмъ Поджіо и его противники, также не отличаются чистотой ни намѣреній, ни тона, но они не предавались, по крайней мѣрѣ, широкой огласкѣ и предназначались только

¹⁾ Atti e memoria della RR. deputazione di storia patria, Modena 1865, III, p. 75—81.

²⁾ Къ герцогу Феррарскому, 1 янв. 1536 (Lettere ed. 1539, fol. 39): „Вы теперь поѣдете изъ Рима въ Неаполь, ricreando la vista avvilita nel mirar le miserie pontificali con la contemplatione delle eccellenze imperiali. Позже онъ снова сталъ домогаться и добился благоволенія папы и впослѣдствіи не разъ получалъ субсидіи изъ Рима.

для немногихъ; Аретино пользуется, напротивъ, какъ можно болѣе широкой оглаской и въ этомъ смыслѣ онъ въ значительной степени можетъ считаться однимъ изъ предковъ нынѣшней журналистики. Выждавъ время, пока содержаніе его писемъ и статей перестало уже быть секретомъ для многихъ, онъ выпускалъ ихъ въ свѣтъ періодически, въ видѣ сборниковъ или брошюръ. Но въ то время, какъ въ Германіи брошюра явилась случайнымъ публицистическимъ орудіемъ реформации, въ примѣненіи къ тѣмъ или другимъ событіямъ и фактамъ, въ лицѣ Аретино мы видимъ скорѣе журналиста въ новѣйшемъ смыслѣ слова, такъ какъ его періодическія брошюры имѣютъ личный интересъ и не зависятъ отъ внѣшнихъ явленій.

Въ сравненіи съ остроумными писателями XVIII вѣка Аретино имѣетъ то преимущество, что онъ не стѣсняетъ себя высокими задачами и не хлопочетъ ни о принципахъ, ни о всеобщемъ просвѣщеніи, ни о филантропіи и прочихъ добродѣтеляхъ. Даже научное знаніе мало его касается. Весь его багажъ заключается въ извѣстномъ изреченіи: „Veritas odium parit“. Поэтому ему нечего бояться стать въ ложное положеніе, какъ Вольтеръ, на примѣръ, когда онъ вынужденъ отречься отъ своей „Орлеанской дѣвы“ или всю жизнь скрывать нѣкоторыя черты своей дѣятельности. Аретино, напротивъ, никогда не прячется и откровенно хвалится, на примѣръ, знаменитымъ своей безнравственностью *Ragionamenti* (Разсужденіе). Его ясный и пикантный стиль, богатство наблюденій, знаніе чловѣка и пониманіе вещей дѣлаютъ его достойнымъ вниманія, независимо отъ условій мѣста и времени, хотя онъ въ сущности вовсе не владѣетъ художественной концепціей. Но къ его достоинствамъ надо причислить злую иронию—то грубую, то утонченную и причудливую сатиру — единственное, въ чемъ онъ не уступаетъ Рабле¹⁾.

Аретино и его покровители. Вооружившись такимъ образомъ и затаивъ, если нужно, свои намѣренія, онъ, смотря по обстоятельствамъ, бросается прямо на свою жертву или похаживаетъ вокругъ нея нѣкоторое

¹⁾ Напр., въ *Capitolo*, обращенномъ къ *Albicante*, плохому поэту; къ сожалѣнію, эти мѣста не доступны цитированію.

время. Мы какъ будто слышимъ дьявольскій смѣхъ Аретино, когда онъ съ предательской кротостью совѣтуетъ папѣ Клименту VII, спасающемуся въ стѣнахъ замка св. Ангела, не гнѣваться на Римлянъ и не думать о мести¹⁾, въ то время, какъ вопль опустошеннаго Рима доходитъ до него въ его невольной тюрьмѣ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ теряетъ всякую надежду на подарки или на какую-нибудь милость, онъ приходитъ въ изступленіе и не жалѣетъ злобныхъ выраженій, какъ, напримѣръ, въ посланіи (capitolo) къ герцогу Салернскому. Послѣдній долгое время платилъ ему „жалованье“ и вызвалъ его гнѣвъ тѣмъ, что вдругъ пересталъ платить. Пьерлуиджи Фарнче, герцогъ Пармскій, знаменитый своею жестокостью, повидимому, въ противность первому, не обращалъ вовсе вниманія на Аретино²⁾; онъ могъ считать себя неуязвимымъ, такъ какъ все равно не заботился о доброй славѣ, а потому Аретино, оставивъ въ сторонѣ нравственныя качества, распространялся больше о его внѣшности³⁾, рисуя его похожимъ то на сбира, то на мельника или булочника. Забавнѣе всего Аретино тогда, когда онъ выпрашиваетъ что-нибудь, какъ, напримѣръ, въ посланіи къ Франциску I, но по истинѣ отталкивающее впечатлѣніе, несмотря на весь комизмъ, производятъ тѣ его письма и стихотворенія, въ которыхъ тѣсно сплетаются угроза съ лестью. Его письмо къ Микель Анджелло въ 1545 г.⁴⁾ представляетъ нѣчто неподобное въ этомъ родѣ. Вслѣдъ за выраженіемъ удивленія его божественному генію и въ частности его „Страшному суду“ — онъ укоряетъ его въ безбожии, непристойности и даже въ воровствѣ (изъ наслѣдства Юлія II) и кончаетъ въ умиротворяющемъ тонѣ, говоря: — „Я хотѣлъ только дать вамъ понять, что хотя вы divino (di-vino) — и я, однако не d'aqua“. Но Аретино, такой, какимъ мы его видимъ, — ради-ли безумнаго тщеславія или изъ страсти къ пародированію вообще, — добивается также признанія и его самого „боже-

1) Lettere, ed Venez. 1539, Fol. 12 отъ 31 мая 1527.

2) По Gasparу, напротивъ, Fagnese даже поддерживалъ его кандидатуру въ кардиналы.

3) Въ первомъ Capitolo, обрац. къ Cosimo.

4) Gaye, Carteggio II, p. 332.

ственнымъ“¹⁾. Впрочемъ, онъ отчасти успѣлъ въ этомъ, такъ какъ одинъ изъ его корреспондентовъ сравниваетъ его съ Иоанномъ Крестителемъ, а другой — даже съ „Сыномъ Божиимъ“. Его извѣстность доходитъ до того, что домъ, гдѣ онъ родился, считается достопримѣчательностью²⁾, ручей, протекающій возлѣ дома, получаетъ названіе Аретино, и его именемъ окрещивается порода лошадей. Въ то же время онъ иногда по мѣсяцамъ не смѣетъ переступить порога своего дома, изъ опасенія попасть въ руки какого нибудь разгнѣваннаго флорентійца, въ родѣ младшаго Строцци, и выбирать между кинжаломъ и палочными ударами³⁾. Послѣдніе, впрочемъ, не имѣли тѣхъ послѣдствій, какія предсказываетъ ему Берни въ знаменитомъ сонетѣ, и Аретино умеръ не насильственной смертью, а отъ паралича, въ своей постели.

Аретино и Медичи. Интересны различныя приемы лести Аретино, смотря по тому, къ кому онъ обращается. По отношенію къ иностранцамъ она носитъ у него грубый и нерѣдко тяжелый характеръ⁴⁾, тогда какъ для герцога флорентійскаго Козимо Медичи, Аретино находитъ болѣе изысканную форму лести. Онъ восхваляетъ красоту юнаго еще тогда герцога, имѣющаго, въ самомъ дѣлѣ, сходство съ Августомъ, хвалитъ его воздержанную жизнь, намекая вскользь на большіе доходы матери Козимо Маріи Сальвиати, и въ заключеніе жалуется на дороговизну жизни, съ понятною цѣлью выпросить подарокъ! Козимо въ самомъ

¹⁾ На этотъ эпитетъ итальянцы вообще не особенно скупилась. Какъ всякую лесть, *Salutati* (Письма III, 420) рѣшительно отклонилъ также прозвище *divinus*.

²⁾ См. нахальное письмо отъ 1536 г., въ *Lettere pittor I, Append. 34*. Ср. выше на стр. 157 о домѣ въ томъ же *Arezzo* гдѣ родился Петрарка.

³⁾ L'Arete, per Dio grazia, è vivo e sano,
Ma'l mostaccio ha fregiato nobilmente,
E più colpi ha, che dita in una mano.
(Mauro, capitolo in lode delle bugie).

⁴⁾ См., напр., письмо къ кардиналу Лотарингскому, *Lettere, ed. Venez. 1539. fol. 29* отъ 21 ноября 1534, а равно и письмо къ Карлу V, гдѣ, между прочимъ, встрѣчается выраженіе, что никакой человѣкъ не стоитъ ближе къ божеству, чѣмъ Карлъ.

дѣлѣ платитъ ему ежегодную пенсію¹⁾ и даже довольно значительную (ібо дукатовъ), принимая во вниманіе его бережливость, но это объясняется тѣмъ, что Аретино опасенъ въ качествѣ агента Испаніи. Аретино не смущался высмѣивать и поносить Козимо и въ то же время грозить флорентійскому послу своимъ влияніемъ на герцога и отозваніемъ посла, если онъ этого потребуетъ. Весь секретъ влиянія Аретино въ томъ, что Козимо, предоставляя Карлу V понимать его, какъ знаетъ, не хотѣлъ, однако, чтобы остроты Аретино на его счетъ ходили при дворѣ. Другой примѣръ двоедушной лести Аретино — письмо къ пользовавшемуся дурной славой маркизу Мариньяно, извѣстному „кастеляну крѣпости Муссо“ (гл. III), пытавшемуся основать для себя государство на озерѣ Комо. Въ благодарность за присланные ему сто скуди Аретино пишетъ: — „Вы обладаете всѣми качествами, необходимыми для государя, и каждый долженъ бы это признать, если бы только неизбежное во всѣхъ начинаніяхъ насиліе не налагало на васъ грубую печать“²⁾.

Въ литературѣ не разъ указывалось, какъ на достойное вниманія, что Аретино нападалъ только на людей, но не на религію. Но вѣрилъ ли онъ во что-нибудь или нѣтъ, намъ кажется безразличнымъ, принимая во вниманіе его дѣятельность, тѣмъ болѣе, что назидательныя сочиненія являлись у него слѣдствіемъ только какихъ-нибудь чисто внѣшнихъ соображеній³⁾. Къ тому же трудно даже сказать, какая цѣль была бы для него въ борьбѣ съ религіей? Онъ

1) Для слѣдующаго см. Gaye, Carteggio, II, p. 336, 337, 345.

2) Lettere, ed. Venez. 1539, Fol. 15, отъ 16 іюня 1529. Ср. съ этимъ замѣчательное письмо къ тому же отъ 15 апрѣля 1528, Fol. 212. Имѣется, впрочемъ, письмо Marchese къ Aretino отъ 4 февр. 1538, Lettere all Aretino: (1874) F, p. 32 и сл. изъ Миланской тюрьмы, изъ котораго, повидимому, явствуетъ, что Aretino остался вѣренъ Маркизу и въ тюрьмѣ. Благоприятную, въ общемъ, оцѣнку P. Aretino даетъ A. Graf, Un processo a Pietro Aretino, Nuova Antol; III ser vol. 3, p. 425—458, 658—675.

3) Будь то въ надеждѣ на кардинальскую шляпу или изъ страха передъ кровавыми приговорами инквизиціи, которые онъ еще въ 1535 г. осмѣлился рѣзко порицать (см. на вышеуказанномъ мѣстѣ, Fol. 37), но которые съ момента реорганизаціи института въ 1542 внезапно возросли и все привели къ молчанію.

не былъ ни профессоромъ, ни кабинетнымъ ученымъ или писателемъ. Съ другой стороны, онъ все равно не могъ выманить у Господа Бога денегъ ни дерзостью, ни лестью, и потому не имѣлъ причины къ личному неудовольствію, а безцѣльно такого рода человѣкъ не станеть давать себѣ трудъ что-нибудь дѣлать, хотя бы даже браниться.

Безъ сомнѣнія, современная Италія можетъ радоваться и гордиться тѣмъ, что такого рода характеръ и вліяніе не могутъ въ ней повториться, но съ точки зрѣнія исторической Аретино, во всякомъ случаѣ, навсегда сохраняетъ все свое значеніе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДРЕВНОСТИ

Глава I.

Предварительныя замѣчанія

На той ступени культурно-историческаго обзора, на которой теперь находимся, мы должны остановить вниманіе читателя на классической древности, „возрожденіе“ которой въ тѣсномъ смыслѣ слова стало наименованіемъ всей эпохи. Безъ сомнѣнія, Италія въ это время достигла извѣстной степени зрѣлости, и въ ней должны были появиться новыя умственныя теченія, также помимо вліянія древности. Но съ другой стороны, это вліяніе замѣтно отразилось на всемъ предшествовавшемъ и придало многообразную окраску всему послѣдующему, хотя и мыслимому безъ этого вліянія. И даже тамъ, гдѣ сущность явленій итальянской культуры въ эпоху гуманизма понятна сама по себѣ безъ обращенія къ античному міру, — виѣшнія формы жизни сливаются нераздѣльно съ классической древностью ¹⁾).

Классическая древность. Возрожденіе, въ смыслѣ обращенія къ древности, не было бы всемірно-исторической необходимостью, если бы такъ легко было провести грань между нимъ и другими явленіями эпохи вообще. Но въ то же время мы должны повторить здѣсь мысль, положенную въ основу всей этой книги, а именно, что не это „возрожденіе“ само по себѣ, а именно тѣсный союзъ его съ итальянской культурой и умственною жизнью того времени имѣлъ послѣдствіемъ подчиненіе всего западнаго міра гуманистическимъ вліяніямъ. Въ самой Италіи вліяніе древности подавляющимъ образомъ сказывается въ ново-латин-

¹⁾ Ср. прил. XXX.

ской литературѣ, тогда какъ въ образовательныхъ искусствахъ и во многихъ другихъ сферахъ творческая дѣятельность вполне сохраняетъ національную самобытность. Такимъ образомъ связь между двумя отдаленными одна отъ другой культурными эпохами того же самаго народа обнаруживаетъ вполне самостоятельный и потому тѣмъ болѣе правомѣрный и плодотворный характеръ. Весь прочій западъ могъ справляться, какъ хотѣлъ, съ распространившимся изъ Италіи движеніемъ; онъ могъ совсѣмъ не поддаваться новымъ вліяніямъ или частью воспринять ихъ, не подвергаясь общей гуманитарной реакціи, но тамъ, гдѣ послѣднее случилось, и прошлое уступило мѣсто новымъ понятіямъ, нѣтъ оснований скорбѣть о преждевременномъ будто бы паденіи средневѣковыхъ формъ. Онѣ бы не умерли, если бы отличались въ самомъ дѣлѣ настоящей жизнеспособностью. Но если бы тѣ, кто элегически скорбятъ о прекрасномъ прошломъ, прожили одинъ только часъ въ атмосферѣ этого прошлаго, они бы стали рваться на свѣжій воздухъ. Безъ сомнѣнія, при такомъ значительномъ переворотѣ кое-что погибло, неувѣковѣченное по заслугамъ въ преданіяхъ и поэзіи, но это не даетъ намъ права сожалѣть о совершившемся и относиться отрицательно къ культурнымъ завоеваніямъ эпохи. Въ цѣломъ завоеваніе заключалось прежде всего въ томъ, что рядомъ съ церковью — единственнымъ (хотя уже не надолго) связующимъ въ это время элементомъ на западѣ — является новое могучее вліяніе распространившееся изъ Италіи, и создаетъ новую жизненную атмосферу для всѣхъ образованныхъ европейцевъ. Этому новому движенію можно поставить въ вину лишь то, что оно носитъ не всенародный характеръ, и что возрожденіе наукъ и искусствъ проводитъ неизбѣжную грань между образованными и необразованными людьми во всей Европѣ. Но этотъ упрекъ едва ли будетъ справедливымъ, такъ какъ и въ наше время, при всѣхъ нашихъ прогрессивныхъ завоеваніяхъ, мы не въ силахъ устранить такого рода печальное явленіе. Къ тому же мы видимъ, что это раздѣленіе носитъ въ самой Италіи, родинѣ гуманизма, менѣе острый характеръ, чѣмъ гдѣ-либо. Произведенія величайшаго гения Италіи, Торкватто Тассо, часто можно видѣть въ рукахъ бѣднѣйшаго изъ ея сыновъ.

Степень вліянія гуманізма. Начиная съ XIV вѣка классическая древность Рима и Греціи мощно проникаетъ во всѣ уголки итальянской жизни, становится источникомъ и фундаментомъ ея культуры, цѣлью всѣхъ идеальныхъ стремленій, образцомъ для подражанія, отчасти какъ сознательный контрастъ новаго порядка вещей со старымъ, но та же древность еще задолго до того уже оказывала мѣстами вліяніе на всю средневѣковую жизнь и въ Италіи и внѣ ея. Та образованность, представителемъ которой являлся Карлъ Великій, была въ значительной мѣрѣ „возрожденіемъ“, по сравненію съ варварствомъ VII и VIII вѣковъ и не могла быть ничѣмъ инымъ. Далѣе, мы видимъ, какъ въ романскую архитектуру сѣвера рядомъ съ общими, унаслѣдованными отъ древности формами и линіями, проникаютъ и вполнѣ оригинальныя античныя формы; вся монастырская ученость также мало-по-малу заимствуетъ въ огромномъ объемѣ матеріалъ изъ римскихъ авторовъ, и самый стиль ея со времени Эйнгарта не остается безъ подражанія древнимъ.

Но совѣмъ не такъ, какъ на Сѣверѣ, пробуждается классическая древность въ Италіи. Здѣсь населеніе по природѣ своей сохраняетъ полу-античный характеръ и народъ, освободившись отъ гнета варваровъ, тотчасъ возвращается къ воспоминаніямъ о своемъ историческомъ прошломъ и стремится его воспроизвести. Внѣ Италіи мы видимъ лишь рефлексивное пользованіе элементами древности въ томъ или другомъ практическомъ примѣненіи, тогда какъ въ самой Италіи возрожденіе обусловливается не однимъ только научнымъ заимствованіемъ, но и жизнедѣятельнымъ участіемъ въ реставраціи древности, обнаруживающимъ повсемѣстную память о прежнемъ величіи. Легкость пониманія латинскаго языка и множество разбросанныхъ всюду въ странѣ памятниковъ и преданій значительно ускоряютъ новое движеніе. Изъ этого движенія, въ взаимодействіи съ вновь образовавшимся строемъ, подъ вліяніемъ германолонгобардскихъ учреждений, въ связи также съ обще-европейскимъ рыцарствомъ, съ нѣкоторыми еще сѣверными культурными вліяніями, а также религіозными и церковными идеями,— возникаетъ новое цѣлое — новая итальянская культура, которой суждено стать образцомъ и мѣриломъ поступательнаго движенія для всего запада.

Средніе вѣка. Тосканскія сооруженія XII вѣка и скульптурныя произведенія XIII вѣка могутъ служить первыми примѣрами пробужденія античнаго духа вслѣдъ за варварскимъ періодомъ въ Италіи. Такую же параллель мы видимъ въ поэзіи, если не сомнѣваться въ томъ, что величайшій латинскій поэтъ XII вѣка и руководитель цѣлой группы латинскихъ поэтовъ того времени — уроженецъ Италіи. Мы говоримъ о томъ, кому принадлежать лучшія мѣста такъ называемой *Carmina Burana* ¹⁾. Въ этихъ великолѣпныхъ строфахъ бьетъ ключемъ жизнерадостный восторгъ; старые языческіе боги снова выступаютъ на сцену, какъ покровители жизни со всѣми ея дарами, между тѣмъ, какъ Сципіоны и Катоны заступаютъ мѣста святыхъ и христіанскихъ героевъ. Уже при одномъ чтеніи этихъ строфъ нельзя не почувствовать, что авторъ ея долженъ быть итальянецъ, и скорѣе всего уроженецъ Ломбардіи, но это предчувстіе оправдывается и болѣе положительными данными ²⁾.

Ваганты. Пѣсни и стихи вагантовъ — эта своеобразная латинская поэзія фривольнаго характера — представляютъ обще-европейскій продуктъ, но какъ авторъ пѣсенъ *de Phylide et Flora* ³⁾ и *Aestuans interitus*, такъ и тонкій наблюдатель и сибаритъ, которому принадлежитъ *Dum Dianae Vitrea sero lampas oritur* — оба, конечно, не сѣвернаго происхожденія. Въ этихъ произведеніяхъ средневѣковое стихосложеніе только еще ярче и эффектнѣе отдѣняетъ возрожденіе античнаго міросозерцанія. Въ этомъ и слѣдующихъ столѣтіяхъ мы встрѣчаемъ произведенія написанныя безупречнымъ гекзаметромъ и пентаметромъ, съ богатымъ мифологическимъ содержаніемъ и тѣмъ не менѣе ни мало не

1) *Carmina Burana*, въ „Bibliothek des literarischen Vereins, in Stuttgart“, XVI т. 1847. Переиздано Oesterley, Бреславль 1883.

2) Ср. прил. XXX.

3) *Carmin. ba.* p. 155 только отрывокъ; цѣликомъ у Wright, *Walther Mapes* (1841) p. 258. Ср. Hubatsch, стр. 27 и сл., который указываетъ, что здѣсь положенъ въ основу рассказъ, неоднократно уже трактованный во Франціи. *Aest. inter. Carmin. bur.* p. 67. *Dum Dianae, Carmin. bur.* p. 124. Античные въ стихотвореніяхъ: *Cor patet Jovi*; античныя имена для возлюбленной; въ одномъ мѣстѣ, назвавъ се *Blanciflor*, онъ, какъ бы для того, чтобы заглаздить эту оплошность, прибавляетъ другое имя — *Helena*.

похожія на подлинныя произведенія древнихъ. Въ хроникахъ (гекзаметромъ) и въ различныхъ произведеніяхъ Гвильельмо Апулійскаго и слѣдующихъ за нимъ (1100) часто можно встрѣтить старательное изученіе Виргилія, Овидія, Лукана и другихъ авторовъ, но классическая форма носить явный характеръ ученаго подражанія, точно такъ же, какъ классическій матеріалъ въ сборникахъ собирателей въ родѣ Винценца изъ Бове или у мифолога и аллегориста Алануса (Alanus ab Insulis). Но возрожденіе въ истинномъ смыслѣ не имѣетъ ничего общаго ни съ внѣшней подражательностью, ни съ собираніемъ и нанизываньемъ фактовъ, и настоящее возрожденіе мы видимъ въ упомянутыхъ выше стихахъ неизвѣстнаго духовнаго автора XII вѣка.

Возрожденіе въ XIV вѣкѣ. Но общее широкое участіе всей Италіи въ возрожденіи древности началось только съ XIV вѣка. Этому движенію должно было неизбежно предшествовать развитіе городской жизни въ той формѣ, въ какой мы его впервые находимъ въ Италіи и только въ одной Италіи, а именно, при условіи общности интересовъ и фактической равноправности знатныхъ и простыхъ гражданъ; необходимо было широкое развитіе общественности (см. ч. II гл. III), одаренной стремленіемъ къ образованію и располагающей досугомъ и средствами для пріобрѣтенія развитія и знаній. Но эта образованность, освободившись отъ оковъ средневѣковой фантастики, не въ силахъ была проникнуть въ глубину познанія физическаго и духовнаго міра однимъ эмпирическимъ путемъ,—она нуждалась въ руководителѣ, и такимъ руководителемъ явилась классическая древность съ ея полнотой и ясностью объективныхъ истинъ во всѣхъ областяхъ мысли. И мы видимъ, какъ итальянцы съ энтузіазмомъ и благодарностью принимаютъ эту помощь и пользуются готовой формой и содержаніемъ; обученіе въ школахъ древности становится на нѣкоторое время преимущественной задачей цѣлаго поколѣнія ¹⁾. Внѣшнія обстоятельства и политическое состояніе самой Италіи — все благоприятствовало этому движенію: средневѣковая имперія со

¹⁾ Какъ въ античномъ мірѣ можно находить для всѣхъ высшихъ сферъ человѣческой жизни поученіе и руководство, въ быстромъ обзорѣ излагаетъ Aeneas Sylvius (Opera, p. 603 въ epist. 105 къ эрцгерцогу Sigismund'у).

времени паденія Гогенштауфеновъ или вовсе отказывалась отъ своихъ притязаній или не могла ихъ поддерживать; папство переселилось въ Авиньонъ, а большинство фактическихъ повелителей состояло изъ деспотовъ и узурпаторовъ. Но пробудившееся національное самосознаніе стремилось къ отысканію новыхъ устойчивыхъ идеаловъ, и это стремленіе естественнымъ образомъ повело къ тому, что идея всемірно-итальянской имперіи не только овладѣла умами, но и выразилась практически въ попыткѣ Кола ді Ріенци (см. 16). Какъ онъ понялъ свою задачу — выразилось въ его первомъ трибунатѣ, и вся его дѣятельность завершилась лишь поразительнымъ сценическимъ представленіемъ, но для народнаго самосознанія возвратъ къ воспоминаніямъ о древнемъ Римѣ не остался безслѣднымъ. Вслѣдъ за сліяніемъ настоящаго съ прошедшимъ возрожденная Италия почувствовала себя вскорѣ впереди всѣхъ прочихъ европейскихъ націй.

Наша ближайшая задача — нарисовать картину этого движенія не во всей его полнотѣ, но только во внѣшнихъ его чертахъ ¹⁾ и притомъ, главнымъ образомъ, въ моментъ пробужденія всѣхъ умственныхъ и духовныхъ силъ Италиі.

¹⁾ Для подробностей укажемъ на часто уже приводившіяся сочиненія Roscoe: *Lorenzo magnif. и Leo X*, а также на G. Voigt, *Enea Silvio de Piccolomini, als Papst Pius II und sein Zeitalter*, Berlin 1856—63 и на неоднократно цитированные труды Reumont'a и Gregorovius'a. Кто желаетъ составить себѣ понятіе объ объемѣ умственныхъ интересовъ у образованныхъ людей въ началѣ 16 столѣтія, лучше всего пусть обратится къ сочиненію Raphael Volterranus (ed. Basil. 1544 fol. 16 u. a.). Тутъ видно, какъ древній міръ составлялъ преддверіе всего познанія и давалъ ему главное содержаніе, начиная съ географіи и мѣстной исторіи, продолжая біографіями могущественныхъ и знаменитыхъ людей, популярной философій, моралью и отдѣльными специальными науками и кончая анализомъ всего Аристотеля, на которомъ заканчивается сочиненіе. Чтобы уяснить себѣ все значеніе его, какъ источника образованія, его слѣдовало-бы сравнить со всѣми болѣе ранними энциклопедіями. Подробную и всестороннюю разработку разсматриваемой темы даетъ превосходное произведеніе G. Voigt'a, *Die Wiederbelebung des classischen Altertums oder das erste Jahrhundert des Humanismus*, 3 Aufl. 2 Bde 1893 bearb. von M. Lehnerdt. Въ новѣйшее время хорошія работы M. Monnier *Le Quattrocento* 2 vols Paris 1900. и V. Rossi, *N. Quattro cento*, Firenze 1898.

Глава II

Развалины древняго Рима

Прежде всего Римъ съ его развалинами и погребенными въ землѣ остатками древности вызываетъ своего рода благочестивое удивленіе, не похожее на то, какое мы видимъ въ сочиненіяхъ *Mirabilia Romae* (Чудеса Рима) или въ историческомъ описаніи Вильгельма Мальмсбюри, характерныхъ для своего времени (XI и XII вѣка). Воображеніе благочестиваго пилигрима, исканіе чудесъ или зарытыхъ въ землѣ кладовъ ¹⁾ уступаютъ мѣсто въ описаніяхъ историческимъ и патріотическимъ воспоминаніямъ. Въ этомъ смыслѣ должно понимать слова Данте: „развалины стѣнъ Рима заслуживаютъ почитанія, и земля, на которой стоитъ городъ священнѣе, чѣмъ думаютъ люди“ ²⁾. Но и Данте относится безъ вниманія или съ явнымъ пренебреженіемъ ко многимъ памятникамъ древности и античныя статуи называетъ языческими изображеніями ³⁾. Повторяющееся празднованіе въ Римѣ годовщины его основанія не оставляетъ почти никакихъ достойныхъ

¹⁾ У Giul. Malmesb., *Gesta regum Anglor.*, L. II, § 169. 170. 205 206 (изд. Hardy, London 1840. Vol. I, p. 277 sq., 354 sq., различныя фантазіи кладоискателей, затѣя любовныя приключенія съ Венерой и, наконецъ, открытіе огромнаго трупа Палласа, сына Эвандера, около середины 11 столѣтія. Ср. Jac. ab Aquis, *Imago mundi* (*Hist. patr. monum. script.* Tom. III Col. 1603) о происхожденіи дома Colonna въ связи съ тайнымъ кладомъ. Кромѣ другихъ исторій объ откопанныхъ сокровищахъ Malmesbury упоминаетъ также Элегію Hildebert du Mans, епископа Турскаго, одинъ изъ курьезнѣйшихъ образчиковъ гуманистическаго энтузіазма въ первой половинѣ 12 стол.

²⁾ Dante, *Convito*, Tratt. IV, cap. 5.

³⁾ *Purgat.* X, 28—31.

вниманія слѣдовъ въ литературѣ, если не считать такихъ фактовъ, какъ принятое Джіованни Виллани рѣшеніе написать исторію Флоренціи (см. стр. 87), — рѣшеніе вызванное въ немъ созерцаніемъ римскихъ развалинъ во время юбилея 1300 года. Петрарка даетъ намъ возможность судить о раздвоеніи между чисто-классическимъ энтузіазмомъ и религіознымъ настроеніемъ, возникающими изъ обращенія къ древности. Такъ, изъ его повѣствованія мы узнаемъ о томъ, какъ онъ и Джіованни Колонна¹⁾ взбирались на колоссальные своды Діоклитіановыхъ термъ и тамъ, дыша чистымъ воздухомъ, въ безмолвной тишинѣ и широкомъ просторѣ, они, вдохновляемые видомъ разрушенныхъ стѣнъ, вели разговоръ не о дѣлахъ, домашнемъ хозяйствѣ или политикѣ, а только о древней исторіи, при чемъ Петрарка защищалъ классическую древность, тогда какъ Джіованни склонялся больше къ христіанской эрѣ. Далѣе разговоръ касался философіи и открытій въ сферѣ искусствъ. Какъ часто съ тѣхъ поръ вплоть до Гиббона и Нибура эти руины вызвали историческое созерцаніе. Петрарка постоянно стремится снова въ Римъ, послѣ того какъ познакомился съ его древними памятниками, и оплакиваетъ разрушеніе этихъ остатковъ былого величія, перечисляя ихъ и называя въ отдѣльности, по именамъ. При этомъ онъ часто смѣшиваетъ одно съ другимъ, неправильно понимаетъ немногія найденныя имъ надписи, но въ общемъ его одушевленіе передается современникамъ и даетъ толчекъ возрожденію. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ уже въ 1366 г. Никколо и Уго Эсте предпринимаютъ поѣздку въ Римъ съ цѣлью „насладиться изумительнымъ зрѣлищемъ находящихся въ Римѣ рѣдкостей“²⁾.

Диттамондо. Подобную же раздвоенность впечатлѣній между античною и христіанскою древностью обнаруживаетъ также Фаціо делли Уберти въ своемъ „Диттамондо“, написанномъ главнымъ образомъ въ 1350—52 г.г. и переработанномъ въ 1362 г., носящемъ характеръ вымы-

¹⁾ Ерр. familiares VI, 2; тѣже въ изд. Fracass. vol. I p 125 213, vol. II p. 336 sq.; ср. вообще перечисленіе у L. Geiger, Petrarca, p. 272 примѣч. 3. Далѣе De remediis utriusque fortunae, lib. I. dial 41, 118.

²⁾ Согласно Polistore у Muratori XXIV, Col. 845.

шленного путешествія, при чемъ проводникомъ автора является древній географъ Соллнусъ, подобно тому, какъ Виргилій служить проводникомъ у Данте. Они посѣщаютъ Бари въ честь Св. Николая, Монте Гаргано въ память архангела Михаила, попутно узнаютъ въ Римѣ легенду Арачелли и о св. дѣвѣ въ Траставерѣ, но античное великолѣпіе древняго Рима явно беретъ перевѣсъ надъ всѣмъ. Почтенная старая женщина въ разодранномъ одѣяніи — въ этой эмблемѣ нетрудно угадать самъ Римъ — рассказываетъ имъ о славномъ прошломъ и подробно описываетъ рядъ древнихъ триумфовъ¹⁾; далѣе она ведетъ ихъ по всему городу и объясняетъ значеніе семи холмовъ и множества руинъ — *che comprender potrai, quanto fui bella!* Кола ди Ріенци первый серьезно изучаетъ древности Рима: въ 1344--1347 г. онъ составилъ *Descriptio urbis Romae*, содержащее переченъ древнихъ памятниковъ; принадлежность этого описанія Ріенци доказана, не смотря на возникшее было сомнѣніе²⁾.

Къ сожалѣнію, Римъ временъ раздѣленія церкви и авиньонскаго плѣненія папъ былъ уже не тотъ въ отношеніи остатковъ и памятниковъ древности, что нѣсколькими поколѣніями ранѣе. Въ средніе вѣка вся Европа смотрѣла на него, какъ на огромную каменоломню. Знаменитый аббатъ Сугеріусъ, искавшій огромныхъ колоннъ (въ 1140 г.) для церкви св. Дениса, подумывалъ ни болѣе ни менѣе, какъ о монолитахъ Діоклитіановыхъ термъ³⁾. Далѣе тяжелый въ этомъ смыслѣ ударъ нанесло Риму опустошеніе

1) Dittamondo, II, cap. 3. Эта черта напоминаетъ еще отчасти главныя изображенія трехъ святыхъ королей и ихъ свиты. — Описание города, II, гл. 31, въ археологическомъ отношеніи не вполне лишено цѣнности (Gregorovius VI, стр. 697, прим. 1). Большая часть изъ Dittamondo включены Sergambi въ его хронику II, 83—112, 144—159 (съ прибавленіемъ двухъ карт.). Начало сочиненія переиздано Rocch. (Bologna 1881, nozze).

2) De Rossi, *Bulletino dell' Istituto di corrispondenza archeologica* 1871, p. II sq. — Для извѣстныхъ тогда останковъ старины, ср. особенно Muntz, *Les précurseurs de la Renaissance*, Paris 1882, p. 35 sq. Важно также A. Michaelis, *Storia della collezione capitolina di antichità*, Roma 1891, отд. отд. изъ *Bull. del imp. inst. arch. ted*

3) Sugerii *libellus alter*, у Duchesne, *Hist. Franc. scriptores*, IV, p. 352.

произведенное въ 1257 г. сенаторомъ Бранкалеоне, почти срывшимъ съ лица земли 140 домовъ знатныхъ римлянъ; послѣдніе, безъ сомнѣнія, держались въ наиболѣе сохранившихся зданіяхъ¹⁾, утратившихъ послѣ погрома свой древній характеръ. Но тѣмъ не менѣе, сравнительно съ настоящимъ временемъ, многое оставалось, конечно, тогда еще нетронутымъ, и многіе остатки строеній сохраняли еще внѣшнюю отдѣлку, мраморную инкрустацію, колонны фасада и другія украшенія, тогда какъ теперь на томъ же мѣстѣ часто находимъ лишь остовъ изъ кирпичей. Но каково бы ни было тогда состояніе римскихъ руинъ, важно то, что въ эту пору положено было начало серьезному изученію древняго города и его топографіи.

У Поджіо мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ описаніи Рима²⁾ изученіе руинъ въ связи съ изученіемъ древнихъ авторовъ и надписей, которыя онъ старательно разбиралъ, исправляя погрѣшности³⁾ предшественниковъ; въ то же время онъ, по возможности, устранялъ все, что было дѣломъ выдумки, и намѣренно исключилъ воспоминанія о христіанскомъ Римѣ. Жаль, что онъ не распространилъ свой трудъ далѣе и не снабдилъ его рисунками, такъ какъ онъ въ свое время нашелъ гораздо болѣе сохранившихся памятниковъ, чѣмъ Рафаэль восемьдесятъ лѣтъ послѣ него. Онъ засталъ еще гробницу Цециліи Метелла и колонаду храма

1) Gregorovius V, 316 и слѣд.

2) Poggii Opera ed. 1513, fol. 50 до 52. Ruinarum urbis Romae descriptio, написано около 1430 г. вскорѣ послѣ смерти Martin V. Термы Каракаллы и Діоклетіана еще сохраняли свои инкрустаціи и колонны. Ср. въ отдѣльности: Gregorovius VI, стр. 700—705. Почти одновременно L. B. Alberti. Descriptio у Mancini, L. B. A. Opera inedita стр. 36 и слѣд.

3) Poggio, какъ самый ранній собиратель надписей въ своемъ письмѣ въ Vita Poggii, у Murat. XX Col. 177. Ambros. Traversarii epistolae XXV, 42, Составленное имъ — можетъ быть подъ руководствомъ Coluccio Salutati — corpus у de Rossi, Le prime raccolte d'antiche iscrizioni, Римъ 1852 г., стр. 105 и слѣд.

Muntz. loc. cit. стр. 118—123. Poggio въ качествѣ собирателя бюстовъ, Murat. XX, Col. 183 и письмо у Shepherd-Tonelli I, 258. — О монетномъ коллекционерѣ Joh. Marcanova † 1467 г. и его рукописномъ сочиненіи De antiquitatibus, которое онъ въ 1465 г. вручилъ Malatesta Novello изъ Cesena, ср. Propugnatore N. S. V, 1, стр. 449 и слѣд.

на склонѣ Капитолія, но эти памятники древности на его глазахъ позднѣе были уже полуразрушены, такъ какъ мраморъ цѣнился, къ несчастію, какъ строительный матеріалъ, потому, что легко пережигался въ извѣсть, и колоссальная колоннада Минервы мало по малу исчезла, благодаря только такой пригодности мрамора. Одинъ изъ лѣтописцевъ того времени пишетъ въ 1443 г. объ этомъ пережиганіи и называетъ его позорнымъ, такъ какъ „всѣ новѣйшія сооруженія Рима носятъ жалкій характеръ, а прекрасное — только въ развалинахъ“ ¹⁾. Тогдашніе римляне въ своихъ компаньольскихъ плащахъ и мѣстной обуви походили на пастуховъ, и въ дѣйствительности трудно было отдѣлать границу пастбищъ въ городской чертѣ. Крестный ходъ по тому или другому случаю представлялся чуть ли ни единственнымъ поводомъ къ общенію гражданъ, въ это же время можно было видѣть и красивыхъ женщинъ.

Въ предпоследнемъ году понтификата Евгенія IV (1446) Блондусъ изъ Форли окончилъ свой „Возстановленный Римъ“, при чемъ онъ пользовался уже сочиненіемъ Фронтинуса о римскихъ водопроводахъ (100 п. р. х.), древними авторами вообще, а также, повидимому, приписываемой бібліотекарю Анастасію исторіей папъ (9 вѣк.). Характеръ этого труда явно свидѣтельствуетъ, что цѣль автора уже не только описаніе и пересказъ, но и желаніе разгадать и объяснить прошедшее. Тѣмъ не менѣе, быть можетъ, потому, что сочиненіе посвящено папѣ, авторъ, сожалея о разрушеніи древнихъ памятниковъ, утѣшаетъ себя тѣмъ, что въ Римѣ хранится много замѣчательныхъ реликвій различныхъ святыхъ.

Развалины Рима при папахъ Николай V, Евгеніи IV и Піи II. Папа Николай V (1447—1455) не останавливался передъ обширными постройками и сооруженіями въ духѣ

¹⁾ Fabroni, Cosmus, Adnot 86, изъ письма Alberto degli Alberti къ Giovanni Medici. Подобныя свидѣтельства и жалобы сопоставлены у Gregorovius VII, стр. 557. Жалобы Ambr. Travers. въ его Epistolae, p. 492 (отъ 1432 г.) Christoforo Landino, de Roma fere diruta у Bandini, Specimen lit. flor. I, 124 sq. О состояніи Рима при Martin V см. у Platina p. 277; за время отсутствія Евгенія IV — у Vesspasiano Fiorent. I, p. 23 sq.

того времени. Но желаніе украсить Римъ новыми постройками, отвѣчающими его значенію въ католическомъ мірѣ; представляло все еще опасность для остатковъ древности, хотя въ то же время эти остатки и полуразрушенные памятники уже считались гордостью Рима. Какъ бы ни было, но при Николаѣ V древнія развалины служили еще нестоющимъ матеріаломъ для новыхъ построекъ. Пій II питалъ сильное пристрастіе къ антикварнымъ изслѣдованіямъ, но интересовался не столько самимъ Римомъ¹⁾, сколько древностями всей Италіи. Впрочемъ, онъ внимательно изучилъ также ближайшія окрестности Рима и составилъ подробное описаніе²⁾ всего найденнаго. Его интересъ дѣлится между религіозными памятниками съ одной стороны и культурно-историческими явленіями—съ другой. Онъ какъ бы самъ не можетъ рѣшить, въ какомъ отношеніи важнѣе топографія мѣстности: въ томъ-ли, что съ ней связано воспоминаніе о церковной святынѣ, или о героическомъ сраженіи? Безъ сомнѣнія у него нѣтъ недостатка въ почтеніи къ реликвіямъ, но въ общемъ онъ явно обнаруживаетъ духъ пытливости по отношенію къ природѣ и древности, интересъ къ памятникамъ земного величія и склонность къ наблюденіямъ вообще. Даже въ послѣдніе годы жизни, несмотря на подагру, онъ сохраняетъ всегда бодрое расположеніе духа, велитъ нести себя въ креслахъ по горамъ и долинамъ Тускуланума, Альбы, Тибура, Остіи, Фалеріи, Отрикулума и записываетъ все, что видитъ; онъ отыскиваетъ въ Римѣ старыя улицы и водопроводы и старается опредѣлить границы древнихъ народностей. Въмѣстѣ съ Федеригго, герцогомъ Урбинскимъ, онъ совершаетъ поѣздки въ Тибуръ (Тиволи), и при этомъ они проводятъ время въ пріятной бесѣдѣ о древности и ея замѣчательныхъ войнахъ, въ особенности о троянской войнѣ. Даже во

¹⁾ Ср. однако его дистихи у Mabillon, Mus. ital. Tom. I p. 97 и A. Sylv. Opp. inedita ed. Cignoni (Att. R. Acc. di Lincei Ser. III vol. VIII 1883) p. 674. Онъ же былъ первымъ папой, издавшимъ буллу объ огражденіи памятниковъ (4 Cal. Maj. 1462) и положившимъ наказанія за ихъ поврежденіе. Но это ни къ чему не привело, ср. Gregorovius VII, стр. 558 сл. — Pastor. II 203.

²⁾ Послѣдующее изъ Jo. Ant. Campanus, Vita Pii II у Muratori III, II Col. 980 sq. Pii II. Commentarii p. 48. 72 sq. 206. 248 sq. 501. и loc. cit.

время поѣздки на конгрессъ въ Мантуѣ въ 1459 г. онъ старается, хотя безуспѣшно, отыскать упомянутый Плиніемъ лабиринтъ въ Клузіумѣ и посѣщаетъ виллу носящую имя Виргилія на Минчіо. Самъ собою разумѣется, что придворные историки папы должны были писать на чистомъ латинскомъ языкѣ, въ классическомъ стилѣ. Его уваженіе къ древности такъ велико, что во время неаполитанской войны онъ даруетъ амністію арпинатамъ, потому что они соотечественники Цицерона и Марія и что многіе въ той мѣстности носили имена въ честь этихъ знаменитыхъ предковъ. Ему одному только, какъ знатоку и покровителю, Блондусъ съ полнымъ правомъ могъ посвятить свой „Торжествующій Римъ“ — первый серьезный опытъ описанія памятниковъ римской древности во всей ихъ совокуности¹⁾.

Въ это время пробудился и въ остальной Италіи интересъ къ древнимъ римскимъ памятникамъ. О древнихъ развалинахъ въ Байахъ уже Боккачіо²⁾ говоритъ, какъ о „старыхъ развалинахъ стѣнъ, полныхъ жизни для новыхъ поколѣній“, — съ тѣхъ поръ прошло много времени, но эти стѣны остались величайшей достопримѣчательностью окрестностей Неаполя. Собираніе различныхъ рѣдкостей, напоминающихъ о классической древности и составленіе античныхъ коллекцій вошли въ обыкновеніе. Первые коллекціи такого рода принадлежатъ, повидимому, Венеціи. Въ 1335 г. прѣзжаетъ въ этотъ городъ Оливеръ Форца, гражданинъ города Тревизо, обладающій большими средствами, съ цѣлью приобрести здѣсь для себя такую коллекцію. Инвентарь ея сохранился и по сіе время³⁾. Петрарка едва ли зналъ объ этой попыткѣ, когда, двадцать лѣтъ спустя, въ свою очередь, сталъ собирать античные предметы; во всякомъ случаѣ его примѣръ въ этомъ отношеніи не могъ не повліять на современниковъ, и съ этихъ поръ такого рода коллекционированье становится распространеннымъ

1) Первое изданіе съ обозн. года: Brixen 1482.

2) Boccaccio, Fiammetta, cap. 5. Opere ed. Moutier VI, p. 96.

3) Списокъ у Muntz'a, Les arts à la cour des Papes II, стр. 164 прим. Такъ же, стр. 164—180 отчетъ о существовавшихъ въ 14 и 15 стол. итальянскихъ коллекціяхъ и 181—280 инвентарь коллекціи папы Павла II.

явленіемъ. Въ XV вѣкѣ оно еще усиливается¹⁾. Чиріако Пиччиолли изъ Анконы († 1455), жившій при дворѣ императора Сигизмунда и объяснявшій послѣднему римскіе памятники древности, съ цѣлью изученія этой древности посѣтилъ не только всю Италію, но и весь древній orbis terrarum: Элладу, Архипелагъ и всѣ турецкія владѣнія въ Европѣ, снабженный для этой цѣли свободнымъ пропускомъ султана Мурада II; посѣтилъ даже частью Азію и Африку, побывалъ два раза въ Египтѣ и, вернувшись, привезъ съ собой много монетъ, рисунковъ и надписей. На вопросъ одного невѣжественнаго священника, почему онъ выбралъ себѣ такое занятіе, онъ отвѣтилъ: „я занимаюсь только тѣмъ, что по временамъ заставляю мертвыхъ оживать“²⁾.

Происхожденіе отъ римлянъ. Въ рѣдкомъ итальянскомъ городѣ не существовало въ средніе вѣка преданія, указывавшаго на дѣйствительную или воображаемую связь съ древнимъ Римомъ³⁾. Въ этихъ преданіяхъ говорилось обыкновенно о томъ, что городъ основанъ римлянами или былъ заселенъ римскими колонистами. Эти воспоминанія произво-

¹⁾ Про Medici, какъ коллекціонеровъ древностей, ср. E. Muntz Mém. de l'ac, des inser. Paris, vol. 35, 1895.

²⁾ Его сочиненіе Cyriaci Anconitani Itinerarium ed. Mehus. Флоренція 1742, писанное въ 1441 г. и представляющее собой прежде всего мемуаръ на память о папѣ Евгеніи IV, объ Аѳинахъ ничего не содержитъ. Объ его трехтомной рукописной коллекціи надписей ср. Leandro Alberti, Descriz di tutta l'Italia. fol. 285. Изданіе Inscriptiones. С. Moronus'a; затѣмъ римское изд. 1747 и Pesaro 1763, также Michaelis, Parthenon zeichnungen des Cyr., Archaeolog. Zeit. 1882, p. 367 и сл. Наиболѣе важно de Rossi, De Cyriaco Pizzicolti Anconitano въ Inscr. christ. urbis Romae II, 1, Римъ, 1888, стр. 356 и слѣд. Ср. недавно H. Graeven, Cyriacus v. Ancona in Creta (Allg. Ztg., Beil. 87, 1897). Med. Morici издалъ Lettere inedite di Ciriaco d'Ancona, Pistoja 1896; G. Castellani издалъ греческій трактатъ. Revue des études grecques IX, p. 34. О дѣятельности С. А. въ Аѳинахъ и о вліяніи этой дѣятельности на Италію ср. Gregorovius, Geschichte d. Stadt Athen, M. A. Stuttg. 1889 II, p. 336—364.— Сочиненіе Felice Filiciano отъ 1463 г., посвященное Andrea Mantegna, отпечатано Mommsen'омъ въ предисловіи къ Inscr. Cat. Ital. sup.

³⁾ Два примѣра вмѣсто многихъ: баснословная древнѣйшая исторія Милана, въ Manipulus (Murat. XI, Col. 552) и такая же исторія Флоренціи, у G. Villani (воспроизводящаго здѣсь, какъ и вездѣ, искаженную хронику Ricardo Malespini), по которой преимущество Флоренціи передъ антиримскимъ, мятежнымъ Fiesole, основывается на ея преданности Риму (I, 9. 38. 41. II, 2).—Dante Inf. XV, 76.

дили такой эффектъ, что отъ нихъ не хотѣли отказаться даже, когда они оказывались совершенно неосновательными при свѣтѣ критики, получившей начало въ XV вѣкѣ. Когда римскіе ораторы убѣждали папу Пія II въ Витербо ¹⁾ вернуться въ Римъ какъ можно скорѣе, онъ съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣчалъ имъ: „Вѣдь Римъ мое отечество, точно также какъ и Сіена, потому что мои предки, Пикколомини, въ древности переселились изъ Рима въ Сіену; на это указываетъ, между прочимъ, и частое употребленіе въ нашей семьѣ такихъ именъ, какъ Эней и Сильвій“. Повидимому, онъ не прочь былъ бы произвести свой родъ и отъ Юліевъ. Также точно люди, желавшіе угодить Павлу II, который былъ гражданиномъ Венеціи и назывался Барбо, увѣрили, что онъ происходитъ отъ римлянина изъ рода Агенобарбовъ, одного изъ первыхъ поселенцевъ Пармы, котораго потомки, вслѣдствіе партійныхъ распрей, переселились потомъ въ Венецію ²⁾. Вся эта исторія была сочинена, несмотря на то, что семья Барбо была, несомнѣнно, родомъ изъ Германіи. Нечему также удивляться, если Массими вели свой родъ отъ Фабриція Максима, Корнаро—отъ Корнеліевъ и т. д. Нѣкоторые шли дальше; такъ, семья Піатто въ Миланѣ желала вести свой родъ отъ Платона, и Филельфо говоритъ объ этомъ на семейномъ праздникѣ и въ панегирикѣ юристу Теодору Піатти, какъ о простомъ фактѣ ³⁾. Джіованантоніо Піатти къ изваянному имъ въ 1478 г. рельефу философа (музей Маджента въ Миланѣ) прибавилъ надпись—посвященіе Платону „отъ котораго онъ ведетъ свой родъ по духу и плоти“. Знатнѣйшіе бароны на югѣ Италіи выводили свой родъ отъ грековъ и троянъ, а менѣе знатные довольствовались нѣмецкимъ и французскимъ происхожденіемъ ⁴⁾. Въ слѣдующемъ,

¹⁾ Commentarii 106, въ IV книгѣ.

²⁾ Mich. Cannesius, Vita Pauli II, ed. Quirini, Roma 1740, также у Murat. III, II. Col. 993. Даже къ Negro, сыну Domitius Ahenobarbus, авторъ, въ виду родственныхъ связей его съ папой не хочетъ быть нелюбезнымъ; потому онъ о немъ говоритъ только слѣд.: de quo regum scriptores multa ac diversa commemorant.

³⁾ C. Rosmini Filelfo II, 121 sq.

⁴⁾ Galateus, Ерр. 10 у Gothein стр. 295 и сл. Одинъ герцогскій родъ велъ свое происхожденіе отъ трехъ св. Родъ гуманистовъ Desembrio былъ—правда, въ позднѣйшее время, яко бы прослѣженъ до Кимбровъ. Arch. stor. Lomb. XX, p. 5.

XVI, вѣкъ новелистъ Банделло, напротивъ, въ видѣ исключенія, называетъ себя потомкомъ Остготовъ (I нов. 23).

Но вернемся къ Риму. Граждане, которые „носили тогда названіе римлянъ“, охотно принимали на себя почетную роль, преподносимую имъ всей Италіей. При Павлѣ II, Сикстѣ IV и Александрѣ VI во время карнавала наибольшей популярностью пользовались процессіи, въ которыхъ изображался триумфъ римскихъ императоровъ. Ничто, вообще, не могло вызвать такого энтузіазма, какъ все, что только связано было съ воспоминаніями о древнемъ мірѣ.

Трупъ римлянки. Иллюстраціей къ такому настроенію умовъ можетъ служить слѣдующее: 19 апрѣля 1485 г. распространился слухъ, что найденъ прекрасно сохранившійся трупъ молодой римлянки древнихъ временъ¹⁾; каменщики, работавшіе на землѣ монастыря Санта-Марія-Нуова, близъ Via Appia, нашли древнюю могилу и мраморный саркофагъ съ надписью будто бы: „Юлія, дочь Клавдія“. Дальнѣйшее принадлежитъ къ области фантазіи. Говорили, что каменщики тотчасъ исчезли съ драгоценностями, находившимися въ саркофагѣ и украшавшими тѣло римлянки; тѣло это, натертое бальзамомъ, кедровымъ масломъ и терпентиномъ, такъ хорошо сохранилось, какъ будто дѣвушка только что скончалась. Ей, казалось, на видъ всего 15 лѣтъ, и черты

¹⁾ Объ этомъ Nantiporto, у Murat. III, II. Col. 1094, который, однако, признаетъ, что нельзя было различить, былъ ли это мужской или женскій трупъ; Infessura ed. Tommasini 178, Matarazzo въ Arch. stor. XVI, II, p. 180 и письмо Bartholomaeus Fontius Francisco Saxetto, впервые обнародованное Janitschek'омъ, Gesellsch. der Ren. in Italien, стр. 121. Другіе рассказы опубликовалъ Hülsen въ Mitteilungen d. oesterr. Instituts IV, стр. 435—438, отдѣльные собраны у Pastor III, стр. 239 и тамъ же напечатанъ еще одинъ, по которому дѣвушка была дочерью Цицерона. Ср. далѣе Прибавленіе XXXII. Современные нѣмецкіе гуманисты сочинили стихи по этому поводу, напр. Conrad Celtes Epigramm II, 40: De puella Romae reperta (ed Hartfelden, Berlin, 1882, p. 52), хотя и не въ такомъ восторженномъ тонѣ. Подъ конецъ нѣмецкій стихотворецъ вкладываетъ слѣдующія слова въ уста найденной дѣвицы:

Si mihi post centum rursus revideberis annos,
Nomen Romanum vix superesse reor.

Сопоставленіе этого трупа съ лильскимъ дѣвичьимъ бюстомъ, ср. Springer, Raphael u. Michelangelo II, 2 изд., стр. 368, поддерживавшееся также и Thode, Mitth. des Inst. f. oesterr. Gesch. Forsch. IV, въ настоящее время всѣми оставлено, ср. Pastor III, стр. 240.

лица еще не утратили подвижности; даже краска еще виднѣлась на щекахъ, а розовыя губы оставались полуоткрыты и позволяли видѣть маленькіе, бѣлые зубки. Все было въ ней прекрасно: маленькія уши, низкій лобъ, черныя рѣсницы и каріе глаза; черные волосы собраны были узломъ и сдерживались сѣткой, а носъ такъ мягокъ, что оставался слѣдъ при нажатіи пальцемъ.

Тѣло перенесли въ Капитолій и многіе приходили издалека, чтобы взглянуть на нее, точно пилигриммы на богомолье. Многіе старались списать съ нея портретъ „ибо она была такъ хороша, что невозможно никакъ передать, и если даже сказать и описать, то кто не видѣлъ самъ, тотъ не можетъ вѣрить“.

По приказанію Иннокентія VIII, тѣло тайно зарыли ночью въ землю, возлѣ Порто Пинчіано, а въ галлерей Капитолія остался только саркофагъ. Во всей этой исторіи трогательнѣе всего, конечно, то, что по общему убѣжденію, античное тѣло непременно должно было оказаться прекраснѣе, чѣмъ все существующее въ жизни, а потому возможность впервые увидѣть его своими глазами представлялась огромнымъ торжествомъ.

Между тѣмъ, раскопки обнаруживали все больше и больше остатковъ древняго Рима, и весь этотъ матеріалъ подвергался тщательному изученію. При Александрѣ VI въ первый разъ познакомились съ гротесками и живописью древнихъ на стѣнахъ и сводахъ зданій, а въ Порто д'Анцо найденъ былъ Аполлонъ Бельведерскій. При Юліѣ II пострѣдовали такія знаменитыя находки, какъ Лаокоонъ, Венера (Ватиканъ), Клеопатра и др.¹⁾; дворцы кардиналовъ и знатныхъ людей стали наполняться античными статуями и различными древностями. Левъ X назначилъ Рафаэля въ 1516 г. „главнымъ смотрителемъ всѣхъ римскихъ древностей“ и, по его желанію, Рафаэль задался цѣлью произвести полную реставрацію древней столицы, какъ о томъ свидѣтельствуется его письмо (1518 или 1519 г.)²⁾. Въ немъ онъ горько жа-

¹⁾ Уже при Юліѣ II производились раскопки, имѣвшія цѣлью найти статуи. Vasari XI, стр. 302, V. di Gio da Udine. Ср. сопоставленіе у Gregorovius'a VIII, стр. 186. Ср. примѣч. XXXIII.

²⁾ Письмо это сперва приписывалось Castiglione, Lettere di Negozii del Conte Bald. Castiglione, Падуа 1786 и 1769, въ 1799 г. же Da-

луется на массовое истребленіе древнихъ развалинъ, въ особенности при Юліѣ II, благодаря Браманте¹⁾, заслужившему названіе „*ruinante*“ (разрушителя) за опустошенія, произведенныя имъ въ этой сферѣ; далѣе Рафаэль проситъ папу вступить за немногія оставшіяся свидѣтельства былого величія и памятники божественныхъ геніевъ, мысль о которыхъ воспламеняетъ сердца всѣхъ людей, одушевленныхъ высокими стремленіями. Съ удивительной проницательностью онъ кладетъ основаніе сравнительной исторіи искусствъ и вводитъ новый методъ, получающій съ этой поры право гражданства, а именно, онъ требуетъ, чтобы описаніе каждаго памятника или остатка древности представляло общій планъ, фасадъ и профиль. Мы не можемъ останавливаться здѣсь подробнѣе на томъ, какъ съ этого времени стала расти археологія въ видѣ особой науки, въ специальномъ примѣненіи къ столицѣ древняго міра и ея топографіи, и какъ витрувіанская академія выработала грандіозную программу²⁾ изученія памятниковъ.

Римъ при Львѣ X. Мы остановимся здѣсь лишь на эпохѣ Льва X, при которомъ наслажденіе древностью тѣсно сплелось съ цѣлымъ рядомъ другихъ наслажденій въ одно удивительное цѣлое и въ нѣчто такое, что заставляло Римъ

niele Francesconi доказалъ его принадлежность Рафаэлю; по одной мюнхенской рукописи, теперь напечатанной у Passavant'a, жизнь Рафаэля III, стр. 44. Ср. въ особенности Gruger, Raphael et l'antiquité 1864, I, стр. 435 до 457. Мнѣнія новѣйшихъ изслѣдователей расходятся. Н. Grimm считаетъ авторомъ Andrea Fulvio, Muntz—Рафаэля, Springer оставляетъ вопросъ неразрѣшеннымъ, ср. Springer II, 126, 369 и слѣд. Ср. наконецъ (для Рафаэля) Rud. Lanciari, Atti della ca dei Lincei V, 3 (1894, стр. 791, слѣд.). О тогдашнемъ состояніи римскихъ развалинъ можно судить по Bramantino (Bartolomeo Suardi) *Le rovine di Roma al principio del secolo XVI da un manoscritto dell' Ambrosiana di 80 tav. fotocromo-litogr. da A. della Croce con prefazione note di G. Mongeri.* 2 изд. Milano 1879.—*Gran cosa è Roma*—этими словами Bald. Castiglione выразилъ въ ненапечатанномъ письмѣ впечатлѣніе, вынесенное имъ при первомъ вступленіи его въ Римъ, незадолго до эпохи Льва X. Свобода, господствовавшая въ Римѣ, также восхваляется, хотя и въ другомъ отношеніи, Delicado, Lozana I, стр. 239, *chacun fait ce qu'il lui plaît*, вообще замѣчательное мѣсто, гдѣ иностранцы объявляются главными развратителями нравовъ.

¹⁾ Такъ по Paris de Grassis 1512, Döllinger, Beiträge III, стр. 408.

²⁾ Lettere pittoriche II, I. Tolomei къ Landi, 44 Nov. 1542.

въ то время жить своей, совсѣмъ особой жизнью. Весь Ватиканъ наполненъ былъ пѣснями и звуками струнныхъ инструментовъ; эти звуки носились надъ Римомъ, какъ призывъ къ радостямъ жизни, хотя самъ папа не могъ отогнать музыкой призраковъ заботъ и огорченій, и, какъ доказала его преждевременная смерть, напрасно рассчитывалъ¹⁾ на возможность при помощи веселья продлить жизнь. Картина жизни Рима при Львѣ X, какъ ее изобразилъ Паоло Джіовіо, остается блестящей, несмотря на то, что онъ не умалчиваетъ о ея темныхъ сторонахъ, какъ раболѣпство папскихъ угодниковъ, жалкая участь прелатовъ, обремененныхъ долгами и, тѣмъ не менѣе, вынужденныхъ жить такъ, какъ кристало ихъ сану²⁾, непрочность покровительства оказываемого папой поэтамъ, художникамъ и ученымъ и, наконецъ, его разорительная расточительность³⁾. Аріостъ, прекрасно понимавшій всѣ эти недостатки и бичевавшій ихъ въ своей сатирѣ, тѣмъ не менѣе съ увлеченіемъ описываетъ посѣщеніе Львомъ X развалинъ, въ сопровожденіи поэтовъ и даровитыхъ людей, и говоритъ о томъ, какъ онъ самъ черпалъ при этомъ полезныя указанія для своихъ поэмъ, а также о сокровищахъ библіотеки въ Ватиканѣ. Если что можетъ его побудить принять снова роль посланника Феррары при римскомъ дворѣ, то именно эти обстоятельства,—говоритъ онъ,—а не надежда на покровительство Медичисовъ, отъ которой онъ давно отказался.

Сантиментализмъ. Кромѣ ревности къ археологiи и патриотическаго чувства, развалины и древніе памятники пробуждали какъ въ самомъ Римѣ, такъ и внѣ его еще и элегически-сантиментальное настроеніе. Такого рода отзвуки мы находимъ уже у Петрарки и Боккачіо (см. стр. 214, 215). Поджіо (216) посѣщаетъ не разъ храмъ Венеры въ Римѣ,

¹⁾ Онъ хотѣлъ *curis animique doloribus quaecunque ratione aditum intercludere*, веселая шутка и музыка плѣняли его, и онъ надѣялся такимъ образомъ продлить свою жизнь. *Leonis X, vita anonima*, у Roscoe, изд. Bossi, XII, стр. 169.

²⁾ Изъ сатиръ Аріосто сюда относятся I (*Perch'ho molto etc.*) и IV (*Poichè, Annibale etc.*).

³⁾ Rancke, *Päpste*, I, стр. 408 и слѣд. *Lettere de principi* стр. 107. Письмо Negri отъ 1 сентября 1522: *...tutti quanti cortigiani esausti da Papa Leone e falliti...* Послѣ смерти Льва X они отвели душу въ многочисленныхъ сатирическихъ стихахъ и могильныхъ надписяхъ.

считая его храмомъ Кастора и Полукса, гдѣ нѣкогда часто собирався сенатъ, и погружался здѣсь въ воспоминанія о великихъ ораторахъ, какъ Крассъ, Гортензій и Цицеронъ. Не менѣе сентиментальности обнаруживаетъ Пій II¹⁾, а затѣмъ мы видимъ идеальное изображеніе руинъ и связанныхъ съ ними воззрѣній у Полифило²⁾, когда онъ говоритъ о развалинахъ мощныхъ сводовъ и колонадъ, поросшихъ древними платанами, лаврами, кипарисами и дикимъ кустарникомъ. Въ разказахъ изъ священной исторіи входитъ въ обычай, неизвѣстно почему, повѣствовать о рожденіи Христа въ живописныхъ развалинахъ дворца³⁾. Наконецъ, то же чувство находитъ удовлетвореніе въ украшеніи роскошныхъ садовъ искусственными развалинами.

1) Pii II Commentarii p. 251, въ V книгѣ.—Ср. также элегію Sannazaro: Ad ruines Cumarum urbis vetustissimae (Opera fol. 236 sq).

2) Polifilo (т. е. Francesco Colonna), *Hypnerotomachia, ubi humana omnia non nisi somnum esse docet atque obita plurima scita sane quam digna commemorat.* Venezia, Aldus Manutius 1499. Ср. объ этой весьма замѣчательной книгѣ между прочимъ Didot, *Alde Manuce*, Paris 1875. p. 132—142 и Gruyer, *Raphaël et l'antiquité I*, p. 191 sq. J. Burckhardt, *Geschichte der Renaissance in Italien*, S. 43 ff. и работу A. Ilg, *Wien*, 1872. Въ новѣйшее время: J. W. Appell, *Facsimiles of 168 wood-cuts in the Hypnerotomachia Polyphili with an introductory notice and description.* London 1889. Gnoli въ *Revista d'Italia* 1899, Fabrini, *Giorn. stor.* 35, 1 sq.

3) Въ то время какъ отцамъ церкви и паломникамъ извѣстно только прс пещеру. Поэты также могутъ обходиться безъ дворца. Ср. Sannazaro, *De partu Virginis*, L. II, v. 284 sq.

Глава III

Древніе писатели

Но гораздо важнѣе всякихъ остатковъ древняго зодчества и искусствъ письменные памятники древней латинской и греческой литературы. Такого рода памятники считались непосредственными источниками всякаго познанія въ чистѣйшемъ смыслѣ слова. О собираніи книгъ въ описываемое время, устройствѣ библиотекъ и великихъ открытіяхъ въ этой области уже много писалось и мы прибавимъ здѣсь лишь нѣсколько существенныхъ чертъ ¹⁾.

Вліяніе древнихъ писателей было велико въ Италіи съ давнихъ временъ и особенно въ XIV вѣкѣ, но надо замѣтить, что новое въ этой области рѣдко появлялось, хотя все, что было извѣстно изъ древнихъ авторовъ, получало болѣе или менѣе широкое распространеніе. Небольшой запасъ древней письменности, которымъ пользовались и вдохновлялись „избранные“, въ эпоху Петрарки и Боккачіо, состоялъ изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ древнихъ поэтовъ, историковъ, ораторовъ и эпистолографовъ, а также латинскихъ переводовъ немногихъ произведеній Аристотеля и Плутарха и еще кое-кого изъ грековъ. Петрарка, впрочемъ, владѣлъ греческимъ экземпляромъ Гомера и читалъ его, какъ святыню, хотя не умѣлъ читать по-гречески; по его же побужденію сдѣланъ былъ — худо-ли, хорошо-ли — полный латинскій переводъ Илиады и Одиссеи калабрійскимъ грекомъ Леонціо Пилато, при участіи Боккачіо ²⁾.

¹⁾ Главнымъ образомъ изъ *Vespasiano Fiorentino*. Мѣста, цитированныя изъ него по почину *Z.* цитируются по біографіямъ и параграфамъ, чтобы ихъ можно было найти во всѣхъ изданіяхъ.

²⁾ Ср. объ этомъ *Petr. Epist. fam. ed. Fracass. L. XVIII, 2, XXIV 12, var. 25, de Nolhac, Pétr. et l'humanisme, p. 353 sq.*

Древніе авторы въ XIV и XV вѣкъ. Но только въ XV вѣкѣ начинается рядъ важныхъ открытій изъ области древней литературы, попытки основанія систематическихъ библиотекъ и ревностное стремленіе къ переводамъ и переписыванію книгъ.

Это рвеніе, однако, не всегда носило безупречный характеръ; одни ученые выдавали собственныя произведенія за древнихъ авторовъ, другіе при переводахъ, въ особенности съ греческаго, произвольно вставляли мѣста изъ совсѣмъ другихъ источниковъ или умышленно искажали содержаніе ради красоты латинскаго стиля ¹⁾.

Любители книгъ. Безъ сомнѣнія, мы бы не имѣли теперь значительной части дошедшихъ до насъ древнихъ авторовъ, въ особенности греческихъ, еслибы не ревностное усердіе нѣкоторыхъ любителей того времени, не щадившихъ ни денегъ, ни труда и часто работавшихъ даже въ крайней нуждѣ. Папа Николай V, еще будучи монахомъ, былъ обремененъ долгами, потому что много тратилъ на покупку и переписыванье манускриптовъ. Уже съ раннихъ лѣтъ онъ увлекался двумя предметами всеобщей страсти въ эпоху возрожденія: книгами и постройками ²⁾. Вступивъ на папскій престолъ, онъ сдѣлалъ то, чего отъ него надо было ожидать: въ разныхъ странахъ его агенты разыскивали манускрипты, а кописты переписывали ихъ. Перотто получилъ отъ него за латинскій переводъ Полибія 500 дукатовъ, Гуарино за переводъ Страбона—1000 гульденовъ золотомъ и долженъ былъ получить еще 500, еслибы папа не умеръ. Онъ обѣщалъ заплатить Филельфо 10,000 гульденовъ золотомъ за переводъ Гомера размѣромъ подлинника, но умеръ въ то время, какъ Филельфо собирался съ этой цѣлью переселиться изъ Милана въ Римъ. Николай V оставилъ, го-

¹⁾ Обильныя доказательства имѣются у R. Förster, Francesco Zambecari u. die Briefe des Libanius, Stuttgart 1878, особенно на стр. 274—278.

²⁾ Vespas. Fior. Niccoli V § 10 Tommaso da Serezana, usava dire, che dua cosa farebbe, segli mai potesse spendere, ch'era in libri e in murare: e l'una e l'altra fece nel suo pontificato. — Его переводчиковъ см. у Aen. Sylvius, de Evropa, cap. 59, p. 459. Особенно слѣдуетъ здѣсь имѣть въ виду G. Voyt, Die Wiederbelebung des class. Alterthums, 5 Buch.

ворять, отъ 5000 до 9000 томовъ ¹⁾ для общаго пользованія курии и положилъ такимъ образомъ начало библіотеки въ Ватиканѣ. Книги эти помѣщались въ самомъ дворцѣ и считались лучшимъ украшеніемъ, какъ нѣкогда при королѣ Птоломеѣ Филадельфѣ въ Александріи. Когда въ 1450 г. папа, спасаясь отъ чумы, перебрался со своимъ дворомъ въ Фабріано, онъ взялъ съ собой переводчиковъ и компиляторовъ, такъ какъ особенно дорожилъ этими людьми и боялся за ихъ жизнь.

Библіотеки. Флорентіецъ Николо Никколи ²⁾, одинъ изъ числа ученыхъ друзей, окружавшихъ Козимо Медичи, обратилъ все свое состояніе на приобрѣтеніе книгъ, причемъ главное основаніе его библіотеки составлялъ подборъ экземпляровъ Салутати и Хризолора. Когда у него, наконецъ, не оставалось больше никакихъ средствъ, касса Медичи была въ его распоряженіи, и ему предоставлено было тратить для этого, сколько онъ находилъ нужнымъ. Ему мы обязаны пополненіемъ трудовъ Амміана Марцелина, Цицероновскимъ *de oratore*, наиболѣе достовѣрною рукописью Лукреція и др. Онъ же побудилъ Козимо приобрѣсти превосходный экземпляръ Плинія въ Любекскомъ монастырѣ. Съ трогательною довѣрчивостью онъ давалъ свои книги другимъ и позволялъ пользоваться ими у себя, при чемъ охотно вступалъ въ бесѣду о прочитанномъ. Его библіотека изъ 800 книгъ — въ томъ числѣ 100 греческихъ — цѣнилась въ 6000 гульденовъ зол. и когда въ 1437 г. онъ умеръ, перешла при посредствѣ Козимо къ монастырю св. Марка, съ правомъ свободнаго пользованія для всѣхъ желающихъ. Это собраніе книгъ и до сихъ поръ составляетъ украшеніе лаурентіанской библіотеки.

¹⁾ *Vespas. Fior. Niccoli V § 25, Giov. Fortello § 1. Cp. G. Manetti, Vita Nicolai V у Murat. III, II Col 925 и слѣд.* Числа эти навѣрное сильно преувеличены, списокъ отъ 1455 г. перечисляетъ только 794 лат. и 353 греч. рукописей, ср. *Muntz et Fabre* стр. 48 и слѣд., 315 и слѣд. — По вопросу о томъ, разрознили-ли потомъ опять отчасти коллекцію Каликста III и когда, см. *Vespas Fior. ed. Mai, p. 384 sq.* съ примѣчаніемъ Mai (это разрозненіе оспаривается Pastor'омъ, а Rossi, напротивъ, утверждается какъ фактъ з).

²⁾ *Vesp. Fior. Cosimmo di Medici § 23.*

Поджіо. Изъ двухъ знаменитыхъ собирателей древнихъ авторовъ — Гуарино и Поджіо, послѣдній ¹⁾ игралъ отчасти роль уполномоченнаго Никколи и проявилъ, какъ извѣстно, особую дѣятельность въ южно-германскихъ аббатствахъ, главнымъ образомъ во время Констанцскаго собора.

Онъ нашелъ тамъ шесть рѣчей Цицерона и въ первый разъ полное собраніе сочиненій Квинтилиана, сенгалленскій ²⁾ манускриптъ, нынѣ находящійся въ Цюрихѣ; въ теченіе пятидесяти трехъ дней онъ весь его переписалъ и притомъ, какъ говорятъ, очень красивымъ почеркомъ. Здѣсь онъ имѣлъ случай также существенно пополнить и собраніе сочиненій другихъ авторовъ, какъ-то: Силія Италійскаго, Манлія, Лукреція, Вал. Флакка, Асканія Педіана, Колумелла, Цельза, Авла Гелія, Стаціуса, Фронтинна, Витрувія, Присканія и многихъ другихъ. При помощи Леонарда Ареттино онъ издалъ двѣнадцать послѣднихъ произведеній Плавта а также веррины ³⁾ Цицерона ⁴⁾.

Знаменитый грекъ, кардиналъ Виссаріонъ, собралъ изъ чувства античнаго патріотизма ⁵⁾ 600 манускриптовъ принадлежавшихъ какъ христіанскимъ, такъ и языческимъ авторамъ; эта коллекція стоила ему большихъ матеріальныхъ жертвъ (30,000 гул. зол.) и онъ искалъ вѣрное мѣсто, гдѣ бы могъ ее помѣстить такъ, чтобы его несчастная родина нашла снова свою потерянную литературу, если она когда-нибудь

1) Vesp. Fior. Poggio § 2.

2) Санктъ-Галленъ—монастырь въ Швейцаріи, бібліотека.

3) Рѣчи противъ Верра. *Примѣч. перо*.

4) Изъ этюда А. С. Clark'a, The literary discoveries of Poggio; кой-что исправлено въ текстѣ. Далѣе слѣдуетъ еще отсюда замѣтить: у Silus Italicus P. пользовался поддержкой своего коллеги Bartolommeo de Montepulciano. Развѣ онъ не могъ читать Ammianus Marcellinus'a? (Nam de A. M. non reperio qui symbolum conferat.) О характерѣ своей дѣятельности П. пишетъ въ письмѣ опубликованномъ С.: Ego legi usque ad 13 librum Sillii, multa emandavi, ita ut recte scribenti facile sit similes errores deprehendere eosque corrigere in reliquis libris. Вопросъ о томъ, поскольку въ еще существующихъ рукописяхъ П. самъ принималъ участіе или-же писцы, работавшіе на него, не подлежитъ здѣсь разсмотрѣнію.

5) Vesp. Fior., Card. Niceno § 2. Ср. Marin Sanudo, у Murat. XXII, Col. 1185 sq.

вернетъ свою свободу. Синьорія Венеціи изъявила согласіе на сооружеііе зданія для бібліотеки, и нынѣ еще бібліотека святого Марка владѣетъ частію этихъ сокровищъ ¹⁾).

Знаменитая медицейская бібліотека имѣетъ свою совершенно особаго рода исторію, въ подробности которой мы здѣсь входить не можемъ; главнымъ собирателемъ книгъ для Лоренцо Великолѣпнаго былъ Іоаннъ Ласкарисъ. Вслѣдъ за изгнаніемъ Медичи, она перешла въ монастырь доминиканцевъ, а затѣмъ понемногу была расхищена. Многое изъ этой бібліотеки приобрѣлъ въ 1508 году кардиналъ Франчіотто Делла Ровере; кое-что изъ этого отцовскаго наслѣдія Джіованни Медичи (Левъ X) вынужденъ былъ потомъ разыскивать и понемногу скупать ²⁾).

Урбинская бібліотека. Находящаяся нынѣ въ Ватиканѣ урбинская бібліотека происхожденіемъ своимъ обязана, безъ сомнѣнія, великому Федеригу Монтефельтро (стр. 53), который еще мальчикомъ началъ собирать книги, а позднѣе держалъ въ различныхъ мѣстахъ отъ 30 до 40 скриттори и издержалъ на нихъ свыше 30,000 дукатовъ. Она была потомъ систематически пополнена, при помощи Веспасіано, и, судя по описанію послѣдняго, представляла совершеннѣйшій образецъ бібліотеки того времени. Между прочимъ, въ Урбино находились каталоги бібліотекъ Ватикана, св. Марка во Флоренціи, висконтійской бібліотеки въ Павіи и даже оксфордскаго книгохранилища, и Урбино могъ гордиться тѣмъ что многіе авторы были представлены здѣсь съ наибольшей полнотой. Въ общей массѣ, по всей вѣроятности, преобладали еще средніе вѣка и теологія (201 на 772); здѣсь находилось обширное собраніе сочиненій отцовъ церкви, весь Тома Аквинскій, весь Альбертъ великій, весь Бонавентура и др., но и помимо этого бібліотека отличалась весьма разносто-

¹⁾ Какъ съ ними тѣмъ временемъ обращались, см. у Malipiero, *Ann. veneti*, Arch. stor. VII, II, p. 653, 655. Ср. выше стр. 76. Инвентарь 482 греч. и 264 лат. рукописей поднесенныхъ Виссаріономъ Венеціанской республикѣ, сообщаетъ Н. Omont въ *Revue des Bibliothèques* IV, 1894, p. 129, 186.

²⁾ По поводу имѣющейся здѣсь въ виду *Bibl. Laurenziana* ср. E. Rostagno, *Prefazione al Eschilo Laurenziano*, флор. 1896, стр. 6 и сл. (3) и Прибавленіе XXXIV.

роннымъ содержаніемъ, и въ ней находились, на примѣръ, всѣ медицинскія сочиненія, какія только можно было достать. Подъ рубрикою „Moderni“ находились великіе писатели XIV в. какъ-то: Данте и Боккаччо въ полномъ собраніи сочиненій, далѣе слѣдовали 25 избранныхъ гуманистовъ со всѣми ихъ оригинальными произведеніями на итальянскомъ и латинскомъ, а также и все переведенное ими съ другихъ языковъ. Среди греческихъ манускриптовъ преобладали отцы церкви, но тутъ же находились и классики, въ томъ числѣ всѣ произведенія Софокла, весь Пиндаръ и Менандръ;—этотъ послѣдній манускриптъ, повидимому, вскорѣ былъ утерянъ ¹⁾, такъ какъ въ противномъ случаѣ филологи, навѣрное, его бы издали ²⁾.

Рядомъ съ любителями и собирателями книгъ уже въ то время находились люди, предостерегавшіе отъ излишняго усердія въ этомъ смыслѣ, и среди нападавшихъ были не одни только ненавистники наукъ, но и ученые, имѣвшие въ виду отрицательную сторону безразборчиваго отношенія къ рукописямъ и копіямъ, ради только накопленія книгъ и библиотекъ мании. Мы видимъ, какъ еще Петрарка протестуетъ противъ модной страсти къ собиранію всякихъ ненужныхъ книгъ, и въ томъ же XIV вѣкѣ Джіованни Манчини смѣется надъ нѣкимъ Андреоло де Очись, семидесятилѣтнимъ гражданиномъ Бресчии, который, по его словамъ, охотно готовъ отдать свой домъ, жену и самого себя, ради увеличенія своей библіотеки ³⁾. Позднѣе, начинаютъ относиться презрительно къ старымъ рукописямъ: надъ

1) Не при занятіи ли Urbino войсками Cesare Borgia?—Mai сомнѣвается въ существованіи рукописи, но мнѣ не вѣрится, чтобы Vespasiano могъ ограничиться приведеніемъ простыхъ выдержекъ изъ „Гномъ“ Менандра, состоящихъ, какъ извѣстно всего изъ какихъ-нибудь двухсотъ стиховъ,—подъ заглавіемъ „tutte le opere“ и притомъ въ томъ ряду объемистыхъ codices (хотя-бы это даже были Софоклъ и Пиндаръ въ извѣстномъ намъ нынѣ объемѣ). Можно думать, что когда нибудь этотъ Менандръ еще появится на свѣтъ Божій.

2) Ср. приложение XXXV.

3) W. Wattenbach, Das Schriftwesen im Mittelalter, 2 Aufl., Leipzig 1875, S. 392 ff. 405 ff. 505 и др. См. также стихотвореніе De officio scribae Phil. Bergaldus'a (Opuscula, Bas. 1509, fol. LXXI sq.), который, впрочемъ больше имѣетъ въ виду публичнаго писца.

Полиціано смѣются, говоря, что онъ цѣнить рукопись какъ вино, не по ея содержанію, а по тому, насколько она стара ¹⁾).

Переписчики и scrittori. Мы имѣемъ также нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ переписывались книги и составлялись библіотеки ²⁾). Прямое приобрѣтеніе рѣдкаго манускрипта, въ особенности, если это былъ единственный полный экземпляръ или даже, можетъ быть, единственный существующій, вообще, представлялся, конечно, дѣломъ счастья. Для пополненія библіотекъ существовалъ другой способъ, а именно переписыванье. Между переписчиками первое мѣсто занимали лица знакомыя съ греческимъ языкомъ, и они-то носили по преимуществу почетное названіе скриттори,— ихъ становилось все меньше, съ теченіемъ времени, и трудъ ихъ дорого оплачивался ³⁾). Прочіе назывались по-просту копистами; среди этихъ послѣднихъ были люди, существовавшіе исключительно этимъ трудомъ — переписчики по профессіи, но были также монахи и даже монахини, смотрѣвшіе на это занятіе, какъ на богоугодное дѣло, и, наконецъ, учителя и нуждавшіеся ученые, искавшіе побочныхъ ресурсовъ для поддержанія своего существованія. Въ началѣ эпохи Возрожденія наемные писцы были рѣдки и слишкомъ ненадежны; въ XV вѣкѣ число ихъ увеличилось, и они оказывались болѣе или менѣе подготовленными для своей профессіи, но въ отношеніи добросовѣстности работы ихъ никогда нельзя было сравнить со старыми монахами. Къ тому же они работали, повидимому, неохотно, вынужденные къ этому только крайностью; по крайней мѣрѣ, мы рѣдко видимъ ихъ подпись въ концѣ, а если они и дѣлаютъ это, то безъ того веселаго юмора и гордаго сознанія высокаго значенія оконченнаго труда, какъ это находимъ

⁴⁾ Matth. Bossus къ Balth. Crassus, въ M. B. Epist. pars tertia, Venet. 1501 № 92. 93.

¹⁾ Gaye, Carteggio I, p. 164, ср. Прибавленіе XXXVI.

²⁾ Если Pietro de Medici при смерти библіофила короля Matthias Corvinus венгерскаго предсказываетъ, что scrittori вынуждены будутъ спустить цѣны, такъ какъ они ни у кого (scil. кромѣ какъ у насъ) не найдутъ себѣ работы, то это можетъ относиться только къ грекамъ; ибо каллиграфовъ, къ которымъ можно было-бы это примѣнить, все время имѣлось много во всей Италіи. — Fabroni, Laurent. magn. Adnot. 156. ср. Adnot. 154.

большую частью въ французскихъ и нѣмецкихъ манускриптахъ того времени. И это обстоятельство тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что при Николаѣ V, напримѣръ, кописты въ Римѣ — болѣею частью тѣ же нѣмцы и французы¹⁾, проживающіе здѣсь по личнымъ дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ курии, и вынужденные существовать пока хоть чѣмъ-нибудь.

Когда Козимо возымѣлъ желаніе какъ можно скорѣе украсить библіотекой свою любимую резиденцію Бадіа, близъ Фіезоле, онъ призвалъ на помощь Веспасіано, который посовѣтовалъ ему не рассчитывать на пріобрѣтеніе готовыхъ книгъ, такъ какъ рѣдко находится то, что хочется, а пріобрѣтнуть къ перепискѣ. Козимо заключилъ съ нимъ условіе и обязался платить ежедневно переписчикамъ требуемую сумму. Веспасіано взялъ такимъ образомъ 45 писцовъ, и въ теченіе 22 мѣсяцевъ они переписали 200 томовъ разныхъ авторовъ²⁾. При составленіи этой библіотеки Козимо руководствовался спискомъ книгъ, составленнымъ лично для него Томой Парентучелли — будущимъ папой Николаемъ V³⁾. Естественно, что въ числѣ этихъ книгъ преобладала богословская литература и церковные служебники.

Рукопись и печать. Книги писались красивымъ новоитальянскимъ шрифтомъ, начало котораго относится еще къ XIV столѣтію⁴⁾, и въ общемъ манускриптъ пріобрѣталъ изящный видъ, вызывающій и теперь у насъ восхищеніе. Папа Николай V, Поджіо, Джіаноццо Манетти, Николо, Никколи и другіе извѣстные ученые того времени были каллиграфами по рожденію, и поэтому требовали и отъ другихъ совершенства въ исполненіи. Вкусъ проявлялся не

1) Знаменитая миниатюрная библія Урбино также написана французомъ, рабочимъ Vespasianos'a. Относительно нѣмецкихъ переписчиковъ въ Италіи ср. далѣе G. Campori въ *Artisti italiani e stranieri negli Stati Estensi*, Modena 1855, стр. 277 и *Giornale di erudizione artistica*, томъ II, стр. 360 и слѣд. Wattenbach, *Schriftwesen*, S. 411A. 5.

2) Vespas. Fior. Cos. di Medici § 12. Онъ даетъ также списокъ богослововъ, философовъ, юристовъ, историковъ, но послѣ перечня прибавляетъ: *E tutte l'altre opere necessarie a una libreria che non ve ne mancò ignuna.*

3) Ср. приложение XXXVII.

4) О почеркѣ и писцахъ приложение XXXVIII.

только въ почеркѣ, но и въ украшеніяхъ; если въ книгѣ не было миниатюръ, то во всякомъ случаѣ ее снабжали изящнымъ орнаментомъ въ началѣ и въ концѣ, какъ это видимъ на манускриптахъ библіотеки „Лауренціана“. Материаломъ для рукописей, по заказу богатыхъ людей, служилъ исключительно пергаментъ; переплеть для библіотекъ Ватикана и Урбино дѣлался изъ малиноваго бархата, съ серебряными застежками. Высокое почитаніе знаменитыхъ авторовъ и благоговѣйное отношеніе къ содержанію книги выражались въ заботѣ также о ея внѣшности, а потому понятно, что появившееся вдругъ книгопечатаніе вызвало вначалѣ неудовольствіе любителей. Посланные кардинала Виссаріона, увидя у Іоан. Ласкариса въ первый разъ печатную книгу, смѣялись надъ „варварскимъ“ открытіемъ, сдѣланнымъ нѣмцами. Федерико, герцогъ Урбинскій, „считалъ бы стыдомъ для себя“ имѣть въ своей библіотекѣ такую печатную книгу ¹⁾.

Но усталые переписчики, не нуждавшіеся въ этомъ, какъ средствѣ къ жизни, а вынужденные трудиться только для того, чтобы имѣть въ своей библіотекѣ любимаго автора, конечно, горячо привѣтствовали книгопечатанье ²⁾, несмотря на то, что ихъ рвеніе до сихъ поръ восхвалялось и поощрялось въ прозѣ и въ стихахъ. Новое изобрѣтеніе во всякомъ случаѣ получило широкое примѣненіе въ Италіи, въ видѣ изданій древнихъ авторовъ, хотя распространеніе печатныхъ произведеній шло не такъ быстро, какъ этого можно было-бы ожидать, если принять во вниманіе всеобщее одушевленіе древней письменностью. Нѣсколько времени спустя появились зачатки современныхъ издательскихъ правъ ³⁾, а при Александрѣ VI начинается и предварительная цензура, такъ какъ уничтожить

¹⁾ Vespas. Fior. — Federico duca § 31.

²⁾ Относительно печатниковъ въ Римѣ — первые были нѣмцы: Hahn, Pannartz, Schweinheim, Gaspar. Veron Vita Pauli II, у Murat. III, Col. 1046 и Laire, Spec. hist. typographiae Romanae XV. saeculi, Римъ 1778. (Gregorovius VII, 525 до 533). Первая привилегія въ Венеціи см. Marin Sanudo, у Murat XXII Col 1189. Далѣе подробн. о книгопечатаніи ср. примѣчаніе XXXIV.

³⁾ Нѣчто подобное существовало уже во времена рукописнаго воспроизведенія, ср. Vesp. Fior. Zembino Pistolese § 3.

печатное произведение было уже не такъ легко, какъ прежде, когда достаточно было потребовать отъ автора уничтоженія его труда, какъ сдѣлалъ, на примѣръ, Козимо съ Филельфо¹⁾.

По мѣрѣ изученія языковъ и болѣе основательнаго изученія древности вообще, появились анализъ рукописей и критическое отношеніе къ первоначальнымъ текстамъ. Но этотъ анализъ и его успѣхи не входятъ въ задачу нашей книги, такъ какъ насъ здѣсь интересуеетъ не научный прогрессъ Италіи въ эпоху Возрожденія, а репродукція древности въ литературѣ и жизни. Тѣмъ не менѣе мы должны остановиться на одномъ замѣчаніи, касающемся приобрѣтенія знаній. √

*Греческая ученость*²⁾ концентрировалась по преимуществу во Флоренціи въ XV и въ началѣ XVI вѣка. Она, однако, никогда не достигла такого развитія и общаго распространенія, какъ латинская, отчасти потому, что представляла гораздо больше трудностей, отчасти же и, главнымъ образомъ, потому, что сознаніе римскаго превосходства и инстинктивная вражда къ грекамъ отвращали итальянцевъ отъ изученія греческаго языка и письменности³⁾.

Петрарка и Боккаччо, несмотря на диллетантскій характеръ собственныхъ познаній въ этой области, тѣмъ не менѣе дали сильный толчокъ изученію греческихъ авторовъ, хотя это вліяніе обнаружилось не на современникахъ, а значительно позже. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ вымираніемъ колоніи греческихъ бѣглецовъ⁴⁾ въ 20-хъ годахъ XVI вѣка, въ Италіи изсякъ источникъ греческой

1) Fabroni, Laurent. magn. Adnot. 212. Это случилось съ памфлетомъ de exilio. Это писаніе все же сохранилось. Ср. примѣч. XVIII.

2) Относительно распространенія знанія греческаго языка въ Италіи см. Gardthausen, Греческая Палеографія, стр. 414 и слѣд.

3) Ср. прилож. XL.

4) Вымираніе этихъ грековъ констатируетъ Pietrus Valerianus. De infelicitate literat. по поводу Joh. Lascaris, ed. Mencken стр. 332 и Paulus Jovius въ концѣ своей Elogia literaria говоритъ про нѣмцевъ . . . quum literae non latinae modo cum pudore nostro, sed graecae et hebraicae in eorum terras fatali commigratione transierint (около 1540 г.). Сходно съ этимъ выразился уже за 60 лѣтъ до этого (1482) Joh. Argypoulos, когда онъ въ своей аудиторіи въ Римѣ слышалъ, какъ молодой Reuchlin переводилъ Эукидида: Graecia nostra exilio transvolavit Alpes.

образованности. Къ счастью, въ это время успѣли уже усвоить греческую ученость на сѣверѣ Агрикола, Рейхлинъ, Эразмъ, Этьены, Будэусъ и другіе.

Упомянутой нами колоніи положилъ начало Эмануилъ Хризолоръ¹⁾ (1396), а продолжателемъ его явился Георгъ Трапезундскій (1416); въ эпоху Флорентійскаго Собора Гемистъ Плетонъ и кардиналъ Виссаріонъ снова пробудили рвеніе къ грекамъ; далѣе слѣдуютъ: Теодоръ Гаца (около 1438); наконецъ, послѣ взятія Константинополя турками — Іоаннъ Аргиропулъ и Деметрій Халкондилъ (1448) который остался въ Италіи, жилъ во Флоренціи и Миланѣ (до 1511) и далъ своимъ сыновьямъ, Теофілу и Василию, прекрасное греческое образованіе, Андроникъ Каллистъ и Маркъ Музуръ, семейство Ласкарисъ и многіе другіе. Но только немногіе изъ этихъ поселенцевъ устроились въ Италіи такъ, какъ имъ хотѣлось; другіе, и въ томъ числѣ лучшихъ, какъ Гаца, напримѣръ, вернулись на родину, совершенно обманутые въ своихъ ожиданіяхъ. Послѣ того, какъ Греція была окончательно покорена турками, въ ней перестали являться новые ученые, если не считать сыновей бѣжавшихъ грековъ и нѣсколькихъ уроженцевъ Кандіи и Кипра²⁾. Причина упадка греческой образованности въ Италіи со смертію Льва X³⁾ заключалась отчасти въ перемѣнѣ умственныхъ теченій⁴⁾ вообще и въ относительной насыщенности уже современнаго поколѣнія классической литературой, но совпаденіе этого явленія съ вымираніемъ ученыхъ грековъ нельзя считать случайнымъ. Впрочемъ, если время около 1500 г. принять за мѣрило⁵⁾, мы

1) Объ Аgyropoulos'ѣ современникъ рассказываетъ, что онъ, въ противоположность другимъ грекамъ, подкупалъ слушателей своей привѣтливостью; его от bene, которымъ онъ прерывалъ свое изложеніе или встрѣчалъ отвѣты учениковъ, оставалось у всѣхъ въ памяти.

2) Ranke, Папы, I 486 и слѣд. — Ср. конецъ этого отдѣла и прим. XLІ.

3) Отчасти при немъ и по его винѣ, т. к. онъ далъ прекратиться дѣятельности основанной имъ эллинской академіи. Ср. Gnoli въ Rivista d'Italia (1898) II, 633 и слѣд.

4) Tommaso Gar, Relazioni della corte di Roma, I, стр. 338, 379.

5) Правда, уже въ 1497 г. отецъ Alexander'a не могъ добыть для своего сына греческаго учителя.

увидимъ обученіе греческому языку какъ распространенное явленіе, и въ это время учатся говорить по-гречески люди, которые полвѣка спустя свободно объясняются на этомъ языкѣ, какъ папы Павелъ III и Павелъ IV. Само собою разумѣется, что такое пристрастіе находилось въ связи съ личнымъ общеніемъ съ греческими уроженцами. Послѣдніе, возгордясь, заходили иногда дальше, чѣмъ слѣдуетъ и, хотя по временамъ встрѣчали отпоръ, какъ Аргиропулъ, когда онъ сталъ нападать на Цицерона, но мы видимъ, что даже тѣ изъ нихъ, у которыхъ отцы или дѣды были греками, какъ, напримѣръ, Антонио Феррари (*il Galateo* † 1516), могли безнаказанно бранить Италію и ея культуру¹⁾.

Кромѣ Флоренціи, другіе города также держали на жалованьи учителей греческаго языка — Римъ и Падуя почти всегда, Верона, Феррара, Венеція, Перуджіа, Павія и Болонья, если не всегда, то отъ времени до времени²⁾. Помимо того, греческая образованность въ Италиі безконечно многимъ обязана типографіи Альдо Мануччи въ Венеціи, начавшей съ 1494 года изданіе важнѣйшихъ собраній сочиненій греческихъ авторовъ, въ томъ числѣ Аристотеля съ комментаріями въ пяти фоліантахъ, всего 52 тома, большею частью *in folio*, въ первый разъ такимъ образомъ появив-

1) *De situ Japygiae*, Basel 1558, стр. 103: *Graeci sumus et hoc nobis gloriae accedit. Progenitoris mei Graeci sacerdotes fuerè . . . Pudet me in Italia natum fuisse . . . Graecia sua vetustate fortune, Italia suis consiliis, suisque discordiis periit. Utraque alienigenis servit haec sponte, illa invita Graecia Italiam saepe e barbarorum servitute liberavit, Italia Graeciam barbaris servire permisit.*

2) Georg изъ Траpezунт'а въ Венеціи въ 1450 г. вознагражденъ 150 дукатами въ качествѣ профессора, Malipiero, *Arch. stor.* VII, II, стр. 653 ср. выше (гл. VII). Относительно греческой кафедры въ Перуджіи см. *Arch. stor.* XVI II, стр. 19 и слѣд., далѣе R. Förster, *Fr. Zambecari*, стр. 33 и слѣд. — Для Римини остается неизвѣстнымъ, преподавался ли тамъ греческій языкъ; ср. *Anecd. litt.* II стр. 300: Въ Болоньѣ, главнымъ центрѣ юридическихъ наукъ, Ауриса имѣлъ только очень небольшою успѣхъ. Впослѣдствіи же Болонья стала главнымъ мѣстомъ изученія греческаго, ср. Malagolo, *Codro Urceo* стр. 1 до 137. Трудно, однако, допустить, что обученіе философіи велось тамъ на греч. языкѣ. Въ пригласительной грамотѣ слѣдуетъ, вѣроятно, читать вмѣсто *philosophiam graece profitentem—graecam*, также какъ говорится *o medicina graeca et latina*.

шихся въ печати на греческомъ языкѣ. Альдо рисковалъ при этомъ всѣмъ своимъ состояніемъ: это былъ одинъ изъ рѣдкихъ издателей, какихъ мы вообще знаемъ ¹⁾.

Изученіе восточныхъ языковъ. На ряду съ древними классиками въ это время широко распространяется также изученіе восточныхъ языковъ²⁾. Уже Данте высоко цѣнить еврейскій языкъ, хотя самъ былъ мало съ нимъ знакомъ. Начиная съ XV, вѣка ученые уже не довольствуются однимъ только признаніемъ еврейской литературы, но стараются приобрѣсти въ ней болѣе глубокія познанія. Эти научныя стремленія стали встрѣчать, однако, съ самаго начала отчасти поощреніе, но также и препятствія съ точки зрѣнія религіозной. Когда Поджіо, отдыхая послѣ трудовъ Констанцскаго собора, изучалъ въ Констанцѣ и Баденѣ еврейскій языкъ, подъ руководствомъ одного крещенаго еврея, „неумнаго и невѣжественнаго, говоритъ онъ, какими бываютъ евреи, которые крестятся“, онъ вынужденъ былъ защищать свое усердіе отъ нападокъ Леонардо Бруни, находившаго, что знаніе еврейскаго языка бесполезно и даже вредно. Далѣе, знаменитый флорентійскій ученый и государственный человѣкъ³⁾, Джіаноччо Манетти, въ своей догматической полемикѣ противъ евреевъ пользовался знаніемъ еврейскаго языка. По порученію папы Николая V, онъ перевелъ псалмы, но вынужденъ былъ защищать основныя положенія своего труда въ письмѣ къ Альфонсу; по желанію того же папы, предложившаго, между прочимъ, премію въ 5000 дукатовъ за отысканіе еврейскаго первоисточника евангелія св. Матвѣя, онъ собиралъ еврейскіе манускрипты, хранящіеся донинѣ въ бібліотекѣ Ватикана, и

¹⁾ Исчерпывающія сообщенія объ этомъ въ прекрасномъ сочиненіи A. F. Didot: *Alde Manuce et l'hellénisme à Venise*, Paris 1875. Ср. также *Catologues des livres Grecs et latins imprimés par A. M. reproduits en phototypie par H. Omont*, Paris 1892 fol. (3 каталога отъ 1498, 1503, 1513 гг.) сочиненія C. Castellani о типографахъ въ Венеціи 1889.

²⁾ Для слѣдующаго см. A. de Gubernatis, *Matériaux pour servir à l'histoire des études orientales en Italie*, Paris, Florence etc. 1876. Добавленія Soave въ *Bulletino italiano degli studi orientali* vol I, 178 sq. Болѣе точныя указанія на подробности сведены ниже въ Прибавленіи XLII.

³⁾ Ср. также ниже стр. 264.

началъ писать большое сочиненіе въ защиту христіанства противъ евреевъ¹⁾. Такимъ образомъ церковь стала пользоваться еврейской литературой: комалдулскій монахъ Амброджіо Траверзари изучалъ этотъ языкъ²⁾. Папа Сикстъ IV, воздвигшій зданіе для Ватиканской библіотеки, и умножившій ея содержаніе значительными приобрѣтеніями, не жалѣлъ также средствъ на жалованье латинскимъ, греческимъ, еврейскимъ скриттори³⁾ (*librarios*). Изученіе языка съ этого времени становится всеобщимъ; еврейскія рукописи тщательно собираются и въ нѣкоторыхъ библіотекахъ, какъ, напримѣръ, въ Урбинской, составляютъ иногда драгоцѣннѣйшую часть книжныхъ сокровищъ. Печатаніе еврейскихъ книгъ началось въ Италіи уже въ 1475 г. и значительно облегчило изученіе литературы на этомъ языкѣ самимъ итальянцамъ, а также и прочимъ народамъ, пользующимся еще въ теченіе многихъ лѣтъ итальянскими печатными произведеніями. Въ то же время во всѣхъ большихъ городахъ стали появляться знатоки еврейскаго языка, и изученіе его настолько стало общей потребностью, что въ 1488 г. была учреждена кафедра еврейскаго языка въ Болоньѣ, а въ 1514 г. въ Римѣ. Дѣло дошло до того, что еврейскому языку стали отдавать предпочтеніе даже передъ греческимъ⁴⁾.

Но среди всѣхъ, изучавшихъ еврейскій языкъ въ XV вѣкѣ, ни одинъ не приобрѣлъ такого значенія, какъ Пико делла Мирандола, такъ какъ послѣдній не ограничился однимъ только изученіемъ Библии и еврейской грамматики, но занимался также кабалой и талмудическими сочиненіями. Своими, хотя довольно скромными, успѣхами въ этой области знаній онъ былъ обязанъ еврейскимъ учителямъ. Кстати замѣтимъ, что евреи были вообще руководителями

1) Ср. *Commentario della vita di Messer Giannozzo Manetti scritto da Vespasiano Bisticci*. Torino 1862, особенно стр. 11, 44, 91 и слѣд. Было-ли стремленіе папы дѣйствительно вызвано тѣмъ, что современные ему филологи были склонны отказать отъ Вульгаты? Сочиненіе М. противъ евреевъ *libri X adv. Iud. et gentes ms. Urbin 58* у Wolf, *Bibl. hebr.* II, p. 1034.

2) *Vesp. Fior.* — *Frate Ambrogio* 85. — *A. Trav. Epist. lib. XI*, 16.

3) *Platina, Vita Sixti IV.* p. 332.

4) Ср. приложеніе XLII.

христіанъ въ изученіи еврейской литературы, и нѣкоторые изъ нихъ, бдльшей частью, правда, обратившіеся въ христіанство, заняли выдающееся положеніе въ качествѣ профессоровъ и высоко-чтимыхъ писателей¹⁾.

Кромѣ еврейскаго, изъ восточныхъ языковъ тщательно изучался еще арабскій, такъ какъ въ это время уже не довольствовались старыми латинскими переводами знаменитыхъ медицинскихъ сочиненій на арабскомъ языкѣ; съ внѣшней стороны этому стремленію давали толчокъ главнымъ образомъ венеціанскія консульства на востокѣ, такъ какъ при нихъ находились обыкновенно итальянскіе врачи. Но изученіе арабской литературы въ эпоху Возрожденія было только слабымъ откликомъ прежняго владычества арабской культуры, распространявшагося въ средніе вѣка надъ всей Италіей и даже надъ всѣмъ образованнымъ міромъ. Это владычество не только предшествуетъ Возрожденію, но въ извѣстной степени составляетъ противовѣсъ ему, и не безъ борьбы уступаетъ противнику завоеванное имъ положеніе. Иеронимо Рамузіо, венеціанскій врачъ, перевелъ большую часть Авицены съ арабскаго и умеръ въ Дамаскѣ въ 1486 году. Андреа Монгайо (Беллуно)²⁾ долгое время жилъ въ Дамаскѣ ради Авицены, изучилъ арабскій языкъ и внесъ поправки въ толкованіе любимаго автора; венеціанское правительство учредило для него спеціальную кафедру по этому предмету въ Падуѣ. Примѣру Венеціи послѣдовали также другіе: государи и частныя лица соперничали въ собираніи арабскихъ манускриптовъ. Юлій II учредилъ въ Фано первую арабскую типографію, а Левъ X обновилъ ее въ 1514 году³⁾.

1) Ср. прилож. XLIII.

2) Pierius Valerian, de infelic. lit. по поводу Mongajo ed. Mencken p. 301. Gubernatis, p. 184 считаетъ его тождественнымъ съ Andrea Alprago изъ Belluno (ум. ок. 1520), изучавшимъ также по его словамъ арабскую литературу и предпринимавшимъ путешествія на Востокъ. Объ изученіи арабства вообще см. Gub. p. 173 sqq. — О Ramusio ср. Sansovino, Venezia, Fol. 250.

3) Gubernatis p. 188. Первая книга содержитъ христіанскія молитвы на арабскомъ языкѣ, первый итальянскій переводъ корана появился въ 1547 г. Уже въ 1449 можно найти нѣсколько, правда, довольно неудачныхъ арабскихъ типовъ въ трудѣ Polifilo (стр. 226, прим. 2) в. 7а. О началѣ изученія Египта ср. Gregorovius, стр. 304.

Пико Мирандола. Мы должны остановиться здѣсь на дѣятельности Пико, прежде чѣмъ перейдемъ къ вліянію гуманизма во всемъ его объемѣ. Онъ первый выступилъ громко и энергично въ защиту наукъ и познанія истины всѣхъ временъ противъ односторонняго увлеченія классической древностью¹⁾. Онъ цѣнитъ по достоинству и по сохраненію не только Аверроэса и еврейскихъ ученыхъ, но также и произведенія средневѣковыхъ схоластиковъ и влагаетъ имъ въ уста слѣдующія слова: „Мы будемъ вѣчно жить не въ школахъ буквоѣдовъ, не тамъ, гдѣ спорятъ о матери Андромахи, или о сыновьяхъ Ніобеи, но въ кругу мудрыхъ, изучающихъ глубину божественныхъ и человеческихъ предметовъ; кто ближе подойдетъ къ истинѣ, тотъ убѣдится, что даже у язычниковъ духъ (Mensurium) живетъ въ груди, а не на языкѣ“. Владѣя самъ сильнымъ и хорошо обработаннымъ латинскимъ стилемъ и ясностью изложенія, онъ презираетъ пуризмъ педантовъ и рабское подражаніе, въ особенности, когда съ этимъ связаны односторонность и потеря или затемнѣніе великихъ истинъ. Его примѣръ показываетъ намъ, какое благородное направленіе могла бы принять итальянская философія, если бы реакція противъ реформации не помѣшала высокому развитію умственной жизни.

¹⁾ Преимущественно въ важномъ письмѣ отъ 1485 г. къ Ermolao Barbaro, у Ang. Politiani epistolae, L. IX. — Ср. Jo. Pici oratio de hominis dignitate. Объ этой рѣчи см. томъ II, гл. VIII и относящееся къ тому приложеніе LXXVI, о Pico въ 6 отдѣлѣ, 4 гл. будетъ рѣчь подробнѣе.

Глава IV

Гуманизмъ въ XIV вѣкѣ

Посмотримъ теперь, къ какому разряду принадлежали люди, впервые связавшіе настоящее съ чтимою древностью и положившіе эту древность въ основаніе новой образованности.

Классическое образованіе. Это была столбчатая толпа, съ внѣшней стороны ежедневно измѣнявшая свой ликъ, но для всѣхъ было ясно, какое значеніе пріобрѣлъ этотъ новый элементъ въ гражданскомъ обществѣ. Предтечами этихъ новыхъ людей были еще странствующие клерики XII вѣка, о поэтической дѣятельности которыхъ упоминалось выше (стр. 210). Мы видимъ здѣсь такое же скитальческое существованіе, такое же свободное и даже болѣе чѣмъ свободное возрѣніе на жизнь, и тѣ же зачатки античной поэзіи. Но на встрѣчу средневѣковой образованности, носящей по преимуществу духовный характеръ и культивируемой духовными лицами, выступаетъ новое теченіе, въ основѣ котораго лежитъ стремленіе ко всему, что находится за предѣлами среднихъ вѣковъ¹⁾. Активные представители новаго направленія пріобрѣтаютъ выдающееся индивидуальное значеніе²⁾ благодаря тому, что они знаютъ то, что знали древніе, стараются писать такъ, какъ писали древніе, начинаютъ мыслить и вскорѣ также

¹⁾ Ср. прилож. XLIV.

²⁾ Какъ они сами себя оцѣнивали, обнаруживается, напр., у Poggio (De avaritia, opp. ed. 1513 fol. 2, въ первыхъ фразахъ вступленія), въ заявленіи, что только тѣ могутъ сказать: „мы жили“ — se vixisse, кто написалъ ученныя или краснорѣчивыя книги по-латыни или переводилъ греческія сочиненія на латынь.

воспринимать впечатлѣнія такъ, какъ мыслили и воспринимали древніе. Традиціи, которымъ они посвящаютъ свою дѣятельность, проникаютъ въ жизнь безчисленнымъ количествомъ путей.

Недостатки гуманизма. Новые писатели часто скорбятъ о томъ, что гуманизмъ и возрожденіе древности помѣшали развитію національной итальянской образованности, замѣтно проявлявшейся во Флоренціи въ періодъ времени около 1300 года ¹⁾. Тогда — говорятъ они — во Флоренціи всѣ умѣли читать, даже погонщики ословъ пѣли Дантовскія канцоны, и лучшіе изъ сохранившихся итальянскихъ манускриптовъ — дѣло рукъ флорентійскихъ писцовъ; тогда, говорятъ, было возможно возникновеніе популярной энциклопедіи вродѣ „Tesoretto“ Брунетто Латинни, и все это представляло результатъ жизнедѣятельности, вызванной участіемъ гражданъ въ государственныхъ дѣлахъ, торговлей и путешествіями. Флоренція процвѣтала, потому что въ ней не знали, что такое праздность. Дарованія флорентійцевъ высоко цѣнились въ цѣломъ мірѣ, услугами ихъ всѣ пользовались, и папа Бонифацій VIII не даромъ называлъ ихъ „пятымъ элементомъ“. Съ усиленіемъ гуманистическихъ теченій, по мнѣнію недовольныхъ этимъ явленіемъ, начиная съ 1400 года, національныя стремленія исчезаютъ, рѣшенія всѣхъ проблемъ съ той поры ищутъ только у древнихъ, а потому и вся литература склоняется къ однѣмъ только цитатамъ; даже паденіе свободы приводится въ связь съ увлеченіемъ классической древностью, навязавшей современникамъ рабское поклоненіе авторитету, и литература древнихъ заслужила особое расположеніе и покровительство итальянскихъ деспотовъ, потому что она рисуетъ картину уничтоженія муниципальныхъ правъ.

Внутренняя необходимость возрожденія. Мы будемъ имѣть еще не разъ случай вернуться къ этимъ обвиненіямъ и рассмотреть, въ какой степени они справедливы и какимъ образомъ искупались указываемые недостатки. Но мы увидимъ сейчасъ, что культура XIV вѣка въ силу внутренней необходимости стремилась воспринять гуманизмъ, и что величайшіе итальянскіе гении, сами по себѣ наиболѣе націо-

¹⁾ Особенно Libri, Histoire des sciences mathem., II, 159 sq., 258 sq.

нальные, широко открыли двери гуманизму и очистили путь для его завоеваній въ XV вѣкѣ.

Данте. Прежде всего Данте. Еслибы за нимъ послѣдовала рядъ такихъ же гениевъ во главѣ итальянской культуры, то, несмотря на сильнѣйшее вліяніе классической древности, она не утратила бы ни малѣйшей доли своей въ высшей степени своеобразной національности. Но Италия, какъ и весь прочій Западъ, не произвела второго Данте, и за нимъ осталась первенствующая роль въ этомъ отношеніи, такъ какъ онъ первый выдвинулъ классическую древность на авансцену культуры того времени. Въ своей „Божественной Комедіи“ онъ разсматриваетъ античный и христіанскій міръ, правда, не на равныхъ правахъ, но тѣмъ не менѣе проводитъ между ними постоянно параллель. Подобно тому, какъ въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ было въ обыкновеніи сопоставлять между собою различные типы и образы древняго и новаго завѣта — такъ Данте въ основаніи своихъ идей пользуется бѣльшей частью и языческимъ и христіанскимъ сравненіемъ¹⁾. Но не надо забывать, что исторія и фантастика христіанства были всѣмъ близки и хорошо знакомы, тогда какъ античный міръ являлся въ туманномъ представленіи, много обѣщавшемъ и сильно дѣйствовавшемъ на воображеніе, и что вліяніе классической древности должно было поэтому естественнымъ образомъ получить перевѣсъ, когда уже не было Данте съ его уравнивающимъ гениемъ.

Петрарка живетъ донинѣ въ памяти большинства человечества, какъ великій итальянскій поэтъ, но слава его среди современниковъ заключалась гораздо больше въ томъ, что онъ, такъ сказать, олицетворялъ въ себѣ классическую древность, умѣлъ искусно подражать всѣмъ видамъ латинской поэзіи, своими историческими произведеніями старался сдѣлать древнюю ученость доступной всѣмъ и писалъ „посланія“, или разсужденія объ отдѣльныхъ предметахъ древ-

¹⁾ Purgatorio XVIII содержитъ, напримѣръ, вѣскія подтвержденія, Марія бѣжитъ черезъ горы, Цезарь — въ Испанію; Марія бѣдна, а Фабрицій безкорыстенъ. По этому поводу слѣдуетъ обратить вниманіе на попытку хронологическаго вплетенія сивиллъ въ античную свѣтскую исторію, сдѣланную Uberti въ Dittamondo (I, гл. 14. 15) около 1360 г.

ности, не имѣющія большой цѣнности для насъ, но значеніе которыхъ вполне понятно въ то время, когда еще не было никакихъ руководствъ. И Петрарка также надѣялся заслужить почетную извѣстность въ потомствѣ и среди современниковъ только латинскими сочиненіями, тогда какъ свои итальянскіе сонеты онъ цѣнилъ очень невысоко и часто даже старается увѣрить, что охотно уничтожилъ бы ихъ вовсе, еслибы могъ такимъ образомъ вырвать ихъ изъ памяти людей.

Боккаччіо. Тоже самое мы видимъ относительно Боккаччіо. Онъ былъ сотни лѣтъ извѣстенъ въ Европѣ, прежде, чѣмъ узнали что-нибудь по сую сторону Альпъ о его Декамеронѣ, только какъ авторъ мифологическихъ¹⁾, географическихъ и біографическихъ сочиненій на латинскомъ языкѣ²⁾.

Въ интересномъ прибавленіи къ 14 и 15 книгѣ „*De genealogia deorum*“ онъ разсматриваетъ значеніе народившагося гуманизма и его отношеніе къ своему времени. Правда, онъ говоритъ здѣсь постоянно объ одной только „поэзіи“, но это не должно насъ смущать, такъ какъ, приглядѣвшись, не трудно понять, что подъ этимъ выраженіемъ онъ, подобно Петраркѣ, разумѣлъ всю умственную дѣятельность поэтовъ-филологовъ³⁾. Онъ горячо нападаетъ на всѣхъ враговъ этой дѣятельности: на легкомысленныхъ неучей, интересующихся только пирами и весельемъ, на теологовъ-софистовъ, въ глазахъ которыхъ Геликонъ, кастальскій ключъ и роща Апполона представляются пустыми вещами, на жадныхъ юристовъ, по мнѣнію которыхъ занятія поэзіей

1) Первый переводъ на нѣмецкій яз. Декамерона Н. Steinhöwel's былъ напечатанъ уже въ 1472 и скоро сталъ излюбленной народной книгой. Почти всюду раньше итальянскаго Декамерона переводилась повѣсть о Griseid'ѣ въ латинской обработкѣ Петрарки.

2) О латинскихъ сочиненіяхъ Боккаччіо ср. Schück, Zur Charakteristik des ital. Hum. im 14 und 15 Jahrh., Breslau 1865 и Fleckeisen und Masius, Jahrbücher für Phil. und Pädag. Bd XX (1874), особенно Hortis, Studi sulle opere latine di Boccaccio, Triest 1876.

3) Poeta обозначаетъ еще у Dante (*Vita nuova*, p. 47) и безъ того только пишущаго латинскіе стихи, въ то время какъ для итальянскихъ стихотворцевъ употребляются выраженія *Rimatore*, *Dicitore per rima*. Впрочемъ, съ теченіемъ времени смѣшиваются и выраженія и понятія.

излишни, потому что не приносятъ дохода; наконецъ, на нищенствующихъ монаховъ, извергающихъ хулу на языческій міръ и его безнравственность ¹⁾. Петрарка указываетъ, между прочимъ, и на врачей, какъ на ненавистниковъ научныхъ познаній.

Эти два передовыхъ бойца за гуманизмъ, видя передъ собой не мало сильныхъ противниковъ, въ инья меланхолическія минуты, скорбятъ о томъ, что родились подъ несчастной звѣздой, и вынуждены жить въ невѣжественное время. Тѣмъ не менѣе въ общемъ они не смущаются ни числомъ своихъ враговъ, ни ихъ доводами. Въ защиту гуманизма они говорятъ, что поэзія древнихъ и слѣдующихъ по ихъ стопамъ новыхъ писателей свободна отъ всякой лжи; глубокой аллегорическій смыслъ этой поэзіи достоинъ величайшей похвалы и даже самая неясность ея можетъ пугать и отвращать только невѣждъ и тупоумныхъ людей.

Гуманизмъ и церковь. Наконецъ, Боккаччіо старается оправдать соотношеніе между современной эпохой и язычествомъ, очевидно, имѣя въ виду при этомъ свое собственное ученое произведеніе ²⁾. Другое дѣло, говоритъ онъ, конечно, было тогда, когда древняя церковь должна была еще защищать свое существованіе противъ язычества, но теперь—слава Иисусу Христу!—истинная религія окрѣпла, язычество уничтожено, побѣдоносная церковь вполне господствуетъ надъ врагомъ, а потому теперь можно разсуждать о язычествѣ и соприкасаться съ нимъ почти (ferè) безъ всякой опасности. Мы знаемъ, однако, что Боккаччіо не оставался до конца жизни вполне вѣрнымъ себѣ въ этомъ отношеніи. Причина его отступничества заключалась отчасти въ измѣнчивости его натуры, отчасти въ распространенномъ тогда еще предубѣжденіи, что теологи не должны заниматься литературой древнихъ. Къ этому надо прибавить извѣстное предостереженіе монаха Джоакино Чіани будто бы отъ имени

¹⁾ Petrarca въ мнимомъ письмѣ къ Ливію, *Err fam. ed. Fracass., Lib. XXIV ep. 8.* Ср. далѣе Geiger, *Petr. S. 113—117.* Противъ врачей *Invectivae in medicam objurgantem Lib. I и III.*

²⁾ Строже ограничивается онъ собственно поэзіей въ позднѣйшемъ письмѣ къ Jacobus Pizinga, въ *Opere volgari, vol. XVI, p. 36 sq.* И все же онъ и тамъ признаетъ за поэзію только то, что считается съ древностью, трубадуровъ же онъ игнорируетъ.

умершаго Піетро Петрони, предсказавшаго Боккаччо скорую смерть, если онъ не откажется отъ своихъ языческихъ убѣжденій. Испуганный этимъ предсказаніемъ, Боккаччо, дѣйствительно, готовъ былъ вовсе отказаться отъ своихъ классическихъ трудовъ, но Петрарка, къ которому онъ питалъ благоговѣйное уваженіе, возмутился этимъ и, убѣдивъ его цѣлымъ рядомъ превосходныхъ доводовъ въ томъ что гуманизмъ нисколько не противорѣчитъ религіи, заставилъ отказаться отъ принятаго рѣшенія ¹⁾.

Такимъ образомъ новое явленіе прочно утвердилось въ жизни, и вмѣстѣ съ нимъ появился на сценѣ новый классъ людей. Безполезно спорить о томъ, должно ли было это новое направленіе остановиться въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, поставить себѣ извѣстныя границы и стараться сохранить въ той или другой мѣрѣ національный характеръ: Мы видимъ господствующую въ то время всеобщую увѣренность, что верхъ національной итальянской славы заключается именно въ классической древности.

Увѣнчаніе поэтовъ. Этому первому поколѣнію поэтовъ-филологовъ присвоивается символическое чествованіе, не совсѣмъ исчезнувшее также въ XV и XVI вѣкѣ, но утратившее первоначальный высокій пафосъ: мы говоримъ объ увѣнчаніи поэтовъ лавровымъ вѣнкомъ. Начало этой церемоніи теряется въ далекомъ прошломъ среднихъ вѣковъ и никогда не приобрѣтало характера ритуальной церемоніи; такого рода увѣнчаніе представляло не что иное, какъ публичную демонстрацію, внѣшнее выраженіе литературной популярности и потому самому нѣчто измѣнчивое ²⁾. Данте, повидимому, придавалъ этой церемоніи полу-религіозное значеніе. Онъ хотѣлъ собственными руками возложить на себя вѣнецъ ³⁾ въ Баптистеріи,—на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ получилъ крещеніе, подобно сотнямъ другихъ флорентійскихъ дѣтей. Онъ могъ-бы, говоритъ его біографъ, быть увѣнчан-

¹⁾ Petr. Epp. senil. Lib. I, ep. 5.

²⁾ Boccaccio Vita di Dante, p. 50: la quale (laurea) non scienza accresce, ma è dell'acquistata certissimo testimonio è ornamento.

³⁾ Paradiso XXV, 1 sq.—Boccaccio, Vita di Dante, p. 50: sopra le fonti di Sanjovanni si era disposto di coronare. Cp. Paradiso I, 25. Пассажъ XXV, многими комментаторами объясняется какъ коронованіе его труппа (?).

нымъ въ любой странѣ, но не хотѣлъ этого нигдѣ, кромѣ своей родины, и потому умеръ не увѣнчаннымъ. Далѣе, изъ той же біографіи мы узнаемъ, что такого рода увѣнчаніе въ то время еще вовсе не было въ обыкновеніи, и на него смотрѣли только, какъ на обычай, перешедшій къ древнимъ римлянамъ отъ грековъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ исторіи Италіи эта церемонія упоминается въ первый разъ съ учрежденіемъ capitoлійскихъ состязаній музыкантовъ, поэтовъ и другихъ художниковъ, по образцу греческихъ игръ, повторившихся со времени Домиціана каждыя пять лѣтъ и пережившихъ, по всей вѣроятности, на нѣкоторое время, паденіе Римской имперіи.

Но немногіе осмѣливались думать, подобно Данте, о собственномъ увѣнчаніи, а потому возникъ вопросъ, кто въ правѣ увѣнчивать достойныхъ? Альбертино Муссато (ч. II гл. III) былъ увѣнчанъ въ 1315 году ¹⁾ въ Падуѣ епископомъ и ректоромъ университета; увѣнчаніе Петрарки (1341) послужило предметомъ спора между Парижскимъ университетомъ, ректоромъ котораго былъ въ то время какъ разъ флорентіецъ, и городскимъ управленіемъ въ Римѣ; кромѣ того, король Робертъ Анжуйскій, котораго самъ поэтъ избралъ судьей, охотно перенесъ бы эту церемонію въ Неаполь. Но Петрарка предпочелъ увѣнчаніе въ римскомъ capitoлии всякому другому. Въ продолженіе извѣстнаго времени эта церемонія оставалась, въ самомъ дѣлѣ, предметомъ наиболѣе честолюбивыхъ стремленій; о такомъ увѣнчаніи мечталъ, напримѣръ, Яковъ Пицинга, знатный сицилійскій чиновникъ ²⁾. Но затѣмъ въ Италіи появился Карлъ IV, которому доставляло большое удовольствіе производить разными церемоніями какъ можно болѣе сильное впечатлѣніе на толпу и на тщеславныхъ людей. Исходя изъ предвзятой идеи, будто бы увѣнчаніе поэтовъ составляло привилегію Римскихъ императоровъ, а потому должно перейти къ нему, онъ увѣнчалъ въ Пизѣ флорентійскаго уче-

¹⁾ Ср. A. G. Barrili въ Nuova ant. III ser, vol. 59, p. 651; этотъ авторъ доказываетъ, что день былъ 25 декабря, а годъ заключался между 1314 и 1316. Gloria установилъ день коронованія 3 дек. 1315, ср. Nuovo Arch. Ven. I, 422.

²⁾ Письмо Boccaccio къ тому-же, въ Opere volgari, vol XVI, p. 36; si praestet Deus, concedente senatu Romuleo...

наго Цаноби делля Страда (15 мая 1355 года), къ великому огорченію Петрарки, скорбѣвшаго о томъ, что „мужъ, любимый авзонійскими музами, увѣнчанъ лаврами варваровъ“, а также и Боккаччіо, который не хотѣлъ даже признать эти *laurea pisana* законными¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, невольно напрашивается вопросъ, какимъ образомъ этотъ полуславянинъ могъ взять на себя роль оцѣнщика итальянскихъ поэтовъ. Но какъ бы ни было, съ этого времени императоры стали увѣнчивать поэтовъ то здѣсь, то тамъ, во время своихъ путешествій по чужимъ землямъ (смотри гл. III), а затѣмъ въ XV вѣкѣ государи и папы стали имъ подражать въ этомъ, такъ что мѣсто и обстоятельства увѣнчанія потеряли вскорѣ всякое значеніе²⁾. Въ Римѣ, при папѣ Сикстѣ IV, академія³⁾ Помпонія Лаэта надѣляла лавровыми вѣнками, по собственному усмотрѣнію. Флорентійцы увѣнчивали своихъ знаменитыхъ гуманистовъ по заслугамъ, но только послѣ смерти: такъ были увѣнчаны лаврами Карло Аретино и Леонардо Аретино. Надъ ихъ тѣлами произнесли хвалебныя рѣчи передъ цѣлымъ народомъ надъ однимъ — Маттео Пальміери, а надъ другимъ — Джіанозцо Манетти; ораторъ стоялъ при этомъ въ головахъ катафалка, на которомъ покоилось тѣло въ шелковомъ одѣяніи⁴⁾. Кромѣ того,

1) *Matt. Villani*, V, 26. Была торжественная процессія на коняхъ кругомъ города, при чемъ императорская свита, его *baroni*, сопровождали поэта. *Voss. loccit.*; *Petr. Invectivae contra medicum praef.* Ср. также *Err. fam. vulgarizzate da Fracassetti* vol III (1065) p. 120. (Рѣчь, произнесенная *Zanobi* на коронованіи напечатана въ русской книгѣ Веселовскаго о *Vossaccio*, въ приложеніи ко II тому). Былъ-ли увѣнчанъ *Fazio degli Uberti*, это подвергается сильному сомнѣнію со стороны *Renier F. d. u. p. CCVI sff.*

2) Протестъ противъ вѣнчанія въ поэты иностранными правителями встрѣчается еще у *Cleophilus Phanensis de-coetu poetarum* *napr. ed. Bas.* 1518 p. 15.

3) *Jac. Volaterran* у *Murat.* XXIII, Col. 185.

4) *Vespas. Fior.*, *Lionardo d'Arezzo* § 10, *Carlo d'Aozzo* § 12. *Vita Tan. Mannetti*, у *Murat.* XX, Col. 543. Знаменитость *Lion. Aretino* была еще при жизни его такъ велика, что люди пріѣзжали со всѣхъ сторонъ только съ тѣмъ, чтобы повидать его и что одинъ испанецъ бросился передъ нимъ на колѣни. *Vesp. loccit.* 568.—На памятникъ *Guarino Феррарскій* магистратъ ассигновалъ въ 1461 г. 100 дукатовъ, для того времени значительную сумму. Хорошій обзоръ вѣнчаній поэтовъ въ Италиіи даетъ *Favre* въ *Mélange d'histoire litteraire* 1856, I, p. 65 sq.

Карло Аретино почтенъ было надгробнымъ монументомъ (въ Санта-Кроче)—однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ эпохи возрожденія вообще ¹⁾.

¹⁾ Еще Юлій II въ 1512 г. удостоилъ вѣнчанія двухъ поэтовъ, Vinc. Pimpinellus'a и Franc. Sgaraldus'a. Fédга подавалъ папѣ вѣнцы, episcopus Gurgensis (Lang) прикасался къ нимъ, какъ бы замѣщая тѣмъ императора.

Первый изъ увѣнчанныхъ былъ in habitu Orpheï, второй декла- мировалъ стихи in laudem Italiae exheratae. Такъ передаетъ Paris de Grassis у Creighton'a IV, 274 и сл. Въ концѣ онъ замѣчаетъ: Quae an bene vel secus facta fuerint, censeant alii.

Глава V

Университеты и школы

Вліяніе древности на образованіе, къ которому мы теперь перейдемъ, должно было вести, повидимому, къ преобладанію гуманистическихъ наукъ въ университетахъ. Но это завоеваніе совершилось не въ той мѣрѣ и не такъ скоро, какъ казалось бы можно было ожидать.

Итальянскіе университеты. Большинство университетовъ возникаетъ и усиливается въ Италіи¹⁾ въ XIII и

¹⁾ Ср. Libri, Histoire des sciences mathém. II, p. 92 sq.—Bologna, какъ извѣстно была старше, Pisa, хотя уже достигла расцвѣта въ 14 столѣтіи, была уничтожена враждебными дѣйствіями Флоренціи, а позже (1472) возстановлена Lorenzo magnifico „ad solatium veteris amissae libertatis“, какъ говоритъ Giovio, Vita Leonis X, L. I.—Флорентійскій университетъ (ср. Gaye, Carteggio, I, 461—560 passim; Matteo Villani I, 8; VII, 90, особенно Gherardi, Statuti della Università e studio Fiorentino, Fig. 1881. Ср. также разъясненія Is. del. Lungo, Florentia, стр. 101 и сл.), существовавшій уже въ 1321, причемъ было введено обязательное обученіе для всѣхъ мѣстныхъ уроженцевъ, былъ заново учрежденъ послѣ черной смерти въ 1348 г. и надѣленъ ежегоднымъ бюджетомъ въ 2,500 зол. гульденовъ, но опять заглохъ; въ 1357 г. былъ опять возстановленъ. Расцвѣтъ же его начался лишь въ 1420. Каѳедра объясненія Данте, учрежденная по петиціи большого числа гражданъ въ 1373 г., въ началѣ не была университетскимъ учрежденіемъ, впоследствии же неоднократно совмѣщалась съ каѳедрой филологіи и риторики, такъ еще у Filelfo (относительно послѣдняго Z. сомнѣвается)—замѣчательно, что слово universita является и остается синонимомъ корпораціи, товарищескаго союза. См., напр., Statuti dell'universita dei cochieri in Roma отъ 1565 г. въ Arch. della soc. Rom. 15, 211—228. Объ universitas bobacteriorum (первонач. пастуховъ, сельскихъ хозяевъ, старѣйшій уставъ которой возникъ въ 1402 г. ср. G. Ricci тамъ же 16, 131—180). Терминъ universitas mercatorum встрѣчается еще въ срединѣ 12 стол. О такой

XIV столѣтїи, по мѣрѣ того, какъ возрастающая полнота жизни начинаетъ предъявлять серьезную потребность въ различныхъ знанїяхъ. Сперва въ нихъ были только три каѳедры: церковнаго и гражданскаго права и врачебной науки; со временемъ къ этому присоединились еще профессуры риторики, философіи и астрономїи, при чемъ послѣдняя, въ большей части случаевъ, хотя не всегда, была тождественна съ астрологіей. Жалованье профессорамъ платилось разное. Бывали случаи, когда они получали одновременно извѣстную сумму. По мѣрѣ того, какъ развивалась потребность въ образованїи, университеты стали соперничать между собой и часто старались переманить профессоровъ одинъ отъ другого; при такихъ обстоятельствахъ одно время Болонья тратила на университетъ половину всѣхъ своихъ доходовъ, около 20 тысячъ дукатовъ. Профессора назначались обыкновенно только на извѣстный срокъ, даже на отдѣльные семестры¹⁾, такъ что доценты, подобно актерамъ, вели странствующій образъ жизни; бывали, впрочемъ, и пожизненныя назначенїя. Иногда ученые договаривались съ условїемъ не преподавать нигдѣ въ другомъ мѣстѣ. На ряду съ этимъ были также учителя, не получавшіе жалованья и занимавшїеся съ любознательными учениками по своей охотѣ.

Профессора-гуманисты. Изъ всѣхъ упомянутыхъ каѳедръ преимущественную цѣль гуманистовъ представляло преподаваніе риторики; но тѣ же филологи могли занимать одновременно и одну изъ специальныхъ каѳедръ: юриста,

università миланскихъ живописцевъ трактуеть E. Motta въ Arch. stor. lomb. ser. III vol. 3 p. 408 sq.

Порядочное число такихъ università перечисляетъ Bertolotti, Artisti subalpini in Roma, Mantua 1884 p. 128 sq.—Терминъ università для обозначенїя цеха, ремесленнаго товарищества и т. п. часто повторяется у Bertolotti, Art. oll. e belg., p. 294 sq. — Книга P. Sitta, Le università delle arti a Ferrara del sec. XII et XVIII извѣстна мнѣ только по цитатамъ.

¹⁾ Это слѣдуетъ принимать во вниманїе при перечисленїяхъ, какъ, напр., для профессорскаго списка изъ Pavia около 1400 г. (Cagio Storio di Milano, fol. 290), гдѣ, между прочимъ, встрѣчаются 20 юристовъ. Для Павїи см. превосходный перечень въ Memorie e documenti, Parte I, 1878. Отдѣльныя документальныя свѣдѣнїя Fil. Mar. Visconti объ Университетѣ: 1392, обязательное обученїе дѣтей мѣстныхъ уроженцевъ, 1412 — обязательство призвать quamplures famosissimos см. тамъ же P. II.

врача, философа или астронома, смотря по тому, въ какую область знаній углублялся тотъ или другой изъ нихъ въ своемъ изученіи классической древности. Вообще, какъ внутреннее соотношеніе наукъ, такъ и внѣшнее положеніе доцента были весьма измѣнчивы. Надо замѣтить, что въ то время нѣкоторые юристы и врачи получали гораздо большее жалованье, чѣмъ это было вообще принято, напримеръ, въ томъ случаѣ, когда городъ или государство держали на жалованьѣ извѣстнаго юриста для совѣщаній и процессовъ. Въ Падуѣ, въ XV вѣкѣ, юристъ получалъ ежегодно 100 дукатовъ¹⁾, а врачу, получавшему въ Пизѣ 700 гул. золотомъ, городъ предложилъ двѣ тысячи дукатовъ, съ правомъ сохранить частную практику²⁾. Когда Бартоломео Сочини, извѣстный юристъ и профессоръ въ Пизѣ, согласился принять мѣсто въ Падуѣ и собирался переѣхать туда, то, по распоряженію флорентійскаго правительства, его арестовали и не хотѣли отпустить, требуя 18,000 гул. зол. за его освобожденіе³⁾. Въ виду такой высокой оцѣнки профессій, понятно, что филологи старались приобрѣсти извѣстность въ качествѣ выдающихся юристовъ или врачей; въ то же время всякій, желавшій выдвинуться на какомъ бы то ни было поприщѣ, долженъ былъ непременно обнаружить такъ или иначе гуманистическое направленіе. Вскорѣ затѣмъ гуманисты стали проявлять дѣятельность въ разныхъ сферахъ практической жизни.

Профессора-филологи, несмотря на получаемую ими высокую плату⁴⁾ и различные побочные доходы, тѣмъ не менѣе, какъ сказано выше, не оставались долго на одномъ мѣстѣ, и нерѣдко какой-нибудь ученый вынужденъ былъ много разъ въ жизни мѣнять положеніе. Постоянная смѣна учителей объясняется отчасти новизною изучаемыхъ предметовъ и ожиданіемъ поэтому чего-нибудь новаго отъ каж-

1) Marin Sanudo, у Murat. XXII, Col. 990.

2) Fabroni, Laurent. magn. Adnot. 52, отъ 1491 г.

3) Allegretto, Diari sanesi, у Murat. XXIII, Col. 824.

4) Filelfo въ посланіи, въ которомъ проситъ Logenzo призвать его въ новоучрежденный пизанскій университетъ, требовалъ гонораръ въ размѣрѣ 500 зол. гульденовъ. Ср. Fabroni, Laur. magn. II, p. 75 sq. Переговоры, однако, потерпѣли крушеніе не только изъ-за высокаго требованія. Ср. приложение XLV.

даго ученаго, посвятившаго себя той или другой наукѣ. Было бы ошибочно также думать, что каждый, читавшій курсъ лекцій о комъ-нибудь изъ древнихъ авторовъ, принадлежалъ непременно къ постоянному персоналу мѣстнаго университета, такъ какъ, благодаря легкости передвиженія и большому числу свободныхъ помѣщеній въ монастыряхъ и т. п., достаточно было и частнаго приглашенія. Въ первыя десятилѣтія XV вѣка¹⁾, въ то время, когда университетъ во Флоренціи достигъ наивысшаго блеска, когда придворные Евгенія IV и, можетъ быть, даже еще Мартына V тѣснились въ аудиторіяхъ, гдѣ Карло Аретино и Филемеро соперничали въ популярности своими лекціями — въ то же время здѣсь не только существовалъ второй почти самостоятельный университетъ у августинцевъ въ Санъ-Спирито и цѣлый союзъ ученыхъ мужей и камальдуленцевъ въ Анжелино, но кромѣ того, многіе значительные граждане, въ отдѣльности или соединяясь между собой, приглашали ученыхъ читать имъ курсъ философіи или филологіи²⁾.

Свободное преподаваніе. Вообще занятія философіей и древней литературой долгое время, напримѣръ въ Римѣ, не находились вовсе въ связи³⁾ съ каедрой въ университетѣ (Сапіэнца) и опирались исключительно почти на покровительство папъ и прелатовъ или же соединялись съ какими-нибудь должностными занятіями въ папской канцеляріи. Только при Львѣ X (1513) послѣдовала полная реорганизация Сапіэнцы и назначеніе восьмидесяти восьми преподавателей, въ числѣ которыхъ были весьма даровитые люди и по предметамъ классической древности, но не звѣзды первой величины; весь этотъ блескъ, впрочемъ, недолго продолжался. О каедрахъ греческаго и еврейскаго языка въ Италіи мы уже упоминали вкратцѣ выше.

Если мы захотимъ въ общемъ представить себѣ теперь систему научнаго преподаванія въ тѣ времена, намъ надо

1) Ср. *Vespasian Fior. Vescovo d'J. mola § 1, G. Manetti § 2, Frate Ambrogio § 12.*—*Vita Tan Mannetti, у Murat. XX, Col. 531 и сл.*

2) Рѣдкій примѣръ учебнаго рвенія представляетъ 47-лѣтній *Gian-nicola Salerno*, неустанно продолжавшій, несмотря на всю свою ученость, посѣщать школу *Guarino, Giorn. ligustr. 18, 125.*

3) Противъ этого возражаетъ *Z.*, основываясь, впрочемъ, на довольно устарѣвшемъ сочиненіи.

постараться совершенно забыть о нынѣшнемъ академическомъ устройствѣ. Личное общеніе, диспуты, постоянное употребленіе латинскаго, а нерѣдко также и греческаго языка, наконецъ, частая смѣна профессоровъ и недостатокъ книгъ придавали распространенію знаній въ то время особый характеръ, и мы съ трудомъ можемъ представить себѣ все это въ подлинномъ видѣ.

Школы гуманистовъ. Латинскія школы находились во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ, и служили не для одной только подготовки къ высшему образованію, потому что латинскій языкъ считался такъ же необходимымъ, какъ чтеніе вообще, письмо и ариѳметика ¹⁾. Надо замѣтить, что эти школы уже тогда не зависятъ отъ церкви, но принадлежать городскому управленію или учреждаются частными лицами.

Со временемъ, однако, онѣ подъ руководствомъ замѣчательныхъ гуманистовъ все болѣе совершенствуются, и становятся расадниками высшаго рациональнаго воспитанія. Такимъ образомъ мы видимъ, напримѣръ, какъ воспитаніе дѣтей двухъ верхне-итальянскихъ государей служить началомъ возникновенія единственныхъ въ своемъ родѣ высоко-образовательныхъ учреждений.

Витторино. При дворѣ Джіованни Франческо началъ свою дѣятельность въ Мантуѣ знаменитый Витторино да Фельтре (род. въ 1397, † 1442) ²⁾, настоящее имя котораго

¹⁾ Нужно надѣяться, что не всѣ учителя были такъ неразумны, какъ Mario Filelfo, хотѣвшій читать съ 9 и 12-лѣтними учениками Риторику Цицерона и Поэтику Горація. Giorn. stor. della lett. ital. 16, 195, 197.

²⁾ Vespas. Fior. ed. Frati, II, 222 до 228. Онъ же называется I, 212 также и протонотаріуса Greg. Cogger въ числѣ воспитанныхъ въ домѣ V. Prendilaque (ученикъ Vitt.), Intorno alla vita di V. d. F., впервые изд. Natale della Laste 1774, переведено Giuseppe Brambilla, Como 1871. C. Rosmini, Idea dell'ottimo precettore nella vita e disciplina di Vittorino da Feltre e de'suoi discepoli, Bassano 1801. Новѣйшія сочиненія—Racheli (Миланъ 1832), Benoit Paris (1853). Ср. оригинальныя сообщенія въ Archivio storico lombardo (Milano) Anno XI 1884. Fasc 1°. E. Paglia, La casa giocosa di Vittorino da Feltre in Mantova. Davari, Note storiche intorno allo stud. publ. del sec. 15, 16. Mantua 1876, стр. 6 и сл. Morlet, Le Havre 1880. 5 писемъ V. d. F. опубл. въ Arch. Ven. 36, 329 и сл. О болѣзнях см. тамъ же замѣтку на стр. 357 А.— Объ упадкѣ школы первоисточники въ Giorn. stor. 16, 137 sq. Документъ о бо дукатахъ, данныхъ Paolo Malatesta взаимы V. d. F. въ 1430 г., Arch. Ven. XXXVI, 330; тамъ же 332 sqq. прошенія и письма V. къ Р. М.

Витторе даи Рамбальдони. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые все свое существованіе посвящаютъ одной цѣли, сосредоточивая въ одномъ направленіи всѣ свои умственные и душевныя силы. Онъ самъ почти ничего не писалъ; сохранившіяся у него юношескія стихотворенія онъ въ послѣдствіи уничтожилъ и только немногія изъ писемъ къ Амброджіо Траверзари, къ Паолѣ Малатеста — матери его воспитанника — и еще нѣкоторыя были напечатаны. Онъ усердно предавался научнымъ трудамъ, но не стремился къ какому либо званію, такъ какъ ненавидѣлъ всякія внѣшнія отличія; находился въ дружбѣ съ учеными, съ товарищами и со своими учениками, и умѣлъ непрерывно поддерживать эти отношенія. Въ личныхъ отношеніяхъ съ государями, на службѣ которыхъ онъ состоялъ, сохранялъ полную независимость. На ряду съ умственными занятіями, онъ охотно предавался также физическимъ упражненіямъ, и пользовался репутаціей превосходнаго наѣздника, танцора и фехтовальщика; онъ одѣвался одинаково зимой и лѣтомъ, въ холодное время года носилъ сандалии, никогда не пилъ вина, иначе какъ съ водой, и вообще велъ простую и умѣренную жизнь, а потому почти не зналъ болѣзней. Онъ умѣлъ побѣждать въ себѣ страсти, всякую склонность къ наслажденіямъ и гнѣвнымъ выходкамъ, и оставался, повидимому, цѣломудреннымъ всю жизнь; рѣдко случалось ему кого-нибудь оскорбить рѣзкимъ словомъ и его завѣтнымъ желаніемъ было, чтобы всѣ прочіе гуманисты проводили также жизнь въ мирныхъ трудахъ и добромъ согласіи между собой.

Витторино воспитывалъ сыновей и дочерей владѣтельнаго герцога въ Мантуѣ, и одна изъ этихъ дочерей подъ его руководствомъ достигла настоящей учености. Его извѣстность распространилась далеко за предѣлы Италіи, и ученики стали стекаться къ нему не только со всей Италіи, но даже изъ Германіи и другихъ земель; Герцогъ Гонзаго не запрещалъ ему руководить этими учениками и даже, повидимому, считалъ за честь для Мантуи, что она стала разсадникомъ образованія для знатныхъ людей; но рядомъ съ этимъ у Витторино была толпа другихъ учениковъ, руководство которыми составляло, повидимому, высшую задачу его жизни: это были бѣдные, но талантливые ученики; число ихъ доходило иногда до семидесяти, при чемъ они питались

въ его домѣ и получали образованіе „per l'amore di Dio“, на ряду съ знатными, поневолѣ пріучавшимися жить подъ одною крышей съ нищими, но талантливыми людьми. Но чѣмъ больше стекалось учениковъ, тѣмъ больше нужно было учителей, такъ какъ Витторино бралъ на себя только общее руководство и хотѣлъ, чтобы каждый учился только тому, къ чему у него были способности. Научное образованіе въ его школѣ было настолько разностороннее, что невольно напрашивалась мысль о преобразованіи ея въ университетъ, хотя право и медицина не входили въ ея программу. Въ школѣ учились читать, переводить и декламировать латинскихъ и греческихъ писателей, поэтовъ, историковъ и ораторовъ, а также ревностно изучали философію и любимый предметъ Витторино — математику. Въ то же время въ школѣ, на ряду съ изученіемъ наукъ, занимались гимнастикой и различными благородными тѣлесными упражненіями; далѣе предпринимались также прогулки и поѣздки для отдыха и поправленія здоровья.

Гонзаго платилъ ему, по условію, 270 гул. зол. въ годъ, но, кромѣ того, онъ выстроилъ для него прекрасный домъ, la Giokosa, въ которомъ учитель помѣщался со своими учениками, и помогалъ ему отчасти въ содержанціи неимущихъ воспитанниковъ. Иногда Витторино обращался также къ другимъ властителямъ и богатымъ людямъ съ просьбою о помощи нуждавшимся, но не всегда эти просьбы удовлетворялись, и тогда ему приходилось прибѣгать къ займамъ. Въ концѣ концовъ онъ пользовался, всетаки, извѣстнымъ благосостояніемъ, владѣлъ небольшимъ домомъ въ городѣ, имѣніемъ, гдѣ онъ проводилъ каникулы вмѣстѣ со своими учениками, а также знаменитой библіотекой, причемъ охотно давалъ и дарилъ свои книги другимъ, но сердился, когда замѣчалъ самовольное ихъ похищеніе. По утрамъ онъ читалъ священныя книги, затѣмъ бичевалъ себя и отправлялся въ церковь; ученики его также должны были посѣщать церковь, исповѣдываться разъ въ мѣсяцъ и самымъ строгимъ образомъ соблюдать посты. Они высоко почитали его, но трепетали передъ его взглядомъ; провинившихся наказывали тотчасъ вслѣдъ за проступкомъ, но Витторино никогда не прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ; самое жестокое наказаніе заключалось въ томъ, что виновный ста-

новился на колѣни и распростирался на землѣ въ присутствіи всѣхъ товарищей. Несмотря на такое униженіе, виновные питали къ нему уваженіе и привязанность. Витторино пользовался высокимъ уваженіемъ не только своихъ учениковъ, но и всѣхъ современниковъ вообще. Многіе предпринимали путешествіе въ Мантую только ради того, чтобы посѣтить его. На одной изъ медалей того времени о немъ говорится, какъ о великомъ математикѣ и „отцѣ всего человѣческаго“: *omnis humanitatis pater*; какъ символъ его дѣятельности изображенъ былъ пеликанъ, питающій дѣтей кровью своего сердца.

Гуарино (1374—1460), гуманистъ изъ Вероны, превосходилъ, повидимому, Витторино ученостью ¹⁾. Въ теченіе девяти лѣтъ онъ руководилъ занятіями учениковъ въ своей школѣ, въ родномъ городѣ, а затѣмъ въ 1429, по приглашенію Николо Д'Эсте, переселился въ Феррару для воспитанія его сына Ліонелло. Съ 1436 года, когда его воспитанникъ выросъ настолько, что уже меньше нуждался въ руководствѣ, онъ сталъ профессоромъ краснорѣчія въ мѣстномъ университетѣ и читалъ лекціи по предметамъ древней словесности на латинскомъ и греческомъ языкахъ. Еще въ то время, какъ онъ занимался съ Ліонелло, къ нему уже стекались ученики изъ разныхъ мѣстностей, и бѣднѣйшіе изъ нихъ большею частью жили въ его домѣ, если отличались способностями и усердіемъ къ наукамъ. Вечера до поздней ночи онъ посвящалъ поучительной бесѣдѣ и репетированію со своими учениками. Въ его школѣ, также какъ у Витторино, господствовали въ общемъ религія и строгая нравственность, хотя ему и не всегда удавалось устранить дурное вліяніе пришлыхъ элементовъ ²⁾. Гуарино изучалъ

¹⁾ *Vespas. Fior. II, 229—232*, о которомъ, однако, С. Rosmini, *Vita e disciplina di Guarino Veronese e de suoi discepoli*, Brescia 1805—6, 3 т., говоритъ (т. II, стр. 56): *formicolante di errori di fatto*. V. извиняется, что такъ мало сообщаетъ о G., имя котораго онъ пишетъ *Guerino* и жалуется, что ученики забыли написать біографію учителя. Новое капитальное сочиненіе о Guarino—Rem. Sabbadini: *La scuola e gli studi di G. V. Catania* 1896. Въ Sabbadini. G. V. e gli archetipi di Celso e Plauto, Livorno 1886 помѣщено письмо Lionello къ Card. Orsino, которое, если разсматривать его какъ простое описаніе, хорошо свидѣтельствуетъ о гуманистическомъ рвеніи правителя.

²⁾ *Giorn. ligust.* 28, 406.

ревностно библію и находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ современными защитниками религіи, но это не мѣшало ему писать въ защиту свѣтскихъ ученыхъ и поэтовъ.

Трудно понять, какимъ образомъ успѣвалъ Гуарино такъ много писать, несмотря на свою обширную учительскую дѣятельность, лекціи въ университетѣ и руководство школой. Его литературные труды заключаютъ въ себѣ переводы съ греческаго, различнаго рода торжественныя рѣчи, по случаю приемовъ гостей при дворѣ, похоронъ и праздничныхъ церемоній, обширныя введенія къ университетскимъ курсамъ, критическія и филологическія статьи о латинскихъ и греческихъ писателяхъ, біографіи, статьи и стихотворенія на разные случаи. Изъ всего, что имъ написано, многое напечатано, но болѣе сотни статей осталось въ рукописи, хотя многое въ нихъ представляетъ интересъ для обнародованія. Не всѣ ученые, впрочемъ, одинаковаго мнѣнія о его произведеніяхъ. Такъ, Фаціо хвалитъ ихъ, тогда какъ Паоло Кортеза, напротивъ, относится къ нимъ съ негодованіемъ и говоритъ, что имя Гуарино было бы славнѣе, если бы онъ совсѣмъ ничего не писалъ; оба критика, однако, единодушно подтверждаютъ, что все послѣдующее поколѣніе ученыхъ гордилось правомъ называть себя учениками Гуарино.

Оба гуманиста, Гуарино и Витторино да Фельтре, были дружны между собою и поощряли другъ друга къ ученымъ трудамъ; современники охотно сравнивали ихъ между собой, отличая то того, то другого, при чемъ Гуарино считался выше по знаніямъ. На медаляхъ того времени къ его изображенію прибавлялась подпись: „Источникъ учености греческой и римской“ ¹⁾. Но Гуарино не отличался мудрой скромностью и кроткой добротой, украшавшими Витторино. Онъ охотно повторялъ изреченіе Ксенократа: „Мнѣ случалось не разъ жалѣть о томъ, что я сказалъ, и никогда о томъ, что молчалъ“,—но въ дѣйствительности онъ охотнѣе говорилъ, чѣмъ молчалъ, и часто горячѣе, чѣмъ самъ бы хотѣлъ. Благодаря этому, онъ вдавался ино-

¹⁾ Для этого и для оцѣнки Guarino вообще ср. Facius, De viris illustribus p. 17 sq и Cortesius, De hominibus doctis, p. 13. Ср. Giuliani, Della letteratura Veronese al cadere del secolo XV, Bologna 1876.

гда въ ожесточенный споръ, какъ относительно ученыхъ вопросовъ, напримѣръ, по модному тогда вопросу, кто былъ выше: Цезарь или Сципiонъ, такъ и по поводу личныхъ обстоятельствъ. Нерѣдко ему приходилось защищаться по поводу послѣдню высказаннаго сужденiя, какъ это было съ его похвалою „Гермафродиту“ Беккаделли ¹⁾.

Подобно указаннымъ нами здѣсь примѣрамъ, воспитанiе дѣтей при дворахъ итальянскихъ князей и государей большею частью переходитъ въ руки гуманистовъ, и послѣднiе вмѣстѣ съ тѣмъ становятся близкими вообще къ придворной жизни и къ владѣтельнымъ особамъ. До сихъ поръ разсужденiя и трактаты о воспитанiи составляли задачу теологовъ, теперь же они естественнымъ образомъ становятся дѣломъ гуманистовъ. Начиная съ Бержерiо (Пьеръ-Паоло), гуманисты усердно сочиняютъ такiя руководства къ воспитанiю для итальянскихъ князей, а затѣмъ переносятъ свое влiянiе и за границу, въ Германiю. Эней Сильвiй первый написалъ обстоятельныя посланiя, содержащiя подробный планъ дальнѣйшаго образованiя для двухъ молодыхъ отпрысковъ дома Габсбурговъ, а именно, для эрцгерцога Сигизмунда и короля Владислава ²⁾; въ этихъ посланiяхъ онъ, разумѣется, старается дать гуманистическое направление въ духѣ итальянскаго возрожденiя и внушить симпатiю къ этому движенiю, хотя первое мѣсто въ программѣ королевскаго воспитанiя онъ отводитъ умѣнью управлять и хорошей воинской подготовкѣ. Онъ зналъ, конечно, что его гуманистическое ученiе падеть въ данномъ случаѣ на почву не особенно благоприятную, а потому придавалъ больше значенiя распространению списковъ съ этого посланiя среди обширнаго круга лицъ. Взаимныя отношенiя государей и гуманистовъ займутъ у насъ мѣсто еще впереди.

¹⁾ Ср. прилож. XLVI.

²⁾ Epist. 105, p. 600, p. 695, послѣднее какъ Tractatus de liberorum educatione (1450).

Глава VI

Покровители гуманизма

Гуманизмъ не могъ бы сдѣлать такихъ быстрыхъ успѣховъ, если бы не встрѣтилъ съ самаго начала поддержку во многихъ знатныхъ и богатыхъ людяхъ, въ особенности среди гражданъ Флоренціи, для которыхъ занятія древностью въ томъ или другомъ видѣ стали главной цѣлью жизни. Эти люди становились сами учеными или, по меньшей мѣрѣ, замѣчательными диллетантами и покровителями ученыхъ (ср. 244); они имѣли во всякомъ случаѣ огромное значеніе для переходной эпохи начала XV столѣтія, такъ какъ благодаря имъ гуманизмъ сталъ практически повседневымъ явленіемъ и охватилъ всѣ стороны индивидуальной и общественной жизни. Такимъ образомъ эти люди первые вступили на тотъ путь, по которому за ними уже пошли государи и папы.

Николо Никколи. Мы уже упоминали выше нѣсколько разъ имена Николо Никколи и Джіаннонцо Манетти. Веспасіано ¹⁾ рисуетъ намъ перваго, какъ человѣка, который даже во внѣшней обстановкѣ не выносилъ ничего нарушавшаго античное настроеніе. Онъ жилъ въ домѣ, наполненномъ прекрасными античными предметами, и производилъ своеобразное впечатлѣніе на посѣтителей своей стройной фигурой въ длинной одеждѣ и пріятною рѣчью; вся обстановка въ его домѣ носила характеръ необычайной опрятности, а во время ѣды столъ убирался бѣлоснѣжною скатертью и хрустальной посудой ²⁾. Онъ отличался такой тонкостью чувствъ,

¹⁾ III, 80—95. Далѣе о Niccoli есть рѣчь Poggio, Opera ed. 1513 fol. 102 sqq. и Vita Manetti въ его книгѣ De illustrium longaevis. На послѣднюю указываетъ Vesp. III, 95; первую онъ называетъ II, 209.

²⁾ Слѣдующія слова Vespasiano не поддаются переводу: a vederlo in tavola così antico come era, era una gentilezza (III, 92, гдѣ, впрочемъ, era разъ пропушено).

что не могъ выносить никакихъ непріятныхъ звуковъ въ родѣ крика осла, визга пилы или скрипа мышеловки. Мы приведемъ здѣсь любопытный разсказъ о томъ, какимъ образомъ ему удалось обратиться на истинный путь одного празднаго флорентійскаго юношу ¹⁾).

Пьеро де Патти, сынъ одного именитаго купца, назначавшійся къ той же карьерѣ, обладалъ красивой наружностью и предавался всѣмъ радостямъ жизни, меньше всего на свѣтѣ думая о наукахъ. Однажды, когда онъ проходилъ мимо палаццо дель Подеста, гдѣ, по словамъ Веспасіано, собирались ученые мужи и вели различные споры, его подозвалъ Никколи, и онъ подошелъ къ почтенному человѣку, хотя никогда съ нимъ прежде не говорилъ. Никколи спросилъ, кто его отецъ? Пьеро отвѣтилъ: Мессеръ Андреа де Патти. — Чѣмъ онъ занимается? — Пьеро отвѣтилъ съ безпечною, свойственной многимъ молодымъ людямъ, что онъ старается, по возможности, весело проводить время, — *attendo a darmi buon tempo*. Тогда Никколи замѣтилъ, что сынъ такого отца и обладатель такой счастливой внѣшности долженъ совѣститься не знать по-латыни, такъ какъ классическое образование украсило бы его еще болѣе; затѣмъ онъ напомнилъ ему, что молодость пройдетъ, и онъ не будетъ имѣть тогда никакого значенія (*virtu*) въ обществѣ, если не дастъ себѣ труда познакомиться съ классической древностью. Выслушавъ Никколи, молодой человѣкъ призналъ справедливость его словъ, и выразилъ желаніе изучить древнихъ авторовъ, если найдеть хорошаго учителя. — „Объ этомъ предоставь позаботиться мнѣ“ — сказалъ Никколи. И въ самомъ дѣлѣ, онъ нашелъ для Пьеро руководителя въ лицѣ ученаго мужа, знатока латинскаго и греческаго языковъ, по имени Понтано. Пьеро взялъ послѣдняго къ себѣ въ домъ и платилъ ему 100 гул. зол. въ годъ. Съ этихъ поръ онъ измѣнилъ образъ жизни, вмѣсто прежняго веселья, проводилъ дни и ночи надъ книгами, и сталъ со временемъ высокообразованнымъ госу-

¹⁾ Тамъ же, III, 185 sq. Ср. также III, 89 новаго изд. Обвиненіе *Logenzo di Marco Benvenuti* противъ *Niccoli* напечатано и комментировано *G. Zippel* емъ, *Giorn. stor.*, 24, 166—186. Ср. также *Zippel*, *N. N. Flor.* 1890.

дарственнымъ мужемъ и покровителемъ ученыхъ. Онъ зналъ наизусть всю Энеиду и многія рѣчи Ливія, изучивъ все это, большею частью, въ дорогѣ, во время переѣздовъ между Флоренціей и своимъ имѣніемъ въ Треббіо.

Никколи самъ много учился и училъ другихъ въ живой устной бесѣдѣ, но не хотѣлъ писать, и не позволялъ склонить себя къ этому. Подобно Витторино, онъ боялся, что не удовлетворитъ предъявляемымъ имъ самимъ высокимъ требованіямъ въ этомъ отношеніи. Въ своемъ изученіи классической древности, онъ придавалъ больше всего значенія ея вліянію на умственное развитіе и красоту внѣшнихъ формъ, но въ то же время не былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ въ нравственномъ отношеніи. Онъ отнял у брата любимую женщину (Бенвенута), чѣмъ вызвалъ негодованіе Леонардо Аретино, и позволилъ этой женщинѣ возстановить себя противъ нѣкоторыхъ друзей; онъ сердился, если отъ него требовали возвращенія взятыхъ для чтенія книгъ, и это обстоятельство послужило, однажды, причиной жестокой ссоры между нимъ и Гуарино; иногда онъ не могъ освободиться отъ чувства мелкой зависти, и, движимый ею, прилагалъ старанія къ тому, чтобы заставить Хризолора, Поджіо и Филельфо удалиться изъ Флоренціи.

*Джіанозцо Манетти*¹⁾ (1393—1459) представляетъ собой несравненно болѣе высокій примѣръ вліянія классиче-

¹⁾ См. его Vita сост. Naldius Naldi у Murat. XX Col. 532 sqq. Далѣе Vespasiano Bisticci, Commentario della vita di Messer Giannozzo Manetti, впервые изд. P. Fanfani въ Collezione di opere inedite e rare, vol. II, Torino 1862. Это commentario вѣроятно отличается отъ краткой Vita Manetti того же автора, послѣдняя теперь у Frati II, 33—84, первый тамъ же, 84—201. Въ Vita уже многократно указывается на Commentario. Vesp. былъ очень очень друженъ съ G. M.; въ биографіи онъ хотѣлъ дать идеальный образъ государственнаго дѣятеля въ назиданіе испорченной Флоренціи.—Vesp. является источникомъ для Naldi. Ср. далѣе отрывокъ у Galetti, Phil. Vill. liber. Flor. 1847, p. 129—138. Полвѣка спустя послѣ свей смерти G. M. былъ уже почти забытъ. Ср. Paolo Cortese p. 21. Полный перечень произведеній M. даетъ Pagnotti Arch. Stor. della soc. Rom. XIV, 429. Рѣзко выступаетъ противъ G. M. Filelfo, см. Legrand p. 115. Онъ отсовѣтуетъ Андронику византийскому (1465) пускаться съ Manetti, ни въ чемъ не отличающимся отъ слона, въ какія-либо дѣла. Самъ Filelfo (ср. его письмо къ Alb. Parisio [?] 31 окт. 1464) былъ въ ссорѣ съ G. M.

ской образованности. Въ очень раннемъ возрастѣ, почти еще дитя, онъ уже прошелъ курсъ торговой школы и затѣмъ сталъ вести книги у одного банкира; послѣ пятнадцати лѣтъ такой дѣятельности, онъ нашелъ эти занятія суетными и безцѣльными и рѣшилъ отдаться наукамъ, такъ какъ видѣлъ въ нихъ единственный путь, ведущій къ безсмертію. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ—одинъ изъ самыхъ знатныхъ гражданъ Флоренціи—отнынѣ погрузился въ книги и сталъ, какъ мы уже упоминали выше (стр. 239), однимъ изъ видныхъ ученыхъ своего времени. Но на современниковъ онъ оказывалъ гораздо большее вліяніе своею личностью, чѣмъ книгами. Онъ исполнялъ въ разное время различныя государственныя должности: посланника, сборщика податей и штатгальтера (въ Песчій, Пистойѣ и Муджіи) и всегда велъ себя, какъ человѣкъ съ идеальными стремленіями, составлявшими результатъ его религіозныхъ воззрѣній и гуманистическихъ трудовъ. Онъ исполнялъ всѣ данныя ему порученія самымъ безкорыстнымъ образомъ, отказываясь отъ личныхъ выгодъ; управляя дѣлами провинціи, онъ не принималъ ни отъ кого подарковъ, презиралъ подкупъ, требовалъ отъ подчиненныхъ строгаго, нелицепріятнаго исполненія обязанностей, заботился о народномъ продовольствіи, преслѣдовалъ азартную игру, рѣшалъ безъ промедленія всякія спорныя дѣла и всячески старался дѣйствовать кротостью и умиротворять страсти. Граждане Пистойи любили его и почитали, какъ святого; никто не могъ бы сказать, къ которой изъ двухъ городскихъ партій онъ питалъ большее расположеніе; когда кончился срокъ его управленія, обѣ партіи послали своихъ пословъ во Флоренцію просить о продленіи срока его должности. Въ свободные отъ дѣлъ часы онъ написалъ исторію города, стараясь указать въ ней на необходимость общаго согласія и равноправія гражданъ, какъ на символъ общаго благополучія; эта книга въ пурпурномъ переплетѣ сохранялась въ городскомъ замкѣ, какъ святыня¹⁾. Когда срокъ его должности кончился, городъ подарилъ ему знамя съ изображеніемъ городского герба и великолѣпный серебряный шлемъ. Манетти ревностно

¹⁾ Заглавіе сочиненія, на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ, приведено въ Bisticci, Commentario, p. 109, 112.

заботился объ интересахъ своего родного города какъ въ самой Пистойѣ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, на примѣръ, участвуя въ посольствѣ въ Венецію, въ Римѣ и у короля неаполитанскаго Альфонса; онъ вездѣ охранялъ честь своей родины, отклоняя всякія личныя почести, приобрѣлъ большую извѣстность своими рѣчами и дипломатическимъ искусствомъ, и получилъ названіе пророка, благодаря удивительному предвидѣнію послѣдствій.

Веспасіано Бистиччи. Кто хочетъ ближе ознакомиться съ характерами и дѣятельностью ученыхъ гражданъ Флоренціи въ эту эпоху, долженъ обратиться непосредственно къ Веспасіано, который зналъ ихъ всѣхъ, такъ какъ наибольшая цѣнность его разсказовъ заключается въ той атмосферѣ, въ которой онъ писалъ, въ томъ тонѣ, какимъ онъ все передаетъ и въ самыхъ обстоятельствахъ и условіяхъ его личнаго отношенія къ нимъ. Цѣнность его книги пропадаетъ даже въ переводѣ, не говоря уже о краткихъ замѣчаніяхъ, какими мы вынуждены здѣсь ограничиваться. Онъ не выдающійся писатель, но онъ хорошо знакомъ съ современной дѣятельностью гуманистовъ и обнаруживаетъ глубокое пониманіе внутренняго значенія этой дѣятельности.

Медичи.—Если мы теперь захотимъ опредѣлить настоящія причины волшебнаго вліянія, оказываемаго въ XV вѣкѣ членами дома Медичи, въ особенности Козимо старшимъ ¹⁾ († 1464) и Лоренцо Великолѣпнымъ, на Флоренцію и на современниковъ вообще, мы тотчасъ убѣдимся, что помимо всякой политики, главнѣйшая причина этого вліянія заключается въ ихъ первенствѣ на аренѣ тогдашней образованности. Козимо не только купецъ и глава партіи, но въ то же время склоняетъ къ себѣ всѣхъ, кто мыслить, и самъ учится и пишетъ; въ то же время онъ первый среди флорентійцевъ, по происхожденію, и занимаетъ первое мѣсто среди гражданъ по учености и образованности; все это вмѣстѣ дѣлаетъ его фактически вождемъ и главой Флоренціи. Козимо, сверхъ того, приобретаетъ громкую извѣстность вслѣдствіе того, что онъ первый понялъ значеніе Платоновой

¹⁾ Равнымъ образомъ заслуживаетъ упоминанія, какъ двигатель гуманизма, и второй сынъ Cosimo, Giovanni (1421—63), на котораго до сихъ поръ обращалось мало вниманія, ср. V. Rossi въ Atti dell. Acc. dei Lincei V, 2. 1893, стр. 38, 124—151.

философіи ¹⁾ для античнаго міра, сдѣлалъ ее достояніемъ своего времени и далъ такимъ образомъ новый толчокъ гуманизму, пробудивъ въ самомъ сердцѣ его, какъ бы вторичное и еще болѣе идеальное возрожденіе древности.

Писатели того времени оставили намъ точное изображеніе всего хода вещей ²⁾; прогрессъ заключался главнымъ образомъ въ призваніи ученаго Іоанна Аргиропула и въ личномъ рвеніи Козимо въ послѣдніе годы его жизни, при чемъ успѣхи его были такъ велики, что знаменитый Марсиліо Фичино называлъ себя духовнымъ сыномъ Козимо въ отношеніи пониманія Платона. Въ эпоху Пьетро Медичи Фичино находился уже во главѣ цѣлой школы, при чемъ къ нему перешелъ также отъ перипатетиковъ и сынъ Пьетро, внукъ Козимо, — знаменитый Лоренцо; къ числу замѣчательнѣйшихъ товарищей послѣдняго по школѣ принадлежатъ Бартоломео Валори, Донато Аччиажуоли и Пьерфилиппо Пандольфини. Мудрый учитель не разъ говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ, что Лоренцо проникъ во всѣ тайники платоновскаго ученія и что, по его убѣжденіямъ, не усвоивъ этого ученія, нельзя быть ни хорошимъ гражданиномъ, ни настоящимъ христіаниномъ. Въ кругу знаменитыхъ ученыхъ, группировавшихся возлѣ Лоренцо, преобладало это воззрѣніе, носившее по преимуществу характеръ идеалистической философіи и отличавшее эту группу ученыхъ отъ всѣхъ другихъ той же категоріи. Въ кругу такихъ воззрѣній только и могъ чувствовать себя счастливымъ Пико делла Мирандола. Но лучшее, что мы видимъ здѣсь, это то, что рядомъ съ культомъ древности, дворъ Лоренцо представлялъ собой

¹⁾ Раньше изъ нея могли быть извѣстны лишь отрывки. Курьезный диспутъ о противоположности Платона и Аристотеля имѣлъ мѣсто въ 1438 г. въ Феррарѣ между Ugo Benzi изъ Сиены и греками, явившимися на соборъ. Ср. Aeneas Sylvius de Europa, Cap. 52 (Opera p. 450).

²⁾ У Nic. Valori, въ біогр. Lorenzo Magn. ed. Galetti, стр. 167. — Ср. Vespas. Fior. Piero Acciaiuoli § 7. Первыми покровителями Arg. были Piero и Donato Acciagioli. Ib. I, Card. Nicono § 1: Cardinal Bessagion и его параллель между Платономъ и Аристотелемъ. Ib. Card. Cusano § 1: Cusanus какъ платоникъ, хотя только въ словахъ grande platonista. Ib. Vesc. Militense § 3. Каталонецъ Narciso и его ученый споръ съ Arguropulos. Ib. Lionardo d'Arezzo § 11: отдѣльные платоновскіе діалоги переведены уже Lionardo Aretino. Ib. Vesc. di Cinque Chiese § 6: начинающееся вліяніе неоплатонизма.

настоящій храмъ итальянской поэзіи, и что блестящая личность Лоренцо ярче всего отразилась въ этомъ именно направлении. Въ качествѣ государственнаго человѣка онъ можетъ вызывать различныя сужденія (стр. 106 и прилож. XI, XII), но въ высшей степени несправедливо обвинять Лоренцо въ томъ, что онъ будто бы покровительствовалъ, по преимуществу, посредственнымъ умамъ, и что по его винѣ оставались безъ поощренія такіе люди, какъ Тосканелли, Веспучи и другіе, а Леонардо да Винчи и математикъ Фра Лука Паччіоло даже не могли оставаться во Флоренціи. Онъ не былъ всестороннимъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, но, безъ сомнѣнія, однимъ изъ многостороннѣйшихъ защитниковъ и покровителей наукъ и, во всякомъ случаѣ, о немъ можно сказать съ увѣренностью, что такое отношеніе къ ученымъ и поэтамъ составляло для него искреннюю и глубокую потребность.

Классицизмъ, какъ основа образованія. Въ нашемъ вѣкѣ громко провозглашается потребность образованія вообще и въ частности значеніе въ этомъ смыслѣ древнихъ авторовъ, но нигдѣ и никогда мы не встрѣчаемъ такого энтузіазма въ этомъ отношеніи, такого необыкновеннаго единодушія и признанія необходимости классической образованности, какъ у флорентійцевъ XV и начала XVI вѣка. Мы имѣемъ рядъ косвенныхъ доказательствъ, устраняющихъ всякое сомнѣніе въ справедливости этого факта; если бы это не было такъ, и если бы занятія науками не считались благороднѣйшимъ достояніемъ жизни, у флорентійцевъ не было бы въ обычаѣ допускать и дочерей также къ совмѣстнымъ занятіямъ съ сыновьями; люди не могли бы считать себя счастливыми въ изгнаніи, какъ мы это видимъ на примѣрѣ Палла Строцци; наконецъ, люди, предававшіеся всякимъ излишествамъ, не могли бы съ такой охотой и терпѣніемъ критически изслѣдовать естественно-научные труды Плинія, какъ мы это видимъ на примѣрѣ Филиппо Строцци¹⁾. Здѣсь рѣчь идетъ не о хвалѣ или порицаніи, а о необходимости только признанія духа времени во всей его характерной жизнедѣятельности.

Не въ одной только Флоренціи, но и въ другихъ городахъ Италіи находились отдѣльныя лица или обществен-

¹⁾ Varchi, Stor. fiorent. L. IV. p. 321. Остроумное жизнеописаніе.

ные круги, проявлявшие ту или другую гуманистическую дѣятельность или задавшіеся цѣлью покровительствовать наукамъ и оказывать поддержку всякимъ умственнымъ стремленіямъ. Въ письмахъ и посланіяхъ того времени мы находимъ чрезвычайно богатый матеріалъ для изученія такого рода отношеній¹⁾. Вездѣ, гдѣ только проявляется въ общественной жизни образъ мыслей высоко-образованныхъ людей, мы видимъ одно общее связующее стремленіе въ означенномъ духѣ.

Гуманисты при дворахъ государей и папъ. Теперь намъ пора взглянуть на положеніе гуманистовъ при дворахъ государей (стр. 261). Выше (гл. II) мы уже говорили о внутреннемъ соотношеніи между деспотомъ и филологомъ, вліяніе котораго основывалось также на характерѣ его личности и таланта; послѣдній обыкновенно предпочиталъ жизнь при дворѣ пребыванію въ свободныхъ городахъ уже потому, что служба при дворѣ представляла больше выгодъ и услуги государю хорошо оплачивались. Когда одно время можно было думать, что Великій Альфонсъ Арагонскій станетъ властителемъ всей Италіи, Эней Сильвій²⁾ писалъ одному изъ сіенскихъ гражданъ: „Если его владычество дастъ миръ Италіи, то я предпочелъ бы его всякому другому современному управленію, такъ какъ король умѣетъ награждать всякаго рода превосходство въ наукахъ и искусствахъ“. Намъ не должны вводить въ сомнѣніе часто повторяющіяся жалобы на недостатокъ покровительства, скудное вознагражденіе и равнодушіе нѣкоторыхъ князей и государей³⁾, такъ какъ всѣмъ угодить не было возможности. Въ настоящее время нѣкоторые ученые слишкомъ склонны видѣть продажную лесть во всѣхъ сочиненіяхъ гуманистовъ, содержащихъ похвалы правителямъ, такъ какъ прежде такимъ похваламъ

¹⁾ Названныя выше ч. 3-я гл. V біографіи Rosmini (о Guarino и Vittorino), а также Shepherd, Life of Poggio, особенно въ итальянскомъ переводѣ Т. Tonelli (Флоренція 1825, 2 т.), отличающемся добавленіями и исправленіями, и изданная послѣднимъ переписка Poggio (2 т. Флоренція 1835 ff.), письма Poggio у Mai, Specilegium, Tom. X, Римъ 1844, р. 221—272, содержатъ многое по этому поводу.

²⁾ Epist. 39; Opera стр. 526 къ Mariano Socino.

³⁾ Еще въ 15 вѣкѣ, напр. Bapt. Mantuan. Elog. V и Poggio De infelicitate principum.

придавалось слишком много значенія. И то и другое представляетъ извѣстную крайность, но въ общемъ въ пользу правителей говорить то обстоятельство, что, какова бы ни была ихъ образованность, они считали себя обязанными стоять въ этомъ отношеніи впереди своего времени и покровительствовать другимъ. Нельзя не удивляться тому, какъ смѣло идутъ нѣкоторые папы¹⁾ навстрѣчу образованности, не опасаясь вовсе ея послѣдствій. Николай V былъ спокоенъ за участь церкви, зная, что тысячи ученыхъ готовы ее защищать. Пій II не жертвуетъ слишкомъ многимъ для наукъ и не окружаетъ себя поэтами²⁾, но тѣмъ не менѣе онъ лично стоитъ во главѣ республики ученыхъ, съ полной увѣренностью въ безопасности своего авторитета. Павелъ II первый начинаетъ относиться съ недоверіемъ и опасеніями къ гуманизму своихъ секретарей и, несмотря на покровительство его нѣкоторымъ ученымъ и поощреніе искусства книгопечатанія, остается недругомъ поэтовъ³⁾. Его преемники Сикстъ, Иннокентій⁴⁾ и Александръ принимали всякія посвященія и восхваленія въ стихахъ и прозѣ, — мы знаемъ, что въ то время появилась даже цѣлая Борджіада, по всей вѣроятности написанная гекзаметромъ⁵⁾, — но сами были заняты предметами слишкомъ далекими отъ поэзіи и старались упрочить свою власть совсѣмъ на другомъ основаніи и другими средствами, а потому очень мало интере-

¹⁾ Въ отношеніи нѣкоторыхъ подробн. см. указанныя соч. Gregorius, Pastor, Voigt.

²⁾ Извѣстная эпиграмма его: *Discite pro numeris numeros sperare poetae (Mutare est animus carmina non emere)*; въ отвѣтъ на нее появились отвѣты десяти поэтовъ (*Arch. stor. lomb. 20, 440 sq.*), изъ которыхъ сильнѣйшій говоритъ: *Papa Pius non es, verum impius antipapa (Hostis Musarum stultitiaeque comes)*. Ср. также Legrand стр. 105.

³⁾ Это слѣдуетъ непосредственно изъ запрещенія чтенія поэтовъ 16 марта 1468 г. Pastor II, 322 f.

⁴⁾ Для характеристики отношенія Иннокентія VIII къ поэтамъ срв. Infessura изд. Tommasini стр. 252.

⁵⁾ *Lil. Greg. Gyraldus, De poetis nostri temporis ed. Votke, стр. 38*, гдѣ упоминаетъ *Sphaerulus* изъ Камерино. Авторъ не справился во время со своимъ произведеніемъ и оно оставалось у него въ рукахъ 40 лѣтъ. — Объ Александрѣ VI и его покровительствѣ поэтамъ см. Cian, Giorn. stor. XXIX, 1897, стр. 427.

совались поэтами-филологами ¹⁾. Тѣмъ не менѣе Римъ сталъ средоточіемъ возрожденія, а папская курія—обычнымъ мѣсто-пребываніемъ благородныхъ и ученыхъ мужей ²⁾. Поэты воспѣвали Юлія II, такъ какъ онъ давалъ къ этому поводы (стр. 144), но самъ онъ, повидимому, мало о нихъ заботился ³⁾.

Левъ X и гуманизмъ. За нимъ послѣдовалъ Левъ X „подобно тому, какъ за Ромуломъ слѣдовалъ Нума“, другими словами, всѣ надѣялись, что при немъ оживутъ музы на смѣну военнымъ триумфамъ предшественника. Въ самомъ дѣлѣ, въ программу его жизни входило также наслажденіе латинской прозой,—онъ самъ хорошо говорилъ ⁴⁾,—и звучными стихами, и покровительствуемые имъ латинскіе поэты въ безчисленныхъ элегіяхъ, одахъ и эпиграммахъ, передали намъ достойнымъ образомъ жизнерадостный, блестящій духъ эпохи, носящей его имя, подобно тому, какъ это было сдѣлано также его біографомъ ⁵⁾. Во всей исторіи запада едва-ли

¹⁾ О скудныхъ гонорарахъ Сикста IV ср. Pier. Valer. De infelicit. lit. стр. 369 sq. гдѣ говорится о Theodorus Gaza. Онъ получилъ за переводъ и объясненіе одного сочиненія Аристотеля 50 гул. зол. ab eo a quo se totum inauguratum iri speraverat.—Conti (I, 206 sq.) говоритъ объ этомъ: aemulationis sectae quod in Platonius esset.—Заплатилъ лп въ самомъ дѣлѣ Павелъ II Филельфо за переводъ Сугорadiae 400 цехиновъ? Ф. послалъ тотъ же переводъ Федерико Урбинскому, заплатившему ему 25 гул. и его племяннику за переписку 12. Но эти деньги, также какъ и еще новые 50 гульд., не попали въ руки Филельфо. Arch. stor. lomb. 21, 161 sqq. Явное уклоненіе гуманистовъ отъ пожалованія въ кардиналы до Льва X, срв. Log. Grana рѣчь надъ гробомъ кардин. Egidio, Anecd. litt. IV стр. 307.

²⁾ Письмо отъ 18 іюля 1471, см. Rosmini II, 364.

³⁾ Противное этому Gnoli, L'Italia 1898 nr. 1, срв. также предисл. къ этому тому, см. в. стр. 251 прим. 1.

⁴⁾ Paris de Grassis (ed. 1884) стр. 22. Онъ говорилъ по латински, между тѣмъ какъ французскій король (Болонья 1515) обращался къ нему на французскомъ языкѣ.

⁵⁾ Лучшее въ этомъ родѣ находимъ въ Deliciae poetarum italogum и въ прилож. къ различнымъ изданіямъ Roscoe, Leo X. Нѣкоторые поэты и писатели вообще, какъ Alcyonius, Decilio ed. Mencken, стр. 10 признаются, что они хвалятъ Льва X, такъ какъ надѣются такимъ образомъ стать бессмертными. Придворный поэтъ при Львѣ X: zo Evangelista Magdalena Capodifero (подъ именемъ Фауста, какъ поэтъ въ Coryciana) въ Римѣ, умеръ послѣ 1527 г. Его стихотворенія, посвященные художественнымъ произведеніямъ и художникамъ сообщ. Ianit-schek, Rep III, 52 ff.

найдется государь до такой степени воспѣтый, несмотря на полное отсутствіе въ его царствованіе выдающихся событій.

Поэты пользовались доступомъ къ нему большею частью во время обѣда, послѣ того, какъ удалялись музыканты и пѣвцы ¹⁾, но одинъ изъ лучшихъ среди нихъ ²⁾ даетъ понять, что и въ другое время они слѣдовали за нимъ по пятамъ въ дворцовыхъ покояхъ и въ садахъ, а кому не удавалось его встрѣтить, писали ему просительныя письма, въ элегической формѣ, при чемъ обыкновенно являлся на сцену весь Олимпъ ³⁾. Это объясняется тѣмъ, что Левъ X не любилъ беречь денегъ, но зато очень любилъ видѣть постоянно веселыя лица и дарилъ съ такою щедростью, что въ послѣдующія тугія времена рассказы о ней прикинули миѳической характеръ. Говорятъ, что онъ носилъ при себѣ кошелекъ краснаго бархата, съ пакетиками золотыхъ монетъ разной величины и раздавалъ ихъ, не глядя. Но взаменъ того онъ требовалъ отъ поэтовъ талантливыхъ произведеній и, говорятъ, импровизаторовъ за его обѣденнымъ столомъ наказывали плетью, если стихи ихъ хромали ⁴⁾. Мы уже упоминали (стр. 255) о преобразованіи при немъ Сапіенцы. Для того, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ значеніе Льва X для гуманизма, мы должны оставить безъ вниманія нѣкоторыя странности его характера, въ родѣ, на примѣръ, той ироніи (стр. 190), съ которою онъ по временамъ относился къ серьезнымъ предметамъ. Мы можемъ правильно судить о немъ только на основаніи болѣе серьезныхъ явленій, такъ какъ его вліяніе на прогрессъ гуманизма нельзя облечь въ осязательную форму, но при тщательномъ наблюдении оно ясно обнаруживается. Въ основаніи всѣхъ вліяній гуманистовъ на Европу, начиная съ того времени (съ 1520 г.) лежитъ такъ или иначе импульсъ, исходившій отъ него

1) Paul. Jov. *Elogia doct. vir.* стр. 131, гов. о Guido Posthumus.

2) Pierio Valeriano въ его „*Simia*“.

3) См. элегію Ioh. Aurelius Mutius:—*Deliciae poeticae*. Объ одномъ совершенно неизвѣстномъ поэтѣ изъ эпохи Льва X, Saturno Gerona, испанскаго происхожденія, но римскомъ гражданинѣ, см. D. Gnoli, *Nuova antol.* 3 ser. vol. 51, стр. 232—248. Перечень получившихъ отъ него подарки *Nuova antol.* 4 ser. vol. 75, стр. 199.

4) Giraldi, *Hecatommithi* VI, Nov. 8 Jil. Greg. Gyraldus, *De poetis nostri temp.* Opp. II, стр. 398 (Bas. 1580).

Подписывая разрѣшеніе на печатаніе только что найденнаго Тацита ¹⁾, онъ въ правѣ былъ сказать: „Великіе писатели служатъ указателями жизни и угѣшеніемъ въ несчастіи“; покровительство ученымъ и поощреніе хорошихъ книгъ было для него всегда достойнѣйшей цѣлью жизни—говоритъ онъ, и въ настоящемъ случаѣ онъ благодаритъ небо за то, что одобреніе этой книги можетъ принести пользу человечеству.

Опустошеніе Рима въ 1527 г. разсѣяло въ разныя стороны не только художниковъ, но и писателей, и такимъ образомъ слава погребеннаго великаго покровителя разошлась во всѣ отдаленные концы Италіи.

Альфонсъ Великій. Изъ свѣтскихъ государей XV вѣка наибольшій энтузіазмъ къ античному міру проявилъ арагонскій Альфонсъ Великій, король неаполитанскій (гл. V). Повидимому, онъ былъ при этомъ вполне искрененъ и хотя съ трудомъ читалъ древнихъ авторовъ, тѣмъ не менѣе съ самого начала своего пребыванія въ Италіи находился подъ сильнымъ вліяніемъ древнихъ памятниковъ и классическихъ писателей; возможно, что увлеченіе его древностью обуславливалось отчасти также примѣромъ его предшественника Роберта, извѣстнаго покровителя Петрарки, и онъ хотѣлъ сравняться съ нимъ или даже его превзойти. Во всякомъ случаѣ мы видимъ, что онъ съ удивительной легкостію уступилъ брату всѣ свои арагонскія и другія владѣнія и отдался весь новому отечеству. Его дворъ вскорѣ сталъ сборнымъ пунктомъ и разсадникомъ выдающихся людей, изъ среды которыхъ вышелъ, между прочимъ, папа Каликстъ III. На его службѣ находились ²⁾ отчасти въ одно время, отчасти смѣняя другъ отъ друга, Георгъ Трапезунтскій, младшій-Хризолоръ, по имени Джіованни, Лоренцо Валла, Барто-

¹⁾ Roscoe, Leone X, ed-Bossi IV, 181. — Изъ прочихъ разрѣшеній Льва X книгъ къ печати нельзя заключать „о томъ, что онъ одобрялъ всегда ихъ содержаніе“, какъ справедливо замѣчаетъ Pastor III, 89 прим. 5.

²⁾ Vespas. Fior. Re Alfonso. Passim. Переводы съ греческаго по заказу А. тамъ-же стр. 29.—Vita Jan. Manetti см. Murat. XX, Col. 541 sq. 450 sq. 495.—Panormita, De dictis et factis Alphonsi, regis Aragonum libri quatuor. Commentar in eisdem Aenaeae Silvii изд. Jacob Spiegel, Базель 1538.

лемео Фачіо и Антоніо Панормитта—ученые, ставшіе историками его царствованія, при чемъ на обязанности послѣдняго лежало, между прочимъ, ежедневное чтеніе Ливія королю и его друзьямъ, при дворѣ и въ лагерѣ, во время походовъ. Онъ тратилъ на жалованье этимъ ученымъ 20.000 гул. зол. въ годъ; Панормитъ онъ заплатилъ за его ученый трудъ 1000 гул. зол., а Фачіо, за его „Исторію Альфонсовъ“, кромѣ 500 дукатовъ ежегоднаго жалованья, по окончаніи его труда, подарилъ еще 1500 гул. зол., сказавъ при этомъ: „Я не думаю, что расплатился съ вами, такъ какъ ваше сочиненіе не имѣетъ цѣны, и я не расплатился бы съ вами, если бы даже подарилъ вамъ одинъ изъ лучшихъ моихъ городовъ, но со временемъ я постараюсь васъ еще какъ-нибудь вознаградить“ ¹⁾. Когда онъ пригласилъ въ качествѣ секретаря Джіаноццо Манетти на самыхъ блестящихъ условіяхъ, онъ сказалъ ему: „Я охотно раздѣлилъ бы съ вами послѣдній кусокъ хлѣба“. Джіаноццо, еще раньше, присутствуя, въ качествѣ посланника Флоренціи, на свадьбѣ принца Ферранте, произвелъ на короля такое впечатлѣніе, что онъ „сидѣлъ неподвижно на тронѣ, какъ бронзовая статуя“ и даже не отогналъ муху, усѣвшуюся у него на носу, въ то время, какъ Манетти произносилъ поздравленіе.

Во время реставраціи замка онъ пользовался Витрувіемъ; сочиненія древнихъ авторовъ онъ возилъ всегда съ собой и считалъ день потеряннымъ, если не могъ что-нибудь прочесть, при чемъ не любилъ, если ему кто-нибудь мѣшалъ во время чтенія; онъ считалъ не заслуживающими уваженія государей, не занимающихся науками и не покровительствующихъ ученымъ. Онъ поощрялъ также своихъ подданныхъ къ занятіямъ науками, посылалъ молодыхъ людей въ Парижъ учиться и, какъ единственную благодарность, требовалъ отъ нихъ только серьезныхъ успѣховъ. Его любимымъ мѣстомъ отдохновенія была, повидимому, бібліотека въ неаполитанскомъ дворцѣ, и если не было бібліотекаря, онъ самъ открывалъ ее и проводилъ время одинъ или же

¹⁾ Но Альфонсъ не могъ всѣхъ также удовлетворить, напр. Poggio; срб. Shepherd Tonelli, Vitta di Poggio, II 108 sq и письмо. Къ Facius'у см. Fac. de vir-ill. ed. Mehus стр. 88, гдѣ говорится объ Альфонсѣ: ad ostentationem quaedam facit quibus videatur doctis viris favere и письмо Poggio у Mai, Spicil. m. X стр. 241.

садился у окна, откуда открывался прекрасный видъ на море, и слушалъ разсужденія ученыхъ богослововъ о Святой Троицѣ. Онъ былъ вообще религіозенъ и, кромѣ Ливія и Сенеки, охотно слушалъ также чтеніе вслухъ библіи; послѣднюю онъ прочелъ четырнадцать разъ и зналъ ее почти наизусть. Онъ платилъ вступной взносъ за женщинъ, желавшихъ постричься въ монастырь, прилежно посѣщалъ церковь и съ большимъ вниманіемъ слушалъ проповѣдь. На одной изъ медалей съ его изображеніемъ стоитъ надпись: „Господь Богъ есть моя сила и мое благословеніе“. Предполагаемая кости Ливія, хранившіяся въ Падуѣ (ч. 2-я гл. III), вызывали у него чувство восторга и почтенія. Вслѣдствіе его усиленныхъ просьбъ, венеціанцы подарили ему одну изъ этихъ костей, и онъ хранилъ ее въ Неаполѣ съ тѣмъ страннымъ обожаніемъ, въ которомъ проявлялись и христіанскій и языческій элементы. Во время одного похода ему указали въ Аbruццахъ на отдаленную Сульмону—отечество Овидія; онъ привѣтствовалъ городъ и благодарилъ генія этихъ мѣстъ; повидимому, его радовало, что предчувствіе великаго поэта о будущей славѣ оправдалось ¹⁾ и что онъ—Альфонсъ принималъ участіе въ оправданіи этого пророчества. Во время своего знаменитаго вѣзда въ окончательно завоеванный Неаполь (1443) онъ воскресилъ одну изъ античныхъ процессій; вблизи Меркатто была пробита брешь, шириною въ сорокъ локтей, и онъ совершилъ такимъ образомъ вѣздъ въ городъ на золотой колесницѣ, какъ римскій триумфаторъ ²⁾. Воспоминаніе объ этой процессіи увѣковѣчено мраморной триумфальной аркой въ Кастельнуово. Неаполитанская династія также мало унаслѣдовала его энтузіазмъ къ древности, какъ и другія его хорошія качества ³⁾.

Федерико, герцогъ Урбинскій, знаменитый ученикъ знаменитаго Витторино да Фельтре, былъ несравненно обра-

¹⁾ Ovid. Amores III, vs. 11.—Jovian Pontan. De principe.

²⁾ Giorn. napolet. у Murat. XXI Col. 1127.

³⁾ Vesp. Fior. Proemio § 4. Federico duca § 23: Vole aver piena notizia d'ogni cosa, così sacra come gentile.—Ср. стр. 52 и 229. Одинъ изъ его до сихъ поръ неизвѣстныхъ почти поэтовъ Cantalizio (Epigrammata 1483) одобрит. упоминается Zannoni Atti della acc. dei Linc. V, 3, 1894, стр. 485 ff.

зованнымъ, чѣмъ Альфонсъ, но не держалъ возлѣ себя массы ученыхъ, не былъ вообще расточителенъ, и какъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, такъ и въ занятіяхъ классической древностью, руководствовался всегда разсчитаннымъ планомъ. Большинство переводовъ съ греческаго, а также много важныхъ комментаріевъ и обработокъ древнихъ памятниковъ, явилось въ свѣтъ по инициативѣ его, также какъ и Николая V. Онъ выдавалъ много денегъ, но всегда съ разсчетомъ, и платилъ только нужнымъ ему людямъ. При его дворѣ не было много поэтовъ и онъ самъ былъ ученѣйшій въ Урбино. Классическая древность составляла во всякомъ случаѣ только часть его высокой образованности; въ качествѣ превосходнаго государя и полководца и какъ „человѣкъ“ вообще онъ усвоилъ себѣ большую часть знаній того времени и умѣлъ давать имъ практическое примѣненіе. Въ качествѣ теолога, на примѣръ, онъ сличалъ современныхъ богослововъ и ознакомился также съ отцами церкви востока и запада, съ первыми въ латинскомъ переводѣ. Въ изученіи философіи онъ, повидимому, совершенно уступилъ Платона своему современнику Козимо, но зато изъ сочиненій Аристотеля превосходно зналъ не только Этику и Политику, но также Физику и многіе другіе его труды. Сверхъ того, онъ особенно любилъ всѣхъ древнихъ историковъ, отдавалъ имъ преимущество передъ поэтами и постоянно перечитывалъ этихъ авторовъ самъ или приказывалъ читать ихъ себѣ вслухъ.

Всѣ *Сфорца* ¹⁾ были также болѣе или менѣе учеными и заявили себя въ качествѣ меценатовъ (гл. III, V.), объ этомъ была уже рѣчь выше. Герцогъ Франческо при воспитаніи своихъ дѣтей считалъ, повидимому, гуманистическое образованіе необходимымъ уже изъ однихъ политическихъ видовъ; безъ сомнѣнія, въ то время считалось вообще извѣстнаго рода преимуществомъ, если государь могъ стоять на равной ногѣ съ ученѣйшими людьми.

¹⁾ При послѣднемъ Visconti еще продолжалось соревнованіе между Ливіемъ, рыцарскими романами, Данте и Петраркой (гл. V). Гуманисты, приходившіе къ его двору и „дѣлавшіе его знаменитымъ“, пользовались гостепріимствомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, а затѣмъ бывали вынуждены удалиться. Ср. Decembrio, Murat. XX Col. 1114.

Людовикъ Мавръ, будучи самъ превосходнымъ латинистомъ¹⁾, выказываетъ уже, однако, интересъ и ко всѣмъ другимъ проявленіямъ умственной жизни, выходящимъ далеко за предѣлы древности (гл. V).

Борзо и другіе тираны. Но и менѣе значительные деспоты стремились усвоить себѣ высокую степень образованности, и ихъ напрасно обвиняютъ иногда въ томъ, будто они держали при своихъ дворахъ гуманистовъ только для того, чтобы тѣ ихъ восхваляли. Такъ, феррарскій герцогъ Борзо (гл. V), несмотря на все свое тщеславіе, едва-ли разсчитываетъ на безсмертіе, благодаря своимъ поэтамъ²⁾, такъ какъ ставитъ свое достоинство гораздо выше этого; онъ питаетъ, повидимому, склонность къ итальянскому языку преимущественно передъ латинскимъ и сердится, когда его придворный астрологъ Карло да Санъ-Джорджіо передаетъ исторію заговора будто-бы противъ него, владѣльца Піо, на латинскомъ, а не на итальянскомъ языкѣ³⁾. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что и онъ самъ и его наслѣдники считаютъ необходимой принадлежностью двора личное общеніе съ учеными, интересъ къ древности и обращеніе къ изящной латинской эпистолографіи. Практически высоко образованный герцогъ Альфонсъ (гл. V) сожалѣетъ, что его болѣзненное состояніе въ молодые годы вынуждало его заниматься по преимуществу ручнымъ трудомъ и помѣшало приобрѣсти разностороннее образованіе⁴⁾. Впрочемъ,

1) Z. опровергаетъ это, ссылаясь на новыя изслѣдованія. Быть можетъ Bugk. основывался на письмахъ Мого, въ дѣйствительности написанныхъ его секретарями-гуманистами.

2) Тѣмъ не менѣе онъ заплатилъ Lorenzo Spirito 50 гульд. за латинское стихотвореніе d'altro marte, Mario Filelfo 25 дукатовъ, вѣроятно, за Glycephila, Alberto di Vercelli и Alessandro Toscani за хвалебныя стихотворенія 10 дукатовъ. Ср. Venturi, L'arte и Ferrara 86 г. стр. 4 f.—Итальянскіе гуманисты ввели въ Германіи тотъ же родъ стихотвореній посвященныхъ государямъ. Сицилианецъ Priamus Carotius Libybita († 1517 на родинѣ) опубликовалъ въ 1488 г. въ Лейпцигѣ Liber Fridericeidos (битва Фридриха съ раненой шекой съ его противниками). Ср. Ваuch., Mitth. der Ges. см. Erz. u Schulg VI, 167.

3) Atti e memorie II, Parma, 1864, стр. 370. Причина гнѣва лежитъ скорѣе всего въ томъ, что Борзо не понималъ по-латыни. Такъ объясняетъ упомянутый Carlo di San Giorgio въ итальянскомъ переводѣ названнаго сочиненія.

4) Paul. Jovii Vita Alfonsi ducis.

даже современники не могли понять вполне его душу, и мы не знаем, не имѣлъ-ли онъ въ виду этими словами отдѣлаться отъ притязаній ученыхъ.

Даже самые маленькіе изъ романьольскихъ тирановъ не могутъ обойтись безъ одного или нѣсколькихъ гуманистовъ при своемъ дворѣ; воспитатель сыновей и личный секретарь чаще всего совмѣщаются въ одномъ лицѣ и оно же нерѣдко является также придворнымъ фактотумомъ¹⁾. Нѣкоторые судятъ слишкомъ поспѣшно объ этихъ отношеніяхъ, забывая, что въ области культуры и высшихъ умственныхъ явленій нельзя пользоваться одной общей мѣркой.

Жизнь смѣлаго язычника и кондотьера *Сигизмунда Малатеста* (деспотъ съ 1432 г.) со всею его дѣятельностью въ этомъ направленіи представляетъ во всякомъ случаѣ своеобразное явленіе. Онъ держалъ при себѣ многихъ филологовъ, въ томъ числѣ Порчелліо Базиніо изъ Пармы, Требаніо и др., и нѣкоторыхъ изъ нихъ щедро награждалъ землями и подарками, между тѣмъ, какъ другіе должны были довольствоваться только скуднымъ содержаніемъ въ качествѣ воиновъ; такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Базиніо, издѣваясь надъ своими соперниками голодными паразитами и солдатами, несмотря на преклонный возрастъ²⁾, тогда какъ онъ, Базиніо, владѣетъ собственной землей и виллой. Въ замкѣ Малатесты—*arx Sismundea*—его филологи часто ведутъ между собой довольно ядовитые диспуты въ присутствіи самого „гех“, какъ они его называютъ; въ своихъ латинскихъ стихотвореніяхъ они его восхваляютъ, конечно, и воспѣваютъ его любовь къ прекрасной Изоттѣ дельи Атти, въ честь которой перестроенъ знаменитый соборъ въ

1) Collenuccio при дворѣ Giovanni Sforza см. Pesaro (сынъ Alessandro, стр.) наградившаго его въ концѣ концовъ смертью. 1508, см. стр. 30 прим. 1.—При послѣднемъ Ordelafo въ Форли это мѣсто занимаетъ Codrus Urceus 1477—1480, сожалѣніе о его смерти С. U. Opp. Ven. 1506 fol. III; о пребываніи въ Форли Sermo VI.—Въ числѣ образованныхъ тирановъ надо упомянуть Galeotto, убитаго 1488 своей супругой (Galeotto Manfredi, Faenza), также нѣкоторые Бентивольи.

2) Anecdotta literar. II, стр. 305 sq. 405. Стихотворенія риминійскихъ поэтовъ напечатаны въ Trium poetarum opuscula, Paris 1559; ср. далѣе Ch. Ygiarte, Rimini, Парижъ 1882. Относительно Rimini вообще см. соч. Tonini, отца и сына, 1860, ff.—Соч. Basinio, Римини 1794 (2 т.) стр. стр. 38 прим. 1.

Римини—*Divae Isottaе Sacrum*. Когда эти филологи умирали, их хоронили въ саркофагахъ, украшавшихъ ниши съ наружной стороны стѣнъ собора; надгробная надпись обыкновенно гласила, что такой-то похороненъ здѣсь въ правленіе Сигизмунда, сына Пандольфо.

Намъ кажется теперь почти невѣроятнымъ, что такой злодѣй, какъ Малатеста, могъ высоко цѣнить образование и испытывать потребность въ обществѣ гуманистовъ. Тѣмъ не менѣе мы видимъ, что Пандольфо умѣлъ привлечь къ себѣ не только какихъ-нибудь „придворныхъ“ поэтовъ, но и такихъ людей, какъ тонкаго и талантливаго лирика Джусти де Конти (умеръ въ 1447) и ученаго Вальтуріо (стр. 119, прим. 2)—„короля наукъ“. При помощи послѣдняго и другихъ ученыхъ мужей онъ извлекалъ изъ тайниковъ философіи образы и формы для аллегорическихъ картинъ, украшавшихъ его церковь; онъ же считалъ драгоцѣннѣйшей добычей предпринятаго имъ турецкаго похода, останки великаго Гемиста Плетона, на гробовой доскѣ котораго приказалъ сдѣлать надпись, содержащую въ себѣ трогательное выраженіе энтузіазма и глубокаго обожанія. Даже самъ папа Пій II, отлучившій его отъ церкви, приказавшій сжечь его изображение (*in effigie*) и воевавшій съ нимъ, говоритъ о немъ: „Сигизмундо хорошо зналъ исторію, обладалъ большими свѣдѣніями въ философіи и казался родившимся для всего, за что онъ брался“¹⁾. Но примѣры такихъ противорѣчій въ эпоху возрожденія нерѣдки вообще: Трочіо, одинъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Борджіа, убійца и грабитель, усердно собиралъ итальянскія сонеты, а Тривульціо, грубый воинъ, потерпѣвъ большія потери во время опустошенія Милана, ни о чемъ такъ не жалѣлъ, какъ о потерянномъ экземплярѣ Квинта Курція.

1) Pii II. Comment. L. II стр. 92—*Historiae* заключаетъ здѣсь въ себѣ понятіе о всемъ древнемъ мірѣ. Paulus Cortesius также очень его хвалитъ, стр. 34 sq. Нѣкоторые сонеты Sigism-Pandolf. Malatesta опубликованы P. Blancioni въ Раваннѣ, 1860 (nozze).

Глава VII

Реставрація древности: эпистолографія и латинская рѣчь

Но были въ то время два рода дѣятельности, въ которыхъ и республики, и государи, и папы одинаково считали невозможнымъ обойтись безъ услугъ гуманистовъ, а именно, въ корреспонденціи и въ публичныхъ праздничныхъ рѣчахъ.

Высокій стиль канцелярій. Секретарь долженъ былъ быть хорошимъ латинистомъ и владѣть прекраснымъ стилемъ, но сверхъ того эту должность могли занимать тогда только люди съ большимъ образованіемъ и талантомъ; въ этомъ отношеніи лишь гуманисты пользовались достаточнымъ довѣріемъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что наиболѣе выдающіеся ученые въ XV вѣкѣ большую часть своей жизни посвящали такого рода службѣ государству. При этомъ не придавалось никакого значенія, гдѣ человекъ родился, и какого онъ былъ происхожденія; изъ четырехъ знаменитыхъ флорентійскихъ секретарей¹⁾, занимавшихъ это мѣсто съ 1427 г. до 1465 г., трое, а именно: Леонардо (Бруни), Карло (Марцупини) и Бенедетто Аккольти проис-

¹⁾ Fabroni, *Cosmus*, Adnot. 118. — *Vespas. Flor.* passim. — О томъ чего требовали Флорентійцы отъ секретарей (*quod honor apud Florentinos magnus habetur*) говоритъ Facius, рассказывая о назначеніи Poggio секретаремъ: *De vir. ill.* стр. 17), у Aeneas Sylvius, *De Europa*, cap. 54 (Opera, стр. 454). О реформѣ канцеляріи 1437 говоритъ F. P. Luiso (*Arch. stor. ital. ser. V, vol. XXI*) стр. 132 ff. С. Aretino и Poggio получали 600 гульд. золотомъ, но изъ этой суммы они должны были платить 4 potare. Bernardo Accolti (*l'Unico*) срв. данныя у Luzio и Renier 1893, стр. 259 прим. I. и тамъ-же стр. 259—270 (о его отношеніи къ Мантуѣ и его судьбѣ въ Римѣ; герцогство Нарі тамъ же стр. 266 прим. I).

ходили изъ подвластнаго города Арцо; Поджіо былъ родомъ изъ Терра-Нуовы, также подчиненной Флоренціи. Впрочемъ, многія изъ высшихъ государственныхъ должностей принципиально замѣщались въ то время уроженцами чужихъ мѣстностей. Леонардо Поджіо, и Джіанноццо Манетти были также, каждый въ свое время, секретарями папъ, а Карло Аретино разсчитывалъ на эту должность ¹⁾. Біондо изъ Форли и даже Лоренцо Валла въ концѣ концовъ также исполняли эту обязанность. Со временъ Николая V и Пія II ²⁾ папскій дворъ притягиваетъ къ себѣ всѣ наиболѣе значительныя силы гуманистовъ, и такъ поступаютъ даже послѣдніе папы въ концѣ XV вѣка, хотя они и мало расположены цѣнить литературныя заслуги вообще. Платина въ своей исторіи папъ изображаетъ Павла II въ комическомъ видѣ, мстя ему такимъ образомъ за то, что онъ не умѣлъ обращаться съ гуманистами и недостаточно цѣнилъ собраніе „поэтовъ и ораторовъ, сообщавшихъ куріи столько же блеска, сколько они заимствовали отъ нея“. Надо видѣть, какъ эти надменные разбогатѣвшіе люди, умѣвшіе извлекать изъ всего добычу не хуже самихъ папъ ³⁾, приходили въ неистовство въ тѣхъ случаяхъ, когда возникалъ споръ о мѣстничествѣ и консисторіальные адвокаты, напримѣръ, пытались занять первое мѣсто или сравняться съ ними ⁴⁾. Они подымали тотчасъ шумъ, апеллировали къ евангелисту Іоанну, которому открыты были всѣ небесныя тайны, *Secreta coelestia*, напоминали о секретарѣ Порсены, котораго М. Сцевола принялъ за самого короля.

¹⁾ Z. справедливо замѣчаетъ, что титулъ „папскаго секретаря“ часто означаетъ только титулъ, а не настоящее званіе.

²⁾ Ср. гл. X и ч. 3-я гл. VI, и G. Voigt, *Enea Silvio*, какъ папа Пія II, т. III, стр. 448, о перемѣнѣ происшедшей въ немъ, плохо понятой, хотя объ этомъ много говорилось.

³⁾ Ср. Jacob Spiegel 1521, *Извѣстія Вѣнской Академіи XLVIII*, стр. 333.

⁴⁾ *Anecdotta lit. I*, стр. 119 sq. *Actio ad cardinales deputatos*, защита секретарей Jacobus Volterranus, безъ сомнѣнія относится ко времени Сикста IV (Voigt. см. стр. 552, прим. 3). Ср. также болѣе раннее письмо къ папѣ Мартыну V за секретарей, противъ адвокатовъ, *Mehus Leon. Aretini epist. Vol. I*, стр. 25 sqq. *Lib. V*, ep. 5. — Претензіи консисторіальныхъ адвокатовъ основывались на ораторскомъ искусствѣ, а секретарей на письмахъ.

О Меценѣ, тайномъ секретарѣ Августа и о архіепископахъ, называвшихся въ Германіи секретарями или канцлерами, и т. д.¹⁾. Секретари держатъ въ своихъ рукахъ — говорили они — важнѣйшія дѣла всего міра; кто, какъ не они, ведутъ переговоры о католической вѣрѣ, объ искорененіи ереси, объ упроченіи міра и служатъ посредниками между величайшими монархами? Не они-ли ведутъ также статистическій обзоръ исторіи христіанскихъ народовъ? Они приводятъ въ изумленіе королей, государей и различные народы папскими посланіями; составляютъ приказы и инструкціи легатамъ; получаютъ указанія только отъ самихъ папъ и потому день и ночь находятся въ общеніи съ ними“. Но вершины славы достигаютъ лишь двое знаменитыхъ секретарей изъ стилистовъ Льва X: Піетро Бембо и Джакоппо Садолето²⁾.

Стиль писемъ. Не во всѣхъ государственныхъ канцеляріяхъ, однако, заботятся о стилѣ; во многихъ случаяхъ встрѣчается сухой чиновничій слогъ и неправильный латинскій языкъ, свойственный большинству обыкновенныхъ гражданъ. Въ сообщаемыхъ Коріо миланскихъ документахъ, невысокаго достоинства въ смыслѣ стиля, выгодно отличаются нѣсколько писемъ, принадлежащихъ членамъ правящаго дома и написанныхъ чистѣйшимъ латинскимъ языкомъ, хотя они и вызваны, повидимому, крайностью въ минуты серьезныхъ осложненій³⁾. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь въ этой способности заботиться о стилѣ при всякихъ обстоятельствахъ жизни, результатъ воспитанія и привычки. Кромѣ чиновниковъ, корреспонденціей занимались также частныя лица и всякаго рода ученые; но цѣлью писемъ не было тогда сообщеніе свѣдѣній о себѣ или

¹⁾ Настоящая королевская канцелярія при Фридрихѣ III знала Энея Сильвія лучше другихъ. Срв. Ерр. 23, 105, Орега стр. 516—607.

²⁾ Ср. прилож. XLVII.

³⁾ Corio, Storia di Milano fol. 449, письмо Изабеллы Арагонской къ ея отцу Альфонсу Неаполитанскому; fol. 451, 464 два письма Л. Мавра къ Карлу VIII. — Къ этому нелишнее припомнить разсказъ въ Lettere pittoriche III, 86 (Sebast. del Piombo къ Аретино) о томъ, какъ Клементъ VII, во время опустошенія Рима, сидя въ крѣпости, заставляетъ cadaго изъ своихъ ученыхъ секретарей сочинять письмо къ Карлу V.

новостей только о себѣ и о другихъ. На письма смотрѣли тогда скорѣе какъ на литературный трудъ, съ цѣлью выказать образованіе, или заслужить почетную извѣстность въ ограниченномъ кругу лицъ. Прежде всего письмо занимало мѣсто ученой статьи или трактата о какомъ-нибудь предметѣ, и Петрарка, родоначальникъ такого рода литературной корреспонденціи, воскресилъ древній стиль, замѣнивъ, на примѣръ, средневѣковое „вы“ классическимъ „ты“, Его непосредственнымъ пріемникомъ въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, былъ Коллучіо Салутати ¹⁾). Позднѣе письма становятся настоящимъ сборникомъ изящныхъ и тонкихъ оборотовъ съ цѣлью, на примѣръ, возвысить или унижить людей подчиненныхъ, польстить друзьямъ и коллегамъ, или, напротивъ, осмѣять кого-нибудь, польстить высокопоставленнымъ лицамъ, или выпросить у нихъ что нибудь. Филельфо и Поджіо считались въ особенности образцовыми стилистами въ этомъ смыслѣ; нѣкоторыя изъ ихъ писемъ распространялись въ безчисленномъ множествѣ списковъ и поставили авторамъ громкую извѣстность: оба они охотно собирали свои письма въ сборники, подобно тому, какъ это дѣлалъ Петрарка еще сто лѣтъ раньше, съ цѣлью оставить потомству свидѣтельство своихъ обширныхъ связей и громкой извѣстности ²⁾).

Съ цѣлью усовершенствовать стиль въ то время усердно изучали сборники посланій Цицерона, Плинія и др., пользуясь ими во многихъ отношеніяхъ, хотя дѣлая видъ, что относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ. Въ XV вѣкѣ появился также цѣлый рядъ указателей и пособій къ корреспонденціи на латинскомъ языкѣ, какъ одна изъ отраслей безконечнаго числа грамматическихъ и лексикографическихъ трудовъ, приводящихъ насъ и теперь еще въ изумленіе огромнымъ количествомъ въ книгохранилищахъ. Но чѣмъ болѣе незванные охотники упражнялись въ своихъ писа-

¹⁾ Новое изданіе писемъ Салутати представляетъ большую цѣнность и въ этой книгѣ многое взято изъ этихъ писемъ съ большою пользой; въ то же время нетрудно убѣдиться, что письма замѣняли въ то время и журнальныя статьи и нравственные или политическія трактаты, упражненія въ стилѣ и сборники руководствъ.

²⁾ Относительно эпистографіи вообще, ср. G. Voigt, *Wiederbelebung*, II, стр. 417—435.

ніяхъ, при помощи этихъ руководствъ, тѣмъ болѣе приобрѣтали дѣйствительно высокое значеніе письма, напримеръ, Полиціано и въ началѣ XVI вѣка Пьетро Бембо, какъ недостижимые почти образцы, не только въ отношеніи латинскаго стиля, но и какъ памятники эпистолографіи вообще.

Рядомъ съ этимъ въ XVI вѣкѣ появляется также и классическій итальянскій стиль, при чемъ Бембо и здѣсь находится во главѣ, хотя и считаетъ еще нужнымъ оправдываться въ томъ, что пишетъ по-итальянски¹⁾. Мы видимъ здѣсь вполне современную манеру письма, очевидно, преднамѣренно отличающуюся отъ латинскаго стиля, хотя, въ сущности, проникнутую всецѣло классическимъ вліяніемъ. Эти письма, правда, носятъ въ извѣстной мѣрѣ интимный характеръ, но болѣею частью рассчитаны, повидимому, также на возможность ихъ обнародованія и, по всей вѣроятности, авторамъ присуще было сознаніе, что письма эти станутъ извѣстны также и другимъ, уже ради одной красоты слога. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ XV столѣтіи начинаютъ появляться печатные сборники писемъ, представляющіе иногда пеструю смѣсь различныхъ авторовъ, или же весь сборникъ составлялся изъ писемъ одного къ разнымъ лицамъ; тотъ же Бембо славился, какъ эпистолографъ, одинаково на итальянскомъ какъ и на латинскомъ языкѣ.

Краснорѣчіе. Но еще съ болѣшимъ блескомъ сравнительно съ авторами писемъ подвизается ораторъ²⁾, такъ какъ итальянцы того времени находили чрезвычайное наслажденіе въ слушаніи рѣчей, и народная фантазія охотно представляла себѣ при этомъ древній римскій сенатъ съ его краснорѣчіемъ. Къ тому же краснорѣчіе въ это время уже совершенно освободилось отъ вліянія церкви, служившей ему прибѣжищемъ въ средніе вѣка, и стала необходимымъ элементомъ и украшеніемъ культуры и общественной жизни. Во многихъ торжественныхъ случаяхъ, когда мы пользуемся музыкой, въ тѣ времена довольствовались латинской или итальянской рѣчью. Тѣмъ не менѣе, Бартоломео Фаціо еще жалуется, что въ его время ораторское

1) Ad Sempronium. Bembi Opera Bas. 1556, Vol. III, стр. 156 sq.

2) Срв. рѣчи въ Opera: Philelphus, Sabellicus, Bergaldus и др. и посланія и біографіи Gian. Manetti, Aeneas Sylvius и др.

искусство не цѣнится такъ, какъ въ древности: изъ троякаго рода предметовъ древняго краснорѣчія остался только одинъ, такъ какъ судебная рѣчь стала спеціальностію юристовъ, а въ совѣщаніяхъ о государственныхъ дѣлахъ вошелъ въ употребленіе итальянскій языкъ¹⁾.

Для слушателей было безразлично принадлежитъ-ли ораторъ къ знатному сословію или нѣтъ, но прежде всего требовалось совершенство рѣчи и гуманистически обработанный талантъ. При дворѣ герцога Борзо въ Феррарѣ врачъ Хрозамо да Каstellо произносилъ привѣтственную рѣчь²⁾ при встрѣчѣ какъ Фридриха III, такъ и Пія II; женатые міряне говорятъ съ церковной кафедры во время праздничныхъ и траурныхъ церемоній и даже въ дни празднованія святыхъ. На соборѣ въ Базелѣ членамъ не итальянцамъ казалось страннымъ, что миланскій архіепископъ разрѣшилъ говорить не посвященному еще Энею Сильвію, но, несмотря на ропотъ теологовъ, всѣ слушали его рѣчь съ большимъ вниманіемъ³⁾.

Различные поводы для произнесенія рѣчей. Посмотримъ теперь, какого рода были важнѣйшіе и чаще повторяющіеся случаи публичнаго краснорѣчія.

Прежде всего надо замѣтить, что посланники различныхъ городовъ и правительствъ непремѣнно отличались краснорѣчіемъ. Всѣ, даже наиболѣе секретные переговоры, сопровождалась неизбѣжной пышной церемоніей и публичною рѣчью, произносимой въ самой торжественной обстановкѣ⁴⁾. Кто-нибудь одинъ изъ многочисленнаго персо-

¹⁾ В. F. de viris illustribus ed. Mehus стр. 7. Manetti подобно какъ Vesp. Bisticci стр. 51 сообщаетъ, что многія рѣчи произносились на итальянскомъ яз., но затѣмъ переводились на латинскій. — Ученые 15 вѣка, какъ напр. Paolo Cortese, обсуждали вообще произведенія прошедшихъ временъ только со стороны eloquentia.

²⁾ Diario Ferrarese, Murat. XXIV, Col. 198, 205.

³⁾ Pii II Comment. L. L стр. 10. Filelfo, — женатый свѣтскій чело-вѣкъ произноситъ въ соборѣ рѣчь по случаю назначенія епископа Scarampi 1460. Rosmini: Filelfo II стр. 122. III стр. 147.

⁴⁾ Насколько лестенъ былъ успѣхъ счастливаго оратора, настолько, понятно, печально было положеніе въ случаѣ неудачи передъ большимъ и выдающимся собраніемъ людей. Примѣры тяжелыхъ неудачъ см. Petrus Crinitus, De honesta disciplina V, cap. 3. Срв. Vespas. Fior. стр. 319 (Ambros. Trav.) 431. (Piero Acciajuol.).

нала посольства ¹⁾, ораторъ по специальности, если можно такъ выразиться, произносилъ рѣчь и затѣмъ отступалъ на задній планъ, не имѣя почти ничего общаго, по существу, съ дипломатической задачей посольства; но случалось и такъ, что папа Пій II, напримѣръ, долженъ былъ выслушивать рѣчь каждаго изъ членовъ посольства въ отдѣльности ²⁾, такъ какъ онъ считался большимъ знатокомъ и каждому хотѣлось блеснуть передъ нимъ своимъ краснорѣчіемъ.

Далѣе ученые князья и государи обыкновенно прекрасно владѣли словомъ и охотно произносили рѣчи на итальянскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ домѣ Сфорца даже дѣти уже пріучались говорить и юный Галеаццо Маріа, напримѣръ, уже въ 1445 г., произнесъ цѣлую рѣчь ³⁾ въ венеціанскомъ совѣтѣ, а его сестра Иполитта привѣтствовала также красивою рѣчью папу Пія II на конгрессѣ въ Мантуѣ ⁴⁾. Самъ Пій II много заботился о собственномъ краснорѣчій еще задолго до своего папства, и это обстоятельство въ значительной мѣрѣ способствовало его возвышенію; не смотря на всю свою ученость и тонкую дипломатію въ духѣ римской куріи, онъ, можетъ быть, никогда не сталъ бы папой, если бы не всѣмъ извѣстное непобѣдимое вліяніе его краснорѣчія; современники были того мнѣнія „что нельзя себѣ представить ничего прекраснѣе и возвышеннѣе

1) Наиболѣе поразительный примѣръ—жители Павіи посылаютъ ко двору Fr. Sforza сто человѣкъ ораторовъ, ср. Filelfo, Сфорціада lib. II, Rosmini II, 162.

2) Pii II Comment. L. IV, стр. 205. Къ тому-же еще римляне ожидали его въ Витербо. *Singuli per se verba fecere, ne alius alio melior videretur, cum essent eloquentia ferme pares.*—Guicciardini (въ началѣ I т.) считаетъ серьезной причиной несчастій постигшихъ Италію (1494) то, что епископу изъ Ареццо не дозволено было произнести рѣчь въ составѣ посольства, по случаю избранія Александра VI папой.

3) Сообщ. Marin Sanudo:—Murat XXII, Col. 1160.

4) Pii II Comment. L. II, p. 107. Ср. гл. VII. Для рѣчей, приписываемыхъ дѣтямъ и женщинамъ, не всегда можно будетъ установить, не разработаны ли онѣ учителями.—Другая латинская ораторша княжеской крови была Madonna Battista Montefeltro, по мужу Malatesta, обращавшаяся съ рѣчами къ королю Sigismund'у и къ папѣ Martin'у. Ср. Arch. stor. IV, I p. 442, Nota.

его рѣчи“, ¹⁾ и, безъ сомнѣнія, многіе уже только поэтому считали его достойнѣйшимъ изъ всѣхъ претендентовъ на папскій престолъ.

Во всѣхъ случаяхъ торжественныхъ пріемовъ и встрѣчъ государей къ нимъ обращались съ привѣтственными рѣчами, продолжавшимися иногда цѣлый часъ и больше. Само собой разумѣется, что это дѣлалось въ тѣхъ случаяхъ, когда было извѣстно, что государь любитъ краснорѣчіе или хочетъ, чтобы его считали любителемъ, и если имѣлся въ запасѣ на этотъ случай достойный ораторъ, независимо отъ того, былъ ли это придворный ученый или университетскій профессоръ, чиновникъ, врачъ или духовное лицо. Очень рѣдко тотъ или другой государь имѣлъ мужество сознаться въ своемъ невѣжествѣ, какъ это сдѣлалъ Карлъ V въ Генуѣ; не чувствуя себя въ силахъ слѣдить за всѣми риторическими красотами латинской рѣчи онъ сказалъ на ухо Джіовіо: „Признаюсь, мой учитель Адрианъ былъ правъ, когда предсказывалъ мнѣ, что я буду современемъ жестоко наказанъ за недостатокъ усердія къ латинской грамматикѣ“ ²⁾. Государи въ такихъ случаяхъ отвѣчали сами такою же рѣчью или же поручали это своимъ ораторамъ, на примѣръ, Эней Сильвій отвѣтилъ отъ имени Фридриха III на краснорѣчивое обращеніе Джіаноччо Манетти ³⁾. Кромѣ пріемовъ и встрѣчъ, для произнесенія рѣчей охотно пользовались различными политическими случаями и событіями, при чемъ смотря по степени извѣстности оратора, стекались болѣе или менѣе всѣ просвѣщенные люди и любители искусствъ. Даже при ежегодныхъ перемѣнахъ въ составѣ администраціи и при назначеніи вновь епископовъ кто нибудь изъ гуманистовъ произносилъ рѣчь, по принятому обыкновенію въ сафическихъ строфахъ или гекзаметрахъ ⁴⁾; нерѣдко должностныя лица должны были, въ свою очередь,

1) De expeditione in Turcas, у Murat. XXIII, Col. 68. Nihil enim Pii concionantis majestate sublimius. — Кромѣ наивнаго самодовольства, съ которымъ Pius самъ описываетъ свои успѣхи, ср. Campanus, Vita Pii II, у Murat. III, II, passim.

2) Paul. Iov. Vita Hadriani VI.

3) Vesp. Bist. commentario, p. 64.

4) Sil. Gry. Gyraldus, De poetis nostri temp. ed. Wotke p. 72, по пов. Collenuccio.

произнести слово, отвѣчающее ихъ новому назначенію — „о справедливости“, напимѣрь, или въ этомъ родѣ, и счастливъ былъ тотъ, кто обладалъ необходимой для этого подготовкой. Во Флоренци даже и кондотьеры, какого бы происхожденія они не были, волей или неволей подчинялись общей страсти гражданъ къ произнесенію рѣчей, и одинъ изъ ученѣйшихъ государственныхъ секретарей обращался съ рѣчью къ полководцу передъ всѣмъ народомъ, передъ тѣмъ, какъ ему вручался жезлъ ¹⁾. Возлѣ зданія, гдѣ правитель обыкновенно являлся передъ народомъ, въ торжественныхъ случаяхъ, повидимому, воздвигалась особая трибуна для оратора (*rostra, ringhiera*) ²⁾.

Изъ годовщинъ всякаго рода, въ особенности въ дни смерти того или другого государя, было принято чествовать ихъ память краснорѣчіемъ. Надгробное слово, вообще, на могилѣ не только государя, но также должностныхъ лицъ и выдающихся гражданъ ³⁾, долженъ былъ произнести непременно кто-нибудь изъ гуманистовъ, при чемъ онъ выступалъ съ этой рѣчью въ церкви, хотя въ обычномъ свѣтскомъ одѣяніи. Мы знаемъ, что Альберти произнесъ надгробное слово даже при погребеніи своей собаки (стр. 169). Точно также при обрученіи и свадебныхъ церемоніяхъ слово произносили не духовныя лица, а гуманисты, но, повидимому, не въ церкви, а во дворцѣ; такимъ образомъ Филельфо, напимѣрь, говоритъ къ обрученному Аннѣ Сфорца и Альфонсу де'Эсте въ миланскомъ замкѣ (могло быть и въ капеллѣ замка). Болѣе значительные граждане позволяли себѣ иногда также приглашать оратора во время свадебныхъ церемоній. Въ Феррарѣ, напимѣрь, въ такихъ случаяхъ просили иногда Гуарино ⁴⁾ прислать кого-нибудь изъ

¹⁾ Fabroni, *Cosmus*, Adnot. 52

²⁾ Ораторская каеэдра находилась, вѣрнѣе, передъ Palazzo de Signori.

³⁾ Это, однако, нѣсколько неприятнымъ образомъ задѣло Jac. Volterranus'a (см. Murat. XXIII, Col. 171) на погребальномъ торжествѣ Platin'n.

⁴⁾ *Anecdota lit.* I, p. 299, въ надгробной рѣчи Fedra о Lod. Rodocato, котораго Guarino преимущественно предназначалъ для такихъ порученій. Guarino-же произнесъ больше 50 погребальныхъ и другихъ торжественныхъ рѣчей, Rosmini, Guarino II, 139—146.

его учениковъ. Церковь брала на себя только извѣстнаго рода обрядъ, какъ при вѣнчаніи, такъ и при погребеніи.

Изъ академическихъ рѣчей въ особенности отличались риторическими украшениями вступительныя рѣчи новыхъ профессоровъ или лекціи въ началѣ курса ¹⁾. Впрочемъ, самое чтеніе лекцій въ значительной мѣрѣ приближалось также къ ораторскому искусству ²⁾.

Мѣрой краснорѣчія для адвокатовъ служила аудиторія, такъ какъ они приноравливали свой талантъ къ составу слушателей и при извѣстныхъ обстоятельствахъ пускали въ обращеніе весь запасъ филологическихъ и антикварныхъ украшеній.

Военное краснорѣчіе. Но совсѣмъ особый родъ краснорѣчія мы видимъ въ обращеніи къ воинамъ на итальянскомъ языкѣ, передъ сраженіемъ или послѣ. Герцогъ Фридрихъ Урбинскій ³⁾ представляетъ въ этомъ отношеніи классическій примѣръ; онъ обращался къ вооруженнымъ выстроившимся войскамъ, къ одному отряду за другимъ, и своею рѣчью внушалъ имъ мужество и гордость. Многія рѣчи, въ военныхъ сочиненіяхъ XV вѣка, у Порцелло напримѣръ, только отчасти придуманы, отчасти же основаны на дѣйствительности. Нѣчто другое представляетъ обращеніе къ флорентійской милиціи ⁴⁾, организуемой съ 1506 г., по инициативѣ Макиавелли, произносимое во время смотровъ и затѣмъ въ особый ежегодный праздникъ. Эти обращенія носили въ общемъ патріотическій характеръ и произносились въ церкви каждаго квартала передъ милиціонерами однимъ изъ гражданъ въ желѣзной бронѣ и съ мечемъ въ рукѣ.

¹⁾ Изъ такихъ вступительныхъ чтеній много сохранилось въ произведеніяхъ Sabellicus'a, Veroaldus major, Codrus Urgens и т. д. Въ сочиненіяхъ послѣдняго находятся также и стихотворенія, которыя онъ прочелъ in principio studii.

²⁾ См. прилож. XLVIII.

³⁾ *Vespas Fior. Federico dusa* § 16. Ср. рассказъ въ его біогр. § 16 какъ Giannozzo Manetti приходитъ къ нему въ лагерь.

⁴⁾ *Archiv. stor. XV, p. 113, 121*, вступленіе Canestrini стр. 32 и сл. перепечатка двухъ рѣчей къ солдатамъ. Первая произнесенная L. Alamanni—выдающаяся по красотѣ и достойна момента (1528). О милиціи см. выше гл. VII.

Латинская проповѣдь. Наконецъ, и самая проповѣдь въ XV вѣкѣ, собственно говоря, мало отличается отъ упражненія въ краснорѣчїи, такъ какъ большинство духовныхъ лицъ въ это время находится также подъ влїяніемъ классическихъ авторовъ и не хочетъ отстать отъ гуманистическихъ тенденцій. Даже извѣстный уличный проповѣдникъ Бернардино да Сиена, прославленный святымъ еще при жизни и боготворимый народомъ, не пренебрегалъ риторическими украшеніями школы Гуарино, хотя и проповѣдывалъ только на итальянскомъ языкѣ. Къ проповѣдникамъ, въ особенности во время постовъ, предъявлялись, безъ сомнѣнія, большія требованія въ отношеніи краснорѣчїя; многіе смотрѣли, повидимому, на проповѣдь, какъ на образовательную лекцію, и не прочь были выслушать въ церкви нѣсколько философскихъ разсужденій ¹⁾. Поэтому мы встрѣчаемся здѣсь часто съ казуистикой латинскихъ проповѣдниковъ, но какъ мы уже сказали выше, духовенство во многихъ случаяхъ уступало проповѣдь свѣтскимъ ученымъ. Такого рода свѣтскія проповѣди приноравливались къ памяти нѣкоторыхъ святыхъ, къ обрядамъ погребенія и вѣнчанія, къ епископскимъ назначеніямъ и т. п. Даже по случаю первой обѣдни священника произносилась рѣчь однимъ изъ его свѣтскихъ друзей, а иногда и торжественная рѣчь по случаю праздника монашескаго ордена ²⁾. Впрочемъ, при папскомъ дворѣ въ XV вѣкѣ говорили обыкновенно только монахи. При Сикстѣ IV Джіакомо да Вольтерра регулярно отмѣчаетъ всѣ праздничныя проповѣди и критикуетъ ихъ съ точки зрѣнія ораторскихъ правилъ ³⁾. Федро Ингирами,

1) Объ этомъ Faustinus Terdoceus въ сатирѣ *De triumpho stultitiae*, Lib. II.

2) Оба эти поразительныхъ случая встрѣчаются у Sabellicus'a (*Opera*, fol. 61—82. *De origine et auctu religionis*, читана въ Веронѣ передъ капитуломъ босоногихъ монаховъ и *De sacerdotii laudibus* читана въ Венеціи).

3) Jac. Volterrani *Diar. roman.* у Murat. XXIII passim. — Col. 173 упоминается въ высшей степени замѣчательная проповѣдь, читанная передъ дворомъ, но при случайномъ отсутствїи Сикста IV: Pater Paolo Toscanello металь громы противъ папы, противъ его семьи и кардиналовъ, Сикстъ, узнавъ объ этомъ, улыбнулся. Въ Bologn'ѣ въ 1502 г. Floriano Dolfi съ проповѣднической кафедры прочелъ рѣчь Cesare Borgia противъ Александра VI (*nozze 1900*).

знаменитый праздничный ораторъ при Юліѣ II, былъ посвященъ, по крайней мѣрѣ, въ духовный санъ въ Латеранѣ, но и кромѣ него въ это время среди прелатовъ было достаточно превосходныхъ латинистовъ ¹⁾. Впрочемъ, гуманисты вынуждены въ XVI вѣкѣ умѣрить въ значительной степени свои прежнія притязанія въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, какъ мы это еще увидимъ ниже.

Новая риторика. Посмотримъ теперь, какого рода были эти рѣчи вообще и каково было, по преимуществу, ихъ содержаніе. Итальянцевъ нельзя вообще упрекнуть въ недостаткѣ природнаго краснорѣчія во всѣхъ средніе вѣка, а такъ называемая риторика входила у нихъ издавна въ число семи свободныхъ искусствъ; что же касается возрожденія античнаго метода, то, по словамъ Филиппо Вилани ²⁾, эта заслуга принадлежитъ флорентійцу по имени Бруно Казини, похищенному чумой уже въ молодые годы въ 1348 г. Имѣя въ виду чисто практическую цѣль, а именно, съ намѣреніемъ причитывать флорентійцевъ свободно говорить въ совѣтѣхъ и въ разныхъ общественныхъ собраніяхъ, онъ совѣтовалъ, по примѣру древнихъ, учиться декламировать и пользоваться жестомъ и внѣшнимъ впечатлѣніемъ. Но и помимо этого, мы видимъ раннія попытки риторическаго воспитанія, причемъ въ особенности высоко цѣнилось умѣніе во-время приводить цитаты, и пользоваться экспромтомъ превосходными латинскими стилистами ³⁾. Въ общемъ законченный характеръ новаго ораторскаго искусства и совершенство краснорѣчія обуславливались усерднымъ изученіемъ рѣчей и теоретическихъ разсужденій Цицерона, Квинтиліана и императорскихъ панегириковъ, а также появленіемъ новыхъ руководствъ ⁴⁾,

1) Bandinello Sauli, см. выше стр. 135, дѣлаетъ свои признанія elegantissimo sermone. Par. de Grassis p. 57.

2) Fil. Villani, Vitae ed. Galetti; p. 30.

3) Ср. прил. XLVIII.

4) Georg. Trapezunt. Rhetorica, первая полная дидактическая конструкція закончена въ 1436 г.—Aen. Sylvius: Artis rhetoricae praeserta (1456) въ Opera p. 882—1034 относится только къ синтаксису и сочетанію словъ, впрочемъ, весьма характерно для господствующей въ этихъ сферахъ рутинны. Онъ называетъ нѣсколькихъ другихъ теоретиковъ, нѣтъ отчасти уже неизвѣстныхъ. Ср. G. Voigt II, 262 f. Другіе Aug. Dati и т. д. Когда послѣдній долженъ былъ (въ Сиенѣ) говорить по-итальянски, онъ прибавлялъ: in lingua senese.

успѣхами филологіи и обогащеніемъ ума и познаній множествомъ античныхъ идей.

Но краснорѣчіе носитъ различный характеръ, смотря также по индивидуальности оратора. Нѣкоторыя рѣчи дышатъ глубокой искренностью, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ не уклоняется въ сторону отъ своего предмета, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ рѣчахъ Пія II. Необыкновенное вліяніе на слушателей краснорѣчія Джіанноццо Манетти ¹⁾ позволяетъ думать, что его искусство въ этомъ отношеніи представляло одно изъ выдающихся явленій. Его знаменитая аудіенція, въ качествѣ посланника, и рѣчи передъ Николаемъ V, передъ дожами и венеціанскимъ Совѣтомъ представляли выдающіяся событія, оставшія по себѣ памятный слѣдъ. Но мы встрѣчаемся часто и съ другими явленіями, такъ какъ многіе ораторы пользовались произнесеніемъ рѣчей, какъ поводомъ къ тому, чтобы польстить знатнымъ слушателямъ въ искусныхъ выраженіяхъ и нагородить при этомъ массу ненужныхъ словъ и заимствованій изъ древнихъ. Если слушатели въ состояніи были вынести такого рода говореніе въ теченіе двухъ, трехъ часовъ, то это можно объяснить, конечно, только пустившимъ тогда глубокіе корни интересомъ къ древности и крайней рѣдкостью письменныхъ источниковъ наканунѣ того, какъ началось распространеніе печатныхъ произведеній. Эти рѣчи, правда, сохраняли еще нѣкоторое значеніе, въ родѣ нѣкоторыхъ писемъ Петрарки (стр. 283); какъ мы это видѣли выше. Но нѣкоторые ораторы уже слишкомъ сильно злоупотребляли этимъ. Во время одной рѣчи Валла, которую даже итальянскій гуманистъ того времени называетъ ветошью, сшитой изъ пестрыхъ лоскутковъ, одинъ изъ слушателей, прекрасно образованный французъ, выразилъ мнѣніе, что ораторъ должно быть несовсѣмъ въ своемъ умѣ ²⁾. Большая часть рѣчей Филельфо представляютъ отвратительную смѣсь классическихъ и библейскихъ цитатъ, нанизанныхъ одна на другую и сопровождаемыхъ общими

¹⁾ *Ero Vita* у Murat. XX рисуетъ дѣйствіе его краснорѣчія. Ср. *Vespas. Fior.* II 48 а *Commentario* p. 30. На насъ, правда, эти рѣчи не производятъ особеннаго впечатлѣнія, напр., рѣчь при коронованіи Friedr. III у Freher-Struve, *Script. rer. Germ.* III, p. 4—19.

²⁾ Voigt, *Wiederbelebung* II, p. 441.

мѣстами. Во многихъ случаяхъ, въ хвалебныхъ рѣчахъ тому или другому лицу приписывается цѣлый рядъ качествъ, присваиваемыхъ извѣстному званію, напримѣръ, специальная добродѣтель кардиналовъ и т. п.; среди такого рода красотъ съ трудомъ можно усмотрѣть немногіе факты, имѣющіе дѣйствительную цѣнность съ точки зрѣнія современности.

Рѣчь одного профессора и литератора, уроженца Пiacенцы, при встрѣчѣ герцога Галеаццо Маріа въ 1467 г., начинается Юліемъ Цезаремъ, при чемъ авторъ переплетаетъ во множествѣ цитаты изъ древнихъ авторовъ съ таковыми же изъ своего собственного аллегорическаго произведенія, а затѣмъ переходитъ къ цѣлому ряду совѣтовъ, весьма нескромнаго свойства ¹⁾. Къ счастію слушателей, наступилъ вечеръ, и ораторъ вынужденъ былъ, вмѣсто окончанія рѣчи, передать въ руки герцога свой панегирикъ. Филельфо также начинаетъ, напримѣръ, свадебную рѣчь словами: „Тотъ самый перепатетическій Аристотель и т. д.“. Другіе начинаютъ возгласомъ: „Публій, Корнелій, Сципіонъ“ и т. д., точно они сами и слушатели ихъ не имѣли терпѣнія дожидаться этихъ цитатъ.

Въ концѣ XV вѣка вкусъ начинаетъ быстро очищаться, въ особенности, благодаря заслугамъ въ этомъ отношеніи флорентійцевъ; въ это время начинаютъ становиться осторожнѣе въ выборѣ цитатъ, тѣмъ болѣе, что въ то же время появляются уже различныя руководства и справочныя книги и каждый можетъ легко найти въ нихъ такія вещи, которыми раньше можно было удивлять народъ и государей.

Такъ какъ большая часть рѣчей приготавливалась заранее дома за своимъ пюпитромъ, то эти манускрипты сами по себѣ служили для дальнѣйшаго распространенія въ публикѣ въ копіяхъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда знаменитый ораторъ импровизируетъ свою рѣчь, за нимъ записываютъ ²⁾. Далѣе, не всѣ рѣчи, дошедшія до насъ, были дѣйствительно предназначены для того, чтобы ихъ произносить; такъ, на-

¹⁾ *Annales Placentini* у Murat. XX, Col. 918.

²⁾ Напр. такъ бывало съ Manetti. Ср. *Vesp. Commentario* p. 30, также и Savonarola ср. Perrens, *Vie le Savonarola* I, p. 163. Стенографы однако не всегда могли услѣдить за его рѣчами, а также, напр., и за другими вдохновенными импровизациями. Sav., впрочемъ, проповѣдывалъ на итальянскомъ языкѣ, ср. Passu Villari (перев. Berdushek I, 268 и сл.

примѣръ, панегирикъ стараго Бернальдо въ честь Людовика Мавра представлялъ собой лишь адресованное ему посланіе ¹⁾. Подобно тому, какъ принято было въ то время писать „посланія“ воображаемымъ адресатамъ во всѣ концы міра, ради упражненія въ стилѣ, или какъ образецъ формы, или, наконецъ, съ тенденціознымъ намѣреніемъ, такъ точно сочинялись и рѣчи на разные придуманные случаи ²⁾, въ видѣ привѣтствій знаменитымъ сановникамъ, князьямъ, епископамъ и т. п.

Упадокъ ораторскаго искусства. Смерть Льва X (1521) и опустошеніе Рима (1527) знаменуютъ собой между прочимъ начало упадка въ краснорѣчій, какъ и во многомъ другомъ. Едва только бѣжавъ изъ вѣчнаго города, охваченнаго горемъ и бѣдствіями, Джіовіо ³⁾ описываетъ причины этого упадка, хотя односторонне, но въ значительной степени справедливо.

...„Комедіи итальянскихъ авторовъ вытѣснили представленія Плавта и Теренція, служившія для знатныхъ римлянъ школой латинской рѣчи. Въ настоящее время уже не признаютъ и не награждаютъ изящныхъ ораторовъ какъ прежде, а потому и адвокаты консисторіи, напримѣръ, въ своихъ докладахъ заботятся только о нѣкоторыхъ пунктахъ, а остальное передаютъ кое-какъ. Также низко упали рѣчи на различные случаи и проповѣди. Когда надо произнести надгробную рѣчь кардиналу или какому-нибудь знатному лицу, душеприказчики обращаются не къ одному изъ лучшихъ ораторовъ въ городѣ, которому надо было бы заплатить сотню золотыхъ, но гонятся за дешевизной и зовутъ какого-нибудь наглаго педанта, вся забота котораго заключается

¹⁾ И притомъ не изъ лучшихъ. *Opuscula Beroaldi*, Basel 1509 fol. XVIII—XXI. Наиболѣе замѣчательно заключеніе: *Esto tibi ipsi archetypum et exemplar, teipsum imitare etc.*

²⁾ Письма и рѣчи этого рода писалъ Alberto da Rivalta, ср. его продолж. начатыхъ отцемъ *Annales Placentini* у Murat. XX Col. 914 sq., гдѣ „педантъ“ весьма поучительно описываетъ свою жизнь.

³⁾ Pauli Jovii *Dialogus de viris litteris illustribus* у Tirabochi т. III, ч. IV.—Тѣмъ не менѣе десять лѣтъ спустя онъ говоритъ въ концѣ *Elogia literaria*: *Tenemus adhuc*, вслѣдъ затѣмъ какъ первенство въ филологіи перешло къ Германіи: *sincerae et constantis eloquentiae munitam artem etc.* Объ ораторскомъ турнирѣ между Longolius'омъ и Mellini въ эпоху Льва X, ср. прил. LIII.

въ томъ, чтобы люди о немъ знали, хотя бы осыпали его позорною бранью. Что же касается мертвыхъ, то разсуждаютъ такъ, что для нихъ безразлично, если какая-нибудь обезьяна въ траурной одеждѣ произноситъ съ кафедры какія-то слова слезливымъ и хриплымъ голосомъ, а затѣмъ начинаетъ громко завывать. Но и праздничныя проповѣди во время папскихъ церемоній уже не получаютъ должной оцѣнки; ими завладѣли снова монахи, сбѣжавшіеся изъ разныхъ мѣстъ, и проповѣдуютъ такъ, какъ бы передъ самыми необразованными слушателями. А между тѣмъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ такая проповѣдь во время обѣдни, въ присутствіи папы, могла послужить ступенью къ епископству.

Глава VIII

Латинскій трактатъ и историческое сочиненіе

Къ эпистолографіи и ораторскому искусству гуманистовъ мы должны присоединить также ихъ произведенія въ другихъ родахъ, такъ какъ и они были также въ большей или меньшей мѣрѣ репродукціей древности.

Прежде всего упомянемъ трактатъ или разсужденіе въ непосредственной или въ діалогической формѣ¹⁾, при чемъ послѣдняя заимствуется прямо у Цицерона. Для того, чтобы правильно судить о произведеніяхъ этой категоріи и не считать ихъ только скучнымъ предметомъ, надо принять во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства. Прежде всего столѣтіе, служившее продолженіемъ среднихъ вѣковъ, во многихъ отдѣльныхъ нравственныхъ и философскихъ вопросахъ нуждалось въ извѣстнаго рода специальномъ посредничествѣ между нимъ и древностью, и эту роль взяли на себя составители трактатовъ и діалоговъ. Многое, что кажется намъ общимъ мѣстомъ въ ихъ произведеніяхъ, представляло для нихъ и для того времени вообще новый взглядъ на вещи, которыми со временъ древности никто не занимался, и эти новыя воззрѣнія являлись такимъ образомъ результатомъ самостоятельныхъ усилій.—Далѣе въ этихъ письменныхъ произведеніяхъ, будутъ ли они итальянскими или латинскими, языкъ впервые пріобрѣтаетъ индивидуальность. Грамматическое предложеніе образуется здѣсь свободнѣе и многостороннѣе,

¹⁾ Особый родъ представляютъ полу-сатирическіе діалоги, въ которыхъ Pandolfo Collepucchio и въ особенности Pontano являются подражателями Лукіану. Ихъ вліяніе испытали въ свою очередь Эразмъ и Гуттенъ. Плутархъ съ раннихъ поръ служилъ образцомъ формы нравственныхъ разсужденій.

чѣмъ въ историческомъ разсказѣ, рѣчахъ и письмахъ, и многіе изъ итальянскихъ произведеній этой категоріи могутъ считаться донинѣ образцами прозы. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ были уже упомянуты или же будутъ еще приведены ниже, въ виду затрагиваемыхъ ими предметовъ, а пока мы можемъ говорить о нихъ только какъ объ извѣстномъ родѣ словесности вообще. Въ большинствѣ этихъ произведеній, начиная съ писемъ и трактатовъ Петрарки и до конца XV вѣка, мы видимъ такое же злоупотребленіе древнимъ матеріаломъ, какъ и у ораторовъ; но затѣмъ они совершенствуются, въ особенности написанныя на итальянскомъ языкѣ, и достигаютъ классической красоты въ такихъ произведеніяхъ, какъ „Азолани“ Бембо и „Vita Sobria“ Луиджи Корнаро¹⁾. И въ этомъ отношеніи весьма важно то, что многіе предметы классической древности уже нашли опредѣленное мѣсто въ различныхъ сборникахъ, отчасти даже печатныхъ, и такимъ образомъ авторы трактатовъ могли идти прямо къ цѣли, не отвлекаясь ненужными подробностями.

Историческій разсказъ на латинскомъ языкѣ. Гуманизмъ неизбежно долженъ былъ овладѣть также современной исторической литературой, при чемъ невольно возникаетъ сожалѣніе, при поверхностномъ сравненіи этихъ новыхъ исторій съ прежними хрониками, въ особенности съ превосходными, блестящими красками и жизнерадостными сочиненіями такихъ авторовъ, какъ напримѣръ Виллани: какими дѣланными, блѣдными и условными представляются всѣ такого рода сочиненія гуманистовъ рядомъ съ произведеніями, хотя бы Леонардо Аретино и Поджіо²⁾, ближайшихъ и знаменитѣйшихъ преемниковъ Виллани въ историографіи Флоренціи. Читателя безпрестанно смущаетъ невольное сознаніе, что между навѣянными Ливіемъ и Цезаремъ фразами у Фачіо и Сабелико (въ разсказахъ о Неаполѣ и Венеціи), въ произведеніяхъ Форліетта и Сенареги посвященныхъ Генуѣ, въ Мантуанской исторіи Платины, въ венеціанскихъ анналахъ Бембо и даже въ „исторіяхъ“ Поджіо отсутствуютъ не только всякая индивидуальность и мѣстный колоритъ, но

1) См. т. II, гл. V.

2) Ср. остроумную эпиграмму Саннацаро: Dum patriam laudat, damnat dum — Poggius hostem — Nec malus est civis nec bonus historicus.

и активный интерес къ дѣйствительному ходу вещей. Недовѣріе наше растетъ, когда мы убѣждаемся, что подражатели Ливія принимаютъ его за образецъ не съ надлежащей стороны и видятъ его достоинство въ томъ ¹⁾, что онъ „сухое и безцвѣтное преданіе преобразилъ въ нѣчто исполненное интереса и привлекательности“. Мы встрѣчаемъ иногда у этихъ авторовъ даже откровенное признаніе что историческій разсказъ, съ точки зрѣнія стиля, долженъ дѣйствовать на читателя возбуждающимъ и потрясающимъ образомъ, соперничая, такимъ образомъ, съ поэтическимъ произведеніемъ. Надо замѣтить далѣе, что многіе историки-гуманисты, вслѣдствіе самыхъ условий своей дѣятельности, очень мало знали о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, и это немногое вынуждены были изображать такъ, чтобы угодить своимъ покровителямъ и тѣмъ, для кого они писали по заказу. Наконецъ, невольно является вопросъ, могло ли не оказать извѣстное вліяніе на ихъ изложеніе событій то пренебреженіе, съ которымъ они, по собственному признанію ²⁾, относились къ современной дѣйствительности. Поневолѣ читатель съ гораздо большимъ довѣріемъ и сочувствіемъ обращается къ скромнымъ итальянскимъ и латинскимъ анналистамъ, оставшимся вѣрными прежней манерѣ, какъ, напр., историки Боллоньи и Феррары; еще большую благодарность вызываютъ лучшіе авторы настоящихъ „хроникъ“ на итальянскомъ языкѣ, какъ Марія Санудо, наиболѣе выдающійся и собственноручно написавшій 58 томовъ начиная съ 21 мая 1496 г. до сентября 1535 г. ³⁾, Коріо, Инфессура и затѣмъ съ начала XVI вѣка цѣлый рядъ замѣчательныхъ итальянскихъ историковъ, пишущихъ на родномъ языкѣ.

¹⁾ Benedictus, Caroli VIII, hist. у Eccard'a scriptt. Col. 1577.

²⁾ Petrus Crinitus жалуется на это презрѣніе. De honesta discipl. L. XVIII, cap. 9. Гуманисты уподобляются въ этомъ отношеніи авторамъ конца древняго міра также удалявшимся отъ своего времени. — Ср. Burkhardt, эпоха Константина Великаго 2 изд. (1880) стр. 251 f. Въ противность этому мнѣніе Poggio см. Voigt Wiederbelebung, 3 изд., т. II, стр. 491 ff.

³⁾ I diarii di Marino Sanudo. Pubbl. per cura di F. Stefani, G. Berchet, N. Barozzi, Venedig 1879 ff. до Авг. 1898 болѣе 60 томовъ. Ср. для его характеристики С. Cantu въ Arch. stor. lomb. 15, 49 sq. Далѣе см. прилож. XLIX.

Исторія того времени, безъ сомнѣнія, выиграла отъ того, что народный языкъ замѣнилъ латинскую рѣчь, но можно различно судить о томъ, представляла-ли такая замѣна выгоду для литературной передачи древнихъ преданій и для историческихъ изслѣдованій. Латинскій языкъ былъ въ то время *Lingua franca* ученыхъ не только въ международномъ смыслѣ, какъ, напр., между англичанами, французами и итальянцами, но также и въ провинціальныхъ сношеніяхъ въ самой Италіи, такъ какъ ни ломбардское, ни венеціанское, ни неаполитанское нарѣчіе не признавались равноправными съ флорентійскимъ, несмотря на то, что всѣ эти нарѣчія давно уже были тосканизированы и сохраняли лишь слабые слѣды мѣстнаго діалекта. Съ такимъ обособленіемъ легко могли мириться авторы историческихъ сочиненій, имѣвшихъ чисто-мѣстный интересъ и потому находившихъ своихъ читателей, но совсѣмъ другое значеніе приобрѣтала языкъ въ тѣхъ случаяхъ, когда изслѣдованіе касалось прошедшихъ временъ и должно было рассчитываться на широкій кругъ читателей. Въ этихъ случаяхъ въ интересахъ автора, разумѣется, было пожертвовать патріотизмомъ своихъ согражданъ въ пользу иноземныхъ ученыхъ. Далеко ли, напримѣръ, распространилась - бы извѣстность Блондуса изъ Форли, если бы онъ свои замѣчательныя произведенія писалъ на итальянскомъ, полу-романольскомъ нарѣчій? Игнорируемая флорентцами, они безъ сомнѣнія остались бы въ неизвѣстности, тогда какъ написанныя по латински они оказали величайшее вліяніе на весь западный ученый міръ. И сами флорентійцы писали въ XV вѣкѣ по латински, не только потому, что были гуманистами, но также и ради широкаго распространенія въ цѣломъ мірѣ ¹⁾.

Наконецъ, мы видимъ историческія произведенія на латинскомъ языкѣ, посвященныя текущимъ событіямъ и по своимъ достоинствамъ выдерживающія сравненіе съ лучшими сочиненіями на итальянскомъ языкѣ. Какъ только прекращается подражаніе Ливію—это Прокрустово ложе многихъ авторовъ,—тѣ же писатели являются совсѣмъ въ

¹⁾ Z. обращаетъ вниманіе на то, что нѣкоторые сами переводили свои произведенія съ латинскаго на итальянскій, какъ Бембо напримѣръ, свою исторію Венеціи. Исторія *Lion-Bruni* была переведено однимъ изъ современниковъ.

иномъ видѣ. Тотъ самый Платина, напримѣръ, или Джіовіо, за которыми мы съ трудомъ слѣдуемъ въ большихъ историческихъ трудахъ, освободившись отъ подражательныхъ оковъ, являются передъ нами въ качествѣ превосходныхъ біографовъ. Мы уже упоминали въ извѣстныхъ случаяхъ о Тристанѣ Караччоло, біографическомъ трудѣ Фаціо, венеціанской топографіи Сабеллико и пр., о другихъ еще будетъ рѣчь впереди. И для историческаго описанія, создается тотчасъ своя теорія, точно также какъ для писемъ и рѣчей. Эти историки, опираясь на Цицерона, превозносятъ высокое значеніе исторіи, смѣло причисляютъ къ историкамъ евангелистовъ и Моисея и съ убѣжденіемъ говорятъ о томъ, что въ историческихъ описаніяхъ должно строго держаться любви къ истинѣ и безпристрастія ¹⁾.

Исторія среднихъ вѣковъ.—Въ изслѣдованіяхъ, касающихся прошедшихъ временъ, латинскіе писатели охотнѣе всего обращаются, разумѣется, къ античному міру. Меньше всего надо искать въ произведеніяхъ гуманистовъ значительныхъ монографій по всеобщей исторіи среднихъ вѣковъ. Первое значительное произведеніе въ этомъ родѣ представляетъ хроника Маттео Пальмери²⁾ (449—1449), начинающаяся съ того, на чемъ остановился Просперъ Аквитанъ, и хотя стиль этого произведенія вызвалъ порицаніе послѣдующихъ ученыхъ, напримѣръ, Паолло Кортезе, но современники въ лицѣ Веспасіано Бистичи и Уголино Верино рассматриваютъ его, какъ настоящій гуманистическій трудъ. Кто случайно открылъ бы декады Блондуса Форлійскаго, долженъ изумиться, найдя здѣсь всемірную исторію: „ab inclinatione Romanorum Imperii“, съ 410 г. осаду Рима Аларихомъ, описаніе подобное Гиббону, обнаруживающее знакомство съ источниками каждаго вѣка, при чемъ первыя триста страницъ принадлежатъ раннимъ среднимъ вѣкамъ до смерти Фридриха II. И все это въ то время,

¹⁾ Lorenzo Vala въ предисловіи къ *Historia Ferdinandi regis Arag.*; въ противность этому Giacomo Zeno, *Vita Caroli Zeni*, Murat. XIX, стр. 204. Ср. также Guarino см. Rosmini II, 62 f. 177 f.

²⁾ Относит. Matteo Palmieri замѣчательн. критическое изслѣдованіе Diego Angeli: *Perun quadro eretico Arch. stor. dell'arta 2, ser. 2 Vol. (1896) стр. 59—71.*

когда на сѣверѣ еще не шли дальше папскихъ и императорскихъ хроникъ.

Блондусъ собралъ громадное количество греческихъ и латинскихъ источниковъ, при чемъ первые долженъ былъ перевести и положить много труда на разъясненіе послѣднихъ, касавшихся въ малопонятной формѣ неизвѣстныхъ еще тогда фактовъ. Онъ пользовался многими писателями дошедшими и до насъ, но также и такими источниками, какъ, на примѣръ, исторія готовъ Албанія и Гвидо изъ Равенны, отдѣльные фрагменты которой извѣстны намъ только благодаря ему. Для позднѣйшихъ періодовъ онъ пользовался въ своемъ описаніи итальянскими хрониками, на примѣръ, Виллани, черпалъ также матеріалъ изъ жизнеописанія папъ, а нѣкоторыя подробности заимствовалъ у Данте и Петрарки. Онъ не былъ критикомъ по специальности, но сравнивалъ различныя показанія и свѣрялъ факты, стремясь обнаружить правду; онъ не былъ также изысканнымъ стилистомъ, но старался сохранить особенности своей рѣчи ¹⁾).

Уже одна эта книга даетъ намъ право сказать, что изученіе древности сдѣлало возможнымъ изученіе среднихъ вѣковъ, такъ какъ оно приучило мысль къ объективизму въ исторіи. вмѣстѣ съ тѣмъ средніе вѣка стали уже прошедшимъ явленіемъ для тогдашней Италіи, и мысль могла обращаться къ нимъ, какъ къ предмету, находящемуся въ отдаленіи. Нельзя сказать, чтобы наука сразу отнеслась къ этому прошедшему съ должной справедливостью и съ полнымъ безпристрастіемъ. Въ сферѣ искусствъ существовало сильное предубѣжденіе противъ наслѣдованнаго отъ среднихъ вѣковъ, и гуманисты съ себя самихъ начинали новую эру: „Я начинаю надѣяться и вѣрить,—говоритъ Боккачіо ²⁾,— что Богъ сжалился надъ Италіей съ тѣхъ поръ, какъ вижу, что онъ вселилъ въ насъ новыя души, что итальянцы ста-

¹⁾ Alfred Masius, Flavio Biondo Leipzig 1879; Paul Buchholz, Источники *historiarum decades* принад. Flavius'y Blondus, Leipzig, 1881. Письма F. B. напечатаны въ *Zeitschr. f. fgl. Litt.* N. т. 8.

²⁾ Въ письмѣ къ Pizinga, *Opere volgari* vol. XVI, стр. 38.—Еще у Raph. Volaterranus, I. XXI, умственный прогрессъ начинается 14 вѣкомъ, хотя его первыя книги содержатъ прекрасныя для того времени образы всѣхъ странъ.

новятся подобными своимъ древнимъ предкамъ и начинаютъ стремиться къ славѣ не путемъ грабежа и насилія, но при помощи поэзіи, дающей безсмертіе“. Но одностороннее и несправедливое сужденіе не мѣшало, однако, росту изслѣдованій въ то время, когда въ остальной Европѣ еще объ этомъ не было и рѣчи.

Начала критики. Изученіе среднихъ вѣковъ сопровождалось исторической критикой, возможной уже потому, что само собой напрашивалось примѣненіе къ исторіи рациональнаго метода, положеннаго гуманистами въ основаніе обработки всѣхъ вообще научныхъ предметовъ. И здѣсь Петрарка первый проложилъ путь. Онъ открылъ поддѣлку мнимыхъ привилегій австрійскаго дома, исходившихъ будто бы отъ Цезаря и Нерона ¹⁾, и такого рода опытами пробудилъ критическій духъ среди современниковъ и преемниковъ. Въ XV вѣкѣ духъ критики настолько проникаетъ въ историческія описанія различныхъ городовъ, что сочиненныя въ разныя время басни и мнимыя преданія о древнемъ прошломъ Венеціи, Флоренціи, Милана и др. теряютъ свое обаяніе, тогда какъ сѣверныя хроники еще долго носятъ съ подобными фантазіями, созданными XIII вѣкомъ, и большею частью не имѣющими даже поэтической цѣнности.

Новая исторія. Выше, по поводу Флоренціи (гл. VIII), мы уже говорили о тѣсномъ соотношеніи между мѣстной исторіей и стремленіемъ къ громкой славѣ. Венеція не хочетъ оставаться позади другихъ; подобно тому, какъ венеціанское посольство, видя успѣхъ ²⁾ флорентійскаго оратора, спѣшитъ сообщить объ этомъ республикѣ для того, чтобы она тотчасъ прислала достойнаго соперника, также точно венеціанцы хотятъ имѣть свою исторію, которая выдержала бы сравненіе съ произведеніями Леонардо Аретино и Поджіо. Переговоры въ этомъ смыслѣ съ Джіовіо, Филельфо и другими не привели ни къ какому результату, но взамѣнъ того появились въ XV вѣкѣ декады Сабеллико, а въ XVI вѣкѣ „*Historia rerum venetarum*“, Пьетро Бембо, замѣнившаго избраннаго первоначально Навагеро; оба эти труда

¹⁾ Epp. sen. XVI, 1.

²⁾ А именно Giannozzo Manetti въ присутствіи куріи и многочисленныхъ иностранныхъ гостей; Ср. Vespasiano Fiorentini II, стр. 47 подробности см. Commentario, стр. 37—40.

были начаты, несомнѣнно, по инициативѣ республики, при чемъ второй служилъ продолженіемъ перваго.

Замѣчательные флорентійскіе историки начала XVI вѣка по натурѣ своей не имѣютъ ничего общаго съ такими латинистами, какъ Джіовіо и Бембо. Они пишутъ по-итальянски не потому только, что не могутъ конкурировать съ рафинированнымъ стилемъ тогдашнихъ Цицероніанцевъ, но съ одной стороны потому, что они, какъ Макиавелли, свои наблюденія надъ дѣйствительностью и современными фактами — а у Макиавелли даже надъ прошлымъ, — въ силахъ передать настоящимъ образомъ только въ непосредственной формѣ, а съ другой — они, какъ Гвичіардини, Варки и большинство другихъ, стремятся возможно шире распространить свои взгляды на положеніе вещей и глубже вліять въ этомъ смыслѣ на современниковъ. Даже въ томъ случаѣ, когда они пишутъ для немногихъ друзей, какъ Франческо Веттори, напримѣръ, ими руководитъ внутреннее побужденіе высказать свой взглядъ на событія и дѣйствующихъ лицъ и оправдать свое личное участіе въ томъ или другомъ случаѣ.

Но несмотря на всю своеобразность въ языкѣ и стилѣ, они остаются проникнутыми въ сильнѣйшей степени вліяніемъ классической древности и немислимы внѣ этого вліянія. Они уже не гуманисты въ тѣсномъ смыслѣ слова, но на нихъ лежитъ печать гуманизма, и, по существу, они ближе стоятъ къ древнимъ классикамъ, чѣмъ большинство латинскихъ подражателей Ливія: они граждане, пишущіе для гражданъ, какъ дѣлали древніе.

Глава IX

Латинскій характеръ общаго образованія

Мы не будемъ слѣдить за дѣятельностью гуманистовъ во всѣхъ прочихъ областяхъ знанія; скажемъ только, что благодаря главнымъ образомъ открытіямъ, сдѣланнымъ ими въ классической литературѣ¹⁾, они оказали значительное вліяніе на развитіе всѣхъ современныхъ наукъ, и этимъ гуманистическимъ вліяніемъ обуславливалось, безъ сомнѣнія, всякое болѣе или менѣе рѣшительное движеніе впередъ. Въ области философіи мы встрѣчаемся здѣсь съ извѣстнаго рода исторической особенностью. Вліяніе древнихъ философовъ на культуру Италіи представляется то необыкновенно сильнымъ, то, напротивъ, совершенно незначительнымъ. Первое, въ особенности, если принять во вниманіе, насколько аристотелевскія понятія, въ особенности подъ вліяніемъ его весьма распространенныхъ въ обращеніи Этики и Политики²⁾, стали быстро достояніемъ образованныхъ людей всей Италіи, и насколько сильно было его вліяніе на всю систему отвлеченнаго мышленія вообще³⁾. Послѣднее, напротивъ, если отмѣтить сравнительно незначительное догматическое вліяніе древнихъ философовъ и самыхъ пламенныхъ флорентійскихъ платониковъ на духъ націи вообще. Даже тамъ, гдѣ мы видимъ какъ-будто такое вліяніе, оно въ дѣйствительности представляется только какъ осадокъ образованія и какъ результатъ чисто-итальянскаго умственнаго развитія.

¹⁾ Ср. прилож. L.

²⁾ Одинъ кардиналъ при Павлѣ II обучалъ повара своего этикѣ. Ср. Gasp. Veron., Vita Pauli II, у Murat. III, II. Col. 1034.

³⁾ Для изученія Аристотеля въ общемъ въ особенности поучительна рѣчь Hermolaus Barbarus.

Намъ придется еще говорить объ этомъ по поводу религіи, но, какъ бы ни было, въ большинствѣ случаевъ мы встрѣтимся здѣсь не съ всеобщей образованностью въ настоящемъ смыслѣ слова, а скорѣе съ единичными высоко образованными личностями или извѣстными учеными кругами; но и этимъ еще не все сказано, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо также различать настоящее усвоеніе античнаго ученія и одну только модную склонность. Классическая древность, безъ сомнѣнія, была тогда для многихъ еще только моднымъ увлеченіемъ, даже для очень свѣдущихъ въ ней людей.

Подражаніе именамъ древнихъ. Впрочемъ, многое, что намъ теперь представляется аффектаціей, въ тѣ времена носило совсѣмъ другой характеръ; такъ, напримѣръ, употребленіе при крещеніи именъ, заимствованныхъ у грековъ и римлянъ, во многихъ отношеніяхъ разумнѣе и почтеннѣе, чѣмъ недавнее еще пристрастіе въ Европѣ къ именамъ, въ особенности женскимъ, заимствованнымъ изъ романовъ ¹⁾). Поклоненіе древнему міру затмило всѣхъ святыхъ, а потому естественно, что, несмотря на увѣщаніе благочестивыхъ и ученыхъ людей, имена древнихъ вошли во всеобщее употребленіе, и въ какой-нибудь знатной семьѣ сыновей нарицали при крещеніи Агамемнономъ, Ахилломъ или Тидеємъ ²⁾), а художникъ называлъ сына Апеллесомъ, дочь Минервой ³⁾). Понятно также, что, стремясь къ красотѣ формъ, вообще охотно замѣняли какое-нибудь вульгарное имя болѣе благозвучнымъ, античнымъ именемъ; также охотно отказывались отъ своего настоящаго имени, если оно не было родовымъ ⁴⁾ и почему либо казалось неудобнымъ, въ особенности если

¹⁾ Въ Венеціи замѣтно рѣдко употребляются латинскія имена, ср. указанія въ Arch. Ven. 29, 33—35.

²⁾ Bursellis, Ann. Bonon., у Murat. XXIII, Col. 898. Также сынъ Andrea Orsi во Форли зовется Агамемнонъ Sobelli 317. Также 353. 355 прозвища Aeneas Hermes (братъ Екатерины Сфорца).

³⁾ Ср. прилож. LI.

⁴⁾ Vasari XI, p. 189, Vite di Sodoma e di Garofalo. Напротивъ того грамматикъ Bernardino, принадлежавшій, повидному, къ одной изъ древнихъ дворянскихъ фамилій Linguito, назвалъ сыновей Romponio и Luca Gaugicus отъ Гауро (старинное названіе горы Gaurus) (Atti di Napoli 16. 1893 II. стр. 149 f.) между тѣмъ какъ другимъ сыновьямъ онъ далъ классическія имена Plinius и Agrippa.

это имя было, такъ сказать, общегражданскимъ, по мѣсту рожденія: Филиппо да Санъ-Геминьяно, напримѣръ, называлъ себя Каллимахомъ. Если гражданинъ, непризнанный на родинѣ или обиженный родственниками, находилъ спокойствіе и довольство, въ качествѣ ученаго, въ чужой землѣ, онъ съ гордостью рѣшался переимѣнить имя—хотя бы назывался Сансеверино, напримѣръ, и назвать себя Юліемъ Помпоніемъ Лазціемъ. Наконецъ, и простой переводъ имени на латинскій или на греческій языкъ, (какъ это потомъ вошло почти во всеобщее обыкновеніе въ Германіи), нельзя ставить въ вину поколѣнію, которое говорило и писало по-латински, и у котораго были въ употребленіи имена не только склоняемая, но и всѣ доступныя къ употребленію въ стихахъ и прозѣ. Труднѣе понять, правда, почему, напримѣръ, неаполитанскій поэтъ Маркъ Антоніо называетъ себя Эпикуромъ, несмотря на отсутствіе всякаго сходства между нимъ и этимъ древнимъ философомъ¹⁾. Но что уже дѣйствительно смѣшно и не можетъ быть оправдано, это переимѣна въ самомъ имени или въ его произношеніи, съ цѣлью придать ему классическій видъ и новое значеніе. Такъ изъ Джіованни дѣлается Іовіанусъ или Янусъ. изъ Пьетро дѣлается Піеріусъ или Петреіусъ, изъ Антоніо Аоніусъ, изъ Мазо—Амазіусъ²⁾ и т. п.; далѣе превращенія въ такомъ родѣ, какъ Синцерусъ изъ Саннацаро или Луцій Крассъ изъ Лука Грассо и т. д. Аріостъ жестоко осмѣиваетъ этотъ пріемъ³⁾, но дожилъ до того, что стали называть дѣтей именами его героевъ и героинь или именами героевъ Боярдо.

Классическіе термины. Нельзя также строго судить латинскихъ писателей того времени, если они прибѣгали къ заим-

1) Pariporo, M. Ant. Epikuro въ Giorn stor. XII, 1 sq.; гдѣ находится также дальнѣйшая литература.

2) Этотъ замѣчательный примѣръ фамильн. назв. цирульника и аптекаря въ Udine, по Diarii Udinesi 1508—1511, Ven. 1884 введ. Есть-ли Petrus Puritas (Pietro Purità) ср. Giorn. Ligust. 12, 438, 13, 51 дѣйствительное имя?

3) Quasi che'l nome i buon-giudici inganni,
E che quel meglio t'abbia a far poeta,
Che non farà lo studio di molt' anni!

— такъ насмѣхается Аріостъ, получившій по волѣ судьбы благозвучное имя, въ 7 ой сатирѣ, стр. 64.

ствованію классическихъ терминовъ для обозначенія различныхъ современныхъ общественныхъ положеній, должностей, управленій, церемоній и т. п. Пока довольствовались обыкновеннымъ латинскимъ языкомъ, не предъявляя къ нему особенныхъ требованій, какъ это было хотя бы со временемъ Петрарки до Энея Сильвія, писатели не испытывали особыхъ затрудненій въ этомъ родѣ, но латинизированіе понятій стало неизбѣжнымъ съ того времени, какъ начали стремиться къ восстановленію древняго стilia во всей его чистотѣ, и къ подражанію цicerоновской рѣчи. Съ этихъ поръ предметы современности перестали укладываться въ обыкновенныя рамки латинскаго языка, и приходилось искать для нихъ искусственныхъ выраженій. Ученые педанты охотно пересаливали въ этомъ отношеніи, называя членовъ городского управленія *Patres Conscripti*, всякій женскій монастырь *Virgines Vestales* и каждаго святого *Dius* или *Deus*. Люди съ болѣе тонкимъ вкусомъ, какъ, напримеръ, Паоло Джіовіо, повидимому дѣлали только то, безъ чего не могли никакъ обойтись, и такъ какъ онъ не придавалъ этому самъ никакого особаго значенія, то и мы почти не замѣчаемъ, если онъ называетъ кардиналовъ—сенаторами, декана—*princeps senatus*, отлученіе—*Dirae* ¹⁾, карнавалъ—*Lupercalia* и т. д. Въ то же время примѣръ Джіовіо показываетъ лучше всего, насколько поспѣшно было бы судить обо всемъ образѣ мыслей автора на основаніи одной этой манеры писать.

Латинскій языкъ и его господство. Исторія латинскаго стilia не входитъ здѣсь въ нашу задачу, но въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій вся дѣятельность гуманистовъ была связана съ представленіемъ о томъ, что латинскій языкъ единственно пригодный въ литературѣ и никогда не уступить мѣсто другому. Въ 1529 г. появилась первая латинская грамматика на итальянскомъ языкѣ, при чемъ неизвѣстный составитель ея долженъ былъ защищаться отъ упрековъ въ томъ, что его попытка представляетъ собой нѣчто

¹⁾ Такимъ образомъ солдаты французскаго войска въ 1512 были: *omnibus dirisiadnferos devocati*. Добрый каноникъ Тізіо серьезнѣе смотрѣлъ на вещи и заклиналъ солдатъ формулой, заимствованной изъ Макробія; мы еще къ нему вернемся.

странное и даже фантастическое ¹⁾, Поджіо ²⁾ сожалѣтъ, что Данте написалъ на итальянскомъ языкѣ свою великую поэму; точно также, согласно свидѣтельству Боккачіо, еще при жизни Данте, многіе „и въ томъ числѣ мудрыя“ люди возбуждали вопросъ, почему Данте не воспользовался латинскимъ языкомъ; мы знаемъ, что Данте, въ самомъ дѣлѣ, самъ объ этомъ сперва думалъ, и начало Ада было написано латинскимъ гекзаметромъ. Судьба всей итальянской поэзіи могла круто измѣниться, если бы онъ продолжалъ начатое, но тѣмъ не менѣе еще Петрарка (стр. 245) относился съ большимъ вниманіемъ къ его латинскимъ стихотвореніямъ, чѣмъ къ его сонетамъ и канцонамъ. Едва ли можно встрѣтить когда-нибудь еще болѣе сильное стѣсненіе въ литературной обработкѣ ³⁾, но поэзія такъ или иначе ускользнула отъ этого насилія, и мы можемъ теперь сказать, не опасаясь обвиненія въ излишнемъ оптимизмѣ: хорошо, что итальянская поэзія имѣла въ то время два органа для своего выраженія, такъ какъ она создала одинаково превосходныя и заслуживающія вниманія произведенія въ томъ и въ другомъ родѣ и, вдумываясь въ эти произведенія, мы прекрасно понимаемъ, почему одно вылилось на итальянскомъ, а другое на латинскомъ языкѣ.

То же самое, повидимому, примѣнимо и къ прозѣ; всемірное значеніе и всемірная слава итальянской образованности требовали, чтобы извѣстные предметы трактовались—*Urbi et orbi*—на латинскомъ языкѣ ⁴⁾; въ то же время итальянская проза совершенствовалась, въ свою очередь

¹⁾ Grammatica latina in volgare. Verona 1529.

²⁾ De infelicitate principum, въ Poggii Opera ed. Basel 1513, fol. 152: Cujus (Dantis) exstat poema praeclarum, neque si literis latinis constaret, ulla ex parte poetis superioribus (древними) postponendum. И Cortesius (De hominibus doctis стр. 7) жалуется: Utinam tam bene cogitationes suas latinis literis mandare potuisset, quam bene patrium sermonem illustravit! Онъ повторяетъ ту же жалобу, когда говоритъ о Петраркѣ и Боккачіо. Boccaccio, Vita di Dante стр. 74.

³⁾ Ср. прилож. LII.

⁴⁾ Впрочемъ, существуютъ только несомнѣнныя стилистическія упражненія, какъ напр. двѣ новеллы изъ Боккачіо и канцона Петрарки, переведенныя на латинскій старшимъ Вероальдусомъ (см. Orationes и др.). Ср. приведенное у Nolhac. Petr. et l'hum, стр. 183 sq.

благодаря трудамъ писателей, не безъ внутренней борьбы отказавшихся отъ употребленія латинскаго языка.

Цицеронъ. Источникомъ чистѣйшей прозы въ XV вѣкѣ безспорно признавался всѣми Цицеронъ; причиною этому было не одно только убѣжденіе въ превосходствѣ его рѣчи, его грамматическихъ и стилистическихъ приѣмовъ, но также и то, что изящество стилия въ письмахъ, блескъ его рѣчей и ясность его философскихъ представленій находили особый откликъ въ итальянской натурѣ. Еще Петрарка вполне сознавала всѣ слабыя стороны Цицерона какъ человѣка вообще и какъ общественнаго дѣятеля¹⁾, но изъ уваженія къ нему не хотѣла этого признать; начиная съ его времени эпистолографія прежде всего и почти исключительно руководствуется цицероновскими образцами (стр. 283), а затѣмъ и другіе роды литературы, кромѣ повѣствовательной, слѣдуютъ по тому же пути.

Но подлинный цицероніанизмъ, исключаяющій всякое выраженіе, не отвѣчающее строго этому образцу, начинается только въ концѣ XV вѣка, послѣ того какъ, грамматическія сочиненія Лоренцо Валла распространили свое вліяніе по всей Италіи, а различныя мнѣнія на этотъ счетъ римскихъ историковъ литературы выдержали между собой строгое сравненіе²⁾. Въ эту эпоху такой издатель, какимъ былъ Альдъ Мануцій — самъ выдающійся гуманистъ, — отказывался отъ распространенія книги, если она казалась ему написанной не достаточно изящнымъ слогомъ³⁾. Въ это время научились различать точнѣйшимъ образомъ и до мельчайшихъ подробностей всѣ отгѣнки въ стилѣ древнихъ авторовъ, писавшихъ прозой, и приходятъ снова къ утѣшительной увѣренности въ томъ, что Цицеронъ представляетъ собой единственный образецъ, или же-

¹⁾ Ср. письма Петрарки „къ знаменитымъ тѣнямъ“ *Err. fam. (ed. fracass.) lib. XXIV, 3, 4.* (Далѣе въ томъ же изд. т. II, стр. 497). Также *Err. sen. XIV, 1* (отъ времени до времени издав. отдѣльн. ч. подъ титуломъ *De rep. opt. administranda*): *sic esse doleo, sed sic est.*

²⁾ Комическое изображеніе фанатическаго пуризма въ Римѣ даетъ *Jov. Pontanus* въ св. *Антоніѣ.*

³⁾ Къ этому можно еще отнести, что въ одномъ источникѣ того времени (1458) употребляется въ томъ-же значеніи *Latinus* вм. *Italus*, тамъ-же *lingua latina* вмѣсто *Itala*, см. *Macusev I* стр. 198.

лая обобщить всѣ роды сочиненій, за образецъ принимаютъ „безсмертный, можно сказать почти божественный цicerоновскій вѣкъ“ ¹⁾. Такие люди, какъ Пьетро Бембо, Пьерро Валеріано и др. прилагаютъ лучшія силы въ этомъ направленіи, и даже тѣ, кто долго этому сопротивлялся и заимствовалъ свой архаическій слогъ ²⁾ изъ древнѣйшихъ авторовъ, и тѣ, наконецъ, уступаютъ и преклоняются передъ Цицерономъ; такъ, Лонголій ³⁾ обѣщаетъ Бембо читать одного только Цицерона въ теченіе пяти лѣтъ; онъ же хвалится тѣмъ, что не употребляетъ ни одного слова, не встрѣчающагося у этого автора. Все это усердіе привело въ концѣ концовъ къ ученому спору, въ которомъ передовое мѣсто заняли Эразмъ и старшій Скалигеръ.

Впрочемъ, и сами почитатели Цицерона не всѣ были настолько односторонни, чтобы видѣть въ немъ единственный источникъ образованія языка.

Въ серединѣ XV вѣка серьезные и разносторонне образованные люди, какъ Флавіо Бюндо, Платина уже стремились освободиться отъ господствующаго подражанія древности и настаивали на своемъ правѣ примѣнять новыя слова для выраженія новыхъ понятій; въ концѣ же этого вѣка Полиціано и Эрмолао Барбаро сознательно стремятся къ упроченію извѣстной индивидуальности въ своей латинской прозѣ, пользуясь, разумѣется, рѣдкой обширностью своихъ познаній; но они не могутъ вызвать въ своихъ ученикахъ стремленія къ такой же самостоятельности; ту же цѣль пре-

¹⁾ Hadriani (Cornetani) Card. S. Chrysogoni De sermone latino liber. впервые появл. 1507. Важнѣйшее здѣсь введеніе. Онъ считаетъ Цицерона и его современниковъ главнѣйшими представителями Латинской культуры. Это признаніе тѣмъ замѣчательнѣе, что исходитъ отъ человѣка, который въ томъ же году въ соч. De vera philosophia ex quatuor doctoribus ecclesiae объявляетъ форменную войну гуманистической наукѣ, въ особенности-же объявляетъ войну риторикѣ. Ср. В. Gebhardt, Adrian v. Corneto Bresl. 1886 и Ztschs. f. vrgl. Lit. und Ren. Lit. N. F. (1888) стр. 148. Тотъ-же Codrus Urceus, который видить въ Гомерѣ сумму всѣхъ знаній (см. прилож. L) говоритъ Opp. ed. 1506 fol. LXV: Quiquid temporibus meis Aut vitti aut studui libens Omne illud Cicero mihi felici dedit omni, въ другомъ стихотвореніи (тамъ же) даже утверждаетъ: Non habet, huic similem doctrinae Graecia mater.

²⁾ Paul. Jov. Elogia doct. vir. стр. 187 sq. по поводу Bart. Pius.

³⁾ Ср. прилож. LIII.

слѣдуетъ и Паолло Джіовіо, отъ котораго мы обо всемъ этомъ знаемъ ¹⁾. Въ дѣйствительности онъ впервые нашелъ много латинскихъ выраженій для современныхъ, въ особенности эстетическихъ понятій, хотя не всегда удачныхъ и обнаруживающихъ нѣкоторую степень искусственности; по временамъ, однако, ему удается это сдѣлать съ удивительной силой и блескомъ. Его латинскія характеристики замѣчательныхъ живописцевъ и скульпторовъ того времени, его краткое начало обширнаго собранія біографій художниковъ, по его плану удачно законченнаго впоследствии Вазари, содержатъ въ себѣ много очень удачныхъ и рядомъ съ ними неудачныхъ страницъ. И Левъ X, также полагавшій свою славу въ томъ „ut lingua latina nostro pontificatu dicatur facta auctior“ ²⁾, былъ на сторонѣ болѣе свободной латинизаціи, такъ какъ это естественнымъ образомъ отвѣчало его склонности ко всякаго рода наслажденіямъ, и ему нравилось, если то, что ему приходилось слышать или читать самому, было написано настоящимъ латинскимъ языкомъ, изящнымъ и въ то же время живымъ.

Латинская рѣчь. Наконецъ, для разговорной латинской рѣчи Цицеронъ никакъ не могъ служить образцомъ, а потому въ этомъ отношеніи необходимо было рядомъ съ нимъ поклониться другимъ богамъ. Этотъ пробѣлъ должны были заполнить частыя представленія въ Римѣ и въ другихъ городахъ комедій Плавта и Теренція, такъ какъ сценическія представленія могли служить прекраснымъ упражненіемъ въ разговорномъ латинскомъ языкѣ. Къ увлеченію древней латинской комедіей и къ самостоятельнымъ подраженіямъ такой комедіи въ особенности дала толчекъ рукопись, содержащая въ себѣ 12 піесъ Плавта, привезенная Николаемъ Куза въ Римъ,—кодексъ Орсини съ котораго распространено много списковъ ³⁾. Нѣсколько десятилѣтій спустя

¹⁾ Ср. прилож. LIV. Paul Jov. Dialogus, De viris literis illustribus; у Tiraboschi, ed. Venez. 1796, т. VII, стр. 4. Въ этомъ діалогѣ высказывается предчувствіе и сожалѣніе, что латинскій языкъ скоро потеряетъ совсѣмъ литературное значеніе.

²⁾ Въ бреве 1517 г. къ Franc. de Rosi собр. Sadoletto у Roscoe, Leo X ed. Bossi VI, стр. 172.

³⁾ Creiznach I, 572, тамъ-же дальнѣйшая литература.

уже при Павлѣ II, ученый кардиналъ въ Теанумѣ ¹⁾, (по всей вѣроятности Никколо Фортегверра изъ Пистойи) прославился тѣмъ, что прекрасно изучилъ всѣ произведения этого писателя и возстановилъ испорченные манускрипты его пьесъ, хотя въ нихъ нельзя было разобрать даже именъ дѣйствующихъ лицъ: — по всей вѣроятности, онъ первый ввелъ въ обыкновеніе представленіе этихъ комедій. Кромѣ Плавта, исполнялись также произведенія Сенеки и латинскіе переводы греческихъ драмъ. Въ концѣ XV вѣка въ этомъ направленіи проявилъ широкую дѣятельность Помпоній Лаэтъ, бравшій на себя большею частью всю режиссерскую роль, при постановкѣ плавтовскихъ комедій въ дворцахъ кардиналовъ ²⁾.

Съ 1520 г. это увлеченіе ослабѣваетъ, и Джіовіо считаетъ, какъ мы видѣли выше (стр. 294), этотъ упадокъ одной изъ причинъ упадка краснорѣчія.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на параллельное съ цицероніанизмомъ явленіе въ области искусства, а именно витрувіаниззмъ архитекторовъ ³⁾. И здѣсь обнаруживается общій законъ Возрожденія и мы видимъ, что движеніе въ сферѣ образованности вообще предшествуетъ аналогичному движенію въ области искусствъ. Въ данномъ случаѣ промежутокъ около двухъ десятилѣтій, если считать со времени кардинала Адриана изъ Корнето (1505 г.) до появленія первыхъ рѣшительныхъ витрувіанцевъ.

1) Gaspsar. Veronens, Vita Pauli II, у Murat III, II col. 1031.

2) Въ Феррарѣ давали представленія Плавта, большею частью въ латинской обработкѣ Collepucchio, младшаго Гуарино и др., ради содержанія, и Изабелла Гонзаго позволяла себѣ находить ихъ скучными. Подробнѣе о пьесахъ Плавта въ Феррарѣ съ 1486 г. см. Flechsig, Die Dekoration der modernen Bühne in Italien Dresden 1894 г. стр. 13 ff. О латинской комедіи вообще ср. R. Peiper—Fleckeisen и Masius, Neue Jahrb. d. Phil. и Päd. XX Leipz. 1874, стр. 131—138 и Archiv f. Literaturgesch. V. стр. 541 f.—О Pomp. Laetus ср. Sabellici opera, Epist. L, XI fol. 56 sq. и ниже въ концѣ этой части. Ср. прил. LV.

3) Ср. Burkhardt, Geschichte der Renaissance in Italien, стр. 38—41.

Глава X

Ново-латинская поэзія

Величайшую гордость гуманистовъ составляетъ ново-латинская поэзія. Мы постараемся подойти къ ней здѣсь настолько, насколько она можетъ дать матеріаль для характеристики гуманизма.

Въ предыдущей главѣ мы уже видѣли степень латинизированія вообще и всѣ шансы побѣды въ этомъ направленіи. Надо принять на вѣру, что нація, занимавшая въ то время первое мѣсто въ мірѣ по своему духовному и умственному развитію, не отказалась бы отъ такого языка, какъ итальянскій, ради бессмысленнаго каприза, а не руководимая, напротивъ, какими-нибудь серьезными цѣлями. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ побужденіемъ, основаннымъ на жизненной потребности.

Дѣйствительность заключалась въ поклоненіи классической древности, при чемъ послѣднее, какъ всякое безусловное поклоненіе, должно было неизбѣжнымъ образомъ породить подражаніе. И въ другихъ странахъ мы встрѣчаемъ стремленіе въ разное время къ той же цѣли, но только въ Италіи оказались налицо два главныхъ условія для дальнѣйшаго развитія и долготѣтя ново-латинской поэзіи, а именно всестороннее сочувствіе всѣхъ образованныхъ людей и отчасти возрожденіе античнаго итальянскаго генія въ самихъ поэтахъ, точно волшебный отзвукъ давно исчезнувшихъ музыкальныхъ струнъ. Такимъ образомъ поэзія этого времени, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ ея произведеніяхъ, уже не есть подражаніе, а новое свободное творчество. Кто не терпитъ въ искусствахъ никакихъ производныхъ формъ, кто не прощаетъ поэтамъ ошибокъ и увлеченій, въ особенности своевольныхъ стилистическихъ конструкцій,

кто не цѣнитъ вовсе античную поэзію или, напротивъ, считаетъ ее неподражаемой и недостижимой, тотъ пусть оставитъ въ сторонѣ всю упомянутую творческую дѣятельность. Даже лучшія изъ ея произведеній создавались не для критической оцѣнки, но для того, чтобы доставить пріятныя минуты самимъ поэтамъ и многимъ тысячамъ современниковъ ¹⁾.

Латинскій эпосъ. Историческій жанръ. Менѣе всего удачными надо признать эпическія произведенія того времени, заимствовавшія сюжетъ изъ исторіи и преданій классической древности. Это и не могло быть иначе, такъ какъ мы знаемъ, что истинныя основанія живой эпической поэзіи были чужды не только древнимъ римлянамъ, но и грекамъ, за исключеніемъ Гомера; естественно, что латинскіе поэты эпохи Возрожденія не превзошли своихъ учителей. Тѣмъ не менѣе „Африка“ Петрарки ²⁾ въ свое время находила многочисленныхъ одушевленныхъ слушателей и читателей, какъ и любой эпосъ новѣйшаго времени. Возникновеніе и самая задача этого произведенія представляютъ нѣкотораго рода интересъ. Четырнадцатый вѣкъ совершенно вѣрно понималъ эпоху второй Пунической войны, какъ высшую точку римскаго могущества, и Петрарка хотѣлъ это изобразить въ своей поэмѣ. Поэтъ, по всей вѣроятности, не взялся бы за эту задачу, если бы въ то время былъ уже открытъ Сильвій Италикъ; но такъ какъ послѣдній еще не существовалъ, то задача напрашивалась сама собой, и возвеличеніе Сципіона старшаго было настолько въ духѣ XIV вѣка, что другой поэтъ, Цаноби ди-Страда, брался за эту тему еще до Петрарки и оставилъ свое произведеніе неоконченнымъ, только изъ уваженія къ послѣднему ³⁾. Если искать оправданіе для „Африки“, то оно, конечно, заключается въ томъ, что въ то время и еще позднѣе всѣ и каждый интересовались Сципіономъ, все явно, какъ если бы онъ находился

¹⁾ Въ отнош. къ послѣд. см. *Deliciae poetarum italor.* Paul Jovius, *Elogia*; — *Lil. Greg. Gyraldus, De poetis nostri temporis*; прил. къ Roscoe, Leone X ed Bossi.

²⁾ Два новыя изданія стихотворенія принадлежатъ Pingaud (Paris 1872) и Corradini (Padua 1874); въ 1874 г. два итальянскихъ перевода Gaudio и Palesa. Стихотвореніе, въ которомъ *Salutati* побуждаетъ Петрарку окончить „Африку“, помѣщ. у Pingoud, *F. P. Afrika*, app. II и лучше *Salutati*, письма 231—241.

³⁾ *Philippo Villani, Vitae*, ed. Galletti стр. 16.

въ живыхъ, и многіе отдавали преимущество его величію передъ Александромъ, Помпеемъ и Цезаремъ¹⁾. Мы знаемъ, что и позднѣйшія эпопеи имѣютъ нерѣдко предметомъ болѣе или менѣе мифическое изображеніе популярныхъ историческихъ сюжетовъ. Само по себѣ это стихотвореніе въ настоящее время является совершенно неудобопонятнымъ. Въ отношеніи къ другимъ историческимъ сюжетамъ мы должны отослать читателей къ историко-литературнымъ сочиненіямъ.

Мифологія и буколика. Далѣе поэзія становится богаче и разностороннѣе, черпая содержаніе изъ древнихъ мифовъ; въ этомъ направленіи поэтической вымыселъ начинаетъ упражняться въ особенности со времени Тезеиды, считавшейся лучшимъ поэтическимъ произведеніемъ Боккачіо. На латинскомъ языкѣ Маффео Веджіо, при папѣ Мартынѣ V, написалъ тринадцатую книгу, какъ добавленіе къ Энеидѣ²⁾; далѣе мы встрѣчаемъ еще нѣсколько менѣе значительныхъ опытовъ въ этомъ родѣ, какъ подражаніе Клавдіану: Мелеагрида, Геспериды и др. Но болѣе всего вниманія заслуживаютъ мифы новѣйшаго измышленія, населяющіе прекраснѣйшія мѣстности Италіи первобытными богами, нимфами, геніями и также пастухами, такъ какъ эпической элементъ въ этой поэзіи находится вообще въ неразрывной связи съ буколическимъ. Вообще, со времени Петрарки, пастушеская жизнь въ повѣствовательныхъ и діалогическихъ эклогахъ³⁾ становится любимымъ символомъ различныхъ чувствъ и представленій; у насъ еще будетъ поводъ коснуться этого предмета, а пока мы остановимся только на новыхъ мифахъ. Мы видимъ здѣсь, въ этомъ родѣ поэзіи, яснѣе всего двойное значеніе древнихъ боговъ въ эпоху Возрожденія; съ одной стороны, они служатъ для выраже-

¹⁾ Franc. Aleardi oratio in laudem Franc. Sfortiae у Murat. XXV. Col. 384.—При сравненіи Сципіона и Цезаря Гуарино считалъ выѣстѣ съ Сугіасусъ Ансонитанусъ перваго величайшимъ, а Poggio (Opera, fol. 125, 134 sa) втораго; изъ этого возникли горячіе споры, Sheph. Tonelli I, 262 и Rosmini, Guarino II стр. 97—118. Сципіонъ и Ганнибалъ въ миниатюрахъ Attavante см. Vasari IV, 41 Vita di Fiesole. Эти имена примѣнялись къ Пиччинино и Сфорца см. I.

²⁾ Нов. изд. Aug. Liverani, Livorno 1897 sp. Giorn. stor. 34, 276 ff.

³⁾ Ниже мы приведемъ наиболѣе замѣчательныя по реализму изображенія сельской жизни.

нія нѣкоторыхъ общихъ понятій, дѣлая ненужными, такимъ образомъ, аллегорическіе образы, и въ то же время они представляютъ сами по себѣ самостоятельный элементъ поэзіи, извѣстнаго рода нейтральныя украшенія, которыя можно свободно вплести всюду, и притомъ въ различныхъ комбинаціяхъ. Боккачіо въ этомъ отношеніи пошелъ дальше всѣхъ, слѣдуя метаморфозамъ Овидія и нѣкоторымъ позднѣйшимъ греческимъ ¹⁾ обработкамъ преданія о Дафніи, и создавъ цѣлый міръ боговъ и пастуховъ, въ окрестностяхъ Флоренціи, въ своемъ „Ринфале д'Амето“ и „Ринфале фиезолано“, написанныхъ на итальянскомъ языкѣ. Но превосходнѣйшее въ этомъ родѣ — это безъ сомнѣнія „Сарка“ Пьетро Бембо ²⁾, съ его любовью рѣчного бога къ нимфѣ Гардѣ, съ великолѣпнымъ описаніемъ свадебнаго пира въ пещерѣ Монте-Бальдо, предсказаніями Манто — дочери Тирезія — о рожденіи Минчія, объ основаніи Мантуи и о будущей славѣ Виргилія, который произойдетъ на свѣтъ отъ брака Минчія съ нимфой Майей. Бембо нашелъ красивыя строфы для изображенія этого изящнаго гуманистическаго рококо и закончилъ свое произведеніе обращеніемъ къ Виргилію, въ которомъ любой поэтъ могъ бы ему позавидовать. Принято большею частью не высоко цѣнить эту поэзію и видѣть въ ней одну только холодную декламацию, но о вкусахъ не спорять.

Далѣе возникаютъ многочисленныя эпическія стихотворенія библейскаго и церковнаго содержанія, написанныя гекзаметромъ, при чемъ авторы не всегда имѣли въ виду заслужить только одобреніе церкви или пріобрѣсти покровительство папъ; лучшіе изъ нихъ, а также и менѣе талантливые, какъ Баттисто Мантовано, напримѣръ, сочинитель Пароеники,

¹⁾ Zumbini, Una storia d'amore e morte въ Nuova antologia XLIV (1884) fasc. 5.

²⁾ Напечатано у Mai, Spicilegium romanum, vol. VIII, стр. 488—504 (около 500 гекзаметровъ). Бембо нигдѣ не упоминаетъ объ этомъ стихотвореніи; это молчаніе дало основаніе заподозрить его подлинность. Ср. Morsolin, Atti del R. Istituto Veneto 1886—1887 T. V, 232 и Cian, Motti inediti di P. Bembo, Venedig 1888, стр. 11; Pierio Valeriano пользовался дальше этихъ мифомъ; его Carpio въ Deliciae poet. ital, а также въ небольшихъ произведеніяхъ P. V. Кельнъ 1811, стр. 42—46. Фрески Brusasorci на стѣнахъ Pal. Murari въ Веронѣ представляютъ содержаніе Sarca.

повидимому, задавались искреннимъ стремленіемъ своей ученой латинской поэзіей послужить религіи, и надо замѣтить, что ихъ полу-языческое воззрѣніе на католицизмъ вполне согласовалось съ этимъ намѣреніемъ. Джиральдусъ насчитываетъ нѣсколько такихъ поэтовъ, впереди которыхъ стоятъ Вида съ его Христіадой, Саннацаро съ его тремя пѣснями „De partu Virginis“ ¹⁾. Саннацаро (1458 — 1530) преобладаетъ надъ всѣми другими смѣлымъ стихомъ и смѣшеніемъ языческихъ и христіанскихъ элементовъ, пластической изобразительностью и тонкой отдѣлкой. Онъ могъ не бояться сравненія, помѣщая стихи изъ четвертой эклоги Виргилія въ томъ мѣстѣ поэмы, гдѣ пастухи поютъ надъ яслями (III, 17 ff). Въ описаніи загробной жизни мы встрѣчаемъ у него иногда чисто дантовскіе штрихи: напримѣръ, король Давидъ въ лимбѣ патриарховъ поетъ и пророчествуетъ (I, 236 f. f.) или Предвѣчный, сидя на тронѣ, въ плащѣ, на которомъ находится изображеніе всѣхъ элементовъ бытія, говоритъ съ небесными духами (III, 17 f. f.). По временамъ онъ, не стѣняясь, окружаетъ своихъ героевъ древними мифами, и мы присутствуемъ при томъ, какъ пѣніе Давида заставляетъ Мегеру скрежетать зубами, Цербера—лять и Коцита—трепетать, при чемъ все это не кажется страннымъ, такъ какъ авторъ не удѣляетъ языческимъ богамъ серьезныхъ ролей и сохраняетъ за ними только обстановочное значеніе. Кто хочетъ представить себѣ художественную производительность того времени во всемъ ея объемѣ, не можетъ обойти такого рода произведеніе. Въ этомъ отношеніи заслуги Саннацаро тѣмъ болѣе велики, что смѣшеніе христіанскаго элемента съ языческимъ, вообще говоря, гораздо опаснѣе въ поэзіи, чѣмъ въ образовательномъ искусствѣ; послѣднее можетъ приковывать глазъ къ извѣстной осязательной красотѣ и вообще менѣе зависитъ отъ содержанія, такъ какъ въ немъ воображеніе больше останавливается на формѣ, а въ поэзіи — на самомъ предметѣ. Баттиста Мантовано въ

¹⁾ Новое изданіе и переводъ Th. A. Fasnacht см. „Drei Perlen der neulateinischen Poesie. Leutkirch и Leipzig 1875 г. Ср. впрочемъ также соч. Гете (изд. Hempel) 22 стр. 157 и 411. Заслуживаетъ вниманіе сужденіе современника: Peter Summontius (Opp. Pontani II, стр. 1297) ut post nescio quos Sedulios et Prudentios in quibus pene nihil praeter nudam religionem invenias, Marones tandem Christianos habeamus.

своемъ „Календарѣ“¹⁾ употребляетъ другой приемъ; не видя никакой опасности для христіанства со стороны боговъ и полубоговъ, онъ хотя не даетъ имъ ролей въ Священной Исторіи, но рисуешь ихъ непріязнь, подобно отцамъ церквитакъ, въ то время, какъ архангелъ Гавріилъ привѣтствуетъ въ Назаретѣ Святую Дѣву, Меркурій поспѣшаетъ за нимъ и подслушиваетъ у дверей; затѣмъ онъ передаетъ все собравшимся богамъ и побуждаетъ ихъ такимъ образомъ къ крайнимъ мѣрамъ. Въ другихъ случаяхъ²⁾ Фетида, Церера, Эолъ и др., напротивъ, добровольно покоряются Мадоннѣ и признають ея святость.

Громкая извѣстность Саннацаро, множество его послѣдователей, восторженное отношеніе къ нему выдающихся современниковъ, въ родѣ Бембо, сочинившаго для него эпитафію, Тиціана, написавшаго его портретъ—все это доказываетъ, насколько онъ былъ нуженъ и какую цѣну имѣлъ въ свое время. Въ отношеніи къ церкви онъ въ самомъ началѣ реформаціи уже нашелъ рѣшеніе проблемы, какъ оставаться вполнѣ классическимъ и въ то же время христіанскимъ писателемъ, а потому его талантъ заслужилъ похвалу папъ: Льва X и Климента.

Новая исторія въ поэтической формѣ. Наконецъ, и современная исторія писалась также въ гекзаметрахъ и двустишіяхъ, то въ описательной формѣ, то въ панегирической, но, въ большинствѣ случаевъ, съ цѣлью прославить какого нибудь государя или династію. Такимъ образомъ возникли Сфорціада³⁾, Борзаида⁴⁾, Лауренціада⁵⁾, Фельтріада⁶⁾, Три-

1) De sacris diebus.

2) Напр. въ его 8-й экл.

3) Существуютъ двѣ непооявившіяся въ печати и неоконченныя „Сфорціады“, одна старшаго, другая младшаго Филельфо. Относительно послѣдней ср. Favre, Melanges d'hist. lit. I стр. 156; о первой Rosmini, Filelfo II, стр. 157—175. Послѣдняя должна была заключать въ себѣ 12.800 стиховъ. Между прочимъ въ ней есть сцена, въ которой солнце влюбляется въ Бьянку.

4) Въ Борзіадѣ Tito Strozzi закончены только четыре первыя книги, содержащія начало происхожденія этой семьи, ср. Albrecht, T. Strozza, Дрезденъ 1891, стр. 28.

5) Относительно „Лауренціады“ Mario Filelfo младшаго характерное письмо воспитанаго въ немъ Лоренцо Медичи 17 дек. 1475 г. (Questi) Le carte strozziane 1884 I 589; благодаря этой поэмѣ онъ сталъ самъ

ультіада¹⁾ и т. д., но всѣ онѣ, въ сущности, не достигли цѣли, такъ какъ, если кто изъ этихъ героевъ остался знаменитъ и сохранилъ безсмертіе, то отнюдь не благодаря этимъ поэмамъ, не завоевавшимъ ни чьихъ симпатій, даже если они принадлежали хорошимъ поэтамъ. Совсѣмъ иначе вліяли небольшія жанровыя картинки изъ жизни знаменитыхъ людей, написанныя безъ всякаго пафоса, напримѣръ, прекрасное стихотвореніе „Охота при Пало“²⁾, относящееся къ Льву X, или „Путешествіе Юлія II“, принадлежавшее Адриану да Корнето (стр. 144 и ниже гл. X). Въ томъ же родѣ блестящія описанія охотъ находимъ у Эрколе и Строцца, также у упомянутаго Адриана и находящаяся въ нихъ лестъ высокими лицамъ не должна вызывать гнѣвъ и отвращать читателя отъ этихъ произведеній. Мастерство обработки и значительная историческая цѣнность этихъ произведеній обезпечиваютъ имъ болѣе долгое существованіе, чѣмъ то, на какое могутъ разсчитывать нѣкоторыя поэмы, пользующіяся большой извѣстностью въ настоящее время.

Эпическое стихотвореніе. Въ общемъ эти произведенія тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ умѣреннѣе въ нихъ смѣсь патетическаго съ обыденнымъ; нѣкоторыя небольшія эпическія стихотворенія производятъ удивительно комическое впечатлѣніе помимо желанія самихъ авторовъ, благодаря причудливой миѳологіи; таково траурное стихотвореніе Эрколе Строцца³⁾ на смерть Чезаре Борджіа (130 прим. 1—2 и 131 пр. 1). Мы слышимъ жалобную рѣчь Рима, возлагавшаго всѣ надежды

себѣ *carior asserptiorque factus*. Въ благодарность за нее онъ хотѣлъ бы въ свою очередь сдѣлать безсмертный подарокъ. Потому онъ ожидаетъ *in qua te me velis*. Mario Filelfo написалъ также *Felsineidos* въ честь Болоньи, *Martiados* для Федерико Урбинскаго (*Martiados* разобрана Zannoni въ *Atti dell Acc. de Lincei* V, III, 555 ff. 650 ff.) даѣе *Amygis* на взятіе Константинополя.

⁶⁾ Porcello ср. в. стр. 118 прим. 2 упомян. труда Zannoni.

¹⁾ Относительно хвалебн. посланія *Altro Marte* къ *Nicolo Piccinino* приндл. *Lorenzo Spirito* изъ Перуджии (оконч. 1470, напечат. 1489) ср. *Giorn. stor. dell. lett. it.* 21, 414 sq и стр. 277.

²⁾ *Roscoe Leone* X, ed. Bossi VIII, 184; еще одно стихотвореніе въ томъ же стилѣ XII, 130. Насколько стихотвореніе *Angilbert'a* посвященное двору Карла Великаго приближается къ этой литературѣ *Возрожденія*, ср. *Pertz, Monum. II* прилож. LVI.

³⁾ *Strozzi* poetae, стр. 31 sq, *Caesaris Borgiae ducis epicedium*.

на испанскихъ папъ Каликста III и Александра VI; далѣ Чезаре называется здѣсь „обѣтованнымъ“, и повѣствуется его исторія до катастрофы въ 1503 г. Поэтъ спрашиваетъ музу о намѣреніяхъ боговъ въ этотъ моментъ ¹⁾, и Эрато отвѣчаетъ: Паллада приняла на Олимпѣ сторону испанцевъ, а Венера—итальянцевъ; обѣ онѣ припали къ ногамъ Юпитера съ мольбами, онъ отвѣтилъ имъ поцѣлуемъ и сказалъ, что не можетъ измѣнить судьбу людей, уже сотканную парками, но что обѣтованіе боговъ исполнятся черезъ одного изъ членовъ дома Эсте—Борджіа ²⁾; рассказавъ имъ затѣмъ удивительную исторію этихъ двухъ семействъ, онъ сожалѣетъ, что несмотря на всѣ просьбы, не можетъ подарить Чезаре безсмертіе, какъ нѣкогда Мемнону и Ахиллу; но въ утѣшеніе прибавилъ, что Чезаре истребитъ еще въ битвѣ многихъ враговъ. Тогда Марсъ спѣшитъ въ Неаполь, чтобы возбудить споръ и жажду брани, а Паллада спускается въ Неппи и является Чезаре въ образѣ Александра VI; высказавъ нѣсколько увѣщаній, она совѣтуетъ ему смириться и довольствоваться славой его имени; затѣмъ богиня исчезаетъ „подобно птицѣ“.

Кто отбрасываетъ съ пренебреженіемъ всѣ произведенія болѣе или менѣе удачно проникнутыя мифологіей, тотъ совершенно напрасно лишаетъ себя часто большого удовольствія, такъ какъ, несмотря на всю свою условность, этотъ элементъ является въ поэзіи облагороженнымъ, также какъ въ живописи и въ скульптурѣ. Любители могутъ найти въ этой поэзіи еще и начала пародій (стр.ч. 3-я гл. I. fg.) на примѣръ, въ Макаронеидѣ, въ параллель которой Джіованни Беллини написалъ комическій „Праздникъ боговъ“.

Нѣкоторые рассказы, написанные въ видѣ стихотвореній, гекзаметромъ, представляютъ собой простое переложеніе извѣстныхъ реляцій въ прозѣ, причемъ нельзя не отдать предпочтеніе послѣднимъ тамъ, гдѣ онѣ сохранились. Въ концѣ концовъ въ тѣ времена воспѣвалось, какъ

1) Pontificem addiderat, flammis lustralibus omneis. Corporis ablutum labes. Diis Iupiter ipsis etc.

2) Позднѣйшій Egeole II феррарскій род. 4 Апр. 1508 по всей вѣроятности незадолго до или вскорѣ послѣ сочиненія этого стихотворенія. Nascere magne puer matri exspectate patrique, говорится въ концѣ.

извѣстно, все, въ томъ числѣ и церемоніи всякаго рода и распри, и не только итальянскими поэтами, но и нѣмецкими гуманистами эпохи реформации. Но было бы несправедливо объяснять это одной только праздною и рѣмоплетствомъ. По крайней мѣрѣ, у итальянцевъ это явленіе объясняется чрезвычайнымъ развитіемъ стилистики вообще, такъ какъ иначе нельзя было бы понять, почему въ то время вошло въ обыкновеніе даже всякаго рода извѣстіе, историческія описанія и памфлеты передавать по преимуществу въ терцинахъ. Мы видимъ, какъ пользуются этой трудной стихотворной формою Никколо да Уццано въ своемъ трактатѣ о новомъ государственномъ устройствѣ, Макиавелли въ обзорѣ современной исторіи, третій описываетъ этимъ размѣромъ жизнь Савонароллы, четвертый — осады Пюмбино Альфонсомъ Великимъ ¹⁾ и т. д. Естественно, что другіе пользуются гекзаметромъ съ тою же цѣлью, т. е. для того, чтобы сильнѣе вліять на *своихъ* чита телей. Дидактическая поэзія даетъ возможность судить о томъ, насколько эта форма одобрялась и нравилась. Эта поэзія въ XVI вѣкѣ процвѣтаетъ настолько, что даже наиболѣе выдающіеся гуманисты пишутъ латинскимъ гекзаметромъ о предметахъ чисто-практическаго свойства, порою даже смѣшныхъ или неприятныхъ, напримѣръ о выдѣлкѣ золота, шахматной игрѣ, о шелководствѣ, о венерической заразѣ (*morbis gallicus*) и т. п.; къ этому присоединяются также многія обширныя итальянскія стихотворенія. Въ настоящее время вся эта литература осуждается, такъ сказать, заочно, и мы не можемъ сказать, содержитъ ли она въ себѣ, что либо цѣнное или нѣтъ ²⁾. Мы знаемъ только, что эпохи, превосходящая нашу требователь-

¹⁾ Uzzano см. Arch. stor. ital. IV, I, 296.—Machiavelli I Decenali.—Исторія Саванароллы подъ названіемъ *Cedrus Libani*, соч. Fra Benédetto, напечатано Vincenzo Marchese въ 6 томѣ (Appendix) Archivio storico ital.; ср. P. Villari, перевод. Berdushek I, стр. XIX, прим. 2 и Ranké, Ист. биогр. труды. Assedio di Piombino у Murat. XXV.—Къ этому паралель „der Teuerdank“ императора Максимилиана и Melchior Pfinzing, и др. рѣмов. произведенія Сѣвера того времени.

²⁾ „Coltivazione“ написанное на итальянскомъ яз. *versi sciolti*, соч. L. Alamanni (старѣйшее изданіе Парижа 1546) нов. изданіе въ собр. соч. 2 т. Флоренція 1859 очень плохое. О немъ можно сказать, что всѣ лучшія мѣста заимствованы посредственно или непосредственно изъ классическихъ поэтовъ,

ностью, въ отношеніи красоты формъ, какъ ново-греческая, ново-латинская и эпоха возрожденія, не могли обойтись безъ этого рода поэзіи. На это можно, конечно, возразить, что въ наше время, поэтическая форма не примѣнима въ сферѣ знаній, не по недостатку влеченія къ красотѣ, но потому, что мы къ самимъ знаніямъ предъявляемъ болѣе серьезныя и разностороннія требованія.

Одно изъ такихъ дидактическихъ произведеній еще и теперь появляется отъ времени до времени въ обращеніи ¹⁾, а именно: „Зодиакъ жизни“ Марцелія Палингенія (Пьеръ Анжело Манцолли), тайнаго ферарскаго протестанта, появившееся впервые въ 1531 г. и запрещенное (index) въ 1558 г. Этотъ писатель сплетавшій также, подобно своимъ эпическимъ предшественникамъ, языческое съ христіанскимъ въ одну пеструю смѣсь, живетъ уже въ такое время, когда его патронъ Эрколе II, герцогъ феррарскій, является единственнымъ государемъ, любящимъ и понимающимъ поэзію. На ряду съ высокими вопросами о Богѣ, добродѣтели и безсмертіи, авторъ разсуждаетъ также о простыхъ жизненныхъ отношеніяхъ, и его нравственныя сужденія имѣютъ авторитетное значеніе съ исторической точки зрѣнія. Но, по существу, его произведеніе выходитъ изъ принятыхъ рамокъ того времени, и аллегорія уже преобладаетъ здѣсь надъ мифологіей, ради серьезной и поучительной цѣли.

Эпиграмма. Но больше всего приближается поэтъ-филологъ къ древнимъ авторамъ въ лирикѣ и въ особенности въ элегіи, а также еще и въ эпиграммѣ.

Въ фривольной поэзіи преобладающее вліяніе оказывалъ на итальянцевъ Каттуль. Легкомысленное и страстное содержаніе были часто плодомъ исключительно только по-

¹⁾ Напримѣръ въ изданіи C. Weise Lpz. 1832. Нѣмецкій переводъ Zug, Freising 1873. Въ новѣйшее время итальянцы также обратили вниманіе на это произведеніе и его изданіе. Ср. Martinazolli въ Ztschr. Filosofia delle scuole italiane 1884, Teza въ Propugnatore N. S. L. 2. (1889). Итальянскій переводъ вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о самомъ поэтѣ приготоуленъ D. Pesci. Книга раздѣлена на 12 книгъ, титулы которыхъ носятъ названія 12 звѣздн. изображ. Въ посвященіи говорится: Nam quem alium patronum in tota Italia invenire possum, cui musae cordi sint, qui carmen sibi oblatum aut intelligat, aut examine recto expendere sciat.

дражанія; авторы нерѣдко прибавляли, что ихъ собственные взгляды совершенно противоположны тому, что звучить въ ихъ стихахъ¹⁾; иной изящный латинскій мадригалъ, небольшая эпиграмма или злой экспромтъ являются чистѣйшимъ подражаніемъ или заимствованіемъ у Катуллы. Умершія собачки или попугаи оплакиваются въ стихахъ безъ малѣйшаго намека на лезбійскій стихъ, хотя въ дѣйствительности мы видимъ здѣсь одно заимствование. Встрѣчаются небольшія стихотворенія въ этомъ родѣ, которымъ и знатоки можетъ приписать древнее происхожденіе²⁾, если въ нихъ не говорится о чемъ-нибудь явно относящемся къ XV или XVI вѣку.

Изъ одъ, написанныхъ сафическимъ или другимъ древнимъ размѣромъ, рѣдкая, напротивъ, не заключаетъ въ себѣ явныхъ признаковъ новѣйшаго происхожденія; причина этому или риторическая словоохотливость, не свойственная древнимъ, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго періода, или явный недостатокъ лирической сосредоточенности, необходимой въ этомъ родѣ поэзіи и т. п. Двѣ-три строфы еще можно принять за античный фрагментъ, но далѣе цѣльность уже нарушается; если же встрѣчается продолжительная иллюзія, какъ напримѣръ въ прекрасной одѣ „къ Венерѣ“ Андреа Навагеро, то такое произведеніе оказывается прямымъ заимствованіемъ изъ лучшихъ древнихъ авторовъ³⁾. Нѣкоторые сочинители одъ избираютъ своимъ предметомъ культъ различныхъ святыхъ и, пользуясь аналогичнымъ содержаніемъ Горациевыхъ и Катулловыхъ одъ, передѣлываютъ ихъ безъ всякаго вкуса.

Такъ, Навагеро пишетъ свою оду къ архангелу Гавріилу; въ особенности, упражняется въ этомъ Саннацаро (стр. 317), зашедшій слишкомъ далеко въ увлеченіи языческимъ образцомъ. Онъ въ особенности прославляетъ своего

1) Panormitanus, Hermaphrod. II, 11: Crede velim nostra vitam distare papyro. Si mea charta procah, mens sine labe mea est.

2) Какъ паралель къ этому можно привести Philodoxis, комедію А берти; авторомъ ея называли Лепида и долгое время она считалась античной.

3) Здѣсь (ср. стр. 324 прим. 2) подражаніе Лукрецію и Горацию Od. IV, L.

святого ¹⁾, котораго часовня находится возлѣ его виллы, прекрасно расположенной на берегу моря „тамъ, гдѣ морскія волны принимаютъ въ себя источникъ, выбѣгающій изъ скалъ, и ласкаютъ стѣну маленькой святыни“. Величайшую радость для него представляетъ ежегодный праздникъ св. Назарія, причемъ цвѣты и гирлянды, которыми украшаютъ въ этотъ день часовню, кажутся ему жертвенными дарами.

Находясь въ изгнаніи, вмѣстѣ съ Федерико Аррагонскимъ, онъ, въ день своихъ именинъ, съ глубокой тоской приноситъ своему святому вѣнки изъ буковыхъ и дубовыхъ листьевъ, предается воспоминаніямъ о прежнихъ годахъ, когда на этотъ праздникъ пріѣзжали молодые люди въ украшенныхъ зеленою лодкахъ, и молится о возвращеніи на родину ²⁾.

Полную иллюзію античной древности производятъ, по преимуществу, многія стихотворенія, написанныя элегическимъ размѣромъ или только гекзаметромъ, содержаніе которыхъ носить различный характеръ, начиная настоящей элегіей и кончая эпиграммой. При этомъ гуманисты не только пользуются широкимъ заимствованіемъ изъ элегіи древнихъ авторовъ, но, большею частью, считаютъ себя имъ равными и соперничаютъ съ ними въ подражательномъ родѣ. Такъ, элегія Навагеро „Ночь“, также мало свободна отъ подражанія этимъ образцамъ, какъ и всякое другое стихотвореніе того времени въ этомъ родѣ, но при этомъ носить въ самомъ дѣлѣ печать настоящей классической красоты. Навагеро ³⁾ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ прежде всего заботится о достойномъ поэтическомъ содержаніи и

¹⁾ Привлеченіе святого въ качествѣ покровителя, въ то время какъ рѣчь идетъ о явленіи по существу языческому, мы видимъ уже по болѣе серьезному случаю (см. стр. 66). Ср. также элегію Саннацаро: *In festo die divi Nazarii martyris. Sannazari Elegiae 1535, fol., 166 sg.*

²⁾ *Sit satis ventos tolerasse et imbres,
Ac minas fatorum hominumque fraudes.
Da pater tecto salientem avito
Cernere fumum! (Epigrammat. lib. II).*

³⁾ *Andr. Naugerii orationes duae carminaque aliquot, Venet. 1530, in 4. О немъ и его смерти Pier. Val. de inf. lit. ed. Menken стр., 326 f.*

затѣмъ не прибѣгаетъ къ рабскому подражанію, но пишетъ съ удивительной свободой въ стилѣ антологіи Овидія, Катулла и Виргиліевыхъ эклогъ; онъ не злоупотребляетъ мифологіей и пользуется обращеніемъ къ Церерѣ и другимъ сельскимъ божествамъ только для того, чтобы нарисовать картину жизни простыхъ людей. Привѣтствіе родинѣ, начатое имъ, по возвращеніи изъ посольства въ Испанію, судя по первымъ строкамъ, должно было стать прекрасной поэмой, если бы онъ ее окончилъ:

Salve cura Deum mundi felicior ora,
Formosae Veneris dulces salvet recessus;
Ut vos post tantos animi mentisque labores
Aspicio lustroque libens, ut munere vestro
Sollicitas toto depello epectore curas! 1).

Элегія и гекзаметръ становятся средствами для выраженія высокиихъ патетическихъ чувствъ, благороднаго патриотизма (стр. 144 элегія къ Юлію II) и восхваленія повелителей 2), но въ то же время и для выраженія нѣжной меланхолии, въ духѣ Тибулла. Франческо Марія Мольца, соперничавшій въ лести Клименту VII и дому Фарнезе со Статіемъ и Марціаломъ, въ элегіи „Къ друзьямъ“, написанной во время болѣзни, высказываетъ — не хуже любого изъ древнихъ, — рядъ прекрасныхъ классическихъ мыслей о смерти, не прибѣгая къ серьезнымъ заимствованіямъ 3) у кого-либо изъ нихъ. Но совершеннѣе всѣхъ постигъ форму и содержаніе римской элегіи Саннацаро, и никто не превзошелъ его въ созданіи многочисленныхъ и разнохарак

1) Съ этимъ можно сравнить написанное сто лѣтъ раньше привѣтственное стихотвореніе къ Итали см. Petrarca. Carmina minora, ed. Rossetti, II, стр. 266, f.

2) Такого рода отношеніе къ Льву X отражается въ молитвѣ Guido Postumo Silvestri къ Христу, Маріи и всѣмъ святымъ, чтобы они надолго еще сохранили челоуѣчеству этотъ нумер, такъ какъ въ небѣ ихъ довольно. Напечат. у Roscoe: Leone X, ed. Bossi V. 337. Хвалебное стихотвореніе собакъ герцога Миланскаго и эпитафія ей-же изъ флорентійскаго кодекса см. Cian, Cavassico I, CCIX. Стихотвореніе къ собачкѣ Изабеллы d'Este и др. Luzio—Renier. 97, 46, f.

3) Molzas. Poesie volgari et latiné, изд. Pierantonio Serassi, Bergamo 1747.

терныхъ произведеній въ этомъ родѣ. Мы еще будемъ имѣть случай коснуться содержанія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Наконецъ, латинская эпиграмма въ то время играла также значительную роль и нѣсколькихъ удачныхъ строкъ, начертанныхъ на памятникѣ или передаваемыхъ изъ устъ въ уста съ веселымъ смѣхомъ, часто довольно было для того, чтобы упрочить извѣстность какого-нибудь ученаго или, напротивъ, уничтожить ее. Начало этого явленія мы видимъ уже въ раннюю пору среднихъ вѣковъ. Когда распространилась вѣсть, что Гвидо да Полента намѣренъ украсить памятникомъ могилу Данте, тотчасъ стали появляться со всѣхъ сторонъ надгробныя надписи ¹⁾, сочиненныя лицами „которыя хотѣли просто показать себя или въ самомъ дѣлѣ почитали покойнаго поэта, или хотѣли приобрести благосклонность Поленты“. На могилѣ архіепископа Джіованни Висконти († 1354), въ Миланскомъ соборѣ, подъ стихотвореніемъ изъ 36 гекзаметровъ, стоитъ подпись: „Габрусь Цамореисъ изъ Пармы, докторъ правъ написалъ эти стихи“. Мало по малу образовалась весьма распространенная литература въ этомъ родѣ, подъ вліяніемъ Катутла и въ особенности Марціала ²⁾, стихотворенія котораго, впрочемъ, не сразу приобрѣли значеніе и, можно сказать, никогда не признавались многими. Величайшимъ триумфомъ считалось, если чья-нибудь эпиграмма сходила за древнюю, списанную съ какого-нибудь памятника ³⁾, или если она была такъ удачна, что вся Италія знала ее наизусть, какъ это было съ нѣкоторыми эпиграммами Бембо. Если Венеція заплатила Саннацаро шестьсотъ дукатовъ ⁴⁾ за три хвалеб-

1) *Boccaccio Vita di Dante*, ср. 36.

2) *Andr. Navagero* ежегодно въ день рожденія *Виргилія* сжигалъ нѣсколько экземпляровъ соч. *Марціала*. Непріязненное отношеніе къ послѣднему вытекало быть можетъ изъ того, что онъ считался испанцемъ: *Pontanus, De sermone, lib. III.*—Въ итальянскихъ бібліотекахъ части встрѣчаются рукописи соч. *Марціала*, какъ указываетъ *Z.*, но это нисколько не противорѣчитъ приводямому взгляду.

3) *Sannazaro* насмѣхается надъ однимъ, надѣвшимъ ему такими поддѣлками: *Sint vetera haec aliis, mi nova semper'erunt (ad Rufum, Opera 1535, fol. 41a).*

4) *De mirabili urbe Venetiis (opera-fol. 38b).*
Viderat Adriacis Venetam Neptunus in undis.
Stare urbem et toto ponere jura mari:

ныхъ двустишія, то въ этомъ надо видѣть не примѣръ особенной щедрости, но только свидѣтельство того значенія, какое имѣла эпиграмма въ глазахъ всѣхъ образованныхъ людей того времени, какъ самое яркое выраженіе знаменитости. Никто не былъ въ то время настолько могущественъ, чтобы оставаться нечувствительнымъ къ мѣткой эпиграммѣ, и сами государи, если хотѣли заpastись приличной эпитафіей, должны были прибѣгать къ ученымъ и находчивымъ совѣтникамъ, такъ какъ смѣшныя эпитафіи, напримѣръ, рисковали тотчасъ попасть въ сборники, предназначенные для общаго увеселенія ¹⁾). Авторы эпиграфовъ и эпиграммъ подавали, такъ сказать, другъ другу руку, успѣхъ эпиграфовъ основывался главнымъ образомъ на ревностномъ изученіи надписей на древнихъ камняхъ.

Римъ былъ, по преимуществу, отечествомъ эпиграммъ и другихъ такого рода вдохновеній. Здѣсь не было наслѣдственныхъ преимуществъ, и каждый долженъ былъ самъ заботиться о своемъ безсмертіи, и кромѣ того маленькое насмѣшливое стихотвореніе было сильнымъ оружіемъ, по отношенію къ соперникамъ. Уже Пій II съ удовольствіемъ ведетъ счетъ двустишіямъ, сочиненнымъ его главнымъ поэтомъ Кампанусомъ на разные случаи, въ различные моменты его правленія. При слѣдующихъ за нимъ папахъ сатирическая эпиграмма дѣлаетъ значительные успѣхи и принимаетъ дерзкій характеръ въ отношеніи Александра VI и его родственниковъ. Саннацаро сочинялъ свои эпиграммы въ относительной безопасности, но другіе дѣлали то же самое, находясь вблизи двора и рискуя многимъ. Когда на дверяхъ ватиканской библіотеки появились восемь двустишій съ угрозами папѣ, Александръ приказалъ усилить стражу до восьмисотъ человекъ ²⁾; можно себѣ представить участь автора этихъ стиховъ, если бы онъ былъ обнару-

Nunc mihi Tarpejas quantumvis Fupiter arceis
 Objice et illa tui moenia Martis ait,
 Si pelago Tybrim praefers, urbem adspice utramque
 Illam homines dices hanc posuisse Deas.

¹⁾ Lettere de principi I, 88, 98.

²⁾ Malapiers, Ann. Veneti, Acrh. Stor. VII, стр. 508. Въ концѣ говорится, намекая на быка въ гербѣ Borgia: Merge, Tyber, vitulos animosos ultor in undas, Bos cadat inferno victima magna Lovi!

женъ. При Львѣ X латинскія эпиграммы стали своего рода насущной потребностью; онѣ стали наиболѣе употребительнымъ средствомъ, какъ для возвеличенія, такъ и для опорочиванія папъ, для наказанія враговъ съ упоминаніемъ и безъ упоминанія именъ; эпиграмма, кромѣ того, могла относиться къ дѣйствительности или, напротивъ, носить отвлеченный характеръ и служить выраженіемъ остроумія, злобы, траура и т. п. Болѣе ста двадцати человекъ соперничали въ такого рода латинскихъ двустихіяхъ къ знаменитой группѣ Матери Божіей со святой Анной и ребенкомъ, изваянной Андреа Сансовино, для монастыря святого Августина — соперничали не столько, правда, изъ религіознаго чувства, сколько ради угожденія тому, кто заказалъ это произведеніе. Этотъ послѣдній — Горицъ изъ Люксембурга, папскій референдарій, съ своей стороны, въ день праздника святой Анны не ограничился богослуженіемъ, но устроилъ пиръ для литературной братіи въ своихъ садахъ на капиталийскомъ холмѣ¹⁾. Толпа поэтовъ, искавшихъ счастья при дворѣ Льва X, въ свою очередь, представляла богатый матеріалъ для сатиры, и этимъ воспользовался Фран. Арсилій въ своемъ большомъ стихотвореніи „de poetis urbanis“; это былъ человекъ, не нуждавшійся ни въ папскомъ, ни въ чьемъ другомъ покровительствѣ, обладавшій острымъ языкомъ и не стѣснявшійся смѣяться между прочимъ и надъ своими коллегамъ. Послѣ Павла III эпиграмма становится болѣе рѣдкимъ явленіемъ, тогда какъ эпиграфическая поэзія, напротивъ того, усиливается и въ свою очередь падаетъ уже въ XVII вѣкѣ, становясь напыщенной и теряя внутреннее содержаніе.

Въ Венеціи эпиграммы имѣютъ свою особенную исторію, и мы можемъ ее прослѣдить, при помощи „Венеціи“ Франческо Сансовино; въ задачу поэзіи здѣсь входили главнымъ образомъ motto (brevi), или надписи въ гекзаметрахъ (отъ 2-хъ до 4-хъ) на портретахъ дожей въ дворцовомъ залѣ, гласившія о наиболѣе замѣчательныхъ моментахъ правленія того или другого изъ нихъ²⁾. Далѣе, на

¹⁾ Ср. прилож. LVII.

²⁾ Marin Sanudo, Vite de'duchi di Venezia (Murat. XXII). Здѣсь они приводятся въ извѣстн. порядкѣ.

гробницахъ дождей, умершихъ въ XIV вѣкѣ находились лаконическія надписи въ прозѣ, сообщавшія только факты и, рядомъ съ этимъ, напыщенный гекзаметръ или леонійскій стихъ. Въ XV вѣкѣ усиливается забота о стилѣ; въ XVI—онъ достигаетъ наибольшей высоты, и тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ появляются ненужныя антитезы, прозопопеи, паеость, словомъ, всякаго рода высокопарность. Авторы часто прибѣгаютъ къ ядовитымъ намекамъ и хваля умершихъ, скрываютъ подъ этимъ прозрачное порицаніе живыхъ. Позднѣе появляются снова простыя эпитафіи съ открытымъ содержаниемъ.

Архитектура и орнаментъ представляютъ всѣ удобства для помѣщенія надписей, тогда какъ сѣверная готика, на примѣръ, представляетъ затрудненіе въ этомъ смыслѣ и ведетъ къ тому, что надписи на гробницахъ дѣлаются въ мѣстахъ наименѣе защищенныхъ отъ разрушенія.

Макароническая поэзія. Мы нисколько не имѣли въ виду убѣдить читателя приводимыми данными въ томъ, что этотъ родъ латинской поэзіи имѣетъ особенную цѣнность. Мы хотѣли только указать на мѣсто, занимаемое ею въ исторической культурѣ того времени и ея необходимость. Но уже въ то время возникла и пародія ¹⁾ на нее: это, такъ называемая, макароническая поэзія, причемъ самое замѣчательное произведеніе въ этомъ родѣ есть *Opus makaronikorum*, написанное Мерлиномъ Кокаюсомъ (Теофило Фоленго изъ Мантуи). О содержаніи этой вещи намъ еще придется говорить, что же касается формы, мы видимъ здѣсь гекзаметръ и другіе стихи изъ смѣшанныхъ латинскихъ словъ и итальянскихъ съ латинскими окончаніями; комизмъ заключается главнымъ обра-

¹⁾ Scardeonius, De urb. Patav. antiq. (Graev. thes. VI, III, col. 270) указываетъ какъ на перваго въ этомъ родѣ Tifi, собств. Michael Odasic изъ Падуи, ум. 1492. Ср. о немъ и его братьяхъ Antonio (ум. 1512) и Ludovico; ср. Rossi Giorn. stor. XII, 418 ff. XXXIII, 262 ff. Отрывокъ изъ его стихотворенія De Patavinis quibusdam arte magica delusis. напечатн. у Genthe. „Исторія макаронической поэзіи“ стр. 207. Макаропея цѣлкомъ у Zannoni, стр. 97—123. Смѣшанные стихи на латинскомъ и мѣстныхъ нарѣчійхъ встрѣчаются уже гораздо раньше. Въ этомъ отн. важн. свид. Zannoni 1—96.

зомъ въ томъ, что эта смѣсь звучитъ, какъ *lapsus linguae*, какъ неразборчивая рѣчь слишкомъ усерднаго латинскаго импровизатора.

Подражанія этой поэмѣ изъ смѣси латинскаго съ нѣмецкимъ не могутъ дать о ней никакого понятія.

Глава XI

Паденіе гуманистовъ въ XVI вѣкѣ

Послѣ того, какъ нѣсколько блестящихъ поколѣній поэтовъ - философовъ, начиная съ XIV вѣка, распроетранили культъ классической древности въ Италиі и въ цѣломъ мірѣ, дали извѣстное направленіе образованію и воспитанію, не разъ руководили государственнымъ устройствомъ и возстановили, сколько могли, памятники классической литературы, весь этотъ классъ людей сталъ ненавидѣть на себѣ въ XVI вѣкѣ всеобщія громкія нареканія, хотя въ это время еще никакъ не могли обойтись безъ ихъ ученія и знаній. Всѣ говорятъ, пишутъ и сочиняютъ, слѣдуя ихъ правиламъ, но лично съ ними никто не хочетъ сблизиться. Къ двумъ главнѣйшимъ обвиненіямъ — въ зловредной гордости и въ распущенности — прибавляется третье: обвиненіе въ невѣріи, какъ результатъ начинающагося анти-реформаціоннаго движенія.

Можетъ возникнуть вопросъ, почему эти обвиненія не предъявлялись раньше, если они имѣли основаніе? Но дѣло въ томъ, что обвиненія существовали уже съ давняго времени, но не оказывали особаго вліянія, очевидно, потому, что весь матеріалъ классической древности находится въ рукахъ гуманистовъ; всѣ жаждущіе пріобщиться къ ней, находились въ зависимости отъ нихъ, такъ какъ они были какъ бы собственниками ея, поетелями и распроетранителями. Но появленіе затѣмъ печатныхъ изданій классиковъ, съ комментаріями самихъ древнихъ, а также и новыхъ издательствъ, различныхъ руководствъ и справочныхъ книгъ въ

значительной мѣрѣ повело къ освобожденію отъ этой зависимости и вмѣстѣ съ тѣмъ къ свободному проявленію неудовольствія и упомянутыхъ выше нареканій. При этомъ на ряду съ виновными, въ самомъ дѣлѣ, страдали часто и невинные.

Взаимная вражда гуманистовъ. Первые, начавшіе походъ, были сами — гуманисты. Никогда, кажется, нигдѣ въ свѣтѣ не было касты, въ которой бы такъ слабо было развито и такъ мало уважалось чувство солидарности. Какъ только они начинаютъ возвышаться¹⁾, тотчасъ становятся въ высшей степени неразборчивыми въ средствахъ по отношенію другъ къ другу. Въ спорахъ между собой они не довольствуются научными доводами, но переходятъ тотчасъ къ личнымъ нападкамъ и беззастѣнливой ругани и стремятся не къ тому, чтобы побѣдить противника въ спорѣ, но чтобы его уничтожить. Это объясняется отчасти ихъ положеніемъ и общимъ характеромъ времени, такъ какъ они были выразителями эпохи, въ которой отъ великаго до презрѣннаго былъ, вообще, одинъ только шагъ. Съ практической точки зрѣнія ихъ положеніе было большею частью такое, что имъ волей-неволей приходилось постоянно отстаивать свое существованіе. Этимъ обуславливалась ихъ манера говорить и писать другъ о другѣ; произведенія Поджіо содержатъ уже достаточно матеріала, чтобы вызвать предубѣжденіе противъ цѣлаго сословія, а эти произведенія чаще всего издавались по эту, какъ и по ту сторону Альпъ. Встрѣчая въ XV вѣкѣ въ этой средѣ какую-нибудь, повидимому, незапятнанную личность, нельзя спѣшить радоваться, такъ какъ раньше или позже мы натолкнемся на какое-нибудь опорачиваніе ея, болѣе или менѣе правдоподобное. Нескромные латинскіе стихи и осмѣяніе даже членовъ собственной семьи, какъ это мы видимъ, на примѣръ, въ „Антоніѣ“, діалогѣ Понтано,—довершали все прочее. Въ XVI вѣкѣ всѣ знали эти подробности, и люди этой категоріи успѣли всѣмъ надоѣсть. Пришло время имъ расплачиваться за всѣ грѣхи и за весь избытокъ преобладанія до сихъ поръ надъ другими. Печальнѣе всего было то, что

¹⁾ Уже *Salutati* замѣчаетъ (1368) указывая въ особенности на поэтовъ: *Se ipsos laudare turpe non est* (письма I, стр. 71).

славнѣйшій національный поэтъ того времени отозвался о нихъ съ величавымъ презрѣніемъ ¹⁾.

Надо сознаться, что возвысившее теперь голосъ общее негодованіе имѣло подъ собой фактическую почву. Извѣстное стремленіе къ строгости нравовъ и религіи было при-суще многимъ гуманистамъ - филологамъ, и огульно осуждать весь этотъ классъ людей можетъ только тотъ, кто не знакомъ основательно съ эпохой, но въ то же время многие, и въ томъ числѣ наиболѣе знаменитые, заслужили обвиненіе.

Причины несчастій гуманистовъ. Три обстоятельства объясняютъ и отчасти уменьшаютъ ихъ вину: чрезмѣрный блескъ и доступность наслажденій для тѣхъ, кому везло въ жизни, необезпеченность въ то же время этого существованія, такъ какъ высшая степень благосостоянія и совершенное паденіе зависѣли только отъ каприза тирана или отъ злобы противниковъ и, наконецъ, самое вліяніе древности. Послѣднее уничтожало прежнія нравственныя понятія, не давая ничего взамѣнъ, также какъ и въ религіозномъ отношеніи оно вліяло существеннымъ образомъ въ скептическомъ и отрицательномъ смыслѣ, хотя въ то же время не могло быть и рѣчи, конечно, о воспріятіи древнихъ идеаловъ языческой религіи.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что Возрожденіе, съ его одностороннимъ увлеченіемъ и обоготвореніемъ древняго міра, есть неизбежный историческій процессъ, и что отдѣльныя личности являются здѣсь только слѣпыми орудіями. Все развитіе человѣчества въ послѣдующіе вѣка зиждется на этомъ возрожденіи со всей его односторонностью и забвеніемъ прочихъ жизненныхъ задачъ.

Весь складъ жизни гуманистовъ былъ обыкновенно таковъ, что только сильнѣйшія нравственныя натуры могли пройти этотъ путь, не покоряясь вреднымъ вліяніямъ. Первая опасность заключалась уже въ раннемъ дѣтствѣ ²⁾, такъ какъ родители злоупотребляли часто преждевременнымъ развитіемъ ребенка въ расчетъ на будущее блестящее положеніе въ свѣтѣ. Но поражающіе удивительными способ-

¹⁾ Arrosto, Satira VII Годъ 1531.

²⁾ Ср. прилож. LVIII.

ностями дѣти обыкновенно или останавливаются на известной ступени развитія и не идутъ дальше, или же ихъ дальнѣйшее развитіе и успѣхи пріобрѣтаются цѣною горькихъ испытаній. Далѣе, для юноши съ такими чрезмѣрными стремленіями громкая известность и блестящее положеніе гуманистовъ представляли заманчивую опасность; ему естественно, казалось, что „врожденный высокій духъ даетъ ему право презирать низкія житейскія понятія“¹⁾. Такимъ образомъ люди бросались въ водоворотъ измѣнчивой изнуряющей жизни, предаваясь научнымъ трудамъ, служа то домашнимъ учителемъ, то секретаремъ, то профессоромъ, угождая государямъ, испытывая злобу враговъ со всѣми ея послѣдствіями, смѣну поклоненія насмѣшками и униженіемъ, и переходя отъ роскоши къ нищетѣ. Дилетантизмъ нерѣдко перебывалъ дорогою серьезнымъ знаніямъ; но главное несчастье заключалось въ томъ, что гуманизмъ былъ почти несовмѣстимъ съ какой нибудь прочной осѣдлостью, или по самому роду занятій, или потому, что настраивалъ человѣка известнымъ образомъ, и долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ становилось для него невыносимымъ. Ему надоѣдала среда, становились невыносимы враждебныя отношенія окружающихъ, а эта среда въ свою очередь стремилась къ новизнѣ.

Сравненіе съ софистами. Во многомъ они напоминаютъ, такимъ образомъ, греческихъ софистовъ временъ имперіи, какими ихъ изображаетъ Филостратъ, но послѣдніе находились въ болѣе благопріятномъ положеніи, такъ какъ одни изъ нихъ владѣли значительными богатствами, а другіе довольствовались очень малымъ, и вообще имъ жилось легче, такъ какъ они были не столько учеными, сколько виртуозами рѣчи. Гуманистъ эпохи Возрожденія долженъ, напротивъ, обладать огромной эрудиціей и постоянно мѣнять свое положеніе и родъ занятій. Потребность забыться какъ нибудь влечетъ его къ беспорядочнымъ наслажденіямъ, и въ то же время, зная, что ему приписываютъ все дурное, онъ начинаетъ относиться въ самомъ дѣлѣ безразлично къ принятой морали. Подобные характеры немислимы безъ

¹⁾ Выраженіе Filippo Vilani, Vite стр. 5 по одному подобному случаю.

извѣстнаго рода высокоумія; оно нужно имъ для того, чтобы не опуститься, а боготвореніе, хотя и смѣшанное съ ненавистью, утверждаетъ ихъ въ этомъ высокоуміи. Другими словами, они представляютъ поразительнѣйшій примѣръ и жертву индивидуальности лишенной чувства мѣры.

Нареканія и сатирическія нападки на гуманистовъ, какъ мы замѣтили выше, начались давно, причемъ для каждаго чѣмъ-нибудь замѣчательнаго лица, для каждой знаменитости своего рода находится особый бичъ въ видѣ злой насмѣшки. Впрочемъ, эти люди большею частью сами даютъ къ этому подходящій матеріалъ. Уже въ XV вѣкѣ Батиста Мантовано, въ своемъ перечисленіи семи ужаснѣйшихъ чудовищъ ¹⁾, помѣщаетъ гуманистовъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, подъ рубрикой: „Superbia“; онъ изображаетъ ихъ въ видѣ пародіи на сыновей Апполона, и рисуетъ, какъ они выступаютъ съ лѣнивымъ и коварнымъ видомъ, съ напускной важностью, подобно журавлю, то созерцая собственную тѣнь, то погружаясь въ изнурительную заботу о собственной знаменитости. Но только XVI вѣкъ объявляетъ имъ форменную войну; кромѣ Аріоста, объ этомъ свидѣтельствуетъ главнымъ образомъ Джиральдъ въ своей литературной хроникѣ ²⁾, переработанной имъ въ 1540 г., но написанной, вѣроятно, еще при Львѣ X, вѣкъ котораго онъ называетъ золотымъ. Мы находимъ у него цѣлый рядъ предостерегающихъ примѣровъ нравственной распущенности и тяжелыхъ картинъ жизни древнихъ и новыхъ писателей и между прочимъ нѣсколько серьезныхъ обвиненій. Послѣднія относятся главнымъ образомъ къ ихъ страстямъ, тщеславію, упрямству, самообожанію, беспорядочной домашней жизни, всякаго рода распутству, ереси, атеизму и т. п.; далѣе онъ обвиняетъ ихъ въ краснорѣчьи безъ убѣжденія, во вредномъ вліяніи на государей, въ научномъ педантизмѣ, въ неблагодарности по отношенію къ своимъ учителямъ, въ униженной лести государямъ, которые заманиваютъ ихъ щедростью и оставляютъ потомъ голодать, и т. п.; въ концѣ

1) Bapt. Mantuano. De calamitatibus temporum L. I.

2) Lil. Greg. Gyraldus, Progyrnasma adversus literas et literatos. Opp. ed. Bas. 1580. II, стр. 422—455. Посвященія 1540—1541, посланіе обраш. къ Giov. Franc. Pico, а потому окончено во всякомъ случаѣ до 1533 г.

концовъ онъ вспоминаетъ о золотомъ вѣкѣ, разумѣя подъ этимъ то время, когда не было вовсе никакихъ знаній. Изъ всѣхъ этихъ обвиненій, одно въ особенности пріобрѣтаетъ скорѣе опасное значеніе, а именно—обвиненіе въ ереси. Позднѣе самъ Джиральдъ вынужденъ, вслѣдствіе появленія второго изданія одного своего вполне невиннаго юношескаго сочиненія ¹⁾, искать защиты у феррарскаго герцога Эрколе II, послѣдняго покровителя ученыхъ (стр. 322—325), такъ какъ многіе въ это время настаиваютъ на томъ, что ученые должны заниматься христіанскими предметами, а не миѳологіей. Онъ же, напротивъ, пытается убѣдить, что при современномъ положеніи вещей, послѣдняя представляетъ собой единственный вполне нейтральный, а потому невинный предметъ научнаго изслѣдованія.

Если исторія культуры въ правѣ опираться не на одни только обвиненія, но также и на сочувственныя свидѣтельства о современникахъ, то, въ данномъ случаѣ, мы имѣемъ ни съ чѣмъ не сравнимый источникъ въ упомянутомъ нами уже не разъ сочиненіи Піеріо Валеріано: „О несчастной судьбѣ писателей“ ²⁾. Она написана подъ мрачнымъ впечатленіемъ разоренія Рима, въ которомъ авторъ видитъ окончательный ударъ судьбы, давно уже воюющей съ писателями. Піеріо смотритъ на вещи съ простой и въ общемъ правильной точки зрѣнія; онъ видитъ въ этомъ несчастіи не вліяніе какого-нибудь особеннаго демона, преслѣдующаго выдающихся людей за ихъ геній, а только дѣйствительность съ преобладающею въ ней часто ролью несчастной случайности. Онъ не намѣренъ ни создавать трагедію на этой почвѣ, ни объяснять факты какими-нибудь сверхчувственными причинами, а передаетъ повседневную жизнь просто, какъ она есть. Онъ показываетъ намъ людей, которые въ безпокойное время теряютъ сперва свои доходы,

¹⁾ Lil. Greg. Gyraldus, Hercules. Opp. I стр. 544—570. Посвященіе представляетъ памятникъ первыхъ движеній инквизиціи.

²⁾ De infelicitate literatorum (это соч. цитируется по изд. Menken 1707). Pier Valer., послѣ того какъ онъ оставилъ Римъ, долгое время еще занималъ почетное положеніе въ Падуѣ. Въ концѣ своего посланія онъ выражаетъ надежду, что Карль V и Клементъ VII создадутъ эпоху болѣе благоприятную и для ученыхъ. Библиографія о Pier. Valer y Cian'a. Cavassico I, CLIX.

а потомъ и занимаемая ими мѣста, людей, ничего не приобрѣтающихъ, несмотря на двусмысленное положеніе, скупыхъ мизантроповъ, носящихъ при себѣ зашитыя деньги и теряющихъ разумъ, послѣ того, какъ ихъ, всетаки, грабятъ, людей, получающихъ приходы и меланхолически вздыхающихъ потомъ о потерянной свободѣ. Далѣе, онъ оплакиваетъ смерть многихъ отъ лихорадки или чумы, причѣмъ оконченныя произведенія сжигаются вмѣстѣ съ постелью и платьемъ; другіе живутъ въ вѣчномъ страхѣ покушеній собратьевъ на ихъ жизнь; порою убиваетъ ученаго корыстный служитель или его хватаютъ гдѣ нибудь въ пути и держать въ неволѣ, если онъ не можетъ заплатить выкупъ. Иного гложетъ какое-нибудь скрытое горе, мучить перенесенная болѣзнь или пренебреженіе другихъ. Нѣкій венеціанецъ умираетъ отъ горя, потерявъ феноменальнаго ребенка и жену, а затѣмъ и ея братъ также умираетъ, точно дитя увлекаетъ ихъ всѣхъ за собою. Многие, въ особенности флорентійцы, кончаютъ жизнь самоубійствомъ ¹⁾, другихъ тайно казнятъ, по повелѣніямъ деспотовъ. Кто же въ концѣ концовъ счастливъ, и какимъ образомъ счастье вообще достигается, если не совершеннымъ притупленіемъ чувствъ въ виду такихъ горестей? На это отвѣчаетъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ діалогахъ Піеріо, а именно Гаспаро Контарини; уже при одномъ этомъ имени мы въ правѣ ждть болѣе глубокихъ истинъ и пониманія современныхъ явленій. Въ самомъ дѣлѣ, счастливѣйшимъ ученымъ того времени онъ считаетъ Фра Урбано Валеріано изъ Беллуно ²⁾, который долгое время былъ учителемъ греческаго языка въ Венеціи, посѣтилъ Грецію и Востокъ, даже въ преклонномъ возрастѣ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ, не прибѣгая къ выючнымъ животнымъ, никогда не имѣлъ ни копѣйки, отказывался отъ всякихъ почестей и должностей; за исключеніемъ одного ушиба, при паденіи съ лѣстницы, никогда не былъ боленъ, всегда былъ хорошо расположенъ и такимъ образомъ, не зная горя, умеръ на 84-мъ году.

¹⁾ Къ этому ср. уже Данте, *Inferno* XIV, v. 58 sq; въ особенности 93 sq, гдѣ Petrus de Vineis сообщаетъ о своемъ самоубійствѣ. Ср. прилж. LIX.

²⁾ Pier. Valer. ed. Mencken, стр. 397 sq. 402. Онъ былъ дядя нашего писателя.

Чѣмъ же онъ отличался отъ гуманистовъ? Тѣмъ что послѣдніе не терпѣли никакихъ стѣсненій и не могли испытывать счастья, вслѣдствіе крайней распущенности желаній и поступковъ; этотъ же нищій монахъ, напротивъ, съ дѣтскихъ лѣтъ жилъ въ монастырѣ, не зналъ никогда даже, что значить ѣсть и спать по своей охотѣ, и поэтому никакое принужденіе не казалось ему тягостнымъ; такимъ образомъ, въ силу привычки, онъ сохранялъ внутреннее спокойствіе, несмотря на всѣ трудности жизни, и вліялъ на своихъ учениковъ личнымъ примѣромъ больше даже чѣмъ преподаваніемъ; глядя на него, они убѣждались, что отъ насъ самихъ зависитъ, горевать ли при всякой бѣдѣ, или находить какое-либо утѣшеніе; „несмотря на трудъ и нужду, онъ былъ счастливъ, потому что онъ такъ хотѣлъ, потому что онъ не былъ избалованъ, непостояненъ и требователенъ, но былъ всегда доволенъ малымъ и даже ничѣмъ“.— По всей вѣроятности, Контарини могъ бы присоединить ко всему этому еще религіозный мотивъ, но его практическій философъ въ сандаляхъ и безъ того достаточно понятенъ и значителенъ.

Родственный ему характеръ, хотя въ другой обстановкѣ, мы видимъ въ лицѣ Фабіо Кальви изъ Равены ¹⁾, толкователя Гиппократата. Въ глубокой старости онъ, живя въ Римѣ, питался одними овощами, „какъ нѣкогда пиеагорейцы“ и его жилище въ развалинахъ было немногимъ лучше Діогеновой бочки; изъ пенсіи, назначенной ему Львомъ X, онъ бралъ для себя только самое необходимое и дѣлилъ остальное между бѣдняками. Но онъ не отличался здоровьемъ, какъ Фра Урбано, и совсѣмъ иначе кончилъ жизнь. Во время опустошенія Рима, испанцы схватили этого девяностолѣтняго старика, рассчитывая получить за него выкупъ, и онъ умеръ въ госпиталѣ голодною смертью. Но его имя перешло въ вѣчность уже потому, что Рафаэль любилъ его, какъ отца, уважалъ, какъ учителя и совѣтовался съ нимъ о разныхъ предметахъ. По всей вѣроятности онъ пользовался его указаніями для реставраціи древ-

¹⁾ Coelii: Calcagnini opera, изд. Basil. 1544, стр. 101, въ кн. VII писемъ №. 27 письмо къ Якову Циглеръ. Ср. Pierio Val. De inf. lit. ed. Mencken стр. 369 sq.

няго Рима (стр. 223), можетъ быть также онъ совѣтовался съ нимъ и о болѣе высокихъ предметахъ. Кто знаетъ, насколько Фабіо участвовалъ, быть можетъ, „въ Аеинской Школѣ“ и въ другихъ важнѣйшихъ замыслахъ Рафаэля.

Помпоній Лаэцій. Мы охотно закончили бы эту главу болѣе примирительной біографіей такого человѣка, напри- мѣръ, какъ Помпоній Лаэцій, но, къ сожалѣнію, мы имѣемъ о немъ сравнительно скупыя свѣдѣнія ¹⁾; заимствуемъ, однако, нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ изъ различныхъ источниковъ и главнымъ образомъ изъ письма его ученика Сабеллико, хотя послѣдній намѣренно старается уподобить его древнимъ. Онъ былъ (стр. 306) побочнаго происхожденія, изъ дома неаполитанскихъ Санъ-Северино, владѣльцевъ Салерно, но долженъ былъ бѣжать изъ дому въ ранней юности, вслѣдствіе интригъ мачехи; много времени спустя, на приглашеніе родственниковъ жить съ ними, отвѣтилъ знаменитой фразой: Pomponius Laetus cognatis et propinquis suis salutem. Quod petitis fieri non potest. Valetе. Невзрачный на видъ, съ маленькими живыми глазами, странно одѣтый, онъ читалъ лекціи въ римскомъ университетѣ, въ послѣдніе годы XV вѣка; проводилъ часть года въ своемъ домикѣ съ садомъ на Эквилинѣ, а остальное время въ своемъ виноградникѣ на Квиринальскомъ холмѣ; тамъ онъ разводилъ утокъ и другихъ птицъ, здѣсь обрабатывалъ землю, слѣдуя правиламъ Катона, Варра и Колумеллы; въ праздничные дни онъ отправлялся удить рыбу, ловить птицъ или лежалъ въ тѣни у источника или на берегу Тибра. Онъ презиралъ богатство и всякія блага жизни и былъ умѣренъ во всемъ, даже въ трудѣ. Ему были чужды зависть и злословіе, и онъ не выносилъ этихъ чертъ въ другихъ; только въ отношеніи церковной іерархіи онъ не стѣснялся рѣзко выражаться, такъ какъ вообще до конца жизни не признавалъ церкви. Во время преслѣдованія гуманистовъ Павломъ II, Венеція передала его въ руки этого папы, но никакими мѣрами нельзя было вынудить у него недостойныхъ признаній; въ концѣ концовъ папа и прелаты стали

¹⁾ M. Ant. Sabellici opera. Epist. L. XI, fol. 56. Также въ отд. изд. подъ назв.: Sabellicus, Vita Pomponii Laeti, Strasb. 1510. Къ этому соотвѣств. біографія въ Elogia стр. 76 sq. Paolo Giovin.

относиться къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и даже помогать ему; когда, во время смутъ, при Сикстѣ IV, его жилище было разграблено, то въ его пользу собрали больше, чѣмъ онъ потерялъ¹⁾. Въ своей профессорской дѣятельности онъ отличался рѣдкой добросовѣстностью; еще до разсвѣта можно было видѣть, какъ онъ съ фонаремъ спускался съ Эквилино, и онъ постоянно находилъ свою аудиторію наполненной слушателями, такъ какъ молодые люди стекались ночью, чтобы занять мѣста. Онъ немного заикался, а потому съ кафедры говорилъ медленно, и тѣмъ не менѣе его размѣренная рѣчь производила прекрасное впечатлѣніе. Никто не относился съ такимъ усердіемъ и осторожностью къ древнимъ текстамъ, какъ онъ, и вообще всякаго рода остатки и памятники древности вызывали въ немъ благоговѣйное чувство, и часто онъ останавливался передъ ними съ восторгомъ и со слезами на глазахъ. Свой энтузіазмъ вообще ко всѣмъ высокимъ вопросамъ Помпоній Лаэцій характеризуетъ такимъ образомъ: *Nulla re moveor nisi litterarum appetitu, qui profundus, immensus, insatiabilis ita est, ut non tantum me incitet sed obruat.* Онъ охотно оставлялъ свои занятія, если другіе нуждались въ его помощи, и пользовался поэтому всеобщей любовью; когда онъ умеръ, Александръ VI приказалъ своимъ придворнымъ проводить его до могилы, причемъ гробъ несли знатнѣйшіе изъ его слушателей; на погребальной церемоніи въ Арачелли присутствовали сорокъ епископовъ и всѣ чужеземные посланники.

Академія. Лаэцій ввелъ въ Римѣ въ обыкновеніе постановку произведеній древнихъ авторовъ, въ особенности Плавта, и самъ руководилъ актерами (стр. 311). Ежегодно въ день основанія Рима, онъ устраивалъ праздничное торжество, причемъ его друзья и ученики произносили рѣчи и стихотворенія. Такимъ образомъ эти собранія въ кружокъ ученыхъ и поэтовъ, повторяясь періодически, повели къ образованію римской академіи; послѣдняя никогда не представляла собой какое-нибудь опредѣленное учрежденіе, но

¹⁾ Онъ долженъ былъ идти въ однихъ чулкахъ, опираясь на палку, въ судъ. Schmarsov 251. Похвалы Р. Л. въ текстѣ слѣдуетъ нѣсколько ограничить. Ср: прил. LX.

только свободный союзъ; кромѣ означенныхъ случаевъ академія собиралась еще ¹⁾: или по приглашенію какого-нибудь знатнаго покровителя, или для торжественнаго празднованія памяти одного изъ умершихъ сочленовъ, какъ Платины, напримѣръ. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, передъ обѣдомъ служилъ мессу какой нибудь прелатъ, принадлежавшій къ академіи; затѣмъ выступалъ на кафедрѣ Помпоній и говорилъ соотвѣтствующую рѣчь, а за нимъ слѣдовалъ другой, произносившій стихотворенія въ двустишіяхъ; печальное или радостное торжество непременно заканчивалось пирушкой, такъ какъ академики, хотя бы самъ Платина, напримѣръ, славились всегда репутаціей гастрономовъ ²⁾, ужинъ сопровождался также диспутами и декламацией; иногда нѣкоторые изъ гостей изображали различные фарсы во вкусѣ атталановъ. Въ качествѣ свободнаго союза, академія, съ ея измѣнчивымъ, разностороннимъ составомъ, продолжала существовать въ первоначальномъ видѣ до самаго опустошенія Рима и пользовалась гостеприимствомъ такихъ людей, какъ Анжелло Коллоччи, I. Корицій (стр. 327 и сл.) и др. Ея значеніе въ умственной жизни Италіи трудно опредѣлить, какъ и всякаго другого общественнаго союза такого рода, но мы видимъ между прочимъ, что Садолетто ³⁾, напримѣръ, говоритъ о ней, какъ объ одномъ изъ лучшихъ воспоминаній своей юности.

И во многихъ другихъ городахъ возникаютъ и исчезаютъ по временамъ такого рода академіи, смотря по числу и значенію находящихся въ городѣ гуманистовъ, и въ зависимости отъ покровительства богатыхъ и знатныхъ людей. Такъ, въ Неаполѣ возникла академія при королѣ Альфонсѣ, съ Панормитой во главѣ ⁴⁾; позднѣе его замѣнили Джовіано Понтано, и часть академіи перешла въ Lezze ⁵⁾, и т. д. Выше мы упоминали объ академіи Людовика Мавра и ея значеніи для его характеристики. (стр. 50 и сл.). Вскорѣ всякое, даже случайное собраніе гдѣ нибудь ученыхъ, стали

¹⁾ Jac. Volaterann. Diar. Rom. у Murat. XXIII, Col. 161, 171; 185.—
Anecdotta liter. II стр. 168 sq.

²⁾ Paul. Jov. De romanis piscibus, стр. 17 и 34.

³⁾ Sadoletti Epist. 106, 1529 г.

⁴⁾ По Minieri Riccio, Arch. stor. napol. IV, 163 ff. V, 353 ff.

⁵⁾ Anton. Galatei epist. 10 и 12, см. Mai, Spicileg. rom. vol. VIII.

называть академіей, и Джіовіо, а за нимъ и другіе писатели называютъ этимъ именемъ даже нѣсколькихъ ученыхъ, окружающихъ Бартоломео Альвіано, во время его семимѣсячнаго пребыванія (1508—1509) въ Порденонѣ ¹⁾.

Около середины XVI вѣка эти союзы претерпѣваютъ, повидимому, полное превращеніе. Гуманисты, потерявшіе уже въ это время преобладающее вліяніе въ жизни и не пользующіеся довѣріемъ противниковъ реформации, перестаютъ быть руководителями академій, и итальянская поэзія заступаетъ и здѣсь мѣсто латинской. Вскорѣ затѣмъ мы находимъ въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ академію съ возможно болѣе оригинальнымъ названіемъ ²⁾ и со своимъ собственнымъ капиталомъ, образуемымъ изъ пожертвованій и доходовъ по завѣщаніямъ. Эти академіи заимствуютъ отъ прежнихъ латинскихъ имена, декламацию стиховъ, періодическіе торжественные ужины и сценическія представленія, при чемъ исполнителями являются сами академики или молодые люди, подъ ихъ руководствомъ, или настоящіе актеры, по найму. Судьба итальянскаго театра, а затѣмъ и оперы также, надолго остается въ рукахъ этихъ академій.

¹⁾ Вопросъ о томъ, должны ли эту академію приписать Альвіано или Ливіано вновь разработанъ у Fr. Fossano, *Ricerche letterarie*, Livorno 1897 стр. 43 ff. Стихотв. въ честь В. Alviano 1508 собраны у Cian, Cavassico I, 268—284 (римск.) Канцоны Cavassico къ нему-же, тамъ-же II, 36—39.

²⁾ Уже ранѣе середины вѣка. Ср. Lil. Greeg. Gyraldus, *De poetis nostri temp.* II, изд. Votke, стр. 91.

Приложенія
къ первому тому

Часть первая

I.

(Стр. 20, прим. 1).

Карлъ IV. Fazio degli Uberti, Dittamondo, L. VI cap. 5, по Ренъе написано въ 1366 г. Это мѣсто одно изъ лучшихъ въ поэмѣ и замѣчательно само по себѣ.

Coi passi lunghi e con la testa bassa
Oltre passai e dissi, e oco vergogna.
Del cristian che l saracin qui lassa!

Poscia al pastor (папу) mi volsi per rampogna:
E tu ti stai, che sei vicar di Christo,
Co'frati tuoi a ingrassar la carogna?

Similmente dissi a quel sofisto (Карлъ IV).
Che sta in Buemme (Боремія) a piantar
vigne e fichi,
E che non cura di si caro acquisto:

Che fai? perché non segui i primi antichi
Cesari de'Romani, e che non siegui,
Dico, gli Otti, i Coradi i Federichi?

E che pur tieni questo império in tregui?
E se non hai lo cuor d'essere Augusto.
Che no'l rifiuti? o ché non ti dilegui?

etc.

Въ 1532 г. Петрарка пишетъ (Карлу IV; Epistolae familiares Lib. XII, ep. 1 изд. Фракассетти, т. II, стр. 160): Simpliciter igitur et aperte... pro maturando negotio terrae sanc-

tae.... oro.... tuo egentem auxilio quam primum invisere velis Ausoniam.

Отношеніе *Facio degli Uberti* къ Карлу ясно видно изъ *Invettiva contro Carlo IV* у Ренье, *Facio* стр. 120—126, срв. ССХС. Далѣ сонетъ стр. 158 и ССLXXXVIII. Также и прочія политическія стихотворенія, со стр. 96 служатъ выраженіемъ взгляда автора.

II.

(Стр. 47, прим. 3).

Мы приведемъ здѣсь случай, по которому можно судить о лицемѣрїи Галеаццо Марїи и его безбожномъ поведенїи даже тамъ, гдѣ дѣло касается молодой дѣвушки. Приводимый разсказъ основанъ на фактахъ удостовѣренныхъ документами. Въ 1450 г. Галеаццо заключилъ договоръ съ Люд. Гонзаго (ратифицированъ въ 1454) и объявился жениться на одной изъ его дочерей Сузаннѣ или Доротеѣ. Такъ какъ Сузанна была горбата, то Галеаццо обручился съ Доротеей. Несмотря на нѣжную переписку, начиная съ 1458 г., онъ въ 1463 г. отправилъ посла къ Гонзаго съ требованіемъ освидѣтельствованія Доротей врачами (*ad abundantem cautelam*), не найдутся ли у нея также признаки начинающейся горбатости. Это требованіе было отклонено. Послѣдовали рядъ писемъ и посольствъ. Одинъ изъ пословъ доносилъ: *lalteza della spala è rosa che chi non lo sapesse non se accozzeria...* Другой находилъ ее безусловно *ben proportionata*. Между тѣмъ Галеаццо предложили бракъ во Франціи. Въ 1465 г. состоялось свиданіе матерей обрученныхъ, при чемъ требованіе освидѣтельствованія было постановлено, какъ непремѣнное условіе и снова было отклонено. Мать Доротей продолжала вести переговоры въ Миланѣ въ 1466 г., а отецъ въ Парижѣ въ 1467 г. Наконецъ, казалось, всѣ препятствія къ браку были устранены, но въ это время Доротея умерла, послѣ непродолжительной болѣзни. Галеаццо не выказалъ ни малѣйшей скорби, послѣ того какъ 12 лѣтъ считался женихомъ. Ср. документы, письма и донесенія посольствъ у Стеф. Дамари in *Giorn ligust* 16, 363—390, 402—413.

III.

(Стр. 61, прим. 3).

Траурная одежда и траурныя церемоніи:—lugubris vestis упомин. Burchardi diarium III, 558; Людов. Мавръ послѣ смерти жены Беатриче носить трауръ (черную одежду) вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ (Mar. Sanudo). Paris de Grassis (изд. 1884 г. стр. 31): когда умеръ Джулиано, братъ папы, многіе считали нужнымъ одѣть трауръ—luctum generalem ostendi debere per vestes pallas longas assumendas cum caputiis; но папа нашель это лишнимъ. Тамъ-же (стр. 76) кардиналь Aloysius (Арагонскій) былъ погребенъ съ большими церемоніями противъ его желанія. Его гробъ несомъ былъ a tercentis familiaribus vestitis pullo et sordido colore et omnis pullatus torciam albam habens cantavit cantibus moestis et lacrimosis quod fuit novum et unositatum. Marino Sanudo пишетъ, что въ 1497 г. (срвн. Cantu, Archiv. stor. lomb. 15, 55) отецъ одной умершей дѣвушки заперся въ комнатѣ убранной tutta di rano negro. Кромѣ одежды и траурнаго убранства, въ домѣ употребляли для писемъ въ знакъ траура бумагу съ черной каймой и черную печать. Срв. Porcellius (Trium poetarum opuscula) Paris 1539, fol. 80a къ Gismondo Malatesta о смерти Изотты; Te color hujus enim... docebit... magni facta mali. Церковь задрапированная чернымъ во время погребальнаго богослуженія: Burchardi diarium II, 441. Далѣе, траурная одежда: lugubri habitu parentaturus matri. Alea стр. 36. Траурный гардеробъ Изабеллы Д'Эсте: Luzio—Renier 63, 459 f. Она носить траурное платье di ranno bruno, а другіе negro. Французскія ranni negri считаются красивѣе итальянскихъ. — Sabbadino degli Arienti рассказываетъ (Gynevera, p. 304 sq.) біографія Баттисты Сфорца, герцогини Урбинской), что всѣ приглашенные были одѣты въ черное; говоря объ одеждѣ одного посланника, онъ называетъ ее uno vexillo negro, о другихъ lugubramente, flebile, obscuramente. (Изъ пятидесяти 43, изъ двадцати пяти 16 въ черномъ). При томъ-же случаѣ Santi (стр. 118, глв. 58), говоритъ, что „ораторы (посланники) явились vestiti a negro“. — При одномъ погребеніи въ Луккѣ мужчины и женщины явились

vestiti (e) di bruno e di sanguigno Serkambi 3,393. — По мнѣнію Росси выраженіе che ho portao mantelo у Calmo (Lettere стр. 257) означаетъ траурную одежду. Ср. также замѣчаніе на стр. 13: Траурная одежда во время неблагопріятныхъ политическихъ событій. Салутати часто протестуетъ противъ излишняго траура и слезъ, недостойныхъ мужчинъ; онъ самъ, по его словамъ, не плакалъ вовсе, когда умерла его жена, но покорился неизбежной судьбѣ.

IV.

(Къ стр. 61, прим. 3).

Giraldi и Банделло о государяхъ и князьяхъ. Всѣ новеллы относящіяся къ дому Эсте изъ „Гекатомити“ Giraldi за исключеніемъ одной (I Nov. 8) находятся въ 6-ой книгѣ, посвященной Francesco von Este, Marchese della Massa, въ началѣ 2 части всего сочиненія, носящаго посвященіе Альфонсу II „пятому феррарскому герцогу“. Ему же сверхъ того еще отдѣльно посвящена 10-я книга; изъ новеллъ ни одна не относится къ нему, къ его предшественнику Эрколе II одна, остальные къ Эрколе I „второму герцогу“ и Альфонсу I „третьему феррарскому герцогу“. Но изъ этихъ повѣстей только немногія заключаютъ въ себѣ романическое содержаніе, большею-же частью касаются другихъ темъ. Такъ въ одной изъ нихъ (I Nov. 8) говорится о неудачной попыткѣ неаполитанскаго короля побудить Эрколе Эсте отнять власть у герцога Борзо; въ другой говорится о великодушіи Эрколе по отношенію къ заговорщикамъ (VI Nov. 10). Обѣ относящіяся къ Альфонсу I новеллы (IV Nov. 2, 4), въ которыхъ самъ Альфонсъ занимаетъ второе мѣсто, суть ничто иное, какъ своего рода atti di cortesia по отношенію къ рыцарямъ и плѣнникамъ, но не къ дамамъ, какъ это видно уже изъ заглавія книги и въ особенности изъ посвященія вышеупомянутому Франческо. Двѣ новеллы остаются любовнаго содержанія и обѣ таковы, что могли появиться въ свѣтъ при жизни самого героя, такъ какъ онѣ рисуютъ великодушіе, благородство, воздержанность и добродѣтель государя. Но изъ этихъ двухъ новеллъ одна (VI Nov. 1) относится къ ранѣ умершему Эрколе I и только одна (VI Nov. 3)

къ жившему во время составленія сборника Эрколе II (род. 1508, ум. 1568, сынъ Лукреціи Борджіа и супругъ Ренаты); поэтъ говорить о немъ: *Il giovane, che non meno hà benigno l'animo, che cortese l'aspetto, come già il vedemmo in Roma, nel tempo, ch'egli, in vece del padre, venne à Papa Adriano.* Содержаніе новеллы вкратцѣ слѣдующее: Луцилла, прекрасная дочь благородной, но бѣдной вдовы, любитъ Никандро, но не можетъ выйти за него замужъ, такъ какъ его отецъ не позволяетъ ему жениться на бѣдной дѣвушкѣ. Эрколе, увидѣвъ дѣвушку и прельстившись ея красотой, убѣдилъ мать помочь ему проникнуть въ спальню дѣвушки, но тронутый ея мольбами, отказывается отъ своихъ намѣреній и даетъ ей приданое для того, чтобы она могла выйти за Никандро.

У Банделло II Nov. 8, 9 относятся къ Алессандро Медичи, 26 къ Маріи Арагонской, III 26, IV 19 къ Галеаццо Сфорца, III 36, 37 къ Генриху VIII Англійскому, II, 27 къ нѣмецкому императору Максимилиану I. Послѣдній, „котораго природная доброта и болѣе чѣмъ королевская щедрость восхваляются всѣми писателями“, на охотѣ за оленемъ отдѣлился отъ свиты и заблудился въ лѣсу. Наконецъ, онъ встрѣчаетъ крестьянина и проситъ указать ему дорогу. Крестьянинъ въ свою очередь проситъ ему помочь нарубить дровъ, что императоръ охотно дѣлаетъ. Въ это время появляется свита короля и, не замѣчая его знаковъ, всѣ привѣтствуютъ его; крестьянинъ догадывается, съ кѣмъ имѣлъ дѣло и умоляетъ простить ему дерзость. Императоръ подымаетъ его съ земли, щедро одаряетъ его и велитъ прийти къ нему на слѣдующій день. Здѣсь онъ даритъ ему разныя привилегіи. Разказчикъ заключаетъ словами: *Dimostro Cesare nello smontar de cavallo e con allegra ciera aiutur il bisognoso contadino, una indicibile e degna d'ogni lode humanità, et in sollevarlo con danari e privilegii dalla sua faticosa vita, aperse il suo veramente animo Cesareo* (II, 415). Къ Максимилиану относится также разказъ въ *Hecatombithi VIII, Nov. 5.* Эта исторія извѣстна всѣмъ по Шекспировской пьесѣ „Мѣра за мѣру“ (о ея распространенности см. *Kirchhof Wendunmuth* изд. Oesterley т. V, стр. 152 fg.); Giraldi переноситъ ее въ Инсбрукъ. И здѣсь восхваляется Максимилианъ. Онъ является здѣсь прямо подъ именемъ

Massimiano il Grande и далѣе характеризуется, какъ *che fu raro esemplo di cortesia, di magnanimità, e di singolare giustizia.*

V.

(Къ стр. 68, прим. 1).

Убийство тирановъ. Заслуживаетъ вниманія съ какимъ-то одушевленіемъ говоритъ флорентинецъ Alamanno Rinuccini (род. 1419) въ своихъ Ricordi (издн. G. Aiazzi, Флоренція 1840) объ убійцахъ и о ихъ дѣлѣ.—Также Petr. Crinitus въ особомъ стихотвореніи De virtute Io. Andr. Lamponiani (De honesta disciplina, Paris 1510 fol. 134b) восхваляетъ убійцу и ставитъ рядомъ съ Брутомъ. Почти одновременно съ этимъ заговоромъ появилась апологія его (хотя не итальянская) срв. Kervyn de Lettenhove. — Jean sans peur et l'apologie du tyrannicide; см. Bulletin de l'Academie de Bruxelles XI (1861) стр. 558—571. Спустя столѣтіе въ Италіи стали уже иначе судить объ этомъ. Срв. обсужденіе заговора Лампуньяни: Egnatius, De exemplis ill. vir. Ven. fol. 99b. срв. тамъ-же 318b. Уже Конти вовсе не упоминаетъ о товарищахъ Лампуньяни, а о немъ самомъ говоритъ: Vir animi atrocis et vasti et qui C. Catilinae mores ab ineunte aetate sibi proposuisset.

Замѣчательныя вещи объ убійствѣ Галеаццо Маріа Сфорца находятся у G. d'Adda въ Archivio storico lombardo giornale della società storica lombarda Vol. II (1875) стр. 284—294. 1) Латинская надпись на гробницѣ убійцы Лампуньяно, заплатившаго жизнью за свое дѣло, въ которой говорится отъ его имени: *Nic lubens quiesco, aeternum inquam facinus monumentum-ve ducibus, principibus, regibus qui modo sunt quique mox futura trahuntur ne quid adversus justitiam faciant dicantve:* 2) латинское письмо Domenico de Belli, который присутствовалъ при убійствѣ одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ. 3) Lamento di Galeazzo Maria, въ которомъ онъ призываетъ Дѣву Марію въ свидѣтельницы совершеннаго надъ нимъ преступленія, обращается съ жалобой къ женѣ, дѣтямъ, своимъ слугамъ и къ итальянскимъ городамъ, которые онъ перечисляетъ по ихъ названіямъ, да-

лѣе онъ взываетъ также ко всѣмъ народамъ на землѣ, даже къ девяти музамъ и къ древнимъ богамъ, въ надеждѣ вызвать общее сочувствіе. Ср. также латинскую поэму: *Bonini Mombrittii poeta Mediol. trenodiae in funere illustrissimi D. Gal. Marie Sfor.* (2 кн. Миланъ, 1504, изд. Ascalon'a Valis (sic), который въ своемъ посвященіи юристу Jac. Balsamus'у хвалитъ поэта и называетъ другія поэтическія произведенія также достойныя печати. Въ этомъ произведеніи въ качествѣ собесѣдниковъ являются Венера и Марсъ, Калліопа и самъ поэтъ; изъ ихъ словъ выходитъ, что убійца вовсе даже не Лампуньяно, а происходитъ изъ простой крестьянской среды; онъ осыпается бранью и на него и его сообщниковъ указываютъ, какъ на обыкновенныхъ убійцъ; ихъ обвиняютъ между прочимъ въ измѣнѣ отечеству и сношеніяхъ съ Карломъ Бургундскимъ. Перечисляются не менѣе десяти предсказаній (прогностика) смерти Галеаццо; ярко рисуются самое убійство герцога и наказаніе убійцъ; въ заключеніе приводятся благочестивыя утѣшенія вдовы герцога и религіозныя размышленія. Ср. тамъ-же Arch. т. III, стр. 320 и т. XIII, 140 ff: два стихотворенія Hier. Olgiati, достовѣрность которыхъ остается нѣсколько сомнительной. Тамъ-же стр. 414 f. документъ, относящійся къ Лампуньяно. Тамъ-же т. XX, стр. 968 f. документальныя сообщенія, изъ которыхъ явствуетъ, что настоящій предатель Ольджиатти былъ Габріель де ла Флоре, получившій за это 300 дукатовъ. Отецъ Ольджиатти дошелъ до крайняго униженія и писалъ властямъ, что онъ охотнѣе всего задушилъ бы сына своими руками. Francopus, слуга Лампуньяно, заслужилъ особую похвалу за вѣрность обнаруженную имъ въ моментъ серьезной опасности, Fulgosius стр. 470. То-же стр. 652 sq. Исторія Ольджиатти. — Calmo (Lettere стр. 223) иронически говоритъ о томъ, какъ убійцы Галеаццо Маріа упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль, на куклѣ. Важное указаніе на сравнительную оцѣнку событий въ XV вѣкѣ представляетъ то, что Antonio Jvani 1476 въ письмѣ къ Клементе d'Аркола сравниваетъ Ольджиатти съ Муціемъ. Giorn. ligust. 12, 416.

VI.

(Къ стр. 82, прим. 2).

Флоренція и Венеція. Для уясненія соперничества между Флоренціей и Венеціей особенно важное значеніе имѣеть памфлетъ (1472) нѣсколькихъ венеціанцевъ, относящійся къ Лоренцо Медичи и отвѣтъ Бенедетто Деи, сообщенный у Pagnini, Della decima, Флоренція, 1763, III, стр. 135 f.

Объ этомъ Б. Д. весьма дѣятельномъ политикѣ срв. С. Motta, Arch. stor. lomb. ser. III vol. III, стр. 96 sqq. Письма къ нему опубликованы у F. Rödiger, Flor. 1889. Онъ считался первымъ газетнымъ писателемъ, см. Arch. p. m. 114. fg.—Изъ предшеств. врем. срв. стихотвореніе флорентинца Giov. Pegolotti, 1406, противъ перваго завоеванія Венеціи на сушѣ, Flamini La lirica toscana, Turin, 1891, стр. 62. Ненависть Флоренціи къ Венеціи ясно обнаруживается уже въ 1509, въ соч. Landucci, стр. 296 sq. Заслуживаетъ вниманія, что несмотря на вражду этихъ двухъ городовъ, флорентійскій купецъ l'Albizzotto (род. 1377) написалъ въ 1442 г. стихотвореніе въ 4800 строкъ о Венеціи, гдѣ онъ составилъ свое счастье. Ср. В. Rossi, N. Arch. Ven. 1893.

VII.

(Стр. 83—84).

Возрожденіе въ Венеціи. Противъ мнѣнія Б., что Венеція не обнаружила настоящихъ литературныхъ стремленій, находимъ возраженіе у F. Gabotto, Il trionfo dell' Umanesimo nella Venezia del Quattrocento, Венеція, 1890 г. (правда, только начиная съ 1460 г.). Одинъ изъ первыхъ венеціанскихъ патриціевъ, примкнувшихъ къ новой культурѣ былъ Zaccaria di Giovan Trevisan, † 1413 г., срв. Salutati, письма III, 344. Въ 1331 г. уже судья „scribere nesciens“ представлялъ рѣдкость, Arch. Ven. 32, 330; срв. данныя тамъ же, стр. 330—352, о книгахъ, школахъ, учителяхъ и учебн. пособияхъ въ Венеціи. Стр. 334 fg. списки книгъ; стр. 351 сожженные книги. Примѣръ практическаго смысла въ отношеніи къ приобрѣ-

тенію знаній, какъ и во всемъ прочемъ—основаніе въ 1443 г. школы для желающихъ поступить въ канцелярію дожа; къ грамматикъ и риторикъ прибавляется въ 1501 г. греческій яз., N. Arch. Ven. III, 452. Съ другой стороны обвиненіе въ томъ, что рукописи Петрарки небрежно хранились въ Венеціи и со временемъ погибли, не доказано. Библіотека Петрарки, завѣщанная имъ въ 1362 г. республикѣ (см. ниже о бібліотек.), не дошла вовсе по назначенію, вслѣдствіе небросовѣстности душеприказчиковъ поэта (Nolhas, Petr. et l'im. 81 sq.). Рукописи его разошлись по разнымъ мѣстамъ, стр. 84 sqq; многія изъ нихъ находятся теперь въ Парижѣ, а въ общемъ сохранилось только 36. Списокъ ихъ тамъ же, стр. 94 sq.

VIII.

(Стр. 87, прим. 3).

Dino Comagni. Въмѣсто строка, внизу стр. 87, гл. VII въ прежнемъ изданіи находилось слѣдующее: „Около 1300 года Dino Comagni описывалъ борьбу городовъ въ то время между собою. Въ этомъ разсказѣ о политическомъ состояніи городовъ, внутреннихъ партійныхъ раздорахъ, характерахъ предводителей, во всей этой ткани ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ причинъ и вліяній осязательно сказывается превосходство сужденія флорентійцевъ“. Мы выпустили эти немногія строки, въ виду сомнительной достовѣрности этой хроники, какъ это обнаружено Paul Scheffer Boichhorst'омъ (Florentiner Studien, Leipzig, 1874 г., стр. 45—210) и подтверждено имъ потомъ снова (Die chronik des D. C. Leipzig, 1875), несмотря на возраженіе такого выдающагося знатока, какъ С. Hegel (Die Chronik des Dino Camp., Versuch einer Rettung, Leipzig, 1875 г.). Въ Германіи взгляды Scheffer'a встрѣтилъ вначалѣ общее одобреніе (ср. W. Bernhardt: Der Stand der Dino-Frage. Hist. Zeitschr. N. F., 1877, т. I) и даже Hegel признаетъ, что предполагаемый текстъ есть только позднѣйшая переработка хроники Dino, недовершенной имъ до конца; даже въ самой Италіи поднялись серьезные голоса противъ достовѣрности происхожденія этого источника, хотя большинство предпочитало игнорировать

всѣ эти сомнѣнія также, какъ и прежнія въ этомъ родѣ. (Срв. въ особенности P. Fanfani въ его изданіи *Il Borghini* и въ книгѣ *Dino Compagni vendicato*, Milano, 1875. Послѣ того Isidor del Lungo, рѣшительно утверждавшій подлинность хроники, окончилъ свою большую работу (*Dino-Ausgabe*) и снабдилъ ее обстоятельнымъ введеніемъ: *Dino Compagni e la sua cronica*. 3 тома, Florenz, 1879—1887. Въ недавнее время найдена рукопись болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ всѣ предыдущія изданія гдѣ-либо упомянутыя; она принадлежитъ началу или, по утверженію Breslau, *Ztschr. f. Cult. u. Litt. d. Ren.* I, 129 ff., срединѣ XV вѣка. На основаніи изслѣдованій Hartwig'a и Hegel'я (*Hist. Ztschr.* Bd. 35) и въ особенности въ виду того, что языкъ этой рукописи мало отличается отъ языка XIV вѣка, утвердилось предположеніе, что эта хроника содержитъ въ себѣ во всякомъ случаѣ въ значительной степени первоначальную редакцію, хотя, вѣроятно, уже въ XIV вѣкѣ подверглась переработкѣ съ примѣсью хроники Villani. Срв. сопоставленіе и оцѣнку у Гаспари *Geschichte der italienischen Literatur*, Berlin, 1885 г., I, стр. 361—369, 531 f.

IX.

(Стр. 91, прим. 4).

Статистика Рима. Въ Римѣ статистика появляется очень поздно. *Un censimento della città di Roma sotto Leo X* (*Gli studi*, IV и V, 1882, sq.), обнаруженное M. Armellino, несовершенно и даетъ только имена отцовъ семейства, но не число жителей. Первая полная статистика D. Gnoli, см. *Arch. della società Romana* 17, 375—520: *Descriptio urbis o censimento della popolazione di Roma*, конца 1526 или начала 1527 (Jak. Hellin не составитель, а переписчикъ). Количество населенія тогда немного больше 55.000. (Приводимая Джіовіо цифра населенія въ концѣ жизни Льва X 85 тысячъ, навѣрное, преувеличена). При дворѣ папы находилось семьсотъ человекъ, во дворцахъ кардиналовъ бывало отъ 45 до 306 человекъ. Все населеніе дѣлилось на 13 округовъ (*riggi*). Ученые и писатели рѣдко встрѣчаются, такъ какъ они большею частью упоминаются при перечисленіи

домашнихъ людей во дворцахъ; особо упоминаются Hieronymus Negri, венец. писатель, Fabio Calvio (Fabio da Ravenna), Antonio Altieri. Изъ извѣстныхъ художниковъ упоминается Laurentio scultor (Lorenzo Lotti), живописецъ Pellegrino изъ Модены, Baldassare Peruzzi, Francesco dal Pozzo da Caravaggio (архитекторъ), Pierin del Vaga, Mastro Gaio (знаменитый ювелиръ), Sebastiano del Piombo. Въ качествѣ куртизанокъ или женщинъ легкаго поведенія упоминаются Margarita (2), Lucretia, Aezandra, Iovenetta, Ieromina и Ieronima spagnola, siciliana Francesca, Caterina, 2 Agata, Faustina, Maria Francisca, Catalina (нѣмка); многія женщины безъ всякихъ эпитетовъ: Donna, Madonna, Vidua; гдѣ нѣтъ имени мужа или отца и не обозначено занятіе, не всегда можно предполагать публичность, такъ какъ въ одномъ спискѣ 41 домовладѣльцевъ, 26 женщинъ; тѣмъ не менѣ имена Catarina senensis, Elisabeth fiorentina, Jacoba perusina и въ особенности имена французенокъ, какъ Guilhelmetta Galla de Lilla (иногда возлѣ именъ женщ. стоитъ schiavona) звучать подозрительно. Изъ нѣмцевъ (tedesco или theotonicus) многіе обозначены fornaro: Battista, Nicolaus, Ioannes, Gerardus, Marchus, Rigo, Vandelino, одинъ tessitor Joanne Ceconot(!), очень многіе безъ всякаго указанія на занятіе; Jacobo Arcello, нѣмецкій нотариусъ. Многіе другіе нѣмцы: хозяева, цирюльники, скороходы, сапожники, также одна самизара (?) живутъ въ одномъ кварталѣ regio Parionis, напр. писецъ (Christoforo). Между прочимъ также servitor. Много испанцевъ, грековъ, французовъ, меньше англичанъ, поляковъ, португальцевъ, одна fillia del Gran Turcho. Здѣсь представлены почти всѣ итальянскія мѣстности.

Евреи упоминаются при случаѣ среди другихъ обывателей, такъ, напр., Emanuel, ebreo (5 душъ въ Regio de campo, Martio; въ Regio Regule приходится значительное число евреевъ (54 на двухъ стр.); также въ Regio di Ripa, напр. Bran, ebreo de Salomone (!) и другіе, имена которыхъ, повидимому, искажены: Lustru; объ одномъ говорится ebreo francese, нѣсколько евреекъ: Astrua, Lia; собственно еврейскій кварталъ Regio S. Angeli, изъ 605 домовъ, по крайней мѣрѣ третья часть еврейскихъ. Многіе упомянуты какъ мясники, торговцы платьемъ, старымъ желѣзомъ, башмачники, красильщики, портные, одинъ названъ sacerdos, многіе—

врачами, одинъ — *bastarius*, одинъ — *lanternarius*, что означаетъ *matio escaputh medicorum*? (Въ одной буллѣ Льва X 1519 г. упомянуты 11 синагогъ; срв. Kaufmann, *Revue des études juives* 21, 228).

Врачи носятъ названія *medico, cirurgico, fisico*; между ними одинъ нѣмецъ. Особо перечисляются: *paternóstraro, candelotaro, ochiaro, maestro d'ecorriero, portator de immun-dicia*. Книгопродавцы упоминаются рѣдко; одинъ *Pietro librare*; другой *Nicolo Vespasian*, далѣе рядомъ *Pietro da Pavia, Jacobe Junta florentino, Jan Moroqui, Pietro del Buso, Pietro Milanese, Pelegrino, Antonio, Stephano*, одинъ изъ Саламанки, *Alexander, Wilhelm, Paulo Bancheli, Antonio, Jacobo, Leonardo, Baptista de Gribero, Michael* и *Francisco Tramesina*. Далѣе въ Римѣ живетъ много копистовъ, торговцевъ бумагой и печатниковъ; одинъ *stampatore Domenico*. Много *barbiere, profumieri, speciali*. Одинъ *fachino* владѣетъ домомъ. Музыканты обозначены какъ таковые, или-же *cantore* и *lautore*.

X.

(Стр. 94, прим. 2).

Мы можемъ дать здѣсь только нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнiя о цѣнахъ на предметы, богатства и денежномъ обращенiи того времени, основываясь на случайныхъ данныхъ, такъ какъ серьезныхъ источниковъ, повидимому, нѣтъ. Золото упоминается, обыкновенно, въ слѣдующихъ единицахъ: дукать, цехинъ, *fiorino d'oro* и *scudo d'oro*. Цѣнность ихъ приблизительно та же: отъ 20 до 25 германскихъ марокъ.

Въ Венеціи дожъ *Andrea Vendramin* (1478), обладая состоянiемъ въ 170,000 дукатовъ считался очень богатымъ. (*Malipiero* I с. VII, II р. 666). Конфискованное имущество *Colleoni* оцѣнивалось въ 216,000 дукатовъ. Тамъ-же стр. 244.

Въ 60-хъ годахъ XV вѣка епископъ въ Алвилѣ *Lod. Patavino* считается „богатѣйшимъ почти во всей Италiи“ имѣя состоянiе въ двѣсти тысячъ дукатовъ (*Gasp. Veronens, Vita Pauli* II у *Mur.* III, II Col. 1027). Другія цифры носятъ сказочный характеръ.

Antonio Grimano (гл. VII) заплатилъ за кардинальское званіе сына Domenico тридцать тысячъ дукатовъ. Его состояніе наличными деньгами опредѣлялось въ сто тысячъ дукатовъ (Chron. Venetum, Mur. XXIV, Col. 125—126).

О цѣнахъ на хлѣбъ въ мѣновой торговлѣ и на рынкѣ Венеціи см. Malipiero 1. VII, II, стр. 709 f. (Notiz 1498).

Въ 1522 г. уже не Венеція, а Генуя считается богатѣйшимъ городомъ Италіи наравнѣ съ Римомъ (подтверждается авторитетомъ Franc. Vettori, см. его Storia въ Archiv. stor. Append. Tom. VI, стр. 343). Bandello, parte II, Nov. 34 и 42 называетъ богатѣйшимъ купцомъ того времени генуэзца Ansaldo Grimaldi.

Между 1400 и 1580 г. Franc. Sansovino указываетъ на паденіе цѣнностей на половину (Venezia, fol. 151, bis).

Въ Ломбардіи отношеніе между цѣною на хлѣбъ въ серединѣ XV вѣка и нашего времени, какъ 3 : 8 (Sacco di Piacenza) Arch. Stor. Append. tom. V. Примѣчаніе издателя Scarabelli.

Въ Феррарѣ во время герцога Борзо находились богатые люди съ состояніемъ отъ 50 до 60 тысячъ дукатовъ. (Diario ferrarese, Mur. XXIV, Col. 207, 214, 218; невѣроятное показаніе Col. 187). Во время возвышенія цѣнъ 1505 цѣна *stato ferrarese del grano* вѣс. обыкн. отъ 68 до 70 фунт. на 1½ дуката. — *La semolo a remolo* продается *venti soldo lo stato*, въ слѣдующемъ урожайномъ году напротивъ *stato* 6 сольди. Bonaventura Pistofilo стр. 494. Въ Феррарѣ въ 1455 платится за наемъ дома ежегд. 25 лиръ; срв. *Atti e memoire*, Parma VI, 250; 265 ff; собраніе свидѣтельствъ о томъ, что платилось художникамъ и переписчикамъ.

Во Флоренціи мы видимъ рядъ исключительныхъ фактовъ, по которымъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Такъ, займы иностранныхъ государей указываютъ обыкновенно на одинъ или немногіе торговые дома, но въ дѣйствительности заинтересованными являются большія товарищества. Поражаютъ огромныя цифры контрибуцій, платимыхъ побѣжденными партіями; съ 1430 г., напримѣръ, до 1453 семьдесятъ семь фамилій уплатили 4.875.000 гульд. золотомъ (Varchi III стр. 115 sq.); одинъ Джіанозцо Манетти, о которомъ еще не разъ будетъ рѣчь, заплатилъ 135.000 гульд. золотомъ и сталъ нищимъ (Reumont 1, 157). Три тысячи флориновъ

объявленнаго состоянія считались во Флоренці въ концѣ XIV вѣка значительнымъ состояніемъ. *Laro Mazzei* стр. XVIV.

Состояніе Джіованни Медичи послѣ смерти его (1428) составляло 179.221 гульд. золотомъ, но изъ обоихъ его сыновей Cosimo и Lorenzo послѣдній одинъ оставилъ, умирая (1440), уже 235.137 гульд. (*Fabroni, Laur. Med. Adnot. 2*). Пьеро, сынъ Козимо, оставилъ (1469) 237.982 скуди (*Reumont. Lorenzo de Medici I, 286*). Инвентарь имущества Медичи (*Muntz „Précurseurs“ 158 f.*) даетъ слѣдующую оцѣнку: драгоцен. камни — 12.205 дукатовъ, кольца — 1.972 дук., жемчугъ—3.512, медали, камеи, мозаика—1579, вазы—4850, реликвій и т. п. 3600, серебро 7000, библіотека 2700 дукатовъ. *Giov. Rucellai*, купецъ 1426—1502, срв. *L. Passerini, Genealogia e storia della famiglia Rucellai, Flor. 1861* и *Marcotti: Un mercante fiorentino e la sua famiglia nel secolo XV, Flor. 1881 (pozze)* въ 1473 уплатилъ 60 тысячъ гульд. пошлинъ, далъ десять тысячъ въ приданое пяти дочерямъ и 2000 на украшеніе церкви Санта Маріи Новелла; въ 1474 г. онъ вслѣдствіе происковъ врага потерялъ 20 тысячъ гульденовъ золотомъ (*Autografo dallo Zibaldone di G. R. Florenz 1872*). Свадебный обѣдъ его сына Bernardo и Нанинны, сестры Лоренцо Медичи стоилъ 6638 гульд. срв. *Marcotti 88*.

Въ Римѣ доходы римской куріи не поддаются точному опредѣленію, такъ какъ они стекались со всей Европы; цифрамъ указывающимъ состояніе имущества папы и кардиналовъ едва-ли можно довѣрять.

Извѣстный банкиръ Agostino Chigi оставилъ (1520 г.) имущество, оцѣненное въ 800,000 дукатовъ (*Lettere pittoriche, I Ar. pend. 48*). Завѣщаніе Чиги, 28 Авг. 1519 г. у G. Cugnoni, Agostino Chigi il Magnifico, Римъ 1881 г. см. уполн. архивъ. Тамъ указаны расходы Чиги на художеств. цѣли. Интересны біографическія данныя о Чиги сообщаемыя позднѣе папой Александромъ VII. Чиги, сказалъ однажды папѣ, что у него сто домовъ и столько-же судовъ, и онъ даетъ занятія и заработокъ болѣе чѣмъ 20 тысячамъ человѣкъ. Въ его имѣніяхъ триста лошадей и быковъ, 12 тысячъ овецъ. Ежегодный доходъ его 70 тыс. глуд. зол. (Много данныхъ, относящихся къ Милану, Неаполю, Луккѣ по новымъ документ. изслѣдованіямъ у З. въ введ. къ I т., стр. 331—334).

Далѣ различныя подробности. (О жалованьи профессоръ см. прил. XLV).

Для опредѣленія масштаба цѣнностей интересенъ помѣщен. въ Archivio della R. Società Romana di storia patrio vol. X (1887) стр. 662 f. списокъ подарковъ, полученныхъ герцогиней Элеонорой, при въѣздѣ въ Феррару. Въ общей сложности цѣнность подарковъ, составляла 2644 флор. и 11 сольди; подносившіе подарки ремесленники, купцы и т. д. поименованны отдѣльно, въ томъ числѣ также доктора медицины и юрид. наукъ.

Проигрышъ въ карты Franceschetto Cibo въ теченіе двухъ вечеровъ одному кардиналу равнялся 14,000 дукатамъ; ср. т. II, 157. Infessura, стр. 251; тому-же кардиналу его французскій коллега проигралъ 8,000 дукатовъ, стр. 252. Наслѣдство умершаго въ 1410 г. богатаго купца Francesco Datini составляло 70 тысячъ флориновъ (Mazzeo, I, CXXXIX). Во Флоренціи въ 1347 г. домъ со дворомъ, съ садомъ и прудомъ стоитъ 80 гульд. золотомъ. См. Salutati, письма стр. 127 прим. Въ одномъ письмѣ Джіовіо говорится о рыбакахъ: la trotta si vende XX baiocchi la libra di 28 oncie, Giorn. ligust. X, 202. Плата за комнату въ Римѣ въ 1524 г., правда для куртизанки, 7½ гульд. зол. Delicado Lozana 1, 129. Цѣны на земельн. участки въ Миланѣ въ началѣ XVI ст. по указ. миланс. архитекторовъ. Цѣна за quadretto колебалась отъ 72 до 80 сольди. Срв. Arch. Stor. lomb. 18,875 ff. Изъ письма Изабеллы д'Есте къ отцу узнаемъ, что она тратитъ ежегодно десять тысячъ дукатовъ на туалетъ, украшеніе, содержаніе фрейлинъ, двухъ дворянъ, столъ на сто чело-вѣкъ, Luzio—Renier 64, 112.

Жалованье въ Венеціи (данныя у Sanudo): секретарь дожа 120 дукатовъ, секретарь Совѣта 60 дукатовъ (1522). Венеціанскій посоль отправленный въ Англію получаетъ ежем. 130 дукт., Sanudo, dia 19,10. Восемъ фунтовъ ваксы стоятъ пять гульд. зол. (1422); Sercambi 3,290 f. (тамъ-же много такихъ обознач. цѣнъ). Laro Mazzeo, нотариусъ, не очень богатый, многосемейный отецъ, носить fodero (кафтанъ) за 6 лиръ; его пріятель, богатый купецъ Francesco Dattini (1395) отпускаетъ такой же костюмъ священнику за 8 лиръ = 2 гульд. зол. 1 soldo, 7 donari и носитъ самъ цѣною въ 2 fl. (Ср. Mazzeo 1,73 f.).

Цѣны на предметы искусствъ, живопись, миниатюры, с. 1400. Mazzei II, 421 ff. Могильный памятникъ Francesco Dattini изъ бѣлаго мрамора 24 fl. 1 soldo 7 danari, стр. 437. Цѣны на мясо и т. п. 1398 г. тамъ-же т. I, 199. Цѣны во время общаго повышенія таковыхъ во Флоренціи 1529 Lan. ducchi, стр. 368 sq., 1480 стр. 35, 1483 стр. 47, 1496—97 стр. 145, 46, 1501 стр. 236 (и много короткихъ данныхъ passim). Цѣны на жизненные припасы почти ежегодно въ хроникѣ Novacula съ 1476 г. Лошадь, побѣдительница на скачкахъ продана за 100 дукатовъ, Landucchi, стр. 39. Убытокъ отъ пожара, причемъ уничтожены огнемъ домъ и лавка, высчитывается въ 250 дукатовъ, 1507 Landucchi, стр. 263. Интересныя данныя о жалованьяхъ, вознагражденіи и оцѣнкѣ разнаго рода 1438—1440 у G. March. Croli, Er. Gattamelata da Narni, Римъ 1867, стр. 398 ff.: художникъ получаетъ за знамя 32 сольди, два врача десять дукатовъ, могильщикъ 5 лиръ въ мѣсяцъ, историкъ 8 лиръ, его помощникъ 7 лиръ. Воспитаніе ребенка (незакон.) у женщины въ деревнѣ стоитъ въ 1422 г. четыре лиры, 5 сольди ежем. Приданое дѣвушки достаточнаго класса въ 1425 г.: 1018 фл., 1443:1051 Arch. Stor. Ital., Ser. 5 Vol. 4 стр. 155, 156, 158. Цѣны на рыбу, птицъ въ Венеціи въ XIV и XV в. у Zekketti, Arch. Ven. 30, 49 f. Guarino, несмотря на невысокое жалованье и семью (13 челв. дѣтей) оставилъ пяти дочерямъ по 800 лиръ приданаго (двухъ дочерей выдалъ при жизни), два дома въ Веронѣ, одинъ въ Феррарѣ, двѣ виллы съ землею.

Весьма важны свѣдѣнія о цѣнахъ и вознагражденіяхъ у Nicolo Barona Arch. Storico per le prov. napolet. т. 4 стр. 5—34, 205—248, 382—429, 601—637; т. 10, 5—47 ff. изд. Le Cedole di tesoreria nell'archivio di stato di Napoli dall'ano 1460—1504; здѣсь между прочимъ вознагражденіе учителямъ (домашн. учитель часто 6 дукатовъ въ мѣсяцъ; lettori dello studio di Napoli въ 1469 г. тоже) и художникамъ (различно). Плата переплетчикамъ, астрологамъ, писцамъ, художникамъ (Marc Ant. Sannazaro, братъ Джакопо, упоминается однажды какъ ссужающій дворъ деньгами). 40 дукатовъ за наемъ на 5 мѣсяцевъ помѣщенія (для флорент. пословъ и 35 cavalca-ture). Окт. 1465. Arch. napol. 9, 25. Домъ въ Неаполѣ въ 1464 г. проданъ за 120 дукатовъ, стр. 324. За наемъ квартиры для посланника на 9 дней уплачено болѣе 3-хъ дукат-

товъ. За бюстъ короля Альфонса d'immortale memoria въ 1466 г. платилось по разной цѣнѣ. Arch. Nap. 9, 213. (Дальнѣйш. о вознагражд. ср. стр. 360 и прил. XLV.

XI.

(Стр. 94, прим. 3).

Политика Козимо и Лоренцо. Авторъ отказывается отъ сужденія о внѣшней политикѣ Козимо (1433 — 1465) и его внука Лоренцо Magnifico († 1492). Повидимому возвеличеніе обоихъ, въ особенности Лоренцо у Roscoe (Life of Lorenzo de'Medici; called the Magnificent, первое изд. Ливерпуль 1792, десятое: Лондонъ 1851) главнымъ образомъ вызвало реакцію. Прежде всего она обнаружилась у Sismondi (Histoire de républiques italiennes XI); противъ его рѣзкихъ сужденій Roscoe снова выступилъ въ Illustrations historical and critical of the life of Lor. de Med. Lond. 1822); позднѣе у Gino Capponi (Archiv. Stor. ital. I (1842) стр. 315 sq.); онъ же затѣмъ еще развилъ и укрѣпилъ свои доказательства: Storia della republica di Firenze, 2 т. Флоренція 1875 г. Вполнѣ обстоятельное знакомство съ обширнымъ матеріаломъ и спокойное обсужденіе въ прекрасномъ сочиненіи Reumont: Lorenzo de'Medici, il Magnifico 2 тома, Лейпцигъ 1874 г. (2 изд. 1883). Книга А. Castelnau: Les Medicis, 2 т. Парижъ 1879 г. только касается этого предмета. Два соч. В. Bousser, оба Лейпцигъ 1879 г., посвящены исключительно внутренней и внѣшней политикѣ Медичи. Одно носить назв.: „Отношенія Медичисовъ къ Франціи въ продолженіе 1434—1494 гг., въ связи съ прочими обстоятельствами Италіи“. Второе „Lorenzo de Medici, какъ государственный человѣкъ Италіи, на основаніи рукописныхъ источниковъ“ 2-е изд. т.-же 1883 г.

XII.

(Стр. 107, прим. 1).

Лоренцо и Франція. Приведенныя на стр. 104 строки вызываютъ сомнѣніе. Но удалить ихъ изъ текста неудобно, потому что такимъ образомъ было-бы ослаблено или даже вовсе уничтожено представленіе о Лоренцо, какъ оно проходитъ черезъ всю книгу. Буркгардтъ почерпалъ свое мнѣніе

изъ *Vita di Lorenzo* соч. Niccolo Valori. Флоренція 1568; итль. перев. появившагося только въ первый разъ латинск. оригинала; послѣдній теперь также у Галетти: *Phil. Villani liber de civit. Florentiae famosis civibus*, Флоренція 1847, стр. 161—183, см. стр. 171. Но надо замѣтить, что этотъ старѣйшій источникъ, написанный сейчасъ послѣ смерти Лоренцо, значительно украшенъ въ сравненіи съ дѣйствительностью, и что вложенныя здѣсь въ уста Лоренцо слова не упоминаются въ передачѣ французскаго посла и едва-ли были произнесены; Comines, посѣтившій Флоренцію и Римъ, по порученію Людовика XI говоритъ (*Mémoires*, liv. VI, глв. 5): „Я не могъ предложить ему войско, такъ какъ не имѣлъ съ собой ничего, кромѣ свиты“. (Ср. Reumont, *Lorenzo*, 1 изд. I, стр. 197; II, стр. 598; 2-е изд. I, стр. 310; II, стр. 450). Въ одномъ письмѣ изъ Флоренціи къ Людов. XI (23 Авг. 1478) говорится прямо: *omnis spes nostra reposita est in favoribus suae Majestatis*. A. Desjardins: *Négociations diplomatiques de la Toscane* (Paris 1859) I, стр. 973. Точно также пишетъ Лоренцо и у Kervyn de Lettenhove: *Lettres et négociations de Philippe de Comines*, I стр. 180. Мы видимъ, какъ Лоренцо смиренно просить помощи, а не гордо отвергаетъ ее. Въ упомянутыхъ въ пред. прил. сочиненіяхъ Bousser'a разсматриваются также подробно отношенія Лоренцо къ Франціи. Въ отношеніи къ спорному вопросу см. въ особенности первое соч. стр. 188—234. Изъ приведенныхъ тамъ актовъ и документовъ можно вполнѣ убѣдиться, что Лоренцо вовсе не выказалъ особой національной гордости и стойкости въ защитѣ самостоятельности Италіи. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, что Bousser вообще безусловно правъ въ изображеніи политики Лоренцо; скорѣе, по справедливому замѣчанію Reumont'a: „нельзя не пожалѣть о его односторонности и чрезчуръ строгомъ сужденіи, не всегда отвѣчающемъ положенію вещей“.

XIII.

(Стр. 116 и сл.).

Война и военное искусство. Странные военные обычаи (14 вѣкъ), въ которыхъ принимаютъ значительное участіе народная фантазія и предразсудки: призовые бѣга голыхъ

мужчинъ, привязыванье ословъ и собакъ и т. п., подробнѣе у Sercambi I, 458. Корабельныя пушки Conti называетъ (1484 I, 312) новымъ изобрѣтениемъ, mirabili enim machinamento et ante eam diem incognito ita in navibus tormenta locaverant ut vehementius quam ex continenti ictus adigerent. Такъ называемые fuochi lavorati—повидимому, нѣчто въ родѣ минъ; онѣ были предложены королю Альфонсу однимъ инженеромъ, но отклонены имъ. (Vesp. Fior. ed. Frati I, 69). Въ нѣкоторыхъ городахъ Венеціанской республики введенъ былъ въ 1502 г. родъ милиціи. Объ этомъ рассказываетъ уже Бембо; подробнѣе можно найти у Sanudo, т. VI—VIII. (Общее число—10 тысячъ. Подобная организація въ Урбино и во Флоренціи, благодаря Макиавелли). Эти войска не отличались особенно хорошей военной подготовкой. Ср. данныя у Luigi Celli: Le ordinanze militari della republica Veneta nel sec. XVI, Nuova antol. III. ser. vol. 53, стр. 95—114, 486—520; тамъ-же преобразованія capitani произведенное В. Alviano (1514), перемѣны въ стрѣльбѣ и пр. во всѣхъ подробностяхъ. О генуэзскомъ военномъ инженерѣ Bartolomeo de Salvo, находившемся также и въ Миланской службѣ, valentissimo in aqua et industrioso, сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія (1452) въ Giorn. ligust. IV, 257 sqq. О военныхъ писателяхъ cinquecento говоритъ G. Bargilli въ Rivista militari italiana 1898 г.

XIV.

(Стр. 126, прим. 2).

Убийство герцога Гандіа. Изъ современныхъ этому событію историковъ только Panvinio говоритъ о согласіи отца на это убійство (Contin. Platinae стр. 339): insidiis Caesaris fratris interfectus . . . connivente . . . ad scelus patre, этому вполнѣ отвѣчаетъ Jovius, *elogia vir. ill.* стр. 202. Должно-ли считать опровергнутыми эти два голоса принадлежащіе срединѣ XVI вѣка всѣми прочими показаніями, какъ напр. Malipiero и Matarazzo, по словамъ которыхъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ Giovanni Sforza? Gregorovius VII, 399—407 старается доказать, что вина ложится на В. Б., но сомнительно, чтобы Александръ VI. зналъ объ этомъ, а тѣмъ

болѣе одобрилъ умыселъ. Съ другой стороны глубокое потрясеніе Александра VI внушаетъ подозрѣніе въ соучастіи. Sannuzaro (Opera omnia latine scripta 1535 fol. 41a) говоритъ о вылавливаніи труповъ изъ Тибра.

Piscatorem hominum ne te non, Sexte putemus
Piscaris natum retibus, ecce, tuum.

A. Luzio и R. Renier сообщаютъ въ Arch. dell. soc. Rom di storia patria XI (1888) стр. 296 ff. неизвѣстный прежде документъ, а именно извѣщеніе мантуанскаго посланника въ Римѣ (16 Іюня 1497) Gian Carlo Scalona. Замѣчательно, что въ этомъ извѣщеніи, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ другихъ разсказахъ современниковъ (ср. превосходное сопоставленіе Luzed и Renier стр. 297) ни разу не высказывается подозрѣніе противъ В. В. Это обвиненіе является только семь лѣтъ спустя. Такое молчаніе нельзя объяснить только тѣмъ, что всѣ боялись Cesare, такъ какъ многіе документы вполне интимнаго характера и исключаютъ мысль объ опасности. Два италъ. сонета на эту смерть, обращенные къ папѣ и Cesare, находятся въ Giorn. stor. XII, 306—308. Дальнѣйшее подробное изслѣдованіе см. Pastor III, 359 ff.; онъ склоненъ больше приписать убійство Орсини или же личной мести. Въ винѣ или соучастіи Cesare онъ сомнѣвается. Ygiatre, напротивъ, (722 f.) вѣрится въ вину Cesare (срв. 125 и 132—135).

Эпиграммы на Александра VI Giorn. stor. XVII, 296; XIX, 89. 545. Рукописн. указанье и сообщенье Pastor III, 457. Далѣе Nuova antol. ser. III vol. 51 стр. 93. Кромѣ приведенной здѣсь эпигр. Саннацаро въ этомъ сборникѣ еще fol. 36b., 42b., 47b., 51b., (въ этомъ послѣдн. мѣстѣ 5) противъ Александра VI. Между ними одна извѣстная (привед. у Gregorovius'a I, 314) на Лукрецію Борджиа:

Ergo te semper cupiet Lucretia Sextus?
O fatum diri nominis: hic pater est?

Въ прочихъ проклинается его жестокость, выражается радость по случаю его смерти и надежды на воцареніе мира. Одна эпиграмма относится къ юбилею (см. стр. 141 прим. 1) S.s. fol. 43b. Другія не менѣе выразительныя (fol. 34b. 35a.b. 42b. 43a.) относятся къ Cesare, сильнѣе другихъ:

Aut nihil aut Caesar vult dici Borgia; quidni?
Cum simul et Caesar possit, et esse nihil.

(ею пользуется Банделло IV под. 11). Подобная-же игра словъ у Fausto Andrelini срв. Geiger, Vierteljahrschr. I (1885) стр. 13, прим. 1.

XV.

(Стр. 153, прим. 2).

Патріотическіе голоса. Ср. патріот. стихотв. Pasquino, сообщ. D. Gnoli въ Nuova antol. 3 ser. vol. 25 стр. 282 f., 1512: протестъ всей Италіи противъ nimico ultramontano. Взгляды того времени (1513) видны напр. изъ неизданной біографіи урбинскаго герцога Francesco Maria della Rovere, написанной его бібліотекаремъ Federico Veterani, см. В. Cian: Luci ed ombre nel rinascimento ital. въ Gazzetta litteraria 13 Окт. 1894 г.; F. V. рассказываетъ, что при одномъ карнавальномъ представленіи 1513 явилась una Italia tutta lacerata da genti barbare e volendo dire alcuni lamentevoli versi, fra duoi fiate; come per duolo estremo fermossi nel recitari e così come smarrita parti. dal palco, lasciando alli spettatori opinione che la si fosse persa sul dire. Въ другомъ дѣйствіи Италія является и призываетъ герцога освободить ее; послѣ освобожденія она украшается короной и королевскимъ плащемъ. Характерно мнѣніе Галлатео (позднѣе измѣнившаго взглядъ) de educatione: (Sentio) de Gallorum, Hispanorumque sive Francorum et Gothorum educatione nihil boni: negligunt literas non, enim conveniunt moribus nostris neque praesertis philosophorum. Рѣчь (F. Romaliis) о стремленіи итальянскихъ политиковъ къ единству (Пиза 1871) мнѣ незнакома; о поэтахъ А. D'Ancona: Il concetto dell'unità politica nei poeti italiani (Пиза 1875) вновь напечатана въ тѣхъ-же Study di critica e storia letteraria, Болонья 1880 г. Выраженіе l'Italia degli Italiani употреблено уже въ 1521 г. папскимъ легатомъ Franc. Chiericato. Въ 1503 г. король испанскій также какъ Францискъ I въ 1526 г. сказалъ, что для Италіи было-бы лучше и война прекратилась бы, если-бы итальянцы сами владѣли Италіей. Scipione Amirato спорилъ противъ единства Италіи.

Часть вторая

XVI.

(Стр. 158, прим. 1).

Мода у флорентийцевъ.—Vesp. flor. подробно описываетъ одежду нѣкоторыхъ выдающихся людей, напр. Donato Acciajuoli II, 246; Valesco (изъ Португаліи) II, 298; Niccolò Niccoli III, 92 (носилъ одежду до земли), Filippo di ser Ugolino III, 97. (Vestiva tutta di pavonazzo). Salutati описываетъ такимъ образомъ людей слѣдующихъ модъ (1374) того времени (Письма, т. I, стр. 169): milesiis indutos velleribus, in cornua calceas extendentes, caligis usque ad femora protensis ibique cum veste pene ad inguen dimissa consutis ventrem astrictum ferentes . . . comam nutrientes et capillitum alligantes in trica quibus cura est polienda cutis et quotidies vestium novos habitus invenire; къ этому авторъ приводитъ въ параллель строки изъ новелль и стиховъ Sachetti. Въ такомъ-же родѣ описаніе Salutati въ одномъ поэтическомъ письмѣ II, 61. Срв. Merkel, ниже т. II, стр. 86, прим. 1.

XVII.

(Стр. 161, прим. 1, стр. 167, пр. 1).

Pandolfini u Alberti.—G. Manzini, Vita di Leon B. Alberti, Флоренція 1882 г. обстоятельное изслѣдованіе литературной дѣятельности. О немъ-же Nuovi documenti e notizie въ Arch. stor. ital. ser. IV, vol. 19, 190 sqq. 313 sqq. A. Neri, La nascita di S. B. A. въ Giornale Ligustico. Anno IX, fasc. V (1882) и Scipione Scipioni въ Giorn. stor. della litt. Ital. 18,

313 sqq. за 1406 или 7; 1404 J. Sanesi въ Propugnatore vol. IV, стр. 1. Virginio Cortesi (Studio critico) старается, впрочемъ, безуспѣшно приписать Pandolfini сочиненіе Governo della Famiglia. Ранѣе этого Fr. Palermo (Flor. 1871) указалъ на Alberti, какъ на сочинителя этой книги; наконецъ Mancini, стр. 258 ff. и 553 ff., Scipione Scipioni „L. B. Alberti e Agnolo Pandolfini“, Ancona 1882, и въ особенности F. C. Pellegrini, Agnolo Pandolfini e il Governo della Famiglia (Giorn. stor. di Lett. ital. VIII, 1 sqq. считаютъ ее плохой передѣлкой 3-ей книги Alberti. Hub. Janitschek (Alberti-Studien, Repertorium für Kunstwissenschaft 1883, 6, т. I) доказываетъ, что, какъ историческія свидѣтельства, такъ самая фраза и содержаніе „Vita anonuma“ не позволяетъ приписывать ее L. R. A. и что скорѣе она представляетъ собой отрывокъ письма одного изъ друзей Alberti послѣ его смерти. Въ другихъ мѣстахъ Janit. указалъ мѣсто рожденія и незаконнорожденность ребенка. Этимъ послѣднимъ объясняется молчаніе Alb. о его матери, а также споръ его и брата его Carlo за наследство съ ея родственниками.

XVIII.

(Стр. 163, прим. 2).

Изгнаніе. Особую важность представляетъ неоконченное рукописное сочиненіе Fr. Filelfo ad Vitalianum Borrhonaem Commentationes florentinae de exilio (ср. C. Errara въ Arch. stor. ital. ser V, vol. 5, 1890, стр. 193—227). Изъ предполагаемыхъ десяти книгъ сохранились только три: de incommodis exilii; de infamia; de paupertate. Это сочиненіе написано послѣ (Окт. 1434) возвращенія Cosimo, вѣроятно 1440—1442, какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ книгѣ и изъ писемъ Filelfo. Книга принадлежитъ къ числу многочисленныхъ вообще обвиненій Filelfo, направленныхъ противъ Cosimo. Дѣйствующими и говорящими между лицами являются главнымъ образомъ Palla Strozzi и его сынъ, а также Rinaldo degli Albizzi, G. Manetti, Poggio— послѣдній играетъ роль шута. Прочіе враги Filelfo: Carlo Aretino и Niccolli принимаютъ здѣсь также участіе.

Сюда относится также другое замѣчательное сочиненіе. Petrus Alcyonius въ своей книгѣ *Medices Legatus de exilio libri duo*, Ven. 1522 (Mencken: *Analecta de calamitate literatorum*, Лейпцигъ 1707, стр. 1—250) посвящаетъ „изгнанію“, утомительное по распространенности разсужденіе. Здѣсь онъ споритъ противъ трехъ основаній, почему изгнаніе считается зломъ и опровергаетъ этотъ взглядъ историческими и логическими доводами. Эти три опровергаемыя имъ причины: 1) изгнанникъ не можетъ жить въ своемъ отечествѣ; 2) что онъ лишается чести и 3) что онъ долженъ обходиться безъ друзей и родственниковъ. Его заключеніе слѣдующее: *Sapientissimus quisque omnem orbem terrarum unam urbem esse ducit. Atque etiam illam veram sibi patriam esse arbitratur quae se peregrinantem exceperit, quae probitatem, pudorem, virtutem colit, quae optima studia, libereles disciplinas amplectitur, quae etiam facit, ut peregrini omnes honesto otio teneant statum et famam dignitatis suae.*

XIX.

(Стр. 175, прим. 4).

Позднѣйшіе писатели о Данте и Петраркѣ. Мы не беремъ на себя смѣлость рѣшать вопросы, касающіеся Данте, такъ какъ недостаточно знакомы съ разросшеюся литературой о немъ; но намъ придется не разъ встрѣчаться съ сопоставленіемъ первыхъ апостоловъ гуманизма съ позднѣйшими гуманистами (ср. прилж. XXIV и выше стр. 308, прим. 2, ниже т. II, стр. . . . прим. 1), а потому приведемъ здѣсь данныя относящіяся къ признанію этихъ вождей потомствомъ. Вопросъ объ отношеніи Петрарки къ Данте вновь разрабатывается въ Италіи: Nic. Scarano, *L'Invidia del Petrarca* (*Giorn. stor.* 29, 1 sqq.) осуждаетъ Р.; G. Melodia, *Difesa di Fr. Petrarca* (*Giorn. Dantesco*, т. IV, 1896) старается его оправдать. А. Dobelli о поклоненіи Боккачіо Данте, ср. *Giorn. stor.* XXXII, стр. 219 sqq. Въ письмахъ *Salutati* находятся (II; 101 ff.) нѣкоторыя разъясненія стиховъ Данте. Сюда-же относится учрежденіе кафедры Данте во Флоренціи. О Fil. Villani, какъ *publico lettore* Данте (преемникъ Боккачіо и предшественникъ *Giovani Malpaghini da Ravenna*) говоритъ

поссе, опубл. A. Marchesini, Flor. 1885 (Giorn. stor. 27, 184). О каедрѣ Данте и глубинѣ почитанія, напр. Oratio de laude. Dantis coram populo habita 1432, Zippel, Monumenti a Dante, Trento, стр. 19 f. Въ одной Болонской рукописи 15 вѣка прив. любовн. стихотв. Данте: Clarissimi monarchae Dantes cantilena. Исслѣдованія касающіяся Данте Ser Piero Bonaccorsi с. 1430, сообщен. G. Bruschi Propugnatore N. S. IV, 1. Speculum historiale (въ изданіи: Венеція 1494) прив. краткую біографическую замѣтку о Данте, Giorn. stor. 26, 298. Zaccaria Ferreri изъ Виченцы написалъ 1513 Somnium — подражаніе Данте, В. Morssolin: Atti del R. Istituto Veneto, 1894. Громкая слава Петрарки находитъ подтвержденіе въ томъ, напримѣръ, что Lombardo della Seta, ум. въ 1390 г., не хотѣлъ другою надписи на своемъ надгробномъ камнѣ, кромѣ „Petrae auditor“. Нѣсколько лѣтъ позднѣе, 1399, правда Salutati жалуется (Brieve III, 373), какъ трудно достать экземпляръ соч. Петрарки и Боккачіо. Эта жалоба, впрочемъ, не можетъ служить доказательствомъ недостатка интереса къ П. Напротивъ, Erasmus-Ciceronianus: латинскія соч. Петрарки не менѣе читаются, чѣмъ Цицеронъ. Ercole Giovanini въ диалогѣ: Il Petrarquista даетъ полу-сатирическое описаніе путешествія на поклоненіе гробу Петрарки (ср. Graf, Nuov. ant. 3 ser. I, 243, sqq.). Нѣкій гражданинъ Болоньи отправляется съ этою цѣлью, per non mancare à se stesso di tanta conoscenza. Онъ восхищается портретомъ кошки, которой посвящено много похвальныхъ словъ; особенное изумленіе его вызываетъ переписка между Петраркой и Лаурой, Cose più ricche de tesori di Creso! Bartolomeo Fazio въ качествѣ переводчика новеллы Боккачіо (Dec. X, 1) см. Giorn. lig. 11, 379—387.

Въ Майнцской городской бібліотекѣ я нашелъ слѣдующее печатное произведеніе: Sermones Fratris Gabrielis Barelete ordinis predicatorum, tam quadragesimales, quam de sanctis: Noviter impressi. Et ubi prius fuerunt interposita carmina Petrarche et Dantis in eodem vulgari modo per venerabilem Magistrum Iohannem Anthonii ordinem minorum sunt verbis latinis translata. Lugduni 1505. (Въ первый разъ напечат. въ 1502, вторично въ 1510). Проповѣдямъ предшествуетъ посвященіе F. Benedictus Briscianus an Thomas de via Cajetanus, въ которомъ Bareletta необыкновенно высоко восхва-

ляется. Въ свое время, повидимому, пользовался большою извѣстностью; Zannoni стр. 8 приводитъ какъ изреченіе: *Nescit predicare, qui nescit barletare.* (Биогр. св. у Mazzuchelli, также *Nouvelle biogr. générale*). Его итальянское происхожденіе доказывается тѣмъ, что онъ упоминаетъ о своихъ проповѣдяхъ въ Генуѣ (fol. 52b.), приводитъ другіе итальянскіе города, F. говоритъ объ итальянскихъ государяхъ (fol. 63, 65b.), передаетъ комическую исторію въ Бергамо (fol. 69b.). Но самое замѣчательное, что заставляеть насъ здѣсь упомянуть объ этихъ проповѣдяхъ, это то, что въ нихъ, кромѣ древнихъ авторовъ, какъ, напримѣръ, Плавтъ, цитируются также мѣста изъ Данте и Петрарки. Изъ титула книги яснѣе видно, что эти мѣста первоначально были приведены на итальянскомъ языкѣ и только переведены на латинскій; не видно только, на какомъ языкѣ эти проповѣди произносились, на латинскомъ или, что само по себѣ вѣроятнѣе, на итальянскомъ. То обстоятельство, что въ проповѣдяхъ приводятся мѣста изъ Данте и Петрарки заслуживаетъ вниманія.

XX.

(Къ стр. 177, прим. 3).

Воспоминанія о Кассіи и Овидіи. — *Vossaccio Vita di Dante*, стр. 39. Кассіи разумѣемый здѣсь—не тотъ извѣстный *C. Cassius Longinus*, глава заговорщиковъ противъ Цезаря, какъ думали по прежнимъ изданіямъ. Послѣдній, по всей вѣроятности, похороненъ своимъ другомъ и партійнымъ товарищемъ Брутомъ послѣ битвы при Филиппи и, насколько мы знаемъ, не имѣлъ ничего общаго съ Пармой. Здѣсь скорѣе имѣется въ виду элегическій, эпиграматическій и драматическій также поэтъ *Cassius Parmensis*, также одинъ изъ убійцъ Цезаря, но никоимъ образомъ не принимавшій участія въ битвахъ при Филиппи: Августъ приказалъ его казнить въ Афицахъ, послѣ битвы при Акціумѣ, какъ послѣдняго остававшагося въ живыхъ изъ заговорщиковъ, а также, какъ говоритъ *Sueton Octavian. 4*, въ отмщеніе за личное оскорбленіе: Никто не станетъ отрицать, что его тѣло могло быть перевезено изъ Афинъ въ Парму, и что Августъ не препятствовалъ погребенію его рядомъ съ тѣлами его то-

варищей по участию въ кровавомъ преступленіи, такъ какъ это вполне отвѣчало взглядамъ того времени? (Этимъ разъясненіемъ я обязанъ дружескому сообщенію г. проф. Павла (Paul) въ Берлинѣ). Относительно Овидія nelle tradizione popolare di Sulmona ср. A. de Nino въ L'illustrazione Italiana 1885, nro 2, стр. 26 sq. О сооруженномъ въ Сульмонѣ памятникѣ Овидію и печати въ память его (15 и 16b.). P. Piccivilli въ L'Italia 1885, nro 8.

XXI.

(Къ стр. 177, прим. 5).

Статуя Виргилія въ Мантуѣ. — Рассказываютъ, что Carlo Malatesta приказалъ опрокинуть статую Виргилія и бросить ее въ Минчіо, раздосадованный, по его словамъ, тѣмъ, что жители Мантуи воздаютъ ей почести; этотъ фактъ устанавливается въ особенности обвиненіемъ P. P. Vergerio противъ С. М. 1397: De diruta statua Virgilii P. P. V. eloquentissimi oratoris epistola ex tugurio Blondi sub Apolline, изд. Marco Mantova Benavides (или др. во всякомъ случаѣ въ Падуѣ до 1560 г.) Изъ этого акта можно заключить, что обвиненіе высказано впервые и можетъ быть вообще поднято авторомъ? Bartolomäus Facius (de vir. ill. 1456) стр. 9 sq. касаясь P. P. V. говоритъ: Carolum Malatestam investus, Virgilii statua, quam ille Mantuae in foro everterat, quoniam gentilis fuisset, ut ibidem restitueretur, effecit, но это единственный свидѣтель. Насколько мнѣ извѣстно, хроникъ Мантуи того времени вообще немного (Platinae hist. Mant. у Murat XX не содержитъ никакихъ указаній на это происшествіе), только Ciriaco изъ Анконы, посѣтившій Мантую между 1425 и 1451 год.); какъ онъ говоритъ, „изъ любви къ Виргилію“, видѣлъ въ городѣ marmoreum tam sanctissimi poetae simulacrum suo cum dignissimo epigrammate. Но не знаю, какъ согласить это мѣсто, впервые цитированное G. Voigt, Wiederbelebung I, стр. 579, пр. 3. съ противорѣчными показаніями тамже или непосредственно за тѣмъ слѣдующими показаніями. Позднѣйшіе историки во всякомъ случаѣ согласны въ томъ, что статуя не была водворена вновь. Въ доказательство этого можно указать на Prendilaqua, Vita di Vitt. di Feltre, написан. тотчасъ послѣ 1446 г.

(изд. 1871, стр. 78), гдѣ говорится о низверженіи, но не упоминается о новой постановкѣ, а также на глв. соч. Ant. Possevini jun. Gonzaga, Mantua 1628, стр. 468, гдѣ говорится о низверженіи статуи, ропотъ и даже возстаніи народа и общаціи герцога, для успокоенія гражданъ, возстановить статую, при чемъ, впрочемъ, прибавляется: *Nec tamen restitutus Virgilius est.* И болѣе того 17-го Марта 1499 г. Ясоро d'Натру пишетъ Изабеллѣ d'Эсте (см. в. т. V), что онъ говорилъ съ Понтано о намѣреніи герцогини воздвигнуть въ Мантуѣ статую Виргилія и тотъ, восхищенный этимъ, воскликнулъ, что Vergerio, если-бы былъ живъ, еще сильнѣе чувствовалъ бы радость, *che non se attristò, quando el conte Carolo Malatesta persuasse abuttare la statua di Virgilio nel fiume.* Авторъ письма распространяется далѣе подробнѣе о предполагаемой постановкѣ и надписи: *P. Virg. Mantuanus et Isabella Marchionissa Mantuae restituit,* и что Andrea Mantegna представляется наиболѣе подходящимъ для выполненія проекта. Мантенья въ самомъ дѣлѣ составилъ проектъ.

Рисунокъ и упомянутое письмо находятся у Bachel: *Recherches de documents d'art et d'histoire dans les archives de Mantua; documents inédits concernant la personne et les oeuvres d'Andrea Mantegna* въ *Gazette des beaux-arts* XX (1866 стр. 478—492, въ особенности 486 sqq.). Ср. также Müntz, *Renaissance en Italie et en France*, Paris 1885, стр. 345 sqq., гдѣ приводится также письмо Portioli, Mantua 1882. Снимокъ со статуи Виргилія XIII в. g. Müntz. стр. 10). Изъ упомянутаго письма ясно видно, что С. Malatesta не возстановилъ статую. Comparetti говорить о событіи такъ, какъ оно приведено у Burkh., но безъ указанія источниковъ. Любопытно, что Leopoldo Camillo Volta (*Prose et poesie del giorn. natalizio di Virgilio*, стр. 53) сомнѣвается въ самомъ фактѣ уничтоженія статуи и даже, какъ говоритъ Rosmini, *Vita di Vitt. da Feltre* стр. 63, прим. а, *non senza ragione!*

XXII.

(Къ стр. 177, прим. 7).

Гробница Виргилія.—Изслѣдованія о гробницѣ Виргилія не поддаются точному опредѣленію. Новѣйшее изслѣдованіе E. Cochia: *La tomba di Virgilio contributo alla topografia*

dell'antica citta di Napoli въ Arch. stor per le prov. Nap. 13, 511—568, 631—744 обозрѣваетъ всѣ прежнія работы и придерживается мнѣнія основаннаго на Светонѣ, по которому кости Виргилія перевезены были въ Неаполь и погребены in secundo ab urbe miliario. Изъ свидѣтельствъ эпохи Возрожденія онъ приводитъ Петрарки о бюстѣ Виргилія (1343); далѣе его-же о гробницѣ (1347); нѣсколько мѣстъ у Боккачіо, стихотвореніе Понтано и одно мѣсто изъ неаполитанской хроники 1526 г.; напротивъ, Flav. Blondus и позднѣе Leandro Alberti, Giovio и Lombardo напрасно искали могилу, по ихъ словамъ.—Альфонсъ вѣрилъ въ ея существованіе и предписывалъ искать ее, но безуспѣшно. Надпись на мраморной гробницѣ: Mantua me genuit, Calabri rapuere, tenet nunc Parthenope: cecini pascua, rura, duces — оставалась, повидимому, до 1826 г.; урна поставленная на томъ же мѣстѣ исчезла въ концѣ XVI вѣка.

XXIII.

(Къ стр. 180, прим. 2).

Биографіи знаменитыхъ личностей. — Петрарка въ упомянутомъ „Триумфѣ“ останавливается только на личностяхъ древности; въ своемъ сборникѣ de rebus memorandis онъ сообщаетъ только немного о современникахъ; въ соч. Боккачіо, въ его casibus virorum illustrium (кромѣ мужчинъ, здѣсь говорится въ концѣ о нѣкоторыхъ женщинахъ — Philippa Catanensis и другихъ, и даже изображается богиня Юнона) — только заключеніе восьмой и послѣдняя девятая книги относятся къ послѣдующимъ за древностью временамъ. Почти исключительно къ древности относится также знаменитое сочиненіе Боккачіо: de claris mulieribus. Оно начинается съ Евы, говоритъ о 97 женщинахъ древности и семи принадлежащихъ среднимъ вѣкамъ, кончая королевой Іоанной Неаполитанской. Также позднѣе Comentarîi urbani Raph., Volaterranus 21 кн., девятая кн. антропологии; въ 22 и 23 онъ говоритъ особо о папахъ и короляхъ.—Въ сочиненіи августинца Iacobus Phil. Bergomensis (собств. Foresti) de plurimis claris selectisque mulieribus opus prope divinum novissime congestum, напечат. 1497 г. преобладаетъ древность и еще больше

легенда, далѣ Fol. 140 слѣдуютъ цѣнныя біографіи итальянокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя указаны выше. — Нѣсколько современныхъ отрывочныхъ женскихъ біографій *Vespasiano da Bisticci* (*Arch. stor. ital.* IV, 1 стр. 430 599, нынѣ также и *Fratti*). — *Scardeonius* (*de antiquitate urb. Patav.: Graev. thesaur. antiqu.* Базель 1560, II, III, Col. 405 sq.) говоритъ только о знаменитыхъ падуанкахъ: прежде всего легенда или сага изъ эпохи переселенія народовъ; затѣмъ страстные трагедіи партійной борьбы XIII и XIV в.; далѣ другія героическія женщины; основательницы монастырей, политическіе оракулы, врачи, матери замѣчательныхъ сыновей, ученая женщина, крестьянская дѣвушка умирающая въ борьбѣ за свою невинность, наконецъ, прекрасная, высокообразованная женщина 16 вѣка, которой многіе посвящаютъ стихотворенія, въ заключеніе поэтесса и сочинительница новеллъ.

Спустя столѣтіе ко всѣмъ этимъ знаменитымъ женщинамъ можно прибавить еще женщину-профессора. — *Salbadino beyli Arienti*—о его произведеніяхъ въ другомъ мѣстѣ.

XXIV.

(Къ стр. 180, прим. 3).

Bartolomeo Fazio и *Paolo Cortese*. — *Bartolomaei Faecii de viris illustribus liber* впервые изд. Z. Mehus, Flor. 1745. Книга начата авторомъ, извѣстнымъ своими другими сочиненіями и жившимъ при дворѣ Альфонса Неаполитанскаго, вслѣдъ за окончаніемъ исторіи короля Альфонса (1455), и судя по упоминаемымъ фактамъ, а также судя по тому, что авторъ не знаетъ о возведеніи *Enea Silvio* въ санъ кардинала, окончена въ 1456 (срв. *Vahlen, Laurentii Vallae opuscula tria*, Вѣна 1889 г. стр. 67 прим. 1.); книга не упоминается вовсе современниками и очень рѣдко въ послѣдующее время. Авторъ задавался намѣреніемъ изобразить въ этой книгѣ знаменитыхъ людей *aetatis memoriaeque nostrae* и поэтому говорить только о родившихся въ послѣдней четверти 14 вѣка и жившихъ еще въ срединѣ 15-го, недавно умершихъ; онъ ограничивается перечисленіемъ итальянцевъ, хотя, говоря о художникахъ и государяхъ, упоминаетъ также иностранцевъ, напр. импер. Сигизмунда и *Albrecht Achilles von Branden-*

burg; въ расположеніи біографій онъ не руководствуется ни хронологическимъ порядкомъ, ни степенью прославленности лицъ, но какъ самъ говоритъ *ut quisque mihi prior occurrerit* и пропущенное думаетъ привести по второй части. — Всѣ свои біографіи выдающихся людей онъ размѣщаетъ въ девяти отдѣлахъ, начиная каждый изъ нихъ соответствующимъ вступленіемъ, въ которомъ разсматриваетъ особо выдающіяся качества. Эти девять отдѣловъ слѣдующіе: 1) поэты, 2) ораторы, 3) юристы, 4) врачи (въ приложеніи здѣсь указаны также нѣкоторые философы и теологи), 5) живописцы, 6) скульпторы, 7) выдающіеся граждане, 8) полководцы, 9) князья и короли. Въ числѣ послѣднихъ онъ изображаетъ напр. Николая V и короля Альфонса Неаполитанскаго съ особенною обстоятельностью и умышленнымъ вниманіемъ. Въ общемъ его трудъ представляетъ рядъ короткихъ, большею частью хвалебныхъ біографій; говоря о полководцахъ и властителяхъ онъ перечисляетъ ихъ дѣла, а говоря о художникахъ и писателяхъ ихъ произведенія. Онъ рѣдко останавливается на подробностяхъ и отдѣльныхъ сужденіяхъ о томъ или другомъ произведеніи, если-же вдается въ болѣе подробное обсужденіе о какомъ-либо произведеніи искусства, то въ томъ только случаѣ, когда его самъ видѣлъ. Такъ-же рѣдко находимъ у него характеристику и точную оцѣнку отдѣльныхъ лицъ, но чаще всего авторъ ограничивается похвалой болѣе или менѣе въ общихъ выраженіяхъ, или-же только называетъ имя, не высказывая вовсе никакого сужденія. И о себѣ онъ почти ничего не сообщаетъ, кромѣ того, что Гуарино былъ его учителемъ, что Манетти написалъ книгу о томъ-же предметѣ (*Faciüs*), о которомъ онъ писалъ, что *Bracellius* его землякъ, а художникъ Пизано изъ Вероны знакомъ съ нимъ (стр. 17, 18, 19, 48), но говоря о *Log. Valla*, напримѣръ, умалчиваетъ о жестокихъ спорахъ между нимъ и этимъ ученымъ. Въ то же время онъ не упускаетъ случая сказать о своемъ благочестіи и ненависти къ туркамъ (стр. 64), какъ итальянскій патріотъ называетъ швейцарцевъ варварами (стр. 60) и говоритъ, что *P. P. Vergerius: dignus qui totam in Italia vitam scribens exegisset* (стр. 9).

Изъ знаменитостей разнаго рода онъ преимущественно удѣляетъ мѣсто ученымъ и прежде всего ораторамъ, которымъ

посвящаетъ третью часть книги; кромѣ того, онъ высоко ставитъ юристовъ и выказываетъ особое пристрастіе къ врачамъ, среди которыхъ отличаетъ теоретиковъ и практиковъ; говоря о послѣднихъ онъ рассказываетъ извѣстные ему случаи удачныхъ діагнозовъ и операций. Неизвѣстно почему онъ соединяетъ въ одну группу съ врачами теологовъ и философовъ, а также почему непосредственно за врачами слѣдуютъ художники, несмотря на то, что послѣдніе, по его собственнымъ словамъ, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ поэтами. Несмотря на свой взглядъ на достоинство ученыхъ, вслѣдствіе чего онъ особенно хвалитъ государей, покровительствующихъ наукамъ, онъ самъ въ то же время, подъ вліяніемъ почтенія къ высшимъ, не забываетъ упомянуть о каждой милости оказанной тому или другому и во введеніи къ той части книги, гдѣ находятся біографіи владѣтельныхъ лицъ, говоритъ о нихъ вообще: *veluti corpus membra, ita omnia genera quae supra memoravimus, regunt ac tuentur.*

Языкъ всей книги простъ, безъ всякихъ украшеній, а содержаніе, несмотря на краткость, представляетъ много интересныхъ замѣчаній. Но сочиненіе это выиграло-бы, если-бы Facius обстоятельнѣе коснулся подробностей въ жизнеописаніяхъ и хотя въ краткихъ словахъ передавалъ-бы содержаніе упоминаемыхъ сочиненій или опредѣлялъ ихъ достоинства и цѣнность.

Гораздо тѣснѣе содержаніе сочиненія Paulo Cortese (род. 1465, ум. 1510) *De hominibus doctis dialogus* (впервые изд. во Флоренціи 1734). Это сочиненіе написано, повидимому, около 1490 г.), такъ какъ въ немъ упоминается, какъ покойникъ, скончавшійся въ 1488 г. Antonius Geraldinus, а посвящается оно Лоренцо Медичи, умершему въ 1492 году; оно отличается отъ соч. раньше написаннаго Facius'омъ, не только тѣмъ, что исключаетъ всѣхъ непринявшихъ къ сословію ученыхъ, но также нѣкоторыми внутренними и внѣшними признаками. Прежде всего формой; оно написано въ видѣ разговора между сочинителемъ и двумя собесѣдниками: Alexander Farnese и Antonius; этой формой обусловливаются нѣкоторыя уклоненія и различная манера въ отношеніи отдѣльныхъ лицъ; далѣе другой приѣмъ вообще. — Facius говоритъ только о живущихъ современникахъ, тогда какъ Cortese только объ умершихъ, иногда давно умершихъ и

такимъ образомъ гораздо болѣе расширяетъ кругъ своихъ геросвъ, чѣмъ суживаетъ его исключеніемъ живыхъ. Далѣе Facius говоритъ о сочиненіяхъ и фактахъ по существу, тогда какъ Cortese говоритъ о вліяніи той или другой литературной дѣятельности, предполагая ее фактически извѣстной. Къ тому-же его сужденіе обусловливается гуманистической оцѣнкой краснорѣчія, на основаніи которой только тотъ можетъ считаться значительнымъ, кто создалъ что-нибудь замѣчательное, въ смыслѣ изложенія, носящее классическую, цинцероновскую печать. Напротивъ того Данте и Петрарка заслуживаютъ умѣренныхъ похвалъ, такъ какъ они слишкомъ много удѣляли свой талантъ итальянскому языку, а не исключительно упражнялись въ латинскомъ; Chrysoloras, положившій начало успѣхамъ греческаго языка въ Италіи, восхваляется какъ человѣкъ, создавшій новую умственную эпоху. Guarino — предвозвѣстникъ совершеннаго краснорѣчія; Leonardo Aeatino разсматривается, какъ ученый, давшій современникамъ уже *aliquid splendidius*. — Enea Silvio первый *in quo primum apparuit saeculi mutati signum*. Эта точка зрѣнія выступаетъ на первый планъ и, быть можетъ, никто не является въ этомъ отношеніи еще такимъ одностороннимъ, какъ Кортезе: онъ стоитъ исключительно на стражѣ языка и опредѣляетъ настоящее мѣсто писателя только по степени совершенства его въ образованіи языка. Для того, чтобы судить вполнѣ о взглядѣ Cortese на этотъ предметъ надо познакомиться съ его замѣчаніемъ объ одномъ изъ его предшественниковъ, также составителѣ большаго біографическаго сборника, Sicco Polentone: *Ejus sunt viginti ad filium libri scripti de claris scriptaribus, utiles admodum qui jam fere ab omnibus legi sunt desiti. Est enim in judicando parum acer, nec servit aurium voluptati, quum tractat res ab aliis ante tractatas; sed hoc ferendum. sed hoc ferendum. Illud certe molestum est, dum alienis verbis sententiisque scripta infacit et explet sua; ex quo nascitur maxime vitiosum scribendi genus, quum modo lenis et candidus, modo durus et asper appareat, et sic in toto genere tanquam in unum agrum plura inter se inimicissima sparsa semina.*

Въ другихъ случаяхъ онъ не распространяется, но ограничивается, напротивъ, только краткими характеристиками. Многихъ, наконецъ, онъ только называетъ по именамъ,

не прибавляя ни слова. Во всякомъ случаѣ изъ его суждений можно извлечь много полезнаго, хотя и не всегда приходится съ нимъ соглашаться. Мы не можемъ здѣсь касаться подробностей, тѣмъ болѣе, что многими характерными замѣчаніями уже воспользовались выше; въ общемъ его сужденія и характеристики представляютъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда позднѣйшая болѣе развитая съ внѣшней стороны эпоха составляетъ сужденіе о предшествующей, болѣе богатой внутреннимъ содержаніемъ, но менѣе совершенной по формѣ. Авторъ упоминаетъ имя *Facius'a*, составителя вышеупомянутаго біографическаго сборника, но не говоритъ именно объ этомъ произведеніи; какъ *Facius* такъ и *Cortese* является настоящимъ придворнымъ писателемъ, только *Лоренцо Медичи* занимаетъ то мѣсто, какое у того принадлежитъ королю Неаполитанскому, также какъ тотъ и онъ патриотъ въ томъ смыслѣ, что неохотно хвалить чужеземное, а если вынужденъ это сдѣлать, то оговаривается, что этимъ не хочетъ умалить достоинство отечественныхъ заслугъ. (стр. 48, гдѣ упоминается *Janus Pannonius*).

Издатель сочиненій *Кортесе Bernardus Paperginius* собралъ свѣдѣнія о немъ; можно прибавить еще, что его латинскій переводъ новеллы *Alberti: Hippolytus et Dejanira* напечатанъ въ первый разъ въ *Opere di Z. B. A., vol. III* стр. 439 — 463. — Нѣсколько замѣчаній о сочиненіи родственномъ этому мы здѣсь приводимъ:

Baptistus Fulgus (Battistino Fregoso), генуэзскій герцогъ, изгн. 1483 г., написалъ свои воспоминанія по образцу *Вал. Максима* для сына *Пьетро* (9 книгъ). Они переведены (*Camillus Gilinus*): *Factorum dictorumque memorabilium libri* (Антверпенъ 1565 г.). Оригиналъ не сохранился. Воспоминанія группированы по содержанію и содержатъ различныя замѣчанія изъ древнихъ писателей и новаго времени. По примѣрамъ древнихъ разсказаны *recentiores*. — Изъ современниковъ онъ называетъ (стр. 5): *Enea Silvio, Lionardo Aretino, Ant. Campano, Christ. Landino, Bern. Giustiniani, Biondi, Poggio, Giov. Pontano, Pomp. Leto*. Изъ новѣйшихъ упоминаются, на примѣръ, *Альфонсъ Неаполитанскій, Бернабо Висконти, Карлъ VIII* (твердость съ какою онъ переноситъ смерть сына) *Людовикъ XI и XII, Франч. Сфорца*, завоеватель *Феррары*, *Гвидо Боннатти*, но граждане и ученые рѣже упоми-

наются сравнительно съ знатными лицами. — Среди ученыхъ также, напр. Giov. Pico. — Нѣсколько словъ посвящены также Орлеанской дѣвѣ, стр. 192; въ другой разъ говорится о ея матери (стр. 73) Elisabetha Darca (l) при чемъ Дѣва упоминается какъ Pulicella. Говорится также о нѣкоторыхъ генуэзцахъ: Blasius Axaretis — сынъ золотыхъ дѣлъ мастера, прославившійся, какъ герой, на морѣ; Federicus Marabottus, прославившійся также на морѣ во время борьбы Гвельфовъ и Гибелиновъ; ораторъ Franc Marchesius, смѣлая женщина Orietta Auria, далѣе многое достойное замѣчанія, касающееся генуэзцевъ авторъ рассказываетъ, не называя именъ въ главахъ о скромности, воздержаніи, благодарности, милосердіи. Авторъ собралъ и рассказываетъ разнаго рода чудеса; такъ мы находимъ у него, что въ 1314 г. графиня Маргарита Голландская родила uno partu 360 сыновей, стр. 111. — Тамъ же, что двѣ дочери неаполитанца Lud. Guarna въ XV в. genitalia membra in marium more egerere. — Въ большой главѣ De iis qui sine cibo vixerunt два совершенныхъ примѣра: французъ Jacobus въ Римѣ оставался безъ пищи и питья два года и одинъ горецъ Nicolaus тоже 15 лѣтъ.

XXV.

■ (Къ стр. 189, прим. 3).

Шутка, насмѣшка, пародія. — Игра словъ и остроумныя слова представляли также отличительную черту Гуарино. Въ 1419 г. онъ писалъ во время одной поѣздки: hi non tam filiis vacant quam phiolas vacuant. Въ 1440 объ „Elegantiae“ L. Valla: Laurenti laurea et Valla Vallari corona ormandus est. — Весьма остроумно также письмо Гуарино къ Бюндо, касающееся надобности въ поварѣ, Giorn. ligust. 18. 187 sq. — Къ этого рода шуткамъ относится слѣдующее замѣчаніе Гуарино о Падуѣ (1412) свидѣтельствующее также о томъ, что въ его школѣ ученики не скучали во время ученья: In illis (т. е. школахъ Сократа и Платона) namque disputari solitum ajunt in his vero nostris trisportari, immo trisportari, quaterque potari frequens patriae mos est . . . Academici de uno, de vero, de moto disserunt, hi nostri de vino, de mero, de potu disputant. — L. Bruni рассказываетъ hist. Florent. сравн. Müntz, Les

arts à la cour des papes о томъ, какъ папа Мартынъ V былъ чувствителенъ къ насмѣшкамъ флорентійцевъ: Papa Martino non vale un quattrino. — Интересную шутку Gonella рассказываетъ Delicado, Lozanna II, 185. — Герцогъ общается ему 2 carlino за каждаго врача; десять феррарскихъ врачей его не удовлетворяютъ, онъ завязываетъ себѣ руку и ногу, идетъ на улицу, спрашиваетъ у всѣхъ встрѣчныхъ совѣта, указываетъ на нихъ, какъ на врачей и получаетъ отъ герцога требуемую сумму. Эта шутка не разъ съ тѣхъ поръ вызывала подражаніе въ литературѣ. О томъ-же Gonella ср. F. Gabotto L'errorea del buffone. — Къ пародіямъ на стихотворенія Петрарки (срв. Graf Petrarchismo, стр. 52 599) принадлежатъ также Calmus. Rossi, Calmo, стр. XC sq. — Cavassico написалъ (1504) фарсъ, предназначенный для исполненія на сценѣ и направленный противъ Cancelliere del Podestà Cinturella; въ этомъ фарсѣ крестьяне приносятъ жалобу на упомянутого чиновника, въ то время, впрочемъ, уже оставившаго городъ; Cian, Cavassico I, 110 sq. II 216 — 227.

XXVI.

(Къ стр. 190, прим. 1).

О шуткахъ. — Въ особенности любимы были въ качествѣ buffoni жители Бергамо, венеціанцы и падуанцы. — Въ семьѣ Эсте въ особенности питали пристрастіе къ шуткамъ. Они встрѣчаются съ 1423 г. и еще регулярное съ 1441 г. — Одинъ изъ знаменитѣйшихъ Scocola, изображенный на фрескахъ въ дворцѣ Chifanoia, повидимому, крещенный еврей, хотя по случаю денежныхъ затрудненій жалуется на barbari Judei. — Въ Мантуѣ шуты пользовались также большимъ расположеніемъ, съ 1462—1486 славились Francesco, Mattello, Diodato. — Болѣзнь и смерть М. въ 1497 г. послужили предметомъ особаго сочиненія Луціо и считались національнымъ горемъ. Любимымъ шуткомъ Изабеллы съ 1493 года былъ Galasso; также Prosperi и др. Шуты носили колпакъ съ ослиными ушами. (Срв. Luzio, Gasetta di Mantoua 1885, № 265, подробнѣе Luzio и Renier: Buffoni ... dei Gonzaga, Nuova ant. ser. III, vol. 34 стр. 618 — 650). — У. Pontano: de liberalitate cap. 89 упоминается пепанскій шутъ,

бывшій юристъ: Mossen Borra (собств. Antonio Tallander) † 1446 г. — Въ Мантуѣ находимъ даже двухъ „дурь“ (matta) Giovanna и Caterina. — Въ 16 вѣкѣ одинъ изъ такихъ шутовъ страннымъ образомъ назывался Crucifisso. — Fra Serafino въ Мантуѣ; въ 1517 г. ему отрублены въ Римѣ четыре пальца за осмѣяніе папы: Arch. stor. lomb. 18. 406. — О пристрастіи Льва X къ шутамъ ср. A. Graf, Un buffone di Leone X: Attraverso il cinquecento, стр. 370 sqq.: камердинеръ могъ ввести шута во всякое время къ папѣ; когда Musurus хотѣлъ просить о чемъ-нибудь папу, онъ, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ, приказывалъ доложить о себѣ, какъ о второмъ Барабаллѣ. Изъ предшественниковъ Льва X также держали шутовъ Евгеній IV, Александръ VI, Юлій II. — Подробности о Fra Mariano, см. Calmo Lettere стр. 64 A. Cian, Arch. stor. lomb. 18, 407. — Также о Taormina у Rodocanachi Giorn. stor. 28, 51 sq. — Комическое поздравительное письмо папскаго шута Mariano къ Льву X, по случаю назначенія его племянника, Лоренцо, генераль-капитаномъ флотентійской республики: обнарод. Cian'омъ (Cultura N. S. 1891, стр. 650 — 655). Въ Форли въ концѣ XV в. находился buffone, по имени el Grecco, Sobelli 317. — О нѣкоторыхъ buffoni въ Венеціи въ XVI в. срв. Calmo, Lettere, стр. 139, 142. — Весьма популярнаго fra stoppino можно считать въ родѣ какъ бы преемникомъ Gonella: Cian, Giorn. stor. XXVII, 345. — G. Amalfi: кто сочинилъ фацетии Piovano Arlotto? см. Zeitschr. des Vereins für Volkskunde 1897, т. 7.

XXVII.

(Къ стр. 191, прим. 1).

Близорукость Льва X. Мы упоминаемъ лорнетъ на основаніи не одного только Рафаелевскаго портрета (неоднократно обнародованнаго за послѣднее время, напр. A. Springer: Michelangelo und Raffael, Müntz, Raffael, L. Geiger: Renaissance und Humanismus, гдѣ имѣется въ виду скорѣе увеличит. стекло для разсматриванія миниатюръ въ молитвенникѣ), но также и на основаніи замѣтки Пелликана, по словамъ котораго, Левъ X смотрѣлъ на процессію монаховъ при помощи Specillum (ср. Pellicanus Chronicon изд. B. Rig-

genbach, Basel 1874, стр. 61.). Джіовіо также упоминаетъ *crystalus concava*, употребляемый Львомъ X на охотѣ. (срв. Leonis X Vita auctore anon. conscripta, прил. къ Roscoe). — Atilius Alessius (Baluz. Miscel. IV, 518) говоритъ: *oculari ex gemina (gemma?) utebatur, quam manu gestans, signando aliquid videndum esset, oculis admovebat.* — Ариосто, напротивъ говоритъ о Львѣ X: *veduto non credo che m'abbia, che dopo che è para non porta piu l'occhiale* (Lod. Ariosto къ Bened. Fantini Lettere di L. A. 1866, стр. 17.). Другое опять у Pauluzo въ его письмѣ изъ Рима 3 марта 1518 г. (*Gazette des beaux arts* 1863 г. т. I стр. 443). „Папа смотрѣлъ на зрѣлище, вооружившись своимъ лорнетомъ.“ — Также въ письмѣ Ippolito Calandra, описывающемъ его аудіенцію. (*Nuova ant. ser. IV, т. 75 стр. 194.*) — Въ семействѣ Медичи близорукость была наследственнойю. Уже Лоренцо былъ близорукъ и отвѣтилъ Bartolomeo Socini изъ Сиены, полагавшему, что атмосфера Флоренціи приноситъ вредъ глазамъ e quella di Sienna al cervello. — Близорукость Льва X стало даже предметомъ поговорки. Вслѣдъ за его избраніемъ римскіе сатирики стали толковать цифру MCCCCXL начертанную въ Ватиканской церкви, такимъ образомъ: *Multi coeci Cardinales creaverunt coesum decimum Leonem.* (Ср. Shepherd Tonelli, Vita del Poggio, vol. II, стр. 23 sq. и приведенныя тамъ замѣчанія. Эпиграмма Саннацарро противъ Льва X; *Caeculus. Epigram. lib. II.*)

XXVIII.

(Къ стр. 196, прим. 1).

Pasquino. — Исторія Пасквино разработана въ послѣднее время въ разныхъ направленіяхъ. L. Morandi написалъ: *Pasquino e pasquinade Nuova antologia III: serie, т. XIX, стр. 271 sqq.* на основ. рукоп., находящ. въ Римѣ въ *Bibliot. Vit. Emanuelle*, затѣмъ D. Gnoli: *storia di Pasquino dalle origine al sacco del Borbone тамъ-же XXV, стр. 51 — 75, 275 — 296* (послѣднее издано также отдѣльно со снимкомъ статуи; кромѣ упомянутой рукописи и печатныхъ источниковъ, авторъ воспользовался также рукоп. 1521 и 1525 гг. изъ университетской бібліотеки въ Болоньѣ. — Далѣе M. Luzio:

Pietro Aretino e pasquino т. XXVIII (тамъ-же) стр. 679 — 708; Zannoni: Pasquino nel 1524, см. Lettere e arte di Bologna, 5 Апр. 1891 г. Ср. также Alfr. Cesareo: La formazione di maestro Pasquino 1894 г., Nuova ant. ser. III, vol. 51. 87—107, 522 — 600 и подробн. о томъ-же предметѣ Giorn. stor. XXXI, 400 sqq. — Онъ же опубликовалъ (Nuova rassegna 1894) неизвѣстную эпиграмму изъ времянь Льва X. Наконецъ, Cesareo: Papa Leone X e Maestro Pasquino см. Nuova Ant. 4 ser. vol. 75 (1898) стр. 193 — 218. — Castelvetro принадлежитъ слѣдующая версия: нѣкій портной (или брадобрей), по имени Pasquino въ своей мастерской насмѣхался и острилъ надъ папами и кардиналами; ему же стали приписывать и такого рода острия слова, сказанныя другими; послѣ его смерти передъ его лавочкой воздвигли статую на пьедесталѣ и стали покрывать ее надписями сатирическаго характера. Все это невѣрно. Въ дѣйствительности Пасквино или Пасквилло былъ школьный учитель и жилъ въ Римѣ противъ предполагаемой статуи Геркулеса, лежавшей передъ дворцомъ Caraffo. Въ день Св. Марка скамейка возлѣ статуи украшалась ковромъ, а статуя покрывалась изображениями и стихами, число которыхъ возросло въ 1509 г. до трехъ тысячъ. Стихи были различной формы и различнаго содержания; собраніемъ ихъ занимались сперва Donato Poli, географъ и поэтъ, римскій профессоръ, осмѣянный за свой скверный языкъ и убитый въ 1502 г. своимъ слугою, а затѣмъ Decio Silano изъ Сполето. Къ этимъ стихамъ принадлежатъ также и стихотворенія „на случай“, авторы которыхъ не получали поощреній. (Конкурентъ явился въ лицѣ цырульника Luca, у котораго произносились стихи съ 1521 въ день св. Марка, тогда какъ кориціанскіе стихи были преимущественно дѣломъ аристократовъ). Только съ теченіемъ времени статуя Пасквино стала служить мѣстомъ прикрѣпленія сатирическихъ стиховъ. Первый печатный сборникъ относится къ 1509 г. Каждый годъ статуя получала новый нарядъ; въ 1512 году оно изображало Марса, въ 1513 Аполлона. (Нѣкоторые сатирическіе намеки противъ папы и Венеціи въ 1509 г.). Настоящій переходъ отъ академическаго элемента къ сатирическому совершился въ 1516 — 18 г.; въ этомъ переходѣ участвовали П. Аретино и, вѣроятно, A. Lelis; но наибольшее участіе принадлежитъ освобождающемуся

народному гению. — Выразителемъ крайняго издѣвательства надъ папствомъ эта статуя становится только по смерти Льва X и избраніи Адриана VI. Съ 1523 года ряженіе статуи должно было прекратиться вслѣдствіе запрещенія Адриана VI, но затѣмъ оно возобновилось въ 1524 году. — Въ 1525 г. эпиграммы носятъ отчасти академическій, отчасти сатирический характеръ; изъ нихъ въ печатномъ видѣ появились только первыя. Пьетро Аретино старался распространить мнѣніе, будто подъ Пасквино слѣдуетъ разумѣть его. — (Обычай выставлать эпиграммы на статуяхъ вызвалъ подражаніе также въ Венеціи. Sanudo Diari, 29 Ноября 1532 г.). — Касающееся Gobbo (Венеція) изслѣдованіе A. Moschetis: Il Gobbo di Rialto e le sue relazioni con Pasquino, см. Nuovo Arch. ven. V. стр. 5 — 94 — ограничивается краткимъ указаніемъ. Cesareo въ упомянутомъ выше сочиненіи хочетъ показать, что 1) политическая анонимная сатира въ Италіи имѣетъ за собой большую древность, 2) что она существовала не въ одномъ только Римѣ, но и въ Средней и Верхней Италіи и преимущественно избираетъ папъ своей мишенью, 3) что въ Римѣ она существуетъ раньше Пасквино, 4) что она собственно съ 1522 находится въ связи съ сатирической литературой Пасквино. Въ отношеніи подробностей, касающихся затронутыхъ въ этомъ приложеніи предметовъ ср. E. Percopo, Di Anton Lelio Romano e di alcuna pasquinate contra Leon X. Giorn. stor. 28, 45 — 91.

Литература о P. Aretino. — Pierre Gauthley L'Arétin P. 1895; соч. это не имѣетъ большого значенія, во многомъ является заимствованіемъ у Luzio; самостоятельныя работы посл.: P. Ar. nei primi suoi anni a Venezia etc. Turin 1888; изслѣд. Giorn. di filol. roman. III, 68 и Nuova Antologia ser. 3 vol. XXVIII, 679.

XXIX.

(Къ стр. 197, прим. 1).

Римъ при Адрианѣ VI. — Для характеристики настроенія Рима во время папствованія Адриана VI очень значительны слова Pier. Valerian. de infel. lit. ed. Mencken стр. 382: Ecce adest Musarum et eloquentiae totiusque nitoris hostis acer-

rimus, qui literatis omnibus inimicitias minitaretur, quoniam ut ispe dictitabat, Tarentiani essent, quos cum odisse atque etiam persequi coepisset voluntarium alii exilium, alias atque alias alii latebras quaerentes tam diu latuere quoad *Dei beneficio* altero imperii anno decessit, qui si aliquanto diutius vixisset, Gothica illa tempora adversus bonas litteras videbatur suscitaturus. — Впрочемъ всеобщая нелюбовь и недовольство народа противъ Адриана находятъ объясненіе отчасти въ томъ, что онъ, нуждаясь въ деньгахъ, не задумывался прибѣгать къ новымъ палогамъ: Ranke, *Römische Geschichte* I стр. 411. — Наряду совсѣмъ этимъ надо также принять во вниманіе и тотъ фактъ, что находились поэты хвалившіе Адриана тоже; ср. нѣкоторыя мѣста въ *Corusciana* (изд. Римъ 1524 г.) особн. I. I. 2 v. sq. — Сатиры, появившіяся въ свѣтъ во время избранія Адриана VI конклавомъ, изданы V. Rossi: *Pasquinate di P. Aretino ed anonima*, Turin, Palermo 1891.

Часть третья

XXX.

(Къ стр. 207).

Humanitas. — Выраженіе *humanitas, humaniora*, какъ общее обозначеніе для новаго образованія, безъ сомнѣнія, чаще употребляется въ Германіи, чѣмъ въ Италіи. Весьма желательно было-бы имѣть сборникъ цитатъ, заключающихъ въ себѣ это выраженіе. Это названіе эпохи во всякомъ случаѣ нельзя считать случайнымъ, такъ какъ оно служить явнымъ, если даже и безсознательнымъ свидѣтельствомъ того, что разсматриваемая культура представляетъ дѣйствительно совершенно новую эпоху въ исторіи человѣческаго развитія. Мы имѣемъ здѣсь лишь немногія случайно обнаруженныя доказательства того, что это опредѣленіе отчасти было въ употребленіи также въ Италіи. (Прежде всего надпись приводимая выше, стр. 259 и ниже прил. XXXVII, XLIV). Далѣе выраженіе *lettura di humanita* появляется въ Неаполѣ въ 1508 — 12 г.; первое: *humanità delle tragedie di Seneca*, срв. Е. Каннавали, *Lo studio di Napoli*, Turin 1895 г. — Въ сочиненіи *Curii Lanciloti Pasisi Ferrariensis laureati non vulgaris literaturae libri VIII* (знакомо мнѣ въ стразб. изд. 1511 г., Майнц. библиот., предисловіе автора *senatui populoque Regiensi*, годъ не обозначенъ); содержаніе посвящено главнымъ образомъ латинской грамматикѣ, кн. 1, гл. 2 *humanitas* опредѣляется какъ *eruditio in literatura*. Кн. 2, гл. 1: *humanitas*, какъ *παιδεία* при этомъ говорится: *quas (sc. bonas artes) qui synceriter cupiunt appetuntque ii sunt vel maxime humanissimi. Huuas scientiae*

cura vel disciplina ex universis animantibus homini data est, ideo humanitas dicta, (въ свидѣтельство приводятся Varro, A. Gellius, Cicero).

XXXI.

(Къ стр. 210).

Carmina burana. — Пребываніе въ Павіи (стр. 68 bis), итальянскій колоритъ вообще, сцена подъ масличнымъ деревомъ, *pastorella* (стр. 146) изображеніе *pinus*, какъ дерева на лугу съ широкою рѣкою (стр. 156), частое употребленіе слова *bravium* (стр. 137; 144), и въ особенности форма *Madii* вмѣсто *Maji* (стр. 141) говорятъ въ пользу итальянскаго происхожденія этихъ пѣсень. — Предположеніе Буркгардта, что итальянецъ сочинилъ лучшія мѣста *Carmina burana* ничѣмъ не оправдывается. Доказательства въ пользу такого предположенія, приводимыя Б., сами по себѣ не выдерживаютъ критики; такъ, напримѣръ, упоминаніе о Павіи: *Quis Paviae demorans castus habeatur?* можетъ объясняться распространенной поговоркой или-же короткимъ пребываніемъ автора въ Павіи (см. н.); всѣ эти мнимыя доказательства теряютъ всякую силу въ сравненіи съ противорѣчащими свидѣтельствами, устанавливающими личность автора этихъ стихотвореній. О. Hubatsch въ своемъ трудѣ: *Die lateinischen Vagantenlieder des Mittelalters*, Görlitz 1870, стр. 87 оспариваетъ итальянское происхожденіе этихъ стихотвореній, опираясь между прочимъ на томъ, что они заключаютъ въ себѣ порицаніе итальянскихъ прелатовъ и похвалу нѣмецкихъ, осмѣяніе иностранцевъ: *gens proterva* и что авторъ, говоря о себѣ, употребляетъ терминъ: *transmontanus*. — Личность поэта во всякомъ случаѣ остается невыясненной вполнѣ. Изъ того, что имя его, какъ онъ себя называетъ, Вальтеръ, нельзя сдѣлать заключенія о его происхожденіи. Прежде его идентифицировали съ нѣкимъ *Gualterus de Marpes*, каноникомъ Салисбюри и капланомъ англійскаго короля, въ концѣ 12 вѣка; со времени появленія соч.: *Giesebrecht, Die Vaganten oder Goliarden und ihre Lieder, Allgemeine Monatschrift* 1855) его отождествляютъ съ другимъ: *Walter'омъ*, изъ Lille или Chatillon'a, который изъ Франціи перешелъ въ Англію и Германію, а

оттуда, можетъ быть, въ Италію (Павія см. в.) вмѣстѣ съ кельнскимъ архіепископомъ Рейнальдомъ (1164 и 75). Если оставить въ сторонѣ это предположеніе, оспариваемое въ свою очередь Gubatsch'емъ на основаніи различныхъ доводовъ, то остается, все-таки, несомнѣннымъ, что настоящее начало почти всѣхъ этихъ пѣсенъ надо искать во Франціи, гдѣ образовались спеціальныя школы посвященныя этому роду пѣнья; отсюда пѣсни эти распространились по Германіи, гдѣ къ нимъ прибавились новыя и вошли также нѣмецкія выраженія, тогда какъ Италія, какъ утверждаетъ Гизебрехтъ, оставалась въ сторонѣ отъ этого рода пѣсенныхъ стихотвореній. (Ср. весьма богатое по содержанію собраніе Vattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen: M. A. 6. Aufl. 1894, 2 т., стр. 472 — 478.). А. Bartoli, I precursori del rinascimento, Flor. 1877, стр. 17 А. думаетъ, что различные народы: французы, нѣмцы, англичане, итальянцы принимали участіе въ созданіи этихъ пѣсенъ голиардовъ (ваганты). Доказательство такой совмѣстной работы онъ видитъ въ происхожденіи различныхъ отдѣльныхъ выраженій изъ языковъ этихъ народовъ. Но это также мало служитъ доказательствомъ итальянскаго происхожденія этихъ пѣсенъ, какъ и нахожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукописяхъ. — Въ новѣйшее время итальянское происхожденіе старались доказать Gebhart, Les origines de la renaiss. en Italie, 1879 стр. 125, и А. Gabrielli, Su la poesia dei Goliardi, Citta di Castello 1889; но тотъ и другой не достигли цѣли. — Противъ теоріи итальянскаго происхожденія рѣшительно высказался J. Golliardi: ovvero i clerici vagantes delle universita medievali, Flor. 1880, стр. 53 ff., впрочемъ безъ отношенія къ нашей статьѣ. Наконецъ, въ послѣднее время G. Huvet высказывается за французское происхожденіе нѣкоторыхъ пѣсенъ (Romania 1893, XXII, 536).

XXXII.

(Къ стр. 222).

Въ отношеніи этого „римскаго тѣла“ ср. также Conti II, 44, гдѣ говорится: Puellae cadaver erat cujus adhuc rubebant lingua et oculi discoloribus, coloribus oblit: tactus quoque delectabat non horrente adhuc cute; crines etiam auro disca-

pedinatos cernere erat. Онъ представляетъ, судя по стихамъ Статія, что это тѣло жены (Priscilla) одного изъ слугъ (Abascantius) Домиціана. — Далѣе письмо 1485 г. сообщ. Mancini, Vita di Valla, Flor. 1891, стр. 61. — Подробнѣе о томъ, что касается мертвыхъ масокъ въ то время въ особенности во Франціи, ср. важныя изслѣдованія Congajod, Quelques monuments de la sculpture funeraire des XV и XVI вѣковъ. Dessins par Lud. Letrône, Paris 1882 (V. A.).

XXXIII.

(Къ стр. 223, прим. 1).

Группа Лаокоона и разсужденіе о древностяхъ 1500 ff. [Аполлонъ Бельведерскій при Инокентіи VIII былъ уже открытъ (см. A. Michaelis, Jahrb. d. deutschen archäol. Inst. V, 1890)]. Къ болѣе раннему времени принадлежитъ и напечатано вѣроятно 1499—1500, прежде чѣмъ найдена группа „Лаокоонъ“ (у Грегоровіуса упомянуто по мюнхенской рукописи) Antiquarie prospettiche romane composte per prospettiva Milanese dipintore, опубликовано съ объясненіями Gilberto Govi, Acc. dei Lincei ser. II, t. III (Rom 1876). — Monuments antiques de Rome . . . Muntz, Antiquités стр. 26 — 71; текстъ представляетъ описаніе Bern. Bembo, 1504, также свѣдѣнія о самой находкѣ и раскопкахъ; тамъ-же 72 ff. по анониму XVI в. описаніе murs et portes. — Древнѣйшее сообщеніе о находженіи группы у Sabadino, degl'Arienti, въ обращеніи къ Изабеллѣ Гонзаго, Болонья 31 Янв. 1506 г., со словъ одного римскаго корреспондента, Giorn Stor. XI, 209 sq. — Папа тотчасъ обнаружилъ желаніе приобрести эту группу: Tutta Roma die noctuque concorre a quella casa che li pare el jubileo. — Это упоминаніе вызв. слѣд.: Novum opusculum per Matthaeum Spinellum et alios in Laocoontem praecipue ac in egregios plerosque viros nuper editum, 7 Bl. in 4°. Perusiae anno 1548. 22 Sept. (Paris. Bibl. nat.). — Сама статуя гласитъ: Erigur, ab Julo max decoranda magis . . . но къ-этому педантическій авторъ прибавляетъ: Si qui sunt qui dicant Juliani bisyllabum non invenire dicipiuntur. — Изъ появившихся въ то время стихотвореній, посвященныхъ этой группѣ одно, авторъ котораго Faustus (Capodiferro) сообщ. въ Rep. III,

54. — Albertini (см. н.) также современное находкѣ сообще-
ніе ed. Schmarsow стр. 39 А. — Далѣе о Лаок. Müntz, Anti-
quités стр. 46 sqq. — Franz I, по словамъ венеціанскаго по-
сла Льва X., при встрѣчѣ съ нимъ въ Болоньѣ просилъ о
выдачѣ статуи. — Въ эпоху Юлія II (1510) появилось соч.
(Franc. de Albertini) Opusculum de mirabilibus novae et veteris
urbis Romae; это изслѣдованіе, впрочемъ, имѣетъ значеніе
не столько въ отношеніи къ древнему Риму, сколько къ
новому, со времени Сикста IV. Нов. изд. Schmarsow, Heil-
bronn 1886.

XXXIV.

(Къ стр. 231, прим. 2).

Медицѣйская бібліотека. — Кромѣ бібліотеки Laurenziana,
были еще частныя бібліотеки Медичисовъ. Ср. Delle condizioni
e delle vicende della libreria medicea privata dal 1494 al
1508 ricerche di Enea Piccolomini описаніе, свѣдѣнія и до-
полненія въ Arch. stor. ital. 3 serie vol. XIX. стр. 101—129,
254—281, XX, 51—94. XXI, 102—112, 282—296. Каталогъ
содержитъ только краткое названіе и обозначеніе книгопро-
давческой стоимости рукописи, но во всякомъ случаѣ пред-
ставляетъ большой интересъ. Въ немъ содержатся различ-
ныя изданія Библии, отдѣльныхъ библейскихъ книгъ, тек-
стовъ и комментаріевъ, сочиненій древнихъ авторовъ, гре-
ковъ и римлянъ съ полнотою не оставляющей ничего желать,
также многое изъ еврейской литературы — tractatus quidam
rabbinoꝝum hebr. — очень многое принадлежащее новымъ пи-
сателямъ, преимущественно на латинскомъ, но также и на
итальянскомъ языкѣ. Большая часть перечисленныхъ въ
каталогѣ сочиненій представляетъ выдающіеся памятники
эпохи возрожденія, произведенія пользовавшіеся въ то время
большимъ вниманіемъ. Но здѣсь же встрѣчаются и не по-
явившіеся въ печати, многое вовсе затерянное или мало
извѣстное или малодоступное. Достоинство нѣкоторыхъ
также трудно опредѣлить, какъ и мѣсто нахождения; какъ
напр.: Bastianus Foresis (esius?) Florentinus in lingua verna-
cula. — Timothei Maffei in detractores Cosmi Medices. —
Bartholomei Scale collectiones Cosmiane. — Lippus Brandulinus,
de laudibus Laurentii de Medicis. — Regulae linguae floren-

finae. — Bened. Aretius de bello christ. contra barbaros pro sepulchro. — Octavius de cetu poetarum ad Petrum Medicem. — Alberti Advogarii de magnificentia Cosmi Medices. — Nicolai Tignosi ad Cosmum Medicem opusculum in detractores. — Ioannis de Casa de vita Alfonsi regis. — Danthis vita latine scripta per Marium (Filelfum). — Vite quedam composite a domino Francisco Castilionensi, florentino canonico. — Batistae Alexandri libellus ad Laurentium Medicem. — Срв. далѣ К. К. Müller: Neue Mittheilungen über Janus Lascaris und die Mediceische Bibliothek (Centralblatt für Bibliothekswesen, herausgegeben von O. Hartvig und K. Schulz, Leipzig 1884. I стр. 333 — 411.). Тутъ-же сообщается списокъ рукописей, составленный Ласкарисомъ, съ указаніемъ лицъ и мѣстъ, гдѣ онъ ихъ находилъ. Находилъ, но не всегда прибрѣталъ, тамъ какъ владѣльцы большею частью знаменитые ученые или церкви, не желающіе разставаться со своими сокровищами. — Вмѣсто рукописныхъ оригиналовъ онъ прибрѣталъ иногда копии. — Въ числѣ прибрѣтенныхъ манускриптовъ поименованы утерянные впоследствии Metrodorus, Lachares. Въ числѣ сохранившихся греческихъ рукописей находятся грамматики, лексикографическія сочин., поэтическія произведенія, въ томъ числѣ и новыхъ авторовъ: какъ напр.: Филельфо, реторики и историки, какъ Josephus и Prokopius, далѣ сборникъ Bruti epistolae, также Маннасій (?); философы, математики, врачи, теологи (отцы церкви въ большемъ числѣ). Въ числѣ упоминаемыхъ J. L. частныхъ лицъ, бібліотеки которыхъ онъ разсмотрѣлъ и описалъ, находится напр. Aless. Benedetti, Gio Valla; въ качествѣ богатой монастырской бібліотеки представлена въ каталогѣ бібліотека св. Юстина въ Падуѣ. — Еще многочисленнѣе сообщеніе о книгохранилищахъ Греціи, но мы здѣсь не можемъ этого касаться.

XXXV.

(Къ стр. 232, прим. 2).

Урбинская Библиотека. — Инвентарь урбинатской бібліотеки сообщенъ Gnasti въ Giornale storico degli Archivi Toscani VI (1862) стр. 127 — 147 и VII (1863) стр. 46 — 55. 130 — 154, подъ такимъ названіемъ: Inventario della lib-

reria urbinata compilato nel secolo XV da Federigo Veterano bibliotecario di Federigo I da Montefeltro, duca d'Urbino. — Современные сужденія о библиотекѣ собраны у Favre, *Mélanges d'ist. lit.* 127 sq. прим. 6. Этотъ инвентарь относящійся еще къ 15 вѣку не совсѣмъ совпадаетъ съ Веспасіановымъ описаніемъ, а потому и замѣчанія Буркгардта въ текстѣ не вполне согласуются съ фактами; впрочемъ, все-таки, этотъ официальный инвентарь больше заслуживаетъ довѣрія, чѣмъ Веспасіаново описаніе, такъ какъ всѣ его описанія вообще носятъ на себѣ извѣстную печать, обнаруживаютъ стремленіе прикрасить и не свободны отъ упрека въ неточности. Въ инвентарѣ пропущена рукопись соч. Менандра. Естественно поэтому сомнѣніе (Mais) въ ея существованіи; вмѣсто „всѣхъ сочиненій Пиндара“ стоитъ *Pindarus olimpia et pithia*; Инвентарь не заключаетъ въ себѣ дѣленія между древними авторами и новыми; произведенія Данте (между прочимъ *Comoediae thusco carmine*) и Боккачіо представлены здѣсь далеко не въ полномъ видѣ; сочиненія Петрарки напротивъ показаны съ надлежащей полнотой. Надо замѣтить еще, что въ инвентарѣ поименованы многія сочиненія гуманистовъ, оставшіеся до сихъ поръ ненапечатанными и неизвѣстными, что въ немъ находятся сборники привилегій дома Монтефельтро и тщательно переписаны посвященія на переводахъ и оригинальныхъ сочиненіяхъ, относящіяся, повидимому, къ герцогу Федеригу. — Въ: *ordine et officio della corte del serenissimo Sig. Duca d'Urbino* (15 вѣкъ) 53-я глава говоритъ объ обязанностяхъ библиотекаря. Въ то же время упоминается состоявшій въ то время библиотекаремъ Messer Agabito и тутъ же говорится о немъ, какъ заслуживающемъ большихъ похвалъ, *Arch. stor. it.* 3 ser. XIX, 122 sq. — Santi стр. 120 сар. вслѣдъ за подробнымъ обзоромъ строительной дѣятельности Федеригу, описываетъ его библиотеку, содержащую сочиненія теологовъ, философовъ, историковъ, поэтовъ, юристовъ, арабовъ, грековъ и евреевъ. — Авторъ увѣряетъ, что видѣлъ тамъ много благородныхъ умовъ, *dal stupor vinti*. — Превратности испытанная урбинатской библиотекой, благодаря Чезаре Борджіа и др., *Luzio-Renier* 1893 стр. 151 f.

XXXVI.

(Къ стр. 233, прим. 2).

Данныя о библиотекахъ, собирателяхъ... цѣны нѣкоторыхъ книгъ и рукописей.

1. *Общее.* — Книги, какъ драгоценнѣйшее имущество: уже у *Salutati* находимъ, письма II, 385: *nihil mihi preciosius et carius est quam illa qualeumque librorum sufficientia quae mihi Dei dono concessa est.* Въ 1398 г. уже *Giovan. Franc. Gonzaga* считается обладателемъ драгоценной библиотеки, срв. *Salutati*, письма т. III, 102 ff. — Въ весьма замѣчательномъ инвентарѣ ученаго *Bartolomeo di Jacopo* (*Giorn. ligust.* 17, 36, sqq.; 1390 год.) указаны также и книги; въ томъ числѣ библія, теологическія сочиненія, многіе классики, изъ новыхъ писателей въ особенности Данте. — *Петрарка* такимъ образомъ говоритъ о средствахъ для совершеннаго возстановленія кн.: *Sic apud nos alii membranas radunt, alii libros scribunt, alie corrigunt, alii ut vulgari verbo utar, illuminant, alii ligant et superficiem comunt* (*Err. fam.* XVIII, 5). — Прекрасный обзоръ библиотекъ и книгъ даетъ *Frati* въ *index'ѣ* къ *Vesp. Fior.* — Въ 1432 г. заплачено 20 дукатовъ книгопродавцу *Biagio da Cremona* за списокъ *Dittamondo cum glosis*, послѣдней части библіи и частей *Pompejus Festus*, *Renier, F. degli Uberti*, стр. CLIII.

2. *Petrarca.* — *Петрарка* имѣлъ въ своей библиотекѣ Данте „*De monarchia*“, какъ это видно изъ словъ одного изъ его посѣтителей. — Ср. *C. del Balzo*, *Poesie di mille autori intorno Dante* 1890, II, 154. *Breviarium*, приобретенное *Петраркой* въ Венеціи стоилъ 100 лиръ. (Завѣщ. *Петр.*) — *Петрарка*, какъ собиратель книгъ: *Nolhas, Pétrarque et l'humanisme*, стр. 47. — Его страсть къ книгамъ характерно выражается въ *Err. fam.* III, 18, XIV, 4, XVI, 1, XVIII, 7. — Онъ первый пришелъ къ мысли объ основаніи публичной библиотеки. Съ этою цѣлью онъ 14 Сент. 1362 г. подарилъ свою библиотеку Венеціи. Свѣдѣнія объ этомъ находятся у *Nolhas* стр. 80 sq. (о судьбахъ этой библ. см. в. стр. 76 и 318). — *Петрарка* владѣлъ также письмами *Абеляра* и *Элоизы* и сдѣлалъ къ нимъ примѣчанія. *Nolhas, Petr. et l'humanité* 425. — Это обстоятельство тѣмъ болѣе

приобрѣтаетъ значенія, что такимъ образомъ, повидимому, опровергается предположеніе о неизвѣстности этихъ писемъ до того времени. — *Salutati* стремится приобрести и, наконецъ, получаетъ черезъ одного пріятеля во Франціи письма Абеяра (Письма III, 76, 146) при чемъ онъ выражаетъ свою радость: *nomen ejus qui nesciebatur in Gallia tibi forte et multis aliis renovasse* (1396).

3. *Библиотеки* — въ алфавитномъ порядкѣ по мѣстностямъ (кромѣ папскихъ). *Ubaldo Pasqui* сообщаетъ каталогъ библиотеки *Ser. Simone della Torca*, аретинскаго нотариуса 1338 г.: *Arch. stor. ital. ser. 5, т. IV стр. 250 sqq.*: здѣсь нахд. книги по исторіи, морали и теологін, также сочиненія Теренція, нѣкоторыя произведенія Цицерона и трагедіи Сенеки. — Каталогъ библиотеки церкви *S. Bartolomeo* въ Комо 1428 и *Gasp. Trivulzio* 1480 г. обнародованы *E. Motta* 1887, Комо 1890 г. его-же *Libri di casa Trivulzio nel sec. XV.* — *Bibliotheca Malatestiana* въ Чезенѣ — *R. Zazzeri, Cesena* 1887; каталогъ библиотеки дома Эсте 1430 опубликованъ *A. Capelli Giorn. stor. del let. ital. XIV стр. 12 ff.*; онъ содержитъ 279 нумеровъ; каталогъ книгъ *Borso* (1488) у *L. H. Citadella, Il castello di Ferrara*, 1875 г. — Составъ библиотеки купца (въ Прато и Флоренціи въ концѣ XIV в.) можно возстановить по разсѣяннмъ у *Mazzei* указаніямъ: Письма св. Иеронима, Евангелія (списокъ стоилъ 9 fl. 30 сольди), письма Павла и Иоанна; *Jacopo da Todi*; *Boëtius Vita de Santi*, каноны (11 fl. 3 lira 4 soldi), *Vita sv. Франциска* (повидимому взята была на время). При всемъ этомъ владѣлецъ двухъ книгъ, повидимому, едва можетъ назваться образованнымъ человѣкомъ. Тамъ-же *I, 254*: Нѣсколько книгъ *Francesco del Corazza*, молитвенники, каноны, легенды, также *Dantes chiose: Paradiso, Inferno, Purgatorio*. Въ его завѣщаніи, сверхъ разныхъ пожертвованій благотворительныхъ завѣщано 300 fl. *frati de servi* на приобретение книгъ. — Библиотека (или складъ?) одного флорентійскаго книгопродавца (начала 15 вѣка) описана *F. Novati Boll. della soc. bibliogr. ital. 1898, II 1. 2.* — О библиотекѣ *Giovanni*, сына *Cosimo d. Ä.* (1541) ср. в. стр. 238 *A. 2 a* (1542). — О библиотекѣ *Pier. Leoni*, врача Лоренцо Медичи (+ 1492 *Florenz*) см. *L. Dorez, Revue des bibliothèques IV, 1894, 73 sqq.* — *Mantua*: *Изабелла Д'Эсте* и ея сынъ *Federigo* ср. *Luzio-Renier 97 стр. 4 ff.* весь инвентарь см. *appendice къ главн.*

произв. этихъ авторовъ. — О библіотекахъ въ Неаполѣ см. Mazzatinti, *La bibliotheca dei re d' Aragona in Napoli*, Turin 1894. Въ 1470 неаполитанскій библіотекаръ Baldassare Scarrillo. Arch. napolit 9.230. — Инвентарь частной библіотеки (одного врача) у Curcio Mazzi: *Lo stodio di un medico senese del secolo XV*, Florenz 1894. (. . . Riv. delle bibliot.), — въ спискѣ книгъ только медицинскія и философскія сочиненія. Всего 220 нумеровъ, изъ нихъ 5 манускриптовъ содержатъ замѣтки относящіяся къ службѣ и научнымъ занятіямъ, около 30 разныхъ предметовъ (посуда, стулья, пульта) количество книгъ такимъ образомъ не слишкомъ велико. — Библіотека венеціанца Giov. Marcanova (+ 1467) (Dorez, *Mélanges G. B. Rossi*, Rom 1892) жившаго однако въ Падуѣ и Болоньѣ заключала въ себѣ 120 манускриптовъ. Главнымъ образомъ они состояли изъ книгъ медицинскіхъ и философскіхъ, а также по теологіи, церковному праву и исторіи. Сочиненіе G. Mo объ эпиграфикѣ въ различ. изд. 1452 и 1465 г. (Ср. 216 прим. 3.). Въ Arch. Von. n. s. XXXII, 161 sqq. V. Cechetti: записъ книгъ выданныхъ для чтенія изъ библіотеки венеціанскаго нобиля Girolamo Molin, съ середины XV вѣка. Здѣсь находимъ рукописи соч. по теологіи и древнихъ авторовъ. Списокъ составленъ въ алфавитномъ порядкѣ по именамъ лицъ, пользовавшихся книгами.

4. *Папская библіотека.* — О папской библіотекѣ пмѣются превосходныя свѣдѣнія. Faucon, *La librairie des papes d' Avignon, sa formation, sa composition, ses catalogues 1316 — 1420*, Paris, 1890. — Библіотека Сикста IV см. P. Fabre, *Mélanges d'archéologie et d'histoire*, vol. XV. — 1485 г. библіотекой завѣдуетъ Giovanni Lorenzi (Nolhac G. L. 1888), но Иннокентій VIII, назначившій его, не очень заботился о библіотекѣ. — Demetrio de Lucca и его каталогъ, см. Pastor III, 238. — Списокъ custodes bibliothecae папской библіотеки, клячая Hier. Aleander 1519 см. Alea, автобіографія стр. 47 і.

Главнѣйшія сочиненія относящіяся къ этому предмету вообще: P. de Nolhac, *La bibliothèque de Fulvio Orsini, contributions à l'histoire des collections d'Italie et à l'étude de la Renaissance*. Paris 1887. — Для XV вѣка: E. Müntz und P. Fabre, *La bibliothèque du Vatican au XV siècle*. Paris 1883; для 16 в. Müntz, *La bibliothèque du Vatican au XVI siècle*. Paris 1886. — Два инвентаря (183 + 37 номеровъ) частной библіо-

теки Юлія II, опублик. L. Dorez, *Revue des bibliothèques* VI (1897) стр. 92 — 125: юридическія сочиненія, отцы церкви, библейскія и средневѣковыя книги, древніе авторы, оригиналы и переводы; изъ новыхъ, на примѣръ, В. Blondus, Joh. Tortelius, Lion. Aretinus (*Hist. Flor.*) Bossaccio, *De claris mulieribus*, два сочиненія о Сикстѣ IV, нѣк. изъ соч. Naldi, Giann. Manetti.

XXXVII.

(Къ стр. 234, прим. 3).

„Наставленіе для библиотекъ“ Николая V. — Еще до того, какъ онъ сталъ папой, Николай V написалъ руководство для составленія библиотекъ *Ambr. Travers. Epist. I*, стр. 63. *Vesp.* — То же самое онъ сдѣлалъ для библиотекъ въ Урбино и Пезаро (библ. *Alessandro Sforza*, стр. 27). — Это руководство напечатано нынѣ въ *Arch. stor. ital.* XXI, стр. 103 — 106, срв. также *G. Sforza, La patria. etc. di Nic. V* въ *Atti della l'Acc. Luchese* 1884. Т. XXIII, стр. 359. На первомъ планѣ ставится требованіе библии, затѣмъ длинный рядъ отцовъ церкви и толкователей библии, кончая *Nicolaus de Lyra*. Въ философскомъ отдѣлѣ Аристотель, при чемъ его сочиненія располагаются по тремъ рубрикамъ: логика, физика, мораль; далѣе коментаторы къ Аристотелю, затѣмъ *Averroes* и *Avicenna*. Рекомендуются также *Мойсей Маймонидъ*, вѣроятно, его *Moreh Nebuchim: multa utilia pro intelligentia scripturarum in eo pertractat*. Латинскіе переводы греческихъ философовъ *bibliothecae arbitror convenire*. — Затѣмъ: *de studiis autem humanitatis, quantum ad grammaticam, rhetoricam et poeticam spectat ac moralem quae auctoritate digna sunt vobis credo esse notissima*. Далѣе слѣдуетъ перечисленіе разныхъ авторовъ, римскихъ философовъ, историковъ, ораторовъ, грамматиковъ; изъ поэтовъ только *Виргилій*, *Овидій*, *Статій*, *Луканъ*; не упоминаются эпические писатели, сатирики, драматическіе писатели (кроме *Сенеки*).

XXXVIII.

(Къ стр. 234, прим. 4).

Свѣдѣнія о переписчикахъ и рукописяхъ. — Въ отличіе отъ переписчиковъ среднихъ вѣковъ, не думавшихъ много

о себѣ, переписчики эпохи возрожденія, напротивъ, исполнены сознанія значительности своихъ трудовъ. Gardthausen, griech. Paläographie 1879, стр. 304. Греческіе переписчики (1453) прибавляютъ къ переписываемымъ книгамъ жалобы о потерѣ своего отечества, а также жалобы на плохой матеріялъ (тамъ-же стр. 306). — Ermolao Barbaго долженъ былъ употребить тридцать семь дней переписывая Athenäus (1482), Ioh. Rufus (1490) 22 дня, переписывая Zosimus (тамъ-же стр. 306). — Тогда-же начинаются старанія придать возстановленнымъ памятникамъ греческой и латинской литературы прежній, подлинный благородный характеръ. Древнѣйшія свидѣтельства въ этомъ отношеніи представляютъ трактатъ: Lascari (письмо къ Piero de Medici) и неизвѣст. см. Н. Schedel (рукопись въ Мюнхенѣ)—послѣд. служило руководст. для слѣд. лицъ: F. Felicianus, L. Passioli и A. Dürer. Ср. Dehio, Rep. IV, 269 ff. — Филельфо жалуется на своего греческаго переписчика (Antonius Longothes), которому принадлежатъ нѣсколько манускриптовъ въ библиотекѣ Лауренціана; онъ по словамъ F. лѣнивъ и проводитъ время за виномъ и т. д. Legrand. стр. 10. Filelfo, нуждаясь въ каллиграфѣ (1454, Legrand. стр. 70 sq.) говоритъ: Delector autem iis literarum notis quae ad atticis quam proxime accedunt. — Для развитія письменности въ 13 и до 15 вѣка имѣютъ большую цѣну мануск. въ издаваемомъ Е. Monaci: Archivio paleografico italiano, т. I, Римъ 1882 — 92; (всего 78 л. in folio) здѣсь находятся факсимиле большею частью раньше уже напечатанныхъ произв.: сонетъ Fr. Sacchetti къ врачу Maestro Bernardo 1386 и отвѣтъ послѣдняго; два письма Astore Manfredi къ Donato Acciajuoli 1393/94; письма Tomaso и Niccolo Sacchetti 1399, 1412; Rinaldo degli Albizzi 1418; matricola и Necrologio (изъ Opbiemo) 1395, 98.

XXXIX.

(Къ стр. 235, прим. 2).

Книгопечатаніе. — Artes. Quis labor est fessis demptus ab articulis — такъ торжествуетъ писецъ въ стихотвореніи: Robertus Ursus, 1470 г., Rerum ital. script. ex codd. Florent. Tom. II, Col. 693. Онъ нѣсколько преждевременно радуется

предполагаемому широкому распространению классических авторовъ. Ср. Libri, Hist. des sciences mathématiques II, 278 sq. Далѣе, ср. хвалебное стихотвореніе Lorenzo Vala, сообщаемое въ Hist. Zeitschrift XXXIII, стр. 62. — Ioh. Lascaris въ письмѣ къ Piero de Medici (ср. в. стр. 356) говоритъ о книгопечатаніи, какъ искусствѣ полезномъ для наукъ. — Fulgesius стр. 634 говоритъ о будущемъ торжествѣ книгопечатанія, такъ какъ благодаря этому искусству: bonarum artium scientia quae intermorta erat velut ab orco excitata. Уже въ 1446 им. свѣдѣнія изъ Венеціи о печатаніи донать и псалтырей: Arch. Ven. 29, 88. Первая привилегія въ Венеціи: Sanudo, см. Muratori XXII сов. 1189. Ср. въ наст. время два имѣющихъ большое значеніе труда: L'arte della stampa del rinascimento italiano, Венеція 1894, Fer. Ongania, (издатель и составитель — одно лицо) двѣ тетради; P. Kristeller, die italienischen Buchdrucker und Verlegerzeichen bis 1525, Strassburg 1893. То и другое богато иллюстрированы. Первое не „исторія“ въ настоящемъ смыслѣ слова, а скорѣе списокъ заглавій, факсимиле, виньетокъ, шрифтовъ, и типографскихъ украшеній. Ср. сборникъ К. Burger, снабженный текстомъ: Monumenta Germ. et Ital. typogr. Berlin, Leipzig 1892 ff. — Biblia volgare, значительнѣйшее изъ произведеній написанное обыкновенной прозой 14 вѣка, напечатано очень рано; первое (?) изд. 1471 г., вновь напечатано въ 10 томахъ (Bologna 1882 ff. — Pamfilo Castaldi 1472, до него Ant. Planella 1470 въ Миланѣ; см. E. Motta 1884; Литература о Castaldi см. Arch. stor. lomb. ser. III, vol. III, 150 sqq. — Gius. Fumagalli: La questione di Pamfilo Castaldi, Миланъ 1891, — очень часто упоминается итальянцами; несмотря на краснорѣчивыя доказательства, утверженіе, что Р. С. есть настоящій изобрѣтатель книгопечатанія, лишено всякаго основанія. — Интересно было-бы прослѣдить, каковы были въ то время взаимныя отношенія авторовъ и издателей, какъ опредѣлялся гонораръ и т. п. Существовала-ли уже тогда традиціонная вражда между тѣми и другими? Изъ начальныхъ строкъ эпиграммы ad bibliopolam, сообщаемыхъ Rüdiger'омъ (Dactius) нельзя вывести такого заключенія. Жалобы авторовъ на издателей (типографшиковъ) встрѣчаются очень часто, напр. у Ariost'a въ прологѣ къ Suppositi.

XI.

(Къ стр. 236, прим. 2).

Отношеніе къ грекамъ. — Уже въ сочиненіяхъ Петрарки мы очень часто находимъ выраженіе мнѣнія о превосходствѣ Италіи надъ Греціей: *err. fam. lib. I, ср. 3; err. sen. lib. XII ср. 2*; если онъ хвалитъ грековъ, то только противъ собственнаго желанія: *Carmina lib. III, 30* (ed. Rosseti, vol. II, стр. 342). Древніе авторы, извѣстные Петраркѣ и цитируемые имъ, собраны и точнѣе всего поименованы въ соч. Nolhas, *Petr. et l'hum.* 136 — 300. Еще сильнѣе выражается, говоря о грекахъ, Colluccio de Salutati († 1406) *Epistolae* ed. Rigacci (Florenz 1742, II стр. 52. 61. Столѣтіемъ позже Эней Сильвій (Comm. къ Panormita de dictis et factis Alphonsi) говоритъ: *Alphonsus tanto est Socrate major quanto gravior Romanus homo quam Graecus putatur.* J. Ant. Campanus (*epist.* ed. Mencken, стр. 284) пишетъ къ Leonello: *Graecos uterque odinus quia Latinis minus est severitatis.* Lor. Valla въ *praefatio* къ *Elegantiae*: одинъ латинскій языкъ сильнѣе чѣмъ пять греческихъ. Въ виду такого взгляда изученіе греческаго языка цѣнится не высоко. Изъ одного источника, упомянутаго выше и написаннаго около 1460 г. слѣдуетъ, что Porcellio и Tomaso Seneca старались противодѣйствовать усиленію греческаго вліянія; и Paolo Cortese (1490) также не былъ расположенъ къ греческой образованности, такъ какъ послѣдняя могла мѣшать латинской литературѣ, пользовавшейся преимущественнымъ попеченіемъ: *de hominibus doctis*, стр. 20. — Большаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее замѣчаніе: Jov. Pontanus, Antonius, *Opp.* IV стр. 1203 *in Graecia magis nunc Turcicum discas quam Graecum. Quicquid enim doctorum habent Graecae disciplinae, in Italia nobiscum vicitat.* Очень важны для ознакомленія съ греческой литературой въ Италіи ученія замѣтки Favre, *Mélanges d'hist. lit.* I *passim.* Carlo Malagola въ своей книгѣ о Codro Urceo даетъ также указаніе на эллинизмъ въ Болоньѣ. — Въ стихотвореніи Giovanni Santi (срв. Schmarsow, *Zeitschr. für Cultur u. Lit. der Ren.* II, 166) также римлянамъ отводится мѣсто преимущественно передъ греками. — Vesp. Fioren. указываетъ какъ на *loda grandissima* грековъ (ed. Frati I, 18. 124), что у нихъ въ 1000 и даже 1500 г. не мѣнялась мода на платье.

ХЛІ.

(Къ стр. 236, прим. 3).

Свѣдѣнія о грекахъ. — Manuele Crisologa появился въ Италіи въ 1396 г. Его призваніе состоялось главнымъ образомъ, благодаря Салутати. Съ 1403 до 1407 года онъ провель въ своемъ отечествѣ, 1407 — 1410 въ Испаніи, Франціи, Англии, остальное время въ различныхъ городахъ Италіи: въ Венеціи, Флоренціи, Болоньѣ, Римѣ. Онъ умеръ въ 1415 г. въ Констанцѣ (Р. Саббадини: *Giorn. ligust.* 17, 320 — 336; свѣдѣнія о немъ см. Legrand, Klette, Novati, Salutati, письма III, 120 ff.). Похвала Хр-у Monodia Chrysolorae приндл. Raffaele Zovenzoni (род. 1431) изд. Rem. Sabbadini, Catania 1899 (nozze). — Подробнѣе о Георгѣ Трапезундскомъ у Castellani: Giorgio Trebisonda maestro di eloquenza a Vicenza e a Venezia: *N. Arch. stor.* XI, 124 — 142. Онъ училъ съ 1416 г. въ Падуѣ, съ 1424 въ Виченцѣ, 1429 въ Венеціи, и тамъ-же опять 1459; при второмъ своемъ призваніи онъ получилъ только 120 дукатовъ вмѣсто обѣщанныхъ 150; до него преподавателемъ былъ Giampietro de Lucca. Товарищемъ его по профессіи былъ Mario Filelfo. Каждый изъ нихъ долженъ былъ читать лекціи ежедневно по 2 часа. Трап. училъ не только по-гречески, но также и по-латыни. Онъ оставался только до 1462 г., затѣмъ училъ въ Римѣ, гдѣ и умеръ въ 1482 г. — Demetrios Chalcondylas; о немъ ср. А. В. Confalonieri и F. Gaboto, *Giorn. lig.* 19, 241 — 298. D. Chalcondylas родился въ 1423 г. въ Константинополѣ. — Argyropulus жилъ въ 1441 г. въ Падуѣ, затѣмъ на родинѣ, въ 1451 г. снова во Флоренціи, потомъ въ Миланѣ, въ Римѣ, съ 1477 г. снова во Флоренціи; эти свѣдѣнія даетъ Zippel, *Per la biografia dell'Argyriropulo*, *Giorn. stor.* XXVIII стр. 92 sqq. — Около 1520 г. по словамъ Michele Serafini (въ рѣчи надъ гробомъ Andreas Dactius'a 1548), что eloquenza greca era negletta e tenuta in poco conto (Rüdiger, *Dactius*, стр. 4).—Въ возможности владѣть въ совершенствѣ греческимъ языкомъ сомнѣвались даже ученѣйшіе изъ итальянцевъ. — Filelfo женатъ былъ на гречанкѣ, знакомъ былъ со многими греками, писалъ письма и стихи на греческомъ яз. (съ 1427), но тѣмъ не менѣе еще въ 1458 нуждался въ элементарныхъ греческихъ руководствахъ (Le-

grand, стр. 101) и признавался (тамъ же стр. 90), что какъ латинистъ онъ не можетъ сдѣлать большихъ успѣховъ въ эллинизмѣ. — Гуманистъ старой генерации, Ant. Loschi, с. 1365 — 1441, хотя написалъ трагедію Achilles, не зналъ греческаго яз., какъ это еще разъ (по Дохту) доказалъ Cloetta, доп. II стр. 229 ff. — Противъ Barlaam'a, одного изъ первыхъ двигателей греческой образованности въ Италіи возсталъ въ защиту Платона очень энергично Filelfo, ed. Legrand, стр. 153 sq. (1469); о томъ-же В.: Gianantonio Mandalari, Fra Barlaamo Calabrese, maestro del Petrarca, Римъ, 1888. Ср. также Nolhas, Pétr. et l'hum., стр. 325 sqq. Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на Gregorius'a Tifernas (отъ Tifernum = Citta di Castello) 1414 — 1464, почти совсѣмъ забытаго переводчика и поэта, одного изъ первыхъ учившихъ греческому въ Неаполѣ, Мантуѣ. Срв. L. Delaruelle, въ Mélanges d'archéologie et d'histoire XIX (1899) стр. 9 — 33.

XLII.

(Къ стр. 240, прим. 4).

Знакомство съ еврейскимъ языкомъ.—О знаніи Данте евр. яз. ср. Vegele: Данте, 2-е изд. стр. 286 и Lasinio: Dante e le lingue semitiche въ Rivista orientale (Flor. 1867 — 68). Flaminio Serri: Dante e gli ebrei (nozze 1893), по сравненію съ Giorn. stor. 22,464, ведетъ, повидимому, къ нелѣпнымъ выводамъ. — О Poggio: Opera стр. 297, Lion. Bruni, Epist. lib. IX, 12, изд. Mehns II, 160 sqq. (Письмо обращено къ Johannes Cirignanus, о которомъ говорится, какъ о знатокѣ еврейск. литер. ср. Gregorovius VII, 555 и Sepherd Tonelli, Vita di Poggio I стр. 65). — Письмо Poggio къ Niccoli, въ которомъ находится разсужденіе о еврейскомъ яз., недавно опубликовано на французскомъ и латинскомъ, подъ назв. Les bains de Bader par Pogge, изд. Antony Méray, Paris 1876 г. Р. въ особенности добивался знать, какими положеніями руководствовався Іеронимъ, переводя библію, тогда какъ Bruni, исходя изъ того, что библія существуетъ въ переводѣ Іеронима, считалъ нужнымъ изученіе еврейскаго яз. чтобы провѣрить этотъ переводъ. — Manetti какъ собиратель еврейскихъ манускриптовъ; см. ниже ст. Steinschneider прим. 203. — Ев-

рейскія рукописи въ Урбино, см. прилж. XXXV, приводимый тамъ инвентарь. Всего было 61, въ томъ числѣ одна библия: *opus mirabile et integrum, cum glossis mirabiliter scriptis immodum avium, arborum et animalium, in maximo volumine, ut vix a tribus hominibus feratur.* (Masora писалась обыкновенно фигурнымъ шрифтомъ, ср. Kaufmann: *Haggadah . . . Serajevo, Вѣна 1898*). Урбинскія рукописи, какъ это явствуетъ изъ списка *Assemani*, находятся теперь большею частію въ Ватиканской библиотекѣ. — Относительно первой еврейской печати см. *Steinschneider* и *Cassel*: „Еврейск. типографія“ въ энц. *Ersch und Gruber, Realencyclor. Sekt. II Bd 28 стр. 34* и *Catal. Bodl. Steinschneider'a 1852 — 60, стр. 2821, 2866. Fed. Sachi: I tipographi ebrei di Soncino, Cremona 1877. M. Soave: dei Soncino Ven. 1878*. Характерно то, что изъ двухъ первыхъ еврейскихъ печатниковъ одинъ жилъ въ Мантуѣ, другой въ *Reggio* (Калабрія), и что такимъ образомъ печатаніе еврейскихъ книгъ началось почти въ одно время на двухъ концахъ Италіи. Въ Мантуѣ такимъ типографщикомъ былъ дипломированный еврейскій врачъ, которому помогала также жена. — Между прочимъ заслуживаетъ вниманія, что въ *Гипнеротомахіи Poliphilo*, написанной въ 1467 г. и напечатанной въ 1499 (стр. 226 прим. 2) fol. 68 а. находится небольшая еврейская вставка, тогда какъ въ печатн. произвед. типографіи Альдини до 1501 г. еврейскихъ шрифтовъ не встрѣчается. — Итальянскіе знатоки еврейскаго языка перечислены у *А. Губернатиса* стр. 30 sq., но нѣтъ свѣдѣній о нѣкоторыхъ, напр. о *Marco Lippomanno*, ср. *Steinschneider* въ нижеприводим. соч. — Въ качествѣ очень ученаго гебраиста упоминается *Paolo de Canale* въ соч. *Pier. Valerian. „de infel. literat.* изд. *Mencken*, стр. 296; объ ученомъ ориенталистѣ *Virgilio Zavarise*, *Verona*, въ концѣ 15 вѣка, см. *Джулиари Della lett. Veronese (1876) стр. 123*. Въ 1470 г. еврей *Соломонъ Арцелло* завѣщаль сто гульденовъ ежегодно на школу еврейскаго языка, ср. *Starabba* (т. II, Закл.) — О *Gian. Manetti* какъ гербанствѣ ср. стр. 239 *Новое изданіе Vesp. Fior.* изд. *Fрати II, 50 f.* заключаетъ въ себѣ сообщеніе, что *G. M.* въ Римини велъ въ теченіи шести часовъ диспутъ съ учеными евреями и побѣдилъ ихъ своимъ знаніемъ еврейск. языка. Его учитель *Эмануель (Manuello)* у *Vesp. Fior. IV, 252, III, 90*. — *Guido Perro* (прозванный *Stella*) въ *Форли* былъ также

ученымъ гебраистомъ (ум. 1492, срв. Sobelli 267, 355. — Упоминаемый часто кардиналь Адрианъ, которому Рейхлинъ посвятилъ въ 1518 г. свое соч. о еврейской орфографіи и произношеніи, хочеть въ 1507 окончить начатый имъ дословный переводъ Стар. Завѣта (ср. его соч. de modis latine loquendi), но въ Триентѣ, гдѣ онъ поселился въ это время, не находитъ ученаго еврея. — Elia ebreo въ Павіи 1440 и 1445/46 ad lect. Medicinae pract. ordinarium срв. Mem. et documenti Pavia 1878 I, 113, 1465 — 1490 профессоръ въ Болоньѣ mag. Vincentius срв. Costituzione, discipline e riforme dell'antico studio bolognese, memoria del prof. Luziano Scarabelli, Piacenza 1876. 1521 — 1526 Giovanni Flamini срв. Malagola, Urceo стр. 39 прим. ср. тамъ-же стр. 112, прим. 2. — 1514 проф. въ Римѣ: Agarius Guidacerius, по Graegorovius VIII, стр. 292 и приводимымъ тамъ мѣстамъ. Guid. бѣжалъ въ 1527 г. изъ Рима, его Grammatica ebraica появилась въ первый разъ въ Римѣ, затѣмъ въ 1539 въ Парижѣ. О немъ ср. Steinschneider, Bibliogr. Handbuch, Leipzig 1859, стр. 56 157 — 161. — Заслуживаетъ упоминанія епископъ Agost. Giustiniani (1470 — 1534), котораго Psalterium octalpum появился въ Генуѣ въ 1516 г. и содержитъ, какъ я полагаю, на основаніи свѣдѣній, заимствуемыхъ у Dr. Jacob, и первое изданіе Targum и арабскаго перевода. Ср. Tiraboschi VII, 984. 1056. — Kaufmann Arch. Gesch. d Philos. XI. 356. — Isabella D'Este также старалась приобрѣсти еврейскіе манускрипты, съ цѣлью дать сдѣлать переводъ: Lazio-Renier 97, стр. 26 f.

Въ дополненіе надо сказать о картинахъ къ Стар. (и Нов.) Завѣту. Moise Castellazzo въ 1521 получилъ разрѣшеніе печатать иллюстрированное изданіе пятикнижія Моисея. Arch. Venez. XXIII, 196. — Картины изъ Ст. и Нов. Завѣта очень часто находятся также въ соч. Савонаролы, ср. изслѣд. G. Gruyer, Les illustrations des ouvrages de Jérôme Savonarole, publiés en Italie au XVetXVI siècle. (Эти иллюстрированныя изданія содержатъ также не менѣе 19 изображеній происшествій изъ жизни и портретовъ Савонаролы). Съ этимъ надо сопоставить библейскія картины, въ изданіи драмы „Иосифъ“ Pand. Collenucio, 1525 г.

XLIII.

(Къ стр. 241, прим. 1).

Литературная дѣятельность евреевъ въ Италіи была настолько велика и оказала настолько значительное вліяніе, что ее нельзя обойти здѣсь молчаніемъ. Настоящій очеркъ введенъ въ приложеніе, чтобы не обременить текстъ; основными свѣдѣніями по этому предмету мы обязаны профессору М. Штейншнейдеру, которому приношу глубокую благодарность за его всегда дружеское содѣйствіе. Вопросъ этотъ обработанъ имъ исчерпывающимъ образомъ въ основательномъ и богатомъ во многихъ отношеніяхъ трудѣ: *Letteratura italiana dei Giudei* въ эк. II. Buonarotti, vol. VI. VIII. XI. XIII. Римъ 1871 — 1877 (отд. изд. Римъ 1884 г.) — разъ навсегда отсылаемъ къ этому соч. Въ настоящемъ изслѣдованіи многое составляетъ результатъ особаго труда и изслѣдованій Кауфмана. Новый матеріалъ Fogelstein—Rieger II, 76 f. — S. Morais: *Italian Jewish Literature in Publications* (Grätz, College: Filadelfia 1897) малозначителенъ. Ср. рядъ статей М. Штейншнейдера: *Die italienische Literatur der Juden* (Monatschr. f. V. des Judenthums 22. Jahrg. 1898) стр. 623, имена и произведенія еврейскихъ писателей 15 вѣка см. также Асколи, *iscrizioni . . . di antichi sepolchri giudaici di Napoli* и Кауфманнъ *Gött. Gel. Anz.* 1881, 964 ff.

Въ эпоху второго храма въ Римѣ жило много евреевъ. Они до такой степени восприняли господствовавшіе въ Италіи языкъ и культуру, что даже на могильныхъ памятникахъ пользовались надписями не на еврейскомъ, а на латинскомъ и греческомъ языкѣ. (Сообщ. Garucci, срв. Штейншнейдеръ, еврейская библіографія VI (1863) стр. 102). Въ собенности въ Нижней Италіи греческая образованность преобладала среди евреевъ, какъ и среди населенія вообще, и по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, евреи не только учились въ университетѣ въ Салерно, но многіе изъ нихъ соперничали въ научной дѣятельности съ христіанами (срв. Штейншнейдеръ, Donnojo, см. *Virchow's Archiv* т. 39 и 40). Это господство греческой образованности продолжалось до завоеванія Нижней Италіи арабами. Но еще до этого завоеванія евреи Средней Италіи

стали стремиться сравняться или превзойти своих южных соплеменниковъ; еврейская ученость концентрировалась въ Римѣ и отсюда уже въ X вѣкѣ распространилась и перешла въ Кордову и Южную Германію. Благодаря такимъ переселенцамъ, евреи стали непосредственными учителями общности знаній. Ихъ сочиненія, въ особенности „Aguch“, авторомъ кот. былъ Nathan ben Iechiel (1101) большой словарь объяснительныхъ словъ къ Талмуду, мидрашимъ и таргумъ, „хотя не носитъ печати высокаго научнаго міросозерцанія, но заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ и основанъ на древнѣйшихъ источникахъ, а потому еще и теперь не вполне исчерпанъ. Эта энциклопедія и другія произведенія имѣли въ свое время значительное вліяніе (Abraham Geiger, Das Judenthum und seine Geschichte, Breslau, т. II, 1865 стр. 170 и его-же Nachgelassene Schriften, т. II, Berlin 1875, стр. 129 и 154). Нѣсколько позднѣе въ 13 вѣкѣ еврейская литература повела въ Италиі къ сближенію евреевъ съ христіанами, и благодаря, Фридриху II или, быть можетъ, еще болѣе его сыну Манфреду, приобрѣла нѣкоторымъ образомъ официальное покровительство. Такого рода сближеніе выразилось фактически въ томъ, что итальянецъ Nicolo di Giovinazzo вмѣстѣ съ евреемъ Mose ben Salomo изъ Салерно изучалъ еврейскій переводъ знаменитаго сочиненія Маймонида: More Небухимъ; (срв. Kaufmann, Der Führer Maimūni's in der Weltliteratur, Steins Archiv XI, 335 — 373). Покровительство заключалось въ томъ, что король, отличавшійся религіознымъ свободомысліемъ и склонностью къ восточнымъ наукамъ, повидимому, помогъ появленію упомянутаго латинскаго перевода и призвалъ въ Италию знаменитаго Anatoli, чтобы онъ перевелъ соч. Авероёса на еврейскій яз. (срв. Штейншнейдеръ, еврейск. библиографія XV, стр. 86. Ср. далѣе Renan, L'Averroes et l'averroisme 3-е изд. Парижъ 1866 г. стр. 290). Уже это одно указываетъ на знакомство ученыхъ евреевъ съ латинскимъ языкомъ, вслѣдствіе чего возможно было общеніе между евреями и христіанами, при чемъ это общеніе обнаруживалось частью въ дружескомъ сближеніи, частью, напротивъ въ полемическомъ спорѣ. Еще болѣе, чѣмъ Anatoli, посвящалъ себя латинской литературѣ во второй половинѣ 13 вѣка Hillel b. Samuel, который, хотя учился въ Испаніи, но вернулся въ Италию

и здѣсь перевелъ нѣсколько произведеній съ латинскаго на еврейскій, между прочимъ афоризмы Гипократа по одному латин. источнику; (этотъ еврейскій переводъ напечаталъ въ 1647 г. Gaotios, которому онъ и приписывался); въ этомъ переводѣ онъ пользовался нѣкоторыми итальянскими словами для объясненій и благодаря этому приему или б. м. на основаніи всей своей литературной дѣятельности навлекъ на себя обвиненіе въ неуваженіи къ еврейскому ученью.

Но евреи не остановились на этомъ и въ концѣ 13 и въ 14. вѣкѣ настолько приблизились къ христіанскимъ знаніямъ и къ носителямъ гуманистическаго просвѣщенія, что стали употреблять итальянскія слова для объясненія еврейскихъ выраженій; первый сдѣлалъ это Guida Romano въ цѣломъ рядѣ донинѣ ненапечатанныхъ еврейскихъ произведеній (Steinschneider, Guida Romano, Римъ 1870); другой, Manollo, родственникъ Guida, находившійся въ дружбѣ съ Данте, написалъ въ подражаніе ему нѣчто вродѣ Бож. Комедіи на еврейскомъ языкѣ и кромѣ того оплакалъ смерть Данте въ итальянскомъ сонетѣ (Abraham Geiger въ своей *Jüdische Zeitschrift*, т. V, Бреславль 1876, стр. 286 — 301, ср. далѣе Modona *Rime Volgari di Immanuele Romano*, Parma 1898 и Delitsch, два небольшихъ *Dantestudien*); третій, родившійся въ 1388 г. Mose Rieti написалъ итальянское сочиненіе (каталогъ еврейскихъ рукописей, Лейденъ 1858 г.) и ввелъ *terze rima* въ еврейскій языкъ въ большомъ произведеніи, написанномъ по образцу Божеств. Комедіи (итальянскій переводъ съ 1585; еврейскій оригиналъ напечатанъ въ 1851). Въ 15 вѣкѣ можно наблюдать вліяніе Возрожденія на еврейской литературѣ; такъ Messer Leon въ одной изъ своихъ реторикъ черпаетъ не только изъ еврейскихъ источниковъ, но также пользуется Цицерономъ и Квинтилианомъ. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ еврейскихъ писателей 15 вѣка въ Италіи Eliah del Medigo, философъ, какъ еврей открыто поучалъ въ Падуѣ и во Флоренціи и выбранъ былъ въ Венеціи сенатомъ судьей въ одномъ философскомъ спорѣ. (Abraham Geiger, *Nachgel. Schriften*, Berlin 1876, т. III стр. 3; Jules Ducas, *recherches sur l'hist. litt. du XV siècle* 1876, стр. 29 — 76). E. d. M. былъ учителемъ Pico della Mirandola, кромѣ него еще Flavius Mithridates и Jochanan Alemanno,

ср. Steinschneider, Polem. und apolog. Lit. Leipzig 1877, Anh. VII стр. 379.

Заслуживаетъ вниманія, что итальянскіе евреи писали договоры о наймѣ на латинскомъ яз. и что итальянскія слова, какъ *partito*, *sindico* (*sindaco*) входили въ еврейскій языкъ. Неизвѣстно, принадлежатъ ли евреямъ итальянскіе переводы библии или ея частей въ XV вѣкѣ (срв. Steinschneider, Monatschr. 1898 стр. 317 ff.); переводы молитвъ для женщинъ вѣроятно уже 1383 г. Проповѣди еврейскихъ духовныхъ лицъ на итальянскомъ или съ примѣсю итальянскихъ словъ встрѣчаются съ раннихъ временъ: Steinschneider 312, 321. Заслуживаетъ вниманія крещеный еврей *Guglielmo Raimondo Moncada* (о которомъ говоритъ *N. Starrabba* въ *Arch. stor. sicil. n. S. III. Palermo 1878 г. стр. 15 — 91*; Steinschneider, Hebr. Übers. Lit. 986 f.); онъ переводилъ съ арабскаго для Федерико Урбинскаго, въ 1481 г. проповѣдывалъ въ Римѣ и (см. *Raph. Volaterr*) производилъ особое впечатлѣніе *propter Hebr. Arabum sonum quae ipse tanquam Vernacula pronunciavit*. — Заслуживаютъ упоминанія оба ученые поддерживавшіе отношенія съ Рейхлинымъ: *Obadja b. Jacob Sforni*, эсегетъ, математикъ, философъ; *Bonet de Lattes*, собств. *Jacob. b. Emmanuel Provinciale*, папскій врачъ со времени Александра VI до 1515 г., астрономъ; онъ писалъ также по латыни неудачныя статьи и посланія; далѣе *Elias Levita*, извѣстный грамматикъ, который почти 50 лѣтъ жилъ въ Италиі: въ Падуѣ, Римѣ, Венеціи, до 1549 г.; десять лѣтъ во время пребыванія въ Римѣ въ домѣ *Egidio* изъ Витербо. — *Andreas Vesalius* читаетъ въ Падуѣ канонъ Авицены, при помощи своего друга *Lazaro de Frigeis* см. *Rev. des Et. Juives* 27, 217. Рядъ еврейскихъ ученыхъ въ Италиі можно заключить именами *Kalonimos ben David* и *Abraham de Balmes* (ум. 1523 г.), которымъ принадлежитъ большая часть латинскихъ переводовъ Авероеса, распространенныхъ въ Падуѣ еще въ 17 вѣкѣ. Къ ученымъ слѣдуетъ причислить также еврейскаго Альдуса: *Gerson Soncino*, типографія котораго стала средоточіемъ издательства еврейскихъ книгъ и въ то же время конкурировала съ знаменитымъ Альдусомъ въ изданіи греческихъ авторовъ (Steinschneider: *Gerson Soncino und Aldus Manutius*, Berlin 1858 г.). Данныя серьезнаго характера ка-

сающіяся намѣченнаго здѣсь положенія вещей можно найти въ произведеніи: Giidemann, Geschichte des Erziehungswesens und der Cultus der Juden in Italien während des Mittelalters, Wien 1884 г. и Fogelstein und Rieger, Geschichte der Juden in Rom, т. II. Берлинъ 1893 г. — Еще нѣкоторыя отдѣльныя свѣдѣнія: Leone de Sommi Portaleone (ср. D. Kaufmann въ Allg. Z. d. Judenth. 1898, Nr. 24/25) род. 1527 ум. 1592; онъ былъ драматургъ, режиссеръ, съ 1560 г. въ Мантуѣ (о его 11 томахъ рукоп. драмъ см. Peyran, Notes di storia letteraria del sec XVI, Turin 1884 г.). Въ одно время съ нимъ врачъ филологъ Abraham Portaleone и многосторонній Abraham Colorne (о немъ см. G. Jaré, Ferrara 1891). — Еврейскіе книгопродавцы (итальян. происхожденія?) въ Авиньонѣ 1312, 1327, Nolhas, Petr. et l'hum. 87. — Левъ X разрѣшилъ взятому въ плѣнъ морскими пиратами и подаренному ему Льву Африканскому преподавать въ Римѣ арабскій яз. Kaufmann Rev. des et. juives. 7. 283.

XLIV.

(Къ стр. 243, прим. 1).

Долговѣчность средневѣковыхъ воззрѣній. — Многое коренилось еще въ особенностяхъ языка и воззрѣній среднихъ вѣковъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ Notabilia temporum di Angelo de Tummulillis da Sant'Elia, изд. Cost. Corvisieri (Римъ 1890, Fonti per la storia d'Italia, т. 7). Авторъ, род. 1397, ум. послѣ 1479, не воспринялъ ничего изъ гуманистической культуры, хотя долгое время жилъ при Неаполитанскомъ дворѣ. Онъ писалъ на варварскомъ латинскомъ языкѣ. Нѣмцевъ (швейцарцевъ) онъ называетъ Theotonicî, Scibiczeri. Далѣе онъ чрезвычайно набоженъ. Его произведенія, за исключеніемъ статьи о Робертѣ Неаполитанскомъ, относятся главнымъ образомъ къ тому, что онъ видѣлъ 1419 ff. Политика находится на первомъ планѣ; замѣчанія о погодѣ, объ урожаяхъ, ср. сар. 168, 177, 202 и др. Онъ въ высшей степени суевѣренъ и часто говоритъ о кометахъ, чудесныхъ знаменіяхъ, объ источникѣ, наполняющемся въ извѣстные часы кровью, стр. 187. Многія главы посвящены judicîa astronomorum. — Характерный примѣръ

варварской латыни ученыхъ уже въ началѣ 15 вѣка сообщаетъ Гуарино, говоря о своемъ учителѣ Giovanni da Ravenna: Vobis regrator qui de concernentibus capitannatui meo tam honorificabiliter per unam vestram literam vestra me ad-visavit sapientitudo. — Поразительную смѣсь итальянскаго и латинскаго представляетъ, напр., слѣдующее: Aonio Paleario говоритъ въ 1557 г. въ своемъ диалогѣ: Il grammatico ovvero delle false esercitazioni delle scuole: Non è maggior sciocchezza al mondo che voler essere volgar latino o latino volgare. Da questi errori sono nati gli stili falsi toscani del Polifilo e gli stili falsi latini o moderni, di che è impestato il mondo.

XLV.

(Къ стр. 254, прим. 4).

Вознагражденіе профессоровъ и др. (Ср. также стр. 252 прим. 1 и стр. 272 прим. 1). Pomp. Leto (Conti [1484, I, 191] называетъ его Fortunato) получалъ (по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Tommasini: Registri'della gabella dello studio 1481/2 стр. 118) ежегодно 200 римск. дукатовъ. — Alea въ автоб. на стр. 18, 19, что онъ въ Орлеанѣ (1510) получалъ отъ одного слушателя лекцій греческ. яз. съ 10 дек. до 20 апр. содержаніе и 20 scutati, а за совмѣстныя лекціи нѣскольк. учениковъ по 1 scutati въ мѣсяць отъ каждаго. На стр. 19 sq. находимъ указаніе на учениковъ, платившихъ неодинаково, отъ 1 до 7 fes.; далѣе о томъ-же до стр. 22. — Arguropulos получалъ во Флоренціи въ 1480 г. по 350 fr. въ годъ, Giorn. stor. XXXI, 464. — По свѣдѣніямъ находимымъ въ Nuova antol. 3, ser. vol. 32 стр. 43 (изъ Ruolo dello studio di Roma) въ Римѣ въ 1514 г. высшій окладъ былъ для литераторовъ 300 дукатовъ, а для врачей 350. — Sadoletto (epist. car. 162) сообщаетъ въ 1520 г. Longolius'у, что во Франціи онъ можетъ получать больше чѣмъ принято платить вообще, а именно 400 дукатовъ. — Гуарино получилъ въ Веронѣ въ 1419 и опять 1424 ежег. 150 скуди; въ 1432 его переманили изъ Феррары, гдѣ онъ получалъ 350 (Giorn. lig. 18, 113. тамъ-же стр. 278), позднѣе съ 1436 городъ платилъ ему около 300 скуди (— 500 lire marchese). — Pontaleone di Gi-

vanni del regno di Napoli, проф. грамматика въ Болоньѣ, 1384, 88/89, 1407/8 получалъ ежегд. 50 libr. Bonon. (замѣч. въ письмѣ Salutati II, 363). — Въ Sorzano въ 1407 г. жалованье magistris gramatice legentis et docentis платилось изъ соляной подати, Giorn. lig. III, 126. — Данныя о вознагражденіи художниковъ и цѣнахъ на произведенія искусствъ находимъ въ изобилии въ соч.: Müntz, Les arts à la cour des papes (passim). (Соч. Gloria J più lauti onorari delgi antichi professori in Padova e i consorzi universitari in Italia, Padua 1887 — мнѣ неизвѣстно). — Chalkondylas получалъ въ Падуѣ (1463) 400 гульденовъ. Въ Миланѣ съ 1492 : 562, съ 1495 : 750, съ 1497 : 1162 гульдена, но часто встрѣчались отступленія, срв. Giorn. ligust. 19, 362. — Filelfo три раза оставлялъ Болонью ради больш. жалованья, какъ объ этомъ свидѣтельствуеть Fr. Gabotto, Arch. stor. ital. ser. 5, vol. IV, стр. 51 sqq. — P. C. Decembrio получилъ въ 1456 г. отъ короля Альфонса содержаніе въ 600 дукатовъ по нѣктр. указаніямъ, но Legrand (стр. 87) сомнѣвается въ этомъ. — M. Musurus въ 1508 г. получалъ въ Падуѣ 140 гульд., какъ профессоръ греческаго яз. N. Arch. Ven. III, 464. — Списки жалованій въ Падуѣ, въ 1517 г. см. Sanudo 24, 67 sqq. (Тоже часто встрѣчается и у другихъ). 4 юриста: 300, 150, 70, 35; 5 врачей: 350, 300 (2), 80, 50; философы и теологи отъ 35 до 150, послѣднюю сумму получаютъ только двое. Въ заключеніе опять два lectori in humanita (ср. прил. XXX.), одинъ реторики, другой греческаго яз. 80 — 70 гульд. — Sanudo 25, 177 sq.: Въ Падуѣ, янв. 1518 г. юристъ 80 fl.; въ слѣдующемъ году онъ же читаетъ каноническое право и получаетъ 130 fl., другой 80, третій только 20, четвертый 50 (съ слѣд. г. 200), пятый 450. Экстраординарный профессоръ медицины получаетъ 30, хирургъ che è letion utilissima 100 fl. Одинъ миланскій врачъ призывается въ Падуѣ съ жалов. 650 fl. тамъ-же стр. 31. — Giorgio Vala получаетъ въ Павіи 1467 — 1476 ежегодно 50 и 208 гульд. N. Arch. Ven. I, 304. — Палачъ въ Римѣ получалъ 1486 г.: 24, 1497: 36 дукатовъ въ годъ. Кромѣ того, онъ получалъ отдѣльно по 360 за повѣшеннаго и сожженіе тѣла. Повѣшиваніе и четвертованіе стоило 10 юл. — Тѣлесное наказаніе (женщ. также), отсѣченіе руки, сожженіе языка дѣлались по особой такѣ; такихъ доходовъ онъ имѣлъ въ 1515 г. семь разъ, въ 1516—шесть,

1517 и 18 около 5. Bertolotti, Riv. di discipline carcerarie a. XVI, fasc. 3. — Венеціанскій посолъ во Франціи получалъ 120 дукатовъ въ мѣсяцъ, 1513, Sanudo 16, 263. — Sercambi (з. 350 — 357) исчисляетъ городское хозяйство въ Луккѣ ежем. въ 5185 florini lordi въ годъ 62. 200=fiorini netti 56, 220. Сыновья государя имѣютъ каждый свой штатъ. Paolo Guinigi держитъ шесть стражей, которые вмѣстѣ съ лошадьми обходятся въ 36 fl. въ мѣсяцъ, 3 поваровъ. На lumine въ городѣ расходуется 30 fl. въ мѣсяцъ, due trombetti получаютъ 12 fl. — Очень маленькое содержаніе получаетъ библіотекаръ, 1451: 18, 1454: 12 fl. — Canonica fiorentina. Arch. stor. ital. ser. V. vol. I стр. 55.

XLVI.

(Къ стр. 259, прим. 2).

Сочиненія о воспитаніи. — Этого рода сочиненія большею частью въ извлеченіяхъ съ затемняющими заключеніями и критическими замѣчаніями издателей см. G. V. Gerini, Gli scrittori pedagogici italiani del secolo decimo, quinto 1896. Лучше обработаны P. P. Vergerio, Vittorino, Maffeo Vegio, Enea Silvio, L. B. Alberti, Matteo Palmieri, Fr. Filelfo (срв. н.) Fr. Patrizi, Guarino, Fr. Barbaro, Lion. Bruni. — Англійскіе переводы педагогическихъ сочиненій Vergerio, Bruni, Enea Silvia, B. Guarino съ интересными статьями: Vitti da Feltre and other humanist educators. Essays and versions. An introduction to the history of classial education by W. H. Woodvard. Cambridge 1897. — Интересныя свѣдѣнія о воспитаніи въ письмѣ Marcantonio Amalteo 1525. Онъ начинается моралистическими стихами Катона, переходитъ затѣмъ къ Энеидѣ Virgilія, далѣе слѣдуютъ Саллустій и Цицеронъ. — Jacopo da Porcia, De liberorum educatione Treviso 1492, совѣтовалъ до десятаго года обучать дѣтей дома, при помощи учителей, а затѣмъ посылать въ школу, гдѣ они должны читать Цицерона, Саллустія и Ливія. — Мораль онъ ставитъ на второмъ планѣ: хорошіе говоритъ онъ, стануть отъ нея лучше, дурные—хуже, ср. Cian, Cavassico I, XVI—XVIII. — Fr. Filelfo написалъ въ 1473 — 1481 также (не оконченное) сочиненіе о воспитаніи de morali philosophia (неодно-

кратно изданное въ свѣтъ), которое не должно смѣшивать съ *De liberorum educatione*, принадл. Maffeo Vegio, ошибочно приписываемое Filelfo. (Ср. Messer, Arch. f. Gesch. d. Philos. IX, 3.)—Greg. Corragos написалъ гекзаметромъ *Libellus didascalicus quomodo educari debeant pueri* (1430), недавно помѣщенное у V. Krampe, *Die ital. Humanisten und ihre Wirksamkeit für die Wiederbelebung gymnastischer Pädagogik*, Breslau 1895 (въ текстъ подробный разборъ соч. Vegio, Vergerio, Filelfo, E. Silvio, Jac. Sadoleto, Hier. Mercurialis, Hier. Cardanus. — Интересно такъ-же соч. *de educatione* приндл. Ant. Galateus, срв. B. Croce, *Giorn. stor.* 23, 394 — 402 въ которомъ въ особенности выдвигается итальянскій взглядъ на испанскіе нравы. — На огромное вліяніе Квинтиліана на итальянскихъ педагоговъ указалъ Messer, *Jahrb. f. Philol. u. Pädag.* т. 156, также отд. изд. Leipz. 1897. — Въ нѣмецкомъ переводѣ (*Bibliothek der katholischen Pädagogik*, Freib. i. Br. т. II и VII) появились педагогич. соч. M. Vergio, E. Silvio, кардинала Joh. Dominici и другія педагог. соч. Италиі XV в., послѣдній томъ обработанъ A. Rösler'омъ.

XLVII.

(Къ стр. 282, прим. 2).

Bembo и *Sadoleto*. Письма Bembo и Садолето печатались не разъ; первыя, на примѣръ, въ его *Opera*, Basel, 1556, vol. II, гдѣ надо различать письма, написанныя по порученію Льва X и личную корреспонденцію; вторыя (Садолето) въ болѣе совершенномъ видѣ 5 томовъ, Римъ 1760 г. Нѣкоторыя дополненія къ тѣмъ и другимъ даетъ Carlo Malogola въ журн. П. Varetti, Turin 1875 г. — Относительно „Asolani“ Bembo ср. т. II ч. 2 гл. 1. О значеніи Садолето для латинскаго языка одинъ изъ современниковъ Petrus Alcyonius (*de exilio*, ed. Menken, стр. 119) высказался такъ: *Solus autem nostrorum temporum aut certe cum paucis animadvertit elocutionem emendatam et latinam esse quasi fundamentum oratoris; ad eamque obtinendam necesse esse latinam expurgare quam inquinaverunt nonnulli exquisitarum literarum omnino rudes et nullius iudicii homines qui partim ex circumpadanis municipiis, partim ex transalpinis provinciis in hanc urbem*

confluxerunt. Emendavit igitur eruditissimus hic vir corruptam et vitiosam latinae linguae consuetudinem, pure ac integra loquendi ratione.

XLVIII.

(Къ стр. 284 и далѣе).

Ораторы, рѣчи и проповѣди. — О громкой извѣстности Pomprunazzo, какъ оратора, см. Paul Jov. Elogia vir. doct. стр. 134; замѣчаетъ между прочимъ, что Р. старался иногда говорить такъ, чтобы слушатели могли слѣдить за каждымъ его словомъ. — О немъ же ср. до сихъ поръ мало или вовсе не обращавшій на себя вниманіе разсказъ его ученика Luca Gaurico. L. G. сообщаетъ далѣе, что у Р. была большая голова и красивое лицо. Онъ носилъ всегда шерстяной шарфъ. Онъ былъ три раза женатъ и пользовался, повидимому, благосостояніемъ въ домашней жизни. Единственной дочери онъ далъ 12.000 дукатовъ въ приданое. — Неизвѣстнымъ мнѣ остался трудъ Cian'a въ Rass. Emiliaua II, 1889, стр. 145 — 156.

Рѣчь по тетрадкѣ и безъ нея. Вполнѣ законченную и обработанную рѣчь, повидимому, принято было произносить на память; въ этомъ смыслѣ категорически указывается на Gianozzo Manetti (Commentario стр. 39) тамъ-же стр. 64 f. въ заключеніе говорится, что Manetti безъ приготовленія лучше говорилъ, чѣмъ Carlo Aretino, приготовившись. О другомъ, Codrus Urceus, напротивъ, передаютъ, что у него слабая память, а потому онъ читаетъ свою рѣчь (Vita C. U. Ven. 1506, fol. LXX). — Петрарка говоритъ о неудобствѣ заучиванія проповѣди въ своихъ рукописныхъ замѣчаніяхъ къ Квинтилиану, Nolhas, Pétr. et l'hum., стр. 286. — Надъ однимъ ораторомъ многіе смѣются оттого, что онъ то говорить на память, то заглядываетъ въ тетрадь: Paris de Grassis, ed. 1884, стр. 75. — При встрѣчѣ Сигизмондо Малатеста съ Федерико Урбинскимъ оба произносятъ большія рѣчи, при чемъ первый nel mezo del dire cade in dubio ove una scripta poi in man piglia, atto non dhuom che sia in optima estade. Santi стр. 49, lib. IV, cap. 18. — Изъ рѣчей Федерико къ солдатамъ однѣ изъ самыхъ большихъ, наглядныхъ и влія-

тельныхъ у Santi, стр. 90, сар. 42 передъ битвой при Mullinella. Въ томъ-же родѣ сар. 49 передъ битвой при Cerisuolo; самая большая рѣчь (413 ст.) сар. 67, 68, въ флорентійской войнѣ.

Языкъ. — Официальныя рѣчи, безъ сомнѣнія, произносились преимущественно на латинскомъ языкѣ. Приводимыя Гаспари (Ital. lit. II, 653) свидѣтельства Bendetto Ascolti и Naldi слишкомъ единичны и не могутъ служить доказательствомъ, что тогда принято было говорить по итальянски; безъ сомнѣнія, къ этому прибѣгали только въ тѣхъ случаяхъ, если нельзя было ожидать вовсе пониманія латинскаго яз.; довольно характерно то, что одинъ изъ приводимыхъ Г. примѣровъ относится къ Венеціи. — Савонарола говорилъ по итальянски, см. стр. 294 прим. 2. — Иностранцы пользовались часто роднымъ языкомъ, см. P. de Grassis (нов. изд. стр. 27, 67, 79): французскій король говорилъ по французски, испанскій посоль по итальянски, *dux Albaniae*, посоль шотландскаго короля, — на своемъ языкѣ, вѣрнѣе по англійски.

Проповѣдь въ присутствіи папъ. — Проповѣдники находили въ папахъ не особенно благодарныхъ слушателей. Левъ X, какъ извѣстно, требовалъ, чтобы проповѣди были короче; тоже говорится объ Александрѣ VI, по случаю вѣнчанія Лукреціи Борджіа, Burchardi Diarium ed L. Thuasne III, 184: *et rara pluribus viribus dixit ei quod citius expediret.* — Тотъ-же Burchardt II, 475 сообщаетъ о томъ, какъ папа ругаетъ одного проповѣдника и хвалитъ другихъ ораторовъ, 500, 541: ораторъ говоритъ объ Александрѣ Великомъ. Нѣкоторые папы оставляли безъ вниманія дерзкія рѣчи; Левъ X приказалъ посадить въ тюрьму монаха, *frater Bonaventura*, который, по случаю болѣзни папы, говорилъ въ проповѣди о его близкой смерти. Par. de Grassis (ed. 1884) стр. 36. — Много примѣровъ тому, какъ молодые люди, напримѣръ, Полиціано, въ проповѣдяхъ упражняютъ свои ораторскія способности, находимъ въ приводимомъ Is. de Lungo (Florentia стр. 197 sq.) Cod. Riccard.

Оцѣнка оратора. Знаменитыя рѣчи собирались и издавались, какъ примѣръ для подражанія, напр. въ Венеціи 1495, 1533, ср. Giorn. stor. 23 стр. 460. — Какъ примѣръ превеличенной оцѣнки оратора можетъ служить слѣдующее:

Ausim affirmare, perfectum oratorem (si quisquam modo sit perfectus orator) ita facile posse nitorem, laetitiam, lumina et umbras rebus dare, quas oratione exponendas suscipit, ut pictorem suis coloribus et pigmentis facere videmus. Petrus Alcyonius de exilio, ed. Menken, стр. 136). — Заслуживаетъ вниманія также сообщаемая Morelli, стр. 126 з. J. 1435 проповѣдь о качествахъ, какими долженъ обладать человѣкъ посылаемый въ качествѣ oratore o legato (разумъ, краснорѣчіе, вѣрность и живость).

Различные города. — Объ отношеніи различныхъ итальянскихъ городовъ къ ораторамъ и гуманистамъ въ высокой степени характерное указаніе въ посланіи Egidio da Viterbo 1503: Neapolis cujusque hominis lingua facile capitur, modo non omnino sit a musa et gratia alienus. Genua studiosae audit curiosiora: Mediolanum numerosa turba opprimit orantem Venetiae quos probant summa et veneratione et liberalitate prosequuntur. Roma, praeter admodum paucos cum sanctissimis feminis, non libenter audit nec quos audit plurimi facit, nisi eruditissimi sint quos audiant. Florentia una non audit modo, verum et veneratur et deos facit. (Arch. stor. per le prov. нар. 9, 449). — Венеція имѣла также своихъ искуснѣйшихъ ораторовъ, ср. G. Voigt II, 425. Тѣмъ не менѣе только исключительныя обстоятельства могли быть поводомъ къ участію главы городского управленія; по крайней мѣрѣ, Bernardo Giustiniani говоритъ въ рѣчи надъ гробомъ Fr. Foscaro, обращаясь къ дожу Pasqu. Malipiero: Quam bene etiam ad egregium decus insolitam ante rem fortuna contulit, ut hujus principis funus tua, illustrissime princeps, majestas honoraret.

Особыя замѣчанія: Къ стр. 285 прим. 3: Яркій примѣръ участія свѣтскихъ ораторовъ въ духовныхъ церемоніяхъ представляетъ Гуарино, фигурирующий на второй свадьбѣ Lionello, при чемъ онъ совершаетъ обмѣнъ колець, Giorn. ligust. 18, 413. = Къ стр. 286 прим. 3: Galeazzo Maria былъ очень отзывчивъ къ рѣчамъ другихъ. Fregosus стр. 624 sq. указываетъ интересный примѣръ такого отношенія, говоря, что генуэзецъ Franco Marchesius сильно повлиялъ на герцога, пославъ ему вазу съ Basilica herba и талантливое объясненіе этого подарка.

О томъ какъ пользовались въ проповѣдяхъ примѣрами изъ Данте и Петрарки см. прилож. XIX.

XLIX.

(Къ стр. 297.)

Историки. Sanudo. Нельзя вполне исчерпать здѣсь этотъ огромный трудъ, тѣмъ болѣе, что новое изданіе его не сопровождается, ни нужными разъясненіями или примѣчаніями, ни алфавитомъ. Тѣмъ не менѣе мы воспользовались многими томами, и этотъ матеріалъ вошелъ въ примѣчанія и приложенія къ I и II томамъ. Здѣсь слѣдуютъ теперь указанія на вновь появившіяся хроники: *Giov. Sercambi* (подробное названіе въ перечнѣ, находящемся въ началѣ книги (род. 18 февр. 1348 г., сынъ аптекаря, наслѣдникъ своего отца, официальный поставщикъ бумаги, воска, чернилъ, лекарствъ и москательныхъ товаровъ для герцога *Paulo Guinigi*, которому онъ помогъ утвердиться въ власти, ум. 27 марта 1424 г. Его хроника написана въ послѣдніе 30 лѣтъ его жизни, содержитъ исторію Лукки, начиная съ 1164 г. до 1400; она же весьма подробно рисуеъ событія 14 и первой четверти 15 вѣка и продолжается почти до конца жизни автора. *Sercambi* помѣщаетъ въ своей хроникѣ часто также новеллы и стихотворенія свои и другихъ авторовъ. Его новеллы изданы *R. Renier, Faresi* 1889. — *Sig. de Conti* заслуживаетъ упоминанія здѣсь, хотя писалъ по латыни; въ свое время пользовался извѣстностью, потомъ совершенно забытъ; онъ родился въ 1440 г. въ Фолиньо, тамъ же получилъ воспитаніе, былъ канцлеромъ, также профессоромъ на родинѣ, въ 1476 г. перешелъ въ Римъ. Онъ былъ папскимъ *scrittore* (должность ниже, чѣмъ *segretario*), принималъ участіе въ различныхъ посольствахъ, и 1503 г. *segretario domestico* папы и пользовался его интимнымъ довѣріемъ. По его заказу, Рафаэль написалъ Мадонну *di Foligno* и на этой картинѣ заказчикъ самъ изображенъ былъ молящимся передъ нею. Онъ умеръ 18 февр. 1512 г., писалъ политическую исторію, главнымъ образомъ касаясь исторіи Италіи вообще и папства въ особенности, но интересовался также политикой другихъ государствъ. Онъ сообщаетъ папскія письма часто въ дословномъ видѣ и строго держится церковной тенденціи, не обнаруживая высокихъ политическихъ горизонтовъ и оставаясь

только образованнымъ итальянцемъ. Его разсказъ отличается ровностью и не прерывается характеристиками, длинными разсужденіями и критикой. Его гуманистическое образованіе обнаруживается не въ эlegantномъ стилѣ, но въ томъ, что онъ обозначаетъ мѣста и предметы классическими названіями: *trigemi*, *cataphracti* (тяжеловооруженные) *sclopetarii* (стрѣлки). Онъ началъ съ 1477, писалъ многое одновременно съ событіями, но приводилъ въ порядокъ матеріалъ до переписыванья, такъ что въ 5-й книгѣ, на примѣръ, отсылаетъ къ 7-ой и т. д. — Хроника *Androa Novacula* (в. стр. прим.) (2 т., Болонья, 1896) начинается 1476 кончается 1517 и трактуетъ, кромѣ Форли (мѣстопребываніе автора), также Романью и Италію. Авторъ обладалъ хорошими свѣдѣніями о многихъ фактахъ, учился у болѣе свѣдущихъ и умѣлъ пользоваться важными документами. Кромѣ того, онъ былъ самъ то участникомъ, то свидѣтелемъ многихъ событій, совершившихся въ его отечествѣ, въ качествѣ частнаго или официальнаго лица. Онъ вѣрилъ указаніямъ современныхъ астрологовъ. Его сообщенія касаются больше всего политическихъ фактовъ, но въ то же время находимъ свѣдѣнія о дороговизнѣ и т. п. (Въ концѣ года перечисляются налоги, цѣны на жизненные продукты, данныя о погодѣ). При случаѣ описываются свадьбы, процессіи; въ 1490 г. призываютъ еврея, чтобы заплатилъ меньше процентовъ; новая улица въ Болоньѣ 1497 (онъ съ удовольствіемъ называетъ ее *mia citta*), карнавалъ 1498, II 171 — 180: процессъ Савонаролы и смерть. Много важныхъ подробностей относящихся къ Екатеринбургѣ и Чезаре Борджіа. Къ сожалѣнію въ этомъ изданіи нѣтъ ни алфавитн. указателя, ни оглавленія, ни объяснительныхъ примѣчаній. Впрочемъ, то, что вышло, доходитъ только до 1501 г. Третьяго тома я еще не видѣлъ (*Gimmillilis* прил. XLIII).

L.

(Къ стр. 304, прим. 1.)

Гомеръ, энциклопедія. — Въ то время уже находили, что одинъ Гомеръ заключаетъ въ себѣ сумму всѣхъ искусствъ и знаній и представляетъ цѣлую энциклопедію.

Ср. Codri Urcei opera sermo XIII, конецъ. (Sermo XIII, habitus in liberarium artium; Opera ed. Ven. 1506, fol. XXXVIII b; здѣсь онъ говоритъ: Eia ergo bono animo esto: ego graecas literas tibi exponam et praecipue divinum Homerum a quo ceu fonte perenni, ut scribit Naso, vatium pieriis ora rigantur aquis. Ab Homero grammaticam discere poteris ab Homero rhetoricam, ab Homero medicinam, ab Homero astrologiam, ab Homero fabulas, ab Homero historias, ab Homero mores, ab Homero philosophorum dogmata, ab Homero artem militarem, ab Homero coquinariam, ab Homero architectoram, ab Homero regendarum urbium modum percipies et in summa quicquid boni quicquid honesti animus hominis discendi cupidus optare potest in Homero facie poteris invenire. Подобное же этому въ Sermo VII и VIII, Opera fol. XXVI sqq., относящееся только къ Гомеру. Впрочемъ Salutati (письма I, 68), хотя сто лѣтъ раньше (1368) находилъ, что Гомера нельзя считать недостижимымъ поэтомъ.

II.

(Къ стр. 305, прим. 3).

Займствованіе именъ у древнихъ. — Женщины легкаго поведенія въ Римѣ называли себя благозвучнѣйшими именами, займствованными изъ классической древности, какъ Джулія, Лукреція, Кассандра, Порція, Виргинія, Пентезилея и т. п., какъ мы это видимъ у Аретино. Куртизанки, начиная свою дѣятельность, выбирали себѣ красивыя звучныя имена, — объ этомъ говорить и Delicado Lozana I, 199; тамъ-же перечень этихъ именъ. Евреи охотно принимали имена знаменитыхъ семитическихъ враговъ Рима: Амилькаръ, Ганнибалъ, Асдрубалъ и др. до сихъ поръ часто встрѣчаемыя въ Римѣ. (Это замѣчаніе, впрочемъ, подвержено сомнѣнію; ни Zunz, Namen der Juden, Leipz. 1837, нов. изд. Zanz, Gesammelte Schriften, т. II Берлинъ 1876 г., ни Штейншейдеръ въ своемъ трудѣ Н. Buonaroti, Ser. II, vo. VI, 1871, стр. 196 — 199 не могутъ указать ни одного еврея, который бы носилъ это имя; и въ настоящее время по даннымъ, полученнымъ герц. Буонсапранги отъ Tagliacoro, завѣдующаго еврейскимъ архивомъ въ Римѣ, см. письмо къ Штейншн.

дек. 1876 г.] только нѣсколько человѣкъ евреевъ носятъ имя Асдрубала и ни одинъ не зовется Ганнибаломъ или Амилькаромъ). — L. V. Alberti, della famiglia opp. II стр. 171 совѣтуетъ тщательно выбирать имя. Maffeo Vegio предостерегаетъ — de educatione liberorum. lib. I, с. X отъ nomina indecora barbara aut nova, aut quae gentiliū deorum sunt; такое имя какъ Неронъ, на примѣръ, является позорнымъ, тогда какъ, напротивъ, имена Cicero, Brutus, Naso, Maro, qualiter per se parum venusta propter tamen eximiam illorum virtutem... Быть можетъ, надо видѣть нѣчто позорное въ томъ, что Pietro Aretino латинизируетъ имя своего зятя Dietallevi, превращая его въ Deus Levis., Arch. Ven. 29, 197 sq. Сюда надо отнести и то, что Яковъ Мантино производитъ фамиліное имя папы Павла III Фарнезе отъ этрускаго или еврейскаго слова „пастухъ“. Fogelstein-Rieger II, 96.

LII.

(Къ стр. 308, прим. 3).

Почитаніе латинскаго языка. Кто хочетъ видѣть весь фанатизмъ увлеченія латинск. древностью ср. Lil. Greg. Gyraldus, de poetis nostri temporis. Vespasiano Bisticci одинъ изъ немногихъ писателей того времени, открыто признающихся въ томъ, что они не очень заняты упражненіемъ въ латинскомъ яз. Commentario della vita di Gian. Man. стр. 2. Тѣмъ не менѣе онъ зналъ довольно, чтобы вплести въ свои сочиненія отдѣльныя латинскія фразы и читалъ латинскіе стихи (тамъ-же 96, 165 f). Интересный примѣръ особаго отношенія къ латинск. представляетъ слѣдующее мѣсто изъ Petr. Alcyonius, de exilio ed. Mencken стр. 213: Если-бы, говорить онъ, Цицеронъ ожилъ и увидѣлъ Римъ, omnium maxime illum credo perturbarent ineptiae quorundam qui omisso studio veteris linguae (quae eadem hujus urbis et universae Italiae propria erat) dias noctesque incumbunt in linguam Geticam aut Ducicam discendam eandemque omni ratione ampliandam, cum Goti, Visigoti et Vandali (qui erant olim Getae et Daci) eam in Italos invexerint, ut artes et linguam et nomen Romanum delerent. — О крайней зависимости отъ древнихъ авторовъ

и невозможности оставаться оригинальнымъ говорить *Salutati*, письма II, 145: *nihil novi fingimus, sed quasi sarcinatos deditissimae vetustatis fragmentis vestes quas ut novas edimus, resarcimus*; III, 79 говорится, что древность стоитъ выше *in sapientia et eloquentia* чѣмъ *modernitas*, какого-бы они не были о себѣ высокаго мнѣнія. — И Петрарка также не рѣшался равняться съ древними. Одному изъ друзей *Giov. Dondi*, ставившему на одну доску *Bucolicon* Петрарки съ находившейся случайно въ томъ-же томѣ *буколикой* *Виргилия*, онъ отвѣтилъ: *Hoc in libro consutus est pannus griseus cum scarlatto*. Ср. письмо у *Nolhac, Pétr. et l'hum.*, стр. 18. — Какъ далеко простиралось вліяніе и преобладаніе во всемъ древности, видно изъ того, что *Танара* въ своемъ практическомъ руководствѣ къ охотѣ прежде всего описываетъ охотничьи приемы древнихъ.

ЛIII.

(Къ стр. 310, прим. 3).

Энтузіазмъ къ Цицерону. Весь *энтузіазмъ* къ Цицерону обнаруживается уже у *Jacobo da Porcia: Ciceronis epistolas audiant, his studeant, has sibi familiares faciant, bibant edantque cum illis; quum otium suppetit, has semper legant, has et loquendo et scribendo semper imitari nitantur*. — При упоминаніи о *Лонголіи*, нельзя не обратить вниманіе на его замѣчательное произведеніе *Christ. Longolius, orationes duae pro defensione sua in crimen laesae majestatis, Flor. 1524*, подробно разсмотрѣнное у *D. Gnoli, Nuova ant. 3 ser. vol. 31, 251 — 276, 691 — 716, vol. 32, 34 — 63*. Въ 1519 г. онъ избранъ въ Римѣ почетнымъ гражданиномъ. Это вызвало, однако, неудовольствіе многихъ, оттого что итальянскимъ ученымъ часто отказывалось въ такомъ почетѣ; кто-то розыскалъ рѣчь *Л.* въ честь Франціи въ 1508, содержавшую обидныя для Италіи выраженія, и рѣчь эта была напечатана для широкаго распространенія. *Celsò Mellini* (въ возр. 20 л.) интриговалъ противъ него; во время одного большого судебного процесса 1519 онъ произнесъ рѣчь противъ этого чужестранца, производившую, по словамъ *Кастильоне*, въ письмѣ

къ Изабелѣ д'Есте, такое впечатлѣніе, что Лонголиусъ, если бы онъ былъ при этомъ, *sarebbe stato gettato da le finestre e tagliato a pezzi*. Лонголиусъ написалъ отвѣтную рѣчь и читалъ ее передъ многими своими могущественными друзьями. Его жесточайшій противникъ С. М. утонулъ въ 1519 г.; Л. вернулся въ Италію, жилъ у Bembo въ Венеціи, предавался всецѣло изученію Цицерона, обработалъ свою рѣчь по образцу этого писателя и прибавилъ защиту противъ Mell. эта рѣчь снова напечатана въ 1520 г. въ Парижѣ. Bembo жившій въ Римѣ весною 1520 г. добился утвержденія за Л. гражданскихъ правъ. Но этимъ не кончились непріятности преслѣдовавшія Л. Въ Падуѣ ему пришлось снова пережить такія-же; наконецъ, смерть Льва X лишила его покровителя. Онъ умеръ 54 лѣтъ 11 сент. 1522 г. При посредствѣ Reg. Pole рѣчь Л. появилась въ собр. его соч. Флоренція 1524 г.

LIV.

(Къ стр. 311, прим. 1).

Освобожденіе отъ классическихъ образцовъ. Flav. Blondus въ своихъ *Historiarum decades tres* (Введеніе къ 3-ей декадѣ) говоритъ, что называя полководцевъ *imperatores*, онъ боится вызвать недоразумѣніе, а потому онъ предпочитаетъ выражаться яснѣе, хотя его могутъ за это упрекнуть въ неуваженіи къ классикамъ. Еще выразительнѣе говоритъ Platina. (Посвященіе *Vitae paparum* Сиксту IV): *Sed habeat hanc quoque auctoritatem aetas nostra vel Christiana theologia potius. Fingat nova vocabula, latina faciat, nec veteribus tantummodo id licuisse videatur.* Paul. Jov. *Elogia doct. vir.* стр. 145 говоря о Naugerius, замѣчаетъ, что, идеаломъ знаменитыхъ гуманистовъ, какъ Полиціано и Ermolao Barbaro было: *aliquid in stylo proprium quod peculiarem ex certa nota mentis effigiem referret ex naturae genio. effinxisse.* Poliziano къ Cortesius'у (*Epist. lib. VIII, ep. 16*): *Mihi vero longe honestior tauri facies, aut item leonis quam simiae videtur; на это Cortesius отвѣтилъ Ego malo esse assecla et simia Ciceronis quam alumnus.* Полиціано стѣснялся писать письма по

латински, если не имѣлъ времени для обработки, см. *Raph. Volat. Comment. urban. L. XXI*. Взглядъ Пико на лат. яз. ср. в. стр. 242 прим. 1 (письмо).

LV.

(Къ стр. 312, прим. 2).

Представленіе древнихъ комедій. — О представленіи *Amphytruo* въ *Treviso* въ 1518 г. сообщаетъ *Sanudo 25, 253*. — Первое представленіе *Ruzzante* въ Венеціи 13 фев. 1520 г. *Calmo, Lettere*, стр. XX. *Ruzz.* обработалъ въ 1533 г. двѣ комедіи Плавта и получилъ въ Венеціи разрѣшеніе ихъ печатать, см. тамъ-же XXIII: *Asinaria (Vaccaria)* и *Rudens (Piovana)*. — Представленіе плавтіановскихъ и Теренціановскихъ пьесъ до 1520 г. *d'Ancona, Origini II, 227 — 232*, съ 1531 г. *Calmo, Lettere* стр. XIV. Въ особенности извѣстенъ былъ какъ актеръ *F. de Nobili (Cherea)*. Въ то время давались также представленія *Mandragola* и другихъ современныхъ пьесъ, тамъ-же XVII sq. Ср. также XIX, прим. — Много данныхъ см. Z. I 296 297, прим.

LVI.

(Къ стр. 319, прим. 3).

Охоты Льва X. Объ охотахъ Льва X сообщаетъ *Domenico Bossamazzo*, бывший вродѣ егермейстера папы: *De Varii et divese cose apartinenti alii cacciatori*, Римъ 1548 г., найдено и использовано у *D. Gnoli, Le cacce di Leone X (Nuova ant. ser. III vol. 43 стр. 433 — 648)*. Повидимому папа не принималъ почти активнаго участія въ охотѣ и оставался зрителемъ. (Во время одной изъ этихъ охотъ добрякъ *Mariano* упалъ въ ровъ; та же участь постигла позднѣе *P. Giovio*). На стр. 624 перечень охотъ 1513 — 1530. Дополн. къ „*caccie di Leon X*“ даетъ *Abd. Salza. L'Umbria I, 5 — 6*. — Сюда же надо отнести появившееся уже позднѣе (въ первой половинѣ 17 в.): *La caccia degli ucelle di Vincenzo Tanara da un manoscritto inedito della biblioteca comunale di Bologna per*

cura di Alberto Vacchi della Lega. Bologna 1886 г. (*Curiosità letterarie* 201). Въ введеніи находятся замѣчанія и извлеченія изъ сочиненія того же содержанія Bartolomeo Alberto, носящ. назв. *il Solfanaro*. Этотъ трудъ Tanaro составляетъ въ сущности вторую часть его *essonomia del cittadino in villa*. Въ первой книгѣ этой 2-ой части находится охота на quadrupedi..

LVII.

(Къ стр. 328, прим. 1).

Coryciana. — О группѣ святыхъ изваянной для Corycius'a и посвященныхъ ей стихотвореніяхъ см. Roscoe, Leone X, ed. Bossi VII, 211 — 216, VIII, 214 — 221 (письма изъ Кориціанскаго сборника) и P. Schönfeld: A. Sansovino, Штутгартъ 1881. Онъ же перевелъ нѣкоторыя стихотворенія: *Grenzböten* 1881 т. I. Напечатанный очень рѣдкій теперь сборникъ этихъ Coryciana 1524 г. содержитъ только латинскія стихотворенія: Vasari видѣлъ у Августиновъ еще особую книгу, въ которой находились также сонеты. (Срв. Geiger, *Vortr. u. Versuche*, Дрезденъ 1889). Наклеиванье стихотвореній на статуи стало до такой степени заразительнымъ, что группу пришлось оградить рѣшеткой и даже вовсе скрыть отъ глазъ. Печальный конецъ этого челоуѣка послѣ Sacco di Roma см. Piero Valeriano, *de infelic. literat.* ed. Mencken стр. 369 sq. Интересное замѣч. о немъ см. Alea, автобіографія стр. 17 (27 Juli 1516): Corycius de more celebravit annalia, data saliarum coena in hortis suis, magno doctorum et clarorum virorum conventu, ubi et ipse invitatus interfui, discumbens sub porticu, sodalibus mihi datis Judaceo Colotio, Ulysse Fanensi, Beroaldo Juniore. — Имя Cor. было настолько извѣстно, что даже за предѣлами Рима появились сборники стихотвореній съ его именемъ. Ср. Gorrucia Lodovici Rigi pictorii (sic) Ferrariensis, Венеція 1520. (Привд. у Gnoli стр. 70 sq. подробно о Coryciana). Въ этихъ Coryciana появилось также въ первый разъ стихотвореніе Franc. Arsillus'a de poetis urbanis съ введн. письмами Silvanus'a и Corycius'a; позднѣе напечатано нѣсколько разъ, напр. у Roscoe, A Leone X, изд. Bossi, т. III

стр. 223 f. (ср. тамъ-же стр. 216 — 222) также въ *Deliciae*. Срв. Paul. Jov. *Elogia vir. doct.* стр. 179, гдѣ упомн. *Arsillus*. Въ нашемъ стихотвореніи *Arsillus* пользуется свободой своего сужденія и хвалить почти все. Далѣе о многочисленныхъ эпиграмматикахъ *Lil. Greg. Giraldu.* Одно изъ злѣйшихъ перьевъ *Marcantonio Casanova. Giraldu, ed. Votke* стр. 37. Относительно *M. C.* ср. *Pier. Valer. de infel. lit. ed. Meneken* стр. 376 f. и *Paul. Jov. Elogia vir. doct.* стр. 142 sq.; послѣдній впрочемъ, говоритъ о немъ: *nemo autem eo simplicitate ac innocentia vitae melior*, и *Arsillus* говоритъ о его *placidi sales*. Нѣкоторыя изъ его стихотвореній также въ *Corusciana I, 3 a sq., L I a L 4 b.* — Изъ менѣе извѣстныхъ надо выдѣлить *Jo. Thomas Musconius. (Deliciae)*.

LVIII.

(Къ стр. 333, прим. 2).

Необыкновенныя дѣти часто встрѣчаются въ то время, но доказательства этому трудно привести. *Yriarte II, 50 f.* полагаетъ, что дѣти въ то время вообще рано созрѣвали, но доказательства этому не представляетъ. — *Giulio Campagnola* род. въ 1480 г. и въ 15 лѣтъ уже былъ извѣстенъ какъ живописецъ, ученый, музыкантъ и поэтъ, при чемъ его развитіе не было вызвано однимъ честолюбіемъ. Ср. *Scardeonius, de urb. Patav. antiq. y Graev. thesaur. VI, III Col. 276.* *A. Luzio* сообщаетъ въ *Arch. stor. dell'arte 1889 I, 184 sq.* приглашеніе родственникомъ на совѣтъ въ Мантуѣ (1497), впрочемъ, безуспѣшное. *G. C.* родился 1498 въ Феррарѣ, годъ смерти не извѣстенъ. Замѣчательный ребенокъ *Cechino Bracsei* умеръ въ 1544 г. на 15 году, ср. *Trucchi poesie ital. inedite III, стр. 229.* — Была попытка также 16-лѣтняго епископа поставить въ этотъ рядъ необыкновенныхъ людей (1504 *Paris de Grassis, Creighton IV, 269*), но чудо объясняется здѣсь просто nepотизмомъ. О томъ, какъ отецъ *Cardano* пытался ему *memoriam artificialem instillare* и обучалъ его въ дѣтскомъ возрастѣ астрологіи, ср. *Cadanus, de propria vita, cap. 34.* — Сюда можно было бы причислить *Manoello* (см. в. прил. XLIII), если-бы можно было придать серьезное

значение его словамъ о себѣ: „Въ шесть лѣтъ я былъ такимъ же, какъ въ восемьдесятъ“. Ср. Litbl. des Orients 1843, стр. 21. Быть можетъ, слѣдуетъ, въ самомъ дѣлѣ, упомянуть о чудесномъ ребенкѣ, о которомъ говоритъ Burgardus въ своихъ Diariae (Heidenheimer, Grenzboten 1879, III, стр. 88), что онъ (1504) шести лѣтъ изображалъ Меркурія съ удивительной граціей и вполне соотвѣтственно обстоятельствамъ, или того десятилѣтняго мальчика, который 3 мая 1499 г. два часа говорилъ проповѣдь въ присутствіи папы (Diarium ed. Thuasne II, 529): Magna fuit et singularis pueri dexteritas, facundia et memoria et non minor animus cum voce piissima. — Замѣчательный примѣръ ранней зрѣлости представлялъ Guidobaldo Ruggiero изъ Реджіо, 14-ти лѣтъ написавшій интермедію и разыгравшій ее при помощи сверстниковъ. — Полиціано упоминаетъ въ одномъ письмѣ о двѣнадцатилѣтнемъ мальчикѣ, который одновременно диктовалъ пять писемъ на разныя заданныя ему тутъ же темы. Семилѣтняго Piero de Medicini нельзя причислить къ такимъ необыкновеннымъ дѣтямъ, несмотря на его латинскія письма (ср. Isidoro del Lungo 1887 и Ztschr. für vhl. Litgesch. N. F. II, 258 f.). Также не подходитъ подъ это опредѣленіе Battista Sforza, герцогиня Урбинская, дочь Constanza Varano — послѣдняя тоже была ученая женщина, ср. В Feliciangeli, Giorn. Stor. 23, о которой Sabbadino degli Arienti на стр. 289 рассказываетъ, что она четырехлѣтнимъ ребенкомъ произнесла въ Миланѣ небольшую латинскую рѣчь, къ общему изумленію слушателей. Многочисленныя стихотворенія относящіяся къ Battista Sforza собраны у Zannoni, Atti della acc. dei Linc. V, 4 (1894 г.) стр. 495 ff. — Нерѣдки примѣры 11 — 16 лѣтнихъ дѣвушекъ произносившихъ публичныя рѣчи. — Anna Gonzaga, дочь Ercole II, семи лѣтъ исполняла роль въ пьесѣ Теренція, Andria въ 1533 г.

LIX.

(Къ стр. 337, прим. 1).

Самобійство. Не знаю на чемъ E. Münz, Revue hist. 53, 12 основываетъ свое мнѣніе, что въ 16 вѣкѣ самоубійства очень усиллись. (Роль епископа Lud. de Gonzaga въ

самоубійствѣ добродѣтельной дѣвушки *Bandello I, 8*). — Въ противность Мюнцу можно сказать, что случаи самоубійства выдающихся людей рѣдко повторяются. Чаще всего самоубійство вслѣдствіе несчастной любви. Интересные случаи самоубійствъ въ XV и XVI в. при помощи голода, яда или повѣшенія перечисляетъ *E. Motta, Arch. stor. lomb. XI e. 16 sqq.*, обѣщавшій составить *bibliografia del suicidio!* Тамъ-же приведены случаи самоубійствъ въ 1468 и 1543 въ Лоди и Миланѣ: юноши и старцы, также молодая дѣвушка 18 лѣтъ *semifatua* и женщина 60 лѣтъ, далѣе многіе плѣнные. Роды смерти различныя. Самое удивительное то, что одна женщина *dum malifice cuidam anni praestigiatam se asserenti credit illius jussu caput lavit cum aqua cineris frigida et calce vive inde epileptica (sic) fata et subinde letargica sine signis suspicionis . . . decessit.* — *Pomponazzo* покончилъ съ собой, безъ сомнѣнія, не ради послѣдовательности своимъ материалистическимъ возрѣніямъ, но потому что испытывалъ невыносимыя страданія отъ каменной болѣзпи и вслѣдствіе того впалъ въ ипохондрію. — Краткая эпиграмма *De quodam qui se ipsum occiderat Dactii Carmina* стр. 65 направлена противъ того, кто прибѣгаетъ къ самоубійству изъ-за любви. — *Landucci* также приводитъ случаи самоубійствъ флорентійскихъ гражданъ 1478, стр. 29: малолѣтняго (?) въ 1502, тамъ-же стр. 248 дѣвушки 1508, стр. 288 два самоубійства въ одинъ день 1513 стр. 340. О самоубійствѣ *Pier Leonі* изъ Сполето, врача Лоренцо Медичи, покончившаго съ собой тотчасъ послѣ кончины знаменитаго пациента, находимъ подробности въ письмѣ *Bartolomeo Dei* къ его дядѣ *Benedetto* 14 апр. 1492, сообщ. *Frattj, Arch. stor. ital. ser. V vol. IV 255 sq.*

LX.

(Къ стр. 340 и сл.).

Pomponio Leto. Кромѣ указаннаго въ прим. въ новѣйшее время стали извѣстны еще источники о *Pompr. Laet.* Ср. надгробную рѣчь *Petrus Marsus*, изъ которыхъ даны извлеченія въ *Zeitsch. f. frg. Littgsch. u. N. Lit. N. F. т. IV Ср.*

далѣ Pomponii Laeti Epicedion ad. Jo Julium Picianum Casuentinum въ сборникѣ: Iustuli Spoletani Opera, Римъ 1510. Нѣкоторыя сообщенія о Pompr. Leto, его ученіи, разговоръ у Alberti, passim. напр. стр. 40. Письма Р. Л. къ Roderigo de Arevalo, кастеллану V. Angelo (Creighton III, 267 — 284, вмѣстѣ съ отвѣт. R.) представляютъ характеръ автора не въ благоприятномъ свѣтѣ. Похвала Павлу III, лесть начальника тюрьмы не внушаютъ уваженія. Иногда кажется, что имѣешь дѣло со стилистическими упражненіями, злоупотребляющими именемъ великаго ученаго. Защитительное посланіе Р. Л. помѣщ. J. Carini въ посвященномъ В. Cian'у поззе 1894 г. (срв. Giorn. stor. 24, 331) усиливаетъ непріятное впечатлѣніе. Р. Л. обращаетъ вину на своего давнишняго друга Filippo Buonassorsi. Онъ отрицаетъ все не-христіанское, въ чемъ онъ дѣйствительно правъ и хочетъ выдать себя за приверженца палы и скромнаго благочестиваго человѣка, что ему не удастся. — Исторія академій въ Италіи и отношеній ихъ къ религіи и философіи того времени еще остается предметомъ изслѣдованій. Интересныя указанія далъ Ludwig Keller, Monatshefte der Comenius-Gesellschaft VII, 1898 стр. 269 ff.

